This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

W 1284

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Іюль.

LEGR. LEGEVLREIN
KÖNIGSBERG (PR.)

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 94.
1905.

Піонеры.

Изъ хроники одного мѣстечка.

Очеркъ второй.

„Разрушители ограды“.

(Продолженіе [1]).

XIII.

На слѣдующее утро Миркинъ проснулся въ самомъ мрачномъ настроеніи - и тотчасъ же категорически рѣшилъ, что единственной причиной такого его настроенія — ссора съ Шифринымъ, грозившая очень печальными послѣдствіями. Шифринъ былъ почти единственнымъ человѣкомъ, который въ критическіе моменты могъ добывать сравнительно крупныя суммы, въ пять и даже десять рублей, на экстренныя или хроническія нужды. Теперь этотъ источникъ пропалъ, и какъ разъ въ такой моментъ, когда необходимо уплатить слесарю и когда предвидятся новыя и новыя нужды... Миркина мучила мысль, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права ссориться съ Шифринымъ. Да и чего онъ такъ взбеленился на Шифрина? Въ сущности, многое изъ того, что тотъ сказалъ, истинная правда... „Есть люди, которые бываютъ ужасно строги къ другимъ...“—подумалъ онъ съ ѣдкой ироніей, вкладывая въ эту мысль тонкій намекъ на свое собственное поведеніе.

Онъ отправился сперва въ синагогу и черезъ одного ешиботника передалъ четыре рубля 50 коп. двумъ товарищамъ, бывшимъ

[1]) См. „Кн. Восх.“ Іюнь.

ешиботникамъ, оставившимъ ешиботъ, чтобы приготовиться въ гимназію, и жившимъ гдѣ-то за городомъ, совершенно уединенно. Остальные 4 рубля онъ отнесъ въ „Орей-миклотъ“ на всю компанію на мѣсяцъ жизни. Въ „Орей-миклотъ“ всѣ уже были въ сборѣ и ждали только Миркина, который, между прочимъ, долженъ былъ принести и главное „орудіе обрученія“, серебряную монету въ 20 коп.

Часа въ два товарищи отправились къ лавкѣ Беряшева. Улеръ ушелъ впередъ, на развѣдки, пришла ли Соня въ лавку. Остальные—Миркинъ, Фаевичъ, Ципоринъ и Корнблатъ—остались ждать его въ ближайшемъ городскомъ садикѣ. Всѣ были взволнованы, какъ-то торжественно настроены и молчали.

— Какъ это ты рѣшился оставить на цѣлыхъ нѣсколько часовъ свои учебники?—обратился Миркинъ полушутя, полусерьезно къ Корнблату.

— Ничего! Мое не пропадетъ!—отвѣтилъ ему весело, съ нѣсколько лукавымъ видомъ Корнблатъ, какъ бы собираясь сообщить, что онъ кого-то надулъ.—Я рѣшилъ эту ночь не спать и работать—я еще выгадаю нѣсколько часовъ.

Черезъ полчаса прибѣжалъ Улеръ.

— Ну, скорѣй, идите! — прошепталъ онъ, задыхаясь.—Она только что пришла въ лавку съ матерью... Отецъ уже тамъ!..

— Идемъ!—проговорилъ рѣшительно Фаевичъ.

— Постой!—остановилъ его Улеръ.—Вѣдь ты—женихъ, надо тебя благословить!

И, протянувъ руки надъ головой Фаевича, онъ проговорилъ набожнымъ тономъ:

— И да благословитъ тебя Господь Богъ Авраама... Михайлишкера, Исаака... Лебензона, Якова... Рейфмана [1]), Моисея... Дессера [2]), Аарона... Шацкеса [3])...

---

[1]) Авторъ многочисленныхъ статей по еврейской экзегетикѣ и археологіи.

[2]) Мендельсонъ.

[3]) Авторъ очень популярной въ то время книги „Hamafteiach“ (ключъ къ талмуду).

— Оставь! оставь! Некогда!—прервалъ его Миркинъ.—Ступайте! И помните: Корнблатъ и Ципоринъ входятъ раньше, а ты Фаевичъ только черезъ минуту, когда имъ ужс будутъ показывать товаръ... Ну, идите! Я съ Улеромъ будемъ васъ ждать здѣсь...

Когда Корнблатъ и Ципоринъ вошли въ лавку Беряшева, тамъ не было покупателей. За прилавкомъ стояла мать-Беряшева и складывала развернутые куски ситцу. Отецъ-Беряшевъ сидѣлъ въ сторонѣ рядомъ съ старымъ евреемъ, который говорилъ не громко, но горячо, повидимому, стараясь убѣдить въ чемъ-то собесѣдника и поспѣшно загибая правой рукой палецъ за пальцемъ на лѣвой. Беряшевъ слушалъ его молча, насупившись, нѣсколько недовѣрчиво, и поглаживалъ большую съ просѣдью бороду.

Корнблатъ и Ципоринъ смѣло вошли въ лавку и, не взглянувъ даже въ сторону Сони, которая при видѣ ихъ поблѣднѣла и какъ-то даже отшатнулась, подошли къ прилавку и обратились къ Беряшевой-матери.

— Покажите намъ холстъ на рубашки,—попросилъ Корнблатъ.

— На рубашки,—повторилъ за нимъ Ципоринъ.

Беряшева сняла съ полки кусокъ холсту и стала имъ показывать.

Старикъ Беряшевъ мелькомъ и съ удивленіемъ взглянулъ на покупателей. Такихъ покупателей онъ рѣдко видѣлъ въ своей лавкѣ. Покупать холстъ приходятъ обыкновенно женщины. Да и что это за странные молодые люди, какіе-то оборванцы и въ короткихъ сюртукахъ?.. „Должно быть изъ компаніи шкоцимъ“ промелькнула у него мысль—и онъ какъ-то невольно перевелъ глаза на Соню, которая стояла за прилавкомъ блѣдная и растерянная. Старика охватила какая-то смутная тревога и онъ, наморщивъ лобъ и продолжая однимъ ухомъ слѣдить за рѣчью собесѣдника, сталъ внимательно слѣдить за подозрительными покупателями.

Въ это время вошелъ въ лавку Фаевичъ, держа въ крѣпко зажатой рукѣ серебряную монету. Онъ вошелъ поспѣшно, прямо подошелъ къ Сонѣ и проговорилъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ, слишкомъ громко и быстро, какъ заученную фразу:

— Покажите мнѣ шарфъ, теплый, хорошій и не дорогой!

— Какой вамъ... шарфъ?..—переспросила, совершенно растерявшись, Соня и, спохватившись, прибавила поспѣшно:—Сейчасъ! я вамъ покажу!.. И стала тащить съ полки пачку шарфовъ.

Появленіе третьяго юноши такого же вида, какъ и первые два, окончательно убѣдило старика Беряшева, что дѣло тутъ не ладно. Съ минуту глядѣлъ онъ испытующимъ взглядомъ на Фаевича, который, къ тому же, показался ему знакомымъ. И вдругъ онъ вспомнилъ, что онъ нѣсколько разъ видѣлъ этого юношу въ компаніи самаго главнаго виновника всѣхъ безумствъ Сони—Миркина. Старикъ даже вздрогнулъ при этомъ открытіи. „Они хотятъ?..“ промелькнулъ у него въ мысляхъ вопросъ—и тотчасъ же послѣдовалъ за нимъ отвѣтъ: „Обручить ее!!“

Быстро и сильно спустилъ Беряшевъ руку на колѣно собесѣдника, приглашая его этимъ замолчать. Тотъ сразу оборвалъ свою рѣчь и съ удивленіемъ оглянулся, ничего не понимая. Беряшевъ въ это время поднялся, зашелъ за прилавокъ и, устремивъ на Фаевича острый, допрашивающій взглядъ, спросилъ его строго:

— Какіе шарфы тебѣ нужны, молодой человѣкъ?

— Я вѣдь... ему показываю...—проговорила упавшимъ и дрожащимъ голосомъ Соня.

— Ступай туда!—приказалъ ей властно отецъ и протянутой рукой сильно отстранилъ, почти оттолкнулъ ее къ маленькой комнатѣ, бывшей за прилавкомъ.—Я самъ здѣсь справлюсь съ э-этимъ покупателемъ!

И, бросивъ снова инквизиторскій взглядъ на Фаевича, онъ повторилъ какъ-то ехидно:

— Значитъ, тебѣ шарфъ нуженъ? да?

— Да!—отвѣтилъ со смѣлостью отчаянья Фаевичъ.—Получше, чѣмъ этотъ!..—прибавилъ онъ разсматривая шарфъ, поданный ему Соней.

Корнблатъ и Ципоринъ, замѣтивъ, что все провалилось, начали искать путь къ приличному отступленію.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не такого холста!—проговорилъ поспѣшно

Корнблатъ.—Намъ нуженъ... иной, совсѣмъ иной холстъ... Другого сорта... съ крапельками, съ черными крапинками! — прибавилъ онъ въ сильномъ замѣшательствѣ.

— Холстъ съ... крапинками? — удивилась лавочница.—Вы можетъ быть думаете ситецъ...

— Ахъ, нѣтъ! Вы не знаете! У васъ нѣтъ такого! Пойдемъ!— проговорилъ Корнблатъ и поспѣшно вышелъ вмѣстѣ съ Ципоринымъ.

— Можетъ быть и тебѣ нуженъ шарфъ съ черными крапинками? а?—спросилъ уже угрожающе Беряшевъ и выпрямился.

— Провались сквозь землю, старый дуракъ!—крикнулъ ему съ бѣшенствомъ Фаевичъ и выбѣжалъ изъ лавки.

— А-ахъ, выкрестъ!! А-ахъ, „мамзеръ"!!—закричалъ въ ярости Беряшевъ, бросившись было за Фаевичемъ съ кулаками, но остановился на порогѣ лавки.

Растерянные, красные отъ стыда и огорченія, дошли товарищи до садика.

— Ну? что? „мазолъ-товъ"?—бросился имъ навстрѣчу Улеръ.

— Убили!! Провалили!!—крикнули въ отчаяньи Фаевичъ и Корнблатъ.—Старый песъ догадался!..

Товарищи нѣсколько минутъ стояли молча съ опущенными руками и затѣмъ поплелись, убитые и обезкураженные въ „Орей-миклотъ".

— Фаевичъ слишкомъ рано вошелъ въ лавку... началъ объяснять неудачу Корнблатъ.

— Надо было со-овершенно иначе все устроить,—отозвался Улеръ.—Слѣдовало подождать, пока отецъ уйдетъ...

— Ну, что думать о томъ, что слѣдовало бы дѣлать раньше,— перебилъ его Фаевичъ.—Надо обдумать, что теперь дѣлать?

— Что ты теперь сдѣлаешь? Пропало!—отозвался Корнблатъ.

— Теперь остается произнести „кадишъ д'рабононъ" [1]) и больше ничего,—поддержалъ его Улеръ.—А! у меня сердце говоритъ, что это старый песъ теперь радъ и доволенъ!.. прибавилъ онъ возмущенно.

---

[1]) Молитва въ память покойника.

— Меня одно огорчаетъ, что уходя, я не турнулъ его въ грудь!—проговорилъ Ципоринъ.

— Я считаю, что дѣло совершенно еще не пропало,—отозвался вдругъ Миркинъ.—Скажу вамъ правду: какъ я теперь вижу, весь этотъ планъ „вѣнчанія" былъ немного дѣтскимъ и, можетъ быть даже лучше, что онъ не удался! Ей Богу!

Товарищи съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянули на него.

— Если Беряшева въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, какъ слѣдуетъ,—продолжалъ твердо Миркинъ,—то ей совершенно не нужно этого „вѣнчанія". Она можетъ болѣе простымъ и болѣе вѣрнымъ путемъ избавиться отъ всѣхъ своихъ мукъ... Почему ей не убѣжать изъ дому?—спросилъ онъ вдругъ громко и обвелъ вопрошающимъ взглядомъ товарищей.

Предложеніе это поразило всѣхъ своей неожиданностью и никто сразу ничего не отвѣтилъ.

— Что, въ самомъ дѣлѣ?—продолжалъ горячо и убѣдительно Миркинъ.—Мы просто не привыкли, чтобы дѣвушки убѣгали отъ родителей—и съ перваго разу это намъ кажется дикимъ, страшнымъ. Но если обдумать—что тутъ страшнаго? Мужчинѣ можно бѣжать, а женщинѣ нельзя? Ей Богу, это очень просто! Взять—и убѣжать! И не только затѣмъ, чтобы избавиться отъ жениха, а затѣмъ, чтобы учиться, чтобы достигнуть цѣли! Вотъ!

— Куда бѣжать?.. какая цѣль?..—проговорилъ нѣсколько недоумѣвающе Улеръ и почесалъ въ головѣ.

— Это намъ только такой планъ кажется новымъ,—продолжалъ, не слушая вопроса Улера, Миркинъ.—Я знаю, есть дѣвушки,—продолжалъ онъ сухо и сурово,—можетъ быть не еврейки, можетъ быть не такія, какъ Беряшева, но которыя ѣдутъ учиться заграницу... въ университетъ...

— Что ты говоришь?—воскликнулъ съ удивленіемъ Улеръ.—Что это за университетъ такой, гдѣ учатся дѣвушки?..

— Ну! не объ этомъ рѣчь! Это совсѣмъ не относится сюда,—перебилъ его поспѣшно Миркинъ.—Надо обдумать этотъ планъ! По моему—са-амый лучшій!

— Планъ то это, конечно, планъ,—отозвался Фаевичъ,—но я все-таки его не понимаю. Куда она убѣжитъ?

— И чему она будетъ учиться?—прибавилъ Корнблатъ.—Что, въ гимназію она будетъ готовиться, что ли?

— А акушерка? Она вѣдь можетъ учиться на акушерку!—нашелся Миркинъ.

— Вѣрно!—обрадовался Улеръ.—Я самъ видѣлъ еврейскихъ ученыхъ акушерокъ, ей Богу!.. Какъ это я раньше не подумалъ!

— Ну, вотъ, въ Кишиневѣ, кажется, есть такое училище. Взять ей да уѣхать туда и будетъ она спасена!

— Теперь не такъ легко будетъ ей бѣжать, — замѣтилъ Улеръ.

Въ комнату вошелъ Гилель. На этотъ разъ онъ вошелъ поспѣшно и красный отъ волненія.

— Люди!—воскликнулъ онъ возмущенно.—Берутся за дѣло! Лучше бы не брались, если не умѣете ничего дѣлать! Я чуть не лопнулъ!..

— Ша, тише, — остановилъ его Миркинъ. — Никто не виноватъ! Просто неудача. Ну, разскажите, разскажите, что тамъ было дома?

— И разсказывать не хочется!—воскликнулъ все еще возмущенно Гилель.—Та-акъ хорошо было все придумано и подготовлено, такъ хорошо...

— Ну, кто же виноватъ, что отецъ догадался, зашелъ за прилавокъ и оттолкнулъ ее?—отозвался Фаевичъ.

— Ешиботникъ! — крикнулъ ему рѣзко Гилель.—Пока отецъ подошелъ, вы десять разъ имѣли время сунуть ей монету въ руку. Какъ только вы увидѣли, что онъ поднялся, вы должны были это сдѣлать!

— Ну, пропало! что объ этомъ говорить,—старался успокоить его Миркинъ.—У насъ уже другой планъ есть, лучшій.

— А-а, ваши планы...

— Ну, успокойся! Разскажи, что тамъ было.

Гилель съ минуту молча походилъ по комнатѣ, стараясь успокоиться.

— Что тамъ было? Ничего не было. Были крики и проклятія!—проговорилъ онъ отрывисто, но спокойнѣе.

— Что? онъ не билъ ея?—спросилъ съ тревогой Миркинъ.

— Только благодаря чуду, онъ ея не билъ,—отвѣтилъ Гилель,—онъ бы Богъ вѣсть, что сдѣлалъ, если-бъ она не упала въ обморокъ... Понимаете, когда вы вышли изъ лавки, онъ бросился къ ней, какъ дикій звѣрь, а она тутъ же упала въ обморокъ, и не притворно, а настоящимъ образомъ. Домой привезли ее на извозчикѣ. Я былъ тамъ у нихъ. Я заранѣе предложилъ старику придти сегодня привести въ порядокъ книги въ шкафѣ... Ну, можете себѣ представить, что въ домѣ творилось. Привезли доктора, почти часъ приходилось приводить ее въ чувство. Отецъ и волосы на себѣ рвалъ, и плакалъ, и ругалъ, и проклиналъ всѣхъ вольнодумцевъ, особенно васъ, Миркинъ... Ай, и досталось вамъ отъ него!—прибавилъ онъ, улыбнувшись.

— Ну, а что теперь?

— Теперь ничего... Вышло даже лучше, чѣмъ можно было ожидать. Когда Соня пришла въ себя, она рѣшительно заявила, что такъ жить больше не можетъ, что она одѣнетъ петлю на шею. Мать стала на ея сторону и набросилась на отца, увѣряя, что ему всюду чудятся разные страхи и что молодые люди ничего худого и не думали. Но особенно досталось ему отъ племянницы...

— Отъ какой племянницы?

— Понимаете ли, сегодня вѣдь должна была быть помолвка—ее отложили до субботы, и это тоже хорошо! — и вотъ пріѣхали на эту помолвку сестра Беряшева съ дочкой. Ай! говорю вамъ, дѣвушка—огонь! Язычекъ — смола и сѣра! И вотъ она накинулась на Беряшева и прямо смѣшала съ грязью... Она довела его до того, что онъ совершенно растерялся и вдругъ вскочилъ и крикнулъ: „А знаете что? дѣлайте, что хотите! Сворачивайте себѣ всѣ шею!“ Плюнулъ и побѣжалъ въ лавку.

Разсказъ этотъ привелъ всѣхъ въ очень хорошее настроеніе.

— Ну, совсѣмъ не такъ плохо! Даже хорошо! Слушайте нашъ планъ!—обратился Миркинъ къ Гилелю.

Гилель внимательно выслушавъ предложеніе Миркина о побѣгѣ, подумалъ немного и проговорилъ:

— Мнѣ это кажется немного слишкомъ смѣлымъ... рѣзкимъ... Но! Вѣдь „саконасъ нфошойсъ дойхе шабосъ“ [1]).

— Весь вопросъ теперь въ томъ, согласится ли она!—отозвался Миркинъ.—И надо было бы какъ-нибудь устроить, чтобы съ нею переговорить.

— Это теперь не такъ трудно,—отвѣтилъ Гилель.—Эта племянница сможетъ выйти съ нею куда-нибудь, чтобы намъ можно было встрѣтиться. А-ай, дѣвушка—огонь!—вспомнилъ онъ опять съ восторгомъ.

— Ну, такъ надо сейчасъ же начать дѣйствовать,—отозвался энергично Миркинъ.—Нечего откладывать. Какъ говорится: „дольше ждалъ—больше потерялъ“. Сегодня переговорить съ нею, обдумать—и завтра чтобы она уѣхала. Пятница къ тому же самый подходящій день для этого.

— Вѣрно!—согласились товарищи.

— Вотъ что! Пойдите вы, Гилель, туда и какъ-нибудь устройте, чтобы Соня одна или съ этой огневой дѣвушкой пришли сюда. И сейчасъ же. Какъ думаете, возможно это?

— Вполнѣ возможно. Онѣ себѣ пойдутъ погулять—и никто имъ этого теперь не запретитъ, тѣмъ болѣе что отецъ въ лавкѣ! Берусь это устроить.

Онъ поспѣшно ушелъ, и товарищи въ нѣсколько возбужденномъ состояніи стали ждать не совсѣмъ обычнаго визита. Больше другихъ почему-то волновался Ципоринъ, хотя и старался скрыть это, дѣлая сильно озабоченный видъ. Какъ бы случайно и мимоходомъ, переставлялъ онъ свои инструменты, перекладывалъ съ одного мѣста на другое валявшееся платье.

Это не ускользнуло отъ зоркаго взгляда Фаевича, и онъ проговорилъ нѣсколько ехидно:

— Что это ты, Ципоринъ, принялся прибирать въ комнатѣ?

---

[1]) Когда жизнь человѣческая въ опасности—не обращаютъ вниманія на субботу.

— Совсѣмъ не прибирать... и не думалъ!..— отвѣтилъ, густо покраснѣвъ, Ципоринъ.

— Разсказывай сказки! Я не вижу, что ты прибираешь? Охорашиваешься въ ожиданіи барышенъ? Ари-истократъ!

— Ты большая свинья, если ты мнѣ это говоришь!—воскликнулъ съ глубокимъ возмущеніемъ Ципоринъ.—Какой я аристократъ? Если бъ я даже и убиралъ въ комнатѣ—что въ этомъ грѣшнаго? Когда-нибудь надо же прибирать...

— Но почему ты именно теперь подумалъ прибирать, а?—настаивалъ Фаевичъ.

— Ну, и хочу! Вотъ увидишь, когда онѣ придутъ, я начну говорить имъ комплименты!—воскликнулъ, выйдя изъ себя, Ципоринъ. Однако, уборку комнаты онъ пріостановилъ.

XIV.

Приблизительно черезъ часъ явились дѣвушки: Соня Беряшева, высокая стройная дѣвушка съ тонкимъ съ горбинкой носомъ, блѣднымъ лицомъ и умными глазами, въ которыхъ выражалась болѣзненная усталость, и ея двоюродная сестра, Ципа Звуловинъ, невысокая, юркая дѣвушка, съ полнымъ веснущатымъ лицомъ, живыми глазами и нѣсколько преувеличенно смѣлыми манерами. Звуловинъ вошла первая, быстро оглянулась, поворачивая голову въ разныя стороны, и проговорила смѣло:

— Ну вотъ мы и пришли!

За нею вошла Беряшева съ грустнымъ и убитымъ видомъ и низко опущенной головой. Готовясь къ разговору о своихъ страданіяхъ и сознавая, что всѣ ее будутъ жалѣть, она какъ-то безсознательно заранѣе приняла соотвѣтственный видъ убитой жертвы. Молодые люди сильно растерялись при появленіи дѣвушекъ, засуетились по комнатѣ и, неловко пожимая имъ руки, повторяли: „садитесь... садитесь...“

— Я шла сюда—и всю дорогу дрожала, чтобы насъ не увидѣли...—проговорила слабо и грустно Беряшева.

— Было чего бояться!—воскликнула храбро Звуловинъ.—Я шла смѣло, какъ казакъ!

И она, нѣсколько по-птичьи, отдѣльными движеніями поворачивая голову, оглянула присутствующихъ.

Дѣвушки усѣлись рядомъ на полатяхъ, а Миркинъ помѣстился противъ нихъ у стола.

— Я пойду... что я здѣсь буду дѣлать?—прошепталъ хмуро Ципоринъ, чувствовавшій себя крайне неловко въ присутствіи дѣвушекъ.

— Я тоже пойду!—отвѣтилъ такъ же хмуро Улеръ, бросивъ мелькомъ меланхолическій взглядъ на Беряшеву.

— И я тоже!—присоединился къ нимъ обрадовавшись Корнблатъ.—Пойду въ садикъ. Буду тамъ повторять славянскую грамматику.

И, нѣсколько крадучись, поодиночкѣ, одинъ за другимъ всѣ трое вышли изъ комнаты.

— Замѣчательно хорошо, что вы пришли,—проговорилъ, оправившись отъ перваго смущенія, Миркинъ.—Мы теперь и обдумаемъ, что намъ дѣлать...

— Вы должны обдумать! вы должны посовѣтовать ей! вы должны ее спасти! Слышите!—проговорила рѣшительно Звуловинъ.—Иначе она навѣрное что-нибудь сдѣлаетъ надъ собою!.. Вѣдь правда, Сонечка?—прибавила она мягко, заглянувъ въ лицо Беряшевой съ такимъ выраженіемъ, точно та была тяжело больна.

Беряшева еще ниже поникла головой и вздохнула.

— Вы не можете себѣ представить, какія страшныя муки ей приходится выносить!—продолжала войдя въ азартъ Звуловинъ.—Сегодня, если-бъ меня не было, и не знаю, что было бы! Она бы этого не пережила! Понимаете ли? Зашли въ лавку какіе-то молодые люди—и дядя, сумасшедшій, рѣшилъ, что они хотѣли „совершить обрученіе!“ Какъ вамъ это нравится?! Говорю вамъ, если-бъ меня не было—я и не знаю, что было бы!.. И задала же я ему!! Я не боюсь!

Беряшева нѣсколько подняла голову и выразительно взглянула на Миркина, давъ ему понять, что Звуловинъ не посвящена

въ тайну подготовлявшагося обрученія. Миркинъ ее понялъ и переглянулся съ Фаевичемъ.

— Слушайте, что я вамъ скажу, — обратился Миркинъ къ Беряшевой, прервавъ быструю рѣчь Звуловинъ. — Мы подробно обдумали ваше положеніе. Теперь, всѣ ваши мысли направлены на то, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ этой партіи, отъ жениха, котораго вамъ сватаютъ. Это, конечно, первое дѣло! Но, намъ кажется, что этого еще мало! Будемъ считать, что вамъ уже удалось избавиться отъ этой петли. А дальше что? Черезъ мѣсяцъ явится другая партія, другая петля. Да и вообще, что это за жизнь ваша теперь! Вѣдь это не жизнь, если приходится жить подъ вѣчнымъ страхомъ, подъ вѣчными подозрѣніями...

— Это вы мнѣ-ѣ говорите, что это не жизнь?—проговорила, слабо и печально улыбнувшись, Беряшева.—Что вы можете знать, что я переношу! Разсказать только...

— Дай мнѣ, я лучше тебя разскажу! Я вамъ говорю...—перебила ее быстро Звуловинъ.

Но Беряшева движеніемъ руки мягко остановила ее:

— Нѣтъ, Ципа, я лучше тебя разскажу это... Свои собственныя страданія всякій умѣетъ хорошо разсказывать... Какъ мнѣ легко жилось раньше, — обратилась она къ Миркину, — вы вѣдь хорошо знаете. Приходилось прятаться съ книгами, притворяться, жить какъ въ острогѣ. Но все это было чистымъ раемъ сравнительно съ тѣмъ, что началось потомъ... Какъ видно, я не особенно хорошо скрывалась. Въ городѣ пошли обо мнѣ разговоры, сплетни. Это дошло до родителей—и начались допросы, терзанія, упреки. Каждый день являлась та или другая родственница, или знакомая къ матери и сообщала ей, что въ городѣ обо мнѣ ходятъ разные слухи, что меня „оговариваютъ", что обо мнѣ говорятъ, будто я не набожна, веду знакомство съ „бахурами", да еще съ „современными", что меня видѣли гуляющей одной въ „христіанской слободкѣ". Матери моихъ самыхъ старыхъ подругъ запретили имъ ходить ко мнѣ, даже встрѣчаться и раскланиваться со мною... А тутъ вотъ случилась эта исторія, что отецъ захватилъ меня гуляющей съ Мееровымъ... Я не могу безъ ужаса

вспомнить объ этомъ! Двѣ улицы провелъ онъ меня, какъ сквозь строй, держа крѣпко за руку, и какъ только мы вошли въ домъ, онъ мнѣ крикнулъ: „Негодная тварь! Развратница!“ И далъ мнѣ двѣ пощечины... Что тогда со мною сдѣлалось только! Мнѣ показалось, что я вся загорѣлась и что вокругъ меня все горитъ— и я зашаталась по комнатѣ, какъ безумная, съ крикомъ: „А-ай! горитъ! горитъ! Тушите!“ Я не знаю, что тогда со мною дѣлалось. Я думала, что сойду съ ума... Ну, а потомъ и начался этотъ адъ. Меня стали держать какъ въ тюрьмѣ, не спуская съ меня глазъ, не выпуская меня изъ дому на шагъ одной. Отецъ все время, не переставая, пилитъ и пилитъ издѣвательствами, угрозами и упреками; мать мучаетъ своими слезами и просьбами. А тутъ еще началась исторія съ женихомъ... Говорю вамъ—это свыше силъ человѣческихъ! И минутами у меня руки совсѣмъ опускаются, я дѣлаюсь какъ бы деревянной, перестаю что бы то ни было чувствовать и мнѣ кажется, что мнѣ все равно, что бы ни случилось: захочетъ меня отецъ бить—пусть бьетъ; захочетъ похоронить живой—пусть хоронитъ; захочетъ выдать за облѣзлую крысу—пусть выдаетъ. Пусть хоть собакамъ отдаетъ на съѣденіе—все равно! А временами сердце въ груди такъ больно, такъ мучительно больно сжимается, и такъ хочется жить...

Беряшева, говорившая все время не громко, съ глубокимъ затаеннымъ чувствомъ, сразу оборвала свою рѣчь на послѣдней фразѣ, въ которой дрогнула сильная рыдающая нотка, и какъ-то сразу выпрямилась и оглянулась, сбросивъ съ себя видъ угнетенной безпомощности.

Разсказъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Миркина и на Фаевича. Первый сидѣлъ неподвижно и широко раскрытыми глазами глядѣлъ какъ-то сурово на Беряшеву. Фаевичъ ходилъ взадъ и впередъ въ большомъ волненіи по комнатѣ и то и дѣло нервно ерошилъ волосы. Даже Звуловинъ нѣсколько присмирѣла, охваченная впечатлѣніемъ разсказа и, поворачивая по-птичьи голову, взглядывала съ недоумѣніемъ то на Миркина, то на Фае-

вича. Когда Беряшева кончила, она не удержалась, чтобы не воскликнуть не то трагически, не то съ торжествомъ:

— А? Вы слышали? Вы понимаете? Вы видите?

Миркинъ еще съ минуту продолжалъ пристально глядѣть на Беряшеву. Наконецъ, онъ сразу поднялся и, сдѣлавъ два шага по комнатѣ, проговорилъ рѣшительно и твердо:

— Вы должны убѣжать изъ дому. Это единственное спасеніе для васъ!

Звуловинъ вскочила съ мѣста и совершенно круглыми глазами, въ которыхъ свѣтились и испугъ, и недоумѣніе, глядѣла на Миркина. Беряшева подняла опущенную голову и устремила на Миркина внимательный, какъ бы испытующій взглядъ.

— Вы говорите: убѣжать?—спросила она тономъ удивленія.

— Да! бѣжать! - отвѣтилъ ей такъ же твердо Миркинъ.—Вы подумайте только, — заговорилъ онъ убѣдительнымъ тономъ, остановясь передъ Беряшевой.—Будемъ даже говорить, что случилось чудо, что этотъ калѣка, котораго хотятъ навязать вамъ въ женихи—исчезъ съ лица земли. Скажемъ даже, что вамъ сейчасъ и не будутъ навязывать другихъ жениховъ,—что изъ васъ будетъ, если вы останетесь дома? Что за цѣль? Что за толкъ? Ну, удастся вамъ прочесть потихоньку еще нѣсколько книгъ — что изъ этого? Ничего! Вѣчно бороться нельзя, и, въ концѣ концовъ, отецъ васъ сломитъ, заставитъ выйти замужъ—и вы погибнете, окончательно погибнете... А вы не должны погибать! Вы человѣкъ съ открытыми глазами, изъ васъ могъ бы выйти мыслящій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ!.. Да!—закончилъ онъ энергично.—Бѣжать! Бѣжать изъ этой тьмы, изъ этого ада! Бѣжать!

Горячая, убѣжденная рѣчь Миркина произвела сильное впечатлѣніе на Беряшеву, глаза ея оживились, она выпрямилась, но проговорила сдержанно, тономъ сомнѣнія:

— Хорошо... но какъ это, дѣвушкѣ?.. Куда бѣжать?.. Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ?—воскликнулъ Миркинъ.—Учиться! Развиваться! Бѣжать къ свѣту, къ знанію. Бѣжать къ новой жизни

свободной и разумной! Вы говорите—дѣвушка. Что же изъ этого? Развѣ дѣвушка не можетъ и не способна развиваться? Это мы только не привыкли къ тому, чтобы дѣвушки убѣгали отъ родителей учиться—и намъ это кажется дикимъ и страшнымъ. На самомъ дѣлѣ тутъ ничего страшнаго нѣтъ!.. Среди русскихъ уже есть такія дѣвушки, которыя рѣшились на это! Да, я знаю одну дѣвушку, которая рѣшилась бѣжать отъ родителей учиться—и знаете куда? За гра-ницу! И чтобы поступить тамъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ университетъ,—закончилъ онъ сурово, но значительно.

— Кто это такая? Кто?—вырвался невольный вопросъ у Звуловинъ.

— Вы ея не знаете,—бросилъ ей сухо Миркинъ и, обратившись къ Беряшевой, продолжалъ настойчиво и убѣдительно:—Да! Необходимо, чтобы и дѣвушки начали убѣгать отъ родителей учиться! Главное—не надо бояться! Не надо останавливаться передъ тѣмъ, что никто еще этого не дѣлалъ. Кто-нибудь да долженъ же сдѣлать починъ! Кто-нибудь долженъ же открыть дорогу! И увидите—если вы рѣшитесь бѣжать—за вами и другія дѣвушки начнутъ убѣгать отъ родителей учиться. Вы не только себя спасете—вы и другимъ откроете дорогу къ свѣту, къ новой жизни.

Беряшева слушала Миркина съ затаеннымъ дыханіемъ, точно впивая въ себѣ каждое его слово. Вдругъ она сильнымъ движеніемъ сбросила съ плечъ платокъ, встала и, глядя на Миркина блестящими глазами, полными восторга и вдохновенія, проговорила:

— Я слышу все, что вы мнѣ говорите о новой жизни—и мнѣ кажется, что это какой-то сонъ; что это разсказъ изъ „Тысячи и одной ночи“; что вы разсказываете о раѣ, какого нѣтъ и не можетъ быть на землѣ! Какъ? Я—и вдругъ буду совершенно свободна, буду учиться, развиваться, стремиться къ высшимъ цѣлямъ? Это не помѣщается въ моихъ мысляхъ! Это не помѣщается въ моемъ сердцѣ!.. Можетъ быть, потому, что оно ужъ очень изболѣло,—прибавила она нѣсколько упавшимъ голосомъ.

— Чего вамъ не вѣрится?—проговорилъ вдругъ молчавшій все время Фаевичъ, остановившись передъ Беряшевой. — Посмотрите на насъ, какъ мы живемъ. Мы тоже когда-то жили у родителей и были скованы. А теперь? Вы видите! Вотъ и вы будете точно такъ же жить...

— Если-бъ это было возможно! Если-бъ это было возможно!— повторила какъ во снѣ Беряшева.

— Возможно! Возможно! И необходимо!—проговорилъ настойчиво Миркинъ.—Надо только рѣшиться!

— Ты должна рѣшиться! что? — проговорила вдругъ какъ-то неожиданно для самой себя и совсѣмъ нерѣшительнымъ голосомъ Звуловинъ и съ недоумѣніемъ оглянула всѣхъ.

Беряшева съ минуту сидѣла молча, какъ бы охваченная большой думой, и, наконецъ, проговорила медленно и не выходя изъ задумчивости:

— Рѣшиться... рѣшиться мнѣ не трудно: я и на худшее и болѣе трудное рѣшилась бы. Но... я думаю: а что если мать этого не переживетъ? Вѣдь это для нея будетъ страшнымъ ударомъ! Вѣдь всѣ будутъ говорить, да и она сама будетъ увѣрена, что я убѣжала креститься. А что, если она этого не переживетъ?— прибавила она негромко и остановилась широко раскрытыми глазами, полными мучительнаго вопроса, на Миркина.

Никто сразу ничего не отвѣтилъ ей—и нѣсколько секундъ въ комнатѣ была какая-то странная, жуткая тишина, точно у всѣхъ сердца перестали биться.

— А! — воскликнулъ вдругъ отрывисто, почти жестко Миркинъ.—Переживетъ! Родители и не такія несчастья переживаютъ! Они переживаютъ и смерть своихъ дѣтей. А тутъ вы не умрете для нихъ! Они будутъ знать, что вы не крестились, и когда убѣдятся, что не могутъ васъ заставить жить, какъ они хотятъ, они [illegible]тся съ этимъ ударомъ! Увѣряю васъ! Та же самая исто[illegible] исходила и съ нами, мужчинами. Намъ тоже матери гово[illegible] Мы этого не переживемъ!“ А пережили и примирились те-

Ну! Конецъ! Хорошо! Пусть будетъ, что будетъ!—прого-

ворила твердо и рѣшительно Беряшева.—Я начинаю новую жизнь! Говорите! Куда бѣжать? Какъ бѣжать? Я готова бѣжать, когда скажете и куда скажете! Я окончательно рѣшила! Конецъ!

— Вотъ такъ! Это—славно!—проговорилъ, нервно потирая руки, Фаевичъ, бѣгая по комнатѣ.

— Я думаю, — заговорилъ дѣловымъ тономъ Миркинъ, — что лучше всего для васъ поѣхать въ Кишиневъ. Тамъ у насъ есть знакомые, они вамъ помогутъ устроиться. Тамъ есть акушерская школа. За полгода или за годъ вы сможете приготовиться и поступить туда...

— Постойте!—остановился вдругъ Фаевичъ.—А чѣмъ она будетъ жить тамъ?

— Жить? Найду съ чего жить. Не умру съ голоду,—отвѣтила спокойно Беряшева.—Это меня не пугаетъ. Я умѣю шить, вышивать... Я вѣдь немного и по-русски знаю. Можетъ быть даже урокъ достану... Наконецъ, если придется и поголодать—тоже небольшое несчастье!..

— Я три года тому назадъ бѣжалъ изъ дому съ 8-ю копѣйками въ карманѣ и до сихъ поръ еще не умеръ съ голоду! — отозвался нѣсколько задумчиво Фаевичъ.

— Конечно! — согласился увѣренно Миркинъ.—Нечего и разговаривать объ этомъ. Кишиневъ не деревня. Тамъ есть свои люди—не пропадете тамъ...

— Да! — спохватилась вдругъ нѣсколько испуганно Беряшева.— Но вотъ что? Надо вѣдь имѣть на дорогу. У меня ни гроша нѣтъ... У меня есть нѣкоторыя золотыя вещи, кольца, серьги, брошка... Но продавать ихъ здѣсь нельзя...

— Почему? — отозвался Фаевичъ. — Конечно, не вы пойдете ихъ продавать. Но это можетъ кто-нибудь изъ насъ сдѣлать...

— Нельзя,—остановилъ его Миркинъ. — Если ты или я зайдемъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру продавать золотыя женскія украшенія, — скажутъ, что украли гдѣ-нибудь... Вотъ въ Кишиневѣ вы сами сможете продать эти вещи...

— Въ Кишиневѣ, конечно, — отозвалась Беряшева,—за нихъ

рублей 60 или больше можно получить.—Но сейчасъ!.. Можетъ быть можно у кого-нибудь занять?

Товарищи задумались, перебирая въ мысляхъ знакомыхъ, у кого можно было бы занять. Миркинъ вспомнилъ о Шифринѣ и еще разъ упрекнулъ себя за ссору съ нимъ.

— Можетъ быть у Шейнбурга? — спросилъ негромко и нерѣшительно Фаевичъ у Миркина.—Вѣдь онъ же богатъ! Онъ, кажется, получилъ пять тысячъ рублей приданаго?..

— Занять у Шейнбурга? — проговорилъ съ удивленіемъ Миркинъ.—Что-о ты! Говоришь, какъ ребенокъ! Шейнбургъ двадцати копѣекъ не одолжитъ! Онъ на этотъ счетъ особый человѣкъ. Онъ большой маскилъ, но въ денежныхъ дѣлахъ онъ твердъ, какъ кремень.

— Ты могла бы вытащить изъ столика въ лавкѣ!—отозвалась вдругъ Звуловинъ.—Пшш! Важное дѣло! Есть чего бояться!.. Я всегда беру потихоньку изъ столика деньги, когда мнѣ нужно, и не боюсь...

— Нѣ-ѣтъ! Это не годится! — проговорилъ поморщившись Миркинъ.

— Только этого бы не доставало,—прибавила, грустно усмѣхнувшись, Беряшева. — Отецъ еще сказалъ бы, что я обокрала его и убѣжала...

— Вотъ что,—проговорилъ Фаевичъ. — Кажется, у этого новенькаго, что вчера пріѣхалъ, имѣются деньги...

— Да! вѣрно!—обрадовался Миркинъ.—У Эйзермана! У него рублей 6 или 7 есть. Я ихъ у него возьму...

— У насъ вѣдь тоже теперь деньги есть, — прибавилъ тише и нѣсколько смущенно Фаевичъ. — Что ты сегодня принесъ. У меня, у Улера и Корнблата—рубля четыре... Сколько всего надо?

— Я думаю рублей пятнадцать... Но вотъ что. Этотъ Эйзерманъ привезъ съ собою двѣ пары „тфилнъ", которыя можно продать!—вспомнилъ онъ.—Ну, значитъ, насчетъ денегъ нечего безпокоиться,—рѣшилъ онъ. — Надо теперь обдумать, когда уѣхать вамъ? Я полагаю...

— Объ этомъ нечего думать,—отозвалась твердо Беряшева.—

Вы знаете, что на субботу вечеромъ назначена помолвка. Мнѣ, конечно, надо уѣхать раньше. Сегодня уже четвергъ. Значитъ—завтра.

Но тутъ выступилъ другой вопросъ. Поѣздъ изъ М. по направленію къ Кишиневу отходилъ въ часъ дня. Уйти днемъ изъ дому и уѣхать съ городского вокзала, гдѣ постоянно много евреевъ, конечно, невозможно. Рѣшено было отправиться Беряшевой на ближайшую станцію, въ 14-ти верстахъ отъ М., на извозчикѣ или пѣшкомъ, и тамъ сѣсть въ поѣздъ. Но тутъ опять явилось затрудненіе. Уйти въ пятницу или въ субботу утромъ изъ дому незамѣченной почти невозможно было для Беряшевой. Такъ же трудно было бы пробраться къ станціи безъ того, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, что могло бы навести родителей на слѣдъ.

— У меня есть планъ!—отозвался сурово Миркинъ.—Лучше всего вамъ уйти изъ дому въ пятницу, ночью, послѣ ужина, когда всѣ лягутъ спать. Вы потихоньку выйдите. Я васъ подожду въ условленномъ мѣстѣ и отведу васъ къ одной моей знакомой... христіанкѣ... Да... Вы тамъ переночуете и утромъ чуть свѣтъ поѣдете съ нею на станцію на извозчикѣ, закутавъ лицо... Мнѣ надо переговорить съ этой знакомой. Она согласится, безъ сомнѣнія...

— Ну, и ладно!—проговорила, накидывая на плечи платокъ, Беряшева.—Значитъ, начинаю новую жизнь!.. Ахъ, если-бъ вы знали, какъ у меня теперь легко и свѣтло на душѣ!..

— Пусть будетъ въ добрый часъ!—проговорилъ бодро Миркинъ.—Главное—смѣло и безъ боязни идите впередъ къ новой жизни, свѣтлой и разумной!

— Къ новой жизни!—повторилъ за нимъ и Фаевичъ.

Когда подруги вышли, Звуловинъ вдругъ остановилась и проговорила нѣсколько растерянно, какъ бы съ претензіей:

— Я не понимаю... Значитъ ты таки на самомъ дѣлѣ убѣжишь?.. А потомъ дядя скажетъ, что я тебя уговорила?..

— Знаешь что?—отвѣтила ей оживленно Беряшева.—Уговори твою мать сегодня уѣхать обратно домой. Она вѣдь тебя слушается—вы и уѣдете! Право, Ципенька, сдѣлай это.

— Ты права! Я такъ и сдѣлаю! Мы сегодня уѣдемъ, чтобы дядя ничего не могъ сказать... А ты уже одна, безъ моей помощи убѣжишь!..

Когда дѣвушки вышли, Миркинъ и Фаевичъ переглянулись съ выраженіемъ горделиваго счастья.

— А! Что скажешь? Міръ еще не умеръ? а?—спросилъ съ какимъ-то торжествомъ Миркинъ.

— Какая дѣвушка! Какой человѣкъ!—воскликнулъ горячо Фаевичъ.—Я и не представлялъ себѣ, что она такая смѣлая, разумная... Прямо мужчина! Честное слово!

— Да-а, новая жизнь наступаетъ, новая!—проговорилъ какъ-то мечтательно Миркинъ и, какъ бы придя въ себя, прибавилъ торопливо, дѣловымъ тономъ:

— Ну, я побѣгу къ Эйзерману. Потомъ... еще кое-куда...—прибавилъ онъ нѣсколько упавшимъ голосомъ, и по его лицу пробѣжала тѣнь.

Онъ поспѣшно ушелъ. Фаевичъ еще долго расхаживалъ въ возбужденномъ состояніи по комнатѣ, повторяя въ мысляхъ: „Что за замѣ-ѣчательный человѣкъ, смѣлая, разумная! Прямо мужчина". И самъ того не замѣчая, онъ въ это время вполголоса пѣлъ торжественнымъ мотивомъ изъ „Ато-нигдейсо":

„Ѣ-ѣду ли ночью по улицѣ те-емной!
Бу-ури-ль за-аслышу я въ па-а-смурный день...

С. Ан—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ дилижансѣ.

Л. Переца.

I.

Въ одну почти минуту онъ мнѣ уже успѣлъ разсказать, что онъ Хаимъ, Іоны Рыбишовера зять и Бериля Конскиволера сынъ и люблинскій богачъ Меерштейнъ приходится ему дядей съ материнской стороны; но у этого дяди домъ ведется не совсѣмъ ужъ по еврейски: ѣдятъ ли трефное—ему неизвѣстно, но что омовенія рукъ къ ѣдѣ не совершаютъ, это онъ самъ видѣлъ.

Это, говоритъ онъ, совсѣмъ особыя существа; лѣстницы у нихъ устланы длинными полотенцами, прежде чѣмъ войти—нужно позвонить. Въ комнатахъ выстланы разрисованныя скатерти. Люди сидятъ какъ въ темницѣ, ходятъ тихонько какъ воры... Въ общемъ, говоритъ онъ, у нихъ тишина, какъ, не дай Богъ, среди глухо-нѣмыхъ.

У его жены такая же семейка въ Варшавѣ, но у нихъ онъ не бываетъ; они еще бѣдняки къ тому же—„на что они мнѣ? А?“...

Если у люблинскаго дяди не все какъ Богъ велѣлъ, то онъ хоть богачъ, ну, потрешься у богача и тебѣ кое-что перепадетъ: гдѣ дрова рубятъ, щепки остаются, гдѣ пиръ, тамъ можно и кость обглодать... но тамъ—бѣдняки!

Онъ даже разсчитываетъ современемъ получить должность у люблинскаго дяди. Дѣла теперь, продолжаетъ онъ, плохи; въ настоящее время онъ торгуетъ яйцами, онъ закупаетъ ихъ по деревнямъ и доставляетъ въ Люблинъ, оттуда ихъ отправляютъ въ Лондонъ... Говорятъ, что тамъ ихъ кладутъ въ обжигатель-

ныя печи и выводятъ курицъ... „Вѣрно, вранье... англичане просто, должно быть, любятъ яйца!“ Но какъ бы то ни было— дѣло идетъ неважно... Все же лучше, чѣмъ торговля хлѣбомъ; это совсѣмъ изъ рукъ вонъ плохо. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ сталъ торговать хлѣбомъ, но такъ какъ онъ самъ въ торговлѣ ничего не смыслилъ, такъ ему въ компаньоны дали стараго купца, а этотъ купецъ съ нимъ не церемонился и попросту надулъ его.

II.

Въ дилижансѣ темно, лица Хаима я не видѣлъ и до сихъ поръ понять не могу, какъ онъ во мнѣ еврея узналъ... Когда онъ сѣлъ въ дилижансъ, я въ уголку дремалъ, голосъ его меня разбудилъ. Со сна я не говорю, можетъ быть у меня еврейскій вздохъ вырвался? Можетъ, онъ почувствовалъ, что мой вздохъ имѣетъ много общаго съ его вздохомъ?

Онъ мнѣ даже разсказалъ, что его жена изъ Варшавы, что ей до сихъ поръ не приходится по вкусу Конская Воля...

Родилась она въ Рубышевѣ, но воспитывалась она въ Варшавѣ, вотъ въ той „трефной“ семьѣ своей; она вѣдь сиротой была... Въ Варшавѣ ужъ она научилась *по иному*. Она большая мастерица въ польскомъ, адреса по нѣмецки „читаетъ какъ воду“, она даже увѣряетъ, что играть умѣетъ не на скрипкѣ, а на какомъ-то другомъ, особомъ инструментѣ...

— А вы кто такой?—схватилъ онъ меня внезапно за руку.

О снѣ уже нечего было думать, да и заинтересовалъ онъ меня также: мѣстечковый молодой человѣкъ, жена, воспитанная въ Варшавѣ, маленькій городишко ей не по вкусу, изъ этого можетъ что-нибудь выйти, подумалъ я, нужно узнать подробности, кое-что самому прибавить и готовъ романъ... Если еще прибавлю какого-нибудь разбойника, каторжника, приплету пару банкротовъ и другихъ ужасовъ, такъ совсѣмъ хорошо будетъ.

Я подвинулся къ сосѣду и сообщилъ ему, кто я.

— Такъ,—говоритъ онъ,—вы это и есть, вы тотъ самый...

Скажите мнѣ, прошу васъ, какъ у человѣка хватаетъ досуга и терпѣнія выдумывать сказки...

— Какъ видите!

— Я знаю. Такъ вы, должно быть, большое наслѣдство получили и живете съ процентовъ?

— Боже сохрани, мои родители здравствуютъ до ста-двадцати лѣтъ...

— Такъ вы, вѣрно, въ лотереѣ выиграли?

— Также нѣтъ...

— А какъ же?

Я по правдѣ затруднялся, что ему отвѣтить.

— Неужели *это* вамъ даетъ „парносы" (пропитаніе)?

Я ограничился чисто еврейскимъ отвѣтомъ: хе!

— Только этимъ и живете, ничѣмъ другимъ не занимаетесь?

— Покамѣстъ...

— Ишь ты! Сколько вы отъ этого имѣете?

— Очень мало.

— *Также* неважно?

— Изъ рукъ вонъ плохо...

— Плохія времена,—вздыхаетъ мой сосѣдъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, но мой сосѣдъ, повидимому, не можетъ долго быть спокойнымъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, для чего нужны эти сказки? Я, Боже сохрани, не про васъ думаю,—спохватился онъ,—если еврей нуждается въ парносѣ, то хоть со стѣны вытянетъ, это для меня понятно... Чего не сдѣлаетъ еврей изъ-за парносы? Вотъ я не нашелъ обратной подводы, такъ ѣду почтой, Богъ знаетъ, не сижу ли я на „шатнисъ". Но я спрашиваю: людямъ, зачѣмъ *имъ* эти сказки? Какой прокъ въ нихъ? Что пишутъ въ книжкахъ?

Не ожидая отвѣта, онъ самъ себѣ отвѣчаетъ:

— Вѣрно, просто такая мода пошла, *вродѣ* какъ были кринолины! Бабьи все затѣи!

— А вы,—спрашиваю я,—никогда, ни разу не читали этихъ книжекъ?

— *Вамъ* я вѣдь могу сказать, что имѣю кой-какое понятіе въ этомъ... вотъ столько...

Онъ, вѣрно, отмѣрилъ при этомъ кусочекъ на пальцѣ, но въ темнотѣ я не разобралъ.

— Васъ все-таки заинтересовало?

— Меня? Боже сохрани! Все изъ-за жены! Дѣло вотъ въ чемъ было: тому уже будетъ лѣтъ 5—6, нѣтъ, таки 6, годъ послѣ свадьбы, мы еще у отца на хлѣбахъ жили, случилось, моей женѣ нездоровилось; она не была больна, не лежала, но такъ, что-то не по себѣ...

Разъ я ее спрашиваю: „что съ ней?"

— Въ сущности,—спохватился онъ, — я не знаю, зачѣмъ я вамъ морочу голову всѣмъ этимъ...

— Напротивъ,—говорю я ему,—разсказывайте.

Мой сосѣдъ разсмѣялся:

— Нужна солома въ Египтѣ? Вамъ нужны мои разсказы, вы не можете *выдумать* сами?

— Разсказывайте, разсказывайте...

— Вы, должно быть, для *другихъ* сочиняете небылицы, а для *себя* хотите истину?

Что можно писать правду, ему и въ голову не приходитъ...

— Ну,—прибавляетъ онъ,—пусть такъ...

III.

— Что-жъ,—продолжаетъ мой сосѣдъ,—стыдиться нечего: въ отдѣльной комнатѣ мы жили, былъ я еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, болѣе отдавался подобнымъ вещамъ, такъ я спрашиваю ее, что съ ней; она разрыдалась... Я ее очень сожалѣлъ, помимо того, что она, до ста двадцати лѣтъ, моя жена, такъ она вѣдь *сирота* и среди чужихъ, одинокая!

— Почему, одинокая?—переспрашиваю я его.

— Моя мать, царство ей небесное, умерла года за два до моей свадьбы и мой отецъ, царство ему небесное, вторично уже не женился.

Моя мать была благочестивой женщиной, и отецъ ея не могъ забыть... Ну, *одна* женщина въ домѣ, отецъ постоянно былъ занятъ, почти всю недѣлю въ разъѣздѣ, онъ торговалъ по деревнямъ чѣмъ только угодно—яйцами, масломъ, тряпьемъ, щетиной, полотномъ.

А вы?

— Я сидѣлъ въ бесъ-гамидрашѣ и занимался... Ну, молодая женщина одна, такъ я подумалъ, что она, вѣрно, боится; но при чемъ тутъ плакать? „Нѣтъ, говоритъ она, ей скучно"... Скучно? Это что такое? Я хотя замѣчалъ, что она ходитъ какъ во снѣ, иногда говорятъ къ ней, и она не слышитъ, а то вдругъ задумается и смотритъ на стѣну, смотритъ и смотритъ... Иной разъ шевелитъ губами, но голоса не слышно... Но что означаетъ „скучать"? Все бабьи затѣи. Вотъ народецъ—эти бабы!.. Еврей, мужчина, не скучаетъ... У него совсѣмъ времени нѣтъ скучать: еврей голоденъ или сытъ; занятъ въ торговлѣ или въ бесъ-гамидрашѣ, а то вовсе спитъ; если ужъ совсѣмъ досугъ, то покуриваетъ трубку—но скучать?

— Не забывайте,—говорю я ему,—еврейка безъ торы, безъ общественныхъ дѣлъ, безъ 613 обязанностей...

— Въ томъ-то и дѣло; я и сталъ вскорѣ догадываться, что скучать, это значитъ, въ родѣ празднымъ быть, праздность, отъ которой чуть съ ума не сходишь. Наши раввины уже давно святымъ духомъ это предвидѣли... Вы смыслите кое-что въ „маленькихъ буквахъ"? „Праздность доводитъ до одурѣнія!"—сказано въ талмудѣ. По закону женщина не должна быть безъ занятія. Вотъ я ей и говорю: займись чѣмъ-нибудь! Такъ *она* отвѣчаетъ, она хочетъ „читать"!

„Читать", это слово звучало для меня очень странно... Я зналъ хотя, что у тѣхъ, которые учатся писать, учиться называется „читать" книжки да газеты. Но я тогда еще не зналъ, что она такая ученая... Она со мной меньше разговаривала, чѣмъ я съ ней! Она хотя высокая женщина, но голову она держала опущенной, уста сжаты, какъ будто двухъ словъ не умѣетъ выговорить, вообще очень тихая... овечка! И вѣчно на ея лицѣ

была разлита такая забота, какъ будто у нея цѣлый корабль съ простоквашей пошелъ ко дну... Она хочетъ, говоритъ она, „читать", а что читать? По польски, по нѣмецки... пусть на жаргонѣ, лишь бы читать... А въ Конской Волѣ книжекъ и помину нѣтъ! Мнѣ ея очень жаль, отказать ей не могу, такъ я ей обѣщаю, когда буду у дяди въ Люблинѣ, привезти ей оттуда книжекъ.

— А ты ничего не имѣешь?—спрашиваетъ она.

— Я? Упаси Господь!

— А что же ты дѣлаешь по цѣлымъ днямъ въ бесъ-гамидрашѣ?

— Я занимаюсь!

— Я также хочу заниматься,—говоритъ она.

Я ей объясняю, что талмудъ не какая-нибудь сказочка, это не для женщинъ, что въ талмудѣ высказано даже мнѣніе, что женщинамъ нельзя учиться, что талмудъ на *святомъ языкѣ*.

Но мои увѣщанія не помогли! Если бы обо всемъ этомъ узнали въ Конской Волѣ, меня бы камнями забросали, и они были бы правы! Что тутъ долго разсказывать, я вамъ передамъ вкратцѣ: она такъ долго меня умоляла, плакала, пока уговорила меня, и я каждый вечеръ усаживался и переводилъ ей листъ талмуда... Но я раньше предвидѣлъ конецъ...

— И что же?

— И не спрашивайте... Я ей перевелъ главу о „четырехъ родоначальникахъ убытковъ" *) со всѣми комментаріями и Раши, и Тосефетъ, и Магаршу... Я такъ и заливался—а она каждый вечеръ при этомъ засыпала... Это не для женщины!

— На мое счастье, разъ, въ снѣжные заносы, коробейникъ съ книжками попался въ Конскую Волю, такъ я ей принесъ цѣлый пудъ книжекъ, теперь у насъ пошло какъ разъ наоборотъ... *Она* мнѣ читала, а *я* засыпалъ...

---

*) „Arba avoth nesikin"--первая глава трактата Бава-Кама, трактующаго о вредѣ и убыткахъ. (Перев.).

— И до сихъ поръ я не понимаю, для чего нужны эти книжки. Для мужчинъ навѣрно нѣтъ! Можетъ быть только для женщинъ вы и пишете?

IV

Тѣмъ временемъ начало свѣтать.

Въ темномъ дилижансѣ стало вырисовываться желтое, длинное, худое лицо моего сосѣда и пара усталыхъ красныхъ глазъ.

Онъ должно быть собирался молиться и теръ заиндевѣвшее стекло, но я его прерываю:

— Скажите, пожалуйста, а теперь ваша жена уже довольна?

— Что значитъ довольна?

— Уже больше не скучаетъ?

— У нея теперь стойка съ солью и селедками, одинъ грудной ребенокъ и пара ребятъ постарше, за которыми смотрѣть нужно... Носы только имъ утирать и то день пройдетъ...

Онъ опять вытираетъ стекло, а я ему опять мѣшаю.

— Скажите мнѣ, какой видъ у вашей жены?

Мой сосѣдъ встаетъ, искоса меня всего съ ногъ до головы оглядываетъ и строго спрашиваетъ:

— Вы развѣ знаете мою жену? Изъ Варшавы? Что ли?

— Ничуть,—отвѣчаю я ему,—я только думаю, можетъ случиться мнѣ попасть въ Конскую Волю, такъ хочу ее узнать...

— Вы хотите ее узнать,—улыбается онъ успокоенный,—пожалуй, вотъ вамъ знакъ: у нея родинка на лѣвой сторонѣ носа!

V.

Онъ сошелъ съ дилижанса и, стоя уже на подножкѣ, очень холодно со мной простился.

Онъ, должно быть, меня все таки подозрѣваетъ въ томъ, что я знаю его жену и можетъ быть даже принадлежу къ ея безбожнымъ родственникамъ!

Я остался одинъ, но спать уже не могъ. Свѣжій утренній

воздухъ меня пронизывалъ; мое литераторское пальто подбито вѣтромъ и холодное утро проникаетъ во всѣ мои члены. Я опять прислонился къ стѣнкѣ. Солнце уже засіяло. Я, можетъ быть, проѣзжалъ по очаровательной мѣстности, первые лучи солнца сердечно ласкали вершины горъ, зеленыя деревья, или скользили, можетъ быть, по зеркальной голубой рѣкѣ... но у меня все таки не хватило смѣлости открыть маленькое оконце...

Еврейскій литераторъ преисполненъ почтенія передъ холодомъ! Я принялся „выдумывать", по выраженію этого еврея, сказку. Но другія мысли мнѣ помѣшали.

Два различныхъ міра,—мужской міръ и женскій міръ... Міръ съ „четырьмя родоначальниками убытковъ" и міръ лубочныхъ книжекъ для чтенія, покупаемыхъ попудно!

Онъ читаетъ—она засыпаетъ! Читаетъ она—онъ засыпаетъ!.. Мало еще у насъ партій... Мы распадаемся на „французскіе носы", „англійскія дубины", „литовскихъ свиней", „польскихъ шнореровъ", „палестинскихъ попрошаекъ"... Мало того, что всѣ члены нашего организма разрозненны, каждый подъ другимъ ярлыкомъ; мало, что каждый членъ еще распадается на различныя части: хасиды, миснагды, эпикорейцы... Не довольно всего этого, такъ мы еще дѣлимся на мужчинъ и женщинъ... Въ каждомъ еврейскомъ тѣсномъ, сыромъ, грязномъ домишкѣ также должны быть два различныхъ міра.

Онъ читаетъ—она засыпаетъ, она читаетъ—онъ засыпаетъ.

Нужно было бы, думалъ я, хоть эти два міра соединить. Это долгъ каждаго еврейскаго писателя. Но у еврейскаго писателя и безъ того много долговъ...

Мои размышленія прервалъ почтальонъ рѣзкими звуками своего рожка. Но я не вышелъ изъ кареты, мнѣ уже теплѣе стало.

У меня опять появился сосѣдъ, но при яркомъ свѣтѣ солнца я его хорошо разсмотрѣлъ и даже узналъ. Это оказался мой старый знакомый, мы часто въ дѣтствѣ вмѣстѣ катались на льду, играли въ разныя игры, почти товарищами были... Потомъ я сталъ посѣщать темный, грязный хедеръ, а онъ—свѣтлую, чистую гимназію.

Когда я чего-либо не зналъ, меня сѣкли, а за угадываніе остроумнаго вопроса Магарша, одобрительно щипали за щеку; въ обоихъ случаяхъ мнѣ было больно. Онъ иногда сидѣлъ въ карцерѣ, иногда получалъ пятерки... Я ломалъ себѣ голову надъ „ручкой серпа" *), а онъ надъ латинскими и греческими вокабулами. Все же мы еще жили дружно. Мы по сосѣдству жили. Онъ втайнѣ училъ меня читать, потомъ книги одалживалъ. Въ позднѣйшіе годы мы пересоздавали міръ, лежа на зеленой муравѣ у рѣки... Я хотѣлъ изобрѣсти порохъ, которымъ можно было бы стрѣлять на далекое разстояніе—за сто миль, напримѣръ, а онъ - воздушный шаръ, полетѣть къ звѣздамъ, чтобы и у тѣхъ людей водворить „порядокъ"! Мы очень жалѣли бѣдный міръ, погрязшій въ грязи, и думали надъ тѣмъ; какъ бы его вытащить! Немазанныя колеса, лѣнивыя лошади, а возница спитъ!..

Потомъ я женился, а онъ уѣхалъ въ университетъ. Мы не переписывались. Случайно я послѣ узналъ, что съ нимъ что-то приключилось и кончилъ онъ не докторомъ, а аптекаремъ гдѣ-то. въ какомъ-то городкѣ...

Когда мой сосѣдъ сѣлъ въ карету, я чуть не закричалъ отъ радости, у меня въ груди потеплѣло, руки простерлись, я весь рванулся къ нему, но все таки удержался, всѣми силами старался удержаться.

Кто знаетъ, подумалъ я, хотя онъ и есть Янькъ Полневскій, нашего бывшаго секвестратора сынъ, мой бывшій товарищъ; хотя нѣкогда онъ обладалъ широкимъ сердцемъ, весь міръ готовъ былъ обнять и расцѣловать всѣ углы его, кромѣ тѣхъ безобразныхъ бородавокъ, которыхъ слѣдуетъ удалить!.. Но мало ли что, нынѣшнія времена! Можетъ быть онъ уже антисемитомъ сталъ, дѣятелемъ въ „Ролла"; можетъ быть теперь мы, евреи,—бородавки, которыхъ слѣдуетъ удалить съ прекраснаго носа Европы! Онъ, быть можетъ, еще обмѣритъ меня высокомѣрнымъ взглядомъ, а если даже станетъ со мною цѣловаться, то будетъ увѣрять, что я не такой, какъ всѣ евреи...

---

*) Трудное мѣсто въ трактатѣ Шевуотъ. (Перев.).

Но я ошибся. Полневскій меня сразу узналъ, упалъ въ мои объятія, и еще прежде чѣмъ успѣли разговориться, спросилъ меня, какъ мнѣ нравится мерзкій антисемитизмъ...

— Это нѣчто,—продолжалъ онъ, конечно, по польски,—вродѣ холеры, вродѣ эпидеміи.

— Нѣкоторые увѣряютъ, что это оправдывается *политическими* разсчетами...

— Не вѣрь,—прерываетъ Полневскій,—политика ничего новаго не производитъ, фактовъ не создаетъ. Она только можетъ пользоваться тѣми, которые существуютъ; нѣкоторые заглушить, а нѣкоторые выдвинуть. Малѣйшую искру она можетъ превратить въ адскій огонь; но самой этой искры она зажечь не можетъ... Человѣческая натура, а не политика прядетъ нити исторіи, политика ихъ только разнимаетъ, запутываетъ, переплетаетъ!

Антисемитизмъ—это болѣзнь, а политика становится у постели больного, какъ недобросовѣстный врачъ, который старается продлить болѣзнь.

Политика пользуется антисемитизмомъ; въ воздухѣ летитъ камень, приспѣшники Бисмарка направляютъ его въ окно синагоги, иначе другія стекла лопались бы... Поднимается угрожающій кулакъ, ему подставляютъ худую, сгорбленную еврейскую спину, иначе другія кости трещали бы...

— Но камень, кулакъ, вражда, ненависть—существуютъ сами по себѣ...

— Кто въ большинствѣ случаевъ умираетъ отъ эмиграціи? Слабыя дѣти, отжившіе старики, болѣзненные люди; кто становится жертвами нравственной эпидеміи? Дитя—чернь, отжившіе аристократы и нѣсколько безумцевъ, которые предводительствуютъ и доводятъ больную компанію до бѣшеной пляски! Удерживаются только вполнѣ здоровые умы!..

— А сколько у насъ здоровыхъ умовъ?—спрашиваю я.

— Сколько? Къ сожалѣнію, очень мало!—отвѣчаетъ Полневскій.

Мы оба печально замолкли. О чемъ мой спутникъ думалъ, я не знаю, мнѣ же казалось, что даже здоровые, желѣзные умы также тронуты. Въ исторіи бываютъ разные моменты: иной разъ

лучшіе, умнѣйшіе люди ведутъ за собой толпу, а иной разъ толпа за собой увлекаетъ лучшихъ, умнѣйшихъ людей... Предводитель народа—это Колумбъ, ищущій для человѣчества новое счастье, новую Америку... Но какъ только на суднѣ ощущается недостатокъ въ хлѣбѣ и водѣ, команда возмущается; тогда она уже управляетъ!.. Прежде всего нужна какая-нибудь жертва,—нужно голодъ утолить и злобу выместить.

— И не думай, — прерываетъ Полневскій мои невеселыя мысли,—что я самому себѣ комплименты говорю, что *я себя одного* считаю за сильнаго духомъ, который въ состояніи переносить эпидемію, что я тотъ дубъ, котораго буря съ мѣста не двинетъ.

— Нѣтъ, другъ мой,—продолжаетъ онъ,—я не изъ тѣхъ героевъ. Весьма возможно, что и я присталъ бы къ остальнымъ, возможно, что и меня вѣтеръ оторвалъ бы отъ древа познанія какъ гнилой листокъ и кружилъ бы меня въ воздухѣ. Со всѣми гнилыми листьями я вѣрилъ бы, что мы на балу, танцуемъ съ увлеченіемъ, а вѣтеръ—нанятый нами музыкантъ, наигрывающій намъ на дудкѣ...

— Меня спасъ случай... я узналъ одну еврейскую женщину! Слушай!

Я наклонился къ моему сосѣду, его лицо стало еще серьезнѣе, мрачнѣе, руками онъ оперся на колѣни и голову опустилъ на руки...

— Но не думай,—продолжалъ онъ,—что я встрѣтилъ героиню романа, желѣзный характеръ, который разрушаетъ встрѣчающіяся препятствія и гордо идетъ своей дорогой; не думай даже, что она „исключеніе“, „образованная“, съ новыми идеями, или вообще „идеалъ“ какой-нибудь.. Ничуть нѣтъ, я встрѣтилъ обыкновенную еврейскую женщину, можетъ быть изъ лучшихъ, въ такомъ случаѣ значитъ изъ болѣе несчастныхъ. Я ее полюбилъ, передъ тобой я не скрываю, и когда я слышу или читаю что-нибудь худое про евреевъ вообще, она встаетъ передо мною въ моей памяти со своими влажными, грустными глазами и молитъ меня: не вѣрь! Я не такая!..

Онъ глубоко задумался.

— Исторія самая обыкновенная,—начинаетъ онъ снова разсказывать,—мы за все время не переписывались, и ты не знаешь, что со мною за это время происходило. Я тебѣ вкратцѣ разскажу, такъ какъ ѣду только до Лукова...

По окончаніи гимназіи я поступилъ въ университетъ и изучалъ медицину. Я не окончилъ... Немножко по винѣ товарищей, по винѣ учителей, но всего больше по собственной винѣ... Я долженъ былъ выступить; сталъ аптекаремъ, женился, взялъ приданое и въ маленькомъ городишкѣ открылъ торговлю пилюлями и касторкой.

Мнѣ все-таки посчастливилось; тесть оказался честнымъ человѣкомъ, выплатившимъ мнѣ все приданое послѣ свадьбы, жена очень хорошей и красивой, а городокъ также сносный.

Моя жена называлась Маріей... Какъ живая встаетъ она теперь передъ моими глазами... Какъ бывало, стоя передъ зеркаломъ, она обращаетъ ко мнѣ лицо, безпомощная: золотистые локоны не хотятъ подчиниться деспотическому гребню, весело разлетаются эти локоны во всѣ стороны, ни за что не хотятъ улечься въ косу, по тогдашней модѣ.

Стройная... и такіе добрые, сердечные, такіе небесно-голубые глаза...

Практика намъ мало мѣшала; городишко слишкомъ бѣдный былъ, къ тому же аптека безъ доктора вообще мало чего стоитъ.

И такъ какъ торговли очень мало, то мы и жили какъ въ раю. Лѣтомъ, бывало, постоянно вдвоемъ на верандѣ, рука объ руку и уста къ устамъ!

И что насъ могло интересовать! На пропитаніе хватало, пойти куда-нибудь? Но куда? Съ нашей веранды мы почти весь городокъ видѣли... Низенькіе, покосившіеся домишки, съ высокими, почернѣвшими, деревянными чердаками, которые какъ бы съ состраданіемъ нагибались надъ стойками съ баранками и фруктами, передъ домишками, какъ бы желая защитить отъ солнца старыя, изможденныя лица торговокъ.

Городокъ былъ нѣкогда богатымъ. Чердаки были полны все-

возможнымъ зерномъ и фруктами; базаръ полонъ возами, крестьянами, факторами; а между бѣлыми сермягами и сѣрыми халатами появлялся нерѣдко также и большой панъ (такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ городкѣ разсказывали). Только шоссе и желѣзная дорога исключили городокъ этотъ изъ торговаго міра; улица базарная пуста, чердаки полны гнилыми луковицами и кусками сыра—единственное наслѣдство былыхъ, хорошихъ временъ.

Нищета—какую только можно себѣ представить! На каждый привозимый крестьяниномъ гарнецъ ржи находятся десять покупателей; этимъ они набиваютъ, конечно, цѣну; потомъ какъ-нибудь между собою улаживаютъ, обѣщаютъ отступное или всѣ вмѣстѣ въ компаніи покупаютъ, но всѣ десятеро напрасно шарятъ по карманамъ; у нихъ всѣхъ нѣтъ нужной суммы для уплаты за гарнецъ ржи, недостающую сумму приходится еще занять на проценты.

И сто портныхъ на одну пару брюкъ, пятьдесятъ сапожниковъ на одну заплатку. Я еще такой нищеты не встрѣчалъ...

Мы, насколько возможно, отдалились отъ городской жизни. Счастливые вѣдь эгоисты...

Въ окнѣ противъ нашего дома мы замѣтили молодую женщину не старше 18-ти лѣтъ, максимумъ 20, и оба не могли отъ нея глазъ отвести; она, правда, на насъ также засматривалась. Это было рѣдкое явленіе. Представь себѣ, красавица, чудная картина въ грязной рамѣ, какой только можетъ быть еврейское окно въ маленькомъ городишкѣ подъ ужасно покосившейся крышей. И вотъ представь себѣ—пара печальныхъ, мечтательныхъ, влажныхъ глазъ на мраморно-бѣломъ лицѣ и подъ шелковымъ парикомъ!..

Боже! Она на насъ производила страшное впечатлѣніе! Цѣлыми часами она простаивала у окна, заломивъ руки и печально смотрѣла на насъ, или на звѣзды небесныя, глотая слезы. Мы замѣтили, что она всегда одна (у вашихъ мужей вѣдь никогда времени нѣтъ), всегда печальная, тоскующая. Несчастье было у нея разлито по ея блѣдному лицу. *Она*, вѣрно, пріѣхала откуда-то издалека; привыкла къ чему-то лучшему и тосковала по этому, стремилась куда-то вдаль. Ея сердце жаждало свободной

жизни. *Она* также хотѣла жить, любить и быть любимой... Нѣтъ, говори что хочешь, но у васъ часто совершается та несправедливость, что вы продаете своихъ дочерей... Современемъ, правда, онѣ привыкаютъ, забываются... Онѣ благочестивы, терпѣливы и добры, но кто сочтетъ, сколько слезъ проливается, пока глазъ высыхаетъ!.. Сколько разъ сжимается грудь, пока привыкнетъ заживо быть похороненной? И за что съ ними такъ поступаютъ? Не за то ли, что онѣ такъ добры и благочестивы? Если бы ты зналъ мужа этой женщины!.. Желтизна... согбенный... Два раза ежедневно я его видалъ, утромъ, когда онъ выходилъ, и вечеромъ, когда возвращался домой...

Несправедливость!..

Вы вѣрно согласитесь, что мнѣ на это Полневскому нечего было отвѣтить...

Послѣ непродолжительнаго молчанія Полневскій опять заговорилъ:

— Однажды эта молодая женщина цѣлый день не показывалась у окна...

Вѣрно больна, подумали мы.

Вечеромъ приходитъ ея мужъ, желтизна-то эта, и проситъ лѣкарство.

— Какое лѣкарство?

— Откуда мнѣ знать,—говоритъ онъ,—лѣкарство!

— Для кого?

— Это вамъ также надо знать? Для жены моей!

— Что у нея такое?

— Не знаю... *Она* говоритъ, что у *ней* грудь болитъ...

Такъ, разсказываетъ Полневскій, завязалось наше знакомство. Что тебѣ долго разсказывать, вѣдь я отчасти докторъ, такъ и пошелъ туда...

Полневскій уже сталъ говорить полусловами, началъ искать свои папиросы, потомъ спички, наконецъ совсѣмъ прервалъ, открылъ саквояжъ свой и началъ въ немъ рыться.

За это время меня одолѣли различныя мысли.

Я опять сталъ на Полневскаго смотрѣть другими глазами; мнѣ какъ-то больно становилось отъ его разсказа...

Кто его знаетъ! Кто знаетъ, что въ немъ таится!

Мнѣ стало вдругъ казаться, что я вижу передъ собой польскаго хорька, прокрадывающагося въ еврейскій курятникъ. Онъ что-то слишкомъ возмущается судьбой еврейскихъ дочерей, слишкомъ ужъ долго онъ ищетъ спичекъ, чего-то ему стыдно! Почему онъ не хочетъ „долго разсказывать"? Почему онъ не хочетъ разсказать мнѣ все какъ было съ мельчайшими подробностями? Кто знаетъ, какую роль онъ сыгралъ во всей этой исторіи! Не старую ли роль змія въ раю? Что, развѣ совѣсть не допуститъ? Велика важность! *Еврейская* женщина, почему нѣтъ? Въ былое время считалось добрымъ дѣломъ окрестить еврейскую душу, теперь же—хоть вызвать въ ней возмущеніе противъ ея Бога, ея родителей, мужа и всей ея жизни!

Это называется либерализмомъ,—проникнуть въ темницу, внести съ собой струю свѣжаго воздуха, цѣлый снопъ солнечныхъ лучей, разбудить арестанта, преподнести ему кусокъ пряника и снова исчезнуть... Не слышать, какъ арестантъ скрежещетъ зубами, когда ключъ повертывается въ заржавленномъ замкѣ; какъ прерывисто онъ дышитъ, какъ рветъ на себѣ волосы, или, если только еще умѣетъ плакать, горькими слезами обливаетъ свой заплеснѣвшій, мышами изгрызенный кусокъ хлѣба...

Разбудить темное, заспанное, угнетенное еврейское женское сердце, вызвать сладкій, романтическій аккордъ, воспламенить новое, дикое, неизвѣданное или давно забытое чувство, нацѣловаться вдосталь, а потомъ прощай! Заколотить наглухо дверь! Пусть горька и безотрадна будетъ ея жизнь!

. . . . . .

Мы такъ напитались ядомъ, желчью, ненавистью, что когда намъ подаютъ хлѣбъ съ солью, то мы въ полной увѣренности, что это отрава... хотя бы рука подающаго дрожала отъ состраданія, на глазахъ выступали слезы милосердія, а на устахъ—слова утѣшенія...

Трудно вѣрится! Мы также заражены, и насъ также отравило повѣтріе...

. . . . . .

Полневскій тѣмъ временемъ нашелъ свои спички, и я неохотно принялъ отъ него папиросу. Мы закурили, карета наполнилась голубыми кольцами дыма, я слѣдилъ за ними и думалъ свои невеселыя думы.

. . . . . .

— Мы познакомились,—продолжаетъ мой спутникъ,—но до ближайшаго знакомства не дошло.

— Почему?—спрашиваю я, пораженный.

— Издали мы снова смотрѣли другъ на друга какъ лучшіе друзья, ни *она* не могла къ намъ, ни *мы* къ ней приходить. *Ей* бы порядкомъ досталось, городокъ этотъ до крайности ортодоксальный, кромѣ фельдшера и молодого дамскаго портного всѣ носили халаты...

И кромѣ того я и самъ не знаю, что насъ удерживало, но не въ этомъ дѣло.

Меня тѣмъ временемъ постигло величайшее несчастіе, какое только можетъ обрушиться на человѣка.

Аптека очень мало приносила доходу и моя жена начала болѣть.

День за днемъ я ясно видѣлъ, что она умираетъ, и нечѣмъ было ее спасти. Ей нужна была Италія, а не хватало на пропитаніе.

При чахоткѣ, какъ ты знаешь, больной полонъ надеждъ и не сознаетъ болѣзни. Всю боль, всю печаль ты долженъ подавить, заглушить глубоко въ сердцѣ. Когда сердце обливается кровью, ты долженъ улыбаться, чело должно быть ясно, не въ морщинахъ. Каждую секунду въ тебѣ душа замираетъ, а ты долженъ помогать строить планы на будущій годъ, какъ увеличимъ домъ, купимъ рояль...

Голосъ у него дрогнулъ.

— Я не въ состояніи тебѣ все передать, опять пережить эти ужасныя муки. Но несчастье сблизило насъ съ сосѣдкой, тогда лишь мы ближе сошлись.

Издали уже показалось Луково.

— Въ эти нѣсколько минутъ, которыя намъ еще остаются, я спѣшу тебѣ сказать, что такой несчастной молодой женщины и къ тому же съ такимъ чувствомъ и состраданіемъ къ другимъ я въ жизни своей не встрѣчалъ, и такая простая, естественная, не утрированная...

Она не оставляла кровати Маріи, она добилась у мужа, чтобы тотъ досталъ мнѣ денегъ на небольшіе проценты; она была нашей сидѣлкой, нашей хозяйкой, кухарой, нашимъ преданнѣйшимъ другомъ!

А когда Марія умерла, труднѣе, можетъ, было ее утѣшить, чѣмъ меня!

Тогда я убѣдился, что вражда между народами неестественна... Плохо вообще живется на свѣтѣ; болѣе горячіе, вспыльчивые или наиболѣе несчастные хотятъ протестовать, а нечестный писатель, политическій адвокатъ пишетъ имъ доносъ на евреевъ...

Я ясно видѣлъ, что евреи намъ не враги, что мы *можемъ* жить въ мирѣ!..

Луково все приближается, а я все еще опасаюсь конца, я его прерываю вопросомъ:

— А что сталось съ этой молодой еврейкой?

— Я знаю? Я похоронилъ жену, продалъ аптеку, расплакался при прощаніи съ моей сосѣдкой; и ничего больше! Теперь я живу въ Луковѣ, и мнѣ тоже не везетъ...

— Скажи мнѣ, какъ называется городокъ, въ которомъ ты жилъ?

— Конская Воля.

— А твоя сосѣдка высокая, блѣдная?..

— Да!

— Худощавая?

— Да; ты ее знаешь?—спрашиваетъ онъ обрадованный.

— У нея родинка на лѣвой сторонѣ носа?

— Какая тамъ родинка,—смѣется Яныкъ,—что тебѣ вздумалось?

— Я думаю, можетъ быть я ошибся и спрашиваю.

— Можетъ быть на правой сторонѣ носа?

— Что за родинка! Что ты говоришь?

— Можетъ быть ты не замѣтилъ? Но ея мужъ рыжій?

— Да.

— Его зовутъ Хаимомъ?

— Кажется нѣтъ, а можетъ быть да, чортъ его знаетъ!..

— Но она называется Хана?

— Нѣтъ! Сура! Я хорошо помню Сура... я ее называлъ Суруня... Ея имени я не забуду!

Глупо, *одна* ли еврейская женщина такъ живетъ?

Перев. Р. Р.

Развитіе сіонистскаго міровоззрѣнія у Теодора Герцля.

(Къ годовщинѣ его смерти).

Мы намѣрены въ настоящей статьѣ прослѣдить послѣдовательный ходъ развитія у Теодора Герцля сіонистскаго міровоззрѣнія. Намъ придется для этой цѣли обращаться къ сіонистскимъ произведеніямъ Герцля; необходимо поэтому предпослать о нихъ нѣсколько замѣчаній.

Всѣ сіонистскія произведенія Герцля, изъ которыхъ самыми главными являются: „Новое гетто", „Еврейское государство" и „Altneuland", дѣлятся, на нашъ взглядъ, на три группы—въ порядкѣ не хронологическомъ, а ихъ выраженія сіонистскаго міровоззрѣнія д-ра Герцля.

Въ то время, какъ, напримѣръ въ „Новомъ гетто" и нѣкоторыхъ другихъ его небольшихъ произведеніяхъ, мы видимъ Герцля въ первый періодъ зарожденія у него идеи еврейскаго націонализма и сіонизма, — мы его видимъ здѣсь ищущимъ, но еще не обрѣвшимъ рѣшенія мучившаго его еврейскаго вопроса, — онъ въ другихъ своихъ сіонистскихъ произведеніяхъ, какъ напримѣръ въ „Еврейскомъ государствѣ", является уже съ вполнѣ опредѣленной программой еврейско-національнаго политическаго движенія,—и послѣ нѣкоторыхъ колебаній останавливается на идеѣ политическаго сіонизма, какъ на единственно вѣрномъ, по его мнѣнію, рѣшеніи еврейскаго вопроса; наконецъ, въ своемъ послѣднемъ сіонистскомъ произведеніи, въ романѣ „Altneuland", Герцль рисуетъ свой идеалъ осуществленнаго сіонизма, а отчасти рекомендуетъ также и средства для это осуществленія.

Въ настоящей статьѣ намъ придется обращаться преимущественно къ произведеніямъ первой и только отчасти къ произведеніямъ второй группы.

I.

Всегда ли Герцль видѣлъ въ сіонизмѣ рѣшеніе еврейскаго вопроса, или же онъ до того, какъ судьба поставила его во главѣ еврейско-національнаго движенія, иначе относился къ идеѣ, апостоломъ которой онъ впослѣдствіи жилъ и умеръ?

Было время, — и оно относится къ началу политическаго сіонизма въ Россіи, къ періоду, такъ сказать, перваго любовнаго увлеченія имъ, когда уже одна постановка такого вопроса о возрастѣ сіонистскихъ убѣжденій д-ра Герцля считалась бы величайшимъ святотатствомъ. Теперь мы знаемъ, что незадолго до того, что онъ сталъ творцомъ и первымъ вождемъ политическаго сіонизма, Герцль былъ самымъ убѣжденнымъ антисіонистомъ.

Въ 1894 г., т. е. за два года до появленія въ свѣтъ „Judenstaat'a, Герцль, обозрѣвая въ „Neue Freie Presse" парижскій театръ, обрушился особенно на Дюма-сына за его драму „Femme de Claude".

Дюма, — жаловался тогда Герцль,—въ погонѣ за оригинальностью, задался цѣлью вездѣ и всюду открывать новыя „перспективы", хотя бы для того приходилось совершенно идти въ разрѣзъ съ фактами и логикой реальной жизни и трезваго ума. Такой неудачной „перспективой" Герцль находитъ и идею Дюма вселить одному изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, старику-еврею Даніелю, сіонистскія стремленія. Герцль по поводу этой идеи Дюма пишетъ [1]):

„Недѣйствительное средство употребляется и для того, чтобы показать еврейскій вопросъ въ перспективѣ. Опять перспектива— конечно, ложная. Добрый еврей Даніель желаетъ опять найти родину своего племени и повести домой своихъ разсѣянныхъ братьевъ. Однако, какъ разъ такой Даніель знаетъ, что услуги никакой не было бы для евреевъ, если бы имъ возвращена была ихъ историческая родина. Было бы ребячествомъ искать географическое положеніе этой страны. Оно извѣстно каждому школьнику. И если бы евреи дѣйствительно „возвратились домой", то они на другой же день открыли бы, что они давно уже не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ. Они въ продолженіе столѣтій укоренились на новыхъ родинахъ, гдѣ и націонализировались, они совершенно разнятся другъ отъ друга и удерживаютъ нѣкоторое сход-

[1]) См. „Neue Freie Presse" отъ 17 окт. 1894 г.

ство характеровъ лишь благодаря давленію, вездѣ ихъ окружающему".

Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Герцлю какъ-то разъ напомнили объ этихъ его антисіонистскихъ взглядахъ, онъ отвѣчалъ стихами Поля Гейзе.

„Wer heute klüger ist als gestern
Und es mit frohem Muth bekennt,
Den werden die Biedermänner lästern
Und sagen: er sei inkonsequent" [1]).

Позволительно, конечно, съ теченіемъ времени или подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій мѣнять свои убѣжденія, но замѣчательно все-таки, что у Герцля „непослѣдовательность" существовала уже въ то самое время, когда онъ такъ рѣшительно и категорически высказался противъ сіонистскихъ „перспективъ" Дюма-сына. Къ тому же 1894 г., въ которомъ Герцль разбиралъ въ „N. F. P." драму Дюма, относится и происхожденіе герцлевской драмы „Новое гетто", одного изъ самыхъ „непослѣдовательныхъ" произведеній д-ра Герцля.

Я долженъ оговориться. Не о той „непослѣдовательности" я говорю, которая смущаетъ недальновидныхъ мѣщанъ, а Герцлемъ понимается какъ вполнѣ естественное образумленіе: я говорю о дѣйствительной непослѣдовательности, которая чувствуется на каждой страницѣ герцлевской драмы и за которую мы, однако, столь же мало можемъ винить автора, какъ могли бы винить больного съ высокой температурой за непослѣдовательность въ его мысляхъ и разговорѣ.

Температура соціально-политическихъ условій, при которой въ душѣ Герцля сложилось „Новое гетто", была высокая и убійственная по крайнему разнообразію тяжелыхъ общественныхъ и національныхъ вопросовъ, неотвязно подступавшихъ и требовавшихъ себѣ рѣшенія отъ каждаго мыслящаго еврейскаго интеллигента, а особенно отъ каждаго честнаго еврейскаго писателя.

Борьба труда съ капиталомъ, рабочее движеніе, національные предразсудки и надъ всѣмъ этимъ антисемитизмъ—легко ли разобраться во всѣхъ этихъ разнообразныхъ вопросахъ и найти имъ категорическое рѣшеніе, въ особенности еврейскому писателю и

---

[1]) Кто сегодня умнѣе сталъ, чѣмъ былъ вчера
И признаетъ это открыто и смѣло,
Того мѣщане станутъ поносить
И утверждать:—онъ непослѣдователенъ.

борцу?.. Вы, можетъ быть, человѣкъ, сочувствующій угнетеннымъ общественнымъ классамъ, и въ борьбѣ труда съ капиталомъ ваши симпатіи на сторонѣ перваго,—но вы не только человѣкъ, но и еврей, — и въ качествѣ таковаго вы и среди эксплоатирующихъ хозяевъ-работодателей, среди тѣхъ самыхъ работодателей, которые васъ только что такъ больно возмутили своей эксплоатаціей труда рабочаго, — вы и въ этихъ ненавистныхъ вамъ вампирахъ вдругъ открываете людей преслѣдуемыхъ, гонимыхъ, побиваемыхъ на погромахъ и невинно разоряемыхъ, людей, лишенныхъ угла и пристанища, лишенныхъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, не оберегаемыхъ закономъ,—и ко всему тому эти люди—вы должны сказать себѣ это—плоть отъ плоти, кровь отъ крови вашей. Вы отвернетесь отъ нихъ и не захотите слить своихъ интересовъ съ интересами этихъ буржуевъ; но вы тогда отъ себя отворачиваетесь, отъ своей родной семьи отворачиваетесь, которая, хороша ли, плоха ли,—вашей родной семьей все-таки остается.

Или же возьмемъ противоположную возможность. Вы не отвернулись и не только не отвернулись,—вы пристали и продолжаете приставать къ своей семьѣ все тѣснѣе и тѣснѣе; вы живете съ ней одной общей и согласной жизнью, и въ своей любви не различаете ея злыхъ отъ добрыхъ, уродовъ отъ геніевъ,—вы, допустимъ, націоналистъ, убѣжденный, горячій націоналистъ и готовы себя отдать въ жертву національному служенію,—но, будучи евреемъ и даже еврейскимъ націоналистомъ, вы, однако, не перестаете быть человѣкомъ,—и въ качествѣ таковаго вы не можете закрывать глаза на все остальное людское горе, кромѣ спеціально еврейскаго, и даже въ минуты гнѣва и возмущенія по поводу обидъ, нанесенныхъ вашему народу—вы часто должны себѣ сказать, что и обидчикъ заслуживаетъ не гнѣва, а состраданія и сочувствія, ибо и обидчикамъ-то онъ сталъ не по своей волѣ; вы должны сказать себѣ, что и этотъ жестокій обидчикъ въ сущности не злой, а только жалкій, безвольный человѣкъ, жертва условій, искусственно воспитавшихъ его, сдѣлавшихъ его безсмысленнымъ орудіемъ въ рукахъ людей злыхъ и вредныхъ, вредныхъ какъ для него самого, обидчика, такъ и для обижаемыхъ родныхъ и близкихъ вашихъ. Наконецъ, даже оставаясь на почвѣ національныхъ интересовъ и національнаго служенія, вы сплошь и рядомъ наталкиваетесь на случаи, когда вы должны признать тѣсную зависимость условій жизни вашей націи отъ общихъ условій окружающей жизни, и

когда вы съ болью въ сердцѣ должны сказать себѣ, что всѣ ваши попытки національнаго служенія рискуютъ остаться совершенно безплодными, если война съ существующими условіями не будетъ расширена далеко за предѣлы спеціально-національныхъ интересовъ. Создается, такимъ образомъ, разладъ, разладъ внутренній, душевный, мучительный и тяжелый. Создается этотъ разладъ въ душѣ зауряднаго интеллигента, но еще сильнѣе онъ въ душѣ интеллигента мыслящаго, глубже чувствующаго, призваннаго поучать и просвѣтлять другихъ.

У практическихъ дѣятелей и у кабинетныхъ теоретиковъ, въ жизни и литературѣ чувствуется этотъ грустный разладъ, который не мудрствующими лукаво мѣщанами можетъ быть принятъ за обыкновенную непослѣдовательность. Въ „Новомъ гетто" Герцля на каждой страницѣ чувствуется эта непослѣдовательность. На самомъ же дѣлѣ—внутренній разладъ и исканіе новыхъ путей.

II.

Завязка драмы не особенно сложна, но гораздо важнѣе отдѣльныя переживанія и разсужденія дѣйствующихъ лицъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Галиціи, въ средѣ еврейскаго гетто. Молодая и красивая Гермина Гельманъ, дочь богатаго еврейскаго мануфактуриста, выходитъ замужъ за молодого доктора правъ Якова Самуэля, являющагося центральной фигурой всей драмы. Докторъ Самуэль—идеалистъ, но не выразитель той или другой общественной или политической идеи. Его идеализмъ коренится не въ убѣжденіяхъ или понятіяхъ, а въ врожденномъ или привитомъ воспитаніемъ аристократизмѣ духа. Яковъ Самуэль поклоняется добру и сочувствуетъ страдающимъ людямъ, но его сочувствіе и состраданіе исходятъ исключительно изъ сердца, и не выливаются въ какую-либо опредѣленную „программу дѣйствій". Мы не видимъ въ драмѣ, чтобы молодой Самуэль до нашего знакомства съ нимъ принадлежалъ къ какой-либо партіи или исповѣдывалъ какое-либо ученіе. Онъ просто добрый, сочувствующій человѣкъ, съ вѣрой въ людей, добро и справедливость, съ стремленіями добрыми, честными, но неясными и неопредѣленными. Въ семьѣ его родителей, честнаго часовщика Самуэля, его окружали любовь и нѣжность, внѣ семьи онъ всегда вращался въ домѣ своего товарища нѣмца Франца Вурцлехнера, и ни самъ Францъ, ни его родители никогда ни однимъ движеніемъ не да-

вали Самуэлю чувствовать, что его отдѣляетъ отъ нихъ племенное происхожденіе или принадлежность къ другой религіи.

Единственное болѣе крупное переживаніе, о которомъ мы узнаемъ изъ прошлаго д-ра Самуэля, заключалось въ слѣдующемъ. Онъ когда-то по самому ничтожному поводу поспорилъ съ отставнымъ ротмистромъ Шроммомъ, и тотъ его вызвалъ на дуэль. Яковъ Самуэль сперва принялъ вызовъ, но когда явились секунданты, онъ, разсудивъ, что глупо стрѣляться по такому ничтожному поводу, предпочелъ извиниться. На первый посторонній взглядъ этотъ поступокъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, за что бы стоило себѣ долго кровь портить, но молодой д-ръ разсуждаетъ иначе. Онъ находится подъ вліяніемъ предразсудковъ нѣмецкаго общества, считающаго евреевъ трусами, и не можетъ стать выше этихъ предразсудковъ. Раскаявшись въ своемъ отказѣ отъ дуэли, онъ ищетъ затѣмъ новаго столкновенія съ своимъ противникомъ, но случай не подвертывается. Ротмистръ Шроммъ, повидимому, самъ не придаетъ этой исторіи большого значенія, и послѣ извиненія не даетъ больше Самуэлю никакихъ поводовъ къ придиркамъ, а неудовлетворенный еврейскій д-ръ навсегда сохраняетъ въ своей душѣ чувство стыда за уступчивость, которая разными нѣмецкими ротмистрами можетъ быть истолкована какъ трусость. Еще спустя пять лѣтъ, уже будучи мужемъ Германы Гельманъ, Яковъ помнитъ эту исторію, и увидѣвъ Шромма въ числѣ своихъ свадебныхъ гостей, сгараетъ отъ стыда и изливаетъ предъ товарищемъ Францомъ свое горе. Когда же Францъ пробуетъ его успокоить, находя, что всякій благоразумный человѣкъ такъ же поступилъ бы, какъ его другъ, Самуэль возражаетъ:

— Я—нѣтъ, я не могъ, потому что я еврей. Вы, вы можете къ подобнымъ вещамъ относиться легче. Если ты, Францъ Вурцлехнеръ, миролюбиво покончишь такую исторію, — ты спокойный и сдержанный человѣкъ. Я, Яковъ Самуэль,—трусъ.

Этотъ случай съ нѣмецкимъ ротмистромъ—единственное, что авторъ открываетъ намъ изъ прошлаго своего героя, и мы узнаемъ изъ него развѣ только, то что Яковъ Самуэль находится подъ сильнымъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, котораго онъ, по своимъ понятіямъ, не раздѣляетъ, узнаемъ также и то, что онъ почему то чувствуетъ себя евреемъ, хотя и не видимъ точекъ соприкосновенія съ евреями или съ еврействомъ.

Гораздо больше мы начинаемъ понимать Самуэля съ того момента, когда мы знакомимся съ нимъ въ его новомъ кругу. Со вступленіемъ въ домъ Гельмановъ, молодой д-ръ попадаетъ

въ совершенно новыя для него сферы, и ему впервые въ жизни приходится столкнуться лицомъ къ лицу съ необходимостью разобраться въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и къ жгучимъ общественнымъ вопросамъ. Кругъ Гельмановъ — это кругъ еврейскихъ банкировъ, биржевиковъ и маклеровъ; это міръ финансоваго дѣла, гешефта, міръ погони за деньгами и за личнымъ буржуазнымъ благополучіемъ. Мы не видимъ, чтобы и д-ръ Самуэль имѣлъ какія либо намѣренія отказываться отъ личнаго счастья, и свою жизнь съ Герминой Гельманъ онъ устраиваетъ вполнѣ въ духѣ буржуазныхъ наклонностей. Но между буржуазностью д-ра Самуэля и буржуазностью его новой среды цѣлая пропасть. Буржуазность д-ра Самуэля можетъ быть названа таковой развѣ въ сопоставленіи съ бездомнымъ пролетарствомъ, но она не носитъ ни слѣда всѣхъ тѣхъ несимпатичныхъ сторонъ, которыя насъ отталкиваютъ въ буржуазности разжирѣвшей плутократіи и кулачнаго мѣщанства. Устраивая свою личную жизнь, Яковъ Самуэль разсчитываетъ исключительно на свои силы и способности, на свой талантъ и знанія, онъ не только душой и тѣломъ далекъ отъ всякой эксплоатаціи чужого труда, отъ всякаго наживанія нечистыми средствами, отъ всякихъ сдѣлокъ со своей совѣстью или компромиссовъ со своими убѣжденіями,—хотя соблазновъ и искушеній ему бы не искать стать, но онъ также воодушевленъ идеалами общественнаго служенія, онъ близко принимаетъ къ сердцу обиды своего народа и въ продолженіе своей адвокатской дѣятельности даетъ намъ фактическія доказательства своей готовности пожертвовать личными интересами и интересами своихъ кровныхъ близкихъ, заступаясь за несправедливо обижаемыхъ и эксплоатируемыхъ. Личная жизнь д-ра Самуэля, несмотря на нѣкоторые ея буржуазные оттѣнки, дышетъ чистой, обаятельной поэзіей, благодаря возвышенному, мечтательному идеализму, которымъ она вся проникнута и благодаря отсутствію того сухого, черствого себялюбія, сытаго и довольнаго мѣщанства, которое кладетъ непривлекательный отпечатокъ на жизнь и дѣйствія буржуазіи. И вотъ этотъ буржуазный интеллигентъ и безпрограммный идеалистъ долженъ жить и дѣйствовать среди капиталистической буржуазіи, и въ ея отношеніяхъ къ угнетеннымъ классамъ стать на одну или другую сторону. Не задумываясь ни на минуту, д-ръ Самуэль становится на сторону униженныхъ и оскорбленныхъ. Характерно при этомъ для идеалиста, дѣлающаго добро не по предписаніямъ той или иной „программы“, а по внутреннему влеченію души, что сочувствіе его

распространяется не на исключительный классъ или группу людей, а на всякаго и каждаго, котораго, по его мнѣнію, постигла несправедливость.

Шуринъ д-ра Самуэля, разсчитывая на коммерческую неопытность ротмистра Шромма, замышляетъ втянуть его въ биржевую спекуляцію, въ которой весь рискъ падетъ на простака-ротмистра, между тѣмъ какъ выгоды отъ предпріятія достанутся Рейнбергу (такъ звали шурина Самуэля) въ одинаковой, если не въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ Шромму. И д-ръ Самуэль, котораго Рейнбергъ довѣрчиво посвящаетъ въ свой планъ, желая поручить ему выработку устава предполагаемаго акціонернаго общества,—д-ръ Самуэль, ни минуты не останавливаясь ни передъ искушеніемъ личныхъ выгодъ, ни передъ родственными чувствами къ Рейнбергу, энергично протестуетъ противъ безчестнаго намѣренія своего спекулирующаго шурина и настаиваетъ на своемъ желаніи отстоять интересы Шромма. Впрочемъ, замѣтимъ здѣсь же, что въ своемъ желаніи устроить дѣла Шромма—д-ръ Самуэль руководствуется еще и другимъ, можетъ быть, даже болѣе вѣскимъ для него соображеніемъ, чѣмъ возмущеніе несправедливостью биржевыхъ спекулянтовъ: онъ полагаетъ, что долженъ, какъ *еврей*, поступить именно такъ, а не иначе.

Но къ націонализму нашего героя мы вернемся впослѣдствіи. А теперь мы перевернемъ двѣ-три страницы въ драмѣ д-ра Герцля, и и мы найдемъ д-ра Самуэля разговаривающимъ съ пролетаріемъ Ведникомъ, работающимъ въ угольныхъ копяхъ Шромма и присланнымъ просить у адвоката Самуэля защиты интересовъ рабочихъ, эксплоатируемыхъ этимъ самымъ Шроммомъ. Ужасы положенія рабочихъ, рисуемые Ведникомъ въ простыхъ безхитростныхъ выраженіяхъ и цифрахъ, производятъ на Самуэля столь сильное впечатлѣніе, что онъ, опять забывъ свои личные интересы, забывъ даже о своемъ желаніи оказать Шромму услугу и тѣмъ дать ему фактическое доказательство еврейской честности, тутъ же оставляетъ свое намѣреніе вмѣшаться въ затѣваемую биржевую спекуляцію и отправляется съ Ведникомъ устраивать дѣла рабочихъ. Будь Самуэль резонеромъ на соціально-политическія темы, или пожелай авторъ „Новаго гетто“ проповѣдывать ученіе какого-либо общественнаго теченія, этотъ поступокъ Самуэля сопровождался бы разсужденіями о положеніи рабочихъ, о порабощеніи труда капиталомъ, о рабочемъ движеніи, о задачахъ и стремленіяхъ соціалъ-демократіи и т. д. Но адвокатъ Самуэль не разсуждаетъ о соціальныхъ отношеніяхъ, а

поддается порывамъ своей души. Онъ не соціалъ-демократъ, и не программа рабочаго движенія предписываетъ ему защищать интересы рабочихъ: его толкаетъ на доброе дѣло идеализмъ, идеализмъ безпрограммный, а чистый и глубокій, отзывчивость, воспринятая не умомъ, а сердцемъ, возвышенная, распространяющаяся на всѣ классы и группы людей безъ различія ихъ общественнаго и даже экономическаго положенія.

III.

Отношеніе д-ра Самуэля къ еврейству и еврейскому вопросу столь же неопредѣленное, и диктуется оно опять-таки не партійными убѣжденіями и выработанными понятіями, а порывами сердца и чувства.

Мы видѣли уже, что, не получивъ строго-еврейскаго воспитанія, водя знакомство и дружбу преимущественно съ христіанами и прекрасно уживаясь съ ними, д-ръ Самуэль все-таки не разорвалъ внутренней, родственной связи съ еврействомъ и глубоко чувствуетъ обидное отношеніе христіанскаго общества къ евреямъ. Но, переступивъ порогъ гельмановскаго дома, д-ръ Самуэль попадаетъ въ само еврейское гетто и силой обстоятельствъ поставленъ, такимъ образомъ, въ необходимость ближе присматриваться ко всѣмъ его безотраднымъ явленіямъ и фактамъ. Жизнь всѣхъ этихъ еврейскихъ Вассерштейновъ, Рейнберговъ, не знающихъ свободной, трудовой жизни, силой историческихъ условій и людской несправедливостью низведенныхъ до степени общественныхъ паріевъ, которые, попавъ подъ колесо жизни, становятся презрѣннымъ лумпенпролетаріемъ, какимъ мы застаемъ Вассерштейна въ началѣ драмы, или же, схвативъ жизнь за рога, становятся безсердечными, грубо-эгоистическими денежными мѣшками, какими мы видимъ Рейнберга въ началѣ, и того же Вассерштейна въ концѣ,— жизнь этихъ евреевъ наполняетъ душу Самуэля безнадежной тоской и уныніемъ. Интересно при этомъ, что д-ръ Самуэль сокрушается не столько о матеріальной нуждѣ, царящей въ гетто, сколько о нравственной обезличенности его обитателей.

Разъ, правда, упоминается въ драмѣ какъ-то вскользь о „несчастныхъ переселенцахъ“, но это только случайно, мимоходомъ; особенно близкаго знакомства съ еврейской нуждой у молодого Самуэля ни до, ни послѣ нашей встрѣчи съ нимъ не было,—и не матеріальная нужда еврейской бѣдноты причина его націона-

листскихъ помысловъ. Его чувства и помыслы заняты больше моральнымъ гетто, моральной искалѣченностью обитателей еврейскаго гетто, и тѣми нравственными уколами, которые наносятся этимъ обитателямъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нимъ неевреевъ. Даже это, по мнѣнію д-ра Самуэля, не старое, еврейское гетто отцовъ нашихъ со стѣнами и внѣшними преградами, это „новое гетто" дѣтей есть, по понятіямъ Самуэля, преимущественно гетто духа, моральное гетто съ внутренними преградами, созданными заблужденіями помраченнаго ума и сердца.

— Если онъ (т. е. его приказчикъ) позволитъ себѣ что-нибудь дурное, — жалуется старикъ Самуэль своему сыну, — покупатели скажутъ, что я жидъ „обманщикъ" (стр. 36).

— Вы меня не понимаете?—объясняетъ д-ръ Самуэль Вассерштейну вредъ, приносимый еврейскими биржевыми спекулянтами.— Вы вредите намъ, евреямъ. Эти большія денежныя перемѣщенія губятъ не только капиталы, но и людей. А жертвы биржи обвиняютъ евреевъ въ постигшей ихъ неудачѣ. Рѣдко кто такъ проницателенъ, чтобы понимать причинную связь вещей. Люди видятъ только людей... Поэтому я скорблю, когда мои близкіе прикосновенны къ биржевому ажіотажу.

Д-ръ Самуэль, мы видимъ, сокрушается, о томъ, что христіане, по своему недомыслію, винятъ огульно все еврейство тамъ, гдѣ виноваты отдѣльные развѣ евреи. Но и знакомые ему евреи не дальше ушли христіанъ, и нисколько не намѣрены бороться противъ существующихъ преградъ. Горячая проповѣдь д-ра Самуэля о вредѣ еврейскихъ биржевиковъ вызываетъ у его шурина Рейнберга одно только язвительное обращеніе къ Вассерштейну:

— Пойдемте, я ликвидирую свои дѣла... послѣ такой проповѣди.

Когда этому самому Рейнбергу представляется возможность опутать христіанина Шромма, онъ ни минуты не колеблется, идя опять въ разрѣзъ съ понятіями своего шурина-идеалиста, который полагаетъ, что именно христіанъ еврейскіе биржевики особенно должны были бы щадить въ своихъ операціяхъ, чтобы не увеличивать „преградъ". Когда онъ, д-ръ Самуэль, послѣ нѣкоторыхъ колебаній соглашается выработать уставъ учреждаемаго Рейнбергомъ и Шроммомъ акціонернаго общества, онъ дѣлаетъ это только съ нескрываемымъ намѣреніемъ соблюсти интересъ Шромма, — и заявляетъ при этомъ:

— У меня своя причина, чисто личная, привести твои дѣла съ Шроммомъ въ порядокъ.

— Онъ долженъ видѣть,—объясняетъ дальше Яковъ, — что имѣетъ дѣло съ порядочными людьми.

Какъ бы, однако, авторъ ни относился отрицательно къ евреямъ—Вассерштейнамъ и Рейнбергамъ, винить ихъ онъ не можетъ и не хочетъ; они—жертва условій и не по своему желанію стали тѣмъ, что они есть. Въ глубинѣ души и они не чужды благородныхъ порывовъ и стремленій къ другой жизни. Это намъ выражаетъ ограниченный, но простодушный Вассерштейнъ въ порывѣ восхищенія отъ смѣлаго поступка д-ра Самуэля, заступившимся предъ Шроммомъ за его рудокоповъ и въ пылу спора отпустившаго даже пощечину нѣмецкому ротмистру, когда тотъ позволилъ себѣ задѣть честь еврейскаго д-ра. Вассерштейнъ въ разговорѣ съ женой д-ра Самуэля такъ выражаетъ свои чувства по поводу этого инцидента:

Вассерштейнъ: А какъ это меня обрадовало, я и сказать не могу. Если бы вы слышали, какъ онъ заступился за бѣдныхъ рабочихъ! Мнѣ сдѣлалось жарко, потомъ холодно. Я даю, я беру,—все вертится около денегъ. Но есть еще нѣчто другое: честь!

Гермина: Да, онъ говоритъ это часто!

Вассерштейнъ: Я не могу этого говорить, но оно возбудило и меня. Я знаю, — я тотъ нѣкто, который имѣетъ деньги или не имѣетъ ихъ... Для меня все хорошо, все справедливо. Но, слава Богу, есть еще другіе евреи... Быть можетъ, если бы и я чему-нибудь учился и не былъ такимъ пришибленнымъ человѣкомъ, о котораго всѣ вытирали свои сапоги,—можетъ быть, и я былъ бы другимъ... Пожалуйста, не трудитесь возражать мнѣ... Что я такое?.. Я долженъ все пріобрѣтать—только деньгами. Я долженъ платить за дружбу, за любовь, платить за хорошее обращеніе со мной въ гостиницѣ, гдѣ я постоянно бываю... Имѣю я деньги, меня въ лицо называютъ г. фонъ-Вассерштейнъ, и высмѣиваютъ если у меня ихъ нѣтъ... (Мягко). Мнѣ очень грустно... (стр. 73).

Итакъ, констатирована наличность новаго еврейскаго гетто, экономическаго, но еще болѣе моральнаго. До этого сознанія дошелъ пока д-ръ Самуэль. Что же теперь дѣлать еврейской интеллигенціи? Каковы ея задачи предъ этимъ новымъ гетто?

— Должно остаться въ гетто,—настаиваетъ полумистикъ раввинъ д-ръ Фридгеймеръ, но не разъясняетъ, для чего тамъ оставаться, съ какими цѣлями и стремленіями, для какой дѣятельности.

— А я отвѣчу вамъ, — говоритъ онъ:—мы не можемъ уйти!

Если настоящее гетто еще существуетъ, мы не должны оставлять его безъ позволенія, — хотя бы подъ страхомъ потерять жизнь. Теперь стѣны и преграды невидимы, какъ вы говорите. Но и это моральное гетто – свыше предопредѣленное намъ достояніе. Горе тому, кто хочетъ вонъ!

Д-ръ Самуэль иначе понимаетъ задачи современной еврейской интеллигенціи, и не желаетъ запереть ее въ гетто. Нужно, наоборотъ, разрушить преграды и уничтожить гетто.

— Г. докторъ — возражаетъ онъ раввину Фридгеймеру:—эти преграды мы должны уничтожить инымъ способомъ, чѣмъ тѣ старыя. Внѣшнія препятствія должны быть уничтожены внѣшними средствами — внутреннія мы должны разрушить сами. Мы сами! Своими усиліями!

Но и д-ръ Самуэль не разъясняетъ, какими собственно внѣшними и внутренними средствами и какія собственно внѣшнія и внутреннія преграды желаетъ разрушить. И для чего ихъ разрушать?

Намъ остается путемъ собственныхъ предположеній угадывать желанія д-ра Самуэля, и мы не рискуемъ ошибиться, если скажемъ, что Самуэль, въ той фазѣ своего національизма, въ какой мы его пока оставляемъ, мечтаетъ объ уничтоженіи преградъ, существующихъ между еврейскимъ и нееврейскимъ обществомъ,—путемъ полнаго сліянія одного съ другимъ. Внѣшними препятствіями, мѣшающими такому сліянію, онъ, повидимому, считаетъ извѣстныя условія исключительнаго правового и общественнаго положенія, въ которыя поставлено еврейское гетто, и съ ними онъ предлагаетъ бороться внѣшними средствами. Къ внутреннимъ преградамъ д-ръ Самуэль относитъ расовые предразсудки, національную рознь, еврейскую пришибленность и другіе печальные слѣды многовѣкового пребыванія въ гетто; въ борьбѣ съ этими преградами онъ возлагаетъ всю надежду на собственныя усилія еврейскаго народа, на національную самодѣятельность.

„Если вы хотите этого, тогда это не сказка“,—эта идея-вѣра, должно быть, складывалась въ душѣ автора „Altneuland“ и тогда уже, когда онъ впервые заинтересовался новымъ гетто современнаго еврейства.

IV.

Но уже ближайшія событія готовятъ вѣрующему идеалисту горестное разочарованіе. Въ то время, какъ его воодушевляетъ

мечта о разрушеніи преградъ и сліяніи съ сосѣдями, у его друга Франца Вурцлехнера созрѣваетъ другая идея—совершенно разойтись со своимъ еврейскимъ товарищемъ, и онъ объ этомъ открыто заявляетъ своему другу. Причину такого своего внезапнаго рѣшенія Вурцлехнеръ сперва желаетъ объяснить разными своими національными привычками, симпатіями и антипатіями: онъ не переноситъ-де того еврейскаго круга разныхъ Вассерштейновъ и Рейнберговъ, въ который попалъ Яковъ Самуэль, женившись на Герминѣ Гельманъ. Въ концѣ концовъ, онъ долженъ, однако, сознаться, что въ его рѣшеніи разойтись со своимъ другомъ имъ руководятъ виды на политическую карьеру.

Яковъ Самуэль разочарованъ, убитъ: столько лѣтъ онъ лелѣялъ эти равныя человѣческія отношенія съ нѣмецкимъ товарищемъ, столько лѣтъ онъ дорожилъ его дружбой и вѣрилъ въ его терпимость. Теперь все это сразу оказалось миражемъ. И д-ръ Самуэль тутъ же, не колеблясь больше, рѣшаетъ вопросъ о задачахъ еврейской интеллигенціи, о ея долгѣ предъ новымъ еврейскимъ гетто. Онъ рѣшаетъ вопросъ такъ же, какъ его еще раньше рѣшилъ раввинъ Фридгеймеръ; но въ своемъ рѣшеніи исходитъ не изъ мистической вѣры, а изъ трезваго житейскаго опыта.

Объясненіе, которое по поводу этой размолвки происходитъ между еврейскимъ интеллигентомъ Самуэлемъ и его нѣмецкимъ товарищемъ Вурцлехнеромъ, есть въ сущности аллегорическое объясненіе между космополитизмомъ вѣрующей еврейской интеллигенціи и антисемитизмомъ обуржуазившейся христіанской интеллигенціи. Намъ, конечно, весьма важно узнать взглядъ д-ра Герцля на этотъ вопросъ, и я считаю поэтому не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя наиболѣе характерныя мѣста этого объясненія:

Яковъ (подавая ему руку). Спасибо за искренность, Францъ! Ты, конечно, хорошо обдумалъ это прежде, чѣмъ рѣшился причинить мнѣ такое глубокое страданіе! Благодарю тебя за твою крѣпкую, добрую дружбу въ теченіе столькихъ лѣтъ!.. Я многому научился у тебя.

Францъ (со скрытымъ волненіемъ). Ты смѣешься? Ты у меня?

Яковъ. Да! И не зная этого еще хорошенько, я научился у тебя большому и малому... Интонаціямъ, выраженіямъ, манерамъ... Какъ склоняться безъ униженія и возноситься безъ надменности,—и многому, многому другому!

Францъ. Полно. Не такой ужъ я образецъ!

Яковъ. Говоря откровенно, я всегда преклонялся предъ твоей

семьей, точно такъ, какъ ты, вотъ теперь, презираешь мою семью.

Францъ. Я тебѣ этого не говорилъ!

Яковъ. Посуди. Вы въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій были свободными гражданами, а мы... (горько улыбается). Если я отошелъ на нѣкоторое разстояніе отъ еврейскихъ улицъ, то только опираясь на твою руку. О, теперь, конечно, я могу идти дальше одинъ!.. И—видишь ли, дорогой мой Францъ,—такъ какъ мы въ послѣдній разъ говоримъ съ тобой по душѣ,—я тоже хочу дать тебѣ кое-что на дорогу. Ты сдѣлался адвокатомъ потому, что всѣ Вурцлехнеры всегда были въ Вѣнѣ адвокатами или врачами. Вотъ такъ и Вассерштейнъ: онъ—то, чѣмъ были его предки, т. е. то, чѣмъ его предковъ сдѣлала судьба—это не его вина, это не твоя заслуга. Нравственное чувство является позже, а именно — при сознаніи, въ борьбѣ съ инстинктами. А насъ даже не природа сдѣлала тѣмъ, чѣмъ мы есть, а исторія. Силой вы заставили насъ обратиться къ деньгамъ, а теперь мы должны такъ, вдругъ, отказаться отъ нихъ?! Сперва вы насъ тысячелѣтіе держали въ рабствѣ, а затѣмъ мы должны въ одинъ день сдѣлаться и духовно свободными?! А кто же у насъ вообще свободенъ духовно? Не ты ли?.. Да! Мы не смѣемъ имѣть даже тѣ общечеловѣческіе недостатки, которые есть у каждаго,—иначе мы презрѣнные жиды!

Францъ (съ горечью). Яковъ!

Яковъ. Между нами все кончено, Вурцлехнеръ! И если ты теперь предложишь мнѣ на выборъ, съ кѣмъ мнѣ идти—съ тобой или съ Вассерштейномъ, то мой выборъ уже сдѣланъ. Я пойду съ Вассерштейномъ, все равно, богатъ онъ или бѣденъ! Я, пойми это, ни въ чемъ не могу его упрекнуть, точно такъ, какъ мнѣ не за что хвалить тебя! Каждый выглядитъ такъ, какъ его поставила исторія. Но нужно идти дальше! Понимаешь? Дальше, выше!.. И вотъ тогда только станешь человѣкомъ!

Въ немногихъ, но горячихъ, проникнутыхъ желчью, словахъ этого объясненія д-ра Самуэля вылилось все тогдашнее націоналистское міровоззрѣніе Герцля. Онъ не тотъ націоналистъ, о которомъ утверждаютъ или который самъ о себѣ утверждаетъ, что его націонализмъ есть нѣчто самозародившееся и самодовлѣющее. Сегодняшній еврейскій націоналистъ Самуэль—вчерашній космополитъ и противникъ установленія какихъ бы то ни было національныхъ граней. Но въ антисемитизмѣ онъ усматриваетъ по адресу евреевъ вызовъ грозный и несправедливый. Не евреи виноваты въ томъ, что они стали тѣмъ, что они есть — народомъ

забитымъ и пришибленнымъ: въ этомъ виновата исторія и они, эти несправедливые Вурцлехнеры, отворачиваются теперь отъ тѣхъ, которые такъ алчно ищутъ и нуждаются въ сочувствіи и человѣческихъ отношеніяхъ. Но если себялюбивые Вурцлехнеры позорно отворачиваются отъ еврейскаго гетто, то тѣмъ самоотверженнѣе и рѣшительнѣе обязана вернуться къ нему его, еврейскаго народа, собственная, родная интеллигенція. Ея долгъ, долгъ передовой, мыслящей и чувствующей еврейской интеллигенціи—подняться надъ разными Вурцлехнерами, стать дальше, выше... Пусть Вассерштейны, Рейнберги плохи, несимпатичны и вредны, но они продуктъ исторіи, и они нуждаются въ нашемъ сочувствіи и поддержкѣ, они зовутъ насъ и рады намъ. Пойдемъ же туда, гдѣ въ насъ больше всего нуждаются и гдѣ насъ примутъ съ распростертыми объятіями, а не къ тѣмъ, которые насъ отвергаютъ.

Молодая супруга Самуэля, которая приходитъ уговаривать мужа, чтобъ онъ снисходительнѣй относился къ Рейнбергу, укрѣпляетъ его въ тѣхъ взглядахъ, къ которымъ онъ самъ только что пришелъ цѣной тяжелаго разочарованія.

— Если они тамъ не цѣнятъ тебя,—говоритъ Гермина своему мужу,—то зато у насъ ты имѣешь значеніе. Посмотри, какъ всѣ мои расположены къ тебѣ. Съ какимъ уваженіемъ они отзываются о твоемъ талантѣ, о твоемъ характерѣ. Тебѣ этого недостаточно?

— Такъ бы быть должно,—возражаетъ Яковъ.

И Гермина продолжаетъ.

— Рейнбергъ сильно разсчитываетъ на тебя,—не будь же рѣзокъ. Ты самъ теперь знаешь, какъ пріятно быть отвергнутымъ [1]).

Таковъ пока еврейскій націонализмъ д-ра Самуэля,—націонализмъ, которому Францъ Оппенгеймеръ далъ объясненіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

...„Къ счастью, въ насъ живетъ чувство, которое говоритъ намъ, на сколь правильномъ пути мы находимся: это чувство чести и справедливой гордости. Честь повелѣваетъ всякому и каждому принципіально становиться на болѣе слабую сторону, если не ясно доказано, что она неправа, и честь же прежде всего запрещаетъ всякому и каждому покидать позицію, пока она еще атакуется . . . . . Пусть это называютъ упорствомъ,

[1]) Стр. 38.

когда мы на давленіе отвѣчаемъ сопротивленіемъ, на ненависть гнѣвомъ, на презрѣніе отвѣчаемъ такимъ же презрѣніемъ; пусть насъ ругаютъ реакціонерами; наше движеніе и есть реакція! Оно реакція въ смыслѣ противодѣйствія, оно—сопротивленіе, оказываемое давленію, оно реакція на реакцію!"...

Конечно, этотъ націонализмъ пока еще неясный, мечтательный. Рѣшивъ остаться въ гетто съ Вассерштейнами и Рейнбергами, д-ръ Самуэль самъ пока еще не знаетъ, для чего ему тамъ оставаться, каковы будутъ тамъ его задачи и стремленія, какой дѣятельностью онъ тамъ займется.

V.

Какъ ни тяжела была для Якова Самуэля разлука съ Францемъ Вурцлехнеромъ, — онъ, однако, этотъ вопросъ все-таки рѣшилъ сравнительно легко и безъ особенно долгихъ колебаній. Оно и не удивительно. Другого рѣшенія, чѣмъ то, какое принялъ Самуэль, нельзя было бы и представить себѣ для него. Онъ былъ отвергнутъ христіанскимъ обществомъ или могъ оставаться въ немъ, лишь отвернувшись отъ своей родной семьи, — и вполнѣ естественно для него, что онъ предпочелъ порвать съ Вурцлехнерами для того, чтобы оставаться въ родномъ гетто. Гораздо труднѣе для Самуэля рѣшеніе другой дилеммы: какъ отвернуться отъ страдающаго человѣчества, столь нуждающагося въ самоотверженныхъ дѣятеляхъ, чтобы принести свои силы на алтарь узкаго національнаго служенія? Вправѣ ли онъ, стремясь къ своимъ братьямъ въ „новое гетто", пройти безъ вниманія мимо, напримѣръ, рудокоповъ ротмистра Шромма, не связанныхъ съ нимъ, правда, кровнымъ родствомъ, но въ силу своей тяжелой участи не менѣе пользующихся правомъ на его сочувствіе и защиту?

Идеалистамъ самуэлевскаго типа перенести измѣну, быть отверженнымъ легче, чѣмъ самому измѣнять и отвергать. Вотъ почему Самуэлю вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ общему рабочему движенію гораздо труднѣе рѣшить, чѣмъ вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ христіанскому обществу. Ему является на выручку раввинъ — д-ръ Фридгеймеръ. Когда д-ръ Самуэль, только что возвратившійся изъ посѣщенныхъ имъ угольныхъ копей, съ огнемъ негодованія рисуетъ положеніе несчастныхъ рабочихъ, ихъ вопіющее горе и нужду,—тогда между раввиномъ

Фридгеймеромъ и д-ромъ Самуэлемъ завязывается интересный обмѣнъ мыслей, съ которымъ мы тутъ вкратцѣ познакомимся.

Фридгеймеръ. Мой юный другъ! Никто не страдаетъ больше, чѣмъ можетъ чувствовать. Это мудро устроено Богомъ. Кто ходитъ босой, у того на подошвѣ толстая кожа.

Яковъ. И это все утѣшеніе!

Фридгеймеръ. Бѣдности и нужды теперь не больше, чѣмъ было прежде. Напротивъ, даже становится лучше.

Яковъ (садится). Стало быть — смотрѣть, ничего не дѣлать и предоставить вещамъ естественный ходъ?

Фридгеймеръ. Терпѣніе! То, что вы намѣрены сдѣлать за счетъ Рейнберга, я одобряю. Я потому и пришелъ сюда съ вами. Но здѣсь и кончается наша съ вами задача.

Яковъ. А я говорю, что здѣсь она только начинается!

Фридгеймеръ. Безуміе! Будьте рады, когда не затрагиваютъ васъ! Вы хотите принять участіе въ чужихъ вамъ людяхъ? А кто же, мой юный другъ, еще другой принимаетъ участіе?

Яковъ. Я не хочу объ этомъ и думать!

Фридгеймеръ. По какому праву вы вступаетесь за интересы горнорабочихъ?

Яковъ. Я адвокатъ!

Фридгеймеръ. Позвольте вамъ разсказать одну исторію. Я нашелъ ее въ одной старой еврейской хроникѣ раввина Іошуа, изъ Шпейера. Онъ писалъ свою хронику послѣ одного изъ многочисленныхъ изгнаній евреевъ изъ Рейнскихъ земель, вѣроятно, гдѣ-нибудь во время бѣгства. Раввинъ Іошуа пишетъ: въ мѣсяцъ Абъ 5143 года, — XIV вѣка по христіанскому лѣтосчисленію, — въ Майнцѣ появились признаки предстоящихъ еврейскихъ гоненій. Особеннымъ случаемъ былъ случай съ юношей Моисеемъ бенъ-Абрагимомъ. Моисей былъ хорошій юноша; сынъ торговца, онъ собирался сдѣлаться ученымъ. Въ одну лѣтнюю ночь, сидѣлъ онъ надъ старинными книгами нашихъ мудрецовъ и изучалъ ихъ. Вдругъ въ ночной тиши онъ услыхалъ вопли. Онъ высунулся за окно. Крики раздавались не въ гетто. Кто-то звалъ на помощь извнѣ, передъ гетто. Вопли становились все ужаснѣй; сердце его сжалось,—онъ всталъ и вышелъ. Когда онъ проходилъ черезъ комнату, проснулась его мать:—куда ты идешь, дитя мое, такъ поздно ночью?—Матушка, я слышу кто-то молитъ о помощи!—и онъ исчезъ въ ночномъ мракѣ. Такъ какъ онъ не возвращался, а мать терзалъ страхъ за сына, то она тоже встала и вышла изъ дому, чтобы отыскать его. Она тоже не возвращалась.

На другое утро Моисея нашли заколотымъ у раскрытыхъ воротъ гетто, а у трупа его сидѣла, радостно улыбаясь, мать... Она сошла съ ума... Ну, что вы скажете объ этой исторіи?..

Яковъ. А то, что преклоняюсь предъ этимъ Моисеемъ изъ Майнца и горжусь имъ! И такъ долженъ поступать каждый изъ насъ! Крикъ о помощи когда-нибудь можетъ быть и дѣйствительнымъ.

Фридгеймеръ. Но мы слишкомъ слабы.

Яковъ. Когда сильный великодушенъ, — гдѣ же заслуга? Но если слабый, — вотъ это достойно похвалы!

Итакъ, въ вопросѣ о томъ, гдѣ прилагать свои силы для практической дѣятельности, д-ръ Самуэль не можетъ слѣдовать за раввиномъ Фридгеймеромъ.

Для Фридгеймера ясно, что Моисеи изъ Майнца должны оставаться въ гетто, что другими страждущими, живущими внѣ гетто, еврейскіе дѣятели должны интересоваться лишь въ предѣлахъ легкой благотворительности, и что, наконецъ, сами эти самоотверженные Моисеи изъ Майнца, перешагнувъ границы гетто для того, чтобы внѣ его стѣнъ искать примѣненія своимъ силамъ, непремѣнно должны пасть жертвой своего благородства и неблагодарности тѣхъ, кому они стремились помочь. Д-ра Самуэля эта логика не удовлетворяетъ. Моисей изъ Майнца для него все-таки герой, достойный удивленія и подражанія, хотя бы его порывы не были оцѣнены какъ разъ тѣми людьми, которымъ онъ стремился помочь.

И самъ онъ, д-ръ Яковъ Самуэль, поступаетъ по примѣру этого легендарнаго Моисея. Онъ не разсуждаетъ, нужнѣе ли онъ въ еврейскомъ гетто или нѣтъ,—а слѣдуетъ зову арійскихъ горнорабочихъ, организуетъ ихъ для отстаиванія ихъ интересовъ предъ хозяиномъ, нарывается на скандалъ съ ротмистромъ Шроммомъ, съ которымъ у него и доходитъ до дуэли, получаетъ на этой дуэли смертельную рану, и умираетъ такимъ образомъ нелѣпой жертвой не то обиженной національной гордости, не то своего сочувствія обойденнымъ соціальнымъ классамъ. Въ своемъ предсмертномъ бреду онъ взываетъ: .....„Евреи, братья мои, вамъ снова дадутъ жить, если вы... Зачѣмъ вы держите меня? И такъ крѣпко! Я хочу вонъ отсюда!.. Вонъ изъ этого гетто!“

Такъ д-ръ Самуэль даже и въ послѣднія минуты своей жизни не могъ освободиться отъ внутренняго, магнитнаго тяготѣнія въ двѣ совершенно различныя стороны, отъ мучительнаго одновременнаго стремленія къ роднымъ братьямъ въ гетто и вонъ изъ

гетто къ широкому простору космополитическаго человѣчества свободнаго, братски объединеннаго.

VI.

Мы долго и подробно знакомились съ д-ромъ Самуэлемъ, и именно потому, что переживанія и душевная борьба молодого адвоката въ „Новомъ гетто" несомѣнно отражаютъ переживанія и борьбу покойнаго вождя сіонистовъ въ тотъ его періодъ, когда онъ еще только сталъ возвращаться къ своему народу.

О дѣйствительной глубинѣ и силѣ этихъ переживаній Герцль разсказываетъ намъ въ другомъ своемъ маленькомъ, поэтическомъ разсказѣ „Менора" [1]). Жилъ одинъ еврей художникъ. Онъ давно уже отсталъ отъ своего народа и не чувствовалъ никакой связи съ нимъ, и даже когда появился антисемитизмъ, онъ непосредственно на себѣ не ощущалъ его нападокъ. Тѣмъ не менѣе именно это ретроградное движеніе было тѣмъ побудительнымъ стимуломъ, который вернулъ нашего художника къ еврейству, ибо въ хорошіе дни,—сознается авторъ,—этотъ возвратъ былъ бы невозможенъ. Но теперь, въ дни печали и унынія родного народа, художникъ не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ, ибо „онъ глубоко и болѣзненно чувствовалъ въ своей душѣ принадлежность къ еврейству"—объясняетъ намъ авторъ. Когда друзья художника провѣдали о его національной тоскѣ, они стали качать головой, полагая, что у него умъ помутился, потомъ стали вышучивать его, открыто надъ нимъ насмѣхаться,—онъ прослылъ маніакомъ,—и все-таки оставался непоколебимымъ въ своихъ новыхъ влеченіяхъ и чувствахъ, поддерживаемый внутреннимъ сознаніемъ своей правоты, толкаемый національнымъ чувствомъ, голосъ котораго заглушалъ всякія насмѣшки и остроты разныхъ сытыхъ и самодовольныхъ себялюбцевъ.

Интересно, какъ д-ръ Герцль рисуетъ борьбу, происходившую въ художникѣ, когда пришлось совершить переходъ отъ усвоеннаго общечеловѣческаго къ еврейско-національному.

„Человѣкъ этотъ,—разсказываетъ д-ръ Герцль,—по своему обыкновенію терпѣливо и послѣдовательно дѣлалъ одинъ выводъ за другимъ изъ того взгляда, къ которому разъ пришелъ. При

---

[1]) „Die Welt". Также: „Unsere Hoffnuug" за 1904 г.

этомъ онъ долженъ былъ сдѣлать нѣсколько переходовъ, которые нелегко ему давались, хотя онъ гордо скрывалъ это отъ другихъ. Какъ человѣкъ и художникъ съ современными взглядами, онъ вѣдь сросся со многими не-еврейскими привычками и воспринялъ многое неискоренимое изъ культуръ тѣхъ народовъ, которымъ былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Какъ примирить все это съ возвращеніемъ къ еврейству? Это вызвало въ немъ нѣкоторыя сомнѣнія въ вѣрности его руководящей идеи, его idée maitresse, какъ выразился французскій мыслитель. Можетъ быть, поколѣніе, выросшее подъ вліяніемъ другихъ культуръ, не способно болѣе къ тому возвращенію, которое онъ считалъ рѣшеніемъ вопроса? Но ближайшее поколѣніе будетъ способно къ этому, если вовремя направить его! И онъ сталъ заботиться о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ его дѣти попали на вѣрный путь. Ихъ онъ съ ранняго дѣтства хотѣлъ воспитать евреями".

Того, что мы узнали изъ „Новаго гетто" и изъ „Меноры" о внутренней борьбѣ, при которой совершился переходъ Герцля отъ космополитизма къ націонализму, вполнѣ достаточно для того, чтобы убѣдить насъ, какъ медленно и трудно совершался этотъ переходъ.

И все-таки и художникъ въ разсказѣ „Менора", какъ и д-ръ Яковъ Самуэль въ „Новомъ гетто" были пока только горячими еврейскими патріотами, если можно называть патріотизмомъ не только любовь къ отечеству, но и къ народу,—сознательными націоналистами съ опредѣленной національной программой они еще не являются. Переходъ завершился пока только въ томъ смыслѣ, что уже нѣтъ возврата къ прошлому, но онъ еще не завершился въ смыслѣ установленія цѣли будущаго, въ смыслѣ выработки плана національнаго служенія. Цѣль и планъ, т. е. опредѣленная, цѣльная національная программа явилась у Герцля тогда, когда онъ сталъ сознательнымъ еврейскимъ націоналистомъ и сіонистомъ. Тогда—это было въ 1896 г.—въ умѣ Теодора Герцля сложился планъ основанія „Еврейскаго государства",—и онъ выпустилъ въ свѣтъ свою знаменитую брошюру того же наименованія.

Для самого Герцля переходъ отъ безсознательнаго, пассивнаго еврейскаго патріотизма къ сознательному еврейскому націонализму и сіонизму свершился такъ неожиданно и незамѣтно, что онъ разъ писалъ объ этомъ Брайнину: „Одному Богу только извѣстно. Какъ видно, мысль эта созрѣла во мнѣ безсознательно". Мы знаемъ во всякомъ случаѣ, что и этотъ переходъ сопровождался

глубокими нравственными потрясеніями. „Не помню, чтобъ я что-либо писалъ въ такомъ возвышенномъ настроеніи, какъ эту книгу",—такъ рисуетъ Герцль свое состояніе въ то время, когда онъ писалъ „Еврейское государство".—„Гейне говоритъ, что онъ чувствовалъ надъ своей головой рѣяніе орла въ то время, когда онъ писалъ нѣкоторыя изъ своихъ поэтическихъ произведеній. И мнѣ слышалось какое-то витаніе надъ моей головой, когда я писалъ эту книгу. Я писалъ ее по цѣлымъ днямъ, пока не дошелъ до изнеможенія; мое единственное развлеченіе по вечерамъ было слушать музыку Вагнера, въ особенности же „Тангейзеръ" [1]).

Но если для патріота достаточно горячаго чувства, то дѣятель, выступающій съ программой національно-политическаго движенія, необходимо долженъ представить и научную доктрину, какія-либо теоретическія обоснованія своей программы. И Герцль въ своемъ „Judenstaat'ѣ" выставляетъ цѣлый рядъ теоретическихъ доводовъ и обоснованій своего проекта. Задача настоящей статьи, какъ я уже сказалъ въ ея началѣ, состоитъ въ томъ лишь, чтобы прослѣдить переходъ д-ра Т. Герцля къ націонализму и сіонизму; разборъ его теоретической доктрины не входитъ въ нашу задачу. Мы же позволимъ себѣ здѣсь только въ интересахъ полноты нашей характеристики привести немногіе, самые главные доводы, на которые Герцль опирается въ своей идеѣ выдѣленія евреевъ въ самостоятельную соціально-политическую и государственно-правовую организацію, сконцентрированную на отдѣльной, правоохраненной территоріи.

Герцль считается съ антисемитизмомъ, какъ съ историческимъ факторомъ не случайнымъ, скоропереходящимъ, а постояннымъ и неустранимымъ ни путемъ какой бы то ни было мѣстной соціальной борьбы съ невѣжествомъ и мракобѣсіемъ, ни даже подъ вліяніемъ самаго побѣдоноснаго шествія человѣческаго прогресса, устранимымъ тогда лишь, когда евреи, или по крайней мѣрѣ избытокъ еврейскаго Lumpenproletariat'а перестанетъ жить среди другихъ народовъ непрошеннымъ, навязаннымъ паріемъ, усугубляющимъ конкурренцію, рождающимъ въ коренныхъ народахъ зависть и ненависть къ себѣ. „Въ синагогахъ будутъ молиться за успѣхъ дѣла",—пишетъ д-ръ Герцль.—„Но и въ церквахъ также! Это будетъ освобожденіе отъ давленія, подъ которымъ всѣ страдали".

Имѣя въ виду ассимилляторскія наклонности извѣстныхъ еврей-

---

[1]) „Еврейская Жизнь", августъ, стр. 4.

скихъ круговъ, д-ръ Герцль ссылается на тысячелѣтнее упорство еврейскаго народа въ сохраненіи своей индивидуальности и утверждаетъ, что хотя онъ, д-ръ Герцль, и сильно преклоняется предъ индивидуальностью, но ничего, однако, не имѣетъ противъ исчезновенія такой индивидуальности, которая не можетъ или не хочетъ сохраниться.„ Но индивидуальность евреевъ,—говоритъ Т. Герцль,—не можетъ, не хочетъ и не должна погибнуть". „Цѣлыя вѣтви еврейства,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—могутъ вымирать, отпадать,—дерево все-таки живетъ". „Еврейское государство,—вѣритъ д-ръ Герцль,—это міровая потребность, и слѣдовательно оно будетъ создано".

А когда разъ на одномъ собраніи въ Берлинѣ политическій сіонизмъ подвергался критикѣ съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго пролетаріата, причемъ указывалось на то, что сіонистскій идеалъ и утопиченъ, и идетъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго пролетаріата, какъ ихъ понимаетъ соціалистическая доктрина,—Герцль возразилъ: „Одинъ изъ ораторовъ думаетъ, что если удастся создать общежитіе въ Палестинѣ, оно принесетъ пролетаріату очень мало пользы, и что въ экономическомъ отношеніи тамъ будетъ столь же мало улучшеній, какъ у насъ. Я не могу понять, почему ораторъ опасается чего бы то ни было для пролетаріата въ этомъ предполагаемомъ общежитіи. Я могу вамъ сказать, что не дѣлаю этого различія для пролетаріата. Для меня между евреями нѣтъ никакихъ различій; все наше движеніе имѣетъ въ виду улучшеніе участи именно нашихъ бѣднѣйшихъ. И если мы не можемъ гарантировать вамъ курицы въ горшкѣ, такъ развѣ соціализмъ это можетъ? Я думаю, что изъ обоихъ государствъ будущаго (Zukunftsstaaten), соціалистическаго и сіонистическаго, послѣднее имѣетъ больше шансовъ на осуществленіе, чѣмъ первое. Когда я думаю о томъ, что при новыхъ учрежденіяхъ обыкновенно все устраивается лучше, чѣмъ при старыхъ, то у меня крѣпнетъ надежда, что въ новосозданномъ еврейскомъ государствѣ будутъ господствовать и здоровыя экономическія условія. И когда мы приступимъ къ устройству новаго дѣла, то лица, считающія себя призванными заступаться за пролетаріатъ, будутъ имѣть возможность высказывать свои желанія и заботиться объ ихъ осуществленіи".

Въ своей небольшой статейкѣ: „Unsere Hoffnung", обращенной къ еврейской молодежи, онъ говоритъ: „Я когда-то назвалъ его (т. е. сіонизмъ) безконечнымъ идеализмомъ,—и я вѣрю дѣйствительно, что сіонизмъ и по достиженіи нашей страны Палестины не перестанетъ слу-

жить идеаломъ. Ибо сіонизмъ какъ я его понимаю, заключаетъ въ себѣ не только стремленіе къ правоохраненной территоріи для нашего бѣднаго народа, но и стремленіе также къ моральному и умственному совершенствованію".

Въ своемъ разсказѣ: „Die Zukunft" (Будущее) [1]) Герцль разсказываетъ о двухъ товарищахъ, которые росли и развивались при одинаковыхъ почти условіяхъ, но отличались діаметрально противоположными характерами, свойствами, наклонностями и способностями. Баймерле (такъ назывался одинъ изъ нихъ) былъ высокъ и худъ, впечатлителенъ къ добру, отваженъ, неукротимо предпріимчивъ, и склоненъ къ философствованіямъ. Его товарищъ Даймерле малъ, толстъ, неуклюжъ физически и глупъ; онъ крайне ограниченъ въ своихъ стремленіяхъ, инертенъ и непредпріимчивъ. Разъ Баймерле выѣзжаетъ со своимъ товарищемъ далеко за предѣлы густо населеннаго города и, указывая на разстилающійся широкій просторъ полей, говоритъ:—Вотъ здѣсь надо поселиться, ибо здѣсь скрывается будущее, а не въ душномъ, чахломъ городѣ.—Даймерле не понимаетъ своего товарища; его неповоротливый умъ и инертная натура предрасполагаютъ его больше къ безплоднымъ размышленіямъ, безцѣльнымъ взвѣшиваніямъ, а не къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и энергичнымъ поступкамъ. Но Баймерле не мирится съ неосуществленными стремленіями. Если Даймерле не хочетъ слѣдовать за нимъ, то онъ одинъ пойдетъ къ своей цѣли. Онъ пріобрѣтаетъ за городомъ небольшой участокъ земли и устраивается на немъ. Его поступокъ вызываетъ сперва недоумѣніе, позже порицанія, насмѣшки. Но Баймерле не смущается, ибо вѣритъ въ правоту, полезность и будущность своего плана. Проходятъ годы. Городъ разростается все больше и больше, жить въ немъ людямъ становится все тѣснѣе и невозможнѣе. Тогда чудо свершилось. Улицы, словно живыя, стали двигаться и перемѣщать свои дома все дальше и дальше по направленію къ широкому простору полей, пока не исчезло все разстояніе, отдѣлявшее городъ отъ одинокаго домика Баймерле. Отважная предпріимчивость Баймерле и его глубокая вѣра восторжествовали. Идеальное будущее, къ которому умѣренные и разсудительные практики относились такъ скептически, стало живымъ, реальнымъ настоящимъ. Но непокорный духъ Баймерле вновь не вѣдаетъ покою, ибо цѣль уже достигнута; онъ же видитъ счастіе не въ достиженіи цѣли, а въ стремленіи къ ней. И когда его навѣщаетъ Дай-

---

[1]) „Neue Freie Presse" 1902 г.

мерле, и пораженный неожиданными для него перемѣнами, спрашиваетъ: гдѣ прежнія незастроенныя поля, гдѣ свободный просторъ, гдѣ то, что его другъ когда-то называлъ „будущимъ“,— тогда Баймерле вмѣсто того, чтобы, оглянувшись назадъ, указывать на прошлое и на достигнутые результаты, подводитъ своего друга къ окну на той сторонѣ домика, откуда вновь открывается видъ на широкій просторъ полей,—и, указывая на это новую цѣль,—говоритъ:—вотъ тамъ! вотъ тамъ,—значитъ, будущее сокрыто! И мятежный Баймерле въ этомъ отношеніи выражаетъ настроеніе и характеръ самого Герцля. Впередъ, вѣчно впередъ отъ уже извѣстнаго и неинтереснаго настоящаго къ еще неизвѣданному, заманчивому будущему, впередъ отъ настоящаго горя и несовершенствъ человѣческихъ отношеній къ наибольшему матеріальному благосостоянію людей, къ усовершенствованнымъ формамъ техническаго производства, къ наивысшему нравственному и умственному совершенствованію людей и людскихъ отношеній.

Такъ Теодоръ Герцль понималъ идеалъ сіонизма.

VII.

Въ „Еврейскомъ государствѣ“, въ „Менорѣ“ и другихъ цитированныхъ нами произведеніяхъ, кромѣ „Новаго гетто“, Герцль является уже вполнѣ сознательнымъ и убѣжденнымъ націоналистомъ, съ опредѣленной національной программой. Однако сіонистомъ онъ и въ этихъ своихъ произведеніяхъ все еще не является; въ томъ смыслѣ не является еще сіонистомъ, что мы ни въ одномъ изъ этихъ произведеній не находимъ прямого и опредѣленнаго указанія на Палестину и Сіонъ, какъ на единственную и непремѣнную цѣль и мѣсто еврейскаго возрожденія. Въ „Еврейскомъ государствѣ“ онъ даже колеблется въ выборѣ страны, не зная, на какой изъ двухъ территорій остановиться,—на Аргентинѣ или Палестинѣ. Нѣсколько лѣтъ позже Герцль сказалъ или писалъ доктору Членову приблизительно слѣдующее:

„Когда я впервые пришелъ къ вамъ (т. е. къ еврейскому народу) и представился, то подалъ свою визитную карточку съ надписью: „Dr. Theodor Herzl – Judenstaatler“ („Докторъ Теодоръ Герцль—учредитель еврейскаго государства“). Но жизнь и общеніе съ вами меня многому научили, и если вы меня теперь спросите, допускаю ли я возможнымъ возрожденіе еврейскаго народа въ другой какой-либо странѣ, кромѣ Палестины, я отвѣчу вамъ категорическимъ: „нѣтъ“!“

Этотъ переходъ Герцля отъ еврейскаго націонализма къ чистому сіонизму и палестинофильству совершился сейчасъ послѣ перваго базельскаго конгресса и, несомнѣнно, въ значительной степени подъ вліяніемъ впушеннаго себѣ Герцлемъ убѣжденія, что симпатіи еврейскаго народа, мечтающаго о своемъ возрожденіи, исключительно на сторонѣ Палестины, что историческое тяготѣніе къ странѣ отцовъ у евреевъ живетъ неослабно и заглушаетъ всѣ остальные голоса ихъ загнанной жизни, что все сіонистское движеніе нашло въ еврейскомъ народѣ живой откликъ не столько потому, что оно зоветъ его изъ мрачнаго гетто, сколько потому, что зоветъ въ Сіонъ, въ старый родной Сіонъ...

Въ письмѣ своемъ къ Френсису Монтефіоре по поводу восточно-африканскаго проекта [1]), Герцль, отвергая приписываемое ему желаніе отвлечь движеніе отъ Палестины къ восточной Африкѣ, увѣряетъ между прочимъ: „Какъ я уже говорилъ на послѣднемъ конгрессѣ, я стою исключительно за Сіонъ. Я убѣжденъ, что рѣшеніе еврейскаго вопроса возможно только въ Палестинѣ, съ которой еврейскій народъ связанъ своей исторіей и къ которой направлены чувства каждаго еврея. Никакая другая страна въ мірѣ не можетъ, по моему мнѣнію, занять то мѣсто, которое Палестина занимаетъ, какъ цѣль, къ которой мы стремимся". „Моя связь съ нашимъ великимъ движеніемъ — пишетъ онъ нѣсколько ниже въ томъ письмѣ—достаточно показала мнѣ, какая глубокая любовь къ Палестинѣ въ нашемъ народѣ".

Ошибался ли докторъ Герцль или нѣтъ, предполагая въ еврейскомъ народѣ такую глубокую привязанность къ Святой Землѣ— но для цѣлей нашей характеристики во всякомъ случаѣ важно, что эта вѣра глубоко жила въ Теодорѣ Герцлѣ и была одной изъ причинъ, приведшихъ и навсегда приковавшихъ Герцля къ сіонизму.

Сказалось тутъ дѣйствіе еще одной причины, не имѣвшей прямого отношенія ни къ партіи, ни вообще къ еврейскому народу, причиной, коренившейся въ самомъ Герцлѣ и объясняемой исключительно одной прекрасной особенностью его характера.

Въ разсказѣ „Менора" художникъ, рѣшивъ, что надо дать дѣтямъ еврейское воспитаніе, начинаетъ съ того, что соблюдаетъ еврейско-національные праздники, знакомя такимъ образомъ дѣтей своихъ съ событіями изъ еврейской исторіи. Между прочимъ его воображеніе особенно занято поэтической традиціей о менорѣ,

---

[1]) „Еврейская Жизнь". Августъ, 1904 г., стр. 116.

зажигаемой въ воспоминаніе великаго проявленія національной мощи, гордаго національнаго духа. Онъ такъ увлекается красотой этой старинной традиціи, что задумываетъ воскресить ее и вдохнуть въ нее новую жизнь. Съ восторжённымъ увлеченіемъ, доступнымъ только творческому уму, онъ выводитъ рисунокъ для новой меноры. Онъ не слѣпо подражаетъ мертвой традиціи, а вкладываетъ въ дѣло собственное свободное творчество; онъ вноситъ новую жизнь въ застывшія формы,—но моделью, остовомъ,—нѣтъ, даже больше того—звѣздой, путеводной звѣздой для него все таки служитъ благородное содержаніе и даже стиль старинной, дорогой традиціи. И уже одна эта творческая работа, уже одно это служеніе красотѣ,—даже когда оно еще не увѣнчано плодами практическихъ результатовъ,—неотразимо приковываетъ художника и наполняетъ его душу чувствомъ возвышеннаго, обаятельнаго счастья. „Когда онъ рѣшилъ вернуться къ родному племени и открыто заявить объ этомъ возвращеніи,—разсказываетъ авторъ,—онъ полагалъ только, что совершаетъ нѣчто честное и разумное. Но онъ не ожидалъ, что на этомъ пути домой будетъ также удовлетворено его томленіе по красотѣ. И это было ему дано". Когда же менора была готова, зажжена, и глаза дѣтей заискрились радостью при видѣ струившагося изъ нея свѣта,—то для художника это было символомъ воспламененія націи, и онъ испытывалъ безконечное счастье.

Въ прекрасныхъ по своей глубокой символической поэзіи выраженіяхъ рисуетъ Герцль это совершающееся воспламененіе націи и состояніе художника, вызвавшаго національное горѣніе.

„Раньше горитъ одна свѣча. Тогда еще темно вокругъ и тоскливо мерцаетъ одинокій огонекъ. Затѣмъ онъ находитъ спутника, еще одного, еще... Мракъ долженъ разсѣяться. Среди молодыхъ и несчастныхъ раньше всего вспыхиваетъ свѣтъ, затѣмъ присоединяются другіе, которое любятъ справедливость, истину, свободу, прогрессъ, человѣчность и красоту. Когда всѣ свѣточи, наконецъ, горятъ, невольно удивляешься и радуешься совершенному дѣлу. И нѣтъ доли болѣе отрадной и свѣтлой, чѣмъ доля служителя свѣта".

Это Герцль писалъ въ 1897 г., т. е. послѣ перваго базельскаго конгресса. Нужно ли доказывать, что весь этотъ поэтическій разсказъ есть одно изліяніе души самого доктора Герцля, что и художникъ, и созданный имъ идеалъ—менора, и его беззавѣтное увлеченіе красотой этого идеала, что все это есть одно аллегорическое изображеніе отношеній самого Герцля

къ созданному его воображеніемъ идеалу возрожденной Палестины. Подобно своему художнику, и Герцль, создавая въ своемъ воображеніи идеалъ политическаго сіонизма, мечталъ не о рабскомъ возстановленіи мертвыхъ формъ; онъ мечталъ о томъ, чтобы влить въ старыя традиціи новую, лучшую жизнь,—но старинныя формы онъ желалъ удержать, ибо онѣ воспламеняли его воображеніе древней красотой и благородствомъ своего стиля. И подобно своему вымышленному художнику, Теодоръ Герцль не способенъ былъ искать въ своихъ идеалахъ одно только разумное, честное или полезное; онъ непремѣнно искалъ въ нихъ и находилъ также и возвышенное, поэтическое, прекрасное. И, наоборотъ, уже одно сознаніе своего служенія красотѣ въ состояніи было приковать Герцля къ воображаемому идеалу красоты неразрывными, вѣчными узами.

Вліяніе такого сознанія именно и было той второй причиной, которая приковала Герцля къ палестинофильству и сіонизму...

Пройдутъ годы, вѣка, тысячелѣтія,—и движеніе, вызванное Герцлемъ, приметъ, быть можетъ, иное теченіе, выльется въ иныя формы. Быть можетъ—кого изъ насъ порой не опьяняетъ сладость этихъ мечтаній — быть можетъ, настанетъ время, и на землѣ, между людьми, воцарится добро и миръ, тотъ безмятежный, вѣчный миръ, который уже такъ давно предсказывался пророками. Люди забудутъ тогда свои распри, націи — свою рознь, и народы заживутъ одной общей, тѣсной, братской семьей... Тогда сдѣлаются достояніемъ исторіи религіозныя преслѣдованія, національныя гоненія, дикое человѣконенавистничество, варварскій антисемитизмъ. И тогда, конечно, потеряютъ свое значеніе и религіозная обособленность, и національныя организаціи, національная самозащита и самооборона. Но и тогда, какъ и теперь, за Теодоромъ Герцлемъ необходимо будетъ признана одна великая заслуга: онъ явился къ своему народу съ братски протянутой рукой помощи какъ разъ въ то время, когда еврейскій народъ, больной и изстрадавшійся, почти умирающій, особенно нуждался въ любви и участіи своихъ добрыхъ, бодрыхъ и сильныхъ.

Въ дни глубокой печали и унынія для еврейскаго народа явился къ нему докторъ Герцль и явился открыто, смѣло, неустрашимо, не смущаемый ни порицаніями заоблачныхъ мечтателей-идеалистовъ ни ропотомъ черствыхъ себялюбцевъ, ни даже непониманіемъ своихъ друзей и поклонниковъ. То, что Герцль, презрѣвъ свое

положеніе, свою среду, отвернувшись отъ своего прошлаго, пожертвовавъ своимъ настоящимъ, отвергнувъ свое будущее,—смѣло, открыто и неустрашимо объявилъ себя евреемъ и сіонистомъ—за одно это національное мужество, совершенно независимо отъ его практическаго значенія для еврейства — еврейскій народъ воздвигнетъ ему въ своей исторіи памятникъ нерукотворный...

Я. Воловскій.

Дѣтство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Годы скитаній.

I.

Среди степей.

(*Продолженіе* [1]).

ГЛАВА VII.

Когда я прошелъ мимо станціи, на порогѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, стояли Владиміръ и Наташа. Она съ такою милою обаятельной улыбкой поманила меня къ себѣ. Среди этой мертвой пустыни и я на первыхъ порахъ для нея составлялъ предметъ интереса. Я, однако, прошелъ мимо, не останавливаясь, чтобы скорѣе приняться за утреннюю молитву. Я и безъ того уже чувствовалъ себя достаточно преступнымъ.

Но лицо Наташи меня поразило. Оно мнѣ показалось до того знакомымъ, какъ будто я уже давно ее знаю.

Гдѣ бы я ее могъ видѣть?—ломалъ я голову. Или, быть можетъ, я во снѣ видѣлъ подобное лицо?

Только спустя нѣкоторое время я сообразилъ въ чемъ дѣло.

Наташа сильно походила на дочь священника нашего мѣстечка, прелестное лицо которой мнѣ всегда такъ нравилось. За послѣд-

---

[1]) См. „Кн. Восходъ" № 6.

ній годъ я ея уже не видѣлъ, такъ какъ она вышла замужъ и оставила нашъ городокъ.

Передъ корчмой у самыхъ дверей стоялъ плохенькій, давнымъ давно нечищенный, позеленѣвшій самоваръ, безъ трубы.

— Красивый бухеръ [1])! Такой годъ моимъ врагамъ,—встрѣтила меня Зисель, какъ только я переступилъ порогъ:—Сдѣлается онъ тутъ человѣкъ, годъ ему такой. Какъ онъ поспѣшилъ! Ему уже некогда было. Надо было сейчасъ познакомиться съ ямщиками. Спроси его, гдѣ его молитва. Я даже не знаю, сказалъ-ли онъ Мойде [2]), и цѣловалъ ли онъ цицисъ. Пускай только Беръ пріѣдетъ, такъ уже будетъ имѣть свое. Мнѣ все равно, хоть бейся головой объ стѣну...

— Я вполнѣ сознавалъ свою вину, но въ укорахъ Зисель мнѣ слышалось скорѣе какое-то злорадство. Они были вызваны не желаніемъ направить къ лучшему, не негодованіемъ даже противъ проступка, какъ мнѣ казалось, а озлобленіемъ противъ меня и желаніемъ оправдать это озлобленіе моею преступностью, которую она вездѣ отыскивала. Я прекрасно чувствовалъ и сознавалъ, что будь я лучше всѣхъ ангеловъ на небѣ, она ко мнѣ не лучше относилась бы. И вотъ почему уже съ перваго дня всѣ ея упреки возбуждали во мнѣ крайне непріятное отношеніе къ ней, которое постепенно все расло и перешло, наконецъ, въ неодолимую взаимную ненависть. Но я забѣгаю впередъ.

Комната была уже убрана и приняла довольно привѣтливый и уютный видъ. Въ печи пылалъ огонь. Я съ наслажденіемъ остановился передъ краснымъ пламенемъ пылавшей внутри соломы, чтобы обогрѣть руки, до того окоченѣвшія, что я не въ состояніи былъ двигать пальцами. Но отъ огня стало еще хуже. Я почувствовалъ такую боль, словно мнѣ заткнули бы иглы подъ ногти, и чуть не заплакалъ. А раньше, въ своемъ увлеченіи, я ничего не чувствовалъ.

— Такъ тебѣ и слѣдуетъ — опять начала Зисель. — Будешь знать, какъ околачиваться съ ранняго утра. И посмотри, какъ его потянуло, какъ магнитъ. Не успѣлъ научиться ямщицкой торѣ.

---

[1]) Юноша.

[2]) Первая молитва послѣ сна.

Эти послѣднія слова скоро сдѣлались стереотипными въ ея устахъ, и я ихъ слышалъ съ утра до вечера.

Молиться я всегда очень любилъ, а тутъ среди этой безбрежной степи меня почему то особенно потянуло къ молитвеннику, и особенно послѣ того, когда я себя чувствовалъ столь грѣшнымъ и виноватымъ, мнѣ хотѣлось помолиться очень горячо и усердно, чтобы загладить свою вину. Но присутствіе Зисель меня сильно стѣсняло. Мнѣ очень не хотѣлось, чтобы она приняла это за угодливость ей и за желаніе передъ *ней* искупить свой грѣхъ. Передъ ней я никогда себя не чувствовалъ виноватымъ, по крайней мѣрѣ никогда этого не сознавалъ.

Для меня не было ничего столь ненавистнаго, какъ обнаруживать покорность по отношенію къ ней. Я поэтому очень обрадовался, когда ее позвали въ шинокъ, гдѣ она оставалась очень долго. И, ставъ у окна, я принялся горячо и съ наслажденіемъ молиться.

Когда я кончилъ, самоваръ уже стоялъ на краю лежанки и тутъ же около сидѣла Зисель и съ жадностью пила изъ стакана, который она держала краемъ своего фартуха, чтобы не обжечь рукъ, очень блѣдный чай, передъ каждымъ глоткомъ сильно дуя на кипятокъ. Ривка же крошила бѣлый хлѣбъ и бросала въ рюмку, гдѣ лежалъ кусокъ сахара; затѣмъ влила туда кипятку изъ самовара, размѣшала желтою мѣдною ложечкой, такъ что образовалась каша. Сдѣлавъ это, она взлѣзла на печь и стала этой кашицей кормить разрывавшагося тамъ отъ плача ребенка. Остальныя дѣти, т. е. Малка и Маріамъ, сидѣли уныло на землѣ около сундука и съ завистью смотрѣли на мать.

— Сейчасъ и вамъ дамъ, сейчасъ, мои дѣточки, чтобъ мнѣ было за вашу голову,—утѣшала ихъ Зисель, дрожащими руками наливая себѣ второй стаканъ. И она опять съ жадностью накинулась на блѣдную жидкость, словно человѣкъ, давно не видавшій ни пищи, ни питья. У нея руки дрожали и вся она была блѣдная, лицо вытянулось. Видно было, что она вся была истощена и изнурена до послѣдней крайности, что у нея силы дѣйствительно „кончались". Чаемъ думала она укрѣпить себя, а также

„наполнить грудь“. Она въ этомъ своемъ видѣ могла вызывать къ себѣ одно только глубокое состраданіе. Она вообще была слабаго здоровья, и кормленіе ребенка при ея питаніи дѣйствительно выжимало у нея всѣ соки, или по ея выраженію, „вытягивало у нея всю душу“. Между тѣмъ, впослѣдствіи, когда я бывало вижу ее съ такою жадностью насыщающеюся, она мнѣ часто внушала почти ненависть. Это, конечно, происходило отъ того, что самъ я въ это время бывалъ голоденъ.

Въ домѣ всего былъ одинъ стаканъ, а потому намъ приходилось ждать очень долго. Наконецъ, и мы по очереди тоже получили по полустакану чая съ крошечнымъ кусочкомъ сахару, изгрызанному и запачканному отъ долгаго лежанія въ печуркѣ. Когда чаепитіе было окончено, Зисель принесла изъ-за стойки, сѣрый плоскій хлѣбъ и отрѣзала намъ всѣмъ по ломтю. Съ этими ломтями мы всѣ усѣлись на горячую печь, которая теперь опять была вся устлана особенно большимъ количествомъ сушившихся страшно вонючихъ мокрыхъ пеленокъ, тряпокъ и подушекъ, служившихъ ребенку всю ночь. Отъ этихъ тряпокъ подымался, по обыкновенію, острый отвратительный паръ, ударявшій прямо въ носъ, глаза, какъ крѣпкій нашатырь. Тутъ же на тряпкахъ лежалъ ребенокъ. Это былъ мальчикъ восьми или десяти мѣсяцевъ, съ крошечнымъ личикомъ и блестящими черными глазками.

Онъ теперь былъ сытъ и сухъ, что съ нимъ случалось такъ рѣдко, а-потому довольно и счастливо осматривалъ все вокругъ своими умными глазенками, а когда маленькая Майка дѣлала ему гримасы, онъ приходилъ въ восторгъ, такъ радосно трепеталъ своимъ тѣльцемъ и такъ славно и мило заливался, хихикалъ, что мы всѣ хохотали вмѣстѣ съ нимъ. Какое у него было тогда милое, восхитительное личико. Съ этого момента я постепенно все сильнѣе и сильнѣе сталъ привязываться къ этому крошкѣ, который, какъ первый сынъ Бера, носилъ имя нашего покойнаго отца.—И я былъ глубоко убѣжденъ, что красивѣе и милѣе его нѣтъ на свѣтѣ. И какъ искренняя и наивная любовь имѣетъ въ себѣ какую-то особенную силу, никто не умѣлъ такъ успокаивать несчастнаго, вѣчно голоднаго и въ грязи копошившагося малютку, какъ я. Я часто

любилъ его забавлять, брать на руки, укачивать, напѣвая, что онъ особенно любилъ.

Все это, однако, я дѣлалъ добровольно. Когда же меня насильно заставляли укачивать ребенка, я это дѣлалъ злобно и швырялъ колыбельку изо всѣхъ силъ. Но стоило мнѣ только въ это время взглянуть на страдальческое личико маленькаго мученика, я сейчасъ смягчался и начиналъ его цѣловать и ласкать. И тогда, несмотря на голодъ и другія страданія, онъ мнѣ вдругъ такъ мило и радостно улыбнется, словно хотѣлъ бы выразить этой счастливой сіяющей улыбкой, какую благодарность онъ чувствуетъ ко мнѣ за мою любовь къ нему. Его всѣ въ домѣ любили, всѣ съ нимъ няньчились, но часто къ нему бывали жестоки, особенно бѣдная измученная мать. Выведенная изъ терпѣнія криками, особенно по ночамъ, когда эти крики не давали ей спать, она бывало жестоко изобьетъ несчастнаго малютку и швыряетъ его въ колыбельку съ проклятіями. И въ этой своей жестокости она была, быть можетъ, столько же виновата, сколько бѣдный крошка въ своихъ крикахъ; но она въ эти моменты дѣлалась мнѣ ненавистной, помимо всякой жалости къ бѣдному Янкеле. У нея тогда было такое злое, противное лицо.

Въ большой дружбѣ я жилъ потомъ также съ красоткой Майкой, которая во всемъ шла со мной и много за это терпѣла. Съ Малкою же мы чаще всего враждовали; временами же я ее ненавидѣлъ отъ всей души. Она не только доносила о томъ, что я дѣйствительно дѣлалъ, когда бывало въ чемъ-либо не поладитъ со мною, но часто сочиняла совершенно небывалое, зная отлично существовавшую относительно меня склонность вѣрить всему рѣшительно, что кому вздумается обо мнѣ разсказать. И она была мнѣ тогда тѣмъ ненавистнѣе, что дѣлала это въ угоду матери и изъ желанія подладиться. Конечно, я въ долгу у нея не оставался и щедро съ нею расплачивался за всякій ея рапортъ.

Самая же злая и упорная вражда установилась между мною и Ривкой, которая какъ будто дѣлала все возможное, чтобы отравить мнѣ существованіе. Въ области доносительства и творчества

фантазіи на мой счетъ она доходила до особаго мастерства и рѣдкаго безстыдства.

Большой міръ съ его огромными низостями и подвохами составляетъ отраженіе маленькихъ мірковъ съ ихъ мелкими микроскопическими низостями и пакостями; еще правильнѣе было бы сказать, что первый составляетъ сумму всѣхъ мелкихъ и маленькихъ пакостей всѣхъ этихъ микроскопическихъ мірковъ. И тутъ, и тамъ тѣ же причины даютъ тѣ же послѣдствія. Между тѣмъ, мы всегда забываемъ о существованіи всѣхъ этихъ безчисленныхъ, довольно неказистыхъ слагаемыхъ и поражаемся, видя эту ужасающую пакостную сумму. А между тѣмъ она только содержитъ то, что мы туда вложили, ни на одну іоту больше...

Покушавъ свои ломти хлѣба, мы какъ будто только и почувствовали сильный голодъ. Воображеніе разгорѣлось, и второй ломоть сталъ рисоваться съ такой притягательной силой, что мы рѣшили снарядить по этому поводу Майку къ матери. Я, горя нетерпѣніемъ скорѣе узнать результатъ, отправился вслѣдъ за нею, держась отъ нея на извѣстномъ разстояніи и остался въ сѣняхъ. Зисель сидѣла въ шинкѣ на лавкѣ и ѣла хлѣбъ, который она мочила въ бѣломъ винѣ, имѣвшее прозрачный янтарный цвѣтъ. Увидѣвъ насъ, она быстро отставила рюмочку съ виномъ, смущенная, какъ будто изобличенная въ чемъ-то дурномъ, и сердито спросила у Майки:

— Что ты хочешь отъ моей жизни?

Услышавъ, въ чемъ дѣло, Зисель уже мягче отвѣтила, что хлѣба не хватитъ на завтра и надо для отца оставить также. Поэтому мы должны утѣшиться тѣмъ, что позже сварятъ мамалыгу. Опять эта проклятая мамалыга!

Мы такимъ образомъ возвратились ни съ чѣмъ. Тѣмъ не менѣе мы принялись очень оживленно бесѣдовать, при чемъ Майка и Малка, перебивая другъ друга, опять стали меня знакомить съ мѣстными достопримѣчательностями. Малютка же, обогрѣтый и обсушенный, сладко заснулъ.

Такъ сидѣли мы часа два. Майка и Малка вытащили всѣ свои игрушки, состоявшія изъ черепковъ, тряпочекъ, бумажекъ, обрѣз-

ковъ дерева и т. д.,—и скоро на печи устроились два образцовыхъ хозяйства, которыхъ хозяйки дѣятельно „дѣлали“ субботу, пекли хале, чинили рыбу и т. д. При этомъ одна у другой хватала „на минуточку“ то ухватъ, то лопату, то макитру и т. д.

— Хава, будьте такъ добры—обращается, напр., Майка къ Малкѣ,—дайте мнѣ на минутку вашу ступку. Взяла у меня Ципра еще въ прошлую пятницу и до сихъ поръ не принесла. Видѣли такую паскуду!.. Мое горе на ея голову!..

Малка отвѣчаетъ ей въ томъ же тонѣ, совершенно серьезно. Онѣ обѣ уходятъ цѣликомъ въ свои роли и исполняютъ ихъ съ истиннымъ совершенствомъ во всѣхъ деталяхъ и проявленіяхъ.

Особенно онѣ великолѣпны во время ссоры и когда приходятъ другъ къ другу въ гости. И врядъ ли какой-либо артистъ достигалъ когда-либо такой простоты и естественности въ игрѣ. Высшаго совершенства достигаетъ Майка, этотъ бойкій проницательный пострѣленокъ, отъ котораго ничего не ускользаетъ.

— Skotzel kimt, [1])—встрѣчаетъ она свою гостью, такимъ сладкимъ медоточивымъ голосомъ, поддерживая одною рукою немного согнутую на бокъ голову.

— Садитесь, Рейзель,—продолжаетъ она тѣмъ же тономъ.—Отчего это васъ не видать? Я уже собиралась къ вамъ зайти, такъ вотъ мой малютка не пускаетъ. Что-то онъ не совсѣмъ... Все животикъ, да животикъ.

— Вы бы, Бейла, ему покрышку положили на животикъ,—замѣчаетъ Рейзель (Малка).—Мой, не передъ вами будь сказано, тоже мучился всю ночь. А какъ положила покрышку, весь ожилъ.

— Вы таки правы,—отвѣчаетъ Бейла (Майка).—Вотъ у меня забитая голова. Совсѣмъ забыла. А старая Голда совѣтовала мнѣ какіе-то коренья. Она много знаетъ, не больше чѣмъ мертвый.

---

[1]) Никакіе филологи еще не добрались, кажется, до корня этого оригинальнаго привѣтствія, которымъ еврейскія хозяйки встрѣчаютъ своихъ гостей женскаго пола. Нѣкоторые предполагаютъ, будто это изуродованныя нѣмецкія слова Gottes Seligkeit kommt (идетъ Божье благословеніе). Но это одна остроумная догадка.

Кушайте, Рейзель. Что же вы не попробовали даже!.. Это я все на одномъ яйцѣ спекла. Хотѣла маку положить, но развѣ найдешь въ этомъ проклятомъ мѣстѣ. Вотъ мой мужъ поѣхалъ на ярмарку, такъ онъ ужъ мнѣ привезетъ.—Затѣмъ въ установленномъ порядкѣ идетъ злословіе о сосѣдкахъ и знакомыхъ.

— Была я эти дни у Златы—начинаетъ злословіе Бейла (Майка).—Такъ себѣ зашла. Ужъ домъ у нея, прости Господи... Я уже обѣдъ сварила, а у нея постели еще не были застланы. А соръ вездѣ по всѣмъ угламъ такъ цѣлыми кучками и лежитъ. Сколько живу на свѣтѣ—такой неряхи не видѣла. и т. д.

Вся дѣтская жизнь, вся наука дѣтей составляютъ сплошное подражаніе, и неудивительно, что они часто достигаютъ полнаго совершенства въ этой области.

Я, съ своей стороны, весьма охотно присталъ бы къ этой игрѣ, но мнѣ стыдно. Я вѣдь мальчикъ, да еще гемуреникъ, и не пристало мнѣ играть съ дѣвочками въ куклы и въ хозяйки. Но я съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ слѣжу за устройствомъ хозяйства каждой; даю нѣкоторыя указанія относительно разстановки мебели и т. д. Мои указанія, однако, не встрѣчаютъ никакого вниманія со стороны Майки, которая во всемъ идетъ своимъ путемъ.

— Тоже мнѣ человѣкъ, — отвѣчаетъ она на мои указанія. — Много ты знаешь. Ужъ лучше ты не вмѣшивался бы.—Нѣсколько больше вниманія удѣляетъ мнѣ Малка, которая думаетъ съ моею помощью перещеголять Майку.

— Идите, дѣти, въ шинокъ, —объявляетъ намъ вдругъ Зисель среди разгара игръ.—Я подремлю немного. Всю ночь почти не спала. Идите, тамъ поиграете. Только не „переверните тамъ міра“ и прислушивайтесь къ ребенку. Если пробудится, то ты, Малка, возьми его на руки.—И, положивъ себѣ маленькую подушку, она ложится на короткой для нея лежанкѣ, сильно подогнувъ ноги. Мы втроемъ, т. е. я, Малка и Майка, отправились въ шинокъ, который я накапунѣ вечеромъ и вообще до сихъ поръ видѣлъ мелькомъ. Сразу меня обдало тутъ какою то смѣсью всякихъ отвратительныхъ запаховъ, которые густымъ туманомъ, казалось, на-

прѣлые онучи, и сивуха, и потная овчина, и деготь, и гарь, и дымъ отъ перегорѣлой соломы, и соленая рыба, и смола, и сыростная земля подъ кадушкой съ водою и еще что-то такое, что опредѣлить нельзя. Ко всей этой разнообразной смѣси запаховъ присоединялась еще одна, очень рѣзкая и очень сложная смѣсь запаховъ, которую носилъ съ собою находившійся тутъ старикъ. Онъ сидѣлъ на землѣ между лежанкой и стойкой и возился надъ старыми дровнями, совершенно разсыпавшимися и сильно испачканными обсохшимъ навозомъ. Прежде чѣмъ я его увидѣлъ, я услышалъ какое-то странное сопѣніе и фырканье, словно лошадь, которая отъ чего-то нетерпѣливо отдувается.

— Ого! старый Перецъ уже возвратился?—воскликнула Малка, увидѣвъ полулежавшаго на землѣ старика.

— Только что узнала,—замѣтила Майка, скорчивши презрительную гримасу.—Я еще утромъ его видѣла, это онъ до сихъ поръ храпѣлъ. А пришелъ онъ еще ночью; только спалъ въ конюшнѣ до утра. Завалился въ ясли и никто его даже не видѣлъ.

Да, это былъ старый Перецъ, который жилъ въ шинкѣ у брата со своей дражайшей половиной Горпиной. Они оба стоятъ того, чтобы съ ними подробнѣе познакомиться. Старому Перецу было далеко за восемьдесятъ. Такъ утверждали всѣ и такъ утверждала также и Горпина. Онъ же самъ на вопросъ о его лѣтахъ неизмѣнно отвѣчалъ: „А якій бісъ его знае. Хиба я считавъ, абощо“ [1]). У него кое-гдѣ во рту торчали всего два—три одинокихъ зуба, такъ что говорилъ онъ еле внятно, много работая при этомъ губами, которыми вѣчно шамкалъ, словно жуя что-то. Глазки у него были маленькіе, тусклые, глубоко ушедшіе и онъ ими безпрерывно моргалъ, какъ слѣпецъ. Да онъ и видѣлъ плохо и безъ палки онъ шагу не дѣлалъ. Его заостренная кверху голова, совершенно похожая на тыкву, была покрыта густыми, вверхъ торчавшими и далеко еще не побѣлѣвшими волосами, съ полняли эту большую и низкую комнату и которые знакомы только посѣтителямъ деревенскихъ кабаковъ. Была тутъ и махорка, и

[1]) А какой чортъ его знаетъ. Развѣ я считалъ, что ли.

синимъ отливомъ. Его острый, всегда двигавшійся вмѣстѣ съ губами подбородокъ былъ покрытъ острой небольшой бородкой, съ такимъ же синеватымъ отливомъ. На его же смугломъ, на старую измятую кожу походившемъ, морщинистомъ лицѣ не было почти никакихъ волосъ. Лобъ у него былъ высокій, и это ему придавало нѣкоторую важность. Сложенія онъ былъ крѣпкаго и плотнаго, и его спина еще не сгорбилась, хотя уже начинала округляться нѣсколько ниже затылка. Только ноги ему уже плохо служили. Передвигался онъ какъ-то странно, таща не сгибая и не поднимая ноги, словно онѣ состояли бы изъ одного очень тяжелаго куска и были бы прикрѣплены къ землѣ. Тѣмъ не менѣе Перецъ постоянно странствовалъ изъ одной деревни въ другую, ибо онъ побирался исключительно Христовымъ именемъ.

Но это былъ не обычный, вульгарный нищій, который благочестиво крестится, смиренно и подобострастно стоитъ безъ шапки у порога или передъ окнами крестьянскихъ хатъ. Нѣтъ, онъ былъ нищій привилегированный, нѣсколько приближавшійся къ духовенству. Дѣло въ томъ, что онъ умѣлъ читать священныя книги, и это одно уже заставляло простодушныхъ крестьянъ смотрѣть на него, какъ на высшее существо, нѣчто въ родѣ духовной особы. Многіе считали за счастье имѣть его въ своей хатѣ. Она превращалась для нихъ въ храмъ, когда онъ бывало начнетъ читать, и они чувствовли себя иногда, словно священникъ у нихъ служитъ обѣдню. Была у него одна „книга“ Евангеліе, а быть можетъ и другая, большого формата въ два столбца, съ засаленными, сильно почернѣвшими листами, безъ начала и безъ конца. Онъ читалъ въ ней всегда одно и то же мѣсто. Въ другихъ же мѣстахъ плохо или ничего не разбиралъ, кромѣ буквъ и ихъ названій. Эту „книгу“ старый Перецъ постоянно клалъ за пазуху, когда онъ пускался въ свои странствованія, услаждая своимъ чтеніемъ богомольныхъ бабъ и мужиковъ, которые, слушая его, благочестиво крестились и умильно, благоговѣйно восклицали: „Оце, Господы, читае“. Читаемое не понимали ни чтецъ, ни его слушатели. Всѣ эти подробности я потомъ узналъ самъ и отъ Пинхаса, который мастерски подражалъ, какъ Перецъ читалъ и разсказы-

валъ. Тогда всѣ хохотали до упаду, а я больше всѣхъ. Теперь я не хохоталъ бы, далеко нѣтъ. Какъ мало источниковъ радости у человѣка! И будто не все равно, что ему даетъ хоть каплю блаженства, лишь бы онъ себя тогда чувствовалъ истинно счастливымъ. И что, кромѣ того, можетъ быть прекраснѣе наивной дѣтской радости? Домой Перецъ возвращался съ нагруженною торбою, наполненною всякимъ добромъ. Тутъ была и мука, и яйца, и книши, и сало, и сухари, и бублики, и творогъ, и кукуруза, и просо, и чего только тамъ не было,—всего, всего, какъ на Сорочинской ярмаркѣ. Только все лучшее онъ въ деревенскихъ шинкахъ обмѣнивалъ на деньги и не рѣдко на водку, къ который питалъ неодолимую страсть. Домой онъ приносилъ большею частью только то, что годилось непосредственно въ пищу, какъ, сухари, книши, сало и т. д. Обильную жатву приносилъ онъ послѣ большихъ праздниковъ, когда народъ особенно благочестиво настроенъ. Онъ отличался невѣроятною скаредностью и даже его страсть къ водкѣ не заставляла его забываться, и онъ ее постоянно пріобрѣталъ только въ обмѣнъ за муку, за яйца и т. д. На наличныя же деньги никогда не покупалъ. Выпускать разъ пріобрѣтенную монету было свыше его силъ. Скорѣе онъ разстался бы съ жизнью, чѣмъ со своими монетами. Онъ ихъ лелѣялъ, любовался ими, разсматривалъ при всякой возможности, какъ нѣкогда византійскій царь Левъ свои драгоцѣнные камни. Все онъ превращалъ по возможности въ деньги, и такъ какъ не мало собиралъ и „купіечекъ". то подозрѣвали, и очень основательно, что у него есть мошна. Горпина утверждала, что „винъ должно мае рубливъ за тридцать". И ея завѣтнѣйшая мечта была достать эти „тридцать рубливъ"— и поминай, какъ звали. Только этотъ высокій идеалъ и связывалъ ее съ нимъ, ибо она была моложе его лѣтъ на сорокъ и была еще баба хоть куда, такъ что ямщики часто на нее разорялись, „поштовали" ее водкой и виномъ, а иногда и бублики привозили ей изъ города. Вслѣдствіе этого между нею и ямщицкими женами часто происходили настоящія кровопролитія, послѣ которыхъ Горпина долго оставалась на печи со вздутой изборожденной мордой и помятыми боками, кряхтя и стеная. Въ нѣкоторыхъ симпатіяхъ къ

ней одно время подозрѣвали самого писаря, не Владиміра, а другого, бывшаго „пидфебеля“. Когда Горпина не была пьяна (а это все таки, противъ ея воли, случалось временами), она неимовѣрно томилась жаждой выпить и испытывала тогда всѣ танталовы муки. Въ самомъ дѣлѣ: жить у самаго источника блаженства, въ пяти шагахъ отъ божественнаго напитка и не быть въ состояніи окунуться въ него,—что можетъ быть мучительнѣе. И сидя на лежанкѣ, съ опущенными внизъ ногами, положивъ руки на икры, она бросала сладострастные взоры туда, по ту сторону рѣшетчатой стойки, гдѣ на подставкахъ стояла бочка, полная дивныхъ чаръ и откуда доносился одуряющій крѣпкій запахъ. Не то примется ходить изъ угла въ уголъ, погруженная въ глубокую думу о томъ, какъ хорошо было бы выпить.

Но за то она тогда имѣла очень приличный и даже нѣсколько привлекательный видъ. Она была хорошо сложена, „чернобрива“ и имѣла красивые черные глаза, и если бы не испитое одутое лицо съ багровыми пятнами, она была бы еще совсѣмъ красивой бабой. По характеру она была добрая и сердобольная.

Будучи не прочь присвоить себѣ во-время все, что не особенно зорко охранялось, она и свое охотно отдавала, если у нея только было когда-либо что-нибудь свое. Какимъ образомъ она сошлась съ Перецомъ, никому не было понятно, тѣмъ болѣе, что она уже у него была чуть ли не четвертая жена. Существовали большія сомнѣнія на счетъ того, была ли когда-нибудь церковь оповѣщена объ этомъ трогательномъ союзѣ и благословила ли она его. Говорили даже, будто у стараго Перца въ какой-то глухой деревнѣ обрѣтается его „настоящая“ парализованная старушка, которая большую часть жизни проводитъ у церковной паперти. О достовѣрности этихъ утвержденій ничего не могу сказать, но Горпинѣ объ этомъ часто напоминали ревнивыя жены, а иногда и обиженные мужья во время сильной выпивки. Былъ еще у Горпины сынъ Евтухъ, „хлопецъ“ лѣтъ четырнадцати, съ которымъ скоро познакомимся и за дружбу съ которымъ я много страдалъ впослѣдствіи. „Авторомъ“ его дней, какъ выражаются французы, всѣ единогласно считали одного славнаго и очень извѣстнаго та-

бунщика Прохора, который съ такимъ же мастерствомъ уводилъ лошадей, какъ и охранялъ. Горпина однако безстыдно приписывала Перецу родительское право, и послѣдній, во всемъ ей противорѣчившій, въ данномъ случаѣ почему-то охотно взялъ на себя чужую роль, и свои отеческія чувства къ Евтуху, который его называлъ „тату", проявлялъ довольно сильно и довольно часто, избивая его до полусмерти. Мать при этомъ обнаруживала истинно спартанское спокойствіе духа и никогда не останавливала отеческихъ порывовъ стараго и вѣрнаго спутника ея жизни.

О мѣстонахожденіи мошны Переца говорили разно. Иные твердили, что онъ ее гдѣ-то закопалъ въ полѣ; другіе утверждали, что она у него обвязана вокругъ ногъ, въ кучѣ онучей и тряпья, которымъ онъ ихъ обворачивалъ. Это версія должна считаться наиболѣе близкой къ истинѣ. Онучей онъ дѣйствительно никогда съ ногъ не снималъ, дома по крайней мѣрѣ, сколько ни убѣждала его Горпина отдать ихъ ей постирать, укоряя его при этомъ въ нечистоплотности. О, эти онучи! Какъ страстно о нихъ мечтала бѣдная Горпина въ тяжелыя безсонныя ночи. Въ какой соблазнительной формѣ рисовались онѣ ея воспламененному воображенію. Не однажды она нѣжной заботливой рукой любящей супруги принималась ихъ отматывать, пользуясь крѣпкимъ сномъ друга своего сердца. Но настороженный старикъ, отличавшійся такой же чуткостью въ этой области, какъ царь мирмидоновъ въ области пятки,—мгновенно пробуждался, аки раненный левъ, и благородныя иллюзіи Горпины разлетались прахомъ.

Раньше Перецъ былъ самостоятельнымъ хозяиномъ и только лѣтъ за десять до этого принялся за нищенство, оставшись совершенно одинокимъ. Жена его будто раньше бросила его. Отъ этого хозяйства у него кое-что осталось и еще недавно онъ имѣлъ какую то „худобу", пару воловъ, что-ли, да отдалъ ихъ какому-то мужику на „зимывлю" [1]) и тотъ ихъ продалъ и заявилъ, что они подохли.

Такова была оригинальная супружеская парочка, которая нашла себѣ пріютъ въ шинкѣ брата, гдѣ они жили уже съ полгода.

---

[1]) Зимывля—зимовка

Теперь старый Перецъ, какъ я уже сказалъ, полулежа на землѣ, исправлялъ старыя дровни. Это, какъ мнѣ объяснили, онъ задумалъ на предстоящія святки предпринять далекое путешествіе и отправиться отсюда верстъ за тридцать и сорокъ, гдѣ было много хохлацкихъ деревень и гдѣ надѣялся „колядками“ и молитвой добыть добра, которымъ предполагалъ набить много мѣшковъ. И вотъ онъ теперь возстановлялъ свои старыя дровни, которыя уже годы лежали въ сараѣ у Артема. Коняку же, хромую, забракованную уже, ему обѣщалъ дать одинъ мужичокъ изъ сосѣдней деревни за небольшую плату.

— Ге-ге, еще одинъ Берчукъ — пробормоталъ онъ, поднявъ на меня свои потухшіе, маленькіе, синіе, безпрерывно моргавшіе глазки.—„И видкиля винъ взявся“—прибавилъ онъ, измѣривъ меня съ ногъ до головы. И онъ опять запыхтѣлъ и задвигалъ губами, словно что-то жевалъ. При этомъ ротъ его принялъ совершенно форму свиного „пятачка“. Горпина же, напротивъ того, встрѣтила меня очень дружелюбно, погладила по лицу, сказавъ: „Гарный хлопецъ [1]), побей же мене Богъ, гарный хлопецъ“. Затѣмъ, покачавъ почему то грустно головой, прибавила: „Сирома“ [2]).

Я усѣлся на землю, слѣдя внимательно за работою старца. Отъ него несло нестерпимой вонью, какъ будто отъ чего-то очень гнилого и залежавшагося. Работалъ онъ, стоя на колѣняхъ, а когда что-нибудь прилаживалъ, нагибался до земли, такъ какъ плохо видѣлъ. Поработавъ такъ при мнѣ минутъ пять, онъ медленно поднялся и подошелъ къ Горпинѣ, которая что-то варила на припечкѣ въ котлѣ, и сталъ что-то бормотать, заглядывая въ котелъ, несмотря на обвивавшій его густой дымъ.

Скоро Горпина сняла котелъ и поставила на землю, а Перецъ, развязавъ свою сѣрую двухсумчатую торбу съ заплатами, вытащилъ оттуда сухари, всякіе объѣдки пироговъ, мамалыги и т. д., сталъ крошить все это на мелкіе кусочки и бросать въ ки-

---

[1]) Гарный—красивый.

[2]) Сирома—бѣдняга.

пятокъ; затѣмъ онъ самъ накрошилъ туда муки, сала, краснаго перца, бросилъ крупныя грудки черной соли, добытой, какъ и все прочее, изъ той же неистощимой торбы, и сталъ мѣшать все это самодѣльнымъ „полонникомъ“ [1]). Когда все это было сдѣлано, Горпина котелъ опять поставила на огонь, а старикъ сталъ тщательно увязывать свою торбу, бросая безпрерывно очень безпокойные взгляды на котелъ. Горпина у него была въ такомъ подозрѣніи, что онъ ей ничего не довѣрялъ, даже сухарей своихъ, и отъ приготовленной пищи не отступалъ ни на шагъ, боясь, чтобы она чего-либо не съѣла. И тѣмъ не менѣе, когда они уже усѣлись на землю вокругъ котла съ крашенными желтыми ложками въ рукахъ, онъ сердито проворчалъ: „Мабуть [2]) половину злопала, стерва“. И только послѣ этого вступленія, которое, какъ я потомъ узналъ, повторялось почти всегда, онъ, набожно перекрестившись, всунулъ ложку въ котелъ. За нимъ послѣдовала Горпина со своей ложкой. Послѣ каждой почти ложки, проглоченной старикомъ, слѣдовало какое-либо замѣчаніе по адресу Горпины. На это послѣдняя, благочестиво поднявъ глаза горѣ, неизмѣнно отвѣчала: „И, Господи! хоть бы тебе хороба взяла, старая собака! Хоть бы ты подавився, соплюга поганный! Тилько брешешь да брешешь, сучій сынъ!“

Мы всѣ усѣлись на лавку, безпрерывно хихикали, слѣдя за всѣмъ происходящимъ, и дѣлали всякій свои замѣчанія насчетъ всего этого. Само собою разумѣется, что Перецъ и Горпина для насъ воплощали ихъ „трефную вѣру“ и всю ихъ „трефную націю“, насчетъ которыхъ мы и выражали наши воззрѣнія подъ непосредственно получаемыми впечатлѣніями. Я, однако, долженъ былъ дѣлать надъ собой невѣроятное усиліе, чтобы не уйти. Трапеза эта, да еще со свинымъ саломъ, казалась мнѣ столь омерзительной и внушала мнѣ такое отвращеніе, что меня чуть не вырвало, и я убѣжалъ въ противоположный уголъ и усѣлся за большимъ столомъ.

---

[1]) Полонникъ—большая деревянная ложка.

[2]) Мабуть —вѣроятно.

Покушавши, Перецъ, весь раскраснѣвшись, тяжело пыхтя и отдуваясь, всталъ, стряхнулъ съ своей бородки и съ одежды крохи, вытеръ краемъ коричневой свитки своей ротъ и поплелся къ печи. Тамъ онъ сталъ противъ маленькаго образа, висѣвшаго въ отдаленномъ углу надъ самой печкой и принялся долго и благоговѣйно креститься. Покончивъ молитву, онъ, какъ былъ въ лаптяхъ и свиткѣ, подпоясанной веревкой, полѣзъ на печку, все что-то бормоча про себя и сильно пыхтя. И прежде чѣмъ Горпина успѣла вытереть ложки и выполоскать котелъ, онъ уже заснулъ и его громкое храпѣніе, сопровождаемое странными звуками сжимающихся и шамкающихъ губъ, оглашали весь шинокъ.

Убѣдившись окончательно, что онъ спитъ, Горпина подошла къ рѣшеткѣ стойки, за которой сидѣла Ривка, и тихо шепнула:

— Спитъ чортова хороба. Теперь давай пивъ-крючка.

— А гроши е?—спросила Ривка.

— Е,—многозначительно мигнула Горпина, нагнувшись ближе и показывая Ривкѣ мѣдякъ, прибавила: — Нехай сказится [1]) чортовъ злыдня [2]).—И она съ великимъ наслажденіемъ, къ которому примѣшивалось какое-то ликующее злорадство, выпила поднесенный ей „пивъ-крючка“. Видно было, что мѣдякъ ей удалось стянуть у старика.

Послѣ этого она полѣзла на печь и улеглась рядомъ со своимъ возлюбленнымъ супругомъ...

Кругомъ воцарилась такая тишина, словно весь міръ сразу исчезъ со своими обитателями.

И мы какъ-то поневолѣ тоже притихли. Тогда вдругъ затянулъ свою знакомую тоскливую пѣснь сверчокъ. Я весь затрепеталъ. Какъ! онъ тутъ! мнѣ казалось, что это тотъ самый, котораго пѣснь раздавалась въ нашемъ родномъ домѣ и съ которымъ я такъ сроднился съ самаго ранняго дѣтства, съ которымъ была связана вся, вся наша жизнь за весь этотъ счастливый періодъ. Развѣ одна радость, одна печаль обходилась безъ участія этого

---

[1]) Пусть взбѣсится.

[2]) Злыдня—скряга.

невидимаго пѣвца, котораго звуки я такъ любилъ и которые для меня сливались рѣшительно со совсѣмъ меня окружавшимъ, котораго существованіе отдѣльно отъ всего я не могъ себѣ даже представить.

Я почувствовалъ словно близость родной близкой души. Да, онъ тутъ нашъ родной пѣвецъ, и мнѣ кажется вдругъ, что вотъ выступаетъ предо мною все наше бѣдное родное пепелище. Малка и Маріамъ, занявъ уголъ, гдѣ сходились обѣ широкія лавки, тянувшіяся вдоль двухъ стѣнъ, принялись опять за свое домостроительство и игру въ хозяйки. Я же, посидѣвъ еще минутъ десять съ ними, вышелъ.

Есть тишина, отъ которой духъ захватываетъ, въ которой есть что-то властное, мощное, покоряющее и сковывающее, которая носится тихими неслышными, но могучими волнами, которая говоритъ и поетъ, полная дивной гармоніи. Такая тишина возможна только въ пустынѣ и среди безмолвныхъ степей, гдѣ дѣйствительно все замолкаетъ, гдѣ къ тишинѣ не примѣшивается никакого эхо даже самаго отдаленнаго звука. И такая тишина часто водворялась въ хаткѣ среди бѣлаго дня, эдакъ къ полудню, когда бывало всѣ дрыхнутъ, отъ писаря до ямщиковъ и ихъ женъ, отъ Переца до Артема и его домочадцевъ; когда даже лошади въ конюшнѣ, уставши жевать, стоятъ съ понурыми головами, безъ движенія въ полудремотѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ, подогнувъ подъ себя ноги, прилягутъ около яслей и неподвижно устремятъ свой взоръ въ наполняющій глубину полумракъ. И тогда молчаливая нѣмая степь становится еще безмолвнѣе, еще величественнѣе и безбрежнѣе.

И какая-то незримая траурная пелена словно ее окутаетъ вдругъ и обовьетъ; это безмолвіе превращается тогда въ какую-то странную, тихую элегію, въ нѣмой плачъ вселенной. Нѣчто подобное по крайней мѣрѣ меня охватывало часто, когда во время этой полуденной дремоты мнѣ случалось одному очутиться въ степи. Съ особенно могучей силой я это почувствовалъ теперь, когда я вышелъ. Я собственно вышелъ на минутку, позади дома, думая сейчасъ вернуться. Но нѣмая степь со своимъ

священнымъ безмолвіемъ потянула меня къ себѣ съ какой-то неодолимой силой. Я остановился, онѣмѣвъ. Покрытая легкимъ бѣлымъ снѣжнымъ пушкомъ словно священническимъ одѣяніемъ, она, казалось, совершала какое-то великое, но печальное священнодѣйствіе.

Вдали виднѣлись скирды и я рѣшилъ добраться до нихъ. Туда было минутъ десять ходьбы, и чѣмъ больше я удалялся, тѣмъ сильнѣе меня охватывало невольное чувство жуткости и какого-то неопредѣленнаго страха; но въ этомъ страхѣ была какая-то сладостная мука, словно отъ сознанія совершеннаго подвига, и я продолжалъ идти дальше. И та самая степь, которая утромъ тѣмъ же безмолвіемъ казалась мнѣ полной радости и бодрости и меня самого наполнила радостью и бодростью, теперь все больше заволакивалась печалью и трауромъ, которые, казалось, волнами носились надъ нею.—Стоялъ тихій морозъ, небо было покрыто неплотно между собой соединенными обрывками тучъ, которые походили на ледяное море съ множествомъ трещинъ. И черезъ эти трещины иногда просвѣчивалось блѣдное отраженіе солнечнаго свѣта. И этотъ временами пробивавшійся блѣдный свѣтъ еще усиливалъ чувство тоски и жуткости, какъ свѣча, горящая днемъ на окнѣ въ домѣ, гдѣ есть покойникъ.

Я дошелъ до пункта, который себѣ назначилъ. Три длинныя скирды соломы, образовавъ уютный уголокъ, значительно оживляли мѣсто, и тутъ я не чувствовалъ уже того удручающаго унынія. Среди разбросанной по землѣ мелкой соломы копошилось множество воробушекъ, которые отыскивали тамъ что-то своими крохотными клювиками. Этого одного было достаточно, чтобы меня приковать. Ко всѣмъ этимъ пернатымъ крошкамъ я чувствовалъ трогательную нѣжность. Къ несчастью, онѣ этого не понимали и видѣли во мнѣ такого же злодѣя и врага, какъ и во всѣхъ людяхъ, и при моемъ появленіи поднялись всѣ и разомъ унеслись далеко. Смѣлѣе были вороны, нѣсколько поодаль важно расхаживавшія по широкой, заросшей бурьяномъ межѣ, которая уходила куда-то далеко, далеко въ безконечную волнистую степь.

Я усѣлся подъ скирдой, отъ которой несло такимъ аромат-

нымъ тепломъ. Но тамъ далеко, далеко на межѣ вынырнуло что-то черное, которое, какъ мнѣ казалось, все приближалось. Я тревожно поднялся. Нѣтъ, кажется, это кустъ тамъ стоитъ неподвижно. Но все-таки у меня не хватило смѣлости тутъ остаться дольше, и я что есть мочи пустился обратно, словно чувствуя за собой погоню. Погоня, дѣйствительно, была. То были вороны, которыя цѣлыми стаями носились надо мною, наполняя тихій, неподвижный воздухъ своимъ карканьемъ. Но онѣ скоро исчезли во мглѣ. Вдали слышался глухой стукъ колесъ, который каждый разъ замиралъ и опять возобновлялся.

Я добѣжалъ до конюшни, куда забрался черезъ щель задней двери, глядѣвшей въ поле. Тамъ было мертвенно тихо, какъ утромъ. Нѣсколько куръ опять забрались въ желобы и выклевывали зерна изъ половы. Эти желобы, очевидно, служили главнымъ источникомъ ихъ существованія и ихъ тутъ можно было найти всегда, когда никого не было. Ямщики поэтому къ нимъ относились съ большою жестокостью, такъ какъ онѣ часто поѣдали ячмень у лошадей. У многихъ, вслѣдствіе этого, часто являлись поломанныя ножки, или поломанныя крылышки,—дѣло рукъ озлобленныхъ ямщиковъ. Неудивительно поэтому, что какъ только онѣ меня завидѣли, бѣдныя курицы шумно вспорхнули на сѣнникъ, который находился въ глубинѣ налѣво.

Походивъ немного по конюшнѣ, гдѣ въ томъ же порядкѣ стояли тѣ же лошади неподвижно, въ полудремотѣ, съ полузакрытыми глазами, я вышелъ во дворъ, потянувъ за дышло одну изъ почтовыхъ телѣгъ; я пришелъ въ восторгъ, когда она двинулась, приписывая это своей мощи. Ободренный этимъ, я опять потянулъ. Но всѣ мои усилія были напрасны; телѣга ни съ мѣста, словно бы ее приковали къ землѣ желѣзными цѣпями. Я опять забрался въ подкатный сарай, попробовалъ взобраться на сложенныя другъ на дружкѣ сани; но при первой попыткѣ, верхнія сани сильно пошатнулись на бокъ. Я испуганно отскочилъ и выбѣжалъ.

Я уже хотѣлъ отправиться на „кухню“, съ которой еще не успѣлъ познакомиться, но вдругъ услышалъ медленно дребезжа-

щій звонъ почтоваго колокольчика и глухой стукъ телѣги, которые все приближались. То возвращался ямщикъ, который по обычаю обратно плелся медленнымъ шагомъ. Его самого не видно было вначалѣ, такъ какъ онъ спалъ въ глубинѣ телѣги, а лошади шли сами по дорогѣ, фыркая и почесывая морды о конецъ дышла. Онѣ весело заржали, увидѣвъ знакомый желобъ, около колодца, свернули и мелкой рысцей въѣхали во дворъ, чуть не пырнувъ дышломъ объ стѣну конюшни. Тогда ямщикъ проснулся и лѣниво, сонно поднялъ голову, облѣпленную соломой, что-то пробормоталъ и сильно зѣвнулъ. Это былъ тотъ самый, съ которымъ я пріѣхалъ наканунѣ. Онъ былъ единственный ямщикъ великороссъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные были хохлы. Звали его Сергѣемъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, щуплый, худой, съ лицомъ, сильно изрытымъ оспою и покрытымъ очень рѣдкою черною бородкой. Глаза у него были сѣрые, тусклые, маленькіе, носъ узкій, сжатый; на головѣ длинные очень волосы, которые у него всегда лоснились жиромъ, хотя онъ ихъ никогда не мазалъ. Наканунѣ въ ямщицкой формѣ онъ мнѣ казался какъ-то болѣе виднымъ.

Теперь, въ плохенькомъ и короткомъ кожухѣ и овчинной острой шапкѣ, къ тому еще пьяный, съ ушедшими вглубь глазами, онъ имѣлъ очень жалкій видъ.

Нетвердыми шагами онъ сошелъ съ телѣги и принялся выпрягать лошадей; но долго возился около нашильника, который слѣдовало отвязать отъ хомутовъ, ругался, плевалъ, билъ въ морду бѣдныхъ лошадей своими локтями, но, очевидно, не могъ ничего сдѣлать и сталъ безсмысленно топтаться вокругъ телѣги, какъ будто отыскивая тамъ что-то. Это, очевидно, увидѣла его жена изъ окна кухни и прибѣжала. Это была та самая Фроська, которая утромъ поила лошадей вмѣстѣ съ Петромъ.

— Налопался уже, какъ свинья, — со скрежетомъ кричала она еще издали, бросая на него взоры, полные злобы и ненависти.

— Ишь, чортъ проклятый!—уже яростно толкнула она его, подошедши къ дышлу, гдѣ онъ стоялъ безпомощно, и принялась быстро отпрягать.

Сергѣй отвѣтилъ отборною руганью, сунулся снова выпрягать, стараясь оттолкнуть Фроську, но не удержалъ равновѣсія послѣ толчка въ грудь и полуприлегъ на землю. Онъ, однако, снова поднялся и, сознавъ, очевидно, свое безсиліе, предоставилъ женѣ сдѣлать все необходимое, а самъ поплелся на конюшню, гдѣ прилегъ на порогъ, что то бормоча и ругаясь.

Скоро прибѣжали Малка и Маріамъ.

— Опять пріѣхалъ пьяный,—сказала Малка хозяйственнымъ строгимъ голосомъ, придавая себѣ важный видъ, обращаясь къ Фроськѣ. Потомъ, порывшись въ телѣгѣ, гдѣ искала какую-то покупку, которую Сергѣй долженъ былъ привезти, прибавила сердито:

— Вишь пьяница проклятый.

— Не на твои гроши небось пьетъ,—огрызнулась Фроська:— Туды жъ лѣзетъ. Ишь нашлась указчица; тоже хозяйка!—И огрызаясь такимъ образомъ, она сердито стала снимать хомуты съ лошадей, вытерла ихъ клочкомъ сѣна и повела въ конюшню. Затѣмъ, повѣсивъ сбрую на деревянные колышки, вбитые въ конюшенную стѣну, стала тоже рыться въ телѣгѣ и, медленно перетряхивая сѣно, вытащила оттуда сначала ряднышко съ требуемой покупкой для насъ, и презрительно и злобно швырнула ее Малкѣ, потомъ, продолжая еще рыться, вытащила кусочекъ мыла, облѣпленный сѣномъ, и еще кое-что. Дѣлала она все это ворча и ругаясь, но уже по адресу мужа, который продолжалъ сидѣть на порогѣ конюшни и смотрѣть безсмысленно вокругъ, все что-то бормоча про себя.

Малка, обругавъ нѣсколько разъ Фроську, „проклятой собакой", направилась съ покупкой домой, а я съ Майкой пошли на кухню.— Сначала мы вошли въ большія сѣни, надъ которыми крыша была почти вся оторвана, гдѣ было поэтому очень свѣтло. Почти весь землянной полъ былъ устланъ толстымъ слоемъ втоптаннаго камыша, постепенно накопившагося отъ падающей крыши.

Дверь направо вела въ самую ямщицкую. Когда я вошелъ туда, меня обдалъ рѣзкій, кислый, смѣшанный запахъ отрубнаго кваса, ржаного хлѣба, овчины, дегтя, пеленокъ, долго залежавшаго потнаго грязнаго бѣлья и дыма.

Этотъ густой смрадъ, какъ и въ шинкѣ, казалось, висѣлъ въ густомъ, мутномъ воздухѣ, прорѣзанномъ синеватыми дымчатыми полосами, тянувшимися отъ оконъ. Комната была совершенно такая же, какъ и брата, съ огромной печью налѣво, тремя окнами, только нѣсколько больше. Вдоль двухъ стѣнъ тянулись широкія постели въ видѣ наръ, а вдоль третьей—широкая лавка; надъ нарами въ противоположномъ углу, висѣли два большихъ деревянныхъ, съ полинялой краской образа святыхъ, съ коронами на головахъ, съ клинообразными бѣлыми бородками, съ жезлами въ рукахъ. У всѣхъ были одинаковыя лица, съ одинаковымъ выраженіемъ,—или лучше,—безъ всякаго выраженія. Надъ однимъ, среди мути, изображавшей небо или тучи, была изображена фигура въ красной мантіи и длинныхъ волосахъ, съ такой же клинообразной, но совершенно синяго цвѣта, бородкой, съ головой, окруженной множествомъ желтыхъ, сильно облинявшихъ линій, которыя я почему-то принималъ за восковыя свѣчки, но которыя, очевидно, должны были изображать сіяніе или „ореолъ". Эти образа были убраны желтыми, засохшими цвѣтами и колосьями, передъ ними висѣла стеклянная лампадка изъ очень тусклаго, темно-синяго стекла, съ мутнымъ остаткомъ масла на днѣ. Несмотря на ихъ совершенно безобидный видъ, эти образа, какъ и все, что относилось къ этой области, внушали мнѣ неодолимый ужасъ и еще кое-какое чувство, которое испытываетъ человѣкъ, встрѣтившись лицомъ къ лицу со своимъ злѣйшимъ врагомъ и мучителемъ. Отъ этого чувства я никогда не могъ отдѣлаться и не отдѣлался вполнѣ до сихъ поръ.—Передъ обѣими постелями-нарами висѣли прикрѣпленныя къ потолку колыбельки, одна изъ рядна, прибитаго къ деревянной рамѣ, другая же представляла удлиненную яйцевидную корзинку. Въ первой спалъ ребенокъ Сергѣя, толстый, но блѣдный мальчуганъ, съ огромной бѣлой головой; въ другой лежалъ и игралъ, задирая голыя ножки вверхъ, ребенокъ Петра, хиленькая, съ желтымъ, болѣзненнымъ, крошечнымъ личикомъ и закисшими глазками дѣвочка, съ жиденькими, грязнаго цвѣта волосами. На самой постели лежалъ Петро, положивши голову на колѣни своей жены, которая усердно рылась

въ его жиденькихъ рыжихъ волосахъ и энергично работала ногтями обоихъ толстыхъ пальцевъ. Временами Петро поднималъ голову, смѣшилъ и забавлялъ ребенка, крича ему ласково: „Ахъ, ты Манусичка, сукина дочка, шельмой будешь? Скажи, будешь шельмой?“ Эти ласки очень оскорбляли его жену, блѣдную, маленькую женщину, имя которой было „Килына“, и она обиженно, нѣсколько жеманно говорила: „Ой лыхо мні зъ нимъ. Що винъ сказывае. Дитына маленька, а винъ его паскуде“.

Но Петро не обращалъ вниманія и упорно повторялъ свои нѣжныя ласки, усиливая ихъ еще болѣе крѣпкими терминами, которые воспроизводить было бы очень щекотливо. Эти наикрѣпчайшія ласкательныя слова не только не увеличили негодованія Килыны, но, напротивъ того, какъ будто ее смягчили. Она уже стала журить мужа, хихикая и добродушно приговаривая: „Та выдумаешь же, Господи. Та, иды соби вже къ бису“. Она была не дурна собою, хотя очень маленькая, худенькая—и на видъ была еще совсѣмъ молодая, лѣтъ двадцати не больше. Петро же глядѣлъ лѣтъ на двадцать старше ея. Онъ былъ почти безобразенъ, щуплый, помятый, худой, безъ переднихъ зубовъ, и, тѣмъ не менѣе, она держалась по отношенію къ нему заискивающе, и въ этихъ самыхъ ругательствахъ было что-то такое рабски угодливое. Этого еще мало. Говорили, что она сама ему вообще навязалась, бросивъ ради него молодого мужа-кузнеца, парня рослаго и крѣпкаго. Единственный его недостатокъ былъ, что руки у него были—настоящіе молоты, для которыхъ она весьма часто служила наковальней, особенно, когда онъ напивался. Что же касается Петра, то онъ снисходительно принималъ ея ласки, а въ общемъ относился къ ней какъ-то презрительно, какъ къ „потаскухѣ“, хотя билъ ее рѣдко. Ибо, несмотря на то, что постоянно ругался и сквернословилъ, онъ былъ человѣкъ совсѣмъ не злой. Ребенокъ же, котораго онъ очень любилъ и часто нянчилъ, какъ только у него было время, совсѣмъ его размягчалъ.

Мы присѣли на лавкѣ, спиною къ образамъ, чтобы не приходилось на нихъ смотрѣть. На сильно запыленномъ окнѣ, около насъ стояла сильно засаленная бутылочка съ „іелеемъ“, заткнутая

очень сальною бумажкою, а около лежала половинка ржаного хлѣба. На слѣдующемъ, покрытомъ еще болѣе толстымъ слоемъ пыли и затканномъ во всѣхъ углахъ грубой запыленной паутиной, стояла тыква съ солью и возлѣ черепокъ отъ горшка, въ которомъ лежала напитанная какимъ-то чернымъ жиромъ тряпка. На самомъ концѣ лавки стояло деревянное ведро съ водою, а возлѣ него пестро выкрашенная мисочка съ золочеными полосами, большая макитра, большая черная глиняная миска и большой пузатый котелъ. Въ вырѣзанныхъ углубленіяхъ одной изъ полокъ торчали большія, желтыя, уже нѣсколько обтертыя ложки. Надъ каждой постелью, очень высоко, почти подъ самымъ потолкомъ, висѣли еще маленькія полки, гдѣ хранилась одежда. На веревкѣ, привязанной надъ печкой сушилась одна цвѣтная, а другая сѣрая; холщевая рубаха и пара такихъ же сѣрыхъ кальсонъ, съ двумя большими бурыми заплатами въ колѣнахъ. Около печи была набросана мелкая солома, а внутри стоялъ огромный котелъ, и еще тлѣлся огонь. На мой счетъ Килына сдѣлала то же замѣчаніе. что и старый Прецъ и прочіе: новый, молъ, Берчукъ прибавился. Берчуками же и Берчатами называли всѣхъ членовъ семьи брата, исключая жены, которую называли Берчихой, и только ямщики и ихъ жены, какъ подвластные, называли ее Зислей.

Сдѣлавъ это общее замѣчаніе, она, убѣдившись, что я, „ничего не тяму“ (не понимаю), стала разспрашивать у Майки всякія подробности на мой счетъ, какъ будто близко интересуясь моею судьбою. Я совсѣмъ былъ пораженъ бойкостью, съ которой Майка объяснялась съ нею по-хохлацки, еще больше, чѣмъ наканунѣ знаніями въ этой области чернаго Янкеля. Мнѣ казалось, что большаго совершенства нельзя достигнуть и что я никогда до этого не дойду. Хоть бы заикнулась, остановилась. Нѣтъ! Такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ. А для меня все это сливается въ одну массу звуковъ. И при этомъ личико у нея такое серьезное, дѣловое, какъ у совсѣмъ почтенной особы.

„Чортъ, а не дѣвочка“, восхищаюсь я мысленнно. И я вижу, что даже грубый, циничный Петро и глупая, жалкая Килына ею невольно любуются.

Скоро Петро, услышивъ ребенка, самъ заваливается спать, повернувшись къ стѣнкѣ. Килына, спустивши ноги, начинаетъ крѣпко зѣвать, какъ будто не зная, что теперь предпринять. Посидѣвъ немного, болтая ногами, она спустилась, подошла къ окну, отрѣзала кусокъ хлѣба, посыпала его солью и, присѣвъ на лавкѣ рядомъ съ нами, стала медленно ѣсть, какъ будто дѣлала все это отъ одной скуки. Когда я ее увидѣть ближе, во весь ростъ, она мнѣ показалась совсѣмъ дѣвочкой, такъ она была мала и худа. Вся ея одежда состояла изъ короткой, грязной, ситцевой юбки, поверхъ сильно вырѣзанной впереди, грязной, сѣрой рубахи съ краснымъ „очкуромъ". Босыя ноги были покрыты довольно плотнымъ, крѣпко приставшимъ слоемъ грязи.

Такъ посидѣли мы еще съ четверть часа. Мнѣ стало скучно, и я поднялся, чтобы уйти. Въ это время въ кухню ввалился Сергѣй, сопровождаемый разъяренной Фроськой, которая съ чувствомъ омерзенія толкала его впереди себя, сопровождая каждый пинокъ и толчокъ сильными энергичными ругательствами. Сергѣй не оставался въ долгу въ ругательствахъ, но на пинки отвѣчать былъ совершенно безсиленъ. Повалившись на постель, какъ былъ, въ грязныхъ сапогахъ, онъ скоро захрапѣлъ, а Фроська взяла на руки сильно разревѣвшагося ребенка и, надавъ и ему нѣсколько пинковъ, злобно всунула ему въ ротъ грудь. Мы, наконецъ, поднялись и ушли.

— Знаешь, Лейбъ,—сказала мнѣ Майка, когда мы вышли уже:— ты побѣги и посмотри, спитъ ли еще маме, а то мнѣ сейчасъ дадутъ ребенка на руки, если я пойду. Ничого, пускай Малка его поняньчитъ—не повредитъ ей.

Я послушно пустился бѣжать.

— Постой,—крикнула мнѣ вслѣдъ Майка —Смотри, какъ ему некогда. Бѣжитъ, какъ говорятъ, дурень напередъ.—Когда я остановился, она прибавила:—Ты, дуракъ, въ комнату не заходи, а черезъ окно посмотри. Не то тебя сейчасъ спросятъ, гдѣ я. Понимаешь?

Я хорошо понялъ. Эта крошка обладала какой-то магической силой и умѣла повелѣвать даже мной, самымъ непокорнымъ существомъ.

Вѣсти оказались благопріятными, и мы пустились къ Артемихѣ, куда Майка больше всего любила ходить. Насъ встрѣтила огромная собака, которая лежала у самаго порога и при видѣ насъ, т. е. собственно меня, незнакомаго, свирѣпо залаяла громкимъ, оглушающимъ лаемъ, не двигаясь, однако, съ мѣста. Я стремглавъ бросился назадъ. Но Майка повелительно прогнала пса, а на меня посмотрѣла насмѣшливо, говоря: „Дурень, нашелъ кого бояться. У нея даже зубовъ нѣтъ“.

Я тѣмъ не менѣе съ большою опаскою прошмыгнулъ мимо все ворчавшей собаки и мы наконецъ по землянымъ ступенькамъ спустились въ совершенно темныя низенькія сѣни, которыя были загромождены множествомъ наполненныхъ зерномъ мѣшковъ, отъ которыхъ распространялся пріятный запахъ.

Только одна свѣтлая полосочка пробивалась, и въ ней тысячами, словно въ потокѣ, двигались пылинки.

Я не стану описывать шагъ за шагомъ, какъ я познакомился со всѣмъ существовавшимъ въ хаткѣ. Это знакомство, разумѣется, я сдѣлалъ въ первый еще день и до вечера не существовало, кажется, уже предмета и лица, даже скотины, которыхъ я еще не видѣлъ и не зналъ бы. Зналъ уже я даже, что у насъ куръ восемнадцать и одинъ старый пѣтухъ и одинъ молодой, а у Артемихи двадцать пять куръ и одинъ пѣтухъ. Былъ я посвященъ и въ то, что Варька, сноха Артема, часто крала яйца нашихъ куръ и что она нарочно устраивала такъ, чтобы онѣ неслись въ ихъ сараѣ. Все это меня очень интересовало и на другой день я уже былъ на всѣхъ чердакахъ, ползалъ по всѣмъ отдаленнымъ и темнымъ угламъ надъ самой стрѣхой, забирался въ ясли, тоже любимое мѣсто, куда любили зарываться куры, и вездѣ отыскивалъ яйца.

И что мнѣ въ самомъ дѣлѣ было дѣлать, если не лазить по чердакамъ или забѣгать то на кухню, то въ конюшню или къ Артему.

А Артемиха первые дни принимала меня очень гостепріимно и угощала меня хорошо высушенными сѣмечками арбузовъ, дынь и кабановъ, которыхъ она имѣла большой запасъ и которыя хра-

нились въ мѣшечкахъ надъ дымной трубой. У Артемихи, несмотря на то, что землянка была небольшая и низенькая, а жило ихъ тамъ три семьи, было всегда очень чисто, тепло и уютно. Конечно, въ первую минуту, когда заходишь, бывало охватитъ тебя этотъ очень тяжелый и противный запахъ, свойственный всякой мужицкой хатѣ. Но въ общемъ тутъ было что-то привлекательное, хотя за порядкомъ тутъ преимущественно смотрѣла наименѣе привлекательное существо—Варька. Она вѣчно подбирала все набросанное и укладывала на мѣсто, а замѣтивъ гдѣ-либо соръ, сейчасъ хватала „полыневый“ [1]) вѣникъ и принималась подметать. Тутъ все имѣло свое мѣсто на чистенькихъ полкахъ, гдѣ красовалась деревянная крашенная посуда, макитра, горшки, и т. д. Хата всегда тщательно подмазывалась, а передняя часть печки была разрисована синими, черными и желтыми точками. На столѣ постоянно лежалъ ржаной хлѣбъ и тыква съ солью, прикрытые толстымъ вышитымъ по краямъ „ручникомъ“ [2]). Передъ двумя большими деревянными иконами со множествомъ святыхъ, тоже убранныхъ вышитыми ручниками, кромѣ чистенькой лампадки, всегда висѣло красное яичко отъ Пасхи до Пасхи и какіе-то бѣленькіе мѣшечки съ пахучими травами и „зильями“. На деревянномъ широкомъ помостѣ, въ видѣ наръ, лежала вся теплая одежда, всѣ кожухи, тулупы и т. д., прикрытые большимъ, полосатымъ ковромъ. Женская же одежда, всѣ спидницы [3]), казакины, бурнусы, платки и т. д. висѣли надъ этими же нарами на подвязанной къ потолку веревкѣ. Тутъ же на постели лежали одна на другой пирамидально сложенныя подушки въ пестрыхъ ситцевыхъ наволочкахъ, а спереди, тоже на веревкѣ, сложенными висѣло нѣсколько красивыхъ ковровъ собственной работы, которые составляли лучшую гордость и украшеніе хаты и которые принадлежали молодымъ хозяйкамъ, т. е. Варькѣ и Маріи, какъ ихъ приданое. Количество и качество ковровъ играли при выходѣ замужъ дѣ-

---

[1]) Изъ полыни.

[2]) Полотенцемъ.

[3]) Юбки.

вушки очень крупную роль и служили какъ бы свидѣтельствомъ благосостоянія семьи и добрыхъ качествъ невѣсты. Только самая захудалая не имѣла въ запасѣ такихъ ковровъ. Въ этомъ, очевидно, выражалось молдаванское вліяніе.

Въ низенькихъ и глубокихъ оконныхъ нишахъ, подобно амбразурамъ постепенно съуживавшихся, въ видѣ-ли украшенія или такъ, стоялъ цѣлый рядъ тыквъ, одна другой меньше, а между тыквами лежали красивыя, различныхъ формъ и цвѣтовъ каракуцки [1]). Нѣсколько каракуцекъ лежало также около иконъ на деревянномъ карнизѣ.—Артемъ и Артемиха жили между собою очень мирно и даже любили другъ друга по своему, насколько они оба были способны любить кого-либо, кромѣ себя Они оба были большіе эгоисты съ совершенно „буржуазными", выражаясь по современному, вожделѣніями. Они совсѣмъ не по мужицки холили себя, очень любили покушать, и такъ какъ они были довольно зажиточны для крестьянъ, то и позволяли себѣ иногда нѣкоторое баловство, какъ, напр., рыбу, когда ее провозили мимо, и подобные деликатессы. Она вообще очень любила заглядывать подъ рядна, укрывавшія телѣги проѣзжавшихъ мимо торговокъ—и если находила что либо лакомое, покупала, часто тайно отъ мужа и тайно же отъ него поѣдала. Онъ же, надо отдать ему справедливость, этого не дѣлалъ и всегда охотно привозилъ „гостинцевъ" своей „старой", напр., рубашки, булку, пряники и тому подобное. Самыми роскошными и тонкими блюдами было для нихъ все то, что готовилось на меду, и само слово медъ (они, по хохлацки, выговаривали мэдъ) они произносили съ особеннымъ смакомъ. По воскресеньямъ она часто готовила галушки съ макомъ и медомъ, и эти галушки тогда почему то получали названіе „байструковъ" [2]). Оба были изъ недавно отпущенныхъ крѣпостныхъ и очевидно изъ дворовыхъ, ибо она часто разсказывала про кушанья, которыя ѣли ихъ паны. При этомъ съ особеннымъ восторгомъ разсказывала о поросятахъ и даже, кажется, цѣлыхъ кабанахъ въ меду, начиненныхъ „сливами", яблоками, ри-

[1]) Каракуцки—порода тыквъ, маленькихъ и разноцвѣтныхъ.

[2]) Байструки собственно значитъ незаконнорожденные.

сомъ, изюмомъ и еще чѣмъ то, и даже о рыбѣ въ меду, да съ изюмомъ все. И никакіе подвиги ея бывшихъ господъ не вызывали бы въ ней столько восторга и благоговѣнія къ нимъ, какъ всѣ эти кушанья „зъ мэдомъ". „Жидівъ" она конечно не жаловала, но въ отношеніи кушаньевъ она была очень терпима и ей очень нравились еврейскія блюда. Она, напр., научилась у Зисель готовить „цимесъ" изъ фасоли съ медомъ, который очень любила, и вся замирала при видѣ фаршированной рыбы и „жидівской кашки". Какъ это часто бываетъ съ очень эгоистичными и любящими себя людьми, они отличались мягкостью, правда далеко въ глубь не идущимъ добродушіемъ, которое при извѣстныхъ случаяхъ и условіяхъ много способствуетъ благополучію и самодовольству.

Я очень любилъ иногда посидѣть въ теплой и уютной хатѣ Артемихи, если только ящерица—Варька не скалила зубовъ и не пускалась въ злыя насмѣшки на счетъ евреевъ. Она считала себя большимъ знатокомъ „жидівскихъ звычаивъ" (еврейскихъ обычаевъ) и разсказывала въ нашемъ присутствіи съ безстыдствомъ публициста о томъ напр., какъ у „жидівъ" придушиваютъ передъ смертью подушкой больного, „бо винъ, больной, значитъ, бачитъ Христа и начинае хреститься"; тогда находящіеся тутъ жиды „пиднимуть гвалтъ", кричатъ: „Охъ вей, хайтеръ гевезенъ", набрасываютъ на лицо подушку, чтобы скорѣе умеръ; что въ „кучу" [1]) является нечистый съ рогами и тогда евреи пугаются и начинаютъ кричать „якъ скаженные"; но чортъ не даетъ покою, лѣзетъ на столъ, кладетъ свои нечистыя лапы на молитвенники. Тогда они изъ двухъ палокъ складываютъ „хрестъ" и чортъ, увидѣвъ это страшилище, убѣгаетъ во всѣ лопатки.

О, въ какую ярость приводила меня эта наглая ложь и клевета подлой Варьки, которая все это разсказывала съ такой змѣиной злобой, съ такимъ змѣинымъ ехидствомъ и, главное, съ такакою безгранично наглою самоувѣренностью! Что даже чортъ можетъ улепетнуть во всѣ лопатки при видѣ этого страшнаго символа, отъ котораго у меня вся кровь стыла въ жилахъ, — это я

[1]) Въ праздникъ Кущей.

легко тогда повѣрилъ бы. Но чтобы еврей имъ пугалъ, еврей, который самъ его страшился хуже всѣхъ чертей взятыхъ вмѣстѣ! Съ какимъ наслажденіемъ я изорвалъ бы, исцарапалъ бы все ея змѣиное лицо, топталъ бы ее ногами. Это грубое „жлобское“ созданіе разсказываетъ такія небылицы о насъ, и всѣ слушаютъ и хихикаютъ отъ восторга. Вотъ я, еще маленькій и слабый, и если бы не то что одинъ чортъ, а сотня тысячъ чертей такихъ же подлыхъ ехидныхъ и злыхъ, какъ Варька, стали бы меня мучить, я бы все-таки скорѣе умеръ, чѣмъ прибѣгъ бы къ защитѣ двухъ сложенныхъ крестомъ палокъ. Но „nova est ira sine viribus“, и я въ злобномъ безсиліи могъ только безпомощно кричать, топая ногами: „Брешешь, якъ собака подлая“.

Больше всѣхъ смаковалъ эти разсказы Варьки, облизывался и хихикалъ сочувственно самъ старый Артемъ, который иногда прибавлялъ кое-что и своего. Онъ какъ будто добродушно все это продѣлывалъ, но въ этомъ добродушіи было что то истинно адски-злодѣйское; то было добродушіе палача, который медленно съ улыбочкой выматываетъ у тебя внутренности; онъ былъ большой плутъ и даже вороватый, но „дуже богомольный“ и „благочестивый“, и считалъ ненависть къ евреямъ важнымъ и нераздѣльнымъ элементомъ истиннаго христіанскаго благочестія. Въ шинкѣ, за чаркой, которую очень жаловалъ, онъ часто любилъ пускаться въ „божественные“ разговоры, самъ разсказывалъ и очень любилъ слушать всякія исторіи о святыхъ. Когда онъ бывалъ въ церкви, куда надо было ѣздить верстъ за восемь—десять, онъ постоянно потомъ съ благочестивымъ восторгомъ разсказывалъ подробности службы, а иногда и содержаніе отдѣловъ Евангелія, которыя читались. Но плохо понимая, онъ всегда путалъ и извращалъ все. Такъ онъ серьезно цитировалъ изъ Евангелія будто, что „дитямъ [1]) требо давать камни, а не хлібъ“ и т. п. Однажды, какъ разсказываютъ, онъ извѣстное чудо о томъ, что пять тысячъ человѣкъ были накормлены пятью хлѣбами, разсказалъ какъ разъ наоборотъ, а именно: будто пять

[1]) Дѣтямъ.

человѣкъ были накормлены пятью тысячами хлѣбами. Слушавшіе его мужики ахнули отъ восторга и удивленія и воскликнули благоговѣйно: „Оце чудо Господне! Якъ воны не лопнулы". Очень назидательнымъ ему казался разсказъ о томъ „якъ Господь приказавъ двумъ святымъ „отченить" [1]) привязаннаго осла и ослыцю", и онъ его часто повторялъ. Онъ самъ хотя святымъ и не былъ, но часто „отченялъ" въ былыя времена—привязанныхъ не ословъ, а воловъ, и другую скотину. Такъ по крайней мѣрѣ твердила злая молва. Не знаю, насколько это правда. Въ мое время это за нимъ не водилось, и онъ превратился въ почтеннаго и уважаемаго въ округѣ „хозяина". Вообще, какъ я сказалъ выше, онъ былъ человѣкъ не злой, много думалъ о „спасеніи" или „спасэніи", какъ онъ говорилъ. Охотно принималъ у себя и накармливалъ странниковъ и странницъ, всякихъ старцевъ, особенно ходившихъ на богомолье или же возвращавшихся оттуда. Передъ ними онъ особенно благоговѣлъ и всегда подставлялъ имъ лобъ для крестнаго знаменія. Бесѣда же съ ними была для него высшимъ наслажденіемъ. У него несомнѣнно были нѣкоторыя духовныя наклонности и онъ иногда даже пускался въ „божественныя" разсужденія съ братомъ, который, однако, всегда уклонялся отъ подобныхъ собесѣдованій. Соблюдая свой интересъ, онъ старался поддерживать съ братомъ и его семьей добрыя „сусідскія" отношенія, хотя далеко не былъ прочь тайно и напакостить.

Ко мнѣ онъ относился въ общемъ недурно и игралъ даже нѣкоторую роль въ моей жизни за этотъ періодъ, о чемъ будетъ еще рѣчь впереди. Но и самъ по себѣ Артемъ представлялъ въ высшей степени интересную фигуру. Хотя своимъ молодецкимъ видомъ и мощной фигурой онъ и напоминалъ запорожца, и когда я впослѣдствіи встрѣчалъ описаніе какого-нибудь Зозули или Долота, предо мною выдвигался образъ Артема, но въ немъ было весьма мало казацкаго, забубеннаго. Въ немъ было гораздо больше рабской угодливости и лукавства при большой трусости—плодъ крѣпостничества. При этомъ высшимъ его идеаломъ было „лежать

---

[1]) Отворить.

на пічки", работалъ онъ только при крайней надобности. Правда, тогда работалъ хорошо, тщательно. Чтобы отдѣлаться отъ работы, или по крайней мѣрѣ имѣть ея по возможности меньше, онъ въ лѣтнее время старался всегда раздобыть какого нибудь „попыхача", въ лицѣ одинокаго старца или же дешеваго „наймыта", „хлопця" сироту. Такимъ наймытомъ скоро послѣ моего пріѣзда въ хатку сталъ у него упомянутый отпрыскъ Горпины—Евтухъ, который за свой трудъ получалъ харчи, кожухъ и свитку.

Надо отдать справедливость Артему, что онъ со своими „попыхачами" обращался недурно и кормилъ довольно сытно. Правда, случалось, что „якъ свисне по морді", какъ разсказывалъ Евтухъ, „то такъ и слетышь якъ будто винъ тебе скосивъ",—но это было самое обычное дѣло, какъ молитва и чарка водки по утрамъ. Старый Артемъ своими наймычкамъ отдавалъ только малую толику тѣхъ подзатыльниковъ и зуботрещинъ, какихъ въ изобиліи получалъ отъ непрестанно о немъ заботившагося отеческаго начальства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бенъ-Ами.

Очерки по культурной исторіи древнѣйшаго еврейства.

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ.

Религіозная реформа царя Іосіи — эта Пиррова побѣда ветхозавѣтнаго пророчества, — впервые давшая Израилю руководящій *законъ*, не сразу принесла свои плоды. Преданія прошлаго оказывались еще слишкомъ живучими; требовалось очень много времени, чтобы теократія уступила свое мѣсто іерократическому строю, и дуализмъ,—характерная черта *іудаистическаго* міровоззрѣнія—лишь мало по малу могъ сдѣлаться опредѣляющимъ моментомъ религіознаго мышленія евреевъ послѣ 621 года. Какъ извѣстно, торжество этого начала должно было явиться смертью для пророчества; оторванное отъ личности *nabî*, откровеніе застывало въ холодныхъ формулахъ общеобязательныхъ догматическихъ истинъ, — и творчество вѣры, которое было главнымъ призваніемъ пророковъ, становилось отнынѣ невозможнымъ и ненужнымъ. Законъ Божій находился въ рукахъ храмового священства. Садокиты могли читать его каждому, кто желалъ узнать требованія Ягве,—и не даромъ говорилъ Іеремія, что „священники господствуютъ черезъ посредство пророковъ...“ Проповѣдь *nebiîm* въ Израилѣ завершилась созданіемъ закона; этимъ закономъ завладѣло священство, и—злая иронія судьбы!—обладая истиной, выношенной и выстраданной другими, Садокиты уже пріобрѣтали право „*блюсти въ домѣ Господнемъ за всякимъ человѣкомъ, неистовствующимъ и пророчествующимъ, и сажать такого въ темницу или въ колоду*“... (Іер. 23, 26). Можно безъ преувеличенія утверждать, что іудейская іерократія была дѣйствительной тюрьмою, подлинной колодой для пророчества: во мракѣ этой тюрьмы, въ тискахъ этой колоды оно и испустило свой духъ.

Не сразу, конечно, умерло ветхозавѣтное пророчество послѣ 621 года. Принципіально осужденное на смерть, оно не пожелало, однако, немедленно уступить мѣсто свое закону и священству, — и въ жестокой борьбѣ за существованіе съумѣло обнаружить еще великую мощь, изумительную, героическую стойкость... Характерной чертой агонизирующаго пророчества является моментъ страданія, *мученичества*; апогея своего онъ достигаетъ въ лицѣ крупнѣйшаго изъ всѣхъ *nebiîm*—пророка *Іереміи*. Послѣдній и лучшій *nabî*—въ строжайшемъ смыслѣ этого слова — проповѣдникъ изъ Анаѳоѳа былъ настоящимъ мученикомъ своего призванія,—и, безспорно, есть нѣчто глубоко-трагическое въ его образѣ и во всей его судьбѣ. Невѣжественная толпа глумилась надъ пророкомъ; его преслѣдовала государственная власть; его гнало священство, вооруженное смертоноснымъ „закономъ"... И, одинъ противъ всѣхъ, покинутый даже близкими людьми, лишенный самыхъ необходимыхъ радостей, онъ не жилъ, а горѣлъ, не дѣйствовалъ, а неустанно совершалъ подвигъ... Призывъ къ правдѣ немолчно звучалъ изъ его устъ; проклятія, полныя ярости, угрозы, дышащія смертью, слышались ему въ отвѣтъ. Служить истинѣ значило для него вездѣ изобличать ложь—не щадить ни лицъ, ни учрежденій, ни самой вѣры народной... Жестокая миссія, требующая нечеловѣческой твердости! И можно ли удивляться, если порою отчаяніе охватываетъ Іеремію, безумный гнѣвъ закипаетъ въ его груди—и, одинокій, всѣми гонимый, измученный пожирающимъ его внутреннимъ огнемъ, онъ клянетъ день своего рожденія, страстно жалуется на свою судьбу и горько ропщетъ на Бога, призвавшаго его къ непосильной для человѣка задачѣ?..

Іеремія родился въ Анаѳоѳѣ, близъ Іерусалима (Іер. 1,1. 29, 27). Онъ происходилъ изъ семьи священника (Іер. 1,1); отсюда, изъ этой соціальной среды, вынесъ онъ свое глубокое религіозное чувство и то знаніе прошлаго своего народа, которое такъ ярко сказалось въ его рѣчахъ [1]). Рожденіе пророка нужно отнести къ послѣднимъ годамъ правленія Манассіи—ко времени, когда реакція противъ религіозной реформы царя Езекіи приняла характеръ жестокаго гоненія противъ партіи теократовъ. Среди кроваваго преслѣдованія, истреблявшаго поклонниковъ Ягве, развивался и выросъ Іеремія,—и этимъ объясняемъ мы ту почти болѣзненную страстность убѣжденія, которая всегда отличала пророка изъ Анаѳоѳа.

---

[1]) *Cornill*, Einleitung in das A. T., 157, 158.

Такой характеръ Іереміи обнаружился съ первыхъ же шаговъ его пророческой дѣятельности. Повидимому, реформа царя Іосіи нашла себѣ въ лицѣ Іереміи самаго горячаго сторонника; быть можетъ, пророкъ даже принялъ на себя миссію проповѣдывать среди населенія Іерусалимской области въ духѣ новыхъ религіозныхъ вѣяній [1])... Своими смѣлыми обличеніями грубыхъ народныхъ вѣрованій онъ возбудилъ противъ себя жителей Анаѳоѳа (Іер. 11, 19); пророку грозили смертью, „искали души его" (Іер. 11, 21)... Весьма вѣроятно, что, спасаясь отъ этой ненависти, Іеремія переселился въ Іерусалимъ. Здѣсь, въ средоточіи культурной жизни націи, пророкъ сталъ скоро лицомъ къ лицу съ явленіями, среди которыхъ окончательно созрѣлъ его духъ и выказалась вся его сила.

Въ 611 г. до Р. Х. палъ царь Іосія, пытаясь при Мегиддо заградить путь въ Азію фараону египетскому Нехао II. Пораженіе іудейскаго войска и смерть царя отъ руки язычника, повидимому, чрезвычайно глубоко повліяли на настроеніе еврейства и значительно отсрочили торжество тѣхъ новыхъ религіозныхъ началъ, провести въ жизнь которыя стремился несчастный Іосія. Неразвитая масса должна была увидѣть въ этихъ неудачахъ побѣду иноземныхъ боговъ надъ Ягве, или же знаменіе гнѣва небеснаго, поразившаго Іосію и весь народъ израильскій за уничтоженіе мѣстныхъ культовъ и за другія новшества въ дѣлахъ вѣры... Снова обнаружилась религіозная реакція; поддержку себѣ она встрѣтила въ лицѣ преемника Іосіи на Іерусалимскомъ престолѣ—царя Іоакима. Казалось, вернулись времена Манассіи: противъ пророковъ и всѣхъ сторонниковъ реформы 621 года воздвигнуто было жестокое гоненіе. Въ эти смутные дни на дворѣ храма Іерусалимскаго Іеремія произнесъ громовую рѣчь: онъ грозилъ народу проклятіемъ Ягве за измѣну истинному Богу; онъ предвѣщалъ гибель царству Іудейскому за отступленіе отъ священныхъ преданій... Такая смѣлость едва не стоила Іереміи жизни; только съ большимъ трудомъ удалось друзьямъ пророка спасти его отъ ярости народа (Іер. 26, 24. 36,5).

Но Іеремія не изъ тѣхъ, которые смиряются передъ угрозами... Въ 605 году ученикъ его Барухъ читаетъ по повелѣнію пророка книгу, написанную имъ со словъ Іереміи,—читаетъ во всеуслышаніе въ томъ же храмѣ Іерусалимскомъ. Снова слышатъ священники и народъ огненную рѣчь проповѣдника изъ Анаѳоѳа, снова

---

[1]) *Cheyne*, Ieremiah, his life and times. Lond. 1888.

гремятъ проклятія на голову всѣхъ, преступающихъ завѣты Ягве. Молва объ этомъ событіи летитъ по всему городу, передается изъ устъ въ уста, проникаетъ, наконецъ, въ царскіе чертоги: книгу читаютъ самому Іоакиму. Взбѣшенный царь повелѣваетъ предать ее огню. Затѣмъ отданъ приказъ схватить Іеремію; однако, и на этотъ разъ виновнику смуты посчастливилось избѣгнуть грозившей ему опасности (Іер. 36).

И послѣ второй неудачи не явилось у Іереміи то свойство, которое именуется, обыкновенно, „житейскимъ благоразуміемъ". Снова выступаетъ этотъ пророкъ со своими всегда горящими глазами, убѣждая іудеевъ сохранить покорность Навуходоносору, царю вавилонскому, великая держава котораго возникла на развалинахъ Ниневіи. Пророкъ ясно видѣлъ, насколько безсильна Іудея передъ мощью халдеевъ; онъ понималъ, что будущее Израиля—не въ національномъ, а въ религіозномъ самоопредѣленіи... Но и на этотъ разъ Іеремія оказался одинокимъ; болѣе того, въ глазахъ большинства своихъ соотечественниковъ—едва ли не измѣнникомъ. Для патріотовъ іудейскихъ Навуходоносоръ былъ ненавистнымъ врагомъ; для Іереміи—онъ представлялся „мечомъ Божіемъ" (Іер. 47, 6), о которомъ пророкъ говоритъ не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ. Богъ наказываетъ человѣчество „бичами Своими"—людьми, которые воплощаютъ собою разрушительную силу божественнаго гнѣва, все губятъ и уничтожаютъ на своемъ пути, чтобы, наконецъ, самимъ пасть отъ руки Господа. Эта идея усвоена была впослѣдствіи отцами церкви и вошла въ философско-историческую концепцію „Discours sur l'histoire universelle" Боссюэта. Ее пламенно защищалъ Іеремія въ то время, когда, разгромивъ египетское войско при Каркемиссѣ, царь халдейскій приближался къ Іудеѣ. Пророкъ съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ завоевателя; какой-то невыразимый восторгъ охватывалъ его, когда онъ видѣлъ, какъ неопреодолимая сила халдеевъ уничтожаетъ въ своемъ стихійномъ движеніи беззащитныя племена. „Вставайте, выступайте противъ народа мирнаго, живущаго безпечно!" восклицалъ онъ: „ни дверей, ни запоровъ нѣтъ у него, живутъ по одиночкѣ!.." (Іер. 49, 31). Пожалуй, такой призывъ въ устахъ проповѣдника правды рискуетъ показаться безсмысленно-жестокимъ? Однако, можно ли вмѣстѣ съ Ренаномъ упрекать пророка въ „кровожадныхъ вкусахъ"?.. Мы увидимъ впослѣдствіи, чего стоило Іереміи его кажущееся безсердечіе. Теперь напомнимъ только, что *пророкъ радовался порабощенію собственной родины.*

Неужели и въ этомъ сказывалась единственно „кровожадность фанатика“ [1])?

Ближайшія событія не оправдали надеждъ Іереміи. Подступивъ къ Іерусалиму, Навуходоносоръ не причинилъ вреда столицѣ іудейскаго царства. Іоакимъ остался на своемъ престолѣ и только призналъ надъ собою верховную власть завоевателя (2 ц. 24, 1). Вслѣдъ затѣмъ Навуходоносоръ ушелъ къ Вавилону, куда призывала его, быть можетъ, вѣсть о смерти отца [2]). Въ Іудеѣ водворилось спокойствіе, которое обѣщало странѣ, повидимому, болѣе или менѣе прочный миръ.

Однако, спокойствіе это было только наружнымъ. Внезапное отступленіе Навуходоносора вновь вызвало къ жизни давно отвергнутую пророками идею неприкосновенности „жилища Ягве“, святой горы Сіонской, — и націоналисты іудейства съ удвоенной энергіей продолжали свою агитацію среди населенія. Царь Іоакимъ былъ явно на ихъ сторонѣ; мысль о борьбѣ съ Вавилономъ не покидала его разгоряченной головы, и вскорѣ отъ открыто поднялъ мятежъ противъ Навуходоносора.

Нести расплату за нарушеніе вассальной вѣрности пришлось уже преемнику Іоакима — Іехоніи. Самъ Іоакимъ не дожилъ до этого горькаго дня... Іерусалимъ, взятый халдеями; царь Іехонія, сосланный въ Вавилонъ; іудейское войско, захваченное въ плѣнъ побѣдителями; рабочее населеніе столицы, отведенное въ языческую страну для сооруженія громадныхъ построекъ Навуходоносора [3]) — вотъ, каковы были послѣдствія безумной попытки націоналистовъ, противъ которой такъ страстно протестовалъ Іеремія. Царемъ Іерусалима побѣдитель поставилъ третьяго сына Іосіи—Седекію (597 г.).

Характеромъ своимъ Седекія во многомъ напоминалъ отца своего Іосію. Для Іереміи наступали, повидимому, лучшіе дни: пророкъ пользовался уваженіемъ новаго царя и, быть можетъ, ему удалось бы современемъ пріобрѣсти на него такое же вліяніе, какимъ пользовался нѣкогда Исаія при дворѣ Езекіи... Но судьба рѣшила иначе.

Вскорѣ по воцареніи Седекіи, въ Іерусалимѣ снова сплотилась партія непримиримыхъ націоналистовъ, мечтавшихъ о возстановленіи независимаго еврейскаго государства. Пропаганда ихъ нашла себѣ благодарную почву—не только въ Іудеѣ, но и въ сосѣднихъ

---

[1]) *Renan*, Histoire du peuple d'Israël. III, 287.

[2]) *Беросъ*, по *Iosephus Flavius*, Antiquitates, X, II, 1.

[3]) *Maspero*, Histoire ancienne, 449.

областяхъ, Моавъ, Сидонъ, Тиръ, Идумея прислали своихъ представителей въ Іерусалимъ для выработки плана общаго возстанія противъ халдеевъ; „народные“ пророки, всегда „говорившіе только угодное“ господствующему теченію, своими фанатическими рѣчами разжигали народъ, предсказывая близкую гибель Вавилона. Патріотическое одушевленіе, словно пожаръ, разливалось все шире и шире... Въ этотъ моментъ вновь выступаетъ на сцену Іеремія. Онъ хочетъ предостеречь народъ противъ націоналистовъ; онъ говоритъ о провиденціальномъ значеніи бѣдствія, постигшаго Іудею; онъ требуетъ покорности волѣ Ягве и вѣры въ судъ Божій, который, наконецъ, самъ совершится надъ Вавилономъ. Снова въ храмѣ іерусалимскомъ слушаетъ смущенный народъ бурную рѣчь пророка; снова грозитъ онъ гнѣвомъ Всевышняго всякому, кто станетъ противиться Промыслу... Но Іеремія не довольствуется этимъ,—онъ шлетъ письма къ іудеямъ, живущимъ въ плѣну, убѣждая ихъ съ покорностью и терпѣніемъ нести свою судьбу, пока самъ Ягве не освободитъ ихъ отъ языческаго владычества (Іер. 36,8. 29,3). Быть можетъ, подъ вліяніемъ такой страстной агитаціи дѣло возстанія нѣсколько затягивается... Однако, отсрочка кризиса была слишкомъ недолговременна...

Черезъ пять лѣтъ Седекія открыто бросаетъ вызовъ Вавилону.

Очевидно, царь, какъ и его предшественники, увлеченъ былъ идеею національнаго освобожденія. Финикія и страны, лежавшія за Іорданомъ, немедленно примкнули къ Іерусалиму. Въ резервѣ коалиціи Вавилону грозилъ честолюбивый и воинственный фараонъ Уаибри [1]).

Недолго колебался Навуходоносоръ (Іез. 21—21) передъ силами союза.

Оставивъ часть арміи для опустошенія Финикіи и для осады Тира,—онъ ринулся съ отборнымъ войскомъ на Іудею, которая, соединяя страны Сиріи съ Египтомъ, была сердцемъ коалиціи. Страшному опустошенію подвергъ онъ царство Седекіи и, наконецъ, подступилъ къ Іерусалиму. Судьба города казалась рѣшенной...

Но Уаибри не обманулъ надеждъ, которыя возлагали на него іудейскіе патріоты. Его войско приближалось уже на помощь Іерусалиму со стороны Газы. Наступало, повидимому, единоборство между исполинами—Египтомъ и Халдеей... Навуходоносоръ двинулся отъ Іерусалима навстрѣчу фараону.

---

[1]) *Maspero*. О. с. 500.

Легко понять, какой взрывъ энтузіазма вызвало въ Іерусалимѣ это отступленіе халдейскихъ полчищъ. Опасность миновала. Лихорадочное возбужденіе, охватившее было жителей столицы передъ лицомъ врага, смѣнилось безпечной радостью и ликованіемъ. На мѣсто дѣла, объединявшаго всѣхъ — т. е. защиты города и храма,—уже снова, какъ всегда, выступали себялюбивые интересы... И вотъ, стремясь направить теченіе жизни въ ея повседневное русло, граждане Іерусалима совершили нѣчто такое, что вызвало со стороны Іереміи самый горячій протестъ.

Во время осады Іерусалима богатые граждане добровольно даровали свободу своимъ рабамъ-евреямъ. Быть можетъ, такая жертва была отчасти слѣдствіемъ того подъема духа, который сблизилъ между собою всѣхъ жителей столицы. Но главнымъ образомъ, повидимому, освобожденіе рабовъ было вызвано желаніемъ осажденныхъ пополнить ряды защитниковъ города новыми бойцами за родину. Вѣроятно, этотъ разсчетъ и оправдался бы на дѣлѣ. Однако, когда Навуходоносоръ отступилъ отъ Іерусалима и бѣда, грозившая городу, миновала, іерусалимскіе рабовладѣльцы нашли, что были слишкомъ великодушны... Поэтому многіе изъ рабовъ, едва получившихъ свободу, были силою принуждены вернуться къ своимъ прежнимъ господамъ.

Могъ ли Іеремія остаться равнодушнымъ передъ такимъ явленіемъ? Какъ истый *nabî*—онъ всегда выступалъ на защиту *соціальной правды*, и теперь, со всей страстью своего негодованія, обрушился на богачей, измѣнившихъ клятвѣ и совершающихъ вопіющее насиліе. „Объявляю вамъ *свободу*", — возглашалъ онъ, встрѣчая ихъ на улицахъ Іерусалима, — „свободу подвергнуться мечу, моровой язвѣ и голоду, и отдамъ васъ на озлобленіе во всѣ царства земли!" (Іер. 34, 17). Пророкъ говорилъ отъ лица Ягве, „отъ гнѣва котораго дрожитъ земля" (Іер. 10, 10), и слово котораго „подобно молоту, разбивающему скалы" (Іер. 23, 29)... Но это не спасло его отъ мести сильныхъ міра сего,—тѣмъ болѣе, что послѣ избавленія Іерусалима отъ осады народъ не хотѣлъ уже слушать пророка, зловѣщія предсказанія котораго, повидимому, никогда не сбывались въ дѣйствительности... Положеніе Іереміи сдѣлалось невыносимымъ—насмѣшки и ненависть преслѣдовали его по пятамъ. Пророкъ хочетъ уйти изъ города, но у воротъ его настигаетъ стража, — и вотъ Іеремія стоитъ уже передъ судомъ, гдѣ его обвиняютъ въ измѣнѣ родинѣ и въ попыткѣ передаться халдеямъ. Напрасны всѣ его оправданія: „князья озлобились и били Іеремію, и заключили его въ темницу, въ домъ

Іонаѳана-писца" (Іер. 37, 15). Здѣсь, въ сыромъ и мрачномъ подземельи, „пробылъ пророкъ много дней" (Іер. 37, 16).

А между тѣмъ разбитый ли въ сраженіи съ Навуходоносоромъ, или же отступая передъ халдеями безъ боя [1]), фараонъ уже уходилъ обратно въ Египетъ. Снова надвигалось халдейское войско, — и, вотъ, пришло оно и стало, и желѣзнымъ кольцомъ охватило Іерусалимъ. Смущенный Седекія посылаетъ спросить Іеремію—„нѣтъ ли отъ Ягве слова?" (Іер. 37). Пророкъ, какъ и раньше, требуетъ покорности Навуходоносору. Но для царя такой исходъ былъ уже невозможенъ. Седекія зашелъ слишкомъ далеко. Поэтому, съ мужествомъ отчаянія, онъ рѣшился защищать Іерусалимъ.

Но городъ палъ, несмотря на героическое сопротивленіе осажденныхъ. Страшна была месть Навуходоносора, раздраженнаго безумнымъ упорствомъ іудеевъ. Дѣти царя и его вельможи были умерщвлены на глазахъ Седекіи; самъ царь былъ ослѣпленъ и уведенъ въ плѣнъ халдеями. Іерусалимъ былъ преданъ огню и разрушенію; вмѣстѣ съ нимъ погибло и святилище Сіона. Воины, священники, всѣ представители высшихъ сословій Іудеи были переселены въ землю завоевателей. Лишь сельское населеніе и пролетаріатъ оставилъ Навуходоносоръ въ опустошенной землѣ (Іер. 24, 5). Онъ роздалъ имъ земли и виноградники богатыхъ и поручилъ управленіе страной нѣкоему Гедаліи, сыну Ахикамову (Іер. 39).

Для Іереміи, который остался въ Іудеѣ, назначеніе Гедаліи правителемъ было весьма благопріятно. Сынъ Ахикама искренне почиталъ пророка, и авторитетъ Іереміи, сразу возросшій въ глазахъ современниковъ послѣ паденія Іерусалима, долженъ былъ еще упрочиться благодаря близости пророка къ правителю. Но Іереміи не долго суждено было наслаждаться спокойствіемъ. Шайка фанатиковъ-націоналистовъ съ Измаиломъ изъ дома Давидова во главѣ умертвила Гедалію и уничтожила охранявшіе его еврейскіе и халдейскіе отряды (Іер. 40; 41, 1, 4). Но и самъ Измаилъ вскорѣ принужденъ былъ бѣжать къ аммонитянамъ. Онъ едва избѣгъ смерти отъ руки Іоханана, сына Кореева, который настигъ его у Гаваона (Іер. 41, 11, 15). Однако, вмѣшательство Іоханана не возстановило порядка въ Іудеѣ. Опасаясь мести халдеевъ за убійство Гедаліи и его тѣлохранителей, партія Іоханана удалилась въ Египетъ, увлекая за собою часть мирнаго населенія и престарѣлаго

---

[1]) Iosephus Flavius. O. c. X, 7, 3.

Іеремію, который тщетно протестовалъ противъ оставленія родины (Іер. 41, 17, 18, 42, 43, 49).

Вскорѣ пророкъ и совсѣмъ исчезаетъ съ исторической сцены. Умеръ ли онъ на чужбинѣ, или же, какъ утверждаетъ преданіе, былъ онъ побитъ камнями на пути въ Египетъ, когда его зловѣщія рѣчи и угрозы вывели изъ терпѣнія бѣглецовъ (2 Хр. 24, 20—22. Мѳ. 25, 35—37),—сказать трудно. Но надобно думать, что и въ послѣднія минуты своей жизни Іеремія остался вѣренъ себѣ. „Никогда не зналъ онъ малодушнаго страха, — пишетъ Reuss, — ни передъ ревомъ толпы, ни передъ ненавистью тирановъ, которые въ минуты крайности приходили къ нему за совѣтомъ и утѣшеніемъ, чтобы дать пророку почувствовать всю ихъ досаду, когда онъ говорилъ имъ правду. Слыша угрозы своихъ односельчанъ, подвергаясь оскорбленіямъ въ столицѣ, брошенный въ смрадную тюрьму, гдѣ онъ ждалъ уже голодной смерти, переживая ужасы осады, вкушая горечь изгнанія—одинокій, безъ жены и дѣтей, почти безъ друзей или въ тайнѣ любимый очень немногими, онъ, однако, всегда стоялъ прямо передъ лицомъ царей и священниковъ, черни и вельможъ, какъ желѣзная колонна, какъ мѣдная стѣна, непоколебимый среди бурь, недоступный страху даже въ тѣ дни, когда въ осуществленіе его мрачныхъ предсказаній міръ рушился надъ его головой [1]).

Потомство оцѣнило великаго пророка. Долго послѣ смерти Іереміи жило среди евреевъ преданіе о томъ, какъ, спасая святыню храма отъ поруганія и расхищенія язычниками, скрылъ пророкъ ковчегъ завѣта, скинію и жертвенникъ кадильный въ одной горной пещерѣ. „И останется то мѣсто неизвѣстнымъ, доколѣ Богъ, умилосердившись, не соберетъ сонма народа. И тогда покажетъ Господь ходъ, и явится слава Господня, и облако, какъ было при Моисеѣ“ (2 Макк. 3. Мѳ. 16, 17. Апок. 11, 19)... Не прекрасный ли это образъ того значенія, какое имѣлъ въ исторіи еврейства Іеремія—вѣрный хранитель духовнаго сокровища великой націи, надежный стражъ тѣхъ идеаловъ ветхозавѣтной религіи, которымъ суждено было надолго пережить іудейское государство послѣ катастрофы 586 г.?..

Попытаемся, однако, охарактеризовать въ извѣстной системѣ идейное содержаніе проповѣди Іереміи.

---

[1]) *Reuss*, Les prophètes, I, 415.

Главную особенность Іереміи представляетъ *торжество религіознаго момента* надъ всѣми другими стремленіями *nabî*. Нѣчто подобное, правда, наблюдаемъ мы и у нѣкоторыхъ предшественниковъ Іереміи—напримѣръ, у *Амоса*. Произнося проклятіе на свой народъ, Ѳекойскій пастухъ становится выше *національнаго* пристрастія; грозными обличеніями рискуя навлечь на себя гнѣвъ царя и ярость толпы, онъ забываетъ о *личномъ* самосохраненіи. Однако, такое преобладаніе религіозныхъ побужденій въ душѣ Амоса еще слишкомъ непосредственно. „Левъ началъ рыкать: кто не содрогнется? Господь Богъ сказалъ: кто не будетъ пророчествовать?“ (Ам. 3,8), говорилъ Амосъ. Припомнимъ, что Ѳекойскій пастухъ не зналъ еще Бога, какъ совершенной *Любви*: онъ не разумѣлъ, слѣдовательно, что теократія покоится на свободныхъ взаимоотношеніяхъ Бога и человѣка. Поэтому и повиновался онъ Ягве скорѣе какъ силѣ, нежели какъ закону, болѣе изъ страха, нежели ради моральныхъ побужденій.

Иное у Іереміи. Прежде, нежели слиться съ Божествомъ воедино, этотъ пророкъ выноситъ тяжкую внутреннюю борьбу, которая поселяетъ въ его душѣ мучительное раздвоеніе. Іеремія чувствуетъ неотразимую силу истины, голосъ которой вызываетъ его на жертвы и подвиги. Но слабая человѣческая природа смущается и тоскуетъ передъ тяжестью предстоящихъ испытаній. Впрочемъ, развитіе этой внутренней драмы лучше всего изобразитъ намъ самъ пророкъ.

„Ты влекъ меня, Господи, и я увлеченъ; Ты сильнѣй меня и превозмогъ... И я каждый день въ посмѣяніи, всякій издѣвается надо мною. Ибо лишь только начну говорить, кричу о насиліи, вопію о разореніи“ (Іер. 20, 7,8). Для Іереміи ясно, что слово правды, обращенное къ современности, неминуемо становится обличеніемъ, которое привлекаетъ на его голову поруганіе и ненависть людей. Куда спастись отъ лютой злобы? Какъ охранить себя отъ козней? „И подумалъ я: „не буду напоминать о Немъ, и не буду больше говорить во имя Его“... Но было въ сердцѣ моемъ, какъ бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и не могъ“ (Іер. 20, 9, 10)... И что же? „Я слышалъ толки многихъ, угрозы вокругъ... „Заявите“, говорили, „и мы сдѣлаемъ доносъ“. Всѣ, жившіе со мною въ мирѣ, сторожатъ за мною — не споткнусь ли я: „быть можетъ“, говорятъ, „онъ попадется, и мы одолѣемъ его и отомстимъ ему“... (Іер. 20,10).

Одинъ — противъ всѣхъ, среди явной ненависти и тайной

вражды, подъ постоянной угрозой предательства и гибели—не устрашится ли пророкъ въ виду столькихъ опасностей? Не смутится ли онъ передъ лицомъ своихъ безчисленныхъ враговъ?

„Но со мною Господь, какъ сильный ратоборецъ: поэтому гонители мои споткнутся и не одолѣютъ; сильно посрамятся, потому что поступали неразумно; посрамленіе будетъ вѣчное, никогда не забудется“ (Іер. 20, 11)... Надежда на помощь Бога охватываетъ пророка. „Господи силъ! Ты испытываешь праведнаго и видишь внутренность и сердце... Да увижу Твое мщеніе надъ ними, ибо Тебѣ я ввѣрилъ дѣло мое!..“ (Іер. 20, 12).

Но, взывая о мести, Іеремія поддается низшему побужденію. И это не безнаказанно. Прорвавшись въ мстительномъ возгласѣ пророка, человѣческая природа вдругъ предъявляетъ сознанію Іереміи свои громкія, настойчивыя требованія. Пророкъ какъ бы падаетъ съ неба на землю: онъ снова во власти мучительныхъ сомнѣній,—и изъ груди его вырывается такой вопль человѣческой немощи противъ требованій высшей правды, которому по потрясающей силѣ едва ли найдется равный во всей міровой литературѣ.

„Проклятъ день, въ который я родился! День, въ который родила меня мать,—да не будетъ благословенъ! Проклятъ человѣкъ, который принесъ вѣсть отцу моему и сказалъ: „у тебя родился сынъ“, и тѣмъ обрадовалъ его. И да будетъ съ тѣмъ человѣкомъ, что съ городами, которые разрушилъ Господь и не пожалѣлъ; да слышитъ онъ утромъ вопль и въ полдень рыданія за то, что онъ не убилъ меня въ самой утробѣ, такъ чтобы мать моя была мнѣ гробомъ, и чрево ея оставалось вѣчно беременнымъ... Для чего вышелъ я изъ утробы? Чтобы видѣть труды и скорби, и и чтобы дни мои исчезали въ безславіи?..“ (Іер. 20, 14—18).

Правдой трудно жить на свѣтѣ — гораздо труднѣй, нежели ложью и насиліемъ. Іереміи на собственномъ опытѣ пришлось извѣдать эту истину. Никому, казалось, не дѣлалъ онъ зла — „никому не давалъ въ ростъ и мнѣ никто не давалъ въ ростъ“, наивно размышляетъ пророкъ (Іер. 15, 10), а всѣ проклинали его... Слѣдуя неумолимому призыву правды, онъ долженъ былъ порвать связи со всѣми, отказаться отъ самыхъ законныхъ и необходимыхъ для человѣка радостей. „Не сидѣлъ я въ собраніи смѣющихся и не веселился: подъ тяготѣющей на мнѣ рукою Господа я сидѣлъ одиноко“, говоритъ онъ: „ибо Ты исполнилъ меня негодованія“ (Іер. 15, 17)... „Не ходилъ Іеремія въ домъ пиршества“ (16, 7), „не посѣщалъ дома сѣтующихъ, чтобы плакать съ

людьми“ (16, 5)... Семейное счастье? Но женщинъ должны были смущать суровыя рѣчи проповѣдника, безжалостно бичующаго людскія слабости; его строгая, аскетическая фигура внушала имъ, быть можетъ, суевѣрный страхъ... Іеремія былъ одинъ, совсѣмъ одинъ,— и мудрено ли, что порою, изнемогая въ борьбѣ противъ всѣхъ, онъ молитъ небо объ отдыхѣ и покоѣ? „О, Господи!“ взываетъ онъ: „Ты знаешь все... Ты знаешь, что ради Тебя я несу поруганіе... за что такъ упорна болѣзнь моя, и рана моя такъ неисцѣлима, что отвергаетъ врачеваніе? Неужели Ты будешь для меня какъ бы обманчивымъ источникомъ, невѣрной водою?“ (Іер. 15, 18).

Итакъ *личное* счастье для пророка недоступно. Но этого мало. Кромѣ личныхъ страданій, Іеремія носитъ въ себѣ и *общественную* скорбь. Онъ сынъ своего народа. Онъ вѣритъ въ великую миссію Израиля среди племенъ всей земли; его не покидаетъ мечта о будущемъ царствѣ мира и правды.. Что же долженъ былъ чувствовать онъ, когда неминуемая гибель грозила зараженному грѣхомъ Іерусалиму?

„Да льются изъ глазъ моихъ слезы день и ночь, и да не перестаютъ: ибо великимъ пораженіемъ поражена дѣва, дочь народа моего, тяжкимъ ударомъ... Выхожу я на поле, и вотъ убитые мечемъ; вхожу въ городъ,—и вотъ истаивающіе отъ голода“ (Іер. 14, 17, 18)... „О, кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ? Я плакалъ бы день и ночь о пораженіяхъ дщери народа моего!“ (Іер. 9, 1).

„Развѣ Ты совсѣмъ отвергъ Іуду?“ робко вопрошаетъ пророкъ. „Развѣ душѣ Твоей опротивѣлъ Сіонъ?“ Но эта мысль кажется Іереміи невозможной. Голосъ его крѣпнетъ, тонъ рѣчи становится смѣлѣй. „Для чего же Ты поразилъ насъ такъ, что нѣтъ намъ исцѣленія? Ждемъ мира, — и ничего добраго нѣтъ, ждемъ времени выздоровленія,—и вотъ ужасы“... Пророкъ готовъ уже дать волю своему чувству; слова жалобы и упрека вотъ-вотъ слетятъ съ его устъ... Но вдругъ передъ глазами его встаетъ грѣховное прошлое Израиля. Онъ пораженъ; онъ видитъ, что кара Божія заслужена жестоковыйнымъ народомъ. Что же остается Іереміи? „Ягве, Богъ милосердный“, и, вотъ, страстная мольба о прощеніи изливается изъ его души. „Но отрини насъ ради имени Твоего“,—взываетъ онъ:—„не унижай престола славы Твоей; вспомни, не нарушай завѣта Твоего съ нами“ (Іер. 14, 19—22)...

Однако, борьба человѣка съ Богомъ уже близится къ концу въ душѣ пророка. Іеремія склоняется къ примиренію съ волею Ягве...

„Проходите по улицамъ Іерусалима,—разсуждаетъ онъ, словно отвѣчая на чьи-то возраженія,—„и посмотрите, и поищите на площадяхъ его — не найдется ли человѣка, нѣтъ ли соблюдающаго правду, ищущаго истины... Я пощадилъ бы Іерусалимъ... Хотя и говорятъ они „живъ Господь!", но клянутся ложно. О, Господи! очи Твои къ истинѣ ли обращены? Ты поражаешь ихъ, а они не чувствуютъ боли; Ты истребляешь ихъ, а они не хотятъ принять вразумленія; лица свои сдѣлали они крѣпче камня, не хотятъ обратиться. И сказалъ я самъ въ себѣ: „Это, быть можетъ, бѣдняки; они глупы, потому что не знаютъ пути Господня, закона Бога своего; пойду я къ знатнымъ и поговорю съ ними, ибо они знаютъ путь Господенъ, законъ Бога своего. Но и они всѣ сокрушили ярмо, расторгли узы... За то поразитъ ихъ левъ изъ лѣса, волкъ пустынный опустошитъ ихъ, барсъ будетъ подстерегать у городовъ ихъ, кто выйдетъ изъ нихъ, будетъ растерзанъ: ибо умножились преступленія ихъ, усилились отступничества ихъ"...

„Какъ же Мнѣ простить тебя за это? Сыновья Твои оставили Меня и клянутся тѣми, кто не боги. Я насыщалъ ихъ, а они прелюбодѣйствовали и толпами ходили въ дома блудницъ. Это откормленные кони: каждый изъ нихъ ржетъ на жену другого... Неужели Я не накажу за это?" (Іер. 5, 1 — 10). Правда Божія слишкомъ очевидна; дѣйствительность слишкомъ ясно говоритъ о необходимости наказанія. Пророку остается только примириться съ требованіями высшей истины. Это примиреніе особенно краснорѣчиво изображено въ общемъ введеніи къ книгѣ Іереміи.

„И было ко мнѣ слово Господне,—читаемъ мы: —прежде, нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя, и прежде, нежели ты вышелъ изъ утробы, Я освятилъ тебя; пророкомъ для народовъ Я поставилъ тебя". А я сказалъ: „О, Господи Боже! я не умѣю говорить, ибо я еще молодъ". Но Господь сказалъ мнѣ: не говори—„я молодъ"; ибо ко всѣмъ, къ кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебѣ, скажешь. Не бойся ихъ; ибо Я съ тобою, чтобы избавлять тебя", сказалъ Господь. И простеръ Господь руку Свою и коснулся устъ моихъ и сказалъ: „вотъ, Я вложилъ слова Мои въ уста твои: смотри, Я поставилъ тебя въ сей день надъ народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, и губить, и разрушать, созидать и насаждать (Іез. 4—11)... А ты препояшь чресла твои и встань, и скажи имъ все, что Я повелю тебѣ; не малодушествуй передъ ними, чтобы Я не поразилъ тебя въ глазахъ ихъ. И вотъ Я поставилъ тебя нынѣ укрѣпленнымъ городомъ и желѣзнымъ столбомъ, и мѣдной стѣной

по всей этой землѣ противъ царей Іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа земли сей... Они будутъ ратовать противъ тебя, но не превозмогутъ тебя: ибо Я съ тобою—говоритъ Господь,—чтобы избавлять тебя" (Іез. 18—19).

Нуждается ли эта тирада въ комментаріяхъ? Очевидно, въ ней разрѣшеніе борьбы человѣка съ Богомъ,—побѣда высшаго начала надъ низшимъ, сліяніе того и другого въ гармоническомъ, согласномъ единствѣ. Что же было слѣдствіемъ такого единенія? Отвѣтъ на это даетъ вся жизнь Іереміи, проникнутая беззавѣтной преданностью истинѣ, бывшая неуклоннымъ осуществленіемъ закона Ягве.

Итакъ, основную особенность Іереміи представляетъ преобладаніе въ немъ религіознаго момента. Не менѣе характерной чертой въ міровоззрѣніи нашего пророка является его *спиритуализмъ*. Іеремія духовно понимаетъ религію. Правда, что многія части его книги добавлены къ первоначальному ея тексту позднѣйшими редакторами ветхозавѣтной литературы; однако, онѣ все же создавались подъ идейнымъ воздѣйствіемъ Іереміи, и потому настроеніе дошедшихъ до насъ рѣчей великаго пророка вездѣ болѣе или менѣе однородно. И вотъ Іеремія говоритъ о необходимомъ разрушеніи храма (Іер. 26, 1—9, 9, 11. 7, 4); онъ предвѣщаетъ то лучшее будущее, когда не станутъ уже упоминать о ковчегѣ завѣта, когда онъ и на умъ не придетъ, ибо его не будетъ (Іер. 3, 16). Не внѣшняго обряда, не формальнаго исполненія законовъ, извращенныхъ лукавой тростью книжниковъ (Іер. 8, 8) требуетъ истинная религія: она заключается въ духовномъ обрѣзаніи (Іер. 4, 4—14. 6, 11), основывается на богопознаніи (Іер. 31, 34). Законъ, начертанный въ душахъ, чистыхъ передъ Господомъ, видящимъ внутренность и сердце (Іер. 11,20. 20,12. 17,9—10. 12,2), выше того кодекса Садокитовъ, предписанія котораго такъ легко забываются (Іер. 34). Въ сознаніи Іереміи самая идея Божества освобождается отъ тѣхъ грубыхъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ представляли Ягве нѣкоторые, болѣе ранніе пророки. Іеремія горячо протестуетъ противъ заблужденій антропоморфизма (Іер. 4,28). Его Ягве—вездѣсущій, всезнающій Судія (Іер. 4,3). „Развѣ Я Богъ только вблизи, а не Богъ и вдали?—говоритъ Ягве.—Можетъ ли человѣкъ скрыться въ тайное мѣсто, гдѣ Я не видѣлъ бы его? Не наполняю ли Я небо и землю?" (Іер. 23,23. 24). Богъ есть истина, Онъ Царь вѣчный (10,10) и Творецъ всего (Іер. 10,16). Понятно, какъ ничтожны и смѣшны передъ Ягве боги, сдѣланные рукою человѣка (Іер. 16). Впрочемъ, „они не боги" (Ibid.). Убій-

ственная насмѣшка звучитъ въ рѣчи пророка, когда онъ говоритъ объ идолахъ, которымъ молятся и служатъ язычники. Онъ безпощадною рукою срываетъ съ нихъ золото и серебро, гіацинты и пурпуръ. Онъ обнажаетъ безобразный обрубокъ... „*Пустое ученіе!* Это—дерево!“ восклицаетъ онъ съ побѣдоноснымъ презрѣніемъ...—Мы просимъ вниманія, ибо изъ всѣхъ пророковъ Ветхаго Завѣта Іеремія первый ясно и опредѣленно утверждаетъ ирреальность языческихъ боговъ. Ложны они и суетны (Іер. 14,20, 2, 27,28)—ибо нѣтъ въ нихъ духа (Іер. 10,1 сл.). Ложны, безсмысленны боги, созданные рукою человѣка. Но Іеремія чуждъ презрительнаго отношенія *къ язычникамъ*, почитающимъ идоловъ. Религія ихъ — дѣло заблужденія: оно можетъ быть и исправлено (Іер. 16,19). Пророкъ даже ставитъ ихъ своимъ соплеменникамъ въ образецъ религіозной ревности (Іер. 2). Служа искренно своимъ идоламъ, язычники выше Израиля, который забылъ истиннаго Бога. Велико это прегрѣшеніе—ибо Богопознаніе *свойственно каждому человѣку*. „И аистъ подъ небомъ знаетъ свои опредѣленныя времена, и горлица, и ласточка, и журавль знаютъ время, когда прилетѣть имъ, а народъ Мой не знаетъ опредѣленія Господня“. (Іер. 8,7). Новая глубокая мысль. *Исканіе Бога пророкъ считаетъ за естественную потребность* человѣческой природы. (Іер. 2,32). Утверждая, что въ духовной природѣ всякаго человѣка нѣтъ препятствій къ познанію истиннаго Бога, Іеремія обнаруживаетъ необычайную широту и удивительную глубину своихъ религіозныхъ воззрѣній. Его религія универсальна: передъ ней падаютъ всѣ перегородки, воздвигнутыя національной и сектантской рознью между людьми—дѣтьми одного Отца...

Будучи совершенно чуждъ понятія объ исконной грѣховности человѣческой природы [1]), Іеремія съ самой свѣтлой вѣрой смотритъ на конечныя судьбы Израиля. Однако, эсхатологія нашего пророка весьма лишь слабо окрашена націонализмомъ. Іеремія съ крайней осторожностью говоритъ о политическомъ будущемъ своего народа. Чѣмъ можно объяснить такое явленіе? Пророкъ былъ современникомъ и свидѣтелемъ гибели Іерусалима, поэтому мечта о государственномъ возрожденіи еврейства должна была казаться ему наивной утопіей. Да и желалъ ли онъ такого возрожденія? Извѣстно, какъ относился Іеремія къ политическимъ теченіямъ своей эпохи; не возставалъ ли онъ противъ замысловъ іудейскихъ

---

[1]) Вѣское доказательство позднѣйшаго происхожденія библейской легенды о грѣхопаденіи!

націоналистовъ? Конечно, цѣлью пророка было предостеречь своихъ соотечественниковъ противъ неравной борьбы съ Вавилономъ. Однако, помимо того, въ протестахъ Іереміи противъ увлеченій націонализма сказывалось, повидимому, принципіальное несочувствіе его задачамъ *свѣтской государственности*. Это представляется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что на глазахъ Іереміи сама исторія нанесла политическому существованію Израиля непоправимый, смертельный ударъ. На развалинахъ еврейскаго государства складывалась уже іудейская община,—и скоро въ произведеніяхъ одного изъ младшихъ современниковъ Іереміи — Іезекіиля—новыя вѣянія этой переходной эпохи должны были найти себѣ самую убѣжденную защиту...

Несомнѣнно, что послѣ крушенія политическихъ замысловъ іудейства, вся жизнь избраннаго народа естественно сосредоточивалась въ религіозной сферѣ. Іеремія понималъ это,—и вотъ почему съ такимъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ онъ гибель Іерусалима. Часто упрекали Іеремію въ недостаткѣ патріотизма; но привязанность къ родинѣ отнюдь не была чужда нашему пророку. Всѣ симпатіи Іереміи принадлежатъ его народу; это чувство находитъ себѣ выраженіе въ картинахъ того будущаго расцвѣта Израиля, который изображаетъ Іеремія. Миръ и покой, судъ и правда водворятся въ Іерусалимѣ, куда соберетъ Ягве стадо свое (Іер. 23, 3—5). Впрочемъ, этотъ идеалъ не узко націоналенъ: онъ имѣетъ общечеловѣческій смыслъ, такъ какъ и язычники, которые познаютъ Ягве, водворятся среди народа Божія. (Іер. 12,16. 16,19). Тогда назовутъ Іерусалимъ престоломъ Господа (Іер. 3,17), ибо воцарится въ немъ Владыка: Онъ будетъ поступать мудро и установитъ судъ и правду на землѣ (Іер. 23,5—6).

Можно вообще отмѣтить, что религія Іереміи носитъ *внутренній*, *интимный характеръ*: ее отличаетъ уже знаменательная черта новаго времени—*индивидуализмъ*. Субъектомъ религіозныхъ отношеній является у Іереміи не народъ, а *личность* человѣка; она стоитъ передъ Богомъ, она возвышаетъ къ Нему свой голосъ, споритъ съ Нимъ, *борется* и мирится (Іер. 7, 16 сл. 11, 14. 14, 19 сл. 15, 1 сл. 20.7 сл.)... „Исцѣли меня, Господи—взываетъ человѣкъ—и исцѣленъ буду; спаси меня — и спасенъ буду; ибо Ты хвала моя“ (Іер. 17, 14)... Прежде—спасеніе каждаго было въ благоденствіи *народа*; теперь, послѣ національной катастрофы 586 года, всякій отдѣльный человѣкъ долженъ былъ *самъ* подумать о себѣ... Отнынѣ—„каждый умирать будетъ за свое собственное беззаконіе; кто будетъ ѣсть кислый виноградъ, у того на зубахъ и будетъ

оскомина“ (Іер. 31, 30)—предостерегалъ Іеремія своихъ современниковъ. „Остатокъ Іуды“—долженъ былъ твердо помнить объ этомъ: все будущее его зависѣло теперь отъ той духовной крѣпости, которую обнаружитъ „разсѣянное стадо“ въ своемъ изгнаніи (Іер. 50, 17). Наступали черные дни; тьма сгущалась вокругъ еврейства,—и, какъ праотецъ Іаковъ въ таинственную ночь у Пенуэля *мѣрился силою* съ Невѣдомымъ до благодатной зари, чтобы назваться *Израилемъ*—такъ и іудеи во мракѣ языческаго плѣненія должны были углубиться въ себя, *счесть и собрать всѣ свои духовныя силы*, чтобы съ радостнымъ утромъ освобожденія вернуться на родину для новыхъ *побѣдъ* надъ *человѣчествомъ*...

„Не будь страшенъ для меня—Ты надежда моя въ день бѣдствія“—взываетъ къ Богу іудей - Іеремія (Іер. 17, 17)... „Я напою душу утомленную; Я насыщу всякую душу скорбящую“—отвѣчаетъ ему Ягве... Передъ нами—діалогъ между двумя дѣйствующими лицами—Божествомъ и человѣкомъ. Въ немъ — зародышъ *личной* драмы праведнаго Іова; въ немъ—источникъ *субъективной* лирики ветхозавѣтныхъ псалмовъ... Вотъ почему пророка Іеремію можно назвать проповѣдникомъ *духовно-религіознаго индивидуализма*.

II.

Нація еврейская погибла, Іерусалимъ палъ. На мѣстѣ святилища Сіонскаго легли груды развалинъ. Двадцать тысячъ лучшаго населенія Іудеи переселено было въ землю завоевателей (2 Ц. 24,14—16. 25,11). Уже съ чисто внѣшней стороны эти событія поражаютъ воображеніе. Но значеніе ихъ становится еще болѣе глубокимъ, если опредѣлить ихъ вліяніе на дальнѣйшее развитіе религіозной мысли еврейства.

Разселенные группами по Халдеѣ (Іез. 3,15), іудеи образовали общины, пользовавшіяся почти полной автономіей. Старѣйшины по назначенію вавилонскаго царя управляли ими (Іез. 8, 20), не зная никакихъ стѣсненій со стороны туземныхъ властей. Побѣдитель требовалъ отъ іудейскихъ переселенцевъ только исправнаго платежа налоговъ и добросовѣстнаго исполненія обязательныхъ работъ, предоставляя имъ, повидимому, полную свободу вѣроисповѣданія. Какъ же пользовались этой свободой сами евреи?

„На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамъ сидѣли мы и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ... На вербахъ посреди города мы повѣсили наши арфы... Тамъ плѣнившіе насъ требовали отъ насъ словъ

пѣсней, и притѣснители наши—веселья: „пропойте намъ изъ пѣсней сіонскихъ“... Какъ намъ пѣть пѣсню Господню на землѣ чужой?“... (Пс. 136).

Какъ пѣть пѣсню Господню на землѣ чужой? Для автора этого скорбнаго псалма еще слишкомъ очевидно, что служеніе Ягве на землѣ языческой есть дѣло беззаконное, грѣховное. Разумѣется, въ такомъ воззрѣніи выразилось переживаніе древняго культа Ягве, какъ *территоріальнаго* Божества [1]). И, если это переживаніе существовало еще среди евреевъ въ VI вѣкѣ, то понятно, что религіозная терпимость халдеевъ облегчала далеко не для всѣхъ іудейскихъ переселенцевъ дѣло почитанія Ягве на „землѣ нечистой“ (Ос. 9, 1).

Какъ извѣстно, реформа Іосіи встрѣтила себѣ упорное сопротивленіе со стороны народа, крѣпко привязаннаго къ прежнимъ формамъ культа. Религіозная мысль еврейства еще не созрѣла достаточно для усвоенія началъ, которыя стремилась провести въ жизнь группа передовыхъ людей той эпохи. Масса слишкомъ непосредственно понимала отношенія Ягве къ Израилю, чтобы воспринять принципы „денатурализованнаго“ культа. И реакція противъ реформы 621 г. обнаружила глубокую пропасть, которая отдѣляла неразвитой народъ отъ носителей новаго пониманія вѣры.

Плѣнъ Вавилонскій еще рѣзче долженъ былъ обозначить это различіе. Все косное, равнодушное и слабое изъ среды іудейства растворится въ массѣ язычниковъ и исчезнетъ въ ней безъ слѣда. Но сильное вѣрою только окрѣпнетъ въ борьбѣ съ невзгодами, пріобрѣтетъ стойкость и выносливость, необходимыя для предстоящихъ іудейству тяжкихъ испытаній. Въ гибели Іерусалима и храма, *лучшіе* люди, пережившіе катастрофу, увидятъ заслуженное возмездіе за забвеніе предками закона 621 г.,—и это сдѣлаетъ общину іудейскую ревностной исполнительницей священныхъ завѣтовъ Ягве. Такъ сложится организація, единственная въ своемъ родѣ по твердости и сплоченности. Такъ образуется *новое* еврейство, способное просуществовать еще цѣлыя тысячелѣтія.

Итакъ „въ остаткѣ святомъ“ еврейства хранятся преданія ветхозавѣтной вѣры; заброшенный „въ землю нечистую“, онъ носитъ въ себѣ все будущее Израиля. Однако, чтобы и этотъ оста-

---

[1]) Едва ли въ этомъ дивномъ псалмѣ справедливо усматривать, какъ это дѣлаетъ почтенный авторъ, пережитокъ древняго культа территоріальнаго божества. Безпредѣльная тоска по свободѣ, по дорогой родинѣ,—вотъ что слышится намъ въ приведенныхъ строфахъ.
Ред.

токъ не погибъ среди язычниковъ, необходимо дать ему прочную внѣшнюю форму. Великую важность этой практической задачи яснѣе всего созналъ замѣчательный пророкъ, жившій въ плѣну Вавилонскомъ—именно, Іезекіиль.

Сынъ іерусалимскаго священника Вузія, съ самаго нѣжнаго возраста воспитанный при храмѣ, Іезекіиль въ 397 году былъ переселенъ въ Халдею вмѣстѣ съ царемъ Іоакимомъ (Іез. 1, 1, 2, 29, 17). Вся его дѣятельность продолжалась 22 года. Она представляетъ чрезвычайно характерныя для эпохи черты.

Пророкъ изъ сословія священниковъ іерусалимскихъ послѣ 621 года — этимъ общимъ опредѣленіемъ, въ сущности, сказано все о Іезекіилѣ. По происхожденію принадлежа къ классу, который въ законѣ Іосіи долженъ былъ видѣть основу своего благосостоянія, сынъ Вузія свято чтитъ нерушимость формальныхъ принциповъ, установленныхъ реформой. Поэтому онъ совершенно лишенъ той *свободы* религіознаго творчества, которая одушевляетъ проповѣдь его предшественниковъ и придаетъ слову *nabî* его жизненную силу. Не покидая почвы Второзаконія, Іезекіиль чуждъ рѣзкихъ переходовъ отъ одного настроенія къ другому, не знаетъ тѣхъ внезапныхъ и бурныхъ порывовъ, которые поражаетъ въ рѣчахъ Аввакума или Іереміи. Взгляды сына Вузія отличаются крайней опредѣленностью. Прочно овладѣвъ точкой зрѣнія религіознаго кодекса, онъ спокойно разсматриваетъ оттуда всю дѣйствительность. Онъ побѣдоносно прилагаетъ ко всему своей критерій [1]), и никогда страданія Іереміи не просыпаются въ его груди, которая дышетъ правильно и ровно. И такъ какъ онъ систематизируетъ свои выводы, группируетъ наблюденія, то книга его пріобрѣтаетъ характеръ законченной доктрины съ опредѣленнымъ содержаніемъ догматическаго свойства [2]).

„Не правы пути Господа...“ Такъ говорили многіе изъ современниковъ Іезекіиля (Іез. 18, 25, 29). Гибель царя Іосіи — вѣрнаго исполнителя воли Божіей—и страшныя бѣдствія, уничтожившія націю израильскую, казались имъ вопіющей несправедливостью. Все сдѣлано было, повидимому, для того, чтобы снискать милость Ягве, и что-же? „Отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина“ (Іез. 18, 2). Нѣкоторые доходили до того, что рѣзко отрицали пользу реформы, полагая, что вѣра отцовъ, почитавшихъ Ваала и покланявшихся свѣтиламъ неба, давала народу счастье;

---

[1]) Ср. *Kuenen*, Hist. Kr. Einl. II. 260.
[2]) Wellhausen, Prologemena, 423.

а „съ тѣхъ поръ, какъ перестали они кадить царицѣ неба и дѣлать ей возліяніе, терпитъ Израиль во всемъ недостатокъ и гибнетъ отъ меча и голода“ (Іерем. 44, 16—19). Выступая противъ этого теченія въ іудейскомъ обществѣ, Іезекіиль явился горячимъ защитникомъ *реформированной* религіи Ягве.

„Послушайте, домъ Израилевъ! Мой-ли путь неправъ?“ спрашиваетъ онъ отъ лица Ягве: „не ваши-ли пути неправы? (Іез. 2, 2—9, 18, 25). Душа согрѣшающая—та умретъ: сынъ не понесетъ вины отца, и отецъ не понесетъ вины сына; правда праведника при немъ и останется, и беззаконіе беззаконнаго при немъ и останется (Іез. 18, 20). Если праведникъ отступаетъ отъ правды своей и дѣлаетъ беззаконіе, — и за то умираетъ, то онъ умираетъ за беззаконіе свое, которое сдѣлалъ. И беззаконникъ, если обращается отъ беззаконія своего, какое дѣлалъ, и творитъ судъ и правду—къ жизни возвращаетъ душу свою (Іез. 18, 26, 27). Развѣ Я хочу смерти беззаконника? не того-ли, чтобы онъ обратился отъ путей своихъ и былъ живъ?“ (Іез. 18, 23).

Іезекіиль не знаетъ правды внѣ требованій закона. Поэтому, разсматривая прошлое Израиля, онъ видитъ въ немъ цѣлый рядъ уклоненій отъ завѣта Ягве,—уклоненій, которыя подлежатъ наказанію... На упреки въ несправедливости, которыми народъ оскорбляетъ величіе Бога, онъ отвѣчаетъ „мятежному дому“, указаніями на грѣхи, которыми Іерусалимъ превзошелъ Самарію и даже Содомъ. Рѣзкими чертами набрасывая картину минувшаго, онъ въ ужасающемъ реализмѣ образовъ раскрываетъ грѣхъ дщери Сіона. Въ обличеніи пророкъ не знаетъ мѣры. Онъ упивается имъ съ какимъ то мрачнымъ восторгомъ—и едва-ли во всей литературѣ Ветхаго Завѣта можно найти что-нибудь подобное страшнымъ и позорнымъ картинамъ гл. 16 и 23, гдѣ съ необузданной жестокостью страсти Іезекіиль бичуетъ преступный народъ, забывшій Ягве, Бога своего.

Итакъ, наказаніе было неизбѣжно. Но возможно и примиреніе съ Ягве (Іез. 11, 17, 18, 22, 24, 36, 37, 39, 25 сл. и др.) Конечно, оно зависитъ отъ самого человѣка. „Отвергните отъ себя всѣ грѣхи ваши, которыми вы согрѣшили, и сотворите себѣ новое сердце и новый духъ,—и зачѣмъ вамъ умирать, домъ Израилевъ?.. Очиститесь и живите (Іез. 18, 31, 32)... Пусть каждый совлечетъ съ себя ветхаго человѣка, сброситъ съ себя скверну грѣховъ своихъ...“ Характерно, что и для Іезекіиля, какъ для Іереміи, важнѣе всего сохранить тотъ „остатокъ святой“, который могъ-бы пронести святыню вѣры черезъ всѣ испытанія. Понятно, какую

цѣну имѣетъ для пророка каждая *личность* изъ среды уцѣлѣвшихъ вѣрныхъ: обращеніе даже *одного* человѣка къ истинѣ, т. е. къ закону, представляетъ для Іезекіиля великую важность. Сотвѣтственно этому вся дѣятельность пророка среди людей пріобрѣтаетъ новый смыслъ. Задачей ея становится вразумленіе отдѣльныхъ лицъ, *спасеніе душъ* отъ грѣха (Іез. 3, 17—22). Замѣчательно, что самъ Мессія рисуется Іезекіилю не какъ *царь*, а какъ *пастырь добрый*, который потерявшуюся овцу отыщетъ, угнанную возвратитъ, пораненную перевяжетъ и больную укрѣпитъ (Іез. 34)... Самъ пророкъ называетъ себя „стражемъ дома Израилева" (Іез. 3, 17), онъ думаетъ, что взыщетъ Богъ съ рукъ его кровь каждаго, кого не пытался онъ вразумить и предостеречь; обращая людей на путь правды, онъ, по мнѣнію его, спасаетъ собственную душу (Іез. 17, 22). Нѣтъ ничего неожиданнаго въ такомъ пониманіи пророкомъ своей миссіи: оно естественно вытекало изъ реальныхъ условій того времени, когда сплотить и сберечь „остатокъ святой" среди язычниковъ вѣрнѣй всего могла *круговая порука* іудейства передъ Богомъ.

Іезекіиль видитъ ясно, что внѣ замкнутаго круга вѣрныхъ религіи и народу Ягве грозитъ въ плѣну опасность разложенія. Поэтому вопросъ о внѣшней организаціи іудейства имѣетъ въ его глазахъ первостепенную практическую важность. Прежде всего, по его мнѣнію, необходимо, *чтобы евреи оставили безповоротно всякихъ языческихъ боговъ*. Но это отрицательное требованіе онъ считаетъ далеко недостаточнымъ и спѣшитъ дополнить его рядомъ новыхъ — положительныхъ указаній. Если храмовое служеніе невозможно въ землѣ нечистой, пусть исполняютъ іудеи заповѣди Ягве, не связанныя съ условіями мѣста; пусть соблюдаютъ *субботы*, „чтобы стали онѣ знаменіемъ между Ягве и іудеями, дабы знали вѣрующіе, что Ягве—Богъ ихъ" (Іез. 20, 20). Выдвинувъ такимъ образомъ значеніе субботы—этого основного установленія общины іудейской [1]),—Іезекіиль переходитъ къ инымъ опредѣленіямъ праведности, которую онъ считаетъ обязательной. Онъ требуетъ отъ іудея цѣломудрія, чистоты, братской любви и милосердія... Въ сущности, какъ и слѣдуетъ ожидать, онъ только *резюмируетъ во всемъ этомъ содержаніе закона* 621 года (Второз. 12—26). Однако, какъ извѣстно, изъ школы Іезекіиля вышелъ современемъ новый кодексъ, который послѣ 445-го года сталъ

---

[1]) О крайностяхъ его развитія см., напр., *Hausrath*, Neutestamentliche Zeitgeschichte, I, 85, 86.

основаніемъ духовной жизни іудейства. Вотъ почему опредѣленія праведности у пророка имѣютъ совершенно исключительную историческую важность (ср. Іер. 18, 5—10)...

Отличаясь *конкретнымъ*, по преимуществу, направленіемъ своего ума, Іезекіиль много размышляетъ о томъ общественномъ порядкѣ, который могъ бы обезпечить благосостояніе Израиля, когда окончится для него срокъ изгнанія. Какъ убѣжденный іерократъ, пророкъ не сочувствуетъ, повидимому, принципу свѣтской власти. Тѣмъ не менѣе, изображая въ своей книгѣ идеальное устройство будущей общины, Іезекіиль не исключилъ *царя* изъ своей схемы. Надобно думать, что соотечественники пророка были еще слишкомъ сильно привязаны къ своему *національному* прошлому, чтобы сразу отрѣшиться отъ традиціоннаго представленія о царѣ, какъ о помазанникѣ и посланникѣ Божіемъ. Дѣлая уступку такому переживанію, Іезекіиль удерживаетъ *царя* въ своемъ планѣ будущаго общественнаго порядка. Однако онъ все же опредѣляетъ этому царю весьма скромную сферу дѣйствія. Царь Іезекіиля въ сущности не болѣе, какъ *служитель служителей Божьихъ*—т. е. священства; главную его заботу составляютъ нужды культа. Это—*rex sacrificulas* древняго республиканскаго Рима; онъ пользуется самыми незначительными привилегіями, весьма мало напоминающими прежнихъ, *историческихъ* царей (Іез. 45, 22, 41, 1 сл. 44, 24, 45, 7, 8, 13—16). Насколько слаба *органическая* связь его съ общиной, показываетъ уже то, что и отъ внѣшнихъ враговъ защищаетъ вѣрующихъ не онъ, царь, а самъ Ягве, который чудеснымъ образомъ истребляетъ непріятелей (Іез. 38, 39). Въ дѣйствительности царь оказывается почти лишнимъ въ іерократіи Іезекіиля. Одну лишь власть признаетъ сынъ Вузія превышающей полномочія священнослужителей. Такова для него власть Ягве. Но—опять характерная для эпохи черта—*Ягве Іезекіиля уже не допускаетъ непосредственныхъ, фамильярныхъ сношеній* съ собою. Онъ держитъ „сына человѣческаго“ въ почтительномъ отдаленіи, начинаетъ сноситься съ нимъ черезъ посредство ангеловъ [1])... Пророкъ падаетъ ницъ при Его приближеніи. Если Ягве и взираетъ благосклонно на любовь къ Нему со стороны вѣрующихъ, то Онъ все же предпочитаетъ внушать имъ благоговѣніе и страхъ, и Ему пріятенъ запахъ жертвы, принесенной по строго опредѣленному ритуалу, въ обстановкѣ, соотвѣтствующей Его величію и славѣ. И вотъ, размышляя объ этомъ, Іезекіиль рисуетъ себѣ

---

[1]) *Stade*, Gesch. des V. Isr. II, 231.

будущій храмъ въ Іерусалимѣ — по плану того, возлѣ котораго родился и выросъ когда-то онъ самъ. Служеніе въ этомъ новомъ храмѣ онъ поручаетъ *родичамъ своимъ*—Садокитамъ; левиты будутъ только прислуживать священникамъ—за то, что приносили нѣкогда жертвы на высотахъ и внѣ Іерусалима, вопреки требованіямъ Второзаконія (котораго, какъ извѣстно, до 621-го года и не существовало)! Священникъ по происхожденію и по природѣ, Іезекіиль, какъ дома, въ своемъ храмѣ. Онъ съ точностью опредѣляетъ его размѣры, съ любовью останавливается на мельчайшихъ подробностяхъ его устройства, утомительно долго перечисляя всѣ его принадлежности... Виртуозъ богослуженія, онъ живо интересуется правилами жертвоприношенія и техникой убоя животныхъ— и съ видимой неохотой покидаетъ домъ Божій, чтобы раздѣлить благословенную область вокругъ храма на 12 частей—по числу колѣнъ Израилевыхъ, и взглянуть на городъ, который возникнетъ около Сіона. „И имя городу будетъ—Господь тамъ" (Іез. 48, 53). Этимъ онъ завершаетъ зданіе іерократіи, воздвигнутой имъ на основѣ закона 621 года.

Внимательность Іезекіиля къ мелочамъ внѣшняго культа даетъ поводъ *Ренану* сравнить сына Вузія съ „пророкомъ нашего вѣка"— Фурье, который съ непостижимой любовью описывалъ ничтожнѣйшія подробности своего фаланстера [1])... Однако, въ творчествѣ Іезекіиля гораздо менѣе фантастическаго элемента, нежели въ мечтаніяхъ французскаго коммуниста... Впрочемъ, у каждаго времени— свои пророки. Амосъ и Осія съ ихъ проповѣдью этическаго единобожія явились бы вопіющимъ анахронизмомъ въ VI до Р. Х. Въ плѣну Вавилонскомъ еврейству прежде всего необходимо было твердо установить основы своей вѣры и выработать для себя самую прочную внѣшнюю организацію. Іезекіиль ясно понялъ эти нужды и шелъ на помощь имъ съ полнымъ знаніемъ дѣла [2]). Его строгій систематическій умъ создалъ іудейству законченную доктрину праведности; его организаторское дарованіе помогло „остатку святому" сплотиться воедино среди язычниковъ. Какъ пастырь добрый, онъ заботливо пересчитывалъ овецъ „разсѣяннаго" стада своего; какъ вѣрный стражъ, онъ обнесъ это стадо надежной оградой закона... Это былъ черный трудъ, но онъ несъ его съ радостью и любовью.

Владиміръ Потемкинъ.

---

[1]) *Renan.* Hist. d. p. d'Isr. III, 407. *Его же*—Essais, p. 357.

[2]) О богатствѣ свѣдѣній Іезекіиля см. *Kuenen*, O. c. II, 301, пр. 11.

Антисемитизмъ и еврейскій вопросъ.

(По поводу статьи г. Клейнборта „Капитализмъ и экономическое положеніе евреевъ“).

Еврейскій вопросъ можетъ разсматриваться съ двухъ сторонъ: съ одной стороны это вопросъ внѣшній, правовой, разрѣшеніе котораго связано съ нормальными условіями всей государственной жизни; съ другой стороны это вопросъ внутренній, культурный, проблема непрерывнаго національнаго строительства, постоянно выдвигающаго новыя и безконечныя задачи народнаго творчества и народныхъ стремленій. Первая сторона еврейскаго вопроса выставляетъ опредѣленныя конкретныя требованія къ государству и къ народамъ, среди которыхъ живутъ евреи; вторая сторона обращена къ одному только еврейскому народу и требуетъ отъ него постояннаго движенія и напряженія въ направленіи далекихъ и вѣчныхъ идеаловъ. Если поэтому для разрѣшенія одной стороны еврейскаго вопроса евреи заинтересованы въ опредѣленномъ положительномъ отношеніи окружающихъ народностей и такъ или иначе стараются его добиться, то проблемы внутренней жизни еврейскаго народа разрѣшаются независимо отъ этого отношенія исключительно дѣятельностью національныхъ способностей и силъ. Легко, однако, понять, что между обѣими сторонами еврейскаго вопроса существуетъ постоянное взаимодѣйствіе и, если правовой гнетъ могъ имѣть удручающее вліяніе на общій ходъ національной еврейской жизни, то съ другой стороны развитіе внутреннихъ силъ народа и могущество народныхъ стремленій должны дать еврейскому народу возможность провести въ жизнь свои требованія по отношенію къ обществу и къ государству.

Ничто не характеризуетъ лучше пришибленности еврейскаго самосознанія, какъ тотъ фактъ, что еврейское общество долгое время не только совершенно не замѣчало тѣхъ самостоятельныхъ

культурныхъ проблемъ, которыя содержитъ въ себѣ еврейскій вопросъ, но и не видѣло никакой возможности самостоятельнаго воздѣйствія на свое правовое положеніе. Весь еврейскій вопросъ сводился такимъ образомъ къ вопросу о благожелательномъ отношеніи къ евреямъ правительства и окружающаго народа и вся еврейская дѣятельность, начиная отъ физическаго труда и кончая художественной литературой, не могла имѣть никакой самостоятельной цѣли и должна была быть направлена исключительно на возбужденіе симпатическихъ чувствъ господствующей націи.

Въ pendant къ этому прогрессивные круги господствующей націи, ограничиваясь въ своемъ отношеніи къ еврейскому вопросу однимъ только выраженіемъ своихъ благожелательныхъ чувствъ, не видѣли въ еврейской жизни никакихъ другихъ перспективъ, кромѣ освобожденія отъ правовыхъ ограниченій и культурнаго сліянія съ господствующей націей, не видѣли въ еврейскомъ народѣ никакихъ самодовлѣющихъ культурныхъ цѣнностей. Такимъ образомъ благожелательное отношеніе прогрессивнаго общества къ еврейскому вопросу выражалось по преимуществу въ томъ, что за еврейскимъ народомъ отрицалась всякая возможность самостоятельнаго проявленія жизни.

Пока это отрицаніе соотвѣтствовало мечтаніямъ еврейскаго общества, оно не выходило изъ сферы безсознательнаго и, ни разу не сталкиваясь съ самостоятельными стремленіями еврейскаго народа, никогда не могло сознательно противъ него направляться. Но проснувшаяся отъ вѣковой летаргіи еврейская масса, воспринявшая величайшіе идеалы общественности и свободы и впервые выступившая съ независимымъ и непреклоннымъ требованіемъ самостоятельной регулировки своей внутренней культурной жизни, вызвала въ тѣхъ радикальныхъ кругахъ русскаго общества, съ которыми ей приходилось сталкиваться, сознательное отрицаніе независимости еврейскаго народа, связанное съ благожелательнымъ отношеніемъ къ разрѣшенію правовой стороны еврейскаго вопроса и систематической борьбою противъ автономныхъ требованій и самостоятельныхъ культурныхъ стремленій еврейской массы. Борьба эта велась и ведется до сихъ поръ печатнымъ и устнымъ словомъ и направлена на то, чтобы уничтожить въ сознаніи еврейскаго народа всякое пониманіе своихъ внутреннихъ культурныхъ проблемъ и, низводя весь еврейскій вопросъ на степень временнаго вопроса—вопроса объ отношеніи господствующей націи къ евреямъ, всецѣло и безъ остатка подчинить стремленія еврейской массы интересамъ радикальныхъ элементовъ господствующей націи.

Въ появившейся въ № 4 н. г. „Міра Божія" статьѣ г. Клейнборта „Капитализмъ и экономическое положеніе евреевъ" собраны главные доводы этой радикальной аргументаціи, и предлагая въ настоящей замѣткѣ критику этой статьи, мы тѣмъ самымъ хотѣли бы указать на несостоятельность всѣхъ попытокъ слiянія внутреннихъ культурныхъ проблемъ еврейской дѣйствительности съ правовою стороною еврейскаго вопроса и съ вопросомъ объ отношеніяхъ къ евреямъ господствующаго народа.

Исходною точкою г. Клейнборта является не еврейская дѣйствительность, а вопросъ объ антисемитизмѣ: съ этой точки зрѣнія онъ группируетъ факты еврейской жизни, съ этой точки зрѣнія подходитъ къ обзору еврейскихъ общественныхъ теченій, съ этой точки зрѣнія дѣлаетъ выводы о разрѣшеніи еврейскаго вопроса. Для того, чтобы судить о правильности выводовъ г. Клейнборта, мы должны узнать поэтому, дѣйствительно ли антисемитизмъ является центромъ еврейскаго вопроса: т. е. дѣйствительно ли разрѣшается еврейскій вопросъ съ устраненіемъ антисемитизма съ одной стороны и дѣйствительно ли, съ другой стороны, невозможно никакое самостоятельное разрѣшеніе еврейскаго вопроса и при наличности антисемитизма.

Изъ различныхъ видовъ антисемитизма, перечисляемыхъ г. Клейнбортомъ, особенное вниманіе удѣляется имъ антисемитизму „нововременскому", антисемитизму, основанному на убѣжденіи, что евреи представляютъ изъ себя экономически болѣе сильную группу, живущую на счетъ слабой и экономически неразвитой русской массы; на легендѣ о томъ, „что каждый еврей непремѣнно хищникъ „по природѣ", по профессіи, непремѣнно занятъ мошенническими сдѣлками" и т. д. Противъ этой легенды г. Клейнбортъ выступаетъ съ цифрами въ рукахъ. На основаніи этихъ цифръ онъ доказываетъ, что евреи всюду заполняютъ не высшія, а низшія экономическія категоріи, что еврейскіе фабрики и заводы принадлежатъ къ технически наиболѣе отсталымъ, что наибольшій % еврейскаго пролетаріата занятъ въ наиболѣе вредныхъ для здоровья и наименѣе хорошо оплачиваемыхъ отрасляхъ производства, что громадное большинство евреевъ занято въ мелкомъ производствѣ, которое утратило всякую тѣнь самостоятельности, что трудъ взрослаго мужчины не въ состояніи прокормить семью, которая поэтому принуждена прибѣгать къ помощи женскаго и дѣтскаго труда и т. д., и т. д. Такимъ образомъ „ново-

временскій“ антисемитизмъ „не имѣетъ корней въ общихъ условіяхъ современности“ и долженъ будетъ скоро умереть естественною смертью; еврейскій вопросъ съ этой точки зрѣнія оказывается разрѣшеннымъ. Посмотримъ, можетъ ли устраненіе „нововременскаго“ антисемитизма имѣть на самомъ дѣлѣ такое рѣшающее вліяніе на еврейскую дѣйствительность.

Г. Клейнбортъ разбиваетъ этотъ антисемитизмъ при помощи указанія на общую печальную картину еврейской промышленности и экономическаго положенія еврейской массы. Если эта печальная картина и въ состояніи привлечь на сторону еврейскаго народа расположеніе или даже состраданіе его бывшихъ противниковъ, то отъ этого она не станетъ менѣе печальной, отъ этого еврейская промышленность не станетъ менѣе отсталой и еврейская масса менѣе бѣдной. Изъ того, что еврейская дѣйствительность разбиваетъ легенду о еврейскомъ хищничествѣ, такимъ образомъ не слѣдуетъ еще, что еврейскій народъ можетъ успокоиться и совершенно пассивно относиться къ дальнѣйшему развитію этой дѣйствительности. Напротивъ, совершенно независимо отъ того, какое впечатлѣніе она производитъ на лагерь антисемитовъ, дѣйствительность эта ставитъ предъ еврейскимъ народомъ требованіе постояннаго активнаго воздѣйствія на нее и созданія такихъ институтовъ, которые способствовали бы постоянному ея улучшенію. Такимъ образомъ экономическій вопросъ еврейскаго народа есть автономный вопросъ, совершенно независимый отъ состоянія антисемитизма, вопросъ, вытекающій изъ внутреннихъ условій еврейской жизни и требующій самостоятельнаго разрѣшенія.

Въ дальнѣйшемъ своемъ разсужденіи г. Клейнбортъ, однако, приходитъ къ заключенію, что еврейскій вопросъ есть вопросъ не экономическій, а соціальный. Къ этому заключенію приводитъ его разборъ современнаго, западнаго антисемитизма, зачатки котораго онъ видитъ уже у насъ въ агитаціи Пронинныхъ и Степановыхъ. Этотъ антисемитизмъ не имѣетъ, по мнѣнію г-на Клейнборта, иныхъ причинъ, кромѣ чисто экономическихъ и основанъ на страхѣ передъ еврейской конкурренціей. Но, такъ какъ конкурренція есть, по мнѣнію г. Клейнборта, основной двигатель современнаго (капиталистическаго) строя, то г. Клейнбортъ полагаетъ, что антисемитизмъ будетъ существовать въ теченіе всего неопредѣленнаго срока существованія капиталистическаго строя во всѣхъ слояхъ общества, кромѣ тѣхъ, которые непосредственно борятся противъ этого строя, т. е. кромѣ рабочаго класса. Такъ

какъ далѣе г. Клейнбортъ не видитъ никакой возможности разрѣшенія еврейскаго вопроса при наличности антисемитизма, то еврейскому народу остается одно: соединиться a tout prix съ рабочимъ классомъ той націи, среди которой онъ живетъ, для совмѣстнаго разрѣшенія соціальной проблемы нашего времени. Такимъ образомъ и то, что г. Клейнбортъ называетъ соціальнымъ вопросомъ, является съ его точки зрѣнія не самостоятельнымъ вопросомъ еврейской жизни, а задачей того класса окружающей народности, который одинъ свободенъ отъ антисемитизма. Съ другой стороны, г. Клейнбортъ подкрѣпляетъ эту необходимость соединенія еврейскаго народа съ русскимъ рабочимъ классомъ также фактами, взятыми изъ еврейской дѣйствительности, указаніями на существованіе соціальной дифференціаціи внутри еврейскаго народа. Но, являясь съ этими фактами, г. Клейнбортъ уничтожаетъ и свой взглядъ на еврейскій вопросъ, какъ на вопросъ исключительно соціальный. Ибо за разрѣшеніе соціальнаго вопроса евреи взялись не изъ страха передъ антисемитизмомъ, не изъ тяготѣнія къ незаинтересованному въ антисемитизмѣ русскому рабочему, а единственно оттого, что соціальный вопросъ былъ выдвинутъ самымъ ходомъ развитія еврейской жизни и составляетъ ея *составную часть*, а не всезахватывающій факторъ. Если ходъ развитія еврейской жизни приводитъ еврейскую массу къ соціальной проблемѣ нашего времени, то это еще не значитъ, что въ этой соціальной проблемѣ заключается весь еврейскій вопросъ, точно такъ же какъ возникновеніе этой проблемы въ русскомъ народѣ еще не сводитъ къ ней всего вопроса русскаго. Соціальный вопросъ еврейскаго народа разрѣшается такимъ образомъ не участіемъ евреевъ въ передовыхъ движеніяхъ тѣхъ странъ, гдѣ живутъ евреи, а исполненіемъ тѣхъ задачъ, которыя выставляетъ передъ еврейскимъ народомъ развитіе его соціальныхъ отношеній. И это развитіе такъ тѣсно связано съ экономическимъ положеніемъ еврейскаго народа съ одной стороны и его культурнымъ состояніемъ съ другой, что соціальные вопросы могутъ разрѣшаться евреями не иначе какъ автономно, въ связи со всѣми этими вопросами,—автономно, несмотря на то, что эти именно вопросы и создаютъ почву для объединенія евреевъ съ окружающими ихъ народами.

Если соціальный вопросъ есть вопросъ о распредѣленіи народнаго богатства, то исходъ его при одинаковомъ успѣхѣ будетъ неодинаковъ у народовъ съ различной степенью производительности труда. Поэтому на ряду съ соціальной политикой еврейскаго

рабочаго, должна идти экономическая политика еврейскихъ народныхъ институтовъ, цѣлью которыхъ является познаніе производительности народнаго труда, и успѣхъ которыхъ имѣетъ громадное значеніе для всей будущности еврейскаго рабочаго движенія. Съ другой стороны, еврейское рабочее движеніе тѣсно связано со всѣмъ культурнымъ ростомъ еврейскаго народа и не можетъ разсматриваться изолировано, внѣ общихъ нормъ культурнаго развитія всего народа. Если, напр., антисемитизмъ, проявленіе котораго среди лицъ интеллигентныхъ профессій г. Клейнбортъ считаетъ необходимымъ при существующемъ соціальномъ строѣ, будетъ постепенно вытравлять еврейскую интеллигенцію изъ участія въ общей культурной работѣ, то такое явленіе косвеннымъ образомъ задѣваетъ и кровные интересы еврейскаго рабочаго, лишая его своей интеллигенціи, которая могла бы отстаивать его интересы въ государствѣ, въ школѣ, въ обществѣ и въ литературѣ, и этотъ фактъ будетъ ощущаться еврейскимъ рабочимъ классомъ совершенно независимо отъ добрыхъ симпатій русскаго рабочаго. Если г. Клейнбортъ взваливаетъ отвѣтственность за антисемитизмъ на капиталистическій строй и во имя этого призываетъ евреевъ на борьбу съ этимъ строемъ, то сознаніе еврейскаго народа на этомъ успокоиться не можетъ и ищетъ такихъ средствъ, которыя поставили бы его культурную жизнь внѣ зависимости отъ доброй воли антисемитскихъ стремленій. Но совершенно независимо отъ антисемитизма, съ одной стороны, и солидарности съ русскимъ рабочимъ, съ другой, еврейскій народъ ощущаетъ необходимость въ самостоятельной регулировкѣ своей культурной жизни, регулировкѣ, тѣсно связанной съ самостоятельнымъ ходомъ развитія жизни и общественныхъ интересовъ еврейскаго народа. Еврейская рабочая партія очень скоро послѣ своей консолидизаціи поняла, что ея существованіе и развитіе неразрывно связаны съ существованіемъ такихъ интересовъ, которые гарантировали бы еврейскому народу minimum его культурно-національныхъ правъ, и, какъ извѣстно, ей приходится отвоевывать право на эти институты и у русской рабочей партіи, несмотря на взаимное признаніе солидарности политическихъ и профессіональныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, г. Клейнбортъ при разборѣ общественныхъ теченій среди евреевъ, ни словомъ не упоминаетъ о еврейской рабочей партіи, что хотя значительно упрощаетъ его и безъ того упрощенный методъ изслѣдованія еврейскаго вопроса, но едва ли можетъ привести къ правдивому освѣщенію еврейской дѣйствительности.

Взявъ антисемитизмъ за исходную точку для разбора еврейскаго вопроса, г. Клейнбортъ и еврейскія общественныя теченія разсматриваетъ съ точки зрѣнія отношенія различныхъ группъ еврейскаго населенія къ антисемитизму. „Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что пробнымъ камнемъ обоихъ (еврейскихъ) теченій является именно отношеніе къ антисемитизму", говоритъ онъ. При этомъ, по мнѣнію г-на Клейнборта, къ антисемитизму можно относиться двояко: или смотрѣть на него, „какъ на психозъ, съ которымъ невозможно бороться, какъ на болѣзнь, которая переходила и будетъ переходить по наслѣдству" и на основаніи этого добиваться собственной территоріи, и тогда мы получимъ типъ еврейскаго націоналиста или — что для г. Клейнборта все равно — еврейскаго сіониста, или встрѣчать „рѣзкимъ протестомъ... это огульное обвиненіе, падающее на все русское общество, и указывать на тотъ взрывъ общественнаго негодованія, которое самыя крайнія и самыя мягкія проявленія антисемитизма встрѣчаютъ въ опредѣленныхъ кругахъ русскаго общества, въ опредѣленныхъ органахъ русской печати, на тѣ явленія, съ которыми боролась и борется эта часть населенія и эти органы печати... и стремиться къ сліянію на почвѣ общей работы", — и тогда мы получимъ типъ еврейскаго антинаціоналиста или, какъ выражается г. Клейнбортъ въ другомъ мѣстѣ, типъ „современнаго ассимиллятора". Такимъ образомъ методъ г-на Клейнборта, дающій ему возможность группировать по совершенно случайному признаку общественную жизнь цѣлаго народа, попросту устраняетъ изъ горизонта еврейской жизни не только еврейскую рабочую партію, но и всякое проявленіе самостоятельныхъ еврейскихъ силъ. Неминуемымъ послѣдствіемъ этого метода является у г. Клейнборта ясное, черезъ каждую фразу его проходящее убѣжденіе, что для всего еврейскаго народа не существуетъ другого общественнаго идеала, кромѣ сочувствія и симпатій окружающихъ народностей, и что во имя этого идеала еврей всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ долженъ отказаться отъ собственной политики. Если дѣлать дальнѣйшіе выводы изъ этихъ предпосылокъ, то выходитъ, напр., такъ, что „взрывъ общественнаго негодованія, которое самыя крайнія и самыя мягкія проявленія антисемитизма встрѣчаютъ въ опредѣленныхъ кругахъ русскаго общества" не только съ избыткомъ вознаграждаетъ его за проходящую и временную непріятность, причиненную погромами, но должно уничтожить въ еврейскомъ народѣ всякое желаніе культурной самостоятельности и замѣнить его мечтою

о полномъ самоуничтоженіи на почвѣ потенціальной общности стремленій.

Впрочемъ, г. Клейнбортъ нигдѣ не говоритъ о самоуничтоженіи. Напротивъ, онъ всюду предлагаетъ еврейскому народу „сліяніе на почвѣ общей работы". И на основаніи этого можно было бы предположить, что онъ признаетъ за еврейскимъ народомъ ту степень самостоятельности, безъ которой никакое сліянье на почвѣ общей работы невозможно. Такая совмѣстная работы предполагаетъ существованіе самостоятельныхъ коллективныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою собственную директиву при опредѣленіи своихъ внутреннихъ задачъ и одинаковыя права при выработкѣ общей воли. Такъ какъ, такимъ образомъ, общая воля не предназначается союзу коллективныхъ единицъ, а вытекаетъ изъ него, то каждая коллективная единица должна имѣть возможность вступать въ этотъ союзъ свободно, т. е. она должна имѣть возможность не вступать въ этотъ союзъ только въ томъ случаѣ, если онъ не будетъ въ состояніи претворить въ общей волѣ и ея стремленій.

Легко понять, что не о такомъ союзѣ думаетъ г. К., когда онъ говоритъ о „сліяніи на почвѣ общей работы". Иначе онъ не видѣлъ бы въ этомъ сліяніи разрѣшенія всего еврейскаго вопроса, точно такъ же какъ онъ не видитъ разрѣшенія русскаго вопроса въ объединеніи русскаго народа съ еврейскимъ. Союзъ русской рабочей партіи съ еврейской рабочей партіей самъ по себѣ такъ же мало въ состояніи былъ бы исчерпать всѣ интересы еврейскаго рабочаго, какъ онъ не въ состоянія исчерпать всѣ интересы русскаго рабочаго; онъ явился бы для обоихъ только необходимой предпосылкой совмѣстной работы, оставляя тѣмъ не менѣе открытыми всѣ вопросы внутренней жизни каждой коллективной единицы. Такимъ образомъ и при наличности союза между русской и еврейской рабочей партіей, еврейскій вопросъ для еврейскаго рабочаго еще не былъ бы разрѣшенъ, такъ какъ еврейская дѣйствительность отъ этого союза еще не измѣнилась бы, и экономическія культурныя и соціальныя проблемы внутри еврейскаго народа требовали бы отъ еврейскаго рабочаго самостоятельнаго и свободнаго отношенія. Мало того: для того, чтобы союзъ этотъ, дѣйствительно, считался выразителемъ воли еврейскихъ рабочихъ требуется, чтобы еврейская рабочая партія могла вступить въ него свободно, т. е., чтобы она всегда имѣла возможность самостоятельно выступать въ тѣхъ случаяхъ, если русская рабочая партія откажется, какъ мы видимъ это теперь,

признавать культурно-національныя требованія еврейскихъ рабочихъ. Такимъ образомъ, „сліяніе на почвѣ общей работы" представляетъ по себѣ фактически не уничтоженіе еврейскаго вопроса, а очень сложный актъ соединенія самостоятельныхъ коллективныхъ единицъ, при которомъ каждой единицѣ предоставляется самостоятельное дѣйствіе по отношенію къ цѣлому ряду экономическихъ, соціальныхъ, культурныхъ и политическихъ проблемъ.

Г. Клейнбортъ только потому такъ легко могъ отнестись къ вопросу о „сліяніи на почвѣ общей работы", что фактически это сліяніе представляется ему не въ формѣ союза, а въ формѣ подчиненія. Дѣйствительно, необходимость этого сліянія онъ аргументируетъ не одной только общностью задачъ, чего было бы вполнѣ достаточно, если бы онъ имѣлъ въ виду свободный союзъ на равныхъ правахъ; онъ считаетъ нужнымъ подкрѣпить свою аргументацію разсужденіемъ о томъ, что еврейство не представляетъ изъ себя „національнаго цѣлаго", что „богатые евреи заняли видныя мѣста въ капиталистической аристократіи", что въ разсказахъ г. Юшкевича „одни только имена еврейскія", что „пролетарій г. Юшкевича повторяетъ пролетарія г. Вересаева", что „лучшіе умы, вышедшіе изъ еврейства, всегда относились враждебно къ націоналистическимъ тенденціямъ, лишь отвлекающимъ силы отъ соціальнаго строительства" и т. д. и т. д.; словомъ, „сліяніе это кажется ему возможнымъ не столько на почвѣ общей работы", сколько на почвѣ полнѣйшаго уничтоженія еврейскаго народа, на почвѣ безповоротнаго и безпрекословнаго подчиненія еврейскаго рабочаго русскому. Очевидно, г. Клейнбортъ совершенно не можетъ себѣ представить возможности такого сліянія при сохраненіи свободы и самостоятельности еврейскаго народа. Вѣдь не отрицаетъ же онъ существованія русской націи на основаніи того, что богатые русскіе „заняли видныя мѣста въ капиталистической аристократіи", и не станетъ же онъ утверждать, что развитіе русской науки, русскаго искусства и русскихъ школъ „отвлекаетъ силы отъ соціальнаго строительства". Но, когда дѣло идетъ о евреяхъ, вопросъ совершенно мѣняется, потому что евреямъ всегда угрожаетъ антисемитизмъ, потому что для еврейскаго народа нѣтъ идеала выше симпатіи окружающихъ народовъ, словомъ, потому что евреи должны подчиниться. Такимъ образомъ, методъ г. Клейнборта, заставившій его взять исходной точкой изученія еврейскаго вопроса не еврейскую дѣйствительность, а отношеніе къ ней господствующаго народа, приводитъ его въ концѣ концовъ къ отрицанію самой еврейской

дѣйствительности, къ отрицанію существованія еврейской націи не на основаніи дѣйствительнаго проникновенія въ глубину ея жизни, а на основаніи требованія подчиненія со стороны юдофильской части господствующей націи.

Мы не станемъ приводить здѣсь всѣхъ многочисленныхъ доказательствъ, которыя могли бы подтвердить существованіе еврейской націи; для насъ важно установить, что отрицаніе г. Клейнбортомъ существованія еврейской націи является не самостоятельнымъ взглядомъ свободнаго изслѣдователя, а лишь средствомъ аргументаціи предвзятаго рѣшенія. И намъ необходимо разъ на всегда установить, что несмотря на глубокій теоретическій и культурный интересъ вопроса о національной сущности еврейскаго народа, практически разрѣшеніе этого вопроса вовсе не должно предпосылаться вопросу о правѣ проводить свою самостоятельную культурную программу. Если какой-нибудь народъ вырабатываетъ свою культурно-національную программу, то необходимость этой программы доказывается не изслѣдованіемъ вопроса о національной самостоятельности даннаго народа, а единственно его собственной потребностью. И если еврейскій народъ выступаетъ съ опредѣленными культурными требованіями, то эти требованія вовсе не должны подкрѣпляться грамотами и родословными, которыя могли бы убѣдить господствующіе народы въ его національномъ единствѣ. Удовлетвореніе этихъ требованій будетъ зависѣть исключительно отъ фактическихъ, политическихъ и культурныхъ силъ еврейскаго народа, и въ виду этого еврейскій народъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ передать другимъ разрѣшеніе своего вопроса. Освобожденный отъ вопроса объ антисемитизмѣ и юдофильствѣ, еврейскій вопросъ, такимъ образомъ, остается вопросомъ внутренняго развитія и роста, и только въ этомъ свободномъ ростѣ, а не въ вынужденномъ подчиненіи возникаетъ общность интересовъ еврейскаго народа со всѣми остальными цивилизованными націями міра.

Сара Рабиновичъ.

Саулъ Черниховскій.

Молодое національно-еврейское движеніе привыкли почему-то противопоставлять разнымъ общечеловѣческимъ движеніямъ. Въ противоположность этимъ послѣднимъ, еврейскій націонализмъ считается узкимъ, отжившимъ, реакціоннымъ. Но въ сущности такое противопоставленіе лишено всякаго основанія. Если есть какое-нибудь національное движеніе, которое насквозь проникнуто *общечеловѣческими* стремленіями, то это національно-еврейское. Ибо нѣтъ народа, который былъ бы столько же угнетенъ и лишенъ *общечеловѣческихъ правъ*, который столько же терпѣлъ бы отъ невозможности свободно развиваться на *общечеловѣческихъ началахъ*, какъ народъ еврейскій. И вся суть нашихъ стремленій сводится лишь къ тому, чтобы еврейство перестало быть *исключеніемъ* изъ того общаго правила, которое дѣйствительно для всѣхъ людей кромѣ евреевъ. Мы хотимъ жить какъ всѣ люди и какъ всѣ народы,—вотъ руководящая идея всѣхъ еврейскихъ національныхъ партій, начиная съ крайнихъ автономистовъ и кончая крайними сіонистами. „Прочь изъ гетто"—вотъ ихъ общій лозунгъ. И это желаніе уйти изъ гетто надо понимать не только въ смыслѣ стремленія къ равноправію и національному самоопредѣленію съ одной стороны, и къ еврейскому государству, съ другой. Въ немъ заключается и стремленіе къ тому, чтобы евреи освободились отъ всего того, что не присуще никакой здоровой націи и появилось среди насъ лишь какъ продуктъ замкнутой жизни въ тѣсномъ, лишенномъ воздуха и свѣта, насильственно навязанномъ или добровольно избранномъ нами гетто.

Ибо, благодаря долголѣтней неволѣ, евреи разучились жить и чувствовать по-человѣчески. Они позабыли, что за стѣнами однообразнаго и мрачнаго гетто разстилаются широкія поля и необозримые луга, что, несмотря на людскую злобу и вражду народовъ, есть еще на свѣтѣ любовь и красота; и природа, и душа человѣческая молоды и свѣжи еще и теперь, какъ въ первые дни творе-

нія. Естественныя чувства красоты и любви какъ будто заглохли въ евреѣ подъ тяжестью непосильнаго бремени. А этотъ духовный изъянъ пагубно отозвался на всей общественно-національной работѣ еврейскаго народа. Тотъ, кто потерялъ вкусъ къ естественной жизни, тому не нужно ни политической свободы, ни свободы національной. „Лишь бы не тронули моихъ зигзагъ",— такъ думаетъ еврей-ортодоксъ, родной сынъ гетто,—и онъ довольствуется одними своими обрядами, не замѣчая даже того, что безъ національнаго подъема и религія еврейская не устоитъ противъ „духа бремени", уничтожающаго все, что не имѣетъ прочнаго базиса и сильной защиты. „Лишь бы не тронули моихъ зигзагъ!"— такъ думаетъ и еврей-ассимилляторъ, и довольствуется пустыми фразами о космополитизмѣ и „еврейской миссіи". И для того, чтобы еврейство, состоящее изъ этихъ двухъ крайностей, которыя въ сущности имѣютъ одинъ общій источникъ — изуродующее еврейское гетто, было способно возродиться или даже только *стремиться* къ возрожденію, надо будить въ немъ живыя общечеловѣческія чувства; надо сдѣлать его болѣе воспріимчивымъ ко всякой красотѣ въ природѣ и въ жизни, надо расширить его горизонты и не оставить ничего общечеловѣческаго внѣ сферы и вліянія еврейскаго націонализма.

Вотъ какія требованія заявляются къ нашей національной литературѣ на еврейскомъ языкѣ, которая до послѣдняго времени занималась преимущественно вопросами специфически-еврейскаго характера, вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Сліянія еврейскаго съ общечеловѣческимъ особенно настойчиво требовалъ д-ръ М. І. Бердичевскій, а заодно съ нимъ—З. Эпштейнъ, Р. Брайнинъ, д-ръ М. Эренпрейзъ и др. Но это общечеловѣческое теченіе въ еврейской литературѣ нашло также своего поэта, воплотившаго его въ крупныхъ художественныхъ твореніяхъ,—поэта, который цѣлой головой выше всѣхъ своихъ предшественниковъ въ *этой* области. Я говорю о Саулѣ Черниховскомъ.

I.

Черниховскій—поэтъ не специфически-еврейскій. Лишь одна четвертая часть его стихотвореній написана на спеціально-еврейскія темы. Всѣ остальныя „Видѣнія и пѣсни" [1]) его могли бы быть на-

[1]) חזיונות ומנגינות. Такъ озаглавлены два томика его стихотвореній, изданныхъ варшавской книгоиздательской фирмой „Тушія" въ 1899 и 1901 г.г.

писаны любымъ нееврейскимъ поэтомъ на любомъ европейскомъ языкѣ. Общія всѣмъ людямъ чувства и мысли — вотъ, что главнымъ образомъ вдохновляетъ музу молодого поэта. И на первомъ планѣ — чувства, вѣрнѣе импрессіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Идейныя стихотворенія Черниховскаго значительно уступаютъ и по количеству и по внутренней ихъ цѣнности стихотвореніямъ дескриптивнымъ, эротическимъ и чисто-этическимъ. Самъ поэтъ высказываетъ въ одномъ изъ своихъ сравнительно - рѣдкихъ лирическихъ изліяній, что его музѣ непрестанно снятся —

...Мелькаціе тѣни и свѣта въ аллеяхъ
И шепотъ таинственный струй,
И пѣснь соловьиная въ рощѣ,
И пламенныхъ устъ поцѣлуй. [1])

Красота и любовь — вотъ двѣ движущія силы, дѣлающія его поэтическое творчество столь богатымъ и столь обаятельнымъ. Въ удивительной гармоніи, рѣдкой даже у весьма выдающихся поэтовъ, сочетается въ немъ любовь къ природѣ съ эротической любовью. Какъ будто его осѣнилъ духъ безсмертной „Пѣсни Пѣсней", въ которой безподобныя картины природы чередуются со страстными эротическими изліянія. Мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи подкрѣпить нашу мысль вполнѣ подходящими образцами, такъ какъ у насъ подъ рукой имѣется лишь два-три случайныхъ русскихъ перевода изъ Черниховскаго. Приведемъ, для примѣра одно эротическое стихотвореніе его, которое дастъ намъ хотя бы слабое представленіе о своеобразномъ и свѣжемъ талантѣ молодого поэта.

Весной нашей жизни, весною въ природѣ
Подъ кущей забытыхъ аллей,
Въ ночь, полную тайны, тебя цѣловалъ я,
Къ груди прижимая своей...
Вокругъ все замолкло, природа застыла,
Когда я тебя обнималъ;
Какъ сердце въ груди твоей билось, я слышалъ,
Какъ гимнъ въ немъ весенній звучалъ...
Съ лѣснымъ ароматомъ и пѣньемъ дрожали
Въ немъ звуки весны молодой...
Весной нашей жизни, весною въ природѣ
Подъ темной застывшей листвой...

---

[1]) Всѣ приводимые здѣсь стихотворные переводы принадлежатъ перу *Л. Б. Яффе* и, за исключеніемъ настоящаго четверостишія, они напечатаны въ его Сборникѣ „Грядущее", стр. 112 — 116, и въ журналѣ „Еврейская Жизнь", іюль 1904, стр. 15.

Это стихотвореніе я привелъ, какъ уже говорилъ, лишь за неимѣніемъ русскаго перевода болѣе характернаго эротическаго стихотворенія Черниховскаго. Но даже эти не особенно оригинальные стихи даютъ возможность замѣтить, какъ въ воображеніи поэта плѣнительныя картины природы переплетаются съ чарующими воспоминаніями о дивныхъ минутахъ страстной и нѣжной любви. Особенно гармонично сочетаются картины природы съ эротическими грезами въ своеобразномъ стихотвореніи, открывающемъ второй томикъ „Видѣній и пѣсенъ" и озаглавленномъ „Сказанія весны". Звучными, поражающими богатствомъ образовъ и метафоръ стихами описывается здѣсь вліяніе первыхъ лучей весенняго солнца на только что появившіеся изъ нѣдръ земли цвѣты, на возвратившихся изъ дальнихъ странъ пташекъ, на начинающихъ кишѣть и копошиться насѣкомыхъ и, наконецъ, на человѣка. Но тутъ поэтъ внезапно дѣлаетъ скачекъ и изображаетъ не вліяніе весны на человѣка, а *вліяніе любви*: природа и любовь для него нераздѣлимы, неразрывно связаны. „Око солнца—говоритъ онъ—есть жизнь, а жизнь есть любовь; гдѣ нѣтъ любви, тамъ смерть,—смерть, на которую обреченъ младенецъ безъ матери. Ибо во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного мѣста, куда бы ни проникли лучи любви,—эти свѣтлые, нѣжные лучи. И когда одинъ такой лучъ проникаетъ въ душу человѣка, тогда изъ тайныхъ глубинъ ея пробивается ключомъ чарующая, таинственная пѣсня. Словно безстрашный герой ударилъ мощной рукой въ многострунную лиру и сыгралъ древній военный маршъ; словно сто бурлящихъ источниковъ вдругъ затѣяли споръ въ майскій солнечный день среди грядокъ пышнаго сада, и этотъ споръ ихъ—нѣжная пѣсня, въ которой слышится и блаженство и боль, въ которой имѣется и свѣтъ, и чары, и плѣнительныя грезы,—свѣтлыя, молодыя грезы, въ которыхъ порою цѣлуются и небо, и земля, и бездна морская."

И послѣ безподобнаго изображенія всѣхъ тонкихъ, неуловимыхъ ощущеній, вызываемыхъ этими золотыми грезами, поэтъ продолжаетъ:

„И тотъ, кто хоть разъ въ жизни видѣлъ такой сонъ, не забудетъ его до дня своей кончины. Онъ купитъ его цѣною всѣхъ своихъ жизненныхъ соковъ и навѣки запечатлѣетъ его въ сердцѣ своемъ И лишь когда душа его отлетитъ отъ тѣла,—тогда лишь этотъ сонъ будетъ исторгнутъ изъ его скорбящей души".

Затѣмъ поэтъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ такой сонъ.

„Весеннее солнышко озолотило море, а на небѣ плавали красныя тучки, изъ которыхъ какъ будто сочилась кровь. А земля все больше и больше тускнѣла, пока она, наконецъ, не получила сумрачнаго

вида; и вмѣстѣ съ нею потемнѣли и облака, и садъ... И въ этотъ часъ стояла предо мною плѣнительница моего сердца, а я грезилъ на яву. Глаза мои были устремлены на дѣвушку, и взоръ ихъ упалъ на вѣнокъ изъ свѣтляковъ, который окаймлялъ ея голову, словно свѣтлая, лучезарная корона. Мягкій, таинственный свѣтъ виталъ и дрожалъ на ея нѣжной кожѣ. И ея большіе мечтательные глаза были глубже океана: въ нихъ слились воедино небо, тайны ночи и морское сіяніе"...

Здѣсь передъ нами картина, поистинѣ достойная кисти художника.

Главное, что отличаетъ эротическія стихотворенія Черниховскаго отъ стихотвореній того же рода, которыми разные подражатели Гейне наводнили еврейскую литературу, это то, что у Черниховскаго нѣтъ этой плаксивости, этого безсильнаго и чаще всего дѣланнаго пессимизма, которые такъ удручающе дѣйствуютъ на еврейское подрастающее поколѣніе. Стихи Черниховскаго дышатъ свѣжестью, здоровьемъ, жизнерадостностью. Страсть, воспѣваемая въ нихъ, сильна, пламенна, непреоборима; она опьяняетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она поднимаетъ, дѣлаетъ болѣе здоровымъ, болѣе могучимъ, болѣе полнокровнымъ, если можно такъ выразиться. „Будемъ веселиться и наслаждаться любовью! — говоритъ у него возлюбленная: — будемъ пѣть и ликовать, о любимой мой, пока тучи еще не заволокли наше прекрасное и ясное небо. Пока наши лица еще пылаютъ и наши сердца еще полны огня; пока пора молодости и наслажденій для насъ еще не прошла, и сумерки еще не сгустились надъ нами; пока мы еще любимъ и жить хотимъ, — будемъ веселиться и наслаждаться любовью, будемъ пѣть и ликовать, о любимый мой!"

А возлюбленный говоритъ любимой своей: „Когда огонь погаснетъ въ крови твоей и буря улягется въ твоемъ сердцѣ; когда душа твоя пресытится наслажденіями и весельемъ, и ты отвернешь глаза твои отъ твоего мальчика, — тогда я запою тебѣ, о, моя красавица, нѣжную, дивную пѣсню, и твоя кровь опять заклокочетъ, и сильная, страстная любовь опять пробудится въ сердцѣ твоемъ. Твоя кровь закипитъ и забушуетъ, и яркимъ пламенемъ вспыхнутъ твои розовыя щеки, удары молота ты почувствуешь въ груди твоей, и все твое тѣло будетъ объято огнемъ страсти".

Такіе стихи совершенно новы для дѣтей гетто и ихъ непривычное ухо еще долго съ ними не примирится.

Еще полнѣе и страстнѣе вылилось эротическое чувство въ „Татарской пѣснѣ".

Въ безмолвный лѣтній вечеръ, когда „море, очарованное луною, колышется, словно во снѣ“, татарская дѣвушка зоветъ своего возлюбленнаго въ свои родныя ущелья:

Приди ко мнѣ, юноша, въ горы,
Въ жилище мое среди скалъ!
Таинственно шепчутъ чинары,
И мѣсяцъ надъ рощею всталъ...

Ко мнѣ!.. Ночь застыла и дремлетъ,
Пернатый умолкнулъ пѣвецъ...
Приди! Мой отецъ въ котловинѣ
Пасетъ свое стадо овецъ...

Весной своей жизни свѣжа я,
Прекрасна, смугла и гибка,
Волной грудь встаетъ молодая
И зубы бѣлѣй молока...

То вспыхнутъ, то гаснутъ зарницы
Бездонныхъ, загадочныхъ глазъ...
Я—пламя, я—страсть огневая!..
Приди! День давно ужъ угасъ!..

И, подобно тому, какъ эротическія стихотворенія Черниховскаго полны той стихійной страстности, въ которой какъ будто пылаетъ яркій огонь и дымится свѣжая кровь, такъ и его чисто-дескриптивные стихи отличаются яркостью и свѣжестью красокъ, живостью и конкретностью образовъ и картинъ. Онъ любитъ не столько тихую и нѣжную красоту погруженной въ созерцаніе природы, сколько красоту природы мощной и бурной, полной борьбы многообразныхъ и противоположныхъ силъ, полной стихійности и великихъ столкновеній. Ибо все въ природѣ живетъ и дышитъ для него: даже тьма смотритъ на міръ тысячами всевидящихъ глазъ. „Не минуты сна и сновидѣній люблю я въ природѣ, а движенія и ожесточенныя войны“, говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи. И эти „ожесточенныя войны“ онъ видитъ повсюду: на высокихъ горахъ и въ нѣдрахъ земли, въ оврагахъ лѣсныхъ и въ заоблачной выси. Онъ завидуетъ волнамъ, борющимся со скалами. Онъ преклоняется передъ великимъ упорствомъ этихъ волнъ, вѣчно наступающихъ на скалы, отскакивающихъ назадъ, отраженныя этими послѣдними, но снова и снова возвращающихся и, не унывая, возобновляющихъ свое нападеніе на грозныхъ враговъ. Въ другомъ стихотвореніи онъ говоритъ: „Когда гроза бушуетъ и вырываетъ кедры съ корнемъ, и вѣтеръ мчится стрѣлой по дорогамъ, поднимая цѣлыя облака пыли; когда стремительный ливень размягчаетъ каменныя глыбы, молнія разры-

ваетъ тучи и раздаются оглушительные раскаты грома,—тогда я живу вмѣстѣ съ тобою, о, великая вселенная, и, подобно твоей, и моя душа жаждетъ борьбы и свободы. Тогда мой стонъ вырывается изъ груди моей вмѣстѣ со стономъ всей вселенной и кровь моя сочится заодно съ кровью всѣхъ вѣковъ".

Чѣмъ-то подавляюще-грандіознымъ, почти титаническимъ, вѣетъ отъ нѣкоторыхъ величественныхъ картинъ природы, которыя мы находимъ у Черниховскаго въ большомъ числѣ. Возьмемъ, напримѣръ, его „Вечернія думы".—Поэтъ находится на вершинахъ Оденвальда. Тамъ старыя заброшенныя камнеломни. Эти крутыя, гигантскія, теряющіяся въ облакахъ стѣны наполняютъ душу поэта не столько восторгомъ, сколько благоговѣйнымъ трепетомъ. Сильно выдающіеся и круто обрывающіеся выступы ихъ вызываютъ въ немъ представленіе, „какъ будто предъ нимъ кости великановъ и страшныя чудовища, которыя вдругъ замерли въ предсмертныхъ судорогахъ"... И когда ночная тѣнь окутываетъ эти горы, поэтъ замираетъ въ трепетномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ придетъ какой-нибудь доисторическій человѣкъ, послѣдній изъ древнѣйшихъ великановъ, и, съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ, онъ пустится въ погоню за бизономъ или молодымъ мамонтомъ...

Первобытная природа въ своемъ неурѣзанномъ всемогуществѣ и первобытный человѣкъ въ своей нетронутой физической силѣ представляются поэту чѣмъ-то дополняющимъ другъ друга. И онъ преклоняется передъ этимъ могуществомъ и передъ этой дѣвственной силой, и желалъ бы ихъ видѣть въ себѣ, въ современномъ человѣкѣ. Такъ, изображая величественныя развалины древняго замка, его охватываетъ великая жажда быть столь же сильнымъ и могучимъ, какими были строители этого замка. Чувствовать избытокъ силъ, опьяняться своей собственной мощью—вотъ основной мотивъ многихъ стихотвореній молодого поэта, между прочимъ и его прекраснаго, брызжущаго силой и страстью „Nocturno", въ которомъ онъ обращается къ земнымъ стихіямъ и проситъ ихъ надѣлить его хотя бы лишь частью ихъ собственной силы и такимъ образомъ дать ему возможность „утолить жажду бытія, выпить все море скорби до послѣднихъ его капель, но и кружиться въ вихрѣ пылающей страсти, испытать опьяненіе мощью и дурманъ ея, и лицезрѣть божество во всемъ его величіи; а когда буря жизни стихнетъ, и шумъ ея прекратится—имѣть силу всецѣло и безъ страха предаться небытію и стать, при вѣчныхъ перемѣнахъ во времени и въ формахъ, од-

ной петлицей въ сѣти всѣхъ вѣчныхъ міровыхъ силъ, прядущихъ вовѣки неразгаданную загадку жизни"...

Вотъ какіе совершенно новые для еврейской литературы мотивы вносятся въ нее Черниховскимъ. Его необузданное стремленіе къ живой жизни, къ силѣ и огненной страсти, его удачный выборъ темъ, падающій всегда на своеобразныя и грандіозныя картины и явленія, богатство и свѣжесть его красокъ и оригинальность его образовъ, почти не поддающихся переводу, и даже самый стиль его, полный юной удали и рвущій всѣ рутинныя узы нашего литературнаго шаблона,—все это должно обновляюще дѣйствовать на еврейскую молодежь. Благодаря этому воспѣванію разсѣяннаго по всей вселенной, стихійнаго могущества, должны окрѣпнуть силы нашей молодежи, ея вѣра въ жизнь и любовь къ жизни должны получить новый подъемъ, а ея мощные порывы—новый, высокій полетъ. А физически и духовно окрѣпшая молодежь вѣдь является conditio sine qua non для великаго дѣла еврейскаго ренессанса. Современное дряблое еврейское общество, гніющее физически и духовно, не можетъ послужить матеріаломъ для какого бы то ни было крупнаго общенаціональнаго дѣла. Черниховскій сознаетъ это, и онъ не только стремится переродить еврейство твореніями чистаго искусства, долженствующими приблизить молодое поколѣніе къ жизни, къ природѣ, къ красотѣ, но и непосредственно воюетъ со всѣмъ гнилымъ и дряблымъ въ еврействѣ. И это онъ дѣлаетъ въ цѣломъ рядѣ специфически-еврейскихъ стихотвореній, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

II.

Двѣ характерныя черты еврейства гетто особенно ненавистны Черниховскому: отсутствіе чувства красоты и отсутствіе стремленія къ свободѣ и силѣ, или, короче, безвкусіе и дряблость. Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ его стихотвореній онъ рисуетъ фантастическую картину, какъ въ хануковскую ночь герои-Маккавеи встаютъ изъ гробовъ и смотрятъ на своихъ позднихъ потомковъ, празднующихъ великую асмонейскую побѣду—и они своимъ глазамъ не вѣрятъ: „Вотъ это—наши потомки! Эти груды костей, эти люди съ парализованными руками и безкровными жилами, эти люди съ изсохшими мозгами, которые живы лишь благодаря какому-то чуду, которые ни живы, ни мертвы,

эти преждевременные старцы! Безсильные, дряблые и трусливые, и согбенные, какъ плавучая ива, они свѣта Божія не знаютъ, грошъ—ихъ жизнь, а изможденная душа ихъ не вѣдаетъ красоты".

Можетъ-ли быть сильнѣе протестъ противъ всего гнилого въ отживающемъ еврействѣ?

А въ своемъ „Credo" (Ani maamin) поэтъ возвѣщаетъ:

Вѣрю: будетъ день въ грядущемъ,
Пусть тотъ день еще далекъ—
Онъ придетъ: вражду народовъ
Смоетъ братскихъ чувствъ потокъ...

И тогда свободный, мощный
Зацвѣтетъ и мой народъ,
Онъ расторгнетъ цѣпи рабства,
Полной жизнью заживетъ,

Заживетъ не въ грезахъ только,
Не въ однихъ лишь небесахъ...
Пѣсню новую о жизни
На землѣ, о лучшихъ дняхъ,

Къ *красотѣ* и правдѣ чуткій
Запоетъ тогда пѣвецъ...
Изъ цвѣтовъ моей могилы
Для него сплетутъ вѣнецъ.

Очевидно, Черниховскому мало исчезновенія „вражды народовъ" и „цѣпей рабства", т. е. освобожденія отъ внѣшняго гнета. Онъ считаетъ *внутреннее рабство*, жизнь „въ однихъ лишь небесахъ", не менѣе гибельной для еврейскаго народа, нежели *внѣшнее* рабство. Въ одномъ изъ его самыхъ раннихъ стихотвореній, еще не чуждыхъ витіеватости („Buajom ruchi"), онъ ярко рисуетъ душевное состояніе еврея, измученнаго и пригнутаго къ землѣ долголѣтнимъ порабощеніемъ, безконечными униженіями и преслѣдованіями. Онъ возмущенъ этой безконечной вереницей незаслуженныхъ страданій, онъ жаждетъ отмщенія за многовѣковую мартирологію. Но его гнѣвъ безсиленъ. Его рука, ищущая меча въ страстномъ порывѣ—доказать врагамъ, что нельзя безнаказанно цѣдить человѣческую кровь каплю за каплей, опускается въ изнеможеніи. „Не мнѣ взяться за мечъ!—восклицаетъ онъ въ страшномъ отчаяніи.—Моя десница уже давнымъ давно парализована. Вѣчное рабство обезсилило меня. Духъ мой подавленъ, я не человѣкъ больше. Я уже свыкся съ тѣмъ, что я—лишь рабъ рабовъ. Моя душа ужъ давнымъ-давно позабыла о свободѣ, о земномъ счастьи... И когда мною овладѣваетъ воз-

мущеніе, когда моя душа рвется къ свободѣ и жизни, я могу лишь проклинать свою судьбу и скрежетать зубами. И послѣ каждаго новаго усилія вырваться на свободу, я принужденъ лишь яростно, какъ ошалѣлый, кусать свои цѣпи...“

Эти строки, написанныя ровно 13 лѣтъ тому назадъ (въ 1892 г.), были, быть можетъ, первымъ сильнымъ протестомъ противъ еврейской дряблости, который раздался въ ново-еврейской литературѣ. Онѣ были первымъ призывомъ къ переоцѣнкѣ той ложной по существу своему и зловредной по своимъ послѣдствіямъ, оцѣнки, которую старое еврейство давало *силѣ* даже тамъ, гдѣ эта сила имѣла за собою и *право*. И въ этомъ смыслѣ это небольшое и нѣсколько риторическое стихотвореніе является провозвѣстникомъ величайшаго изъ протестовъ противъ еврейской дряблости, — провозвѣстникомъ „Немировскаго сказанія“ Бялика.

И это стихотвореніе не является у Черниховскаго чѣмъ-то случайнымъ. Общій духъ всего поэтическаго творчества этого пѣвца красоты и любви, это—духъ недовольства и протеста. Мы уже видѣли выше, какъ Черниховскій преклоняется передъ силой; но эта сила ему болѣе всего важна, какъ средство къ отстаиванію права и свободы. Одно небольшое стихотвореніе можетъ этому послужить яркой иллюстраціей. Оно озаглавлено „Пѣсни человѣка“. Послѣ великолѣпнаго вступленія, въ которомъ рисуются преимущества пѣсенъ человѣка передъ его мыслями и чувствованіями, поэтъ воспѣваетъ пѣсню пахаря, которою въ сущности является его земледѣльческій трудъ, и пѣсню-молитву, въ которой сливаются преклоненіе передъ тайной бытія, мольбы о минутѣ счастья и проклинаніе горькой участи человѣческаго рода. И поэтъ продолжаетъ: „Но во-стократъ прекраснѣе мощная пѣсня кузнеца, раздающаяся во тьмѣ кузницы, покрытой толстымъ слоемъ сажи и копоти. Это — могучая пѣсня, громко и страстно звучащая въ морѣ искръ, среди гулкихъ ударовъ молота. И эта пѣсня все растетъ и растетъ вмѣстѣ съ раскатами громовъ, раздробляющихся о наковальню и поющихъ, озаренные пламенемъ, о томъ, что для мести выкованъ мечъ и отточено копье“...

Поэтъ съ такимъ темпераментомъ естественно долженъ былъ протестовать противъ чрезмѣрной духовности, почти безплотности, еврейства гетто, противъ позднѣйшаго еврейскаго аскетизма, который—каковы бы ни были его причины — сковалъ силы еврейскаго народа и сдѣлалъ изъ него, по выраженію Гордона, „живую мумію“. Начало этого *обезкровленія* еврейства—если можно такъ выразиться — Черниховскій, какъ и Гордонъ, усматриваетъ

уже въ первой талмудической эпохѣ, въ послѣдніе годы Второго Храма. Зелоты, эти великіе борцы за освобожденіе еврейскаго государства отъ римскаго ига, были прозваны талмудистами высокомѣрными смутьянами („Birjonim"), а впослѣдствіи они получили прозвище „Parizim", т. е. хулигановъ. Ихъ мужество, ихъ непримиримость ставятся имъ не въ заслугу, а въ вину. Настолько еврейская религія уже тогда становилась неземной, настолько она уже и тогда считала здоровую земную силу чуть-ли не порокомъ. Въ одномъ изъ его лучшихъ стихотвореній („Изъ пѣсенъ изгнанниковъ") поэтъ заставляетъ палестинскихъ изгнанниковъ отвѣчать на вопросъ о томъ, что слышно на родинѣ, что сталось съ могилами зелотовъ, слѣдующія страшныя и полныя горькой ироніи слова:

Спроси о нихъ псовъ, ихъ остатки таскавшихъ,
И вѣтеръ, ихъ прахъ развѣвавшій средь ночи,
И коршуновъ горныхъ, клевавшихъ имъ очи,—
Но не твой народъ, не вождей и ученыхъ,
Понять не съумѣвшихъ борцовъ вдохновленныхъ,
Презрѣвшихъ ихъ подвигъ, застывшихъ въ веригахъ,—
Герои забыты въ ихъ сердцѣ и книгахъ.

И это возмущеніе чурающимся земной жизни іудаизмомъ, вмѣстѣ съ безпредѣльной любовью къ природѣ и съ непреодолимымъ тяготѣніемъ къ красотѣ и къ земнымъ наслажденіямъ, толкаютъ поэта въ объятья древняго эллинизма, возрожденнаго въ ученіи Фридриха Ничше. Не М. І. Бердичевскій является истиннымъ представителемъ „еврейскаго ничшеанства", а Саулъ Черниховскій. Бердичевскій не цѣленъ. Онъ не эллинъ-ничшеанецъ, а ничшеанствующій іудей. Онъ жаждетъ ничшеанства именно потому, что онъ—натура діаметрально противоположная ничшеанской. Онъ тоскуетъ по эллинизмѣ такъ, какъ человѣкъ обыкновенно тоскуетъ по томъ, чего онъ не имѣетъ, по томъ, чего въ немъ нѣтъ, но онъ *хотѣлъ бы*, чтобъ оно было въ немъ. Не то Черниховскій. Онъ—эллинъ, насколько еврей и европеецъ можетъ быть эллиномъ. Онъ—эллинъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ имъ считалъ самъ себя и имъ былъ Генрихъ Гейне, первый послѣ С. Д. Луццато, дѣлившій весь родъ человѣческій на эллиновъ и іудеевъ. Ибо Черниховскій и въ еврействѣ восторгается лишь тѣми эпохами и явленіями, которыя имѣли своимъ источникомъ великую жизнерадостность юнаго народа и въ которыхъ не трудно найти слѣды ничшевской „Wille zûr Macht". Такимъ „стремленіемъ къ силѣ" является въ его глазахъ и сіонизмъ, какъ идея

политическаго и національно-культурнаго возрожденія. Всякое отреченіе отъ земной жизни, для какой цѣли и въ какой формѣ то бы ни было, всякая урѣзка здоровыхъ жизненныхъ проявленій во имя отвлеченной морали вызываютъ въ немъ недовольство. Даже въ еврейскихъ пророкахъ онъ цѣнитъ больше небывалую силу проявленія ихъ личности, нежели ту мораль, во имя которой они переносили величайшія страданія. Вотъ почему древняя Эллада, сильно идеализированная, Эллада, какъ она представляется намъ въ безсмертныхъ твореніяхъ Гомера или Анакреона, является для него почти недосягаемымъ идеаломъ, къ которому долженъ стремиться весь человѣческій родъ и въ особенности столь отставшее въ этомъ отношеніи еврейское племя. Восторгомъ и, больше того, настоящею влюбленностью звучатъ тѣ безподобные гекзаметры, которыми ново-еврейскій поэтъ описываетъ въ своей величественной „Деянирѣ" Грецію и ея древнихъ обитателей:

„...Страна, окаймленная лазуревымъ моремъ и окруженная сонмомъ веселыхъ и нѣжныхъ волнъ; страна холмовъ съ короной изъ сосновыхъ и масличныхъ рощъ. Страна, въ которой ключи и ручейки пробиваются изъ глубокихъ нѣдръ мрамора,—ключи и ручейки, берущіе начало въ скалистыхъ пещерахъ и болѣе чистые, чѣмъ слеза. Въ этой странѣ небеса смотрятъ мечтательно, словно глаза голубой дали. Тамъ тайной и дивомъ окружены еловыя и лавровыя рощи—это священное царство безмолвія, въ тѣни которыхъ покоятся мраморные храмы, подобные грезамъ поэта, застывшимъ и превратившимся въ камень.

„И въ этой дивной странѣ разгуливаютъ прекрасныя богини, сохраняющія свою красоту вовѣки и процвѣтающія въ вѣчной веснѣ своей; богини, любящія и дѣлающія любимой земную жизнь съ ея бурными и нѣжными страстями. На ихъ лицахъ строгая красота мрамора, а въ ихъ сердцахъ огонь пылаетъ. И вмѣстѣ съ ними тамъ обитаютъ боги-великаны, властные и вызывающіе благоговѣйный трепетъ, и обладающіе такой силой и мощью, словно ихъ мышцы выкованы изъ стали. И они близки сердцу человѣка, которому они желаютъ счастья и жизнерадостности. А обитатели страны —люди веселые, прекрасные, сильные. Мудрость и сила гармонически сочетаются въ нихъ, и они сами подобны богамъ. Это—поколѣніе, которое знаетъ чего хочетъ и не стыдится вспышекъ своей страсти; оно сильно въ своей пламенной любви и оно грозно въ своемъ мщеніи врагамъ".

Вотъ идеалъ Черниховскаго. Этотъ идеалъ сотканъ изъ физической красоты и физической силы, съ которыми гармонически сочетается мудрость, — не книжная мудрость, какъ наша современная наука и философія, а греческая мудрость, плодъ жизненнаго опыта, результатъ столкновенія и борьбы естественныхъ

условій природы и естественныхъ страстей человѣка. Естественная любовь и естественная ненависть считаются имъ выше отвлеченныхъ этическихъ принциповъ и моральныхъ правилъ. Идеаломъ человѣка является для него гомеровскій богъ, совершенно тождественный съ древне-греческимъ идеальнымъ человѣкомъ. И какъ все это далеко отъ еврейскаго идеала-человѣка, какимъ является еврейскій „праведникъ“ (Zaddik)! Какая пропасть между гомерической богоподобной жизнью и между „праведной жизнью“, воспѣтой въ позднѣйшихъ книгахъ Библіи, въ Талмудѣ и въ средневѣковой литературѣ нашей, къ которой часто приближается даже жизнь тѣхъ изъ „дѣтей гетто“, которыя, желая избавиться отъ нея, замѣнили лишь одно книжничество другимъ,—промѣняли Талмудъ на Маркса или Канта!..

И, стоя „передъ статуей Аполлона“, еврейскій поэтъ возноситъ хвалебный гимнъ вѣчно-юному греческому богу, богу поколѣнія земныхъ гигантовъ, богу того поколѣнія, которое еще видѣло боговъ на землѣ и опьянялось жизнью, — поколѣнія совершенно чуждаго больному еврейскому народу, который поэтъ называетъ „домомъ калѣкъ“ (beth hakoabim). И поэтъ продолжаетъ, обращаясь къ Аполлону: „Я пришелъ къ тебѣ — узналъ ли ты меня? Я іудей; вѣчная борьба между нами. Даже воды океана, протекающія между частями суши, не въ состояніи заполнить своимъ изобиліемъ ту безконечную пропасть, которая зіяетъ между нами. Даже небеса и широкія степи не въ состояніи наполнить бездну, отдѣляющую вѣроученіе моихъ предковъ отъ религіи поклоняющихся тебѣ“. Еврейскій поэтъ пришелъ къ греческому божеству потому, что ему надоѣла „вѣчная агонія“ (gesisah ledoroth), потому, что душа его разбила духовныя оковы и пріобщилась къ живой, естественной земной жизни. „Устарѣлъ народъ— и вмѣстѣ съ нимъ устарѣлъ и богъ его!“ — восклицаетъ поэтъ. Но пришла пора воскресенія изъ мертвыхъ. „Чувства, подавленныя людьми безсильными, ожили, несмотря на гнетъ безчисленныхъ поколѣній. *Свѣта Божьяго* требуетъ каждый фибръ моей души! *Жизни* требуетъ каждый нервъ мой! Свѣта и жизни!—а потому я пришелъ къ тебѣ. Я пришелъ къ тебѣ, я преклоняюсь передъ твоей статуей, ибо статуя твоя это — символъ всего свѣтлаго въ жизни. Я преклоняюсь и падаю ницъ передъ всѣмъ добрымъ и возвышеннымъ, передъ всѣмъ тѣмъ, что есть величественнаго во всей вселенной, передъ всѣмъ тѣмъ, что есть прекраснаго во всемъ мірозданіи, передъ всѣмъ тѣмъ, что есть возвышающаго въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ естества. *Я пре-*

клоняюсь передъ жизнью, передъ силой, передъ красотою. Я преклоняюсь передъ всѣми обаятельными доблестями, которыя насильственно отняли люди-трупы, люди-гниль, чурающіеся жизни, у моего Всемогущаго (Schaddaj), — Бога таинственныхъ пустынь, Бога отважныхъ завоевателей Ханаана, Котораго они связали ремнями филактерій"...

Очевидно, если Черниховскому что-нибудь нравится въ еврействѣ, то это лишь то здоровое и мощное, что Библія намъ показываетъ въ вѣчно-недовольныхъ и доблестно-воинственныхъ странникахъ Синайской пустыни и въ храбрыхъ завоевателяхъ Ханаана. Болѣе позднее еврейство, въ которомъ уже замѣчается склонность къ отрицанію жизни во имя Бога и морали Его и къ отреченію отъ настоящей и земной жизни во имя будущей и загробной, онъ считаетъ лишь тѣнью истаго здороваго еврейскаго племени, и онъ безпощадно караетъ его. Яркое выраженіе его отношенія къ этому болѣе позднему еврейству мы находимъ въ его стихотвореніи „На берегу моря", являющемся апоѳеозомъ Баръ-Кохбы. Вотъ что онъ говоритъ, обращаясь къ послѣднему изъ нашихъ героевъ-воиновъ:

„Кто понялъ тебя, кто проникъ въ твою великую душу? Твой удѣлъ—ненависть врага и, вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть народа за который ты пошелъ на смерть. Ты появился словно въ туманѣ и, подобно морской водоросли и загадочной пѣнѣ морской, ты открылся, возсталъ, и голосъ твой раздался, а черезъ мгновеніе ты умолкъ и исчезъ. И въ дали вѣковъ, и въ туманѣ прошлаго твое имя исчезло внезапно подобно блуждающему огоньку посреди ночи, блѣднѣющему и гаснущему во тьмѣ, подобно отзвуку тающаго и замирающаго въ лѣсу голоса. Оно передается сыновьямъ въ назиданіе, какъ устрашающій примѣръ, отъ отцовъ, пресмыкающихся червей. А суевѣрные руководители и темные учителя называютъ тебя именемъ „Баръ-козибы" („сынъ лжи"). А ты вѣдь *Баръ-Кохба* („*сынъ звѣзды*")! Ибо, когда ты, великанъ, возсталъ, вся земля задрожала и зашаталась. Вся Азія вплоть до самыхъ отдаленныхъ острововъ затрепетала, и ужасомъ былъ объятъ владыка народовъ, семихолмный Римъ, потерявшій твердость своихъ устоевъ. Ибо въ тебѣ сохранились всѣ потоки силы и мощи, и силы ключемъ всѣ источники національной гордости, изъ которыхъ черпали отважные сыны твоего народа, предки которыхъ еще воевали съ божествомъ и насильственно добились его благословенія (см. книгу Бытія, XXII, 25—31). И въ тебѣ сохранились также источники жизни и свѣта, потоки нашихъ свѣжихъ силъ,—нашихъ національныхъ силъ, которыми мы обладали, прежде чѣмъ ихъ коснулась рука нашихъ „охранителей", превратившихъ насъ въ вѣчную мумію. Но ты палъ—и тебя презираютъ! Да развѣ могутъ уважать тебя эти презрѣнные карлики, умѣющіе курить ѳиміамъ лишь богу грома и преклонять колѣни лишь передъ возвращающимся съ войны съ побѣднымъ вѣнкомъ на челѣ?... Развѣ

можетъ обожать тебя этотъ ничтожный, безсильный народъ?—Лишь когда кости послѣдняго изъ поклявшихся въ вѣрности игу сгніютъ въ цѣпяхъ, и народится поколѣніе, чистое отъ грязи голуса — поколѣніе съ зоркими глазами, не ослѣпшими отъ пыли суевѣрной литературы и глупыхъ предразсудковъ и способными восторгаться красотой чистыхъ полей, — лишь тогда будутъ трепетно преклоняться передъ тобою всѣ благородныя сердца свободныхъ людей, сросшихся съ родной независимой почвой".

Здѣсь, какъ и въ приведенномъ выше стихотвореніи „Изъ пѣсенъ изгнанниковъ", переоцѣниваются талмудическія цѣнности. Побѣжденный Баръ-Кохба, какъ и побѣжденные зелоты, остается въ глазахъ поэта великимъ національнымъ героемъ, несмотря на то, что Талмудъ считаетъ его лжемессіей точно такъ же, какъ онъ считаетъ зелотовъ чуть ли не хулиганами. Но Черниховскій идетъ еще дальше. Вслѣдъ за Ничше, онъ корень зла видитъ въ пророкахъ, въ пророческой морали. Онъ развиваетъ и отливаетъ въ новую форму старую мысль Гордона, выраженную имъ въ поэмѣ „Седекія въ темницѣ", что пророки приносили государство въ жертву религіи и морали. Уже Самуилъ хотѣлъ подчинить царя Саула теократической власти пророка. А Іеремія ужъ прямо сопротивляется политической борьбѣ царя Седекіи за независимость Іудеи (то, что Исаія стоитъ на сторонѣ царя Езекіи въ его борьбѣ съ Санхерибомъ—это объясняется праведностью Езекіи, угождающаго пророку). И эта тактика, ставящая религію и мораль выше интересовъ государства и страны, руководила почти всѣми учителями и наставниками еврейскаго народа въ продолженіе всей эпохи Второго Храма и на протяженіи всего многовѣковаго еврейскаго голуса. Все это — плодъ морализующаго пророчества, ставившаго земную жизнь ни во что, если эта послѣдняя позволяла себѣ малѣйшее отклоненіе отъ абстрактныхъ религіозно-нравственныхъ принциповъ. Всѣхъ тѣхъ, кто отстаивали *политическую* жизнь еврейскаго народа, кто стояли на сторонѣ еврейскихъ царей и сподвижниковъ ихъ, стремившихся къ тому, чтобы и *ихъ* народъ достигъ политической силы и земного могущества,—всѣхъ этихъ проповѣдниковъ живой жизни пророки, нынѣ признанные истинными, прозвали лже-пророками. И вотъ этихъ-то „лже-пророковъ" Черниховскій старается реабилитировать въ цѣломъ циклѣ стихотвореній, озаглавленныхъ: „Изъ видѣній лже-пророковъ". Мы ограничимся выдержками лишь изъ одного изъ этихъ стихотвореній:

„И пророкамъ такъ говорилъ мой Богъ Элогимъ: Вы говорите: „Мы пророчествуемъ правду"; — но сѣмя, которое вы засѣяли, пре-

вратится въ моль, которая изъѣстъ мой народъ и подточитъ самый корень его.

„Тѣ, которые придутъ послѣ васъ, обезсилятъ народъ и сдѣлаютъ его еще болѣе тягостнымъ, такъ что если даже муха возстанетъ противъ него, у него не хватитъ силъ ее отогнать.

„И вслѣдствіе того, что народъ будетъ все витать въ эмпиреяхъ и будетъ полагаться на заоблачныя выси, его наслѣдіе перейдетъ въ руки врага, а онъ самъ будетъ приниженъ и обезличенъ въ безсиліи своемъ.

„И у него появятся ревнители религіи, которые приведутъ къ расколамъ и раздорамъ, и когда народъ раздѣлится на разныя партіи, то послѣдователи вашего вѣроученія возгордятся надъ простонародьемъ (Am haarez).

„И когда мой народъ будетъ защищать свою независимость, и врагъ протянетъ свою страшную руку за его страной, то послѣдователи ваши будутъ причиной обрушившагося несчастья, *они* разрушатъ Іерусалимъ.

„Мечъ врага будетъ истреблять еврейскій народъ днемъ, а сыны его будутъ истреблять другъ друга ночью. Ибо устроители „царствія Божія" и „царствія небеснаго" повергнутъ въ отчаяніе защищающихъ городъ солдатъ.

„И въ будущемъ вотъ какое поколѣніе вырастетъ среди васъ и будетъ говорить отъ вашего имени: люди съ трусливой душой и съ заячьимъ сердцемъ, въ которыхъ искра гаснетъ и исчезаетъ".

Поэтъ въ дальнѣйшемъ идетъ такъ далеко, что, облекая свою мысль въ форму видѣнія лже-пророка, онъ прямо заявляетъ, что, хотя, благодаря своей отвлеченности, еврейскія пророческія мораль и религія завоюютъ весь міръ, еврейство этому радоваться не должно. Ибо это въ сущности не плюсъ, а минусъ: своею абсолютностью и категоричностью эта строгая религія и эта ригорозная мораль вызовутъ гоненія и преслѣдованія иновѣрныхъ и иномыслящихъ: инквизиціи, религіозныя войны, крестовые походы, суевѣрія, жизнебоязнь и страхъ смерти. Всего этого греки не знали. Жизнерадостность исчезнетъ въ Европѣ вообще и въ еврействѣ въ особенности, благодаря отвлеченному, одностороннему монотеизму и благодаря той еврейской морали, которая проповѣдуетъ самоотреченіе и самоограниченіе во имя отвлеченныхъ принциповъ. Такъ утверждаетъ нѣмецъ Ничше; такъ твердятъ вслѣдъ за нимъ евреи Вассерманъ, Бердичевскій, Черниховскій...

Какъ бы ничшеанство нашихъ писателей ни было ошибочнымъ съ точки зрѣнія абсолютной исторической истины, — одно несомнѣнно: стремленіе къ освобожденію еврейства отъ гнета безправія съ одной стороны, и отъ ненормальной національной жизни, являющейся слѣдствіемъ оторванности отъ исторической родины, съ другой—было невозможно безъ великаго возстанія противъ той

религіозной узости и той отвлеченной морали, благодаря которымъ еврей совершенно разучился вкушать земную жизнь и добиваться ея какъ настоящаго блага. И если мы видимъ, что еврейская молодежь мало по малу стряхиваетъ съ себя книжную пыль; если мы замѣчаемъ, что молодое еврейское поколѣніе больше не подставляетъ, подобно старому, лѣвой щеки послѣ того, какъ его ударили въ правую, если почти всѣ слои современнаго еврейства гораздо болѣе чутки къ оскорбленіямъ и сильнѣе реагируютъ на нихъ, чѣмъ еврейство недавняго прошлаго,—то это результатъ не одного лишь внѣшняго вліянія и однихъ лишь внѣшнихъ событій. Протестъ противъ аскетизма и излишняго смиренномудрія, имѣющихъ своимъ источникомъ устарѣлый религіозный взглядъ на бренность всего земного и на преимущество духовнаго передъ мірскимъ—а вѣдь трудно отрицать, что этотъ взглядъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на еврейско-христіанскія этическія доктрины и на еврейскую жизнь,—этотъ протестъ пробудилъ въ еврейской молодежи любовь къ земной жизни, которая, возрождая въ немъ всѣ живыя человѣческія чувства, усилила въ немъ и чувство собственнаго достоинства, и чувство національнаго самодостоинства. И естественнымъ слѣдствіемъ всего этого неизбѣжно явилась переоцѣнка значенія силы въ борьбѣ за право, за жизнь, за свободу. Если евреи держались въ Гомелѣ и Житомірѣ иначе, чѣмъ въ Кишиневѣ, то это не въ послѣдней степени было обусловлено тѣмъ новымъ, переоцѣнивающимъ всѣ старыя еврейскія цѣнности, теченіемъ въ еврействѣ, однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей котораго является Саулъ Черниховскій.

III.

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ великаго протеста противъ восемнадцати столѣтій безпрерывнаго проливанія невинной крови является большая поэма Черниховскаго: „Барухъ изъ Майнца". Благодаря чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ [1]), эта поэма не привлекла къ себѣ вниманія публики и критики въ надлежащей мѣрѣ. А между тѣмъ она — одинъ изъ крупнѣйшихъ перловъ современной еврейской поэзіи и должна быть поставлена рядомъ съ безсмертной „Massa Nemirow" Бялика.

---

[1]) Она была напечатана цѣликомъ въ единственной книжкѣ мало распространившагося въ Россіи „Ozar Hasaphruth" Маргеля и Гребера (Краковъ, 1902), а въ „Сборникѣ" (Hameasseph) „Гамелица" (Спб. 1903) она напечатана со значительными пропусками.

Фабула несложна. Поэма повѣствуетъ о томъ, что въ средніе вѣка было обычнымъ явленіемъ. Мы переносимся въ католическій Майнцъ XI или XII вѣка, прежде чѣмъ евреи еще успѣли быть до того принижены, что стали принимать всѣ нападенія и избіенія какъ нѣчто естественное и должное. Евреи еще не живутъ въ строго отмежеванномъ гетто, еще не носятъ желтаго пятна, еще не совсѣмъ распростились съ земной жизнью. Но разгромы и избіенія евреевъ чернью съ цѣлью насильственнаго обращенія въ христіанство уже и тогда — вѣдь это самый разгаръ крестовыхъ походовъ!—не большая рѣдкость. И вотъ, во время одного такого погрома, чернь убиваетъ жену еврея Баруха, и онъ, замѣтивъ, что громилы готовы изнасиловать его двухъ старшихъ дочерей, собственными руками перерѣзываетъ имъ горло... Такіе случаи не были рѣдкостью во время крестовыхъ походовъ, и еврейскія лѣтописи XI и XII вѣковъ отмѣчаютъ ихъ въ большомъ количествѣ. Такова была сила вѣры, таившаяся во всѣхъ слояхъ средневѣковаго еврейства.

Въ этомъ первомъ разгромѣ уцѣлѣли лишь Барухъ самъ и его двѣ младшія дочери. Но проходитъ нѣкоторое время и нападеніе на евреевъ возобновляется. Тогда Барухъ и оставшіяся въ живыхъ дочери его больше не въ состояніи устоять противъ страха смерти и они спасаютъ свою жизнь цѣною своей религіи. Ихъ всѣхъ помѣщаютъ въ смежные католическіе монастыри, они отнынѣ—католики.

Но въ Барухѣ вскорѣ пробуждается раскаяніе: онъ, который раньше зарѣзалъ своихъ дочерей лишь бы онѣ не стали вѣроотступницами, теперь самъ измѣнилъ вѣрѣ отцовъ! И больше того: онъ перешелъ въ лагерь враговъ своего народа, въ лагерь тѣхъ, которые были палачами его жены и сдѣлали его самого палачемъ его двухъ дочерей... Это раскаяніе гложетъ его, съѣдаетъ его живьемъ. Онъ подавленъ, мраченъ, онъ чуть съ ума не сходитъ. Онъ чувствуетъ, что онъ долженъ что-то сдѣлать, что онъ долженъ отомстить врагамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искупить свой грѣхъ, что онъ долженъ принести искупительную жертву. И вотъ, уже дошедши почти до умопомраченія, онъ поздней ночью замѣчаетъ въ своей монастырской кельѣ лампадку, горящую передъ иконой. Въ немъ вдругъ загорается вся его ненависть. И онъ, не долго думая, поджигаетъ монастырь. Онъ совершенно не задумывается надъ тѣмъ, что этотъ ночной пожаръ истребитъ весь городъ, и даже не надъ тѣмъ, что въ пожарѣ первыми погибнутъ послѣднія его двѣ дочери, его единственное утѣшеніе въ жизни... Совер-

шивъ свое страшное дѣло, онъ, полу-помѣшанный, бѣжитъ на еврейское кладбище и тамъ онъ повѣствуетъ мертвой женѣ, убитой тѣми, которымъ онъ теперь отомстилъ, обо всемъ, что произошло съ нимъ со дня страшной смерти. Это ужасное повѣствованіе, исходящее изъ устъ почти умалишеннаго и передаваемое мертвой на кладбищѣ, озаренномъ яркимъ пламенемъ грандіознаго пожарища, производитъ впечатлѣніе чего-то страшно-таинственнаго, что не поддается никакому описанію. Уже одно начало дѣйствуетъ на насъ. Барухъ говоритъ мертвой женѣ, что онъ ей разскажетъ „все, что съ нимъ произошло съ того страшнаго дня, когда онъ увидѣлъ свою собственную смерть"... И онъ присовокупляетъ: „Ибо я вѣдь умеръ! Я вѣдь теперь *другой*, совсѣмъ другой"... Такимъ образомъ мертвецъ бесѣдуетъ съ покойницей... Живой мертвецъ изображаетъ страшную картину еврейскаго погрома съ той специфически-средневѣковой окраской, которую вноситъ въ него религіозное изувѣрство.—Передъ блескомъ ножа онъ устоять не могъ. И какъ только онъ произнесъ слово отреченія отъ вѣры отцовъ, его потащили въ католическую церковь. Тамъ онъ видитъ нѣмыя статуи, которыя, однако, какъ будто говорятъ ему: „Мы—камень, сердца нѣтъ въ насъ, и въ этомъ наша сила: каменныя ноги наши топчутъ нашихъ враговъ. Весь міръ трепещетъ, когда мы ступаемъ ими. Преклонись же и ты, червь, передъ нами: мы—твое божество!"

И онъ преклоняется. Тѣмъ, что онъ принялъ католицизмъ, онъ не только отрекся отъ своего Бога: онъ отрекся и отъ своего народа. Какъ страшно звучатъ слѣдующія самобичующія слова Баруха:—„Я проклялъ свой родной народъ, вскормившія меня груди. Я плюнулъ въ лицо моему Богу и всѣмъ святынямъ моихъ предковъ. Я предалъ анаѳемѣ всѣ мои упованія, все, во что я до того вѣрилъ. Я одновременно измѣнилъ и моему народу, и Богу моему!"

И онъ вспоминаетъ, какъ онъ сталъ „Баръ-Мицва" (т. е. достигъ религіознаго совершеннолѣтія), какъ онъ въ первый разъ обмоталъ ремни филактерій вокругъ своей лѣвой руки и чувствовалъ, что онъ вступаетъ въ союзъ съ Божествомъ, что онъ обязуется быть вѣрнымъ Ему. А онъ Ему такъ скоро измѣнилъ. Правда, онъ былъ вынужденъ къ этому насиліемъ. Но развѣ есть такое насиліе, которое въ состояніи лишить еврея свободы совѣсти? Вѣдь избавилъ же онъ двухъ своихъ дочерей отъ измѣны Богу... И вотъ во тьмѣ ночной, освѣщенной лишь страшнымъ заревомъ, онъ принимается за разсказъ о томъ, какъ онъ зарѣзалъ своихъ

дочерей. Онъ это разсказываетъ мертвой матери на кладбищѣ и разсказываетъ это таинственнымъ шепотомъ. Онъ не хочетъ, чтобы покойница, оживающая въ его больномъ воображеніи, видѣла его: „Я боюсь твоихъ глазъ. Твои взоры караютъ Они меня истязуютъ и исполосываютъ какъ тысяча кнутовъ палачей".—И разсказъ этого святого дѣтоубійства такъ страшенъ, что мы не въ силахъ его передать. Несчастный отецъ сознаетъ весь ужасъ совершеннаго имъ поступка. Онъ вспоминаетъ совмѣстную тихую скромную жизнь мирной семьи, ихъ домъ, похожій на гнѣздо ласточки, ихъ маленькій улыбающійся садикъ и нѣжную заботливость его и жены его объ этихъ дѣтяхъ, которыя были ихъ жизнью, ихъ усладой, о которыхъ они думали по днямъ и по ночамъ. Всѣ эти описанія отличаются такою высокою степенью художественности и они полны такой чарующей идиллической прелести, что ихъ смѣло можно поставить рядомъ съ самыми выдающимися твореніями этого рода во всемірной литературѣ. Мы не смѣемъ дать здѣсь прозаическій переводъ ихъ, такъ какъ этимъ мы бы только профанировали ихъ [1]).

Всѣ эти воспоминанія только увеличиваютъ страданія несчастнаго отца. Онъ находитъ лишь одно оправданіе тому, что онъ сталъ дѣтоубійцей. Онъ не могъ поступить иначе: „Я не могъ ихъ видѣть живыми въ рукахъ жаждущаго нашей крови врага, который ихъ заставилъ бы позабыть всѣ мои святыни, все дорогое мнѣ, что я искупилъ потоками крови. Я не могъ примириться съ мыслью, что потомки моихъ дочерей станутъ одѣтыми въ ризы священниками, которые будутъ жарить евреевъ на медленномъ огнѣ при ликованіи шумной толпы".

И изъ наболѣвшей, истерзанной души этого германскаго маррана, котораго заставили устроить самому ауто-да-фе своимъ возлюбленнымъ дѣтямъ, вырываются страшныя проклятія, не имѣющія себѣ равныхъ во всемірной письменности. На протяженіи 56 ужасныхъ стиховъ варьируется знаменитый библейскій стихъ (Псалмы, LXXI, 6): שפוך חמתך על הגוים. Эти проклятья дышутъ пламенною ненавистью и жаждой мести; въ нихъ чувствуется страстное томленіе по воздаяніи. „Да будетъ проклято въ тебѣ всякое человѣческое чувство, которое ты вытравилъ изъ меня! – восклицаетъ Барухъ.— Пусть ты утонешь въ крови твоихъ жертвъ, окунешься въ море

[1]) Часть изъ нихъ была переведена на нѣмецкій языкъ М. Буберомъ и напечатана въ Сборникѣ: Junge Harfen, Jüdischer Verlag, Berlin 1904.

слезъ, и да разбудятъ тебя въ страшныя ночи стоны всѣхъ заколотыхъ тобою невинныхъ страдальцевъ! Да наполнятъ всѣ твои преступныя злодѣянія чашу твоей печали... Да пожираетъ тебя раскаяніе твое; да не дремлетъ червь его (т. е. раскаянія) и да сосутъ піявки его кровь твою... Да плюетъ твой сынъ на твои святыни, и да помѣняетъ онъ ихъ позорно на другія. И да будешь ты позоромъ твоихъ собственныхъ дѣтей, проклятьемъ среди другихъ народовъ, символомъ омерзѣнія и убожества для всѣхъ грядущихъ поколѣній".

Его проклятья, въ сущности, содержатъ въ видѣ зложеланій лишь то, что гонители евреевъ успѣли *фактически* причинить этимъ послѣднимъ: онъ желаетъ, чтобы эти гонители—а какіе народы вселенной ими не были? — стали въ будущемъ тѣмъ, чѣмъ они уже сдѣлали многострадальный еврейскій народъ.

Но ему мало этихъ проклятій. Онъ столько претерпѣлъ мукъ и гоненій, что все это не утоляетъ его ужасающей жажды мести. Онъ желалъ бы, чтобы и онъ самъ, и мертвая жена его превратились въ вампировъ и сосали всю ночь напролетъ кровь своихъ мучителей: „И тогда мы отомстили бы за потоки слезъ и за моря крови, за поруганныхъ нашихъ дочерей и за изнасилованныхъ женъ нашихъ, за разможженныхъ нашихъ дѣтей. И мы отомстили бы за всѣ святыни, оскверненныя ихъ рукой, за всѣхъ праведниковъ, за всѣхъ невинныхъ, за тысячи свѣжихъ могилъ. И мы воздали бы за всѣ загубленныя души, никогда не вкусившія радостей жизни, за всѣ чарующія надежды, никогда не ставшія дѣйствительностью. И мы воздали бы за вѣчную ненависть къ намъ, за поруганное имя наше, а также за нашу *душу*, которую топчутъ въ грязь ноги гордаго мучителя".

Тысячелѣтіями накопившаяся злоба противъ тысячелѣтней несправедливости цѣлаго міра здѣсь переходитъ въ незнающую границъ пламенную ненависть, почти въ особый родъ человѣконенавистничества, который можно было бы назвать „антигоизмомъ" и „аріофобіей". Это были бы вполнѣ достойные потомки антисемитизма и юдофобіи. Барухъ, устроивъ этотъ страшный пожаръ, дѣлаетъ это изъ ненависти къ ненавистникамъ евреевъ: „Пусть этотъ подлый народъ погибнетъ вмѣстѣ съ могуществомъ своимъ и преступленіями своими! Пусть его городъ будетъ пустыней вовѣки, и пусть шакалы обитаютъ въ дворцахъ его!"

Много психологической глубины и художественной правды мы находимъ въ изображеніи того своеобразнаго настроенія, которое охватило Баруха въ промежутки между крещеніемъ и поджогомъ.

Во все это время онъ находится въ полусознательномъ состояніи. Что-то давитъ его, какъ кошмаръ. Онъ недоволенъ собою, онъ чувствуетъ, что онъ совершилъ что-то скверное, какой-то тяжкій грѣхъ, но не можетъ себѣ отдать отчета, что именно онъ сдѣлалъ и, главное, какъ все это произошло. Онъ смутно сознаетъ, что его грѣхъ требуетъ искупительной жертвы, что онъ долженъ совершить что-то страшное для того, чтобы загладить свою вину и вмѣстѣ съ тѣмъ отомстить за насиліе, но онъ себѣ никоимъ образомъ не можетъ уяснить, что онъ долженъ и можетъ сдѣлать. Его умъ окутала тьма, свинцовыя тучи опустились на его чувства... И вдругъ видъ горящей лампадки освѣщаетъ потемки его души: „Фитиль лампадки какъ будто зажегъ во мнѣ тысячи яркихъ солнцъ, льющихъ моря свѣта". Барухъ поджигаетъ монастырь—и вскорѣ весь городъ объятъ пламенемъ. Тутъ поэтъ намъ рисуетъ поистинѣ величественную картину грандіознаго пожара,—картину, съ которой, по нашему мнѣнію, можетъ сравниться лишь описаніе пожара у Ганса Петра Якобсена. Пожаръ происходитъ ночью—и катастрофа не поддается никакому описанію. Въ ужасѣ выскакиваютъ тысячи сонныхъ людей изъ домовъ, таща за собою малолѣтнихъ дѣтей; многіе погибаютъ въ пламени; никто и не думаетъ о спасеніи всѣхъ этихъ несмѣтныхъ сокровищъ, твореній рукъ и ума человѣческихъ, которыя истребляются безпощаднымъ огнемъ. А Барухъ, виновникъ всей этой катастрофы, убѣгаетъ на кладбище и тамъ онъ разсказываетъ своей мертвой женѣ о томъ, какъ онъ пошелъ любоваться этимъ грандіознымъ зрѣлищемъ, какъ онъ радовался при видѣ полной растерянности спасающихся отъ огня враговъ его, при видѣ слезъ отцовъ и матерей, которые рыдали, прислушиваясь къ неистовымъ крикамъ безпомощно погибающихъ дѣтей своихъ. „Я смѣялся,—говоритъ Барухъ,—когда женщины рыдали посреди улицы, когда человѣкъ спасался изъ дома своего и платье его уже горѣло на немъ". Это-то шейлоковское упоеніе местью, которое граничитъ съ безуміемъ. Но Барухъ дорого заплатилъ за месть свою. Въ таинственномъ бормотаніи безумца онъ разсказываетъ: „И когда костеръ былъ уже готовъ, я принесъ жертву: двухъ дочерей нашихъ—чистыя всесожженія... Я не ослушался Бога и приказанія Его. Онѣ обѣ стали агнцами всесожженія. Это я принесъ первую жертву съ тѣхъ поръ, какъ мы въ изгнаніи и какъ храмъ нашъ разрушенъ... Жертвы! Обѣ наши дочери..."

Ужасъ, исходящій отъ этого страшнаго поступка, почти еще усиливается одной съ виду мелкой жестокостью, о которой Ба-

рухъ также сообщаетъ своей мертвой женѣ и которая состоитъ въ слѣдующемъ:

Вмѣстѣ со всѣми домами сгорѣлъ и домъ Баруха. Въ этомъ домѣ, возлѣ двери, находилось гнѣздо ласточекъ, которое онѣ вили тамъ изъ года въ годъ. Барухъ и все его семейство свыклись съ этимъ гнѣздомъ и любили его пернатыхъ обитателей. И когда домъ загорѣлся, ласточка-мать, успѣвшая вылетѣть изъ гнѣзда, стала кружиться надъ нимъ и, наконецъ, чтобы спасти своихъ безпомощныхъ птенчиковъ, она влетѣла въ почти горящее уже гнѣздо. Вскорѣ его покрыли клубы дыма, и ласточка не могла выйти изъ него съ птенцами. И Барухъ разсказываетъ, что если-бъ онъ захотѣлъ, онъ бы очень легко могъ спасти любимыхъ пташекъ. Но онъ этого не хотѣлъ — и онъ далъ имъ погибнуть. Ибо—говоритъ онъ своей женѣ — развѣ нашъ домикъ не былъ гнѣздышкомъ нашимъ и ты не была моей ласточкой? А между тѣмъ, кто сжалился надъ тобою и надъ нашими бѣдными птенцами?.. Вотъ почему онъ злорадствуетъ при видѣ пожара, онъ злорадствуетъ при видѣ гибели женщинъ и дѣтей и онъ злорадствуетъ даже тому, что погибли ласточка-мать и ея любимые птенчики подобно тому, какъ погибли его дѣти и мать ихъ—жена его... И въ безумномъ бреду своемъ онъ зоветъ эту послѣднюю изъ темной могилы. Онъ зоветъ ее къ себѣ, къ свѣту колоссальной иллюминаціи, устроенной имъ въ честь праздника мести... Онъ ее увѣряетъ, что и дочери ихъ, зарѣзанныя и сожженныя, ожидаютъ ихъ тамъ съ нетерпѣніемъ и онѣ встрѣтятъ ихъ съ праздничными пѣснями,—съ пѣснями мести и воздаянія...

Такъ кончается поэма „Барухъ изъ Майнца".

Есть что-то демоническое въ этой поэмѣ. Месть Баруха, какъ и проклятія его, имѣютъ въ себѣ что-то сатанинское, противъ чего возстаетъ все человѣчное въ насъ: наши этическіе принципы, пророческіе идеалы, современныя моральныя представленія наши. Но художественное творчество имѣетъ свои собственные законы. Не надо забывать, что проклятья и жестокости Баруха психологически обоснованы: они являются отвѣтомъ на потоки крови, нескончаемыя униженія, неописуемое мучительство. Поэма „Барухъ изъ Майнца" обладаетъ гораздо болѣе высокой степенью художественности, нежели „Massa Nemirow", но не имѣя пророческаго вдохновенія, поднимающаго безсмертное твореніе Бялика надъ всякой приложимой къ чисто-литературнымъ явленіямъ мѣркой,—является въ сущности дополненіемъ къ „Немировскому сказанію". Бяликъ мечетъ громы на головы презрѣнныхъ червей ев-

реевъ, которыхъ топчутъ ногами, а они даже укусить не смѣютъ, а Черниховскій показываетъ намъ ту ненависть и злобу, которыя неминуемо должны были накопиться въ душѣ гонимыхъ и унижаемыхъ. И тотъ, и другой призываютъ нашъ народъ къ новой жизни, въ которой началомъ всѣхъ началъ должно быть — національное самодостоинство, сопровождаемое національной самозащитой и національною самопомощью.

IV.

Съ этими бурными проявленіями злобной ненависти и съ этимъ боготвореніемъ земной силы, отстаивающей право на земное счастье, рѣзко контрастируютъ мягкіе и нѣжные тоны, которые слышатся намъ въ группѣ совершенно другихъ стихотвореній Черниховскаго. Сколько мягкости и душу ласкающаго лиризма чувствуется, напримѣръ, въ стихотвореніи: „Послы любви"! - Поэта окружаютъ мечты прошлаго, грезы и золотые сны, пробѣгающіе передъ нимъ какъ весеннее утреннее облачко, какъ лѣтняя однодневная бабочка. Эти нѣжныя переживанія его ласкаютъ и чаруютъ; ихъ ароматъ какъ будто еще носится въ воздухѣ передъ нимъ. Ему грезятся свѣтлыя лунныя ночи, волнующееся море и молодая возлюбленная, окруженная зеленѣющими полями и благоухающимъ садомъ... Онъ всего этого ищетъ во снѣ и на яву. Онъ истосковался по исчезнувшей любви, по быломъ счастьѣ. И вотъ онъ посылаетъ гонцовъ, которые отыскали бы его возлюбленную и вернули бы ему потерянный рай любви. Гонцами являются: ласточка, солнечный лучъ и пѣсня. Но ласточка улетаетъ на западъ, туда, гдѣ закатъ солнца, лучъ заволакивается тучами, а пѣсня— ее поэтъ поджидаетъ цѣлый долгій день, и лишь на другой день къ вечеру она къ нему возвращается, прижимается къ его сердцу и—безмолвствуетъ...

Подобныя грустно-лирическія нотки слышатся и въ чудномъ полу-лирическомъ, полу-эпическомъ произведеніи „Швея Ленхенъ", въ которой граціозно-шаловливыя картинки простодушія и непосредственности простой и милой нѣмецкой дѣвушки перемежаются съ глубоко-прочувствованными лирическими изліяніями, въ которыхъ слышится неподдѣльная тоска по любви.

Въ подобныхъ стихотвореніяхъ проявляется крупное лирическое дарованіе поэта.

Но сильнѣе и глубже — его эпическій талантъ. Можно смѣло

сказать, что въ области эпики Черниховскій не имѣетъ соперниковъ въ еврейской литературѣ. Мы уже видѣли, какимъ богатствомъ красокъ и какой красотой формы отличаются его картины природы и описательныя части его поэмъ. Но его пластика достигаетъ своего апогея въ его обширныхъ *идилліяхъ*. Въ нихъ отсутствуютъ какъ тенденція, такъ и фабула. Цѣль, которую преслѣдуетъ поэтъ въ этихъ идилліяхъ, это — нарисовать широкія картины современнаго еврейскаго быта, вѣрнѣе — одной существенной части этого быта. Не мысли, не идеи, и даже не типы въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, изображаетъ онъ, а жизнь, вѣрнѣе сказать — житье-бытье среднихъ классовъ русскаго еврейства, съ ихъ мелкими радостями, съ ихъ незатѣйливыми празднествами („Simchoth"), съ укладомъ всей ихъ жизни, какъ она сложилась благодаря правильному, но отнюдь не ригорозному исполненію предписаній еврейскаго ритуала, и благодаря тому, что эти еврейскіе классы болѣе всего приходятъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ ихъ кореннымъ населеніемъ и волей-неволей въ извѣстной степени подпадаютъ подъ его вліяніе. Своими идилліями Черниховскій невольно разрушаетъ одинъ вкоренившійся въ еврейскую литературу предразсудокъ. Такъ какъ еврейскіе писатели вербовались до самаго послѣдняго времени преимущественно изъ бывшихъ ешиботниковъ и бесъ-мидрашниковъ и большей частью они были сыновья раввиновъ, рѣзниковъ, меламедовъ и тому подобныхъ духовныхъ лицъ, — въ еврейской литературѣ установилось представленіе, будто жизнь въ духѣ еврейскаго ритуала есть жизнь самоотреченія, жизнь аскетовъ и подвижниковъ. На самомъ же дѣлѣ еврейская религія была воспринята среднимъ классомъ нашихъ мірянъ—купцовъ, лавочниковъ, ремесленниковъ — такъ, что она имъ даетъ возможность имѣть свои земныя радости, особенно по субботамъ и праздничнымъ днямъ, и, отучивъ ихъ отъ обжорства и пьянства, она же способствуетъ тому, чтобы при нормальныхъ условіяхъ эти еврейскіе міряне могли жить прилично, не отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ. Особенно это стремленіе примирить тягостный еврейскій ритуалъ съ потребностями жизни и земными радостями ея замѣчается на югѣ Россіи, а также въ Волыни, Подоліи и Бессарабіи, въ отличіе отъ Литвы, гдѣ, впрочемъ, аскетизмъ обусловливается больше крайней бѣдностью края, нежели религіознымъ ригоризмомъ. Черниховскій, какъ южанинъ (онъ родился и провелъ свое дѣтство въ Крыму, а свои юношескіе годы въ Одессѣ), изображаетъ именно этихъ жизнерадостныхъ евреевъ юга, особенно

тѣхъ ихъ нихъ, которые съ незапамятныхъ временъ проживаютъ въ южно-русскихъ деревняхъ. Спокойную, скромную, подчасъ идиллическую жизнь этихъ евреевъ онъ великолѣпно обрисовалъ особенно въ своей большой идилліи: „Brith millah". Здѣсь мы знакомимся съ этими деревенскими евреями, простыми и нѣсколько огрубѣлыми, но честными и прямодушными, любящими пожить, но далекими отъ пьянства и обжорства, живущими въ мирѣ и согласіи съ сосѣдями, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрными завѣтамъ своихъ предковъ и готовыми исполнять еврейскія религіозныя церемоніи постольку, поскольку это имъ не мѣшаетъ жить по-человѣчески. Мы знакомимся также съ тамошними „klei kodesch", т. е. съ деревенскимъ еврейскимъ духовенствомъ, въ лицѣ тучнаго и добродушнаго раввина, простодушнаго и мечтательнаго рѣзника, хитраго меламеда-литвака и т. п. Мы присутствуемъ при совершеніи почти съ гомеровской простотой и непринужденностью описаннаго обряда обрѣзанія и при сопровождающемъ его торжественномъ обѣдѣ, и видимъ настоящее еврейское веселье, пересыпанное специфически-еврейскими шуточками и словопреніемъ. И все это нарисовано на широкомъ полотнѣ широкими могучими штрихами, которые, однако, нигдѣ не переходятъ въ шаржъ. Быть можетъ, нѣтъ ни одного еврейскаго поэта, у котораго чувство мѣры было бы столь сильно развито, какъ у Черниховскаго. Притомъ во всей его идилліи царствуетъ эпическое спокойствіе, которое трудно превзойти. Пластичность картинъ ея имѣетъ въ себѣ что-то гомеровское, а вся она по художественной красотѣ и художественной правдѣ сильно напоминаетъ „Германна и Доротею" Гете. Кто внимательно читалъ „Brith millah", тотъ признаетъ, что это сравненіе не вызвано чрезмѣрнымъ увлеченіемъ идилліей ново-еврейскаго поэта.

Своеобразна и интересна по современности ея темы другая идиллія Черниховскаго, изложеніемъ которой мы и закончимъ нашу статью. Она озаглавлена „Вареники" (Lewiwoth Mewuschaloth),— что ввело въ заблужденіе нѣкоторыхъ нашихъ критиковъ, серьезно утверждавшихъ, что цѣль этой идилліи—изобразить, какъ изготовляются вареники!.. На самомъ дѣлѣ цѣль ея совершенно иная.

Послѣ великолѣпной картины солнечнаго весенняго утра въ украинскомъ мѣстечкѣ, когда „небеса наверху и земля внизу поражены всѣмъ этимъ блескомъ и изумляются своей собственной красотѣ", — намъ представляется старушка Гитль, вдова покойнаго раввина, сыновья и внуки которой давно уже покинули мѣстечко, а она осталась здѣсь, такъ какъ она не хотѣла жить

въ большомъ городѣ съ дѣтьми, которыя свернули съ „пути истины“ и стали „гоями“. Старушка умыла руки и стала молиться. И вотъ, во время молитвы, ея старая кошка стала ласкаться къ ней и мяукать. Старуха понимаетъ, что кошка голодна, и по окончаніи молитвы она ей подноситъ молоко въ обломкѣ глинянаго горшка. И при видѣ кошки, съ жадностью лакающей молоко, старушкѣ вдругъ захотѣлось полакомиться варениками съ сыромъ. Она сходитъ въ погребъ за сметаной и сыромъ, и вдругъ ея вниманіе привлекаетъ лай собаки. Она выходитъ и встрѣчается со знакомой старушкой, съ крестьянкой Домахой. Между обѣими старушками завязывается разговоръ, который слѣдуетъ считать мастерскимъ какъ по формѣ, такъ и по языку. Крестьянка жалуется, что нѣтъ больше истинно набожныхъ людей среди христіанъ, что церковь пустуетъ, что „колокола звонятъ уныло, какъ будто они оплакиваютъ запустѣніе святыни“. И евреи теперь не лучше,—прибавляетъ она, — они тоже стали безбожниками, продаютъ въ субботу, кушаютъ трефное и смѣются надъ адомъ. Гитль задумывается: А ея дѣти что? Развѣ они лучше? А ея внучка, ея любимая внучка Рейзеле?

И по мѣрѣ того, какъ старушка мѣситъ тѣсто для вареников, въ ея умѣ проходятъ вереницей всѣ перипетіи ея долголѣтней жизни—ея дѣтство, ея молодость, ея дѣти... И мысль ея останавливается на Рейзеле.

Душа ребенка это — то же тѣсто. Ее мѣситъ среда, въ которую онъ попадаетъ. Родители, учителя, товарищи формируютъ ее. То же произошло и съ Рейзеле. Пятилѣтней крошкой она была отнята у бабушки, такъ какъ ея родители переѣхали изъ мѣстечка въ большой городъ. И когда она, 5 лѣтъ спустя, вернулась въ мѣстечко, бабушка ея почти не узнала. Чѣмъ-то чужимъ повѣяло отъ нея на старушку. А черезъ два года Рейзеле уже вернулась гимназисткой. Ея дѣтская душа уже подверглась воздѣйствію гимназическаго режима: она вела себя степенно, дѣлала книксены вполнѣ comme il faut и, кромѣ того, зачитывалась Пушкинымъ, полученнымъ ею въ награду „за прилежаніе и благонравіе“. Бабушка благоговѣла передъ этой книгой въ изящномъ переплетѣ и съ золотымъ тисненіемъ, которой внучка отдавала предпочтеніе передъ всѣми другими книгами; и старушка даже отважилась поставить этотъ „трейфъ-посулъ“ въ тотъ же шкафъ, гдѣ стояли священныя „Zeenah Ureenah“ и „Thechinoth“ Сары басъ-Товимъ. Дѣвочка ей все еще душевно близка, хотя старушка ужъ многаго не понимаетъ изъ радостей и интересовъ

внучки. Непосредственность дѣтской души сближаетъ ихъ, а веселье Рейзеле оживляюще дѣйствуетъ на старую Гитль.

Но проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, и Рейзеле возвращается къ бабушкѣ барышней. Веселье ея исчезло, а непосредственности не можетъ быть мѣста, такъ какъ старушка не способна понимать ни ея новыхъ мыслей, ни ея новыхъ интересовъ. Рейзеле читаетъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ какіе-то странные листки и книжки, которые она прячетъ отъ всѣхъ. И когда бабушка, желая доставить ей удовольствіе, достаетъ тисненнаго золотомъ Пушкина изъ шкафа и подаетъ ей, — она съ неудовольствіемъ отстраняетъ его, такъ что бабушкѣ даже обидно за такое отношеніе къ нѣкогда столь почитаемой книгѣ. Рейзеле уже читаетъ совсѣмъ-совсѣмъ другія книги и со старушкой-бабушкой она уже въ сущности ничего общаго не имѣетъ, хотя и любитъ ее по старой памяти. Она уѣзжаетъ въ Петербургъ на курсы и Гитль получаетъ отъ нея, хотя и довольно рѣдко, короткія письма, которыя являются единственнымъ утѣшеніемъ старушки: у нея больше нѣтъ на свѣтѣ ничего.

Вотъ мысли, въ которыя углубилась Гитль въ то время, какъ она мало-по-малу размѣсила тѣсто, круглымъ отверстіемъ стакана нарѣзала равномѣрные плоско-круглые вареники, начинила ихъ сыромъ, приготовила кипятокъ и бросила туда эти вареники. Вдругъ снова раздался лай собаки. Почтальонъ принесъ письмо. Она узнала на конвертѣ почеркъ Рейзеле. Сердце старушки забилось отъ радости, и дрожащими руками она распечатала письмо. Но тотчасъ же лицо ея покрылось мертвенной блѣдностью и она ухватилась за столъ, чтобы не упасть... Всего десять строкъ заключало въ себѣ письмо, но эти немногія строки говорили старушкѣ о стряслемся надъ ея головою огромномъ страшномъ, подавляющемъ, неожиданномъ, непонятномъ несчастьи. Рейзеле сидитъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда... Уму старушки непостижимо, что тутъ могло произойти, какимъ образомъ ея внучка оказалась въ тюрьмѣ. Она прекрасно понимаетъ, что ея внучка не совершила ни кражи, ни подлога. Но въ такомъ случаѣ, что же это такое, это „политическое“ преступленіе, въ которомъ замѣшаны молодыя, слабыя, кроткія дѣвушки?.. Изъ груди ошеломленной и растерянной старушки вырывается только нѣсколько отрывистыхъ, безсвязныхъ словъ: „Дѣвушка... въ тюрьмѣ... О Рейзеле, дочь моя Рейзеле!“.. И поэтъ рисуетъ намъ настроеніе злосчастной старухи слѣдующими словами:

„Старушка чувствовала, что страшное, грозное, подавляющее

нѣчто приближается, подходитъ къ ней и хочетъ ее раздавить, а у нея нѣтъ силы, нѣтъ мочи спастись отъ него. И мысли испаряются изъ ея головы, незаконченныя и неясныя. Глаза ея устремлены впередъ, но она не видитъ ничего"...

А между тѣмъ все окружающее осталось неизмѣннымъ:

„Теплое весеннее солнце поднялось и залило свѣтомъ поле, и лѣсъ, и садъ, и одинъ лучъ его прокрался и сталъ блуждать на лицѣ старушки. А она все сидитъ, смотритъ на горшокъ и слышитъ, какъ вода въ немъ кипитъ, шипитъ и клокочетъ, поднимая паръ и образуя накипь, а изъ-за появляющихся пузырьковъ виднѣются вареники".

Полное недоумѣніе стараго поколѣнія, проявляющееся по отношенію къ интересамъ и поступкамъ новаго, нашло тутъ яркое и рельефное изображеніе, въ которомъ, однако, нѣтъ ни слѣда тенденціозности, рефлексій или морализированія. Черниховскій и здѣсь, какъ во всѣхъ своихъ идилліяхъ и въ огромномъ большинствѣ остальныхъ его стихотвореній, художникъ, и *только* художникъ.

Саулъ Черниховскій—одинъ изъ самыхъ крупныхъ талантовъ современнаго еврейства, талантъ, который пока еще мало признанъ и мало понятъ. И это естественно. Съ одной стороны, ему приходится выдержать сопоставленіе съ такимъ большимъ поэтическимъ дарованіемъ, какъ Х. Н. Бяликъ, съ которымъ всякое сравненіе невыгодно. Въ Черниховскомъ нѣтъ ни *чисто-пророческой вдохновенности* Бялика ни великаго, чисто-шиллеровскаго *паѳоса* его, который такъ доступенъ сердцу воспитанника Библіи. Если позволительно сравнить великое съ менѣе великимъ, мы бы сказали, что Бяликъ и Черниховскій это—Шиллеръ и Гете новоеврейской литературы, и большой массѣ читателей Шиллеръ всегда останется ближе, чѣмъ Гете.—А съ другой стороны, Черниховскій слишкомъ отрицательно относится къ нашей *старой* письменности, чтобы читатели нашей *новой* письменности, основанной на этой старой и являющейся ея продолженіемъ, могли примириться съ нимъ. И при томъ Черниховскій слишкомъ большой пластикъ и, въ сравненіи съ этимъ, слишкомъ мало лирикъ, чтобъ прійтись по вкусу еврейской публикѣ. Онъ слишкомъ язычникъ-эллинъ, чтобъ прійтись по вкусу истымъ іудеямъ. Къ тому же, языкъ, ломающій всѣ преграды *древне*-еврейскаго и подчасъ становящійся поистинѣ варварскимъ, отталкиваетъ отъ него большую часть еврейскихъ читателей. Все это вмѣстѣ взятое сдѣлало

его любимцемъ лишь сравнительно небольшой части еврейской молодежи, — только той молодежи, которая жаждетъ освобожденія отъ оковъ еврейской условности и ждетъ съ нетерпѣніемъ переоцѣнки еврейскихъ цѣнностей. Надо имѣть въ виду и то, что, въ противоположность всѣмъ другимъ еврейскимъ поэтамъ, большинство стихотвореній Черниховскаго посвящено общечеловѣческимъ мотивамъ и настроеніямъ, между тѣмъ какъ чисто-еврейскимъ темамъ поэтъ посвятилъ лишь меньшую часть ихъ. Все это несомнѣнно послужило тому, что еврейская читающая публика, равно какъ и еврейская критика, не отказывая ему въ крупномъ поэтическомъ дарованіи, упорно отказывается признать его національно-еврейскимъ поэтомъ, каковымъ она признаетъ одного лишь Бялика.

Но нѣтъ сомнѣнія, пройдутъ годы, и народится молодое поколѣніе, которое совершенно освободится отъ образа жизни и мыслей стараго гетто. Оно будетъ ближе къ природѣ, ближе къ земной жизни. Оно будетъ преклоняться передъ красотой во всѣхъ ея проявленіяхъ и передъ силой, основанной на правѣ и одинаково далекой какъ отъ насилія, такъ и отъ безсилія. Оно возьметъ отъ стараго еврейства все то, что есть въ немъ живого и живительнаго, отвергнувъ все безвкусное, дряблое и безкровное. И отъ Европы оно возьметъ все красивое, сильное и чисто-человѣческое, что Европа успѣла присовокупить къ слившемуся воедино наслѣдію двухъ народовъ-геніевъ—эллинскаго и іудейскаго. И тогда Черниховскій будетъ одной изъ тѣхъ яркихъ звѣздъ на еврейскомъ небѣ, которыя озарятъ путь еврейскаго народа къ красотѣ, свободѣ и силѣ. И въ національномъ пантеонѣ еврейской поэзіи поэтъ-общечеловѣкъ Саулъ Черниховскій займетъ тогда мѣсто рядомъ съ обожаемымъ имъ поэтомъ—Х. Н. Бяликомъ.

І. Клаузнеръ.

Проблема страданія у древнихъ евреевъ и ея національно-политическое значеніе.

(ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ).

Проблема страданія занимаетъ у древнихъ евреевъ центральный пунктъ всего ихъ міросозерцанія, образуетъ тотъ нервъ, который обусловилъ собою ростъ этого міросозерцанія, его развитіе и усложненіе, который сдѣлалъ изъ наивныхъ, безсвязныхъ, ходячихъ воззрѣній обыденной жизни величественную концепцію міропониманія и жизневоззрѣнія. Въ мукахъ страданія родилось древне-еврейское пророчество, страданіе его вскормило и выростило, но оно поднялось выше страданія и низвело его до степени преходящаго момента. Испивъ чашу страданія до дна, оно побѣдило его и, въ лицѣ вавилонскаго Исаіи, еврейское пророчество пришло къ *отрицанію* самаго факта страданія. Только анализъ этой проблемы дастъ намъ возможность поэтому понимать, какъ характеръ и значеніе еврейскаго пророчества, мотивы его появленія, такъ и его эволюцію, начиная съ Амоса, перваго пророка, произведенія котораго дошли до насъ, и кончая вавилонскимъ Исаіею. У пророковъ проблема страданія имѣетъ исключительно одно только національно-политическое значеніе; они еще не касаются проблемы страданія отдѣльной личности, какъ вообще проблема личности является только въ поздній періодъ и предполагаетъ развитую общественную жизнь, при которой жизнь личности до того дифференцирована отъ жизни своей коллективной единицы, что она выдвигаетъ самостоятельныя проблемы.

Такъ въ греческой философіи проблема личности выдвигается только въ послѣднемъ, эллинско-римскомъ періодѣ, такъ и у евреевъ только послѣ пророковъ слѣдуютъ Іовъ, Экклезіастъ, псалмисты и Іисусъ.

Въ этомъ очеркѣ мы коснемся пророчества Амоса и тѣхъ проблемъ, которыя оно выдвинуло.

I.

Это означало полный переворотъ во всемъ образѣ мышленія древнихъ израильтянъ, когда іудейскій пастухъ изъ Ѳекои, Амосъ, явился въ резиденцію израильскаго царя, Іеробеама II (781—740), въ Виѳэлъ и сталъ пророчествовать, что „день Іеговы", на наступленіе котораго израильтяне возлагаютъ такія свѣтлыя надежды, окажется для израильтянъ „не днемъ радости, а днемъ печали и страданія". Въ этотъ день, „святый во Израилѣ", Іегова, богъ ревнивый и мстительный, поразитъ своею местью не враговъ своего народа Израиля, а самихъ израильтянъ. „Горе тѣмъ,—говоритъ Амосъ, — которые жаждутъ дня Іеговы; зачѣмъ вамъ день Іеговы, вѣдь это день тьмы, а не свѣта. Какъ человѣкъ, который бѣжитъ отъ льва и встрѣчаетъ на пути медвѣдя, и достигнувъ наконецъ дома своего и опираясь рукою о стѣну, онъ оказывается укушеннымъ змѣею" [1]). Вѣдь теменъ день Іеговы и не предвѣщаетъ онъ ничего свѣтлаго, сумраченъ онъ и лишенъ онъ сіянія (Ам. 5, 18—20).

Этими словами Амоса открывается новый фазисъ пророчества, чреватый великими послѣдствіями, и эти слова пошатнули всѣ господствовавшія прежде воззрѣнія израильтянъ на Іегову, на его отношенія къ Израилю и на причины преуспѣянія народовъ и ихъ страданій. Подъ вліяніемъ этихъ словъ, Іегова начинаетъ постепенно освобождаться отъ узкихъ племенныхъ и національныхъ рамокъ, въ которыхъ онъ былъ до сихъ поръ поставленъ, сбрасывать съ себя мантію тѣлесности и чувственныхъ формъ, въ которую его окутали; онъ начинаетъ переходить территоріальныя границы, которыя были ему указаны; изъ пустыни Синая, изъ пещеры Хорева, гдѣ онъ до сихъ поръ обиталъ, онъ начинаетъ выступать на арену всемірной исторіи, вершая судьбы народовъ и государствъ.

Эти слова Амоса выдвинули также передъ израильтянами вопросъ о взаимоотношеніи между Іеговою и Израилемъ. Въ наивномъ сознаніи древнихъ израильтянъ, богъ Іегова и народъ израильскій были до того недифференцированы между собою, что вопросъ о взаимоотношеніяхъ между ними не могъ даже и возникнуть.

[1]) Амосъ—пастухъ, и потому всѣ его примѣры взяты изъ животнаго міра.

Іегова и Израиль образовали одно неразрывное цѣлое. Іегова воевалъ за Израиля [1]), израильскій народъ считался войскомъ Іеговы [2]), побѣды Израиля записывались въ *Книгу войнъ Іеговы* (Числа 21, 14), враги Израиля считались врагами Іеговы и, какъ таковые, должны были быть ему посвящены, т. е. истреблены [3]). Теперь же, когда по словамъ Амоса Іегова обратитъ свой гнѣвъ противъ своего народа Израиля, когда оказалось, что народъ израильскій и Іегова не покрываютъ другъ друга, неотступно возникъ вопросъ, чѣмъ же обусловливаются взаимоотношенія между Іеговою и Израилемъ.

И это измѣнило прежнее воззрѣніе израильтянъ на судьбу народовъ. Если до сихъ поръ израильтяне были увѣрены, что судьба каждой народности опредѣляется сравнительнымъ могуществомъ ея бога, если въ борьбѣ народностей они видѣли борьбу различныхъ боговъ, если побѣды свои они приписывали Іеговѣ, а неудачи свои — могуществу боговъ вражескихъ народовъ, то теперь со словъ Амоса оказалось, что есть какія-то другія причины, опредѣляющія судьбы народовъ, что неудачи ихъ такъ-же объясняются волею Іеговы, какъ и ихъ побѣды; изъ арены случайной и безпорядочной борьбы различныхъ боговъ, исторія превратилась такимъ образомъ передъ глазами израильтянъ въ стройную систему событій, управляемыхъ единою волею Іеговы.

Какова же Его воля, и чѣмъ опредѣляется судьба народностей? Что любитъ Онъ, въ чемъ проявить свою любовь къ Нему, какъ чувствовать свое родство, свою общность съ Нимъ? И былъ отвѣтъ: „Пусть льется, пѣнясь, правосудіе какъ вода, а справедливость — подобно быстрому ручью“ (Амосъ 5—24). Но Амосъ не только выставляетъ положительный идеалъ, въ которомъ онъ хотѣлъ бы видѣть союзъ Іеговы съ Израилемъ, онъ высказывается также самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ укоренившагося у израильтянъ культа Іеговы. „Ненавижу и презираю я, — говоритъ Амосъ отъ имени Іеговы, — ваши праздники и не участвую я въ вашихъ праздничныхъ сборищахъ. Ваши жертвоприношенія не доста-

---

[1]) Исходъ 14, 25 Ios 10, 15. Судьи 5, 24.

[2]) Исходъ 7, 4. Zebaoth Jahweh.

[3]) Ср. многочисленныя мѣста въ книгѣ Іисуса Навина. Мы не думаемъ, чтобы эти поголовныя истребленія *кананеянъ* дѣйствительно происходили, какъ описано въ этой книгѣ. Наоборотъ израильтяне вскорѣ заимствовали ихъ высшую культуру, ихъ языкъ и почти ассимилировались съ ними. Мы указываемъ только на эти мѣста какъ на характерныя, гдѣ кананеяне, враги израильтянъ, истребляются въ честь Іеговы Саваоѳа.

вляютъ мнѣ удовольствія, и на жиръ вашихъ тучныхъ коровъ я вниманія не обращаю. Удали отъ меня шумъ твоихъ пѣсенъ, и не хочу я слышать звуки арфъ твоихъ" (5—21—23).

Израильтяне не поняли сначала всего того новаго, которое заключалось въ этомъ пророчествѣ. Они предполагали въ Амосѣ обыкновеннаго *наби* Іеговы, который усердствуетъ противъ распространенности въ израильскомъ государствѣ культа боговъ. Священникъ Іеговы, Амасія, совѣтуетъ ему поэтому убраться обратно въ Іудею; здѣсь же въ Израилѣ религіозный синкретизмъ необходимъ въ виду политическихъ условій, размѣровъ этого государства, его отношенія къ другимъ дружественнымъ государствамъ. И сказалъ Амасія Амосу: — „Провидецъ, иди и удались въ землю іудейскую и ѣшь тамъ свой хлѣбъ и тамъ пророчествуй. А въ Виѳилѣ не пророчествуй больше, потому что здѣсь святилище царя, дворецъ царскій". И отвѣтилъ Амосъ, и сказалъ Амасію: — „Не наби я и къ сообществу набиимъ я не принадлежу, а пастухъ я и воздѣлываю сикиморы. И взялъ меня Іегова отъ овецъ, и сказалъ мнѣ, иди пророчествуй къ народу моему Израилю" (Амосъ 7, 12—15).

Дѣйствительно, Амосъ имѣлъ полное право требовать, чтобы его не смѣшивали съ прежними „набиимъ" Іеговы; въ то время, когда первые боролись только противъ культа чужихъ боговъ и удовлетворялись, когда жертвоприношенія приносились не Ваалу, а Іеговѣ [1]), Амосъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ дальнѣйшіе пророки Іеговы, борются главнымъ образомъ противъ культа Іеговы, выражающагося въ жертвоприношеніяхъ и выставляютъ другой идеалъ, связующій Іегову съ Израилемъ. Чтобы понять однако все значеніе положительнаго идеала, который выставилъ Амосъ и причины его отрицательнаго отношенія къ прежнему культу Іеговы, мы должны познакомиться съ конкретными условіями исторической жизни, при которыхъ Амосъ выступилъ со своимъ новымъ пророчествомъ.

II.

Пророчество Амоса [2]) относится ко времени царствованія самаго могущественнаго израильскаго царя Іеробеама II, который

---

[1]) Ср. дѣятельность Ильи Ѳесвитянина и его ученика Елисея.

[2]) Ср. Wellhausen. Gesch. d. Volkes Israel „Israelitische und Jüdische Geschichte; того же Prolegomena Kultur. Gesch. d. Hebräer.

расширилъ границы государства отъ окрестностей Хамоса, до „рѣки степи“, который держалъ въ вассальномъ подчиненіи іудейское царство, и, если вѣрить нѣкоторымъ источникамъ, завладѣлъ даже столицею Сиріи, Дамаскомъ (2 Ц. 14, 28). Этотъ Іеробеамъ былъ изъ династіи Нимсидовъ, которая завладѣла престоломъ путемъ заговора, устроеннаго при содѣйствіи или, вѣрнѣе, подъ руководствомъ „набиимъ“, пророковъ Іеговы. При прежней династіи Омри, культу Іеговы угрожала полная опасность быть совершенно вытѣсненнымъ изъ Израиля. Второй царь изъ той династіи, Ахавъ, вступилъ въ союзъ съ сосѣдними государствами, женился на дочери тирскаго царя и подъ вліяніемъ жены построилъ пышный храмъ Ваалу въ Самаріи; жена его намѣревалась совсѣмъ уничтожить культъ Іеговы и съ этою цѣлью она открыла гоненіе на пророковъ Іеговы. Это было тѣмъ болѣе опасно, что Ахавъ сдружился тогда съ іудейскимъ царемъ Іосафатомъ и пророкамъ Іеговы совсѣмъ негдѣ было укрыться отъ преслѣдованій Изевелли, жены Ахава. Началась рѣшительная борьба между культомъ Іеговы и культомъ Ваала. Сначала выступаетъ Илья Ѳесвитянинъ, про котораго легенда разсказываетъ, что онъ жилъ въ пещерѣ Хорева и бесѣдовалъ съ самимъ Іеговой. Онъ старается чудесами доказывать Ахаву и всему народу преимущество Іеговы предъ Вааломъ. Неизвѣстно, насколько это вліяло на Ахава, но жена его осталась непреклонною и рѣшила убить даже самого Илью, главу всѣхъ пророковъ Іеговы. Тогда ученикъ Ильи. Елисѣй, обратился къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ. Онъ вступилъ въ заговоръ съ военною партіею и, подъ условіемъ избіенія всѣхъ пророковъ Ваала, онъ „помазалъ“ главнаго военачальника Іегу царемъ въ Израилѣ. Культъ Іеговы былъ такимъ образомъ опять возстановленъ въ Израилѣ.

Правда, ему не удалось достигнуть исключительнаго господства, о чемъ мечталъ Илья Ѳесвитянинъ и на что надѣялся Елисей, и рядомъ съ культомъ Іеговы были распространены и чужеземные культы, что обусловливалось политическимъ положеніемъ израильскаго государства, его отношеніемъ къ другимъ дружественнымъ государствамъ.

Самъ Іегу, который при вступленіи на престолъ истребилъ, согласно договору, всѣхъ служителей Ваала, долженъ былъ въ концѣ своего царствованія допустить опять этотъ культъ, который нашелъ еще большее распространеніе при его преемникахъ, когда израильское государство, въ особенности при послѣднихъ царяхъ Іоасѣ и Іеробеамѣ III, расширилось насчетъ покоренныхъ обла-

стей, когда власть Дамаска была сломлена и большая часть Сиріи была присоединена къ израильскому государству. Пророкамъ Іеговы стало, наконецъ, ясно, что насильственными мѣрами имъ не удастся вытѣснить чужеземные культы, что только внутреннимъ достоинствомъ своимъ культъ Іеговы можетъ достигнуть преобладанія надъ всѣми остальными культами. И пророки Іеговы начинаютъ отказываться отъ грубыхъ экстатическихъ и чувственныхъ формъ культа, заявляютъ всѣ въ одинъ голосъ отъ имени Іеговы, что „жиръ барановъ Ему опостылъ, и мясо коровъ Ему опротивѣло", перестаютъ прибѣгать къ чудесному въ своихъ увѣщеваніяхъ и стараются вліять только силою своего внутренняго убѣжденія. Безпощадности ихъ отрицанія, силѣ и страстности ихъ рѣчи, съ которою они боролись противъ прежнихъ формъ культа, соотвѣтствовалъ ихъ глубокій, горячій энтузіазмъ къ тому новому, которое они хотѣли внести въ культъ Іеговы. Это новое —идеалъ справедливости, какъ онъ имъ рисовался на почвѣ царившаго тогда соціальнаго гнета и обездоленности широкихъ массъ народа.

Образованіе прочной государственной и военной организаціи во Израилѣ вызвало глубокую соціальную дифференціацію въ еврейскомъ народѣ. Появленіе сравнительно сложной административной системы, вѣчныя войны, которыя приходилось вести этому государству съ сирійцами, его дружественныя сношенія съ финикійскими государствами—все это привело къ образованію цѣлаго класса чиновниковъ, священниковъ, вызвало необходимость въ содержаніи многочисленной арміи; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было появленіе городской жизни (однѣхъ царскихъ резиденцій было пять) и глубокое измѣненіе въ прежнихъ соціальныхъ и поземельныхъ отношеніяхъ древнихъ израильтянъ. Это заставило израильтянъ переходить къ высшимъ формамъ культуры, заимствованнымъ у туземцевъ, кананитянъ, къ болѣе интенсивнымъ формамъ труда, чтобы увеличенною производительностью труда покрыть все возрастающія нужды государства и высшихъ классовъ.

Переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ труда сопровождается двумя послѣдствіями; съ одной стороны онъ приводитъ къ увеличенію производительности труда и, слѣдовательно, увеличиваетъ доходность тѣхъ общественныхъ классовъ, которые юридически пользуются результатами труда, но съ другой стороны, благодаря его интенсивности и спеціализаціи, переходъ этотъ увеличиваетъ зависимость тѣхъ классовъ, которымъ приходится фактически выполнять этотъ трудъ.

Однако покуда національная жизнь проходитъ изолированно, покуда потребленіе высшихъ классовъ ограничивается продуктами мѣстнаго производства, результаты наступившей соціальной дифференцировки не даютъ себя сильно чувствовать и не проявляются такъ рѣзко. Благодаря неразвитости и ограниченности потребленія, у высшихъ классовъ отсутствуетъ всякое побужденіе къ излишней эксплоатаціи находящихся въ ихъ зависимости общественныхъ классовъ, и господствующія патріархальныя отношенія, освященныя традиціею и обычаемъ, контролируемыя и охраняемыя господствующими правами, сглаживаютъ соціальныя противорѣчія. Но дѣло мѣняется, когда національная жизнь выходитъ изъ своего изолированнаго положенія и начинаютъ завязываться сношенія съ окружающими болѣе развитыми государствами. Господствующіе классы начинаютъ потреблять продукты высшей, чужеземной культуры и у нихъ все больше и больше возрастаетъ стремленіе использовать свое соціальное господство, для того, чтобы быть въ состояніи покупать привозимые извнѣ продукты.

Еще въ началѣ IX-го вѣка при династіи Омри израильское государство до того расширилось и окрѣпло, что оно начало вступать въ непрерывныя войны съ сирійцами и завязывать дружественныя сношенія съ финикійскими государствами. Это измѣнившееся положеніе израильскаго государства не только увеличило бремя государственныхъ налоговъ, оно привело также къ образованію постоянныхъ коммерческихъ сношеній съ этими государствами. Такъ, уже второй царь изъ этой династіи, Ахавъ, выговариваетъ себѣ право, послѣ своей побѣды надъ сирійцами, владѣть рынками въ столицѣ Сиріи, въ Дамаскѣ (1 Ц. 20, 34), а въ Сидонъ, въ дружественное израильтянамъ государство, израильтяне стали вывозить продукты земледѣлія, животноводства и лѣсоводства (Ез. 27, 17, 6). На альпахъ Башана образуется крупное молочное хозяйство (Ез. 39, 18, Псалмы 22, 13), а въ прекрасной и благодатной равнинѣ Изреель, окаймленной отрогами Хермона и величественнымъ Кармелемъ — намѣчаются тенденціи къ образованію латифундій.

И результаты этой перемѣны не замедлили сказаться: всюду явилось стремленіе къ отчужденію законнымъ или незаконнымъ образомъ земель у мелкихъ собственниковъ, къ образованію крупныхъ помѣстій и къ непомѣрной эксплоатаціи трудящихся классовъ, къ обращенію въ рабство задолжавшихся крестьянъ. Развившаяся тогда роскошь у высшихъ классовъ, по описаніямъ современниковъ-пророковъ, была не слѣдствіемъ внутренняго раз-

витія народнаго богатства, роста всеобщаго благосостоянія, а слѣдствіемъ обмѣна насильственнымъ образомъ присвоенныхъ продуктовъ народнаго труда на чужеземныя произведенія. Роскошь эта привела поэтому къ обездоленности широкихъ народныхъ массъ, и, будучи продуктомъ чужой культуры, вызвала извращенность нравовъ высшихъ классовъ. Мебель и даже дома изготовлялись изъ слоновой кости, а вино привозилось изъ Дамаска. Дорогіе чужеземные товары становятся необходимою принадлежностью женскаго туалета. Знатныя женщины носили тогда, какъ мы видимъ изъ Исаіи, браслеты на рукахъ и ногахъ, кольца на пальцахъ и въ носу, обвѣшивали себя ожерельями, натирали себя благовонными маслами, носили длинныя мантіи, покрывала, различныя дорогія кружева и украшали свою голову тюрбанами, повязками, сѣтками и разными драгоцѣнностями (Исаія 16—23). Все это мы замѣчаемъ уже въ царствованіе Ахава, который построилъ великолѣпный храмъ Ваалу и царскій дворецъ изъ слоновой кости. И онъ же выступаетъ первымъ въ образованіи латифундіи въ знаменитой исторіи съ виноградниками Новара и присваиваетъ себѣ, путемъ давленія на судей, имущество своего сосѣда [1]).

Развившаяся торговля и ввозъ иностранныхъ товаровъ вызвали конкурренцію съ мѣстными производителями. Эта конкурренція разрушила благосостояніе израильскаго крестьянина [2]).

Кодифицированное приблизительно къ этому времени іудейскимъ царемъ Іосафатомъ, гуманное законодательство [3]), регулирующее отношеніе между хозяевами и рабами, охраняющее права личности и собственности, не примѣняется въ Израилѣ, или, вѣрнѣе, не соблюдается судьями, и пропасть между господствующими классами и народомъ все больше и больше увеличивается.

И вотъ, противъ этой царящей соціальной несправедливости, выступаетъ Амосъ со своимъ страстнымъ пророчествомъ. Ничто не ускользаетъ отъ его проницательнаго взора. Бѣдствіе и угнетенность низшихъ классовъ, развращенность и бездарность высшихъ, подкупъ и взяточничество судей, гнетъ и произволъ, ца-

---

[1]) Ц. 19.

[2]) То же самое мы видимъ въ Аѳинахъ при Солонѣ, когда, благодаря развившемуся судоходству, богатый Коринѳъ сталъ конкуррировать съ крестьянами Аѳинъ.

[3]) Это такъ называемая „Книга союза“ (Исход. 21—23, 13), которую теперь всѣ изслѣдователи считаютъ законодательствомъ Іосафата.

ривший всюду, все это онъ рисуетъ съ рѣдкимъ мастерствомъ въ сжатыхъ, но яркихъ картинахъ. Онъ не даетъ себя обманывать блескомъ и великолѣпіемъ этого царства; его взоръ ясновидца проникаетъ глубже, и онъ чувствуетъ всюду гниль и разложеніе; онъ видитъ безпечность и близорукость правителей и крайнюю истощенность народныхъ силъ, и не сомнѣвается онъ въ неизбѣжной гибели этого царства. Онъ не предается также обманчивымъ иллюзіямъ насчетъ внѣшней силы этого государства. Для него не тайна, что Самарія окрѣпла только благодаря слабости Сиріи, что не Израиль покорилъ Сирію, а Ассирія; и онъ предвидитъ, что и Самарію скоро постигнетъ та же участь. „Горе тѣмъ,— говоритъ Амосъ,—которые безпричинно радуются, говоря, не создали ли мы себѣ рога (признакъ могущества) нашею силою? И потому, — говоритъ Іегова, — Я скоро подыму противъ тебя народъ и будетъ онъ тебя притѣснять отъ окрестностей Хамоса до рѣки степи“ (т. е. съ обѣихъ границъ тогдашняго израильскаго государства) (6, 13, 14), „О, безпечные въ Сіонѣ и самоувѣренные въ Самаріи... Вы считаете далекимъ день несчастья и приближаете (своими поступками) господство насилія и произвола... За то, что вы разоряете бѣдныхъ и подати зерномъ берете отъ нихъ—вы строите сейчасъ дома мраморные и не будете жить въ нихъ, вы разводите виноградники и не будете пить ихъ вина. Потому что я знаю, безчисленны ваши грѣхи и ужасны ваши преступленія, вы, преслѣдующіе невиннаго, подкупные судьи, нарушающіе права бѣдныхъ. Поэтому безнадежно замолчитъ тотъ, кто въ состояніи всматриваться въ то время, *ибо злое время будетъ оно*“ (5, 7, 10—13). Идеалъ справедливости Амоса требуетъ наказанія израильтянъ за ихъ преступныя дѣянія. И въ этой необходимости наказанія онъ видитъ причину надвигающихся событій, угрожающихъ всему существованію Израиля.

Не можетъ быть, разсуждаетъ Амосъ, чтобы справедливый Іегова могъ все это переносить, чтобы Онъ не былъ возмущенъ царящею несправедливостью въ Израилѣ. Во имя справедливости долженъ Онъ его наказывать, *даже если при этомъ погибнетъ Его народъ Израиль.*

Израильтяне не вѣрили однако пророчеству Амоса, они не могли вѣрить, что Іегова направитъ свою месть противъ Израиля. Они могли еще допустить безсиліе Іеговы, большее могущество боговъ другихъ народовъ [1]), но имъ казалась невѣроятною одна

[1]) Ср. Іеремія 44. Черезъ два столѣтія послѣ пророчества

эта мысль, чтобы Богъ могъ уничтожить свой собственный народъ. Іегова и Израиль были слиты въ ихъ понятіи; Іегова принадлежалъ ему и не могъ служить ничему другому, кромѣ его благополучія. Они утверждали, что Іегова *любитъ* Израиля, какъ всякій богъ любитъ свой народъ, и потому Онъ не можетъ его уничтожить. Да и не только израильтяне, сами пророки Іеговы, такъ называемые „ложные", не могли мириться съ новымъ воззрѣніемъ Амоса. И поэтому они, вѣруя въ превосходство могущества Іеговы надъ всѣми другими богами, предвѣщали всегда успѣхи и побѣду Израилю, народу Іеговы.

Амосъ не остался, однако, безъ послѣдователей; объ этомъ заботились, во-первыхъ, сами событія, которыя слѣдовали одно за другимъ съ поразительною быстротою за пророчествомъ Амоса; это было обусловлено также тѣмъ новымъ, которое далъ Амосъ своимъ пророчествомъ. Оно одно давало посильный отвѣтъ на волновавшій тогда всѣхъ вопросъ о причинахъ страданія народа Іеговы; оно освѣтило весь горизонтъ тогдашней еврейской жизни, раскрыло внутреннія народныя язвы, дало указанія, какъ предотвратить собственными усиліями неизбѣжную гибель. И все лучшее въ еврействѣ ухватилось за это пророчество. Подъ вліяніемъ послѣдователей Амоса мѣняется у израильтянъ и іудеевъ мало по малу представленіе о Іеговѣ. Іегова, служившій до сихъ поръ благополучію отдѣльнаго народа, на ряду съ которымъ уживались боги другихъ народовъ, начинаетъ служить общей идеѣ справедливости по отношенію ко всѣмъ народностямъ и дѣлаетъ невозможнымъ сосуществованіе остальныхъ боговъ. И центральною идеею всѣхъ слѣдовавшихъ за Амосомъ пророковъ является *нравственный монотеизмъ*.

Іегова всемогущъ и нѣтъ ему бога равнаго, но и справедливъ. И Онъ можетъ уничтожить свой собственный народъ, если этого требуетъ идеалъ справедливости, если этотъ народъ самъ несправедливъ. Страданія израильтянъ неизбѣжны; они являются актомъ возмездія Іеговы; не безсиліе Іеговы сказывается въ этихъ страданіяхъ, а наоборотъ, въ нихъ проявляются Его могущество, святость и справедливость. Этимъ новымъ воззрѣніемъ на Іегову и на Его отношеніе къ своему народу пророки сохранили всемірное

Амоса, по уничтоженіи обоихъ государствъ, евреи возражаютъ Іереміи, что ихъ несчастья происходятъ отъ слабости Іеговы; что если-бъ они пользовались покровительствомъ боговъ Египта, то ихъ не постигла бы подобная участь. Доказательствомъ служитъ для нихъ благоденствіе народовъ Египта.

значеніе Іеговы даже по исчезновеніи израильскаго и іудейскаго государства. Изъ-подъ развалинъ этихъ двухъ государствъ Онъ вышелъ обновленнымъ и окрѣпшимъ, и расширилъ свое вліяніе на всю землю, и сдѣлалъ ее подножіемъ для себя и возвысился до небесъ и превратилъ ихъ въ свой тронъ (Іес. 66, 1).

III.

Но и „истинные" пророки Іеговы не могли отрицать, что Іегова *любитъ* свой народъ Израиль, и мы подходимъ здѣсь къ кульминаціонному пункту еврейскаго пророчества. Допуская *любовь* Іеговы къ Израилю, для нихъ опять возникла дилема: какъ можетъ всемогущій Іегова допустить *гибель* своего *любимаго* народа? Не могли они же, какъ „ложные" пророки, обманываться призрачною дѣйствительностью; вѣдь чувствовали они, что гибель этихъ государствъ неизбѣжна, что дѣйствительность не даетъ никакой надежды на спасенье, что не удержаться этому маленькому народу между двумя колоссами (Ассиріею и Египтомъ), которые надвигаются на него и которые его въ концѣ концовъ поглотятъ, какъ поглотили они всѣ другія мелкія народности, что не устоять евреямъ противъ эволюціи всемірной исторіи, которая вела къ образованію міровыхъ державъ и къ уничтоженію мелкихъ государствъ.

Эту дилему между всемогуществомъ Іеговы и страданіемъ его народа, между справедливостью Іеговы и его любовью къ Израилю, пророки разрѣшили въ новой идеѣ, которая должна была озарить собою заходящіе дни Израиля и агонію Іудеи, которая придала новый смыслъ и цѣнность существованію еврейскаго народа: эта идея мессіанства. Іегова *любитъ* свой народъ, Іегова *всемогущъ*, но и *справедливъ*. Какъ справедливый богъ, Іегова долженъ наказывать свой народъ, но Онъ его не уничтожитъ окончательно, потому что Онъ *любитъ* его. Новая свѣтлая, великая будущность предстоитъ, Израилю, *вѣчность* обѣщана любимому народу всемогущаго Іеговы. Страданія, правда, неизбѣжны; они необходимы для того, чтобы *справедливый* Іегова могъ изливать свою любовь на любимый имъ народъ. Это противорѣчило бы *справедливости* Іеговы, еслибъ Онъ не наказывалъ свой грѣшный народъ, но страданія эти служатъ только горниломъ, черезъ которое Израиль долженъ пройти, чтобы освободиться отъ своихъ недостатковъ, чтобы потомъ любовь Іеговы могла безпрепятственно изливаться на него. Идея мессіанства является такимъ образомъ синтезомъ прежняго взгляда

на Іегову, какъ на національнаго бога, любящаго своего Израиля, но ограниченнаго въ своемъ дѣйствіи національными и территоріальными рамками, и новыми воззрѣніями, провозвѣстникомъ которыхъ является Амосъ, на Іегову, какъ на справедливаго и всемогущаго Бога, связаннаго съ Израилемъ узами любви. И чѣмъ болѣе неотрадна была дѣйствительность, чѣмъ неизбѣжнѣе была предстоящая гибель, чѣмъ сильнѣе были удары судьбы, падавшіе на голову Израиля, тѣмъ больше истинные пророки убѣждались въ конечномъ торжествѣ любимаго народа всемогущаго Іеговы. Какія конкретныя формы эти идеи принимали у дальнѣйшихъ пророковъ, въ какую величественную концепцію онѣ развились впослѣдствіи, когда они плѣнили собою все мыслящее человѣчество, мы увидимъ въ слѣдующій разъ при изученіи *эволюціи еврейскаго пророчества.* Укажемъ здѣсь только на элементы мессіанства у Амоса.

У Амоса эти элементы еще не развиты, потому что его пророчество относится къ періоду наибольшаго развитія внѣшняго могущества и блеска израильскаго государства. Израиль не нуждался тогда въ его утѣшеніяхъ, и окружающая дѣйствительность была еще не такъ печальна, чтобы она заставляла пророка поминутно отрываться отъ нея и отдыхать мысленно на картинахъ будущаго, какъ это было съ позднѣйшими пророками. Поэтому будущее, которое Амосъ большею частью видитъ и предвѣщаетъ, это ближайшее будущее, печальное будущее, которое должно служить возмездіемъ справедливаго Іеговы за грѣхи Израиля. Но и онъ въ конецъ своего пророчества останавливается на другомъ, отдаленномъ, на свѣтломъ будущемъ. Это будетъ время роскошнаго расцвѣта природы и торжества Израиля. „Вотъ придутъ дни,—говоритъ Іегова,—и встрѣтится землепашецъ со жнецомъ и прессовальщикъ винограда съ сѣятелемъ (т. е. все будетъ такъ скоро созрѣвать, что время посѣва и время жатвы совпадутъ) и съ горъ будетъ истекать сокъ и всѣ возвышенности размякнутъ отъ изобилія. И верну Я плѣнныхъ моего народа Израиля и возстановятъ они разрушенные города и будутъ населять ихъ; они будутъ разводить виноградники и пить ихъ вино,—разводить сады и ѣсть ихъ плоды. И посажу Я ихъ на ихъ землю, и не будутъ они больше оторваны отъ своей земли, которую Я имъ предоставилъ, говоритъ Іегова, твой Богъ“ (9, 13—15).

Правда нѣкоторыми нѣмецкими изслѣдователями [1]) считаются

[1]) Ср. Wellhausen Skizzen. Ср. также Вл. Потемкинъ. Очерки по культурной исторіи древнѣйшаго еврейства „кн. Восх.“ 1904. VI и VIII.

эти послѣднія три строфы въ книгѣ Амоса, равно какъ и предшествовавшія имъ строфы, начиная съ 11 строфы послѣдней главы, не принадлежащими самому Амосу и прибавленными позднѣйшимъ пророкомъ. Мы считаемъ, однако, это предположеніе невѣрнымъ. Не говоря уже о томъ, что никакой другой пророкъ послѣ Амоса не могъ бы отозваться такъ о іудейскомъ государствѣ, какъ о „падающей кущѣ Давида", что такое прозваніе могло быть ему дано только во время существованія израильскаго государства, въ періодъ царствованія могущественныхъ Нимсидовъ, которые держали въ вассальномъ подчиненіи іудейскихъ царей, и что затѣмъ пророчество объ обратномъ покореніи эдомитянъ можетъ быть также отнесено только къ этому времени, само пророчество Амоса вовсе не исключаетъ идей мессіанства, какъ это предполагаютъ вышеназванные изслѣдователи; Амосъ только не останавливается, по указаннымъ нами причинамъ, подробнѣе на этихъ идеяхъ, но онѣ необходимо вытекаютъ изъ всего его пророчества. *Не уничтоженіе Израиля пророчитъ онъ*, а гибель израильскаго государства: три видѣнія показываетъ ему Іегова [1]), они должны изображать аллегорически будущность Израиля. Первыя два видѣнія, всепоѣдающая саранча и всепожирающій огонь, означаютъ собою полное уничтоженіе Израиля. „Но сжалился Іегова надъ нимъ; этого не будетъ, — говоритъ Іегова". И только третье видѣніе, означающее разрушеніе зданія, Іегова приведетъ въ исполненіе. Итакъ, только *зданіе* Израиля, только его *государство*, подвергнется неизбѣжной участи, но совершенно другое будущее предстоитъ самому Израилю. Вообще идеи мессіанства не являются особенностью какого-либо пророка, а вытекаютъ *неизбѣжно* изъ основного воззрѣнія всего еврейскаго пророчества, начиная съ Амоса, что справедливый Іегова *долженъ* наказывать свой любимый народъ, Израиль, и потому онѣ присущи всѣмъ пророкамъ. Что и Амосъ не отрицаетъ особаго специфическаго отношенія Іеговы къ Израилю явствуетъ изъ того, что онъ всегда обращается къ Израилю, какъ къ народу Іеговы. Какія трудности возникли у позднѣйшихъ пророковъ изъ этого специфическаго отношенія справедливаго и безпристрастнаго Іеговы къ одному народу Израилю, мы увидимъ впослѣдствіи при изученіи эволюціи еврейскаго пророчества. Амосъ этихъ трудностей еще не чувствуетъ.

С. О. Марголинъ.

---

[1]) Амосъ 7, 1—9.

Отчетъ «Alliance israelite universelle» за 1904 г.

Широко раскинувъ сферу своего вліянія, общество это преслѣдуетъ главнымъ образомъ просвѣтительныя цѣли, но оказываетъ также и матеріальную помощь всюду, гдѣ въ ней является необходимость. „L'Alliance israelite universelle" неустанно слѣдитъ за многострадальной жизнью евреевъ, чутко прислушивается къ новымъ о нихъ законамъ, помогаетъ имъ разбираться въ сложныхъ, основанныхъ на гоненіи юридическихъ затрудненіяхъ, заботится о распространеніи въ народѣ полезныхъ знаній — общихъ и прикладныхъ— путемъ насажденія соотвѣтствующихъ школъ.

Рядъ кровавыхъ еврейскихъ погромовъ въ Россіи вызвалъ со стороны общества энергичную помощь. Почти во всѣ пострадавшія общины были посланы нѣкоторыя суммы; общая сумма денегъ превышаетъ 300,000 франковъ. Отчетъ Alliance удѣляетъ еврейской жизни въ Россіи весьма много вниманія, подробно останавливаясь на всѣхъ невзгодахъ, переживаемыхъ русскими евреями, но все приводимое по этому поводу въ отчетѣ достаточно, думаемъ, извѣстно читателю; переходимъ поэтому къ обзору еврейской жизни и дѣятельности Allianc'a въ другихъ странахъ.

Тяжело было положеніе евреевъ въ Румыніи. Правительство продолжало ограничивать права евреевъ, принимая все болѣе и болѣе строгія мѣры противъ этихъ „иностранцевъ". Безысходно было и матеріальное положеніе нашихъ румынскихъ братьевъ. Alliance организовалъ матеріальную помощь въ такомъ же видѣ, какой она была организована имъ въ 1899—1902 г. По недостатку средствъ общество не могло, однако, такъ широко развернуть свою помощь и вынуждено было ограничиться поддержкой школъ, для чего былъ ассигнованъ кредитъ въ 20,000 франковъ. Въ виду значительнаго повышенія платы съ иностранцевъ за право ученія въ румынскихъ школахъ, а также вслѣдствіе особаго закона, лишающаго права заниматься ремесломъ тѣхъ лицъ, которыя лишены 4-хъ класснаго свидѣтельства, главный комитетъ Allianc'a уплатилъ за большую часть обучающихся евреевъ. Новый законъ о правѣ осѣдлости фактически лишаетъ почти еврея возможности устроиться на новомъ мѣстѣ,—еврей для поселенія на новомъ мѣстѣ обязанъ представить отъ властей прежняго своего мѣстожительства свидѣтельство о хорошемъ поведеніи, совершенно упуская изъ виду, что часто еврей потому только и переѣзжаетъ въ другое мѣсто, что на прежнемъ жизнь въ виду притѣсненій властей была невыносима. Какое же можетъ онъ получить свидѣтельство отъ такихъ властей! Въ такомъ же духѣ и всѣ остальные румынскіе законы объ „иностранцахъ". Законопроектъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія M. Haret устанавливаетъ съ дѣтей частныхъ школъ плату за контроль обученія, производи-

мый особыми чиновниками. Принимая во вниманіе, что эти частныя школы—школы иностранцевъ (евреевъ), что окончаніе ихъ не даетъ никакихъ правъ, что еврейскій ребенокъ поступаетъ въ такую школу, не имѣя возможности попасть въ общую, гдѣ начальное обученіе безплатно—справедливость подобнаго закона говоритъ сама за себя.

Общая численность населенія Румыніи въ 1900 году составляла 5.956,690 человѣкъ, евреевъ въ этомъ числѣ было 262,348, изъ нихъ только 5,859 чел. состояло подъ иностраннымъ подданствомъ. Изъ 18,644 чел., составлявшихъ ремесленное населеніе Бухареста, ремесленниковъ-евреевъ было 3,190 чел.

Эмиграція евреевъ за періодъ 1899—1904 выразилась въ цифрѣ 41,754 ч. (за пять лѣтъ почти шестая часть всего еврейскаго населенія), изъ нихъ ремесленниковъ эмигрировало 9,288 человѣкъ.

„Alliance" по возможности смягчаетъ суровость положенія; повсюду устроены имъ кассы взаимопомощи; они приносятъ классу ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ громадную пользу; имъ также вносится плата за право ученія, взимаемая только съ еврейскихъ дѣтей. Не будучи въ состояніи измѣнить политическія права евреевъ въ Румыніи, Alliance прилагаетъ много усилій къ облегченію ихъ жизни въ странѣ.

Общая цифра учащихся составляла въ лицеяхъ 9,329, изъ нихъ 849 евреевъ; въ гимназіяхъ 4,743, изъ нихъ евреевъ 267; въ коммерческихъ училищахъ, 1,649 изъ нихъ 135 евреевъ. Въ профессіональныхъ школахъ не было евреевъ; наоборотъ, въ женскихъ профессіональныхъ школахъ замѣчается довольно большое сравнительно число евреекъ, такъ на 2,869 учащихся было 112 евреекъ. Въ университетахъ (Бухарестѣ и въ Яссахъ) обучалось въ первомъ 2,930 ч., изъ нихъ 254 иностранца, во второмъ 421, изъ нихъ 84 иностранца.

Въ продолженіе 1904 г. особой помощи Alliance'а потребовало положеніе евреевъ въ Марокко. Всѣмъ извѣстны событія, которыя въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ волнуютъ эту несчастную страну. Проходящія здѣсь войска, не боясь сопротивленія, нападаютъ на беззащитныхъ евреевъ и часто производятъ настоящее опустошеніе. Двухлѣтній неурожай повергъ здѣшнихъ евреевъ, какъ и мусульманъ, въ нищету и отчаяніе. Alliance неоднократно обращалъ вниманіе марокскаго правительства на плачевное положеніе населенія, но обращенія эти были тщетны, правительство безсильно разобраться въ экономическомъ кризисѣ страны, и „Alliance" вынужденъ былъ сдѣлать займы для облегченія отчаяннаго положенія голодающихъ марокскихъ евреевъ. Въ 1903 г. произошло изгнаніе евреевъ изъ Stat'а. Большинство ихъ направилось въ Casablanca, еврейская община котораго при помощи Alliance'а поддержала пришельцевъ; вскорѣ, однако, Alliance'у пришлось дать субсидіи и этой общинѣ, пришедшей въ окончательное разореніе, какъ и общинамъ въ Mellila и Debdou.

Школьная дѣятельность Alliance'а въ Марокко приняла также обширные размѣры. Обществомъ учреждено тамъ 15 школъ. Можно смѣло разсчитывать, что изъ нихъ выйдетъ поколѣніе, способное поднять экономическую жизнь страны. Школьное дѣло въ сѣверной Африкѣ вылилось нѣсколько въ особую форму. Въ виду поголовной почти тамъ безграмотности и полнаго незнакомства съ еврейской религіей и исторіей, пришлось тамъ устроить, какъ-бы въ дополненіе къ мѣстнымъ начальнымъ школамъ, вечерніе классы и воскресныя школы. Alliance вызвалъ къ жизни вопросъ объ обученіи дѣвочекъ, которыя испоконъ вѣковъ тамъ не обучались даже и еврейскому чтенію; съ этой цѣлью имъ учреждено много профессіональныхъ школъ, въ которыхъ отведено должное мѣсто и общимъ зна-

ніямъ. Мѣстное населеніе и власти высоко цѣнятъ пользу упомянутыхъ школъ и посильно приходятъ имъ на помощь.

Особенное вниманіе по очевидной своей пользѣ заслуживаетъ устройство ковровой фабрики, на которой работаютъ 53 рабочихъ и 48 работницъ. Конечно, трудъ по выдѣлкѣ ковра стоитъ въ настоящее время недостаточно высоко, на все-таки это даетъ кусокъ честнаго хлѣба и спасаетъ юношъ отъ грустныхъ результатовъ праздной уличной жизни. Ежегодная стоимость содержанія школъ въ Алжирѣ обходится Alliance'у больше чѣмъ 40,000 франковъ.

Мы переходимъ къ Персіи. Положеніе евреевъ въ этой странѣ болѣе тягостное и приниженное, чѣмъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ. Къ безпросвѣтному горю можно такъ же привыкнуть, какъ и къ хронической болѣзни, и наши персидскіе собратья даютъ разительный примѣръ этого—они настолько несчастны, обездолены, что даже и не чувствуютъ уже всего ужаса своего положенія. Вотъ характерный примѣръ.

Когда директоръ школы Alliance въ Hamadan'ѣ прибылъ въ Kirmanach съ цѣлью разслѣдовать дѣло объ убійствѣ двухъ евреевъ, совершенномъ два мѣсяца тому назадъ, персидскіе евреи были весьма удивлены.—„Воспоминаніе объ этомъ печальномъ событіи, писалъ директоръ въ своемъ отчетѣ Alliance'у, почти совершенно изгладилось изъ памяти нашихъ тамошнихъ собратьевъ и не оставило никакого впечатлѣнія. По ихъ мнѣнію разслѣдованіе дѣла, которое такъ давно (!) совершилось, не можетъ имѣть никакого значенія и не стоитъ его разоблачать".

Когда масса приходитъ въ такое безразличное состояніе и такъ безнадежно смотритъ впередъ, то она представляетъ легкую добычу для преслѣдователей.

Таковъ общій тонъ жизни персидскихъ евреевъ. Не трудно видѣть, что нигдѣ школьное дѣло такъ властно о себѣ не взываетъ, какъ въ Персіи; въ этой странѣ школы являются не только учрежденіемъ образовательнымъ, но и благотворительнымъ въ широкомъ значеніи этого слова; онѣ, въ лицѣ школьной администраціи, защищаютъ интересы мѣстныхъ забитыхъ евреевъ и вообще оказываютъ всякую помощь. Директоръ школы является поэтому какъ бы представителемъ еврейства. Частые погромы евреевъ, являющіеся слѣдствіемъ полнаго неустройства страны, въ значительной степени уменьшились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются школы Alliance'а съ ихъ представителями. Въ особенности страдаютъ мѣстные евреи отъ темныхъ агитаторовъ, фанатическихъ шіитовъ.

Первая мужская школа была открыта въ Hamadan'ѣ въ 1900 г.; сначала обучалось въ ней 295 уч., но уже въ 1903 г. число учащихся достигло 485. Въ школѣ этой учится также 25 дѣтей мусульманъ. Проведя нѣсколько лѣтъ совмѣстно на школьной скамьѣ, мусульманскія дѣти научаются уважать своихъ сотоварищей евреевъ, исчезаетъ ненависть, такъ старательно внушаемая окружающей средой.

Распространеніе школъ въ Персіи шло довольно успѣшно. Въ настоящее время тамъ имѣется пять большихъ школъ: въ Тегеранѣ, Гамаданѣ, Исфагани, Seneh и Ширасѣ. Обучается въ нихъ болѣе 2000 учен. По причинѣ отчаянной нищеты персидскіе евреи почти совершенно не приходятъ на помощь Alliance'у, и въ то время какъ даже общины Турціи и Марокко иногда несутъ на себѣ половину издержекъ, въ Персіи Alliance'у приходится брать на себя расходы цѣликомъ.

Каждая школа обходится Alliance'у въ среднемъ въ 20,000 фр. въ годъ, причемъ сюда не входитъ значительный расходъ по переѣзду учительскаго персонала и непредвидѣнныхъ нуждъ.

Предпринятое Alliance'омъ великое дѣло—моральное и интеллектуальное оздоровленіе нашихъ персидскихъ собратьевъ,—конечно, только еще начинается.

Не мало затрудненій пришлось пережить первымъ піонерамъ просвѣщенія, прибывшимъ въ Персію. Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ директоръ исфаганской школы. „Наши тамошніе собратья не имѣли почти никакого представленія о нашей миссіи. Никогда не слышали они объ „Alliance israelite universelle" и его дѣятельности. Одно понимали они, - что пришли къ нимъ на помощь; но въ чемъ выразится эта помощь? По ихъ мнѣнію, имъ присланъ былъ заступникъ и благотворитель, который остановитъ преслѣдованія и выведетъ ихъ изъ глубокой нищеты. Школа же, обученіе, воспитаніе—вещи только дополнительныя, побочныя. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали они перемѣнъ въ своей жизни и какія только не пошли легенды на нашъ счетъ! Одни говорили, что мы явились къ нимъ съ цѣлью раздѣлить милліоны, будто оставленные имъ барономъ Гиршемъ; другіе разсказывали, что съ нами прибыло два каравана съ золотомъ, при этомъ многіе утверждали, что кладъ этотъ лежитъ въ персидскомъ банкѣ; самые скромные мечтали о приличной пенсіи, которая избавитъ ихъ отъ нужды. Нечего, конечно, удивляться тому, что эти несчастные не имѣли представленія о нашихъ намѣреніяхъ. Вѣковыя гоненія лишили ихъ умѣнія отличать мечту отъ дѣйствительности и разбираться въ своихъ и чужихъ планахъ. И какое разочарованіе пришлось имъ пережить, когда они узнали истинную цѣль нашего пріѣзда! Тяжелые моменты пришлось и намъ пережить, видя эти грустныя, полныя отчаянія лица. Но наши затрудненія тутъ только начались; вскорѣ намъ пришлось столкнуться съ различными миссіонерами, фанатическими пасторами и мѣстными властями, съ опасеніемъ слѣдившими за нашей дѣятельностью. Борьба между школами конгрегацій и нашими достигла тутъ наивысшей точки ожесточенія; къ тому же на сцену выступилъ вопросъ политическаго свойства, столкнулись интересы Англіи и Россіи. Англія полагала, что наши школы играютъ въ руку Россіи, между тѣмъ извѣстно вѣдь, что первой нашей заботой по прибытіи въ Исфаганъ было увѣдомить Anglo-jewish Association о необходимости введенія въ наши школы англійскаго языка.

Но вступивъ въ борьбу съ встрѣтившимися препятствіями, мы, конечно, на первомъ мѣстѣ ставили нашу главную цѣль—созидали школы, одѣвали дѣтей, вербовали личный составъ. Борьба съ конгреганистами въ настоящее время утихаетъ, и хотя они себя не признаютъ побѣжденными, но имъ не только не удалось вытѣснить наши школы изъ страны, но даже пришлось увидѣть расцвѣтъ послѣднихъ. Наши школы пустили повсюду глубокіе корни, и несмотря на свое столь еще краткое существованіе (4 года), онѣ оказали замѣтное моральное вліяніе на окружающую среду и пробудили стремленіе къ свѣту знанія".

Школы Alliance'а въ Персіи выполняютъ еще одно весьма важное назначеніе—онѣ служатъ убѣжищемъ для гонимыхъ собратьевъ. Часто цѣлыя семьи изгоняются изъ мѣстъ ихъ жительства; тогда онѣ обыкновенно направляются къ представителямъ школъ, получаютъ тамъ кровъ, пищу и защиту своихъ попранныхъ правъ,—представители Alliance'а съ честью выполняютъ свою миссію просвѣтителей и защитниковъ угнетенныхъ. И персидскіе наши собратья начинаютъ понимать истинное значеніе этихъ школъ. Они гордятся ими, ихъ представителями и вѣрятъ, что наступаетъ эра лучшаго будущаго. Какъ было упомянуто выше, школьная дѣятельность Alliance'а въ Персіи началась съ 1900 г. Раскинувъ по странѣ цѣлую сѣть

школъ, Alliance, однако, еще не вполнѣ удовлетворяетъ имѣющуюся въ этомъ нужду при 49,500 чел. еврейскаго населенія.

Обзоръ цифровыхъ данныхъ, иллюстрирующихъ школьную дѣятельность Alliance, указываетъ на быстрый ростъ числа школъ, учащихся и денежныхъ расходовъ общества. Притокъ средствъ, къ сожалѣнію, не увеличивается, скорѣе даже уменьшается.

Къ концу 1896 года число начальныхъ школъ, содержимыхъ и поддерживаемыхъ Alliance'омъ, достигало 60, учащихся было въ нихъ 18,000, расходъ общества составлялъ 400,000 фр. Къ концу же 1904 г. число школъ было 128, учащихся 34,500, расходъ 900,000 фр. Мы видимъ, что за восьмилѣтній періодъ дѣятельность общества увеличилась вдвое. О прекрасномъ состояніи этихъ школъ въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи свидѣтельствуетъ отзывъ профессора сорбонскаго университета m-r A. Bernard'a, посѣтившаго школы Alliance'a въ Марокко. При начальныхъ школъ Alliance обыкновенно существуютъ и профессіональныя; но, къ сожалѣнію, не всюду можно было ихъ основать. Въ 1904 г. число ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ достигло 39.

Замѣчается, что профессіональныя школы, какъ мужскія, такъ и женскія, особенно прививаются въ большихъ центрахъ. Въ Салоникахъ, напр., теперь прекрасно функціонируютъ устроенныя Alliance'омъ школы—мастерскія различныхъ видовъ ручного производства, каковы—вязально-кружевныя, жестяныя, мебельныя, скульптурныя и др. Ремесленники всѣхъ этихъ категорій зарабатываютъ по 4—5 фран въ день. Типографы въ Салоникахъ исключительно евреи. Въ Іерусалимѣ также имѣется хорошо поставленная профессіональная школа. Тамъ особенно хорошо механическое производство, а также рѣзьба по дереву и камню. Къ 1 января 1905 года школа эта насчитывала 103 уч., изъ которыхъ 52 жили въ интернатѣ, а 51 были приходящими. Больше всего изучалось механическое дѣло (46 уч.), затѣмъ скульптурное (25 уч.), сапожное же только 1 уч. Окончили курсъ обученія въ 1904 г. 54 чел.

Развитіемъ профессіональнаго дѣла въ Алжирѣ завѣдуетъ общество „Трудъ", получающее значительную поддержку отъ Alliance. За свою почтенную 25-лѣтнюю дѣятельность общество „Трудъ" сдѣлало въ Алжирѣ весьма видные успѣхи. Рабочій—выходецъ изъ этой школы цѣнится въ Алжирѣ особенно высоко. Женскія профессіональныя школы устроены въ Алжирѣ Alliance'омъ. Мастерскія бѣлья, кружевъ и кройки даютъ замѣтные результаты. Наибольшая изъ этихъ школъ въ Константинѣ, гдѣ число ученицъ возрасло за отчетный годъ съ 280 до 329.

Школа эта находится въ еврейскомъ кварталѣ. Ученицы, руководимыя г-жей Руффъ, работаютъ съ большимъ рвеніемъ. Много времени уходитъ у ученицъ и на общеобразовательные предметы; онѣ основательно проходятъ библію, комментаріи Раши и даже талмудъ (по 1 ч. въ день въ старшемъ отдѣленіи). Здѣсь сдѣлана нѣкоторая уступка родителямъ, которые особенное значеніе придаютъ этимъ именно предметамъ—и вообще религіозному воспитанію. При школѣ устроено убѣжище для бѣднѣйшихъ дѣтей, число которыхъ въ настоящее время 80. Отношеніе къ школѣ все болѣе и болѣе улучшается, вначалѣ же про школьныхъ дѣятелей Alliance'a распространяли самые темные слухи. M-r Navon говоритъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „за нами признано уже достоинство обучать легко и скоро, а оканчивающія курсъ ученицы служатъ для насъ наилучшей пропагандой".

Въ 1903 г. въ Алжирѣ основано общество взаимопомощи „Братство". Въ настоящее время оно утверждено французскимъ прави-

тельствомъ. Пока оно насчитываетъ только 116 почетныхъ членовъ и 52 участниковъ. Главная цѣль его—приходить своимъ членамъ на помощь во время болѣзни. Идея взаимопомощи слишкомъ высока и прекрасна, чтобы она скоро могла привиться столь бѣднымъ, забитымъ людямъ. Но Alliance преодолѣваетъ встрѣчающіяся препятствія. Идею взаимопомощи оно распространяетъ всѣми имѣющимися у него способами: чтеніемъ, собесѣдованіями и пр. Выше было упомянуто объ особомъ характерѣ просвѣтительныхъ учрежденій Allianca въ Алжирѣ. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій тамъ, главнымъ образомъ, учреждаются вечернія и воскресныя школы. Интересны результаты введеннаго тамъ съ 1904 г. нагляднаго способа обученія еврейскому языку.

„Эта метода, пишетъ въ своемъ отчетѣ m-r Navon, внесла въ обученіе удивительное оживленіе. Дѣти легко и скоро усваиваютъ множество словъ и, говоря о живыхъ матеріяхъ, объ окружающемъ, быстро оріентируются и въ священномъ языкѣ. Интересъ къ библіи увеличивается и по мѣрѣ роста интеллекта, способность ассоціаціи быстро развивается. Достигнутыми результатами мы вполнѣ можемъ быть довольны. На древнемъ языкѣ ведутся и собесѣдованія по всѣмъ вообще вопросамъ; такъ, часто идетъ у насъ рѣчь о всеобщей солидарности людей, о солидарности евреевъ, о привязанности къ родинѣ у евреевъ, о свѣтскихъ наукахъ и еврейскомъ ученіи, объ антисемитизмѣ, объ Alliance'ѣ, о заслугахъ Израиля предъ человѣчествомъ и т. д.".

„Если есть гдѣ-либо страна, гдѣ изученіе еврейской исторіи,—продолжаетъ m-r Navon,—имѣетъ необыкновенную цѣнность, то это несомнѣнно Алжиръ. Громадное большинство нашихъ тамошнихъ собратьевъ не имѣло никакого представленія о прошломъ Израиля, о его героическихъ страданіяхъ, о былой славѣ, о моральныхъ законахъ, которые онъ далъ людямъ. Если бы евреи Алжира имѣли болѣе ясное понятіе о достоинствѣ и величіи ихъ націи, они нашли бы въ себѣ достаточно силъ для борьбы съ антисемитизмомъ и съумѣли бы заставить себя уважать. Мы знакомимъ молодое еврейское поколѣніе съ его великимъ прошлымъ, тутъ же и остальные слушатели—нееврен научаются любить справедливость и свободу.

Молодая аудиторія знакомится съ „правами человѣка" и великими завоеваніями революціи. И разъясняя, что современная цивилизація нисколько не поколебала нашего историческаго идеала, а даже наоборотъ приблизила его осуществленіе, мы поселяемъ въ молодыхъ сердцахъ уваженіе къ праву, долгу, культу ума и глубокую преданность исконнымъ народнымъ идеаламъ. Уроки исторіи производятъ на аудиторію неотразимое впечатлѣніе, въ этомъ насъ убѣждаетъ направленіе ея мыслей, и мы счастливы констатировать, что въ затхлую жизнь общины вливается новый источникъ энергіи".

Намъ остается еще упомянуть о раввинской семинаріи въ Константинополѣ. Она была переведена туда изъ Адріанополя въ 1898 г. Въ настоящее время въ ней воспитывается 22 уч., изъ которыхъ 13 еще только въ приготовительномъ классѣ, а 9 въ семинаріи. Принимаютъ новыхъ учениковъ только въ приготовительный классъ; здѣсь происходитъ серьезный разборъ поступившихъ и въ семинарію переводятъ только такихъ, которые имѣютъ явную склонность къ спеціальному раввинскому образованію. Замѣчательно, что въ этой именно семинаріи учатся главнымъ образомъ дѣти палестинскихъ раввиновъ, что, конечно, вызываетъ довѣріе къ семинаріи со стороны ортодоксовъ. Оканчивающіе курсъ обыкновенно приглашаются повсюду на востокѣ въ качествѣ раввиновъ или учителей.

Въ 1902 г. финансовое дѣло семинаріи перешло въ веденіе цент-

ральной консисторіи, но Alliance продолжаетъ ее субсидировать; въ 1904 г. Alliance затратилъ на нужды семинаріи 7500 фр.

Школьная дѣятельность Allianc'а не ограничилась только распространеніемъ начальныхъ профессіональныхъ школъ и субсидіями раввинской семинаріи. Въ Яффѣ мы видимъ благоустроенную земледѣльческую школу, въ Джедѣ ферму-школу. Содержаніе послѣдней въ 1904 году обошлось Allianc'у въ 113,127,40 фр. Плата, получаемая съ зажиточныхъ учениковъ, и продажа земледѣльческихъ культуръ составили 65,151,85 фр.; такимъ образомъ затрата Allianc'а въ 1904 г. была 47,975,55 фр. По земледѣльческой Яффской школѣ расходъ составилъ 121,285,90, приходъ 47428,,30 фр.; затрата Allianc'а въ упомянутомъ году слѣдовательно составляла 73,851,60 фр.

Съ цѣлью имѣть ясное представленіе о количествѣ еврейскаго населенія въ странахъ своей дѣятельности (сѣверная Африка, Египетъ, Европ. и Азіатск. Турція, Персія и Болгарія), комитетъ Allianc'а поручилъ директорамъ своихъ школъ произвести статистику населенія на своихъ мѣстахъ. По этимъ цифровымъ даннымъ комитетъ разсчитывалъ получить представленіе о степени нуждъ въ школахъ въ каждой мѣстности. Въ прилагаемой при семъ таблицѣ мы видимъ общее количество населенія въ каждой странѣ, количество школъ въ ней, помощь, оказываемую каждой школьному дѣлу, и субсидію Allianc'а.

	Населенія.		Школъ.	Учащихся [1])	Мѣстн. помощь.	Alliance [2]).	
Марокко.	109,712	чел.	8	2,671	34.993,60	59.098,20	
Болгарія	31,064	„	9	4,100	99.097,30	48.876,45	
Евр. Турція . . .	188,896	„	12	9,495	20.749,745	109.307,90	
Аз. Турція. . . .	450,036	„	20	7,797	12.790,530	170.352,30	
Триполи.	13,560	„	1	354	137,910	15,316	
Египетъ.	30,578	„	2	832	67.583,10	18,500	
Тунисъ	62,545	„	2	2,301	53.531,80	51.924,65	
Персія.	49,500	„	8	2,356	14.565,05	105.352,80	
Алжиръ	57,044	„	2	1,079	15.474,05	33.398,15	сент.

Яркой чертой проходитъ въ отчетѣ Allianc'а глубокая признательность общества своимъ учителямъ. Полные сознанія своей высокой миссіи, самоотвержено трудятся эти истинные герои духа; лучшія силы отдаютъ они дорогому всѣмъ намъ дѣлу—поднятію духовныхъ силъ нашихъ братьевъ въ забытыхъ уголкахъ міра. Скажемъ и мы имъ свое сердечное спасибо.

Марія Тр.

---

[1]) Общее колич. мальчиковъ и дѣвочекъ.

[2]) Цифры Allianc'а показываютъ постоян. субсидію, сюда не входятъ расходы по содержанію учителей и непредвидѣн. расходы, достигающіе въ общемъ 100,000 фр. въ годъ.

Открыта полугодовая подписка

(съ 1-го іюля до конца года)

1) на газету

„ВОСХОДЪ“

и 2) на ежемѣсячный журналъ

„КНИЖКИ ВОСХОДА“.

Подписная плата на **ОБА** изданія **6** рублей, отдѣльно на газету—**4** руб., на „Книжки“ **2** руб.

Желающіе могутъ получать газету съ 1 іюля и „Книжки“ за весь 1905 годъ за 7 руб.

Условія подписки на другіе сроки значатся въ заголовкѣ газеты.

щества въ городѣ, подъ опасеніемъ строжайшихъ взысканій (10 февраля 1577). Но эти предостереженія не предотвратили катастрофы: спустя три мѣсяца послѣ изданія королевскаго указа, въ Познани произошло нападеніе на еврейскій кварталъ, сопровождавшееся грабежемъ и даже нѣсколькими убійствами. Погромъ начался вслѣдствіе того, что евреи не хотѣли допустить свиданія между однимъ изъ своихъ единовѣрцевъ, готовившимся принять крещеніе, и его женою. Это, конечно, былъ лишь случайный предлогъ; на самомъ же дѣлѣ погромъ былъ подготовленъ христіанскимъ купечествомъ, которое не могло примириться съ расширеніемъ торговыхъ правъ своихъ конкуррентовъ. Баторій наложилъ большой штрафъ на познанскій магистратъ за непринятіе мѣръ къ пресѣченію безпорядковъ; но члены магистрата заявили подъ присягою, что они не знали о замышляемомъ погромѣ, и штрафъ былъ снятъ.

По отношенію къ евреямъ Стефанъ Баторій сохранилъ традиціи либеральной эпохи въ то время, когда въ польскомъ обществѣ зарождались уже идеи католической реакціи, которымъ въ другихъ отношеніяхъ поддавался и самъ король. При немъ выступили въ качествѣ дѣятельной организованной силы іезуиты (Скарга и др.); Баторій покровительствовалъ имъ и передалъ въ ихъ завѣдываніе основанную въ Вильнѣ высшую академію. Могъ-ли предвидѣть этотъ король, въ общемъ стоявшій на почвѣ законности, сколько зла, тьмы и нетерпимости распространятъ въ Польшѣ іезуитскія школы, монополизировавшія вскорѣ воспитаніе высшихъ и среднихъ классовъ?

§ 23. Шляхетско-клерикальный режимъ при Сигизмундѣ III и Владиславѣ IV. Результаты переворота, совершившагося послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ, обнаружились съ полной опредѣленностью при двухъ первыхъ короляхъ изъ шведской династіи Вазы—Сигизмундѣ III (1588—1632) и Владиславѣ IV (1632—48). Слѣдствіемъ избираемости королей была зависимость ихъ отъ шляхты, которая фактически управляла страной, приноравливая сеймовое законодательство къ своимъ сословнымъ дворянско-землевладѣльческимъ интересамъ и наполняя ряды мѣстной администраціи—воеводъ, старостъ и другихъ чиновъ. Слѣдствіемъ же дѣятельности іезуитовъ было усиленіе клерикализма во всѣхъ сферахъ жизни. Искоренять протестантизмъ, угнетать греко-православную „хлопскую“ церковь и держать евреевъ въ состояніи замкнутой безправной касты—такова была программа католической реакціи въ Польшѣ. Въ этихъ видахъ принимались драконовскія мѣры противъ евангелистовъ и „аріанъ“, создавалась унія православныхъ съ католиками и всячески ограничивались права диссидентовъ.

Іезуиты, забравшіе въ свои руки воспитаніе юношества, успѣшно прививали обществу клерикальное міросозерцаніе. Чѣмъ менѣе разсчитывали ревнители церкви на обращеніе еврея, тѣмъ сильнѣе они его презирали и принижали,—и если имъ не удалось вполнѣ воскресить въ Польшѣ средневѣковый порядокъ вещей, то лишь благодаря тому, что въ тогдашнемъ строѣ польскаго государства, вслѣдствіе неискоренимаго сословнаго антагонизма, не могла надолго упрочиться опредѣленная система. „Польша держится безпорядкомъ"—говорили съ гордостью тогдашніе политики. „Золотая вольность" шляхетства все болѣе вырождалась; она стала орудіемъ угнетенія среднихъ и низшихъ сословій въ пользу высшихъ, приводила къ безначалію, ослабленію авторитета сеймовъ (liberum veto) и къ нескончаемымъ сословнымъ распрямъ. Впрочемъ, если это многовластіе было гибельно для Рѣчи Посполитой, то при тогдашнихъ условіяхъ для нея еще гибельнѣе оказалось бы абсолютное единовластіе, по образцу западно-европейскому. При монархическомъ абсолютизмѣ, Польша въ эпоху католической реакціи могла бы превратиться въ Испанію Филиппа II. Безпорядокъ и сословная рознь спасли эту страну отъ страшнаго „порядка" инквизиціи и отъ послѣдовательности самодержавныхъ палачей.

Опека надъ евреями постепенно переходитъ отъ королевской власти къ богатой сеймовой шляхтѣ. Проникнутая клерикальными тенденціями, вынесенными изъ іезуитской школы, шляхта, однако, въ большинствѣ случаевъ покровительствуетъ евреямъ, съ которыми ее связываютъ экономическіе интересы. Еврей-чиншевикъ въ городахъ и мѣстечкахъ частныхъ владѣльцевъ, еврей-арендаторъ въ деревнѣ, доставляющій пану доходъ отъ молочнаго хозяйства, мельницы, винокуренія, „шинкованія" (продажи питей) и другихъ предпріятій,—всѣ они нужны безпечному пану, забрасывающему свое хозяйство и коротающему время на сеймахъ, сеймикахъ, конфедераціяхъ или въ болѣе веселыхъ забавахъ. Сеймующая шляхта не даетъ юдофобскому духовенству переступить извѣстныя границы въ репрессіяхъ противъ евреевъ. Даже набожный король Сигизмундъ III, находившійся подъ вліяніемъ іезуитовъ, продолжаетъ еще играть традиціонную роль покровителя еврейскаго народа. Въ годъ своего вступленія на престолъ (1588), онъ подтвердилъ право евреевъ на свободную торговлю въ городахъ, съ нѣкоторыми однако ограниченіями, къ которымъ его вынудили юдофобскія притязанія христіанскаго купечества.

Экономическая борьба въ городахъ между христіанами и евреями продолжалась съ прежнимъ ожесточеніемъ и въ эту эпоху, но теперь она все чаще облекалась въ форму злобной религіозной нетерпимости. Во многихъ городахъ магистраты присваиваютъ себѣ право суда надъ евреями — суда

волковъ надъ овцами,—вопреки основной конституціи, установившей подсудность евреевъ въ дѣлахъ съ христіанами только воеводамъ и королевскимъ чинамъ. Королю, по жалобѣ обиженныхъ, часто приходится напоминать магистратамъ, что евреи должны судится не по магдебургскому, а по земскому праву и, сверхъ того, имѣютъ свой собственный раввинскій судъ для внутреннихъ споровъ. Такое разъясненіе далъ Сигизмундъ III, между прочимъ, по жалобѣ брестскихъ евреевъ на мѣстное городское управленіе (1592). Поддерживалъ жалобу вліятельный при дворѣ глава брестской общины *Саулъ Іудичъ*, откупщикъ таможенныхъ пошлинъ и другихъ казенныхъ сборовъ въ Литвѣ; онъ носилъ титулъ „королевскаго слуги" и часто оказывалъ своимъ соплеменникамъ важныя услуги. (Есть основаніе думать, что его именно избрала своимъ героемъ странная легенда, гласящая будто во время безкоролевства въ Польшѣ, вліятельный еврей *Саулъ Валь*, любимецъ князя Радзивилла, былъ провозглашенъ, по волѣ шляхты, королемъ Польши и процарствовалъ въ теченіе одной ночи). Но тамъ, гдѣ еврейская масса не имѣла такихъ вліятельныхъ ходатаевъ въ лицѣ крупныхъ откупщиковъ и „королевскихъ слугъ", законные ея интересы часто страдали. Въ Вильнѣ мѣщане въ своемъ стремленіи выжить евреевъ-конкуррентовъ изъ города дошли до погрома: разорили синагогу и разграбили еврейскія квартиры въ шляхетскихъ домахъ (1592). Сигизмундъ III, возмущенный этими насиліями, выдалъ евреямъ грамоту на право жительства и свободу торговли въ Вильнѣ. Однако, распри между ними и мѣщанами въ столицѣ Литвы не прекращались, приводя иногда къ печальнымъ столкновеніямъ.—Особенно много терпѣла отъ враждебнаго отношенія мѣщанства, состоявшаго въ значительной части изъ нѣмцевъ, еврейская община въ старомъ гнѣздѣ юдофобіи—Познани. Нападенія черни на еврейскій кварталъ и „легальныя" гоненія со стороны магистрата и цеховъ были здѣсь въ порядкѣ вещей. Нѣкоторыми ремеслами, какъ напримѣръ портняжнымъ, евреямъ разрѣшалось заниматься исключительно для потребностей своихъ соплеменниковъ. Въ 1618 г. маляръ, которому поручено было расписать снаружи стѣны познанской ратуши, вывелъ на нихъ фигуры, чрезвычайно оскорбительныя для евреевъ,—и послѣднимъ пришлось немало терпѣть отъ глумленій праздной уличной толпы. Спустя два года мѣстное духовенство распустило слухъ, что въ одномъ изъ домовъ еврейскаго квартала найденъ столъ, на которомъ нѣкогда были будто бы проколоты евреями три гостіи (II, § 146). Мнимая реликвія была перенесена въ кармелитскую церковь въ торжественной процессіи, въ предшествіи епископа и всего духовенства. Эта демонстрація усилила въ народѣ непріязнь къ евреямъ. Масса,

воспитываемая такими дикими зрѣлищами, теряла послѣднія искры человѣчности. Ученики іезуитскихъ коллегій часто врывались въ еврейскій кварталъ, издѣвались надъ его обитателями и буйствовали, осуществляя на дѣлѣ преподанныя въ школѣ евангельскіе завѣты „любви къ врагамъ“.

Основанные на злостныхъ измышленіяхъ, ритуальные процессы противъ евреевъ учащаются въ эту эпоху и получаютъ какой-то зловѣщій инквизиціонный характеръ. Дѣламъ этого рода придается особая важность, и они разбираются въ высшемъ судебномъ учрежденіи Польши — въ коронномъ трибуналѣ, безъ тѣхъ гарантій правосудія, которыя установлены въ такихъ случаяхъ старинными хартіями польскихъ королей, еще недавно подтвержденными Стефаномъ Баторіемъ. Въ 1598 г. люблинскій трибуналъ осудилъ на смертную казнь трехъ евреевъ за мнимое убійство христіанскаго младенца, трупъ котораго найденъ былъ въ болотѣ близъ деревни Возники. Чтобы вынудить у подсудимыхъ сознаніе, пущенъ былъ въ ходъ весь инквизиціонный аппаратъ пытокъ, а казнь черезъ четвертованіе была произведена съ особой торжественностью въ Люблинѣ. Тѣло малютки, бывшаго невольною причиною гибели невинныхъ людей, было перенесено іезуитами въ одинъ изъ люблинскихъ костеловъ и стало предметомъ поклоненія суевѣрной толпы. Процессы этого рода повторялись, съ варіаціями обстановки, во многихъ другихъ мѣстахъ Польши и Литвы. Клерикальная партія подняла также литературную агитацію противъ евреевъ. Ксендзъ Моецкій издалъ въ 1598 г. въ Краковѣ свою злостную юдофобскую книгу о „еврейскихъ звѣрствахъ“ (Okrucieństwa żydowskie“); на ту же тему писалъ нѣкій Губицкій въ 1602 г. Польскій врачъ Слешковскій обвинялъ врачей-евреевъ въ томъ, что они систематически отравляютъ и изводятъ добрыхъ католиковъ, а свирѣпствовавшую тогда въ Польшѣ чуму онъ приписывалъ гнѣву Божію за покровительство, оказываемое въ этой странѣ евреямъ („Jasny dowód o doktorach żydowskich“, 1623). Но болѣе всѣхъ неистовствовалъ противъ евреевъ польскій писатель Себастіанъ Мичинскій, авторъ сочиненія „Зеркало короны польской“ („Zwierciadło korony Polskiej“, 1618). Питомецъ іезуитовъ, Мичинскій собралъ въ своей книгѣ все, что когда-либо изобрѣли противъ евреевъ суевѣріе и злоба. Онъ обвинялъ евреевъ во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ — въ политической измѣнѣ, грабежѣ и обманѣ, въ колдовствѣ, смертоубійствѣ, святотатствѣ. Въ своемъ памфлетѣ онъ обращался къ сеймовымъ депутатамъ съ призывомъ—поступить съ евреями такъ, какъ поступили съ ними въ Испаніи, Франціи Англіи и другихъ государствахъ, т. е. изгнать ихъ. Зажигательная проповѣдь Мичинскаго вызвала бурныя пренія на сеймѣ 1618 года: одни депутаты выставляли автора апостоломъ

правды, другіе—смутьяномъ и нарушителемъ общественнаго спокойствія. Сеймъ выказалъ настолько благоразумія, что не принялъ къ руководству мнѣній маніака юдофобіи; но въ польскомъ обществѣ эти мнѣнія постепенно прививались и готовили почву для печальныхъ столкновеній.

Преемникъ Сигизмунда III, Владиславъ IV не былъ такимъ ревностнымъ католикомъ и сторонникомъ іезуитовъ, какъ его отецъ. Онъ относился съ нѣкоторою терпимостью къ иновѣрцамъ, желалъ сохранить старинныя привилегіи евреевъ и вообще стремился примирить враждующія сословія. Но сословная и вѣроисповѣдная рознь пустила уже такіе глубокіе корни въ государствѣ, что устранить ее едва ли могъ бы даже король болѣе энергичный, чѣмъ Владиславъ IV. Король не примирялъ противоположныхъ интересовъ, а только становился на сторону то одной, то другой партіи. Въ 1633 г. Владиславъ IV подтвердилъ на коронаціонномъ сеймѣ основныя привилегіи евреевъ, разрѣшилъ имъ свободно заниматься вывозной торговлей, опредѣлилъ границы ихъ судебной автономіи и предписалъ магистратамъ заботиться о предохраненіи ихъ отъ народныхъ нападеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ еврейскимъ общинамъ воздвигать новыя синагоги и кладбища, безъ особаго каждый разъ королевскаго разрѣшенія. Послѣднее ограниченіе, впрочемъ, могло считаться льготой, такъ какъ при Сигизмундѣ III была сдѣлана попытка поставить право постройки синагогъ въ зависимость отъ согласія католическаго духовенства. Охраняя въ общемъ права евреевъ, король въ отдѣльныхъ случаяхъ благосклонно относился къ ходатайствамъ городовъ объ ограниченіи этихъ правъ и нерѣдко отмѣнялъ свои собственныя распоряженія. Въ іюнѣ 1642 г. онъ разрѣшилъ краковскимъ евреямъ заниматься свободно вывозной торговлей, а спустя два мѣсяца взялъ назадъ это разрѣшеніе, такъ какъ краковскіе мѣщане и христіанскіе купцы жаловались на убыточность для нихъ еврейской конкурренціи. По просьбѣ мѣщанъ города Могилева на Днѣпрѣ, онъ подтвердилъ распоряженіе своего отца о выдвореніи мѣстныхъ евреевъ на окраину города, а затѣмъ одобрилъ рѣшеніе магистрата — не отдавать имъ въ наемъ никакихъ домовъ среди христіанъ (1633, 1646). Вслѣдствіе запрещенія евреямъ мелкой торговли на базарахъ, во многихъ городахъ сильно вздорожали предметы первой необходимости, — и шляхта ходатайствовала объ отмѣнѣ этого запрещенія особенно для города Вильны. Король удовлетворилъ ходатайство, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ угоду виленскому магистрату, постановилъ и нѣкоторыя тяжелыя ограниченія для евреевъ: онъ подчинилъ ихъ юрисдикціи магистрата въ денежныхъ тяжбахъ съ христіанами, ограничилъ раіонъ ихъ жительства предѣлами „Жидовской улицы“ и запре-

тилъ имъ заниматься тѣми ремеслами, которыя издавна присвоили себѣ христіанскіе цехи (1633).

Скученные въ городахъ, стѣсненные въ правахъ торговли и ремеслъ, евреи все чаще переходятъ въ села, занимаются арендою шляхетскихъ имѣній и питейнымъ промысломъ. Не только богатые „паны", но даже церковные сановники отдаютъ свои имѣнія въ аренду евреямъ. Варшавскій церковный синодъ рѣзко осудилъ поведеніе тѣхъ епископовъ, которые, имѣя въ своихъ помѣстьяхъ арендаторовъ-евреевъ, тѣмъ самымъ „даютъ иновѣрцамъ власть надъ своими крѣпостными христіанами", вопреки каноническимъ предписаніямъ (1643). Познанскій синодъ съ негодованіемъ отозвался о „невыносимой дерзости евреевъ", которые, не довольствуясь захватомъ ремеслъ, дающихъ пропитаніе христіанамъ, еще позволяютъ себѣ торговать на площадяхъ и улицахъ въ дни христіанскихъ праздниковъ, и постановилъ ходатайствовать о безусловномъ запрещеніи праздничной торговли (1642).

Оставаясь вѣрнымъ своей исконной политикѣ, польское духовенство разныхъ орденовъ, преимущественно іезуитскаго, заботливо поддерживало въ своей паствѣ грубые религіозные предразсудки противъ евреевъ. Для поднятія престижа церкви оно нерѣдко прибѣгало къ внушительнымъ демонстраціямъ. Весною 1636 года, вслѣдствіе исчезновенія одного христіанскаго ребенка въ Люблинѣ, на евреевъ пало подозрѣніе, что они его „замучили". Коронный трибуналъ, разобравъ дѣло и не найдя никакихъ уликъ, оправдалъ невинно заподозрѣнныхъ. Мѣстное духовенство, недовольное оправдательнымъ приговоромъ, выдумало другое дѣло, уже „съ уликами". Монахъ кармелитскаго ордена Павелъ заявилъ, что евреи, заманивъ его въ одинъ домъ, дѣлали ему кровопусканіе, при помощи нѣмца-хирурга, а выпущенную кровь собирали въ сосуды, нашептывая при этомъ какія-то молитвы. Трибуналъ придалъ вѣру этому гнусному обвиненію и, послѣ обычнаго судопроизводства съ „допросами" и пыткой, приговорилъ одного еврея Марка (Мордохай) къ смертной казни. Кармелиты поспѣшили опубликовать этотъ процессъ для вящшаго укрѣпленія возмутительнаго предразсудка въ народѣ.—Въ 1639 г. возникъ новый процессъ. Коронный трибуналъ осудилъ на смерть двухъ старшинъ Ленчицкой еврейской общины, обвиненныхъ въ убійствѣ христіанскаго младенца изъ сосѣдняго села Комажицы. Несмотря на протестъ ленчицкаго старосты о неподсудности дѣла трибуналу и на то, что подсудимые даже подъ пыткою не сознались въ мнимомъ преступленіи, смертный приговоръ былъ произнесенъ. Тѣла казненныхъ, разсѣченныя на части, были выставлены на столбахъ на перекресткахъ дорогъ. Мѣстные бернардинскіе монахи воспользовались этимъ

случаемъ: они помѣстили въ своемъ костелѣ останки замученнаго будто бы младенца и картину съ подробнымъ описаніемъ убійства. Суевѣрная католическая масса шла на поклоненіе праху мнимаго святого, и доходы бернардинскаго костела въ Ленчицѣ сильно поднялись, — что главнымъ образомъ и имѣли въ виду благочестивые монахи, слѣдовавшіе іезуискому принципу „благочесливаго обмана" (pia fraus).

§ 24. Кагальное самоуправленіе. При томъ положеніи, какое занимали евреи въ Польшѣ, ихъ общественная автономія была и необходима и возможна. Историческую *націю* съ самобытнымъ строемъ жизни государство выдѣлило въ особое *сословіе,* въ особую общественную группу. Будучи составною частью городского населенія, евреи однако оффиціально не причислялись ни къ одному изъ общихъ городскихъ сословій, дѣла которыхъ вѣдались магистратомъ или ремесленными цехами; они даже не были подсудны общимъ судебнымъ учрежденіямъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Они составляли совершенно самостоятельный классъ гражданъ, который долженъ былъ имѣть свои органы самоуправленія и суда. Еврейская община представляла собою не только національно-духовную, но и гражданскую единицу; то былъ еврейскій городъ внутри христіанскаго города, имѣвшій свой особый порядокъ жизни, свои религіозныя, административныя, судебныя и благотворительныя учрежденія. Правительству сословнаго государства пришлось узаконить еврейское „кагальное" самоуправленіе, какъ узаконило оно „магдебургское право" христіанскихъ городскихъ сословій. Короли, какъ прямые „опекуны" евреевъ, были даже заинтересованы въ правильной организаціи кагаловъ, такъ какъ это обезпечивало акуратное поступленіе податей въ казну, да и вообще правительству было удобнѣе имѣть дѣло съ опредѣленной группой представителей еврейскаго народа, чѣмъ съ неорганизованной массой.

Въ эпоху „отеческой опеки", при Сигизмундѣ I, король пытался опекать и еврейское общинное самоуправленіе. Назначеніе Михеля Іезофовича старшиною литовскихъ евреевъ съ особымъ при немъ раввиномъ (§ 21) имѣло цѣлью обезпечить интересы фиска путемъ централизаціи власти въ группѣ кагаловъ. Сигизмундъ I неоднократно утверждалъ избранныхъ евреями „духовныхъ судей" или раввиновъ (judices spirituales, doctores legis) въ разныхъ областяхъ Польши. Въ 1518 г. онъ, по просьбѣ познанскихъ евреевъ, утвердилъ въ званіи судей для всѣхъ общинъ Великой Польши двухъ избранныхъ ими раввиновъ, Моисея и Менделя, съ правомъ поучать и судить своихъ соплеменниковъ на основаніи ихъ закона. Въ Краковѣ, гдѣ существовали двѣ отдѣльныя общины—туземныхъ евреевъ и

переселенцевъ изъ Богеміи, король разрѣшилъ выбирать для каждой особаго раввина,. Были избраны р. Ошеръ для первой и р. Перецъ для второй; когда между этими двумя общинами возникъ споръ изъ-за обладанія старой синагогой, король вмѣшался и рѣшилъ споръ въ пользу туземной общины (1519). Въ 1531 г. брестскій раввинъ Мендель Франкъ жаловался королю, что евреи иногда не подчиняются его судебнымъ рѣшеніямъ и обращаются для разбора своихъ споровъ къ старостамъ королевскимъ,—и Сигизмундъ I долженъ былъ обязать евреевъ подчиняться юрисдикціи ихъ собственныхъ „докторовъ", т. е. раввиновъ, которые судятъ по „закону еврейскому" и имѣютъ право карать ослушниковъ „клятвою" (херемъ, отлученіе) и всякими иными способами. Въ слѣдующемъ году король назначилъ „старшимъ или главнымъ раввиномъ" Кракова, на мѣсто упомянутаго Ошера, извѣстнаго ученаго Моисея Фишеля. Придерживаясь системы централизаціи, король, спустя нѣсколько лѣтъ, призналъ старшими раввинами (Seniores) для всей Малой Польши двухъ „ученыхъ въ еврейскомъ законѣ": того же Моисея Фишеля изъ Кракова и знаменитаго родоначальника талмудизма въ Польшѣ р. Шахну изъ Люблина (1541). Безъ согласія этихъ двухъ „старшихъ", ни одна община не имѣла права приглашать къ себѣ раввина; отлученіе, наложенное ими на ослушниковъ и не снятое въ теченіе опредѣленнаго срока, влекло для виновныхъ отвѣтственность предъ судомъ воеводы и старосты. Однако, нарушеніе выборнаго начала, хотя бы и самимъ королемъ, не допускалось общинами, и въ томъ же году Сигизмундъ I долженъ былъ выдать евреямъ Познани и всей Великой Польши грамоту на право свободнаго выбора главныхъ раввиновъ изъ лицъ, свѣдущихъ въ еврейскомъ законѣ, съ тѣмъ только, чтобы выборъ подтверждался королемъ; мѣстной администраціи строго воспрещалось вмѣшиваться въ такіе выборы наперекоръ желанію общинъ.

Опека правительства исчезала по мѣрѣ того, какъ крѣпла внутренняя организація еврейскихъ общинъ и опредѣлялись функціи раввината и кагальныхъ старшинъ. Великой хартіей общиннаго самоуправленія можетъ считаться грамота Сигизмунда-Августа (отъ 13 августа 1551 г.), установившая слѣдующія автономныя начала для великопольскихъ общинъ: евреи вправѣ избирать себѣ раввиновъ и „законныхъ судей", по общему согласію, для завѣдыванія ихъ духовными и общественными дѣлами; избранные раввины и судьи разъясняютъ народу всякіе вопросы религіознаго ритуала, совершаютъ вѣнчанія, разводы, вводъ во владѣніе и другіе акты гражданскаго состоянія, разбираютъ тяжбы между евреями на основаніи „закона Моисеева" и дополнительныхъ къ нему нормъ; совмѣстно съ кагальными стар-

шинами, они могутъ предавать виновныхъ херему и налагать другія взысканія согласно своему обычному праву; если лицо, подвергнутое отлученію, въ теченіе мѣсяца не загладитъ свою вину, то объ этомъ доводится до свѣдѣнія короля, который можетъ приговорить неисправимаго ослушника къ смертной казни съ конфискаціей имущества; мѣстная королевская администрація обязана съ своей стороны содѣйствовать исполненію распоряженій еврейскихъ раввиновъ и старшинъ. Этимъ законодательнымъ актомъ и цѣлымъ рядомъ другихъ подобныхъ грамотъ, изданныхъ для различныхъ областей Польши, была дана выборнымъ представителямъ еврейскихъ общинъ обширная власть въ сферѣ хозяйственной и административно-судебной, съ гарантіей ея осуществленія при содѣйствіи королевской администраціи. Съ того времени прочно установился режимъ самоуправляющейся общины— *кагала* (קהל). Въ этомъ названіи слились два понятія: „община“ и „общинное управленіе“, какъ совокупность всѣхъ еврейскихъ учрежденій даннаго города до раввината включительно. Дѣятельность кагаловъ особенно широко развернулась начиная со второй половины XVI вѣка.

Кагальныя управы находились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ еврейской осѣдлости. Составъ ихъ соотвѣтствовалъ приблизительно численности данной общины; въ большихъ общинахъ число членовъ кагальной управы доходило до сорока, а въ мелкихъ—до десяти. Члены эти избирались ежегодно, въ промежуточные дни Пасхи, обыкновенно по двухстепенной системѣ; изъ состава прихожанъ всѣхъ синагогъ назначались по жребію нѣсколько (отъ 9 до 5) выборщиковъ („бореримъ“), которые послѣ торжественной присяги избирали кагальныхъ старшинъ. Старшины дѣлились на группы. Двѣ группы—„роши“ и „тувы“ (начальники, оптиматы) стояли во главѣ управленія и завѣдывали общими дѣлами; за ними шли „даяны“ или судьи и „габаи“, т. е. попечители и старосты синагогъ, школъ и благотворительныхъ учрежденій. „Роши“ и „тувы“ это ядро кагала, собираясь въ количествѣ семи человѣкъ, составляли законное засѣданіе. Въ малыхъ общинахъ, ими почти ограничивался составъ правленій. Кругъ дѣятельности кагала былъ очень широкъ. Кагалъ взыскивалъ въ своемъ районѣ и вносилъ въ казну государственныя подати, дѣлалъ раскладки налоговъ, какъ общихъ такъ и спеціальныхъ, завѣдывалъ синагогами, іешивами, кладбищами и другими общинными учрежденіями, выдавалъ купчія крѣпости на недвижимыя имущества, регулировалъ дѣла обученія юношества, благотворительности, торговли и ремеслъ, разбиралъ тяжбы между членами общины, при помощи даяновъ и раввина. Раввинъ, имѣя въ религіозныхъ дѣлахъ самостоятельную власть, во всемъ прочемъ находился въ зависимости отъ кагаль-

наго управленія, которое приглашало его на должность на извѣстный срокъ. Только прославленные авторитетные ученые могли имѣть вліяніе на всѣ сферы общественной дѣятельности.

Власть кагала каждаго города простиралась и на еврейскихъ жителей ближайшихъ селеній и деревень, гдѣ не было самостоятельныхъ органовъ самоуправленія. Кромѣ того, кагалы крупныхъ городовъ держали въ зависимости отъ себя кагалы малыхъ городовъ и мѣстечекъ своего района въ дѣлѣ раскладки податей и судебной юрисдикціи. Такъ возникли *кагальные округи* (גליל). Часто между окружными кагалами происходили споры изъ-за границъ ихъ округовъ или районовъ, и спорныя мелкія общины подчинялись то одной, то другой изъ „воюющихъ сторонъ". Но въ общемъ умѣренная централизація самоуправленія была полезна народу, сообщая стройность всей кагальной іерархіи и давая ей возможность энергичнѣе отстаивать гражданскіе и національные интересы еврейства.

Вѣнцомъ кагальной централизаціи были такъ называемые *ваады* (ועדים), т. е. съѣзды или сеймы раввиновъ и кагальныхъ дѣятелей. Первоначальный толчокъ къ организаціи такихъ съѣздовъ дали раввины-судьи. Автономный, снабженный широкими полномочіями, раввинскій судъ руководствовался въ своей дѣятельности библейско-талмудическимъ законодательствомъ, гдѣ установленъ полный регламентъ религіозной, гражданской и семейной жизни и предусмотрѣны всевозможные виды правонарушеній. Но въ этой сложной системѣ законодательства встрѣчались спорные пункты, для разъясненія которыхъ недостаточна была компетенція одного раввина. Бывали также случаи апелляціи на рѣшеніе даннаго раввинскаго суда къ другому, болѣе авторитетному духовному суду; бывали, наконецъ, и процессы между цѣлыми группами населенія, между одной общиной и другой, или между частнымъ лицомъ и общиннымъ управленіемъ и т. п. Для такихъ случаевъ созывались по временамъ съѣзды раввиновъ и старшинъ, игравшіе роль высшихъ судебныхъ инстанцій. Съ половины XVI вѣка такіе съѣзды происходили во время большихъ ярмарокъ, гдѣ скоплялось много народу изъ разныхъ мѣстъ и куда тяжущіеся пріѣзжали по своимъ торговымъ дѣламъ. Главнымъ сборнымъ пунктомъ была *Люблинская ярмарка*, такъ какъ въ Люблинѣ жилъ отецъ польскаго раввинизма, вышеупомянутый р. Шахна, признанный оффиціально „старшимъ раввиномъ" Малой Польши. Здѣсь, еще при Сигизмундѣ I, собирались раввины („докторы жидовскіе") и разрѣшали гражданскія тяжбы „согласно своему закону". Во второй половинѣ XVI в. ярмарочные съѣзды раввиновъ и общинныхъ старшинъ въ Люблинѣ участились и вскорѣ привели къ образованію правильныхъ періодическихъ

сеймовъ, гдѣ участвовали представители отъ главныхъ еврейскихъ общинъ всей Польши. Дѣятельность сеймовъ, постепенно расширяясь, переходитъ изъ сферы судебной въ административную и законодательную. На съѣздахъ вырабатываются уставы, опредѣляющіе порядокъ кагальныхъ выборовъ, предѣлы компетенціи раввиновъ и судей, право печатанія книгъ и т. п. Иногда эти собранія еврейскихъ чиновъ санкціонируютъ своею властью постановленія польскаго правительства. Такъ, въ 1580 г. съѣхавшіеся въ Люблинъ представители польско-еврейскихъ общинъ торжественно подтвердили извѣстный законъ, запрещавшій евреямъ въ „Коронѣ" заниматься откупами государственныхъ пошлинъ и другихъ доходныхъ статей, въ виду того, что „люди, жаждущіе наживы и обогащенія посредствомъ обширныхъ арендъ, могутъ навлечь на многихъ великую опасность".

Въ концѣ XVI в. ярмарочные съѣзды получили болѣе прочную организацію. Въ нихъ участвовали раввины и кагальные представители отъ слѣдующихъ областей: Великой Польши (главная община—Познань), Малой Польши (Краковъ, Люблинъ), Подоліи или Руси (Львовъ), Волыни (Острогъ или Кременецъ) и Литвы (Брестъ или Гродна). На первыхъ порахъ съѣздъ мѣнялъ свое имя въ зависимости отъ числа представленныхъ областей: онъ назывался съѣздомъ то трехъ, то четырехъ, то пяти областей. Но впослѣдствіи, когда Литва отдѣлилась отъ польскаго кагальнаго союза и создала свой собственный, а четыре коронныя области стали регулярно посылать своихъ делегатовъ, за съѣздомъ упрочилось названіе: „Ваадъ четырехъ областей" (ועד ארבע ארצות). Въ „ваадѣ" участвовали нѣсколько (въ половинѣ XVII в.—шесть) главныхъ раввиновъ Польши и по одному делегату изъ числа старшинъ крупнѣйшихъ кагаловъ, въ общемъ—около тридцати членовъ. Они съѣзжались періодически, одинъ или два раза въ годъ, въ Люблинѣ и Ярославѣ-Галицкомъ поочередно. Обыкновенно въ Люблинѣ засѣдали ранней весною, между Пуримомъ и Пасхой, а въ Ярославѣ—въ концѣ лѣта, передъ осенними праздниками. „Собраніе представителей („парнесы") четырехъ областей—говоритъ лѣтописецъ первой половины XVII в.—напоминало Синедріонъ, нѣкогда возсѣдавшій въ грановитой палатѣ іерусалимскаго храма. Они творили судъ надъ всѣми евреями польскаго королевства, издавали охранительныя предписанія и обязательныя постановленія („таконотъ") и налагали взысканія по своему усмотрѣнію. Всякое трудное дѣло представлялось на ихъ судъ. Чтобы облегчить себѣ работу, представители четырехъ областей выбирали (особую коммиссію) такъ называемыхъ „областныхъ судей", которые разбирали имущественные споры; сами же

они (въ полномъ составѣ) разсматривали дѣла уголовныя, дѣла о хазакѣ (правовладѣнія и давности) и прочіе трудные процессы".

„Ваадъ четырехъ областей" стоялъ на стражѣ гражданскихъ интересовъ еврейства въ Польшѣ. Онъ посылалъ своихъ „штадлоновъ" въ Варшаву и другія мѣста, гдѣ засѣдали государственные сеймы, съ цѣлью ходатайствовать предъ королемъ и сановниками о подтвержденіи прежнихъ еврейскихъ привилегій, нарушаемыхъ мѣстной администраціей, или хлопотать о предотвращеніи проектируемыхъ ограничительныхъ законовъ и податныхъ прибавокъ для еврейскаго населенія. Но главная общественная дѣятельность ваада была направлена къ урегулированію внутренняго быта. Характеренъ въ этомъ отношеніи регламентъ 1607 года, выработанный, по порученію ваада, люблинскимъ раввиномъ Іошуа-Фалкъ Когеномъ. Для укрѣпленія благочестія и торговой честности въ народѣ ваадъ предписывалъ: обращать особенное вниманіе на соблюденіе ритуальныхъ законовъ о пищѣ, питьѣ и одеждѣ; стараться по возможности, чтобы евреи не уподоблялись христіанамъ въ покроѣ платья; не пить вина съ христіанами въ харчевняхъ, подъ опасеніемъ прослыть опороченнымъ членомъ общества; заботиться объ охранѣ женскаго цѣломудрія, особенно въ деревняхъ, гдѣ семьи еврейскихъ арендаторовъ разбросаны среди христіанъ. Въ томъ же регламентѣ установлены правила для обузданія дѣятельности ростовщиковъ и урегулированія кредитныхъ операцій вообще.

Въ 1623 г. кагалы Литвы отдѣлились отъ союза четырехъ областей короны и учредили свой особый областной союзъ, съ центральнымъ органомъ въ формѣ съѣзда представителей трехъ главныхъ кагаловъ: Бреста, Гродны и Пинска. Позже (1652 и 1691 г.) къ нимъ примкнули кагалы Вильны и Слуцка. Литовскій съѣздъ или сеймъ назывался обыкновенно „Ваадомъ главныхъ общинъ литовскаго края" (ועד קהלות ראשיות דמדינת ליטא). Выработанный первымъ съѣздомъ органическій уставъ обнимаетъ многія стороны общественнаго и духовнаго быта евреевъ: онъ регулируетъ взаимныя отношенія общинъ, способы раскладки податей между ними, отношенія къ государственнымъ сеймамъ, мѣстнымъ властямъ, помѣстной шляхтѣ и городскимъ сословіямъ, кагальные выборы и дѣло народнаго образованія. Литовскій ваадъ созывался каждые три года въ разныхъ городахъ Литвы (Сельцъ, Заблудово, Хомскъ и др.); но бывали и чрезвычайные съѣзды, внѣ очереди. Въ первые годы литовскій ваадъ находился еще, повидимому, въ нѣкоторой зависимости отъ короннаго, но впослѣдствіи эта зависимость прекратилась.

Такимъ образомъ и Польша (Корона), и Литва имѣли свои общинные

союзы съ центральными органами управленія. Въ польскомъ общинномъ союзѣ участвовали, какъ уже сказано, четыре области. Кагалы, входившіе въ составъ каждой изъ этихъ областей, устраивали свои раіонные съѣзды, относившіеся къ главному ваду какъ польскіе „сеймики“ къ сеймамъ. Такъ, группа общинъ Великой Польши имѣла свой сеймикъ, Волыни — свой и т. д. Областные кагальные сеймики собирались для распредѣленія налоговъ между отдѣльными общинами данной области пропорціонально ихъ населенію, или для выбора делегатовъ въ союзный ваадъ. Эти сеймики играли роль *среднихъ органовъ самоуправленія,* стоявшихъ между отдѣльными кагалами и общими ваадами, короннымъ и литовскимъ. Вся эта стройная организація общиннаго самоуправленія должна была поддерживать въ еврейскомъ населеніи законность и дисциплину. Она цивилизовала массу, предоставленную самой себѣ и стоявшую въ сторонѣ отъ общегосударственной жизни. Она давала безгосударственному народу суррогатъ національно-политической самодѣятельности, поддерживала въ немъ духъ общественности и своеобразной гражданственности, сохраняла и отчасти развивала его самобытную культуру.

§ 25. Школьное обученіе. Однимъ изъ главныхъ устоевъ этой самобытной культуры была автономная школа. Обученіе дѣтей составляло постоянную заботу кагаловъ и раввиновъ, съѣздовъ и сеймовъ. Низшее и среднее образованіе сосредоточивалось въ *хедерахъ*, высшее—въ *іешивахъ*. Обученіе въ хедерахъ считалось обязательнымъ для всѣхъ мальчиковъ перваго школьнаго возраста, приблизительно отъ 6 до 13 лѣтъ. Въ этихъ школахъ изучали послѣдовательно Библію въ подлинникѣ, съ переводомъ на разговорный нѣмецко-еврейскій языкъ, и доступные трактаты Талмуда съ комментаріями; въ нѣкоторыхъ допускалось еще изученіе грамматики древнееврейскаго языка и четырехъ дѣйствій ариѳметики. Учрежденіе хедеровъ предоставлялось частной предпріимчивости: всякій „меламедъ“ (учитель) могъ открывать хедеръ для мальчиковъ и получать отъ ихъ родителей вознагражденіе за свой трудъ; на счетъ общины содержались только хедера для бѣдныхъ дѣтей или сиротъ, извѣстные подъ именемъ „талмудъ-торъ“. Кагальный надзоръ распространялся, однако, не только на общественныя, но и на частныя низшія школы. Кагальная управа предписывала программы преподаванія въ хедерахъ, устраивала экзамены учащимся, опредѣляла размѣръ платы учителямъ, продолжительность учебнаго дня (8—12 часовъ), и вообще завѣдывала школьнымъ дѣломъ, мѣстами выдѣляя изъ своей среды нѣчто въ родѣ училищной коммиссіи.

Высшая талмудическая школа—іешива—находилась всецѣло подъ опекою

кагала и раввиновъ. Эта школа, дававшая полное религіозное и юридическое образованіе на основаніи Талмуда и раввинскихъ кодексовъ, получила даже правительственную санкцію. Король Сигизмундъ-Августъ разрѣшилъ еврейскому обществу въ Люблинѣ открыть іешиву или „гимназію", въ особо для того построенномъ зданіи, и предоставилъ завѣдующему ею ученому раввину титулъ „ректора" съ широкими полномочіями въ духовныхъ дѣлахъ общины (1567). Спустя четыре года, король далъ еще болѣе широкую привилегію „ученому Соломону изъ Львова, котораго еврейское общество Львова и всей земли русской избрало своимъ старшиною": ему разрѣшалось открывать школы въ разныхъ городахъ, „упражнять учащихся въ наукахъ", управлять ими и пріучать къ строгой дисциплинѣ. Съ теченіемъ времени возникли талмудическія іешивы во всѣхъ городахъ Польши и Литвы. Обязанности ректора или „рошъ-іешивы" въ этихъ заведеніяхъ исполнялъ или мѣстный раввинъ, или особое лицо, извѣстное своей ученостью. Соединеніе званій раввина и рошъ-іешивы встрѣчалось, повидимому, въ такихъ общинахъ, гдѣ обязанности духовнаго пастыря были несложны и допускали одновременное исполненіе и учительскихъ обязанностей. Въ центральныхъ же общинахъ, гдѣ установилось правильное раздѣленіе общественныхъ функцій, рошъ-іешива представлялъ собою особый духовный чинъ, облеченный большимъ авторитетомъ. Подобно ректорамъ тогдашнихъ іезуитскихъ коллегій, рошъ-іешива былъ полновластнымъ хозяиномъ въ своей школѣ; онъ имѣлъ надъ учащимися неограниченную власть, предписывалъ имъ опредѣленную дисциплину и творилъ надъ ними судъ и расправу.

Современный лѣтописецъ, р. Натанъ Гановеръ изъ Заслава, даетъ слѣдующую яркую картину школьной жизни въ еврейскихъ общинахъ Польши и Литвы въ первой половинѣ XVII вѣка:

„Нѣтъ такой страны, гдѣ святое ученіе было бы столь распространено между нашими братьями, какъ въ государствѣ польскомъ. Въ каждой общинѣ существовала іешива, глава которой получалъ щедрое содержаніе изъ общественныхъ суммъ, дабы онъ могъ завѣдывать школою безъ заботъ и отдаваться своей ученой дѣятельности. Общины содержали также на свой счетъ юношей („бахуримъ") и давали имъ опредѣленную недѣльную плату, съ тѣмъ чтобы эти юноши обучались въ іешивѣ. Каждому изъ юношей назначалось не меньше двухъ мальчиковъ („неаримъ"), которыхъ онъ долженъ былъ обучать, дабы упражняться въ преподаваніи Талмуда и въ научныхъ преніяхъ. Мальчикамъ (бѣднымъ) отпускалось кушаніе на счетъ благотворительной кассы или изъ общественной кухни. Если община состо-

яла изъ 50 семействъ, то она содержала не меньше 30 юношей и мальчиковъ, при чемъ каждый юноша со своими двумя мальчиками-учениками пользовался столомъ у одного какого-либо обывателя и почитался въ этой семьѣ какъ родной сынъ... И не было почти ни одного еврейскаго дома во всей землѣ польской, въ которомъ самъ хозяинъ, либо сынъ его, либо зять, либо наконецъ столующійся у него іешиботникъ не былъ бы ученымъ; часто же всѣ они встрѣчались въ одномъ домѣ. Вотъ почему въ каждой общинѣ было много ученыхъ. Такъ, напримѣръ, въ общинѣ изъ 50 семействъ встрѣчалось около 20 ученыхъ, которые носили титулъ *морену* или *хаверъ*. Выше же всѣхъ стоялъ рошъ-іешива; всѣ ученые слушались его и приходили въ его школу.

Порядокъ ученія въ Польшѣ былъ слѣдующій. Учебный семестръ, въ теченіе котораго юноши обязаны были обучаться у рошъ-іешивы, продолжался лѣтомъ отъ начала мѣсяца Іара до середины Ава (приблизительно съ апрѣля по іюль), а зимою отъ начала Хешвана до середины Швата (октябрь—январь). Внѣ этихъ сроковъ учащіеся имѣли право выбирать себѣ мѣсто ученія гдѣ имъ было угодно. Въ началѣ лѣтнихъ и зимнихъ семестровъ въ іешивахъ изучали съ большимъ прилежаніемъ гемару (Вавилонскій Талмудъ), съ комментаріями Раши и тосафистовъ. И собирались ежедневно мудрецы общины, молодые люди и вообще всѣ, сколько-нибудь прикосновенные къ наукѣ, въ зданіи іешивы, гдѣ на стулѣ возсѣдалъ начальникъ заведенія, а вокругъ него располагалось, стоя, множество ученыхъ и учащихся. До появленія начальника, они препирались между собою по вопросамъ законовѣдѣнія (галахи). Когда же рошъ-іешива садился на свое мѣсто, каждый могъ предлагать ему какой-нибудь сложный талмудическій вопросъ или требовать разъясненія труднаго мѣста, а онъ каждому отвѣчалъ и разъяснялъ. Послѣ этого водворялась тишина—и рошъ-іешива читалъ свою обычную лекцію по галахѣ, съ своими собственными толкованіями и дополненіями. Послѣ лекціи онъ устраивалъ научный диспутъ („хилукъ"), который состоялъ въ слѣдующемъ: сопоставлялись разныя противорѣчивыя мѣста изъ текста Талмуда или изъ комментаріевъ. Эти противорѣчія кое-какъ улаживались разными другими ссылками, затѣмъ открывались противорѣчія въ самихъ ссылкахъ и разрѣшались новыми ссылками, и такъ далѣе, пока обсуждаемый вопросъ не былъ окончательно разъясненъ. Эти занятія никогда не кончались лѣтомъ раньше полудня. Во вторые же полусеместры начальникъ іешивы меньше занимался диспутами, но читалъ для ученыхъ текстъ религіозныхъ сводовъ—„Туримъ" съ комментаріями, а для учащихся—разные галахскіе компендіумы въ родѣ „Аль-

фаси“ и т. п. За нѣсколько недѣль до окончанія занятій, въ концѣ лѣта или зимы, рошъ-іешива назначалъ диспуты учащимся юношамъ, при чемъ самъ участвовалъ въ преніяхъ.

„При начальникѣ іешивы состоялъ особый служитель, который ежедневно обходилъ первоначальныя школы или хедера и наблюдалъ, чтобы въ нихъ усердно учились мальчики, какъ бѣдные, такъ и богатые, и не шатались безъ дѣла. Разъ въ недѣлю, по четвергамъ, ученики (хедеровъ) обязаны были являться къ школьному попечителю („габай“), который экзаменовалъ ихъ въ томъ, что они прошли за недѣлю; и если кто-нибудь ошибался въ отвѣтахъ, то служитель билъ того крѣпко плетьми, по приказанію попечителя, а также сильно срамилъ передъ прочими мальчиками, дабы онъ помнилъ и въ слѣдующую недѣлю учился бы лучше. По пятницамъ же, еженедѣльно, мальчиковъ экзаменовалъ самъ рошъ-іешива. Оттого-то и былъ страхъ въ дѣтяхъ, и учились они усердно... Люди ученые находились въ большомъ почетѣ, и народъ слушался ихъ во всемъ; это поощряло многихъ домогаться ученыхъ степеней, и такимъ образомъ земля была наполнена знаніемъ“.

Въ видѣ корректива къ этому восхваленію школьныхъ порядковъ въ Польшѣ, слѣдуетъ привести отзывъ другого современника, осуждающій схоластическій методъ преподаванія въ тогдашнихъ іешивахъ. „Все ученіе въ іешивѣ—пишетъ извѣстный проповѣдникъ Эфраимъ Ленчицкій—сводится къ изощренію ума и пустымъ преніямъ, называемымъ „хилукъ“. Ужасно подумать, что престарѣлый рабби, предсѣдательствующій въ іешивѣ, желая изобрѣсти и показать другимъ какое-нибудь новое толкованіе, объясняетъ превратно смыслъ гемары, между тѣмъ какъ онъ самъ и другіе знаютъ, что настоящій смыслъ не таковъ! Развѣ Богъ велѣлъ изощрять свой умъ ложью и ухищреніями, тратить свое время по пустому и пріучать къ этому слушателей? И все это для того, чтобы прославиться ученымъ!.. Я лично часто спорилъ съ великими учеными нашего времени, доказывая необходимость уничтоженія метода „пилпула“ и „хилука“, и не могъ ихъ убѣдить. Объясняется это погонею ученыхъ за почетомъ и мѣстами рошъ-іешивъ. Особенно пагубно отражаются эти праздныя словопренія на нашихъ „бахурахъ“, ибо кто не отличается въ преніяхъ считается неспособнымъ и поневолѣ бросаетъ ученіе, между тѣмъ какъ при правильномъ изученіи Библіи, Мишны, Талмуда и Поскимъ такой ученикъ могъ бы оказаться однимъ изъ лучшихъ. Я самъ знаю способныхъ молодыхъ людей, которые не отличились въ пилпулѣ и поэтому, потерявъ уваженіе въ глазахъ товарищей, совсѣмъ оставили науку послѣ своей женитьбы“.

§ 26. Расцвѣтъ раввинской литературы. Подъемъ умственнаго уровня польскихъ евреевъ былъ слѣдствіемъ ихъ относительнаго экономическаго благосостоянія; направленіе же умственнаго творчества находилось въ прямой зависимости отъ ихъ общественной автономіи. Широкое кагальное самоуправленіе подняло авторитетъ раввина, ученаго талмудиста—вообще законовѣда. Раввинъ исполнялъ въ общинѣ обязанности духовнаго пастыря, начальника іешивы и инспектора низшихъ школъ, законодателя и судьи. Знакомство съ сложнымъ и запутаннымъ талмудическимъ правомъ было до извѣстной степени обязательно и для мірянина, занимавшаго должность старшины или вообще прикосновеннаго къ дѣлу самоуправленія. Талмудическія законоположенія регулировали внутренній бытъ польскихъ евреевъ, какъ это было нѣкогда въ Вавилоніи, во времена автономныхъ экзилархъ и гаоновъ. Но со временъ гаоновъ еврейское законоученіе значительно расширилось: къ талмудическому іудейству прибавилось раввинское. И вотъ эта вѣками наслоенная религіозно-правовая наука завладѣла умомъ книжныхъ людей въ Польшѣ, второй Вавилоніи: она самодержавно царила въ синагогахъ, іешивахъ, низшихъ школахъ; она давала тонъ общественной и домашней жизни, говорила устами судьи, администратора, кагальнаго дѣятеля. Она, наконецъ, заполонила литературное творчество. Литература сдѣлалась почти исключительно раввинско-юридической.

Зародыши талмудической науки въ Польшѣ замѣтны уже въ первой половинѣ XVI в. Они были занесены сюда изъ сосѣдней Богеміи, преимущественно изъ школы творца „пилпула“ — Якова Поляка (§ 19). Ученикъ послѣдняго, рабби *Шаломъ Шахна* (ок. 1500—58) считается однимъ изъ піонеровъ талмудизма въ Польшѣ. О его жизни извѣстно только то, что онъ жилъ и умеръ въ Люблинѣ, что въ 1541 г. онъ указомъ короля Сигизмунда I былъ утвержденъ въ званіи „старшаго раввина“ Малой Польши и стоялъ во главѣ іешивы, изъ которой вышли раввинскія знаменитости слѣдующаго поколѣнія. Весьма вѣроятно, что и люблинскіе раввинскіе, съѣзды, впослѣдствіи преобразованные въ „Ваадъ четырехъ областей“, были созданы по иниціативѣ р. Шахны. Его сынъ, Израиль Шахновичъ, занималъ послѣ смерти отца постъ верховнаго раввина въ Люблинѣ. Но общееврейскую извѣстность пріобрѣлъ ученикъ Шахны, *Моисей Иссерлисъ,* называемый въ литературѣ сокращенно *Рамо* (רמ"א, 1520—72).

Моисей Иссерлисъ, сынъ зажиточнаго кагальнаго старшины въ Краковѣ, рано выдвинулся въ раввинскомъ мірѣ. Онъ занималъ въ родномъ городѣ должность члена духовнаго суда и стоялъ во главѣ іешивы. Это соединеніе научной и практической дѣятельности заставило его углубиться въ

существующіе раввинскіе кодексы—и онъ нашелъ ихъ неудовлетворительными, нуждающимися въ дополненіяхъ. Иссерлиса не удовлетворила даже предпринятая его палестинскимъ современникомъ Іосифомъ Каро коренная переработка еврейскаго права. Когда въ 1550-хъ годахъ появился обширный комментарій Каро къ кодексу „Туримъ", подъ именемъ „Бетъ-Іосифъ" (§ 5), краковскій ученый составилъ къ тому же кодексу свой комментарій („Дарке Моше"), въ которомъ значительно дополнилъ собранный тамъ законодательный матеріалъ на основаніи источниковъ, не предусмотрѣнныхъ даже всевѣдущимъ Іосифомъ Каро. Когда же послѣдній, спустя нѣсколько лѣтъ, выпустилъ въ свѣтъ свой собственный кодексъ „Шулханъ-арухъ", Моисей Иссерлисъ обратилъ вниманіе на то, что авторъ, какъ сефардъ, пренебрегъ многими изслѣдованіями ашкеназійскихъ раввинскихъ авторитетовъ и упустилъ изъ виду мѣстные религіозные обычаи („мингагимъ"), которыхъ держались тѣ или другія группы нѣмецко-польскаго еврейства. Всѣ эти пропуски были тщательно отмѣчены и дополнены Иссерлисомъ. Онъ включилъ въ текстъ „Шулханъ-аруха" множество новыхъ статей законовъ, выработанныхъ имъ на основаніи упомянутыхъ народныхъ обычаевъ или религіозно-юридической практики ашкеназійскихъ раввиновъ. Такъ какъ кодексъ Каро носилъ названіе „Накрытый столъ", то Иссерлисъ назвалъ свои поправки къ этому кодексу „Скатертью" (*Manna:* болѣе употребительное ихъ названіе—„Гагоготъ"). Въ этомъ именно дополненномъ видѣ „Шулханъ-арухъ" былъ введенъ, въ качествѣ свода законовъ раввинскаго іудаизма, въ религіозный и житейскій обиходъ польскихъ евреевъ. Въ 1578 г. въ Краковѣ появилось первое изданіе кодекса Каро-Иссерлиса, а за нимъ послѣдовали многочисленныя перепечатки, свидѣтельствовавшія о чрезвычайной популярности этой книги.

„Шулханъ-арухъ" легъ въ основаніе дальнѣйшаго развитія польскаго раввинизма. Лишь немногіе крупные ученые того времени осмѣливались оспаривать авторитетъ этого общепризнаннаго кодекса. Къ числу такихъ смѣльчаковъ принадлежалъ современникъ и корреспондентъ Иссерлиса *Соломонъ Лурія*, извѣстный подъ сокращеннымъ именемъ *Рашалъ* (ок. 1510—73 г.). Соломонъ Лурія былъ уроженецъ Познани, куда его дѣдъ переселился изъ Германіи. Обладая острымъ аналитическимъ умомъ, Лурія былъ рѣшительнымъ противникомъ новой школьной діалектики (пилпулъ), а поставилъ себѣ за образецъ старый казуистическій методъ тосафистовъ, состоявшій въ детальной критикѣ и тонкомъ анализѣ текстовъ Талмуда. Въ этомъ духѣ онъ началъ составлять свой замѣчательный комментарій къ Талмуду („Ямъ шелъ Шеломо"), но успѣлъ комментировать

лишь нѣсколько трактатовъ. Во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ онъ обнаруживалъ смѣлость мысли и независимость сужденій, и не щадилъ авторитетовъ, когда ему казалось, что правда не на ихъ сторонѣ. О „Шулханъ-арухѣ“ и его авторѣ онъ отзывался съ пренебреженіемъ, утверждая, что Іосифъ Каро безъ надлежащей критики пользовался источниками и произвольно разрѣшалъ спорные вопросы законодательства. Вслѣдствіе этой независимости сужденій, Соломонъ Лурія имѣлъ въ ученомъ классѣ многихъ враговъ, но у него были также восторженные почитатели и преданные ученики. Въ 1550-хъ годахъ онъ состоялъ раввиномъ въ городѣ Острогѣ, на Волыни. Своими талмудическими лекціями, привлекавшими слушателей изъ всего края, онъ сдѣлалъ этотъ городъ умственнымъ центромъ волынскаго и литовскаго еврейства. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Люблинѣ, гдѣ донынѣ существуетъ синагога, носящая его имя.

Лурія и Иссерлисъ слыли столпами раввинизма въ Польшѣ; къ нимъ обращались за разрѣшеніемъ вопросовъ ритуала и права не только изъ разныхъ мѣстъ ихъ отечества, но и изъ Западной Европы — изъ Италіи, Германіи и Богеміи. Отвѣты ихъ на такіе запросы опубликованы въ особыхъ сборникахъ (שו"ת רמ"א ורש"ל). Оба раввина вели научную переписку и другъ съ другомъ. Вслѣдствіе различія ихъ характеровъ и умственныхъ направленій, между ними происходили горячіе споры. Такъ Лурія, при всей трезвости своего ума, чувствовалъ склонность къ каббалѣ; Иссерлисъ же, при всемъ своемъ раввинскомъ консерватизмѣ, удѣлялъ часть своихъ досуговъ философіи. Этими „слабостями“ ученые попрекали другъ друга: Лурія говорилъ, что мудрость „необрѣзаннаго Аристотеля“ къ добру не приведетъ, а Иссерлисъ доказывалъ, что многое въ каббалѣ несогласно съ воззрѣніями Талмуда, и что мистицизмъ болѣе опасенъ для вѣры, чѣмъ умѣренная философія. Иссерлисъ былъ правъ: та философія, которою онъ занимался, едва ли могла быть опасна для правовѣрія. Это доказываетъ его большой трудъ „Торатъ га-ола“, представляющій собою пеструю смѣсь религіозно-философскихъ разсужденій на сюжеты изъ „Путеводителя“ Маймонида съ размышленіями по поводу архитектуры іерусалимскаго храма, его сосудовъ и порядка жертвоприношенія. Во всѣхъ мелочахъ храмового строя авторъ умудряется находить какую-то глубокомысленную символику. Несмотря, однако, на странный планъ этой книги, въ ней есть много главъ, свидѣтельствующихъ о большой начитанности Иссерлиса въ философской литературѣ сефардовъ,—что для ашкеназійскаго раввина XVI вѣка составляло немаловажную заслугу.

Тѣсная связь раввинской науки съ жизнью особенно рельефно выступ-

паетъ съ тѣхъ поръ, какъ начали правильно функціонировать ярмарочные раввинскіе съѣзды и „Ваадъ четырехъ областей". Вааду приходилось для примѣненія на практикѣ разрѣшать сложные вопросы семейнаго, гражданскаго и уголовнаго права, судопроизводства, религіозно-обрядоваго законодательства, — и раввины-законовѣды, участвовавшіе въ этихъ съѣздахъ, имѣли немало живой работы для себя и своихъ коллегъ. Вопросы права и ритуала повсюду усердно изслѣдовались и разрабатывались, со свойственнымъ еврейскому уму острымъ анализомъ, доводящимъ всякую идею до отдаленнѣйшихъ ея послѣдствій и мельчайшихъ деталей. Предметъ и методъ изслѣдованія зависѣлъ обыкновенно отъ общественнаго положенія изслѣдователя. Раввины высшаго ранга, принимавшіе дѣятельное участіе въ кагальномъ управленіи и засѣдавшіе въ ваадахъ Короны или Литвы, обращали наибольшее вниманіе на практическое примѣненіе талмудическаго права. Старѣйшимъ изъ ученыхъ этого разряда въ описываемую эпоху былъ *Мордохай Яффа* (ум. 1612 г.), выходецъ изъ Богеміи, занимавшій должность раввина послѣдовательно въ Гроднѣ, Люблинѣ, Кременцѣ, Прагѣ и Познани. Въ концѣ XVI вѣка онъ неоднократно предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ „Ваада четырехъ областей". Будучи ученикомъ Моисея Иссерлиса, Яффа не считалъ, однако, даже его дополненный „Шулханъ-арухъ" послѣднимъ словомъ кодификаціи, находя, что тамъ законодательные выводы изложены догматически, безъ достаточной мотивировки. Поэтому онъ предпринялъ составленіе новаго, болѣе пространнаго свода законовъ, подъ именемъ „Левушимъ" *(Облаченія)*. Расположенная по общепринятой программѣ четырехъ книгъ „Туримъ", система Мордохая Яффы, отличалась отъ системы Іосифа Каро и Иссерлиса обиліемъ научныхъ разсужденій, сопровождающихъ каждую статью закона. Кодексъ Яффы вызвалъ сначала расколъ въ раввинскомъ мірѣ и грозилъ отвлечь многихъ отъ „Шулханъ-аруха", но послѣдній, въ концѣ концовъ, побѣдилъ и былъ признанъ единственнымъ авторитетнымъ руководствомъ для религіозно-юридической практики. Кромѣ своего кодекса, Мордохай Яффа написалъ еще (подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ „Левушимъ") пять томовъ, заключающихъ въ себѣ библейскіе комментаріи, синагогальныя проповѣди, примѣчанія къ „Путеводителю" Маймонида и каббалистическія изслѣдованія.

Преемникомъ Яффы въ роли старѣйшаго раввина-предсѣдателя „Ваада четырехъ областей" былъ, повидимому, *Іошуа-Фалкъ Когенъ* (ум. 1616 г.), раввинъ въ Люблинѣ и затѣмъ ректоръ талмудической іешивы во Львовѣ. Онъ прославился своимъ комментаріемъ къ „Хошенъ-мишпату" — гражданской части кодекса Каро („Сеферъ Меиръ-энаимъ", сокращенно סמ"ע). Онъ

же составилъ, по порученію Ваада, большую часть вышеупомянутаго (§ 24) регламента 1607 года для упроченія благочестія и добрыхъ нравовъ въ народѣ.

Болѣе схоластическое, чѣмъ жизненное направленіе замѣтно въ трудахъ современника Когена, *Меира Люблинскаго* (1554—1616), извѣстнаго подъ сокращеннымъ именемъ *Магарамъ* (מהר"ם מלובלין). Онъ былъ раввиномъ въ Краковѣ, Львовѣ и Люблинѣ, читалъ талмудическія лекціи передъ большой аудиторіей, писалъ остроумные казуистическіе комментаріи къ труднѣйшимъ отдѣламъ Талмуда („Меиръ эйне хахамимъ") и отвѣчалъ на многочисленные письменные вопросы ученыхъ правовѣдовъ („Шаалотъ у-тешувотъ Магарамъ"). Придавая значеніе только остроумному анализу, Магарамъ высокомѣрно относился къ кодификаторамъ и систематикамъ, въ родѣ Иссерлиса и Яффы. До какой мелочности доходили его изслѣдованія, доказываетъ между прочимъ то, что онъ счелъ нужнымъ написать особое разъясненіе по вопросу, можно ли считать нарушительницею супружеской вѣрности женщину, имѣвшую сношенія съ дьяволомъ, который явился къ ней сначала въ образѣ ея мужа, а затѣмъ подъ видомъ польскаго дворянина.—Въ области школьной діалектики успѣшно соперничалъ съ Магарамомъ раввинъ Познани, Люблина и Острога *Самуилъ Эдельсъ*, извѣстный подъ сокращеннымъ именемъ *Магаршо* (מהרש"א, ум. въ 1631 г.). Въ своихъ обширныхъ разъясненіяхъ ко всѣмъ отдѣламъ талмудической галахи („Хидуше галахотъ"), онъ стремился главнымъ образомъ изощрять мыслительныя способности и память учащихся, посредствомъ остроумныхъ сопоставленій текстовъ и всевозможныхъ схоластическихъ тонкостей. Діалектическій комментарій Магаршо сдѣлался однимъ изъ существенныхъ пособій при преподаваніи Талмуда въ хедерахъ и іешивахъ, гдѣ онъ и донынѣ весьма часто употребляется. Его комментарій къ агадѣ Талмуда пересыпанъ каббалистическими и религіозно-философскими идеями консервативныхъ мыслителей.

Въ серединѣ XVII вѣка авторитетъ „Шулханъ-аруха" въ редакціи Иссерлиса уже до такой степени утвердился въ Польшѣ, что этотъ кодексъ стали изучать и комментировать еще съ большимъ усердіемъ чѣмъ Талмудъ. Раввинъ Бреста и Кракова *Іоиль Сиркисъ* (ум. въ 1641 г.) читалъ лекціи законовѣдѣнія по кодексамъ „Туримъ" и „Шулханъ арухъ". Къ первому изъ нихъ онъ написалъ комментарій подъ названіемъ „Бетъ-хадашъ" (ב"ח), и издалъ множество разъясненій по религіознымъ вопросамъ. Онъ уважалъ каббалу и рѣзко осуждалъ философію. Младшіе современники его занимались исключительно разработкою Шулханъ-аруха и въ особенности ри-

туальной его части—„Іоре-деа", гдѣ собраны законы о религіозно домашнемъ обиходѣ, о „кошерѣ и трефѣ" и т. п. Въ 1646 г. появились два подробныхъ комментарія къ „Іоре-деа"; одинъ былъ составленъ львовскимъ и острожскимъ раввиномъ *Давидомъ Галеви*, подъ заглавіемъ „Туре-загавъ", а другой („Сифте-когенъ")—виленскимъ ученымъ *Саббатаемъ Когеномъ*. Эти два комментарія, извѣстные подъ названіями *Тазъ* и *Шахъ* (ט"ז וש"ך), стали съ тѣхъ поръ печататься вмѣстѣ съ текстомъ Шулханъ-аруха.

Оживленію литературнаго производства не мало способствовалъ быстрый ростъ еврейскаго книгопечатанія въ Польшѣ. Первая еврейская книга (Пятикнижіе) была напечатана въ Краковѣ въ 1530 г. Во второй половинѣ XVI в. дѣйствовали уже двѣ большія типографіи—въ Краковѣ и Люблинѣ, печатавшія множество старыхъ и новыхъ книгъ талмудической, раввинской и популярно-дидактической литературы. Въ 1566 г. король Сигизмундъ-Августъ предоставилъ краковскому еврею Бенедикту Левиту монопольное право на привозъ еврейскихъ книгъ въ Польшу изъ-за границы; а въ 1578 г. Стефанъ Баторій далъ нѣкоему Кальману привилегіи на печатаніе еврейскихъ книгъ въ Люблинѣ, въ виду затруднительности привоза ихъ изъ-за границы. Одной изъ причинъ усиленія книгопечатанія въ Польшѣ была папская цензура, установленная для Талмуда въ Италіи въ 1564 г. Съ тѣхъ поръ типографіи Кракова и Люблина успѣшно конкуррировали съ технически усовершенствованными типографіями Венеціи и Праги, и книжный рынокъ въ Польшѣ все болѣе наполнялся мѣстными изданіями.

§ 27. **Теологія, каббала, апологетика.** Талмудико-раввинское законовѣдѣніе, поглощавшее лучшія умственныя силы польскаго еврейства, оставляло очень мало мѣста для другихъ отраслей литературнаго творчества. Среди отважныхъ „пловцовъ моря талмудскаго", состязавшихся въ эрудиціи и діалектическомъ искусствѣ, лишь изрѣдка попадались писатели съ болѣе глубокими духовными наклонностями, съ интересомъ къ вопросамъ философіи, этики и естествознанія. Въ самомъ началѣ XVI в., до утвержденія раввинскаго абсолютизма, встрѣчаются еще въ Польшѣ евреи свѣтски образованные, медики и естествовѣды, преимущественно выходцы изъ Испаніи; имѣются даже свѣдѣнія о группѣ молодыхъ польскихъ евреевъ, изучавшихъ медицину въ Италіи, въ Падуанскомъ университетѣ (1501). Въ половинѣ XVI в. Соломонъ Лурія еще жалуется на то, что „бахуры", питомцы талмудическихъ іешивъ, украдкой занимаются философіей Аристотеля. Но все это были исключительныя явленія, исчезнувшія съ упроченіемъ раввинскаго академическаго режима.

Религіозная философія составляла только предметъ любительскихъ упражненій на досугѣ для нѣкоторыхъ представителей раввинской науки. Моисей Иссерлисъ и Мордохай Яффа поверхностно комментировали „Путеводитель“ Маймонида, избѣгая, конечно, его неудобныхъ раціоналистическихъ выводовъ. Излюбленной книгой тогдашнихъ теологовъ была „Иккаримъ“ — система догматики іудаизма консервативнаго сефардскаго мыслителя Іосифа Альбо (II, § 154). Эту книгу комментировали *Яковъ Копельманъ* изъ Бреста-Куявскаго („Огель-Яковъ“, Краковъ, 1599) и *Гедалія Лифшицъ* изъ Люблина („Эцъ-шатулъ“, 1618). Первый, любитель математики, уснастилъ свой комментарій и геометрическими и астрономическими доказательствами, находя, что такими способами можно научно обосновать бытіе Бога и соотношенія явленій. Второй больше склоняется къ метафизикѣ и морали. Насколько однако этотъ комментаторъ былъ далекъ отъ пониманія истиннаго смысла подлинника, доказываютъ его замѣчанія ко вступительнымъ тезисамъ книги. Тамъ, гдѣ Альбо говоритъ, что „счастіе человѣка зависитъ отъ совершенства его міросозерцанія и поведенія“, Лифшицъ замѣчаетъ: „Подъ счастіемъ человѣческимъ подразумѣвается *загробная жизнь*, ибо цѣль человѣка въ семъ мірѣ заключается только въ достиженіи вѣчнаго блаженства послѣ смерти“. Такимъ образомъ, польскіе раввины перекраивали и философію на свой ладъ и тѣмъ „обезвреживали“ ее. Свободное изслѣдованіе было невозможно, да и не безопасно въ этой средѣ, гдѣ самодержавно царила традиція. Главный краковскій раввинъ, упомянутый Іоиль Сиркисъ говорилъ, что философія — мать ересей, что она есть та „блудница“, о которой премудрый Соломонъ сказалъ: „кто придетъ къ ней, тотъ не вернется назадъ“. Кто увлекается философіей и поноситъ тайную мудрость каббалы подлежитъ, по мнѣнію Сиркиса, синагогальному проклятію и удаленію изъ общества вѣрующихъ.

Каббала, эта контръ-философія ортодоксовъ, постепенно распространялась въ Польшѣ. Насадителемъ ея считаютъ краковскаго ученаго *Мататію Делакрута*, выходца изъ Италіи. Въ 1594 г. онъ издалъ въ Краковѣ съ подробнымъ комментаріемъ систему теоретической каббалы сефардскаго писателя XIV в. Іосифа Джикатилы (II, § 133), подъ заглавіемъ „Врата свѣта“ („Шааре-ора“). Делакрутъ былъ по части „тайной науки“ учителемъ многостороннаго раввина Мардохая Яффы, который написалъ суперкомментарій къ библейскому мистическому комментарію итальянца Реканати (II, § 143). Съ начала XVII вѣка старая теоретическая каббала вытѣсняется въ Польшѣ практической каббалой новой школы Ари и Виталя. Авторъ знаменитаго руководства аскетической морали „Шело“, Іешая Горовицъ (§ 19), жилъ

долгое время въ Польшѣ. Его сынъ *Шефтель Горовицъ*, занимавшій раввинскій постъ въ Познани (1641—58), издалъ эту книгу съ приложеніемъ своего нравоучительнаго трактата „Вове га'амудимъ". Спеціалистомъ по части практической каббалы былъ краковскій проповѣдникъ и ректоръ талмудической школы *Натанъ Шапиро* (1585—1633). Его болѣе головоломная, чѣмъ глубокомысленная книга „Разоблаченіе глубокихъ тайнъ" (*Мегале амукотъ*, Краковъ 1637) заключаетъ въ себѣ толкованія на молитву Моисея о вступленіи въ Обѣтованную землю (Второзаконіе, III, 23) въ 252 видахъ. Это—длиннѣйшая цѣпь каббалистическихъ словосочетаній и темныхъ символическихъ намековъ, изъ которыхъ выводятся такія; напримѣръ, непостижимыя положенія, что Моисей молилъ Бога о пришествіи двухъ мессій изъ рода Іосифова и Давидова, что онъ хотѣлъ устранить нечистую силу и напередъ искупить грѣхи, которые будутъ когда-либо совершены израильскимъ народомъ. Натанъ Шапиро примѣнилъ къ каббалѣ методъ раввинскаго „пилпула" и создалъ какую-то діалектическую мистику, которая имѣла столь же отдаленное отношеніе къ теософіи, какъ школьныя умствованія пилпулистовъ къ научному мышленію.

Болѣе здоровое жизненное направленіе замѣтно въ еврейской апологетической литературѣ, зародившейся въ Польшѣ въ послѣдней четверти XVI вѣка. Вызванное реформаціей религіозное броженіе породило въ польскомъ обществѣ нѣсколько раціоналистическихъ сектъ съ крайними антицерковными воззрѣніями. Наиболѣе приближалась къ догматикѣ іудаизма секта *антитринитаріевъ* („унитаріи", „аріане", „социніане"), отрицавшая догматъ Троицы и божественную природу Христа, но признававшая религіозно-нравственное ученіе Евангелія. Въ числѣ вождей антитринитаріевъ были виленскій богословъ Симонъ Будный и люблинскій Мартинъ Чеховичъ. Такъ какъ католическое духовенство презрительно называло такихъ вольнодумцевъ „іудействующими" или полу-евреями, то тѣ старались всѣми способами доказать, что ихъ ученіе ничего общаго съ іудаизмомъ не имѣетъ. Для этой цѣли они вели устные диспуты съ раввинами и обличали „лжеученіе іудейское" въ своихъ произведеніяхъ.

Мартинъ Чеховичъ особенно усердно диспутировалъ по богословскимъ вопросамъ, въ Люблинѣ и другихъ городахъ, „съ настоящими и мнимыми евреями". Результатъ этихъ споровъ онъ изложилъ въ нѣкоторыхъ главахъ своихъ книгъ: „Христіанскіе діалоги" (1575) и „Катихизисъ" (1580). Одинъ изъ его еврейскихъ оппонентовъ *Яковъ* (Нахманъ) *изъ Бельжица* нашелъ нужнымъ печатно возразить ему въ книжкѣ на польскомъ языкѣ („Odpis na dyalogi Czechowicza", 1581). Яковъ Белжицкій защищаетъ про-

стую догматику іудаизма и упрекаетъ противника въ желаніи вызвать ненависть къ еврейскому народу. Любопытно слѣдующее указаніе Якова на тогдашній способъ диспутированія: „Часто бываетъ такъ, что христіанинъ задаетъ мнѣ вопросъ изъ Писанія, а я ему отвѣчаю тоже изъ Писанія и доказываю это какъ слѣдуетъ; онъ же вдругъ вырываетъ другое мѣсто (изъ Библіи), говоря: а какъ ты это понимаешь?—и не оканчиваетъ такимъ образомъ перваго вопроса, на которомъ слѣдовало бы дольше остановиться. Такъ бываетъ, когда охотничьи собаки гоняются за зайцемъ, онъ убѣгаетъ съ дороги на тропинку, а когда собаки хотятъ его тамъ схватить, онъ ускользаетъ въ кусты. Поэтому и еврей врывается въ рѣчь христіанина въ серединѣ, опасаясь, чтобы тотъ не ускользнулъ какъ заяцъ, какъ только окончитъ рѣчь". Чеховичъ печатно отвѣтилъ на книжку Якова Белжицкаго въ томъ же году; онъ защищалъ идею своихъ „Діалоговъ", обличалъ заблужденія Талмуда и насмѣхался надъ нѣкоторыми еврейскими обрядами, въ родѣ употребленія „тефилинъ", „мезузы" и „цицитъ".

Серьезную отповѣдь христіанскимъ теологамъ далъ образованный караимъ (по другому мнѣнію—еврей-раббанитъ) *Исаакъ изъ Трокъ* (ум. 1594). Онъ диспутировалъ съ католиками, лютеранами и „аріанами" въ Польшѣ не какъ диллетантъ, а какъ глубокій знатокъ Евангелія и христіанской теологіи. Около 1593 г. онъ написалъ замѣчательный апологетическій трактатъ, подъ именемъ „Хизукъ эмуна" (Укрѣпленіе вѣры). Въ первой части этой книги авторъ защищаетъ іудаизмъ противъ нападокъ христіанскихъ богослововъ, а во второй переходитъ въ наступленіе и критикуетъ ученіе церкви. Онъ открываетъ рядъ противорѣчій въ текстахъ синоптическихъ Евангелій, указываетъ на рѣзкія отступленія Новаго Завѣта отъ Ветхаго и на отступленія позднѣйшей церковной догматики отъ самого Новаго Завѣта. Спокойно и увѣренно доказываетъ онъ логическую и историческую несостоятельность тѣхъ толкованій на извѣстныя пророчества Библіи, которыя служатъ предпосылками христіанской догматики. Долгое время этотъ „ужасный" трактатъ не осмѣливались печатать, и онъ распространялся въ спискахъ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводахъ на испанскій и нѣмецкій языки. Еврейскій подлинникъ съ латинскимъ переводомъ былъ впервые напечатанъ, съ найденнаго неполнаго списка, нѣмецкимъ ученымъ Вагензейлемъ, профессоромъ юриспруденціи въ Баваріи. Въ 1681 г. онъ помѣстилъ трактатъ „Хизукъ эмуна" въ сборникѣ антихристіанскихъ сочиненій, носящемъ устрашающее заглавіе „Огненныя стрѣлы сатаны" („Tela ignea Satanae") и изданномъ для миссіонерскихъ цѣлей, „дабы христіане могли опровергнуть эту книгу, могущую укрѣпить евреевъ въ

ихъ заблужденіяхъ". Благочестивый нѣмецкій профессоръ не могъ предвидѣть, что его изданіемъ воспользуются впослѣдствіи такіе „безбожники", какъ Вольтеръ и французскіе энциклопедисты XVIII вѣка, для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ ученію церкви. Вольтеръ сказалъ о книгѣ Исаака Трокскаго: „Самые рѣшительные противники вѣры не изобрѣли такихъ доводовъ, которыхъ нельзя было бы найти въ этомъ „Оплотѣ вѣры" раввина Исаака". Въ новѣйшее время „Хизукъ эмуна" перепечатывался по болѣе точнымъ спискамъ и переводился на европейскіе языки.

§ 28. **Московская Русь и евреи.** Ближайшая сосѣдка Польши и Литвы, замкнутая и отгороженная отъ Западной Европы китайской стѣной *Московская Русь* продолжала и въ XVI в. относиться къ евреямъ съ крайнимъ предубѣжденіемъ и не допускала ихъ въ свои предѣлы. Это предубѣжденіе вытекало изъ нерасположенія тогдашнихъ русскихъ людей, питомцевъ татарско-византійской культуры, къ иноземцамъ или „басурманамъ" вообще; но оно имѣло и спеціальную причину. На Руси еще памятна была „ересь жидовствующихъ", наведшая страхъ на благочестивыхъ московскихъ людей въ концѣ XV и началѣ XVI в. (II, § 148). Евреевъ боялись, какъ чернокнижниковъ и совратителей; суевѣрная молва приписывала имъ всевозможные пороки. Посолъ московскаго великаго князя Василія Ивановича, Герасимовъ, сказалъ извѣстному ученому Павлу Іовію въ Римѣ, въ 1526 году: „Мы, русскіе люди, гнушаемся евреевъ и не дозволяемъ имъ въѣзжать въ Россію".

Еврейскіе купцы изъ Литвы иногда ѣздили по торговымъ дѣламъ въ сосѣдній Смоленскъ, но постояннаго жительства тамъ не имѣли. Около 1545 г. въ Москвѣ были сожжены товары, привезенные туда еврейскими купцами изъ Бреста, и московскій посолъ далъ по этому поводу польскому правительству дипломатическое объясненіе, что евреи привозятъ въ Россію запрещенные товары, не имѣя даже права въѣзда туда. Въ 1550 г. польскій король Сигизмундъ-Августъ отправилъ русскому царю Ивану IV Грозному „грамоту" съ требованіемъ дозволить литовскимъ евреямъ торговать въ Россіи, при чемъ сослался на прежніе договоры о свободѣ торговаго обмѣна между обѣими странами. Иванъ IV рѣшительно отвергъ это требованіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Жидамъ ѣздити въ Россію съ торгами непригоже, для того, что отъ нихъ многія лиха дѣлаются, что отравныя зелія (медикаменты) привозили они въ Россію, и россіянъ отъ христіанства отводили (ересь жидовствующихъ), и онъ бы, король, впредь объ нихъ, жидахъ, не писалъ". Въ этомъ отвѣтѣ ясно выраженъ страхъ

замкнутаго полуварвара передъ силою международнаго культурнаго общенія, какую въ то время представляли евреи.

Иванъ Грозный вскорѣ доказалъ на дѣлѣ, что не намѣренъ терпѣть евреевъ въ своемъ государствѣ. Когда въ 1563 г. русскія войска заняли польскій торговый городъ Полоцкъ, царь велѣлъ окрестить всѣхъ мѣстныхъ евреевъ въ православіе, а непослушныхъ — топить въ Двинѣ. Къ полякамъ царь отнесся снисходительнѣе: онъ только велѣлъ разрушить ихъ церкви, а ихъ самихъ забралъ въ плѣнъ. Къ счастью, Полоцкъ былъ позже возвращенъ Польшѣ храбростью Стефана Баторія, покровителя евреевъ (1579).

Эти первобытныя формы вѣроисповѣдной политики еще долго держались въ московскомъ государствѣ. Въ 1610 г. московскіе бояре вели съ Польшею переговоры объ избраніи польскаго королевича Владислава на русскій престолъ. Былъ составленъ текстъ договора въ 20 пунктахъ, гдѣ излагались условія, на которыхъ бояре соглашались избрать Владислава. Четвертая статья этого договора гласила: „Не быть въ Россіи ни латинскихъ, ни другихъ исповѣданій костеламъ и молебнымъ храмамъ; не склонять никого въ римскую или другую вѣру, а жидамъ не въѣзжать для торговли и иныхъ дѣлъ въ московское государство". При такихъ отношеніяхъ, евреямъ оставалось отказаться отъ промышленной колонизаціи темнаго царства; но впослѣдствіи это царство ворвется въ населенную ими территорію Польши и Литвы,—и московской политикѣ придется проявить свое самобытное творчество въ области еврейскаго вопроса.

Volumina legum (ed. 1859—60), t. I, pp. 309, 375, 506, 524—25, 550; II, 624, 690—92, 725, 1052, 1243; III, 289, 809—10; *Русско-еврейскій архивъ* I, 62—337; II, весь (Спб. 1882); III, 36—260 (Спб. 1903); *Регесты и надписи* I, 95—397 (изд. общ. просвѣщ., Спб. 1899); *Акты виленской коммиссіи* для разбора древнихъ актовъ, т. XXVIII: акты о евреяхъ (Вильна, 1901), №№ 1—278; *Czacki*, Rozprawa o Zydach, 44—54 (ed. 1860); *Kraushar*, Historya Zydów w Polsce, t. II, p. 144—318 (War. (1866); *Gumplowicz*, Prawodawstwo Polskie wzgl. Zydów, 36—45, 50—52, 58—76, 103 (Krak. 1867); *Nussbaum*, Historya Zydów, t. V, 108—223 (War. 1890); *Бершадскій*: Литовскіе евреи до 1569 г., гл. V—VI (Спб. 1883); Исторія виленской еврейской общины, 1593—1649 г. („Восходъ" 1881, кн. VII; 1886, кн. 10, 11; 1887, кн. 3); Матеріалы для исторіи евреевъ въ Польшѣ (ib. 1893, кн. 9); *Дубновъ*: Историческія сообщенія, №№ 6, 7, 8, 11, 12 („Восх." 1894 г., кн. 2—12; 1895 г., кн. 1—2); Евреи и реформація въ Польшѣ XVI в. (ib. 1895, кн. 5—8): Внутренняя жизнь евреевъ въ Польшѣ XVI в. (ib. 1900, кн. 2, 4); *Schorr*; Organizacya Zydów w Polsce, 11—85 (Lwów, 1899); Zydzi w Przemyslu, 1—30, 73—153 (Lwów, 1903); *Brückner*, Z dziejów roznowiercow polskich, „Ateneum" 1898, ks. II); *Perles*, Geschichte d. Juden Polen (Frankel's Monatschrift 1864—65); *Sternberg*, Ge-

schichte d. Juden in Posen, 128 — 155 (Leipzig 1878); *Graetz*. Gesch. IX Bd. Note 10 (ср. свр. перев. съ приложеніемъ Гаркави, т. VII,; *Dubnow*, Council of four lands („Jew. Enc." vol. IV, 1903); *Гаркави*, Очерки Синода четырехъ странъ („Восх." 1884); *Bersohn*, Tobiasz Kohn 31—48 (Krak. 1872); *Исаакъ изъ Трокъ*, חזוק אמונה, изд. Deutsch'a съ нѣмецк. перевод., 1873; *Городецкій*, רמא", מהרם' לובלי (въ сборн. הנרן т. I, 1898); *Равъ-цаиръ*, לתולדות השלחן ערוך (въ השלח т. V—VI).

ГЛАВА V.

Марраны въ странахъ инквизиціи и колонія въ Голландіи.

§ 29. Марраны и инквизиція въ Испаніи. Съ изгнаніемъ евреевъ изъ Пиренейскаго полуострова, въ концѣ XV вѣка, еще не совсѣмъ прекратилась связь гонимой націи съ мрачными гнѣздами инквизиціи. Ушли евреи, но остались марраны,—тѣ десятки тысячъ насильственно загнанныхъ „въ лоно церкви", которые въ душѣ остались вѣрными своей религіи и народности. Эти люди, надѣявшіеся притворнымъ крещеніемъ облегчить свою участь, создали для себя и своихъ потомковъ такой адъ, что могли завидовать положенію своихъ изгнанныхъ братьевъ, обрѣтшихъ хоть плохой покой въ другихъ странахъ.

Въ Испаніи (о Португаліи будетъ рѣчь дальше) марранство было застарѣлой болѣзнью, вогнанною глубоко внутрь государственнаго организма. Дѣти и внуки „новохристіанъ", пріобрѣтенныхъ церковью послѣ севильской рѣзни 1391 г. и клерикальнаго террора слѣдующей эпохи, давно уже сроднились и слились съ испанскимъ старохристіанскимъ обществомъ, вступили въ ряды испанскаго дворянства, духовенства и чиновничества,—но далеко не всѣ сдѣлались вѣрными сынами мачихи-церкви, усыновившей ихъ огнемъ и мечемъ. Многіе льнули къ синагогѣ и испытывали особенное наслажденіе, когда послѣ принудительной церковной службы изливали свою душу въ горячихъ молитвахъ къ Богу отцовъ, гдѣ-нибудь въ темномъ подземельи, въ тайномъ собраніи братьевъ по крови и вѣрѣ. Отъ отца къ сыну шелъ традиціонный завѣтъ: „Чти Христа устами, а Іегову сердцемъ; будь христіаниномъ явно и іудеемъ тайно". Учрежденная въ 1480 г. инквизиція для истребленія „іудействующихъ" освѣтила этотъ завѣтъ зловѣщимъ заревомъ костровъ, мученичество освятило его. Ни ярость Торквемады и палачей церкви, ни изгнаніе евреевъ изъ Испаніи съ цѣлью удаленія соблазна отъ марранов (II, § 156—57)—не могли искоренить марранства, этого протеста еврейской совѣсти противъ произведеннаго надъ ней насилія.

Дѣло Торквемадыя, въ покинутой евреями, но переполненной марранами странѣ продолжалось при его преемникѣ, генералъ-инквизиторѣ Діего Деза, другѣ и покровителѣ Колумба. Самъ полумарранскаго происхожденія (съ материнской стороны), Деза, однако, не щадилъ марранов. Въ теченіе одного 1501 года имъ были устроены слѣдующія ауто-да-фе: 22 февраля въ Толедо были сожжены 38 марранов, на другой день — 67 женщинъ-марранокъ; въ мартѣ тамъ же сожжены 9 человѣкъ и осуждены на пожизненное заточеніе 140 молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Въ Кордовѣ въ томъ же году сожжено было около 90 марранов, а въ Севильѣ — 45, между ними молодая женщина, читавшая Библію въ тайныхъ собраніяхъ своихъ единовѣрцевъ.

Ревностнымъ помощникомъ Дезы былъ кордовскій инквизиторъ Луцеро, любимецъ королевской четы Фердинанда Католика и Изабеллы. Этотъ жестокій сыщикъ церкви вылавливалъ еретиковъ и „іудействующихъ" изъ рядовъ высшей испанской аристократіи, доискивался тамъ родства различныхъ семействъ съ бывшими евреями, арестовывалъ людей по малѣйшему подозрѣнію въ марранствѣ, подвергалъ пыткѣ, сжигалъ на кострахъ и затѣмъ любезно подносилъ королю Фердинанду часть конфискованнаго у осужденныхъ имущества, оставляя, конечно, изрядную долю себѣ и своему духовному начальству. Особенно усердно искалъ Луцеро марранов среди духовенства, которое надлежало очистить отъ еретическихъ элементовъ. У одного архидіакона Кастро, сына маррана, онъ вынудилъ пыткою сознаніе въ ереси, казнилъ его и забралъ все его состояніе (триста тысячъ мараведи) въ королевскую казну, отдѣливъ значительную часть себѣ. Богословъ Мембренъ, обвиненный въ публичной пропагандѣ іудаизма, былъ сожженъ вмѣстѣ съ 107 лицами, слушавшими его проповѣдь. Луцеро обвинилъ въ склонности къ іудаизму даже архіепископа гренадскаго Талаверу, бывшаго духовника королевы Изабеллы, и его родственниковъ, въ жилахъ которыхъ текла еврейская кровь; эти родственники были заключены въ темницу, а самого Талаверу инквизиторъ заставилъ идти въ покаянной процессіи съ другими марранами, босикомъ и съ непокрытой головой, по улицамъ Гренады; архіепископъ не вынесъ этого позора—и спустя пять дней умеръ отъ горячки.

Злодѣйства Луцеро вызвали возмущеніе въ высшихъ кругахъ испанскаго общества. Вмѣсто *Луцеро* (означающее „свѣтлый") его называли *Тенебреро* („мрачный"). „Деза, Луцеро и Фуэнте—писалъ современникъ—опозорили всѣ эти провинціи; они не уважаютъ ни Бога, ни правосудія; они убиваютъ, крадутъ, безчестятъ женъ и дѣвицъ, къ стыду христіанской религіи". Вліятельнѣйшіе граждане Кордовы просили генералъ-инквизи-

зитора Дезу удалить Луцеро отъ должности. Марраны хлопотали въ римской куріи о смягченіи жестокостей инквизиціи; они пытались также склонить короля Фердинанда хотя бы къ временной пріостановкѣ дѣйствія священнаго трибунала, предлагая сребролюбцу сто тысячъ дукатовъ, вѣроятно взамѣнъ доходовъ отъ конфискаціи имѣній осужденныхъ. Это предложеніе не было принято, но протесты христіанской знати противъ грубаго произвола и хищеній инквизиторовъ заставили Фердинанда уволить генералъ-инквизитора Дезу и назначить на его мѣсто архіепископа толедскаго Хименеса (1507). Съ паденіемъ Дезы пала и его креатура, Луцеро: свирѣпаго гонителя марранов заключили въ тюрьму, а всѣхъ арестованныхъ имъ по подозрѣнію въ „іудействованіи" освободили изъ заточенія. Отказавшись отъ системы арестовъ и пытокъ по безосновательнымъ подозрѣніямъ, Хименесъ, однако, не щадилъ марранов, противъ которыхъ существовали улики. Однихъ онъ посылалъ на костеръ, на другихъ налагалъ взысканія и разныя тяжелыя эпитеміи.

Когда послѣ смерти Фердинанда Католика (1516) испанская корона перешла къ его внуку Карлу I, впослѣдствіи германскому императору Карлу V, марраны сдѣлали попытку расположить въ свою пользу молодого правителя. Они отправили къ Карлу, находившемуся тогда во Фландріи, депутацію съ просьбою — ограничить дѣятельность инквизиціоннаго трибунала и установить опредѣленныя гарантіи правосудія; за это, какъ разсказываютъ, депутація предлагала королю сумму въ 800,000 золотыхъ талеровъ. Одновременно ходатаи отъ марранов дѣйствовали въ Римѣ на папскую курію. Толерантный папа Левъ X выдалъ просителямъ буллу въ желательномъ имъ смыслѣ. Но Карлъ I, питомецъ инквизитора Хименеса, воспрепятствовалъ опубликованію этой льготной для марранов буллы. Онъ сообщилъ папѣ черезъ пословъ, что жалобы марранов и прочихъ заинтересованныхъ лицъ на жестокости инквизиціи не заслуживаютъ довѣрія; что его, короля, марраны хотѣли подкупить деньгами, какъ нѣкогда его дѣда, и что онъ вовсе не намѣренъ допустить ограниченіе дѣятельности инквизиціи въ своихъ испанскихъ владѣніяхъ. Папа долженъ былъ уступить, — и священный трибуналъ могъ безпрепятственно продолжать свою работу. Инквизиціонные трибуналы имѣлись тогда въ Кордовѣ, Толедо, Севильѣ, Вальядолидѣ, Сарагоссѣ, Барцелонѣ, Валенсіи, Гренадѣ и въ Пальмѣ, на островѣ Майорка.

Подозрительность по отношенію къ новохристіанамъ отравляла покой ревнителей католицизма. Они съ ужасомъ думали о томъ, что многіе потомки марранов занимаютъ высокія должности въ церковной іерархіи и могутъ заражать свою паству ядомъ іудаизма. Толедскій архіепископъ Силицео

ходатайствовалъ предъ папою Павломъ III, чтобы лица марранскаго происхожденія не допускались къ духовнымъ должностямъ. Для этой цѣли онъ опубликовалъ, на основаніи документовъ изъ архивовъ инквизиціи, родословную книгу, гдѣ поименованы многія фамиліи лицъ марранскаго происхожденія, которыя должны находиться въ сильномъ подозрѣніи. Для той же цѣли была обнародована (около 1545 г.) поддѣльная переписка между испанскими евреями и константинопольскими. Въ отвѣтъ на письмо испанскихъ евреевъ, жаловавшихся, что король Испаніи мучаетъ ихъ и насильно обращаетъ въ христіанство, константинопольскіе ихъ соплеменники будто бы отвѣтили такъ: „Вы говорите, что король испанскій заставляетъ васъ быть христіанами,—сдѣлайте это, ибо вы не можете иначе поступить. Вы говорите, что онъ у васъ отнимаетъ ваше добро,—сдѣлайте вашихъ сыновей купцами, дабы вы понемногу могли отобрать у нихъ (испанцевъ) ихъ достояніе. Они отнимаютъ у васъ жизнь,—дѣлайте вашихъ дѣтей врачами и аптекарями, и вы будете сокращать жизнь вашихъ враговъ. Они разрушаютъ ваши синагоги,—дѣлайте вашихъ сыновей священниками и богословами, и вы будете разрушать ихъ храмы. Вамъ причиняютъ другія муки,—старайтесь, чтобы ваши дѣти были адвокатами, прокурорами, нотаріусами и чиновниками, чтобы они участвовали въ общественныхъ дѣлахъ,—и вы отомстите врагамъ тѣмъ, что поработите ихъ и овладѣете страной“. Эта злостная юдофобская фальсификація, придуманная съ цѣлью набросить тѣнь на культурную дѣятельность новохристіанъ, не могла остаться безъ вліянія на извѣстные круги общества и усиливала ненависть къ марранамъ.

Потерявъ надежду на облегченіе своей участи, многіе марраны эмигрировали изъ Испаніи въ Италію, Турцію и другія страны, даже въ невѣдомыя земли недавно открытой Америки. Оставшіеся на родинѣ еще больше смирились и притаились, особенно послѣ воцаренія мрачнаго деспота Филиппа II (1554), этого „сатаны, правившаго именемъ Христа“. Этимъ обстоятельствомъ, повидимому, объясняется то, что въ царствованіе Филиппа II инквизиція гораздо меньше свирѣпствовала противъ іудействующихъ, чѣмъ противъ протестантовъ и морисковъ—магометанскихъ марранов. При его преемникахъ, въ первой половинѣ XVII в., инквизиція уже чаще ловила неосторожныхъ марранов и предавала „казни безъ пролитія крови“, т. е. сожженію. Ежегодно устраивались торжественныя ауто-да-фе въ Кордовѣ, Севильѣ и Гренадѣ; позже трибуналъ былъ основанъ и въ Мадридѣ, новой столицѣ государства. Для испанцевъ это были праздничныя зрѣлища, на которыя народъ стекался со всѣхъ окрестностей. Почетные гости—

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Августъ.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 84.
1905.

Піонеры.

Изъ хроники одного мѣстечка.

Очеркъ второй.

„Разрушители ограды“.

(Продолженіе [1]).

XV.

Эйзерманъ, поселившись на собственной „квартирѣ“, набросился съ страшной жадностью на занятія. Первый день онъ работалъ безъ перерыва съ утра до поздней ночи, забывъ и о пищѣ, и объ отдыхѣ; училъ заданные ему уроки, читалъ древнееврейскую книгу.—Все это онъ дѣлалъ съ большимъ увлеченіемъ и чувствовалъ себя безконечно счастливымъ. За этотъ день сильно измѣнилось и его отношеніе къ методу обученія Каплунера. Начавъ готовить заданные ему Каплунеромъ уроки, онъ сталъ находить въ нихъ большой интересъ и своеобразную прелесть. Задача пересказа „Признательнаго Вани“ по русски своими словами сильно прельстила Эйзермана своей огромной трудностью,—и, составляя съ невѣроятнымъ трудомъ „собственныя русскія фразы“, которыя, конечно, не были ни „русскими“, ни „фразами“—онъ въ то же время мысленно повторялъ себѣ: „Хорошо! Превосходно! Когда бываетъ страшно трудно, тогда и чувствуется

[1]) См. „Кн. Восх.“ Іюль.

„вкусъ ученія". И пусть таки Каплунеръ не позволяетъ мнѣ произнести слово по еврейски! И пусть онъ таки ломаетъ мнѣ языкъ такими трудными словами, какъ „цизъ". Пусть! Чѣмъ труднѣе, тѣмъ лучше, интереснѣе и полезнѣе".

Въ четвергъ днемъ Эйзерманъ, уже въ сильно подрѣзанной „капотѣ", съ книжками и тетрадями въ рукѣ, шелъ бодрый и увѣренный на урокъ къ Каплунеру. Чувствуя большой приливъ энергіи, онъ, какъ храбрый солдатъ, шелъ теперь смѣло на рѣшительный бой съ русской грамотой, и былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ.

Въ комнатѣ Каплунера Эйзерманъ нашелъ, кромѣ своего учителя, еще одного господина, пожилого, невысокаго, съ порядочнымъ брюшкомъ, съ круглой подстриженной бородкой, въ золотыхъ очкахъ и съ массивной золотой цѣпочкой отъ часовъ на жилеткѣ. Это былъ отецъ Каплунера. Онъ стоялъ у стѣны, заложивъ одну руку за спиной и держа въ другой толстую сигару. Каплунеръ-сынъ сидѣлъ у стола, низко опустивъ голову, и, слушая рѣчь отца, внимательно-задумчиво чертилъ что-то карандашемъ на бумагѣ.

Когда Эйзерманъ вошелъ въ комнату, Каплунеръ-отецъ произносилъ рѣшительно и настойчиво:

— А я все таки повторяю тебѣ, что охранять „штатъ" [1]) слѣдуетъ...

И, увидѣвъ вошедшаго Эйзермана, онъ сказалъ:

— Это твой новый ученикъ?

— Да!—отвѣтилъ сынъ, поднимая голову, точно разбуженный, и, вставъ съ мѣста, прибавилъ твердо:

— Ну! я буду теперь съ нимъ заниматься!

— Ничего, онъ подождетъ немного,—отозвался отецъ и на лицѣ его появилось такое выраженіе, точно онъ почувствовалъ во рту горькій непріятный вкусъ табачнаго листа.—Садись!—прибавилъ онъ, обратившись къ Эйзерману.

По лицу Каплунера-сына пробѣжала тѣнь неудовольствія, но онъ смолчалъ и какъ бы нехотя спросилъ:

---

[1]) Внѣшній декорумъ, соотвѣтствующій положенію въ обществѣ.

— Но я не понимаю, что ты называешь „штат“-омъ? Чтобы каждое утро ходить въ синагогу—это по твоему „штатъ“?

— Никто тебѣ не велитъ каждый день ходить въ синагогу,— отозвался съ неудовольствіемъ отецъ.—Ты хорошо знаешь, что я самъ по буднямъ не хожу въ синагогу. А по праздникамъ или иногда въ субботу пойти въ синагогу—слѣдуетъ.

— Но зачѣмъ? Я тебя спрашиваю: зачѣмъ? Чтобы просить у Бога „росу и дождя“? Но вѣдь это же лицемѣріе!

— Совершенно не лицемѣріе! Весь городъ прекрасно знаетъ, что я не набоженъ, и я все таки хожу по субботамъ въ синагогу; человѣкъ долженъ разъ на всегда занять извѣстное положеніе, долженъ поставить себя въ извѣстныхъ границахъ, чтобы на него не смотрѣли, какъ на шарлатана, чтобъ въ него не тыкали пальцемъ!.. Вѣдь вотъ ты же носишь жилетку. Зачѣмъ? Тебѣ отъ нея тепло? Нѣтъ! А потому что ты не хочешь, чтобъ на тебя указывали пальцемъ, какъ на чудака...

— Нѣтъ! Я тебя спрашиваю о другомъ!—перебилъ его уже оживленнѣе сынъ.—Объясни мнѣ, почему ты именно здѣсь ставишь границы, а не въ другомъ мѣстѣ? Почему, напримѣръ, открыто пить чай въ субботу изъ самовара ты считаешь возможнымъ, а открыто курить папиросу въ субботу—по твоему уже нельзя? Почему?

— Я же тебѣ говорю, почему. Потому, что человѣкъ долженъ поставить себѣ разъ на всегда опредѣленныя границы. Человѣкъ, который не ставитъ себѣ никакихъ границъ, можетъ Богъ знаетъ до чего дойти!

Сынъ съ нетерпѣніемъ пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

— Видѣлъ ты когда нибудь,—заговорилъ послѣ нѣтотораго молчанія отецъ,—какъ мальчики катаются зимой на салазкахъ, спускаясь съ горы?

— Ну?

— Видѣлъ?.. Ну, вотъ, когда я смотрю на васъ—на тебя и твоихъ товарищей,—мнѣ представляется, что и вы точно также слетаете со скользкой горы!.. Мальчикъ, который мчится внизъ, на салазкахъ, навѣрное представляетъ себѣ, что онъ самъ

такой молодецъ, что можетъ такъ быстро летѣть, что это дѣло его собственнаго разума или воли,—и только, когда онъ со всего размаху ударяется объ стѣну или камень, онъ догадывается, что не онъ управлялъ салазками, а они управляли имъ...

— Къ чему этотъ примѣръ?..—перебилъ его съ нетерпѣніемъ сынъ.

— Подожди, имѣй время, услышишь,—замѣтилъ ему съ неудовольствіемъ отецъ и на лицѣ его снова появилось выраженіе непріятнаго вкуса во рту. — Вы тоже летите съ горы и думаете, что въ этомъ есть какая то мудрость или храбрость... А по моему, гораздо больше мудрости и храбрости въ томъ, чтобы умѣть сходить медленно и осторожно со скользкой горы, чтобы умѣть останавливаться, когда надо и гдѣ надо! Да... А вы этого не понимаете! Вы думаете, что вся мудрость въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе разрушить всѣ ограды, чтобы какъ можно быстрѣе слетѣть съ горы. Третьяго дня зашелъ я къ Максимовичу и нашелъ тамъ твоего Кевеша, сидитъ и ѣстъ свинину... Мальчишка, отъ земли его не видать, сынъ извозчика, хорошо даже читать по-еврейски не умѣетъ,—и сейчасъ, какъ только поступилъ въ гимназію, схватился за свинину! „Проявилъ силу Юрки“! А спроси его: что? почему? отчего? Онъ тебѣ будетъ смотрѣть въ глаза, какъ пѣтухъ въ „Bnei odom“! [1]).

Каплунеръ-отецъ произнесъ послѣднія слова съ глубокимъ негодованіемъ и, рѣзко обернувшись къ Эйзерману, спросилъ его:

— Изъ ешибота, конечно?

— Нѣтъ... Изъ дому...—отвѣтилъ, смутившись, Эйзерманъ.

— Бѣжалъ, вѣроятно? А кто твой отецъ? Мламедъ, шойхетъ, даенъ?..

— Нѣтъ, просто набожный еврей...

— И первое, что ты сдѣлалъ, когда пріѣхалъ въ М., было, конечно, что ты продалъ свои „тфилнъ“ и купилъ колбасу?

Эйзерманъ густо покраснѣлъ и ничего не отвѣтилъ.

---

[1]) „Bnei odom“—молитва, читаемая наканунѣ „Іомъ-Кипура“ съ искупительной жертвой—пѣтухомъ или курицей—въ рукахъ.

— Послушай моего совѣта, молодой человѣкъ! —заговорилъ убѣжденно Каплунеръ-отецъ.—Я, какъ видишь, не фанатикъ и далеко не набожный еврей. Въ дѣлѣ гасколо я за поясъ заткну, можетъ быть, десять такихъ, какъ ты и мой сынъ. Но я жилъ на свѣтѣ и знаю, *какъ* надо жить. Послушай меня! Не торопись сбрасывать съ себя сразу „всего еврея", не торопись разрушать всѣ ограды! Ѣсть свинину и ничего не признавать можетъ и самый простой деревенскій парень. Для этого рѣшительно никакой мудрости не надо!.. Ты, конечно, изучалъ талмудъ? какъ слѣдуетъ изучалъ?—спросилъ онъ, уловивъ умный, оживленный взглядъ Эйзермана.

— Даже „Іейро-Дэйо"...

— Видишь? Я сейчасъ угадалъ, по глазамъ угадалъ, что ты училъ... А вотъ мой сынъ не училъ талмуда, не знаетъ... Моя собственная вина, рано отдалъ его въ гимназію... И вотъ мы не понимаемъ другъ друга, говоримъ на разныхъ языкахъ,—закончилъ онъ съ горечью.

Каплунеръ-сынъ презрительно усмѣхнулся, махнулъ рукой и молча заходилъ по комнатѣ.

— Махай себѣ рукой сколько хочешь, а я тебѣ повторяю, что я страшно-страшно жалѣю, простить себѣ не могу, что не заставилъ тебя учить талмудъ! Да!.. Ты, можетъ быть, и умный и образованный, но безъ знанія талмуда тебѣ недостаетъ чего-то... недостаетъ какъ бы одного чувства... У человѣка, знающаго талмудъ, кромѣ обычныхъ пяти чувствъ, есть еще одно чувство, которое не имѣетъ особаго названія, но которое высказывается въ тонкости, живости и деликатности мысли, въ быстротѣ соображенія... У тебя и у многихъ твоихъ товарищей этого шестого чувства нѣтъ!.. У васъ все выходитъ какъ-то грубо! Даже, когда вы говорите самыя умныя вещи, онѣ у васъ выходятъ какъ-то тяжело, не тонко, не по-еврейски...

— Правда, — вырвалось невольное восклицаніе у Эйзермана.

— Видишь? Вотъ ты меня понялъ! —обрадовался Каплунеръ-отецъ.—И это потому, что ты знаешь талмудъ. У него вотъ есть

два-три товарища, тоже знающихъ талмудъ, и тѣ меня тоже понимаютъ... А онъ не понимаетъ, нѣтъ!

И на лицѣ отца опять появилось выраженіе непріятнаго табачнаго вкуса во рту.

— Папа! Но вѣдь у него теперь урокъ... Намъ надо заниматься,—проговорилъ съ нѣсколько грубой мольбой сынъ.

— Ничего! Пропустите разъ занятія—тоже небольшая бѣда! То, что я ему говорю—тоже урокъ!

Молодой Каплунеръ протестующе пожалъ плечами, но ничего не отвѣтилъ.

— Такъ вотъ я тебѣ говорю,—обратился Каплунеръ-отецъ къ Эйзерману.—Не торопись сбрасывать съ себя „всего еврея"! Если ты ищешь „гасколо"—читай, думай, учись... Ты читалъ Ице-Беръ Левензона?

— Нѣтъ... Я читалъ „Хатасъ неуримъ",—отвѣтилъ Эйзерманъ.

— Что-о тамъ „Хатасъ неуримъ"!—проговорилъ, презрительно махнувъ рукой, Каплунеръ-отецъ.—Сказка! Легонькая сказочка для дѣтей! Ты вотъ Левензона почитай!.. И не „почитай", а *изучи*! Это вотъ теперешнихъ писателей, разныхъ Лиліенблюмовъ, Гордоновъ, Смоленскиныхъ можно „читать", какъ читаютъ сказку, басню... А „нашихъ" писателей, великихъ учителей нашего времени—ихъ нельзя читать. Ихъ надо изучать, внимательно, съ головой... Э-эхъ, послѣ Ице-Беръ Левензона наша литература понизилась, сильно, сильно понизилась,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Но, если хочешь,—продолжалъ онъ, какъ бы спохватившись,—читай и ихъ, и Смоленскина, и Лиліенблюма, и другихъ. Только читай съ головой, не спѣша... И главное, главное—совѣтую тебѣ—не торопись сбрасывать съ себя „всего еврея"...

— Папа!—проговорилъ уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Каплунеръ-сынъ.—Ей-Богу, повѣрь мнѣ, что онъ тебя не послушаетъ, сколько бы ты ему ни совѣтовалъ! Если онъ своего собственнаго отца не послушалъ, то онъ чужого навѣрное не послушаетъ!..

Лицо Каплунера-отца сильно передернулось, въ глазахъ его появилась искорка негодованія и, рѣзко повернувшись къ сыну, онъ заговорилъ съ волненіемъ, тономъ глубоко оскорбленнаго человѣка:

— Стыдился бы ты такъ говорить со мною! Меня, меня ты сравниваешь съ другими отцами? Съ такими отцами, отъ которыхъ дѣти вынуждены убѣгать учиться?.. Ты думаешь, если ты уже прочелъ тамъ Писарева и Тургенева, а я ихъ не читалъ, такъ я уже совершенно ничего не стою и ты имѣешь право задирать носъ предо мною?.. Но я тебя спрашиваю, чѣмъ ты, чѣмъ вы всѣ можете гордиться? Тѣмъ, что вы ходите въ гимназію, когда васъ туда отдали и за васъ платятъ? Что вы читаете умныя книжки, когда лучшіе учителя научили васъ хорошо читать по-русски? Что вы курите въ субботу, когда знаете, что отцы васъ за это не изобьютъ и не выгонятъ изъ дому? Этимъ вы гордитесь? Въ этомъ выражается ваше геройство? А попробовали бы вы пожить въ наше время, лѣтъ 25 тому назадъ, когда кругомъ былъ глубокій мракъ; когда раввинъ и его компанія были полновластными хозяевами народа; когда чтеніе древнееврейской книжки, храненіе у себя такихъ книгъ, какъ „Hatoiro v'haphilusuphie“ [1]) или Библія съ „Біуромъ“ [2]) было равносильно подвигу самопожертвованія; когда людей сживали со свѣту, избивали до полусмерти, сдавали въ солдаты за малѣйшее прегрѣшеніе противъ религіи! Пожили бы тогда—и я посмотрѣлъ бы, какими вы были бы героями! А мы выдержали эту борьбу, вынесли ее на своихъ плечахъ! Насъ было тогда во всемъ городѣ 3—4 человѣка, которые держали въ рукахъ свѣточъ гасколо—и противъ насъ весь городъ былъ вооруженъ! Насъ осыпали самыми жгучими проклятіями, насъ готовы были закидать камнями, утопить въ ложкѣ воды, сжить со свѣту! Когда одинъ изъ на-

---

[1]) Религіозно-философская книга Исаака-Самуила Реджіо.

[2]) Библія въ нѣмецкомъ переводѣ Мендельсона съ комментаріями его послѣдователей. Этотъ переводъ и комментаріи считались тогда страшно запрещеннымъ чтеніемъ, въ виду филологическаго объясненія словъ, безъ отношенія къ талмудическому ихъ толкованію.

шей компаніи, Мееръ Шохерманъ, умеръ, его долго не хотѣли хоронить и, когда его уже отвезли на кладбище.—туда собралось все „хевре-кадишо“ [1]), всѣ напились пьяными и публично, съ хохотомъ и циничными прибаутками *выскакли трупъ*!! Вотъ какія дѣла тогда творились! Когда черезъ 2 года послѣ моей свадьбы у меня умеръ ребенокъ, въ городѣ вѣдь былъ истинный праздникъ! Пили водку въ синагогѣ на радостяхъ!... Потомъ, когда я отдалъ старшаго сына въ гимназію—я былъ первымъ, который рѣшился отдать сына въ гимназію!—противъ моего дома вѣдь въ теченіе нѣсколькихъ дней стояла толпа евреекъ и евреевъ, которые осыпали меня и мою семью самыми ужасными ругательствами, самыми кровными проклятіями! Всѣ стекла въ окнахъ у меня тогда разбили. Вотъ въ какое время мы жили! А какъ мы учились? Развѣ у насъ были какіе-нибудь учителя, какъ у васъ теперь? Развѣ мы знали съ чего начать? Развѣ у насъ были книги? А мы все-таки учились! Въ полночь, прячась въ сараяхъ и погребахъ, съ рискомъ для жизни—учились мы русской грамотѣ. И какъ учились! Вотъ этотъ самый Мееръ Шохерманъ, умершій отъ чахотки, выучилъ наизусть русско-нѣмецкій словарь,—русско-еврейскаго еще тогда не было, — и такъ научился по-русски. Другой мой товарищъ выучилъ наизусть „Сводъ Законовъ“, чтобы сразу и по русски научиться и законы узнать. Вотъ какъ мы жили! Вотъ какъ мы работали! А вы? Гдѣ вашъ героизмъ? Гдѣ ваши жертвы? Мы грѣшили, но мы знали, для чего мы грѣшимъ. Мы тоже курили въ субботу,—да, курили! Но для насъ въ этомъ скрывалась высокая цѣль! И если-бъ надо было, мы съ такой же готовностью глотали бы папиросы съ огнемъ! А вы? Во имя чего курите вы въ субботу? Во имя чего ѣдите вы „тарфе“? Во имя какой-нибудь возвышенной цѣли? Нѣтъ! Вы все это дѣлаете только для удовольствія, изъ распущенности и невоздержности! Вы все это дѣлаете потому, что „авдэ б'гефкеірэ нихэ лей“ [2])!

---

[1]) Похоронное общество.

[2]) „Рабу пріятно полное безначаліе“. Талмудическое изреченіе.

И быстро выйдя изъ комнаты, онъ сердито хлопнулъ дверью.

Каплунеръ-сынъ съ минуту стоялъ молча, съ выраженіемъ тоскливаго неудовольствія на лицѣ, и, наконецъ поморщившись, проговорилъ, какъ бы про себя:

— Э-эхъ, не расплатиться съ ними, чтó они когда-то были маскилимъ!.. Ей Богу, ужъ гораздо лучше имѣть отца-фанатика, чѣмъ такого!.. По крайней мѣрѣ, меньше разговоровъ и самохвальства...

И, обратившись къ Эйзерману, онъ прибавилъ съ усмѣшкой:

— Ну, выслушали цѣлый урокъ нравоученій... А заниматься дѣломъ сегодня ужъ времени нѣтъ. Мнѣ пора идти на другой урокъ... Придите уже завтра...

Эйзерманъ ушелъ отъ Каплунера сильно взволнованный. Разсказъ Каплунера-отца произвелъ на него огромное впечатлѣніе Вообще, все что тотъ говорилъ было ему, Эйзерману, близко, понятно, симпатично. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ чувствовалъ, что въ выводахъ, къ которымъ приходилъ этотъ старый и „истинный маскилъ", есть какой то большой изъянъ, нѣчто такое, что идетъ въ разрѣзъ съ истинными основами „гасколо". И стараясь примирить эти противорѣчія, Эйзерманъ говорилъ самому себѣ „Конечно, отецъ... говоритъ какъ отецъ... Въ глубинѣ души онъ навѣрное считаетъ, что „все разрѣшено" — но, какъ отецъ, онъ долженъ говорить иначе... Таковы уже всѣ отцы... Но маскилъ то онъ истинный, въ тысячу разъ большій, чѣмъ его сынъ!"

Подходя уже къ своей квартирѣ, Эйзерманъ нагналъ Миркина и Улера и окликнулъ ихъ.

— А! а мы къ вамъ шли!—обрадовался ему Миркинъ.

— Лучшіе гости!

— Слушай! короткія рѣчи!—заговорилъ нѣсколько возбужденно Улеръ.—Говори: хочешь спасти человѣка? Говори ясныя слова!

— Что значитъ?.. что за вопросъ?—отвѣтилъ нѣсколько растерянно и ничего не понимая Эйзерманъ.

— Такъ вотъ что,—продолжалъ въ томъ же тонѣ Улеръ.— Чтобы спасти нѣкоего человѣка отъ полной гибели—нужны деньги!

Понимаешь? А денегъ, понятно, нѣтъ! И вотъ, говори, хочешь дать деньги, которыя у тебя есть?

— Онѣ вамъ будутъ возвращены черезъ недѣлю, не позже. Я вамъ ручаюсь,—вставилъ съ неловкимъ чувствомъ Миркинъ.

— Ну, понятно! Ну, что объ этомъ говорить! Берите!—воскликнулъ горячо Эйзерманъ.—Какая досада!—прибавилъ онъ съ огорченіемъ.—Еслибъ я раньше зналъ, я бы не тратилъ. А то я за эти два дня истратилъ цѣлое состояніе, чортъ знаетъ *сколько!* Цѣлыхъ 42 копѣйки!

— Нужна не шуточная сумма!—замѣтилъ Улеръ.—Нужно цѣлыхъ 12 рублей!

— О-ой, что же дѣлать?—воскликнулъ въ испугѣ Эйзерманъ.—У меня же всего есть 5 рублей 86 копѣекъ...

— Дикій человѣкъ! А твои „тфилнъ". Ты о нихъ забылъ? Дай ихъ сюда—увидишь, какія деньги я за нихъ получу!

— О! прекрасно!—обрадовался Эйзерманъ.

Товарищи зашли въ комнату Эйзермана. Онъ поспѣшно досталъ запрятанныя въ столикѣ тфилнъ и передалъ ихъ Улеру. Затѣмъ онъ передалъ ему всѣ свои деньги.

— Дикій человѣкъ! Что ты отдаешь всѣ деньги? А чѣмъ ты будешь жить?

— А что мнѣ надо?—удивился Эйзерманъ.—Смотрите, сколько я накупилъ себѣ разнаго добра: и хлѣба, и селедки, и чаю, и сахару... Хватитъ Богъ знаетъ насколько!

Долго пришлось Миркину и Улеру спорить съ Эйзерманомъ, пока имъ удалось убѣдить его оставить у себя рубль и 86 коп.

— Ой, вы мнѣ доставляете истинное огорченіе,—проговорилъ съ искреннимъ огорченіемъ Эйзерманъ.— Еслибъ вы у меня приняли до послѣдней копѣйки, я бы по крайней мѣрѣ зналъ, что я оказалъ человѣку цѣльное одолженіе. А такъ это выходитъ какое-то половинное одолженіе, безъ вкуса...

XVI.

Отъ Эйзермана Миркинъ отправился къ Егоровой... Онъ шелъ просить ее, чтобы она укрыла Беряшеву въ теченіе ночи побѣга, а на слѣдующее утро отвезла бы ее на ближайшую станцію. Шелъ онъ туда съ увѣреннымъ видомъ, спокойный и рѣшительный, и думалъ о томъ, какъ бы лучше и вѣрнѣе обставить побѣгъ. Мысли его носили дѣловито-спокойный характеръ, и Егорова фигурировала въ нихъ какъ одна изъ самыхъ обыденныхъ его знакомыхъ. Гдѣ-то, въ тайникахъ души Миркина происходила по этому поводу очень сложная психическая работа, но онъ не допускалъ этой работы до своего сознанія, до своихъ мыслей. Съ первой минуты, какъ только онъ надумалъ, что Егорова можетъ лучше кого другого устроить побѣгъ Беряшевой, онъ, почти не размышляя, сразу твердо и сурово рѣшилъ, что тутъ нечего останавливаться передъ такими преградами, какъ охраненіе собственной личности, какъ категорическія рѣшенія и торжественныя клятвы. Онъ ясно сознавалъ, что теперь не время няньчиться съ собою, и хорошо чувствовалъ, что свиданіе съ Егоровой доставитъ ему больше страданія, чѣмъ радости. Но онъ былъ увѣренъ въ себѣ и, снова сжавъ въ тискахъ воли всю свою психику, онъ заставлялъ себя совершенно не думать обо всемъ этомъ и поступать такъ, какъ требовали интересы дѣла.

Съ совершенно непривычнымъ для него спокойствіемъ и смѣлостью позвонилъ Миркинъ у дверей совершенно незнакомаго ему дома.

— Что вамъ надо?!—спросила его съ удивленіемъ и даже нѣкоторымъ испугомъ встрѣтившая его въ прихожей пожилая женщина, худенькая, съ тонкими чертами рано состарившагося лица.

— Мнѣ надо... Ольгу Егорову,—проговорилъ нерѣшительно Миркинъ.

— На что она вамъ? Кто вы?—спросила съ еще большимъ удивленіемъ женщина, пристально оглядывая Миркина съ головы до ногъ.

— Мамочка! Это ко мнѣ! Это мой хорошій знакомый!—раздался изъ другой комнаты голосъ Ольги, которая поспѣшно вышла въ прихожую и, крѣпко пожавъ руку Миркина, повела его къ себѣ въ комнату, сопровождаемая удивленнымъ взглядомъ матери.

Едва переступивъ порогъ комнаты Егоровой, Миркинъ заговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Я пришелъ къ вамъ по очень важному дѣлу.

И онъ спокойно и подробно разсказалъ Егоровой всю исторію Беряшевой, рѣшеніе побѣга и планъ его выполненія при содѣйствіи Егоровой. Послѣдняя серьезно и внимательно слушала разсказъ Миркина съ возрастающимъ интересомъ и внутреннимъ волненіемъ. Она не перебивала Миркина, но раза два невольно оглянулась на него съ удивленіемъ. Его спокойный, увѣренный и холодный тонъ показался ей какимъ-то страннымъ, незнакомымъ. И сама не зная почему, она вдругъ почувствовала безотчетную грусть, точно сразу лишилась чего-то дорогого и милаго. И такъ же не отдавая себѣ отчета, она подавила въ себѣ это чувство, въ виду важности выступившаго передъ нею дѣла.

— Хорошо. Я беру на себя все это сдѣлать,—отвѣтила она просто и серьезно.—Около полуночи я буду ждать ее въ садикѣ, отведу ее къ себѣ и дальше уже устрою все, какъ слѣдуетъ. Можете быть совершенно спокойны...

— Ну, большое спасибо! До свиданія! —проговорилъ поспѣшно Миркинъ и протянулъ ей руку.

— Посидите... Миркинъ, —проговорила какъ-то нерѣшительно Егорова, не выпуская его руки и глубоко заглянувъ ему въ глаза, и въ ея взглядѣ мелькнуло что то вопрошающее и просящее.

— Страшно некогда!—отвѣтилъ рѣшительно и спокойно Миркинъ, холодно взглянувъ дѣвушкѣ въ глаза.

Егорова медленно выпустила его руку и, чуть-чуть поблѣднѣвъ, проговорила спокойно:

— Значитъ, завтра, въ полночь... До свиданія... Да, какъ зовутъ эту дѣвушку? Я забыла.—вспомнила она вдругъ почему-то.

— Соня Беряшева...

Егорова еще разъ глубоко взглянула на Миркина и молча проводила его до дверей.

Миркинъ шелъ къ себѣ домой съ строго суровымъ видомъ. Внутренно онъ былъ очень доволенъ собою, своимъ поведеніемъ у Егоровой, но инстинктивно боясь, чтобы его мысль „не узнала" объ этомъ и не стала бы кичиться своимъ геройствомъ, онъ не выпускалъ себя изъ сурово-строгаго настроенія.

Не доходя до своей квартиры, онъ вспомнилъ, что ему надо повидаться съ Гилелемъ, что ночью, на урокѣ въ синагогѣ (онъ давалъ его черезъ день), онъ врядъ ли будетъ имѣть возможность переговорить съ нимъ, и рѣшилъ сейчасъ отправиться въ синагогу. Было около 7 часовъ вечера.

Въ синагогѣ Миркинъ нашелъ нѣсколькихъ евреевъ, поспѣшно заканчивавшихъ молитву „Майривъ". Гилеля, какъ и другихъ ешиботниковъ, въ синагогѣ не было. Только въ углу, на своемъ обычномъ мѣстѣ, сидѣлъ „масмидъ" Мендель и вполголоса читалъ нараспѣвъ талмудъ. Миркинъ прошелся туда и назадъ по синагогѣ. Ея просторъ и царившій въ ней полумракъ какъ-то соотвѣтствовали его настроенію, и ему не хотѣлось уходить. Молившіеся евреи одинъ за другимъ поспѣшно ушли изъ синагоги. Миркинъ невольно сталъ прислушиваться къ чтенію „масмида" и началъ соображать, что онъ учитъ. Текстъ показался Миркину знакомымъ и, сообразивъ, что это трактатъ „Эйрувинъ", онъ тотчасъ же очень живо вспомнилъ весь текстъ, читаемый „масмидомъ".

Нѣсколько минутъ простоялъ Миркинъ посреди синагоги, вслушиваясь съ возростающимъ интересомъ въ чтеніе „масмида" и что-то соображая. Затѣмъ онъ твердыми шагами подошелъ къ столу, остановился возлѣ „масмида" и сталъ молча слушать, заглядывая иногда въ фоліантъ. „Масмидъ" продолжалъ читать попрежнему, почти не замѣчая, что возлѣ него кто-то стоитъ.

— Ты учишь, но, скажи мнѣ, ты понимаешь-ли хорошо, что учишь?—проговорилъ вдругъ Миркинъ громко, сурово и властно.

„Масмидъ" вздрогнулъ отъ неожиданности, взглянулъ съ испугомъ и недоумѣніемъ на Миркина и пробормоталъ удивленно:

— Что значитъ, понимаю ли?..

— Ты уже стоишь на 37-мъ листѣ,—заговорилъ тѣмъ же тономъ, что раньше, Миркинъ.—Значитъ ты долженъ уже знать то, что раньше прошелъ. Въ такомъ случаѣ установи мнѣ смыслъ вотъ этого „иньена". Какъ ты его толкуешь?

И перевернувъ назадъ нѣсколько листовъ, онъ указалъ ему текстъ „иньена".

Масмидъ продолжалъ глядѣть на Миркина полуиспуганно, ничего не понимая. Но властный тонъ Миркина заставилъ его безъ протеста подчиниться почти приказу незнакомаго человѣка и, поспѣшно заглянувъ въ текстъ, онъ проговорилъ, все еще недоумѣвая:

— Что тутъ есть, что устанавливать? Обыкновенный „иньенъ"...

— А ну, скажи его, если онъ обыкновенный! — проговорилъ сухо и повелительно Миркинъ.

Масмидъ въ немногихъ словахъ передалъ содержаніе „иньена". Миркинъ внимательно и сурово выслушалъ его, затѣмъ молча отыскалъ одинъ изъ послѣднихъ листовъ фоліанта и, ткнувъ пальцемъ въ мелкій — премелкій шрифтъ комментарія, проговорилъ сурово:

— А теперь установи это „Маршоо" [1])...

„Масмидъ" снова вскинулъ удивленный взглядъ на Миркина, но теперь въ этомъ взглядѣ уже было что-то почтительное и вопрошающее. Масмидъ теперь уже присмотрѣлся къ лицу Миркина, убѣдился, что это незнакомый человѣкъ, успѣлъ замѣтить, что онъ безъ пейсъ, и быстро вернувшись къ заданному ему вопросу, проговорилъ:

— „Маршоо"!.. „Маршоо" это я знаю... Тутъ цѣлая завитушка есть... Могу вамъ ее сказать, если хотите!

— Ну-ну, говори! — приказалъ ему все такъ же сухо и съ ноткой нетерпѣнія въ голосѣ Миркинъ.

---

[1]) Комментаріи къ талмуду, очень замысловатые, Самуила Эдельса, жившаго въ XVI—XVII в.

„Масмидъ“ подробно и нѣсколько увлекаясь объяснилъ и растолковалъ замысловатое „Маршоо“ къ тексту.

Миркинъ холодно выслушалъ его. Когда тотъ кончилъ, онъ положилъ руку на книгу, какъ бы говоря: „пусть она остается открытой“, проговорилъ холодно—„хорошо“, отправился къ книжному шкафу и черезъ минуту вернулся съ другимъ фоліантомъ. Раскрывъ его на одномъ изъ послѣднихъ листовъ, онъ указалъ пальцемъ въ текстъ такого же мелкаго шрифта и проговорилъ чуть-ли не грозно:

— А теперь посмотри, что говоритъ по этому поводу въ трактатѣ „Недоримъ“ „Ранъ“ [1]). Онъ говоритъ совершенно противуположное. Видишь? Объясни это!

Когда Миркинъ еще только положилъ руку на трактатъ „Эйрувинъ“, „масмидъ“ уже почувствовалъ неопредѣленную тревогу, какъ въ ожиданіи большой опасности, и сталъ съ возрастающимъ волненіемъ слѣдить за всѣми движеніями Миркина. Теперь, заглянувъ съ замираніемъ сердца въ указанный ему текстъ „Рана“, онъ къ своему ужасу прочелъ тамъ нѣчто совершенно противуположное тому, что говоритъ „Маршоо“ въ трактатѣ „Эйрувинъ“.

Лихорадочно перечитавъ нѣсколько разъ текстъ „Рана“, „масмидъ“ поднялъ голову, взглянулъ на Миркина одновременно съ ужасомъ и мольбой и проговорилъ растерянно:

— Не знаю... не понимаю... Я спрошу у рошъ-ешибота...

— Въ томъ то и дѣло, что не знаешь!—проговорилъ сухо и жестоко, съ ноткой презрѣнія въ голосѣ Миркинъ.—А когда что нибудь учатъ—слѣдуетъ знать и понимать, что учатъ!... Спроси у твоего рошъ-ешибота, а если онъ не будетъ знать, что отвѣтить тебѣ—я тебѣ завтра объясню...

И рѣзко повернувшись, онъ вышелъ изъ синагоги, оставивъ „масмида“ пораженнымъ и растерянным.

Выйдя изъ синагоги, Миркинъ остановился, выпрямился и, глядя блестящими отъ восторга глазами въ звѣздное небо, воскликнулъ съ волненіемъ и трепетомъ счастья въ голосѣ:

---

[1]) Раби Нисимъ бенъ Рубенъ изъ Гароны. Комментаторъ талмуда.

— Я его изловилъ! Онъ—мой!!

Больше часу ходилъ Миркинъ въ сильномъ волненіи по улицамъ, обдумывая подробно, какъ вести себя дальше съ масмидомъ. Когда онъ, часовъ въ 9 вечера, вернулся въ синагогу на занятія, его ученики, ешиботники, уже всѣ вернулись съ ужина и ждали его. Среди нихъ былъ и Эйзерманъ, успѣвшій уже перезнакомиться со всѣми ешиботниками. Только „масмида" не было на своемъ обычномъ мѣстѣ—и это явилось предметомъ оживленныхъ толковъ ешиботниковъ. Только по серединѣ урока Миркинъ замѣтилъ, что „масмидъ" вернулся въ синагогу. Но вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, спокойно сѣсть за талмудъ, онъ принялся нервно рыться въ шкафу съ книгами и перелистывать ихъ, ища чего-то.

Объясняя что-то ученикамъ, Миркинъ нѣсколько возвысилъ голосъ и замѣтилъ, что „масмидъ" быстро повернулъ голову въ его сторону, очевидно узнавъ его по голосу, и затѣмъ издали уже не спускалъ съ Миркина своего испуганно-недоумѣвающаго взгляда. Когда Миркинъ, окончивъ урокъ, вышелъ изъ синагоги, „масмидъ" поспѣшно выбѣжалъ за нимъ и, схвативъ его за рукавъ, проговорилъ съ волненіемъ:

— Я знаю!.. Рошъ-ешиботъ мнѣ объяснилъ!.. Можно согласовать...

— При посредствѣ „Маршоо" изъ трактата „Евомойсъ"?—спросилъ спокойно Миркинъ.

— Да!..

— Вѣрно!—подтвердилъ уже мягче Миркинъ.—Видишь, что Талмудъ слѣдуетъ учить съ головой, съ понятіемъ?.. Я тебѣ еще другія вещи покажу, болѣе интересныя... Я тебѣ покажу, какъ слѣдуетъ изучать и понимать талмудъ... Я какъ нибудь зайду въ синагогу послѣ утренней молитвы и подробно поговорю съ тобою... Спокойной ночи!—прибавилъ онъ уже совсѣмъ мягко.

— Спокойной ночи, ребе... началъ масмидъ и, не зная имени своего учителя, онъ неожиданно для себя закончилъ словомъ:

— Спасибо!

И долго провожалъ нѣсколько недоумѣвающимъ взглядомъ быстро удалявшуюся фигуру Миркина.

Въ теченіе слѣдующаго дня, пятницы, Миркинъ и его ближайшіе товарищи находились въ нервномъ волненіи. Было подробно обдумано и точно опредѣлено участіе каждаго изъ товарищей въ побѣгѣ Беряшевой. Гилель долженъ былъ ночевать у Беряшева. Въ самомъ побѣгѣ онъ не приметъ никакого участія, но онъ долженъ быть готовымъ оказать Сонѣ помощь, еслибъ таковая ей понадобилась, и въ случаѣ, если ночью схватятся объ ея отсутствіи—сейчасъ же извѣстить объ этомъ Миркина. Послѣдній вмѣстѣ съ Фаевичемъ должны въ полночь держаться, отдѣльно другъ отъ друга, неподалеку отъ дома Беряшева, и какъ только Соня выйдетъ, Фаевичъ долженъ взять ея узелокъ и отнести къ садику, а Миркинъ съ нею должны подойти туда же окольными и безлюдными улицами. Улеръ, Ципоринъ и Геверманъ рѣшили тоже находиться неподалеку отъ садика, чтобы попрощаться съ Беряшевой. Корнблатъ, послѣ долгаго колебанія, рѣшилъ остаться дома за учебниками.

Изъ компаніи больше всѣхъ почему то волновался Ципоринъ. Онъ весь день не работалъ, бѣгалъ совершенно безъ нужды нѣсколько разъ къ Миркину, имѣлъ очень озабоченный и строгій видъ и почему-то нѣсколько разъ выругался по адресу „аристократовъ“. Меньше другихъ волновался Гилель, но онъ былъ искренно огорченъ внезапнымъ отъѣздомъ Ципы Звуловичъ, которая успѣла окончательно побѣдить его сердце. Горячо хваля ее за ея смѣлость, онъ откровенно и просто заявилъ:

— Вотъ на такой дѣвушкѣ я бы хоть завтра женился! Ни минуты не задумался бы! Я еще не видалъ такого „пламени“! такого козака!

Около полуночи, когда въ домѣ Беряшева родители и кухарка крѣпко спали, Соня, легшая въ постель не раздѣваясь, осторожно поднялась, достала изъ-подъ кровати заранѣе приготовленный узелокъ и осторожно вышла въ столовую. Осторожно подойдя въ темнотѣ къ дивану, на которомъ спалъ Гилель, она прошептала чуть слышно:

— Оставайтесь здоровы, Гилель... Спасибо вамъ, спасибо за все!..

— Тш... Счастливаго пути,—отвѣтилъ чуть слышно Гилель.

Соня хотѣла ужь идти дальше, но опять остановилась и, нагнувшись къ лицу Гилеля, прошептала:

— Слушайте... Если съ матерью что-нибудь случится... смотрите здѣсь... можетъ быть, что нибудь сможете помочь... постарайтесь убѣдить ее, что я не уѣхала креститься... вы понимаете?.. Это главное...

— Тшш... Понимаю, понимаю... Идите! Все, что надо, сдѣлаю...

Беряшева осторожно вынула засовъ, которымъ запиралась дверь, открыла ее, вышла и, остановившись у порога, поспѣшно оглянулась.

— Дайте!—шепнулъ ей появившійся возлѣ нея Фаевичъ и, взявъ у нея изъ рукъ узелокъ, поспѣшно скрылся.

Соня, дрожа отъ внутренняго волненія, молча и торопливо пошла за Миркинымъ, который повелъ ее разными глухими переулками.

На условленномъ мѣстѣ, у городского садика, они нашли Егорову съ узелкомъ Сони въ рукѣ, а нѣсколько поодаль—всю компанію съ Фаевичемъ.

Егорова подошла къ Беряшевой и молча пожала ей руку. Потомъ, повинуясь какому то порыву, крѣпко обняла ее. Пожавъ затѣмъ крѣпко по товарищески руку Миркина, она проговорила дѣловымъ тономъ:

— Я совершенно иначе все устроила. Мы съ ней переночуемъ не у меня, а у моихъ знакомыхъ помѣщиковъ, Гроздевыхъ. Они живутъ въ двухъ верстахъ отъ станціи. А завтра она оттуда и уѣдетъ. Такъ будетъ гораздо безопаснѣе. Я уже была у Гроздевыхъ, переговорила. Они прекрасные люди и отъ нихъ никто ничего не узнаетъ... Они прислали за нами карету. Она насъ ждетъ за садикомъ... Ну, прощайтесь, и мы поѣдемъ.

И она отошла на нѣсколько шаговъ, оставивъ Миркина одного съ Беряшевой.

— Прежде всего на-те вамъ письмо къ одному нашему знакомому въ Кишиневъ. Онъ свой человѣкъ и поможетъ вамъ устроиться... Затѣмъ, деньги...—заговорилъ быстро и дѣловито Миркивъ.

И онъ поспѣшно сунулъ ей въ руку письмо и деньги.

— Какъ только пріѣду—продамъ золотыя вещицы и пришлю... начала Беряшева.

— Ну! Счастливаго пути!—перебилъ ее Миркинъ, протягивая ей руку.—Къ новой и разумной жизни!—прибавилъ онъ бодро.

— Я... я не знаю, какъ... заговорила въ волненіи Беряшева и въ ея голосѣ послышались слезы. Но она сразу какъ бы стряхнула съ себя это настроеніе и проговорила горячо и задушевно:—Во всю свою жизнь я не забуду, что вы для меня сдѣлали Миркинъ!! И обѣими руками крѣпко пожала ему руку.

Подошли и другіе товарищи и нѣсколько нерѣшительно пожали руку Беряшевой и горячо высказали ей самыя лучшія пожеланія.

— Пишите! Непремѣнно пишите, все, подробно!—закончили всѣ просьбой.

— Непремѣнно! И вы пишите!..—отвѣтила Беряшева.—Ну, идемъ!—обратилась она бодро и счастливо къ Егоровой.

Послѣдняя, подойда къ группѣ, протянула руку Миркину и проговорила оживленно:

— Можете быть за нее совершенно спокойны! Я приму всѣ предосторожности. Завтра сама посажу ее въ вагонъ... До свиданія!..

— До свиданія... Егорова!—проговорилъ Миркинъ и крѣпко по товарищески пожавъ ея руку, прямо взглянулъ ей въ глаза.

Они встрѣтились взглядами—и у нихъ обоихъ въ глазахъ свѣтилось теперь выраженіе чего-то спокойнаго и простого, довѣрчиваго и товарищескаго...

XVII.

На слѣдующее утро Миркинъ проснулся рано. Улеръ, скорчившись, спалъ, похрапывая на лежанкѣ. Одѣвшись, Миркинъ собрался выйти въ кухню, чтобы тамъ умыться, какъ вдругъ услышалъ съ улицы какой-то шумъ, крикъ; услышалъ сейчасъ же, какъ сильно хлопнула входная дверь и не успѣлъ онъ еще что-нибудь сообразить, какъ къ нему въ комнату ворвался старикъ Беряшевъ, съ растрепанными волосами, съ дикимъ лицомъ и налившимися кровью глазами. За нимъ ворвался въ комнату какой-то молодой человѣкъ, родственникъ Беряшева, съ всклокоченной рыжей бородкой и такимъ же, какъ у Беряшева, дикимъ разъяреннымъ выраженіемъ на лицѣ. И вслѣдъ за ними вбѣжалъ Гилель, блѣдный, какъ смерть, съ выраженіемъ растерянности и ужаса въ глазахъ.

— А-а!!.—какъ-то зарычалъ Беряшевъ, увидѣвъ Миркина.— В-вотъ онъ, этотъ выкрестъ!! Вотъ онъ, этотъ „мамзеръ“!!. Онъ—здѣ ѣсь!!!

И схвативъ большой, сильной рукой Миркина за воротъ, онъ изо всѣхъ силъ началъ трясти его и кричать задыхающимся голосомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ яростнымъ бѣшенствомъ звучали рыданія:

— Гдѣ моя до-очь?!! Злодѣ-ѣй, гдѣ моя дочь!!

— А-а-а, выкрестъ!! А-а-а, „имахъ шемейникъ“!!—вторилъ за нимъ съ злораднымъ бѣшенствомъ рыжій молодой человѣкъ, угрожая Миркину сжатымъ, но совсѣмъ не грознымъ кулакомъ.

— Ребъ Гершонъ!.. Ребъ Гершонъ!..—шепталъ побѣлѣвшими губами, съ мольбой и ужасомъ, Гилель, хватаясь за руку Беряшева, и его шепотъ звучалъ хриплымъ рыданіемъ —Ребъ Гершонъ! Что вы дѣлаете!.. Это... это не вашъ „штатъ“!..

Беряшевъ со всего размаха отбросилъ Миркина къ стѣнѣ и, рѣзко повернувшись къ Гилелю, крикнулъ ему съ яростью:

— Штатъ?! Я ему покажу штатъ!! Я его убью-ю, этого раз-

бойника!! Му-уфкеръ!! [1]) Гдѣ моя до-очь?!!—крикнулъ онъ съ приливомъ бѣшенства и снова бросился къ Миркину.

Улеръ, разбуженный шумомъ, приподнялся и въ первое мгновеніе глядѣлъ на всѣхъ осоловѣлыми глазами, ничего не соображая. Вдругъ лице его сдѣлалось положительно дикимъ и, соскочивъ съ лежанки, онъ сильнымъ толчкомъ, какъ бы мимоходомъ, сбилъ съ ногъ рыжаго молодого человѣка, порывавшагося къ Миркину, и бросился на Беряшева съ такой же яростью, съ такимъ же воплемъ бѣшенства:

— А-а, старая собака!! А-а, старый злодѣй!! Сюда прибѣгать драться?! Я-я тебѣ покажу!! Я тебѣ задамъ!! Я-я надъ тобою потѣшусь!?.

Но какъ ни взбѣшенъ былъ Улеръ, у него все-таки не подымалась рука ударить пожилого человѣка и онъ вымещалъ всю свою ярость на его одеждѣ. Схвативъ Беряшева за руку и заслонивъ собою отъ него Миркина, Улеръ другою рукою захватилъ воротъ атласнаго сюртука своего противника и сразу оторвалъ весь лацканъ.

Почувствовавъ себя въ рукахъ столь же разъяреннаго и болѣе сильнаго противника, Беряшевъ сразу забылъ о Миркинѣ и сталъ кричать уже не столько съ яростью, сколько съ отчаяньемъ:

— Пусти меня!! Ра-азбойникъ!! Злодѣй!! Пусти-и!!

Миркинъ, совершенно оглушенный сперва неожиданнымъ нападеніемъ Беряшева, а затѣмъ сильнымъ ударомъ въ бокъ, полученнымъ, когда былъ отброшенъ къ стѣнѣ, съ минуту стоялъ, какъ пораженный, съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ выражалось растерянное недоумѣніе. Нѣсколько опомнившись и увидѣвъ, какъ Улеръ терзаетъ сюртукъ Беряшева, онъ бросился къ нему и крикнулъ какъ-то торопливо, съ омерзеніемъ:

— Пусти его! Пусти! Оставь его!!

— Отпустите его! Отпустите, сжальтесь!—кричалъ съ мольбой и отчаяньемъ Гилель, слабыми руками стараясь вырвать Беряшева изъ рукъ Улера.

---

[1]) Развратникъ.

Улеръ, какъ бы ничего не понимая, дико оглянулся и, инстинктивно повинуясь приказу Миркина, на мгновеніе отпустилъ Беряшева. Гилель воспользовался моментомъ и изо всѣхъ силъ потащилъ за собою Беряшева къ дверямъ, крича ему повелительно:

— Пойдемте!! Скорѣе, пойдемте!!

— Да!!. Ты правъ!!. Пойдемъ!!—прохрипѣлъ торопливо и растерянно Беряшевъ, выскакивая изъ комнаты и заметался по комнатѣ хозяйки, ничего не понимая и не зная куда идти.— Пойдемъ! Пойдемъ!—повторялъ онъ торопливо-испуганно, цѣпляясь за Гилеля.

Когда они выбѣжали на улицу, они тамъ нашли рыжаго молодого человѣка, который, держась за бокъ, растерянно бѣгалъ взадъ и впередъ передъ дверьми, повторяя испуганнымъ шепотомъ:

— Ой, онъ меня убилъ! Ой, онъ меня убилъ!

Выбѣжавъ на улицу, Беряшевъ растерянно оглянулся, и не зная въ какую сторону идти, какъ-то завертѣлся на мѣстѣ и вдругъ опустился на бревно, лежавшее возлѣ дома, и схватившись за голову, началъ истерически рыдать, повторяя съ отчаяньемъ:

— Моя дочь, моя дочь!! Моя единственная дочь!! Что ты-ы со мною сдѣлала!!

— Ребъ Гершонъ, ребъ Гершонъ! Пойдемте!!—повторялъ Гилель, трогая его за руку и глядя на него съ ненавистью и презрѣніемъ.

Беряшевъ поднялъ голову. Лицо его было мокрое отъ слезъ, жалкое, нечастное.

— Пой... демъ...—проговорилъ онъ какъ-то дряхло и послушно и, взглянувъ на свой совершенно порванный сюртукъ, онъ заговорилъ жалобно, всхлипывая, какъ ребенокъ:

— Онъ... мнѣ порвалъ... весь сюртукъ... Какъ я... теперь пойду... по городу?..

И онъ продолжалъ жалко всхлипывать.

— Я говорилъ вамъ, что сюда нечего идти—вы меня не по-

слушали!—отвѣтилъ ему наставительно и жестко Гилель.—Ну, пойдемте!—прибавилъ онъ повелительно и помогъ ему подняться.

Отойдя съ Беряшевымъ нѣсколько шаговъ, Гилель съ мучительной тревогой оглянулся на домикъ Миркина. Увидѣвъ тамъ молодого человѣка, все еще державшагося за бокъ, онъ ему крикнулъ съ презрительнымъ раздраженіемъ:

— Довольно держаться за бокъ! Цѣлы будете! Идемте!

И тотъ сейчасъ же отпустилъ руку отъ бока и нѣсколько въ припрыжку сталъ догонять Беряшева и Гилеля.

Когда Беряшевъ выбѣжалъ изъ комнаты, Улеръ сталъ рваться за нимъ.

— Пу-усти меня!—кричалъ онъ удерживавшему его Миркину.—Пусти меня къ нему!! Я-я ему вырву бороду и пейсы!! Я ему цѣлой кости не оставлю! Я-я съ нимъ разсчитаюсь за все!!

Нѣсколько успокоившись, онъ обвелъ комнату удивленнымъ взглядомъ и воскликнулъ:

— Ка-акъ тебѣ нравится исторія, а? Прибѣгать драться?!

— Какой-то дикій звѣрь!—отвѣтилъ такъ-же недоумѣвающе Миркинъ.

— Онъ бы тебя убилъ, еслибъ не я!

— Навѣрное!

— Но я ему задалъ!—воскликнулъ уже съ злорадствомъ Улеръ.—Онъ меня будетъ помнить! Я ему весь сюртукъ изорвалъ на куски! И еслибы ты не оторвалъ меня отъ него...

— Я боялся, что ты его убьешь... Посмотрѣлъ бы ты на себя, какимъ ты былъ. Ты былъ тоже похожъ на дикаго звѣря.

— А что же, смотрѣть на него?... Да! А онъ тебя не ударилъ?—вспомнилъ онъ.

— Какъ не ударилъ—понятно ударилъ!—отвѣтилъ смѣясь Миркинъ.—Онъ меня отбросилъ изо всѣхъ силъ къ стѣнѣ, и я ударился бокомъ о кровать. До сихъ поръ сильно болитъ бокъ.

— Жалко, что я его не побилъ! Надо было хоть пару кулаковъ дать!—пожалѣлъ Улеръ.

— Достаточно съ него и этого,—отвѣтилъ незлобиво Миркинъ.—А что скажешь на Гилеля!—вспомнилъ онъ.

— Развѣ онъ здѣсь былъ?—удивился Улеръ.

— Ты его развѣ не замѣтилъ?—удивился въ свою очередь Миркинъ.—Вѣдь онъ же оборонялъ Беряшева отъ тебя!..

— Гдѣ тамъ было мнѣ замѣчать его! Я былъ какъ съумасшедшій... Я видѣлъ только атласный сюртукъ, который я рвалъ... Ай, хорошо обработалъ я ему субботній сюртукъ! На высшій манеръ обработалъ!—воскликнулъ онъ съ удовольствіемъ.

— Но Гилель какой молодецъ!—вспомнилъ Миркинъ.—Я увѣренъ, что это онъ уговорилъ Беряшева пойти сюда!

— Зачѣмъ?—удивился Улеръ.

— Какъ зачѣмъ? Чтобы сбить его со слѣда, конечно!.. И онъ сдѣлалъ бы очень умно, еслибы повелъ его теперь еще къ кому-нибудь изъ нашихъ... Главное вѣдь, чтобы оттянуть до полудня, до часу, пока она уѣдетъ. Тогда кончено!

Товарищи понемногу совершенно успокоились и черезъ часъ—полтора сидѣли за кипящимъ самоваромъ и мечтали о томъ, какъ Беряшева устроится въ Кишиневѣ.

Скоро пришелъ Фаевичъ. Ему конечно была разсказана во всѣхъ деталяхъ исторія нападенія, и онъ искренно пожалѣлъ, что его не было при этомъ.

— А Ципорина здѣсь нѣтъ?—вспомнилъ онъ.—Куда онъ могъ дѣться? Всталъ сегодня рано и тотчасъ же ушелъ, ничего не сказавъ. Я думалъ, что онъ сюда пошелъ.

— Нѣтъ, его здѣсь не было,—отвѣтилъ Улеръ.—Вотъ еслибъ онъ былъ здѣсь, Беряшевъ навѣрно ушелъ бы отсюда „безъ зуба и безъ глаза!“

За Фаевичемъ явился Эйзерманъ.

Онъ вошелъ какъ то широко, празднично, съ блаженной улыбкой на лицѣ:

— Добрая суббота, набожные евреи!—проговорилъ онъ, размашисто подавая всѣмъ руку.—Вы уже послѣ „Мусофа“?.. [1]). Нельзя ли у васъ сдѣлать „кидушъ“ надъ стаканомъ чаю изъ самовара?

И, усѣвшись, онъ прибавилъ серьезнѣе:

---

[1]) Вторая половина праздничной утренней молитвы.

— Попробовалъ сегодня работать—и что то не работается... Все таки суббота. „Добавочная душа“ [1]) не дозволяетъ... Я и пришелъ сюда. Вѣроятно послѣ обѣда придутъ сюда нѣсколько „хасидовъ“. Схвачу „божественное слово“. А пока почитаю немного „Га-Шахеръ“. Зачтется мнѣ это за „Псалтырь“, какъ вы думаете?

И, выпивъ пару стакановъ чаю, онъ уютно усѣлся на лежанкѣ и принялся читать.

Эйзерманъ не ошибся, ожидая, что послѣ обѣда къ Миркину придетъ нѣсколько „хасидовъ“. Обыкновенно, каждую субботу послѣ обѣда къ Миркину собиралась значительная компанія молодыхъ людей, среди которыхъ бывали и гимназисты, живущіе у зажиточныхъ родителей, и такіе пролетаріи, какъ обитатели „Орей миклотъ“, и ешиботники разныхъ градацій вольнодумства. Приходили выкурить папиросу послѣ сытнаго и жирнаго обѣда, выпить стаканъ чаю изъ самовара, съѣсть, хотя бы безъ всякаго аппетита и удовольствія, только „для принципа“, кусочекъ чего нибудь „трефного“, а, главнымъ образомъ, чтобы встрѣтиться съ товарищами, поговорить, поспорить и вообще подышать свободно, полной грудью. И эти нѣсколько часовъ, до сумерекъ обыкновенно проходили очень оживленно.

На этотъ разъ компанія стала собираться тоже сейчасъ послѣ обѣда. Первымъ пришелъ Геверманъ. Онъ вошелъ мрачный и трагическій и, не здороваясь ни съ кѣмъ, подошелъ къ Миркину, взялъ его за рукавъ и вывелъ въ другую комнату.

— Ты вѣрно удивился, что я не пришелъ вчера ночевать?— проговорилъ онъ нѣсколько замогильнымъ тономъ.—Я... вернулся домой!..—прибавилъ онъ, съ трудомъ выговаривая слова. — Я тряпка и дрянь—но я не могъ... Я встрѣтилъ на улицѣ мать съ вспухшими глазами и она прошла мимо меня, ничего, рѣшительно ничего не сказавъ мнѣ... Понимаешь?.. Ну, я не могъ больше... и... Я теперь вижу, что, пока буду здѣсь въ М., я не избавлюсь

---

[1]) При наступленіи субботы, каждый еврей получаетъ вторую душу, которая улетаетъ съ наступленіемъ будней.

отъ всего это... Надо уѣхать! Я это рѣшилъ!.. А пока я вернулся... Я тряпка, да? Скажи, тряпка?—закончилъ онъ съ волненіемъ и не глядя на Миркина.

— По моему ты прекрасно сдѣлалъ, что вернулся!—проговорилъ Миркинъ рѣшительно и сразу, даже не подумавъ, и сейчасъ же, какъ бы не желая больше говорить объ этомъ, вернулся въ комнату. За нимъ вернулся и Геверманъ, уже менѣе мрачный, и поздоровался съ товарищами.

За Геверманомъ пришелъ Каплунеръ. Онъ вошелъ взволнованный и, еле переступивъ порогъ, воскликнулъ возбужденно:

— Слышали? Беряшева удрала отъ родителей! Ей Богу! Сегодня ночью удрала!

Миркинъ, Улеръ и Фаевичъ, не сговариваясь между собою, какъ-то сразу рѣшили скрыть, что они что нибудь знаютъ объ этомъ, и воскликнули съ удивленіемъ и недовѣрчиво:

— Ну?

— Увѣряю васъ! Весь городъ кипитъ! Одни говорятъ, что она обокрала отца и удрала съ какимъ-то учителемъ, чуть ли не съ тобою, Миркинъ! Другіе, что она ушла креститься. Короче, говорю вамъ—нѣчто ужасное творится!

Вслѣдъ за Каплунеромъ явился Кевешъ, тоже взволнованный. Какъ оказалось, волненіе его имѣло своей причиной не побѣгъ Беряшевой, о чемъ онъ и не зналъ, а то обстоятельство, что у него завелась какая-то большая „тайна“, которую онъ не имѣлъ права никому сообщить, но и не имѣлъ силъ удержать при себѣ. Войдя въ комнату, онъ тотчасъ же бросился къ Каплунеру и замирающимъ шепотомъ сообщилъ ему.

— О-ой, что у меня есть! Еслибъ ты зналъ, какая книга у меня есть!

— Какая?

— О-ой, я не могу тебѣ этого сказать! Е-ей Богу не могу!—почти стоналъ въ отчаяньи Кевешъ, глядя на товарища своимъ добрымъ и какъ-бы молящимъ пощады взглядомъ.—Но е-еслибъ ты зналъ!

И черезъ минуту онъ такимъ же шепотомъ повторилъ тѣ же восклицанія и Миркину.

Въ комнату вошелъ Циверштейнъ.

— Вы, конечно, уже знаете, господа?—проговорилъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ.—Можетъ быть, даже кое-кто и помогалъ дѣлу, а?—прибавилъ онъ, пытливо оглядывая товарищей и останавливаясь взглядомъ на Миркинѣ.—А! что дѣлается въ городѣ!—продолжалъ онъ уже горячо.—Только что Беряшевъ вмѣстѣ съ твоимъ отцомъ (онъ кивнулъ Каплунеру) побѣжали къ архіерею...

— Къ архіерею?

— Ну, да! Всѣ говорятъ, что она теперь въ монастырѣ, что ночью ее отвезли туда... Оказывается, что нѣсколько человѣкъ видѣло, какъ въ полночь она вмѣстѣ съ цѣлой компаніей русскихъ дѣвушекъ и молодыхъ людей пришла къ городскому садику, гдѣ ихъ ждала большая черная карета. Всѣ туда усѣлись—и карета помчалась галопомъ къ архіерейскому дому... Мнѣ сказали, что мать Беряшевой съ самаго утра лежитъ въ обморокѣ и никакъ нельзя ее привести въ себя! Ужасно!

Миркинъ вышелъ незамѣтно въ сосѣднюю комнату, посмотрѣлъ часы и вернулся съ просіявшимъ лицомъ.

— Теперь половина второго,—шепнулъ онъ Улеру.—Она уже уѣхала.

Кевешъ, подождавъ, пока публика нѣсколько успокоится, подбѣжалъ къ Циверштейну:

— О-ой, какая книга у меня есть, еслибъ вы знали!—сообщилъ онъ ему все тѣмъ же замирающимъ шопотомъ.

— Какая?—спросилъ равнодушно, свысока взглянувши на Кевеша, Циверштейнъ.

— Я не могу вамъ сказать! Е-ей Богу не могу!!

— Не можете—и не надо,—отвѣтилъ ему такъ же равнодушно Циверштейнъ и отвернулся.

Этого равнодушія уже совсѣмъ не могъ вынести Кевешъ и, нагнувшись къ Циверштейну, онъ продолжалъ уже жалобно, съ ноткой отчаянья:

— О-ой, еслибъ вы знали какая!!

И совершенно непроизвольно, не будучи въ состояніи удержать въ себѣ рвавшееся наружу слово, прибавилъ:—запре-ещенная!!

Это уже заинтересовало Циверштейна. Но онъ все-таки продолжалъ сохранять равнодушный видъ и, какъ бы мимоходомъ, спросилъ:

— Какая?

— Я далъ честное слово никому не говорить!.. Дайте мнѣ честное слово, что никому не скажете. Дайте!—проговорилъ съ мольбою Кевешъ.

— Это не „Что дѣлать"?

— Нѣтъ! Ей Богу—нѣтъ! Честное слово—нѣтъ!.. Болѣе-болѣе запрещенное! Дайте честное слово, прошу васъ!

Циверштейнъ, наконецъ, смиловался и далъ честное слово.

— Пойдемте въ другую комнату, я вамъ скажу!

И, выведя Циверштейна въ комнату квартирной хозяйки, Кевешъ замирающимъ шопотомъ сообщилъ ему таинственно-претаинственно:

— Это—„Русскій Вѣстникъ"!!.

Циверштейнъ взглянулъ на него съ удивленіемъ и презрительно разсмѣялся.

— Вы говорите глупости, Кевешъ!—проговорилъ онъ наставительно.—„Русскій Вѣстникъ"—это журналъ самый обскурантный! Тамъ пишутъ самые большіе консерваторы: Катковъ и Аксаковъ. Я это хорошо знаю!

— А-ахъ, не то, не то! Вы не знаете!—загорячился, не смущаясь словами Циверштейна, Кевешъ.—Это не самъ журналъ! Это въ журналѣ только напечатано! Это романъ! Онъ называется „Панургово стадо"!.. Ой, говорю вамъ!.. Не могу высказать!.. И понимаете? Прямо подписано, кто его сочинилъ!! Всеволодъ [illegible]овскій! [1]) Ой!

[1]) „Панургово стадо"—одинъ изъ самыхъ пасквильныхъ романовъ [illegible] автора. Въ этомъ романѣ выведенъ въ крайне каррикатур[illegible] видѣ „нигилистъ", Ардаліонъ Полояровъ.

— Но откудова вы знаете, что это запрещенное?—спросилъ Циверштейнъ, которому имя Крестовскаго ничего не говорило.

— Мнѣ самъ Максимовичъ сказалъ! Онъ мнѣ далъ и книгу... Да и я самъ... Я не прочелъ еще всего, но, говорю вамъ, страшно читать!.. Тамъ описано самое... самое... ой!.. Тамъ одинъ Ардаліонъ Полояровъ! Ой, что это за человѣкъ, что за человѣкъ! Реалистъ! Что онъ только говоритъ!.. А главное, главное, что тамъ напечатано! Слушайте! Я переписалъ!!

И вытащивъ изъ кармана бумажку, онъ началъ по ней декламировать шопотомъ, съ жестокимъ паѳосомъ и въ то же время съ какимъ-то ужасомъ, слѣдующіе стихи:

Я нашелъ, друзья, нашелъ,
Кто виновникъ безтолковый
Нашихъ бѣдъ и нашихъ золъ:
Виноватъ во всемъ гербовый,
Двуязычій, двуголовый,
Всероссійскій нашъ орелъ!

— Это поетъ громко самъ Полояровъ!! Ну!? Что скажете? А?!

— Д-да... Это въ самомъ дѣлѣ должно быть... запрещенное... проговорилъ съ удивленіемъ и нѣсколько смущенно Циверштейнъ. Ему теперь было нѣсколько неловко, что онъ раньше такъ категорически высказалъ, что въ „Русскомъ Вѣстникѣ" ничего „запрещеннаго" не можетъ быть напечатано—и онъ поспѣшилъ объяснить это:

— Можетъ быть авторъ нарочно напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", чтобъ не хватились, что запрещенное... Это дѣлаютъ!—прибавилъ онъ авторитетно.

— Ну да, нарочно! Конечно, нарочно!—подхватилъ горячо Кевешъ.—Самъ Максимовичъ мнѣ это сказалъ! Его отецъ вѣдь полковникъ и выписываетъ эти книги. И вотъ онъ читалъ этотъ романъ—и не хватился, что онъ запрещенный, ха-ха-ха!

— Ну, хорошо. Вы никому ничего не говорите... Мы потомъ поговоримъ объ этомъ... отозвался Циверштейнъ, которому не хотѣлось, чтобы такое важное открытіе пошло среди товарищей не отъ него, а отъ какого-то Кевеша.

И они оба молча вернулись въ комнату. Кевешъ совершенно успокоился и теперь держался неотлучно возлѣ своего сообщника.

Пришелъ еще юноша, высокій, въ длинноватомъ сюртукѣ. Онъ вошелъ въ комнату поспѣшно, съ выраженіемъ счастливаго возбужденія на лицѣ, точно только что вырвался изъ тяжелаго плѣна.

— А-а! Папиросочка послѣ кугеля—вкусъ рая!—воскликнулъ онъ въ восторгѣ.—Моя „добавочная душа"—страстная курильщица!—прибавилъ онъ, поспѣшно закуривая папиросу.

С. А. А—нскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Еврейская совѣсть.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Человѣка болѣе комическаго и въ то же время, если такъ можно выразиться, болѣе трагическаго, чѣмъ Григорій Александровичъ Шейнфельдъ, я никогда въ жизни не видывалъ.

Представьте себѣ еврея, настоящаго, захолустнаго, со всѣми его типическими особенностями, но у котораго изъ каждой черточки его физіономіи сквозятъ искренность, простота почти до святости и удивительная наивность; представьте, говорю я, себѣ такого человѣка въ роли биржевого зайца, гдѣ требуется быстрота, подвижность, острота нюха, и вы ужъ получите нѣкоторое представленіе о той трагикомической роли, которая по волѣ судебъ выпала на долю Григорія Александровича Шейнфельда. Но если къ этому вы еще прибавите, что этотъ оригинальный биржевой дѣлецъ, у котораго, къ слову сказать, никогда нѣтъ за душой ни копѣйки денегъ, пользуется всѣми правами истинно русскихъ людей и даже женатъ на женщинѣ, которая любитъ выпить и поскандалить, то получите полное представленіе о томъ трагикомизмѣ, который долженъ собою представлять въ жизни Григорій Александровичъ Шейнфельдъ.

И дѣйствительно, я никогда не могу смотрѣть на Григорія Александровича безъ улыбки, и въ то же время безъ того тяжелаго чувства, когда сознаешь, что жалко хорошаго человѣка, но ничего не подѣлаешь, ничѣмъ ему не поможешь.

Знаю я Григорія Александровича давно, по крайней мѣрѣ лѣтъ двадцать-пять. Зналъ я его еще молодымъ человѣкомъ, когда онъ, не безъ основанія, имѣлъ еще надежду сдѣлаться милліонеромъ, знаю я его и теперь, когда онъ ужъ, рѣшительно безъ всякихъ основаній, думаетъ еще разбогатѣть биржевой игрой, и всегда онъ во мнѣ возбуждалъ и возбуждаетъ однѣ и тѣ же мысли, чувства. Всегда, когда я его вижу, мнѣ приходитъ въ голову: вотъ человѣкъ, который всегда будетъ не въ своей тарелкѣ и будетъ дѣлать не то, что нужно.

Исторія Григорія Александровича очень любопытна ужъ потому одному, что она тѣсно связана съ исторіей другого человѣка, который тоже всю свою жизнь работалъ, трудился и только передъ смертью, вѣроятно, убѣдился въ томъ, что всю свою жизнь онъ дѣлалъ не то, что нужно.

Исторія Григорія Александровича такова:

Жилъ онъ когда-то въ въ какомъ-то захолустномъ городишкѣ черты осѣдлости и... мечталъ.

Я нарочно подчеркиваю слово мечталъ, потому что у евреевъ мечтать это не качество, свойство, присущее только извѣстнымъ индивидуумамъ, а почти промыселъ, такъ сказать, національная профессія, безъ которой ни одинъ еврей жить не можетъ. Отнимите у еврея его „мечту“, которая руководитъ его дѣятельностью, одухотворяетъ и направляетъ его, и вы увидите, что ему въ сущности дѣлать почти нечего. И именно поэтому такъ кипуча, лихорадочна дѣятельность еврея; у него не просто работа, которая всегда бываетъ скучна, а работа, окрашенная въ какую-нибудь лучезарную мечту, которая постоянно мелькаетъ передъ нимъ гдѣ-то тамъ, въ туманной дали, за этой кипучей и лихорадочной работой. И поэтому то такъ плохо приходится большинству евреевъ, когда они попадаютъ въ настоящую, а не созданную воображеніемъ жизнь, которая чужда какихъ бы то ни было мечтъ. Но это между прочимъ.

Итакъ, Григорій Александровичъ мечталъ, и Богъ его, конечно, знаетъ о чемъ. Но вотъ въ одно прекрасное утро онъ получаетъ

письмо изъ Петербурга отъ своего дяди, который убѣдительнѣйше проситъ немедленно къ нему пріѣхать.

Извѣстно было въ его семьѣ, что въ Петербургѣ имѣется дядя, большой человѣкъ, докторъ, генералъ, страшный богачъ, который, еслибъ захотѣлъ, то могъ бы облагодѣтельствовать всю ихъ родню. Но въ то же время было извѣстно и то, что когда кто-то изъ ихъ родни вздумалъ поѣхать въ Петербургъ и обратиться къ богатому родственнику за помощью, тотъ его чуть ли не вытолкалъ въ шею и строго-на-строго наказалъ, чтобы никто „изъ нихъ" не смѣлъ его безпокоить и являться къ нему. И вдругъ отъ этого дяди письмо съ убѣдительнѣйшей просьбой пріѣхать. И хотя Григорій Александровичъ ничего хорошаго отъ такого дяди не ожидалъ и ни на что не разсчитывалъ, но разъ человѣкъ такъ проситъ пріѣхать, то отчего не исполнить его просьбу и не съѣздить.

И Григорій Александровичъ, который тогда еще былъ Абрамомъ Исаковичемъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, взялъ и поѣхалъ къ своему дядѣ.

Дядя, оказалось, на старости лѣтъ съ ума сошелъ. Онъ вздумалъ облагодѣтельствовать своего племянника и сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ.

Для того, чтобы понять, какимъ образомъ у такого дяди, который выталкиваетъ въ шею своего бѣднаго родственника, могла явиться такая сумасбродная мысль, необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ дядѣ. Тѣмъ болѣе, что этотъ дядя не единственный, такихъ очень много и ихъ судьба почти всегда одинакова.

Этотъ дядя въ сущности былъ такимъ же мечтателемъ, какъ Григорій Александровичъ. Разница между ними была только та, что Григорій Александровичъ мечталъ о бѣлой Арапіи или Богъ его знаетъ о чемъ, а дядя мечталъ о карьерѣ, богатствѣ, которыя, какъ надо полагать, онъ думалъ, дадутъ ему счастье. Человѣкъ онъ былъ способный, трудолюбивый, настойчивый и ему удалось осуществить свою мечту. Онъ сдѣлалъ блестящую служебную карьеру и скопилъ много денегъ. До тѣхъ поръ, пока онъ былъ молодъ, полонъ силъ, онъ былъ настолько занятъ своимъ дѣ-

ломъ, работой, что ему некогда было хорошенько подумать, для чего собственно ему нужно столько денегъ и кому онъ ихъ оставитъ послѣ смерти. Но когда подошла старость и онъ ужъ физически не могъ столько работать, къ нему невольно стала закрадываться мысль, что вотъ онъ во всю свою жизнь работалъ, трудился, скупился, во всемъ себѣ отказывалъ, чтобы скопить по возможности больше денегъ, а кто же этими деньгами будетъ пользоваться, когда онъ умретъ?

Нужно замѣтить, что онъ хотя и былъ женатъ, но дѣтей у него не было. Понималъ онъ конечно, что еслибъ съ нимъ случилось такое несчастіе и онъ бы умеръ, то его деньги не пропадутъ и охотники на нихъ найдутся. Та же генеральша отъ нихъ не откажется, а послѣ ея смерти отъ нихъ не откажутся ея родственники, которые ужъ, по всей вѣроятности, ждутъ не дождутся, когда ихъ (т. е. доктора и докторшу) чортъ возьметъ. Но вотъ именно эта перспектива и не улыбалась старому доктору.

Дѣло въ томъ, что генеральша, хотя и разыгрывала изъ себя просвѣщенную женщину и великосвѣтскую барыню, но это ей ничуть не мѣшало быть настоящей фуріей и довольно умѣло отравлять жизнь доктора. До тѣхъ поръ, пока докторъ былъ занятъ своей карьерой и работой, ему, какъ говорится, некогда было обращать вниманіе на пустяки и на выходки какой-то глупой бабы, какъ онъ ее мысленно называлъ. Но когда онъ состарился и почувствовалъ потребность въ отдыхѣ, спокойствіи, то помимо того, что выходки „глупой бабы" стали его раздражать, оскорблять, но онъ себя почувствовалъ въ своемъ домѣ ужасно одинокимъ, заброшеннымъ и чуждымъ. Онъ ясно увидѣлъ, что всѣ его окружающіе, начиная съ самой генеральши, какъ будто только и ждутъ его смерти и ставятъ ему въ вину каждый лишній прожитый день. И у стараго, закаленнаго въ жизненной борьбѣ доктора невольно стала зарождаться вражда къ этимъ окружающимъ его людямъ, которые изъ всего того, что было въ немъ человѣческаго, цѣнили только его деньги и которые ужъ настолько освоились съ мыслью, что эти деньги составляютъ ихъ собственность, что даже не считали нужнымъ особенно церемо-

ниться съ самимъ докторомъ. И въ немъ заговорило самолюбіе. Не рано ли вы, милые люди, стали дѣлить шкуру медвѣдя?— пришло ему въ голову.

Зналъ, онъ, что генеральша терпѣть не можетъ жидовъ, что для нея нѣтъ ничего болѣе оскорбительнаго, какъ слово жидъ (и потому-то, когда она хотѣла его разозлить, досадить ему, она начинала ругать жидовъ) и у него явилась мысль, что очень недурно бы было преподнести ей сюрпризомъ какого-нибудь жидка наслѣдника. Это помимо того, что натянуло бы носъ этой спесивой женщинѣ, всей ея жадной, полуголодной дворянской голытьбѣ, ея роднѣ, у которой ужъ давно слюнки текутъ отъ такого соблазнительнаго жирнаго кусочка, но нѣкоторымъ образомъ загладило бы его вину передъ еврейской его родней, которую онъ до этого и знать не хотѣлъ. Онъ вѣдь въ сущности былъ не злой и не черствый человѣкъ. Онъ былъ только большимъ практикомъ-карьеристомъ и зналъ, что въ жизни двумъ богамъ служить нельзя. Одно изъ двухъ;—если человѣкъ хочетъ сдѣлать свою карьеру, онъ долженъ отказаться отъ какихъ бы то ни было чувствъ, а если онъ дорожитъ своими чувствами, то никогда не долженъ разсчитывать на карьеру. И онъ предпочелъ первое. Но когда карьеру онъ закончилъ, почилъ на ея лаврахъ, то отчего ему было и не побаловать себя человѣческими чувствами. И старикъ исподволь сталъ наводить справки о своей роднѣ. По справкамъ оказалось, что ближайшимъ его родственникомъ былъ Григорій Александровичъ Шейнфельдъ. И не долго думая, онъ взялъ и выписалъ его въ Петербургъ.

II.

Можно себѣ представить, какой въ домѣ генерала получился эффектъ, когда въ одно прекрасное утро, какъ снѣгъ на голову, откуда-то появился неуклюжій, застѣнчивый, очень дурно одѣтый жидокъ, котораго старый докторъ отрекомендовалъ своимъ племянникомъ.

Генеральша, которая, когда заходила рѣчь о происхожденіи

мужа, утверждала, что онъ потомокъ какихъ-то остзейскихъ бароновъ, категорически заявила, что она такого скандала, безобразія въ своемъ домѣ не потерпитъ. Но сверхъ всякаго ожиданія старый докторъ, всегда уступчивый, на этотъ разъ проявилъ удивительное упрямство и настойчивость. Онъ тоже категорически заявилъ, что „этотъ жидокъ“ не только будетъ жить въ „ихъ“ домѣ, но послѣ его смерти онъ наслѣдуетъ его состояніе. И опять таки можно себѣ представить, что послѣ этого началось въ домѣ стараго доктора. Между нимъ и его женой, ея ближними „изъ-за-этого жидка“ возникла борьба не на жизнь, а на смерть. Генеральша употребляла всѣ усилія, чтобы выжить изъ своего дома ненавистнаго „жидка“, который собирался „ограбить“ ее и ея родныхъ, а докторъ ужъ въ свою очередь дѣлалъ все отъ него зависящее для того, чтобы укрѣпить его въ домѣ и удержать его возлѣ себя. Генеральша не брезговала никакими средствами; она его (т. е. жидка) всячески оскорбляла, унижала, по просту морила голодомъ, натравливала на него дворниковъ, полицію, а докторъ его упрашивалъ не обращать вниманія на выходки глупой бабы, ради будущихъ благъ пострадать, потерпѣть, а когда возникала исторія съ полиціей, то онъ надѣвалъ свой мундиръ, ордена и ѣздилъ просить, хлопотать.

Вотъ именно въ самый разгаръ этой борьбы между докторомъ и его супругой, я и познакомился съ Григоріемъ Александровичемъ, который чуть ли не послѣ первой со мной встрѣчи посвятилъ меня въ свою исторію.

Не скажу, чтобы эта исторія съ перваго абцуга мнѣ очень понравилась.

Конечно, очень хорошо было со стороны доктора, что совѣсть въ немъ заговорила на старости лѣтъ и онъ вздумалъ облагодѣтельствовать молодого человѣка. Но я совершенно не видѣлъ никакой надобности во всѣхъ этихъ домашнихъ исторіяхъ. По моему, молодого человѣка можно было сдѣлать своимъ наслѣдникомъ и въ то же время не заставлять его голодать, переносить оскорбленія, униженія. Все это можно было устроить гораздо проще. Когда я поставилъ на видъ Григорію Александровичу,

что для него было бы гораздо лучше, если бы дядя нанялъ для него гдѣ-нибудь комнатку и давалъ на прожитіе, онъ мнѣ отвѣтилъ, что конечно это было бы лучше, но что дядя его такъ полюбилъ, что жить безъ него не можетъ, что во всемъ домѣ онъ единственный человѣкъ, съ которымъ дядя чувствуетъ себя спокойно.

— Но кто же вашего дядю заставляетъ жить въ такомъ домѣ?—возразилъ я.—Кто ему мѣшаетъ взять васъ съ собою и куда-нибудь уѣхать? Ну, хотя бы за границу, что ли!

— Да, конечно, — смутился Григорій Александровичъ, — но дядя очень разсчетливъ.

— Это и видно. Ну, а завѣщаніе онъ уже сдѣлалъ?—поставилъ я вопросъ категорически.

— Право, не знаю,—замялся Григорій Александровичъ,—кажется, еще нѣтъ.

— Вы съ нимъ не пробовали еще объ этомъ говорить?

— Какъ же объ этомъ заговорить? Совѣстно.

— Такъ вотъ что я вамъ посовѣтую,—отрѣзалъ я прямо.— Плюньте вы на это дѣло. Уходите вы изъ этого дома. Возьмитесь за какое-нибудь дѣло, приспособьтесь къ чему-нибудь. А то вѣдь только напрасно теряете время, голодаете. Вашъ дядя, повидимому, одинъ изъ тѣхъ скрягъ, у которыхъ никогда не хватаетъ духа даже условно, мысленно разстаться со своими деньгами.

— Да вы думаете, что я тамъ торчу изъ-за денегъ, какихъ-нибудь разсчетовъ?—вставилъ Григорій Александровичъ.

— А изъ-за чего-жъ?

— Просто жалко человѣка. Вы не знаете, какъ этотъ человѣкъ несчастенъ и, глядя на него, у меня сердце обливается кровью.

Я что называется только открылъ глаза и смотрѣлъ на этого чудака. И замѣчательно, что при этомъ въ немъ нельзя было подмѣтить ни тѣни какой-нибудь фальши, игры; онъ былъ вполнѣ искренен.

Само собою, что такихъ людей, какъ онъ, убѣждать въ чемъ

нибудь, давать какіе-нибудь совѣты, совершенно безполезно. И я на него махнулъ рукой, сталъ смотрѣть, что дальше будетъ.

А дальше было вотъ что:

Въ одно прекрасное утро онъ ко мнѣ приходитъ и говоритъ, чтобы для того, чтобы избавить своего несчастнаго дядю отъ лишнихъ хлопотъ, возни съ полиціей, онъ изъ Абрама Исаковича сдѣлался Григоріемъ Александровичемъ, на время конечно,—добавилъ онъ послѣ краткой паузы. Когда его дядя умретъ и онъ получитъ капиталъ, ему никто не помѣшаетъ уѣхать заграницу и опять сдѣлаться Абрамомъ Исаковичемъ.

Но годы шли, а старый докторъ болѣлъ, хирѣлъ, а умирать не умиралъ. И Григорій Александровичъ время отъ времени приходилъ ко мнѣ и со слезами на глазахъ разсказывалъ мнѣ про свое житье-бытье. Оно дѣйствительно было ужасно. Съ одной стороны его всячески донимала генеральша, которая повидимому задалась цѣлью, во что бы то ни стало выжить его изъ дома, а съ другой, ему доставалось и отъ дяденьки, который съ каждымъ днемъ дѣлался все раздражительнѣе, мнительнѣе и подозрительнѣе. Онъ не только боялся, чтобы его не отравила генеральша, ея родныя, но ему начинало казаться, что и Григорій Александровичъ только ждетъ и не дождется его смерти. А онъ въ награду за свое благодѣяніе требовалъ отъ него любви, преданности и признательности. И бѣдный Григорій Александровичъ сбивался съ ногъ, терялъ голову, не зналъ, какимъ еще образомъ онъ ему можетъ это доказать. А главное, что все время ему приходилось проживать въ проголодь. Добрый дяденька пока не давалъ ему ни копѣйки. Умру,—утѣшалъ онъ его,—все получишь, а пока тебѣ не нужно. Ты живешь у меня на всемъ готовомъ.

Такъ шли годы. И только тогда, когда у Григорія Александровича показалась сѣдина въ бородѣ, умеръ его дядя.

Оказалось, что никакого завѣщанія старикъ не сдѣлалъ и [illegible]альша съ ея родными свободно вздохнули. До послѣдней [illegible]ы они были увѣрены, что докторскихъ капиталовъ имъ не [illegible]ь, какъ своихъ ушей. Эта неожиданность произвела на нихъ [illegible] неожиданное впечатлѣніе, что послѣ семейнаго совѣта было

рѣшено „заткнуть глотку и жидку". Вѣдь чего добраго подобьетъ его какой-нибудь адвокатишка и процессъ можетъ начать. Выйдетъ ли что нибудь изъ этого процесса или не выйдетъ—это, конечно, вопросъ, но пока что начнутся толки, разговоры. Къ чему это, когда можно обойтись и безъ этого. Они взяли и „заткнули ему глотку" пятнадцатью тысячами рублей.

III.

Пятнадцать тысячъ рублей, это хотя и не Богъ вѣсть какой капиталъ, но все-таки это что нибудь составляло, въ особенности для Григорія Александровича, у котораго никогда копѣйки за душой не было. Явился вопросъ, что ему съ этими деньгами дѣлать. Взять и просто проѣсть ихъ—неблагоразумно, да и скучно безъ дѣла. Взяться за какое-нибудь коммерческое дѣло, но всякое дѣло нужно знать, а Григорій Александровичъ ни о какихъ дѣлахъ понятія не имѣлъ. И вотъ въ то время, когда онъ раздумывалъ, соображалъ, за что ему взяться, къ нему подвернулся какой-то добрый человѣкъ, который уговорилъ его купить у него какія-то сильно упавшія въ цѣнѣ бумаги. Такъ случилось, что эти бумаги черезъ нѣсколько дней послѣ покупки сильно поднялись въ цѣнѣ. И Григорій Александровичъ заработалъ нѣсколько сотъ рублей, это и рѣшило его дальнѣйшую судьбу. Какія же еще ему нужны дѣла? Биржа, вотъ это и есть настоящее, подходящее для него дѣло. Помимо того, что тутъ нѣтъ никакой возни съ лавками, товарами, приказчиками, но и не требуется никакого знанія, навыка, опыта. Самое простое, односложное дѣло. Купилъ бумагу, когда она дешева, и продалъ, когда она поднялась въ цѣнѣ. Это и дуракъ можетъ сдѣлать.

И вотъ въ одно прекрасное утро я захожу въ Café de Paris въ то время, когда тамъ работаетъ не проституція, а малая биржа, и вижу Григорія Александровича. Смотрю на него и вижу, что дѣла то у него не важны. Физіономія вытянута, ходитъ онъ съ опущенной внизъ головой, какъ сонный... Плохой, думаю я себѣ, это признакъ.

— Григорій Александровичъ,—окликаю я его,—вы что тутъ дѣлаете?

— А это вы!—обрадовался онъ:—вы развѣ тоже...

— Играю на биржѣ,—со смѣхомъ докончилъ я его фразу,—нѣтъ, Богъ меня отъ этого миловалъ. А вы развѣ на биржѣ играете?

— Да! понемногу. Нужно же что нибудь дѣлать!

— Какъ дѣла?

— Неважно. Въ послѣднее время много денегъ потерялъ.

Въ это время къ нашему столику съ ужимками, присѣданіями и низкими поклонами въ мою сторону, приблизилась какая-то совершенно мнѣ незнакомая женщина и, обращаясь къ Григорію Александровичу, произнесла:

— Ты здѣсь? А я тебя ищу!

Григорій Александровичъ густо покраснѣлъ и, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ:

— Рекомендую, моя жена.

Я вторично взглянулъ на жену Григорія Александровича и, какъ говорится, только глаза вытаращилъ.

Есть женщины, которыхъ не нужно знать, но на которыхъ стоитъ только взглянуть, чтобы сразу узнать не только, кто онѣ такія по своему положенію, воспитанію, образованію, но и какую онѣ прошли житейскую школу и въ какихъ побывали мѣдныхъ трубахъ. И съ перваго-же взгляда я увидѣлъ, что эта женщина для Григорія Александровича еще гораздо худшее несчастье, чѣмъ его покойникъ дядюшка и теперешняя биржа. Это была одна изъ тѣхъ типическихъ старыхъ отставныхъ содержанокъ, прошедшихъ огонь и воду и мѣдныя трубы, которымъ иногда удается сохранить на черный день копѣйку. И это было огненными буквами написано на ея подкрашенномъ лицѣ, на ея старомодномъ, когда-то дорогомъ пальто, на ярко-красныхъ цвѣтахъ ея заковыристой шляпы, словомъ на всемъ.

Когда я остановилъ свой недоумѣвающій взглядъ на Григоріѣ Александровичѣ, онъ сразу понялъ, что я имъ хотѣлъ сказать.

— Не задавайте никакихъ вопросовъ,—проговорилъ онъ по

еврейски.—Когда Богъ хочетъ наказать человѣка, онъ первымъ дѣломъ отнимаетъ у него умъ.—Послѣ этого онъ обратился къ женѣ и сказалъ:

— Ты, душечка, пошла бы еще погуляла. Мнѣ съ этимъ господиномъ нужно потолковать о дѣлѣ.

Расфуфыренная барыня сдѣлала недовольную гримасу, сверкнула на Григорія Александровича глазами и спросила:

— А ты отсюда никуда больше не пойдешь?

— Нѣтъ, никуда.

— Ну хорошо. Такъ я буду тебя ждать напротивъ, у Гостинаго двора, на скамейкѣ,—и она ушла,

— Господи,—простоналъ Григорій Александровичъ, когда она удалилась на такое разстояніе, что не могла слышать,—вотъ наказаніе! И никуда то отъ нея не скроешься, никогда она не дастъ даже съ человѣкомъ поговорить. Вы думаете,—обратился онъ ко мнѣ,—это моя жена?—Это мое горе, несчастіе, которое меня преслѣдуетъ всю жизнь и отъ котораго меня избавитъ только могила.

— Есть дѣти?—вставилъ я.

— Какія дѣти! — пожалъ онъ плечами. — Дѣти-шмети? У такихъ фурій развѣ дѣти бываютъ?

— А разъ нѣтъ дѣтей, то что же вамъ мѣшаетъ избавиться отъ нея?

— Что мѣшаетъ? — съ живостью воскликнулъ Григорій Александровичъ.—Мѣшаетъ глупость, наша еврейская глупость, т. е. наша совѣсть. Мы вѣдь евреи совѣстливы до глупости, до пошлости. Будь на моемъ мѣстѣ другой, не еврей, онъ бы такую шкуру давно бы съ лѣстницы сбросилъ. А вотъ у меня на это совѣсти не хватаетъ. Терплю, переношу. Спросите у меня—изъ-за чего, для чего? Что у меня съ ней общаго? А потому что тамъ гдѣ-то въ глубинѣ души шевелится эта подлая еврейская совѣсть,—женщина, жена... какъ же это съ нею я буду устраивать скандалъ...

Да вы гдѣ ее выкопали?—прервалъ я его.

— Ахъ, и не говорите!.. Просто несчастіе. Послѣ смерти дяди

понадобилась мнѣ комната. Нанялъ. И какъ на грѣхъ хозяйкой квартиры оказалась эта фурія... Она вѣроятно и подмѣтила, что я человѣкъ мягкій, обходительный и начала приставать ко мнѣ: женись да женись на мнѣ. У меня капиталъ есть. Вы же знаете, я не интересантъ и изъ-за денегъ никогда бы ничего такого не сдѣлалъ, но когда женщина начинаетъ приставать—женись да женись, то что тутъ подѣлаешь.

— Вы и женились?—расхохотался я.

— Что-жъ больше я могъ дѣлать?—съ удивительной наивностью произнесъ Григорій Александровичъ. — Вамъ смѣшно, но если бы вы только знали, какое это для меня несчастіе.

— Ну, а деньги-то у нея есть?—предложилъ я вопросъ.

— Есть, даже порядочныя. Тысячъ двадцать пять имѣется. Но какого чорта въ этихъ деньгахъ!.. Умри я на ея глазахъ съ голоду, умирай она сама съ голоду, она изъ своихъ денегъ никогда трехъ копѣекъ на фунтъ хлѣба не издержитъ. Вы не повѣрите, до чего это у нея доходитъ. Иногда случается, что нѣтъ на расходы, нѣтъ ни гроша—въ нашемъ домѣ это бываетъ. Просишь, умоляешь—выложи на расходы свой рубль, я тебѣ вечеромъ отдамъ,—ни за что. Она сама просидитъ цѣлый день голодная, но своей копѣйки не выложитъ. Да на что вамъ... Бываетъ, что утромъ забудешь купить керосинъ. Вечеромъ придешь домой, она сидитъ въ темнотѣ. Спросишь, отчего ты не зажигаешь огня?—А деньги на керосинъ ты оставилъ?—отвѣтитъ она. Нравится вамъ такая жена?

— Очень даже,—улыбнулся я.

— И будь это еще человѣкъ,—продолжалъ Григорій Александровичъ,—тогда чортъ съ ней. Но это совсѣмъ не человѣкъ. Случается оставишь деньги на расходы, придешь домой усталый, измученный, голодный, хочешь отдохнуть, что-нибудь поѣсть, а она лежитъ безъ заднихъ ногъ, пьяна какъ стелька.

— Со всѣми значитъ достоинствами?—вставилъ я.

— Да,—вздохнулъ Григорій Александровичъ,—просто не знаю что дѣлать. Она ужъ мнѣ вотъ гдѣ сидитъ, — и при этомъ указалъ на горло.

— Да мнѣ кажется,—замѣтилъ я,—что сдѣлать можно простую вещь: выгнать ее изъ дому или взять самому удрать отъ нея на другую квартиру. Вотъ и все.

— А вы думаете, что на другой квартирѣ отъ нея скроешься? Плохо же вы ее знаете.

— Ну, если вы ее такъ ужъ боитесь, то отчего же вамъ совсѣмъ изъ Петербурга не уѣхать, хотя бы на время.

— А дѣла? У меня дѣло такое, что всегда нужно быть на чеку.

— Но кто же васъ заставляетъ давать ей деньги на расходы?

— Т. е. какъ это?—не понялъ онъ.

— Очень просто,—разсмѣялся я.—На вашемъ мѣстѣ я бы такую особу живо выкурилъ. Самъ бы я ѣлъ, пилъ внѣ дома, а для дома нѣтъ ни гроша. Понимаете, ни гроша, хоть съ голоду околѣвай. Небось черезъ недѣльку такой тактики, она бы сама отъ васъ удрала.

— А вѣдь это планъ,—ухватился Григорій Александровичъ.

— Кто-жъ вамъ мѣшаетъ привести его въ исполненіе. Повѣрьте, что для такой особы это самое лучшее средство. Такъ значитъ рѣшено?

Нѣсколько секундъ Григорій Александровичъ съ опущенной внизъ головой сидѣлъ молча, а потомъ задумчиво, какъ бы про себя, отрывочно началъ:

— Рѣшено то рѣшено... Но, охъ эта еврейская совѣсть!.. Вы понимаете, у меня съ этой женщиной нѣтъ ничего общаго. Я ее ненавижу, презираю. Это не человѣкъ, а гадина и отвратительная гадина, но видѣть ея слезы, слышать ея упреки, ругань, переносить скандалы... Тяжело, очень тяжело,—и онъ поднялся съ мѣста.

IV.

Съ этого момента я сталъ знать Григорія Александровича не наслѣдникомъ богатаго дяди, а биржевымъ зайцемъ и женатымъ на женщинѣ, у которой деньги есть. И всегда при встрѣчахъ съ нимъ онъ первымъ дѣломъ задавалъ мнѣ вопросъ, что

слышно въ политикѣ и какъ на мой взглядъ—нашъ курсъ подымется или падетъ, а когда я ему говорилъ, что дѣлается въ политикѣ, то онъ начиналъ меня спрашивать, что ему дѣлать и какъ избавиться отъ своей фуріи.

Такъ какъ я былъ глубоко увѣренъ въ томъ, что никакіе совѣты ему не помогутъ, то я, конечно, отдѣлывался общими фразами. И Григорій Александровичъ съ охами и вздохами начиналъ мнѣ разсказывать о своемъ теперешнемъ еще гораздо болѣе несчастномъ житьѣ-бытьѣ, чѣмъ въ домѣ своего покойнаго дядюшки. Его покойная тетушка (она тоже успѣла умереть), царство ей небесное, несомнѣнно была фуріей, но это была фурія воспитанная, недурно образованная, приличнаго круга и свою злость, ехидство она проявляла въ болѣе или менѣе приличной формѣ, а жена Григорія Александровича была груба, невоспитана, до невѣроятности жадна, а главное не трезва и не боялась никакого скандала. Ей ровно ничего не стоило подраться съ мужемъ среди многолюдной улицы. Очень даже возможно, что драка, скандалъ у нея входили въ систему, посредствомъ которой она держала въ порабощеніи безхарактернаго человѣка. И разсказывая мнѣ о своихъ бѣдствіяхъ, Григорій Александровичъ вздыхалъ и спрашивалъ: Какъ вамъ это нравится? Это приходится переживать мнѣ, еврею, который знаетъ, что такое семья, семейная жизнь.

— Но развѣ вы думаете, что семья, семейная жизнь есть только у евреевъ?—предлагалъ я вопросъ.

— Откровенно сказать,—вздыхалъ онъ,—настоящей семьи въ томъ смыслѣ, какъ она понимается у насъ, евреевъ, я у другихъ не видѣлъ. Есть, конечно, семья, иногда даже хорошая, и у другихъ, но понимаете, это не то. Я не съумѣю вамъ объяснить именно чего, но въ той семьѣ чего то не достаетъ. Мнѣ кажется, что въ той семьѣ нѣтъ той теплоты, простоты, сердечности, которая всегда чувствуется въ еврейской семьѣ. Не еврейская семья можетъ быть болѣе прилична, воспитана, чѣмъ еврейская, но вѣдь воспитаніе, приличіе это что-жъ?—Это правила, навыкъ, а не то, что дѣлаетъ семью привлекательной, твердой и крѣпкой.

— Ну, теперь, кажется, и еврейская семья понемногу начинаетъ расшатываться,—подзадоривалъ я его.

— О, нѣтъ, не говорите,—съ живостью перебилъ онъ меня.— Это говорятъ тѣ, которые не знаютъ евреевъ. Еврей по инстинкту семейный человѣкъ. Для еврея порвать съ семьей, разрушить ее— не такъ легко. Это для него цѣлая драма, трагедія, а для другихъ это ровно ничего не значитъ, это пустяки. Сегодня семья, а завтра нѣтъ ея. Все равно, что стаканъ чаю выпить.

И Григорій Александровичъ поникалъ головой.

Дѣла его на биржѣ шли тоже, кажется, изъ рукъ вонъ плохо, въ особенности въ послѣднее время, когда началась русско-японская война.

— Да вы бы бросили,—говорилъ я ему, когда онъ начиналъ мнѣ жаловаться на плохія дѣла и потери.

— А чтожъ другое я могу дѣлать?—отвѣчалъ онъ мнѣ вопросомъ, а послѣ краткой паузы добавлялъ: — Притомъ биржа это такая вещь, что не везетъ, не везетъ, а потомъ сразу можетъ вывезти. Нужно только имѣть деньги для оборота.

— То-то и есть, что нужно имѣть деньги, — замѣчалъ я.

V.

Недѣли три тому назадъ рано утромъ, когда я не успѣлъ еще напиться чаю, ко мнѣ вдругъ стремглавъ влетаетъ радостный, сіяющій Григорій Александровичъ съ газетою въ рукахъ. И, не успѣвъ со мною поздороваться, подаетъ мнѣ газету со словами:

— На-те читайте!

Я взялъ газету, развернулъ, взглянулъ на статью, на которую указалъ мнѣ Григорій Александровичъ. Это былъ Высочайшій рескриптъ о свободѣ совѣсти.

— Читалъ,—проговорилъ я, возвращая ему газету.

— Читали?—встрепенулся Григорій Александровичъ.—Ну, что вы на это скажете? Вы понимаете, что это такое?

— Очень даже хорошо понимаю, что это такое, только сказать по этому поводу ничего не могу.

— Но вы, надѣюсь, не противъ свободы совѣсти? — воскликнулъ Григорій Александровичъ, повидимому, обиженный моимъ хладнокровіемъ.

— Нѣтъ, Боже меня упаси,—улыбнулся я.

— Для меня это настоящее спасеніе, — проговорилъ Григорій Александровичъ, опускаясь въ кресло.

— Почему же именно для васъ?

— Развѣ вы не понимаете? Я теперь безъ всякихъ хлопотъ избавлюсь отъ своей фуріи.

— Какимъ же это образомъ?—прикинулся я непонимающимъ въ чемъ дѣло.

— Очень просто. Я опять сдѣлаюсь евреемъ, т. е.,—спохватился онъ,—евреемъ я никогда не переставалъ быть; я всегда имъ былъ и всегда имъ останусь. Но до сихъ поръ я былъ „какъ будто" бы еврей, а теперь я „какъ будто" отброшу и сдѣлаюсь просто евреемъ. Что вы на это скажете?

— Что я могу на это сказать. Это дѣло вашей совѣсти.

— А съ практической стороны это развѣ не имѣетъ смысла?

— Какой же, по вашему?

— Да вѣдь одно то, что я избавляюсь отъ такой язвы, какъ моя благовѣрная!..

— Видите ли, Григорій Александровичъ—улыбнулся я.—Если васъ къ этому побуждаетъ ваша совѣсть, т. е. нравственныя побужденія, тогда да, вы достигнете своей цѣли, но если къ этому васъ побуждаютъ практическія соображенія, т. е. надежда избавиться отъ своей жены, то вы этимъ ничего не сдѣлаете.

— Почему? Вы развѣ полагаете, что послѣ моего перехода въ еврейство нашъ бракъ сохранитъ свою силу?

— Этого я не думаю. Но я увѣренъ, что перейди вы не только въ еврейство, но и въ язычество, ваша жена всетаки васъ не выпуститъ изъ рукъ.

Но какъ же, если бракъ будетъ расторгнутъ.

А вы думаете, что ей необходимъ только законный бракъ?

те, что она помирится и съ незаконнымъ сожительствомъ.

ы человѣкъ съ другимъ характеромъ, вы бы съ ней могли

покончить въ какіе-нибудь полчаса и теперь. Еще больше, не будь вы, извините за выраженіе, такой тряпкой, она бы никогда не была вашей женой.

Нѣсколько секундъ Григорій Александровичъ съ поникшей головой сидѣлъ молча, а потомъ очнувшись воскликнулъ:

— Да, да это вѣрно. Я вѣдь самъ это чувствую. Охъ, эта еврейская совѣсть!

— Причемъ тутъ еврейская совѣсть? Это просто безхарактерность, тряпичность.

— Можетъ быть и то,—задумчиво произнесъ Григорій Александровичъ,—а я все-таки сдѣлаюсь евреемъ. Мнѣ ужасно надоѣло это „какъ будто". Хочется почувствовать себя не поддѣльнымъ, а настоящимъ. Какъ то спокойнѣе. А то неловко. Такъ и кажется, что каждый, кто на тебя посмотритъ, ищетъ на тебѣ пробу, чтобы увидѣть,—настоящій ли ты или поддѣльный.

И на этомъ мы съ нимъ разстались.

Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ еще не видѣлись и я не знаю, сдѣлался ли онъ уже настоящимъ или все еще поддѣльный.

Н. Пружанскій.

Раши.

Раввинъ сѣверной Франціи XI-го вѣка.

(Докладъ, читанный въ обществѣ еврейской науки въ Парижѣ 19 февраля 1905 г.).

Мориса Либера.

Милостивые государи!

Раши—средне-вѣковый французскій раввинъ, прославившійся своими комментаріями къ Библіи и Талмуду. Его жизнь обнимаетъ вторую половину XI го вѣка: онъ умеръ въ 1105 г. Прошло, слѣдовательно, ровно восемьсотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ его не стало, и еврейскій ученый міръ готовится отпраздновать годовщину его смерти. Не предполагается воздвигать ему памятникъ: мы не увѣковѣчиваемъ въ камнѣ нашихъ великихъ людей,—наоборотъ, мы хотимъ оживить ихъ и жить вмѣстѣ съ ними; мы хотимъ научиться лучше ихъ знать и понимать, для того чтобы болѣе сознательно передъ ними преклоняться и больше любить ихъ.

Въ такомъ именно чествованіи, конечно, хотѣло принять участіе общество еврейской науки; жаль только, что оно не избрало болѣе авторитетнаго голоса для выраженія своихъ желаній.

Я, впрочемъ, разсчитываю на снисходительность моихъ слушателей и главнымъ образомъ на интересъ самого предмета. Какъ, Раши интересенъ?—спросите вы:—этотъ „тонкій комментаторъ" можетъ привлечь чье либо вниманіе, кромѣ раввиновъ и талмудистовъ?—Да, отвѣтимъ мы, потому что этотъ комментаторъ есть не что иное, какъ типъ.

Историческая личность особенно интересна для насъ, когда она, сохраняя свою характерную индивидуальность, является вмѣстѣ съ тѣмъ представительницей окружающей среды и эпохи.

Что касается Раши, то помимо того, что его образъ встаетъ передъ нами съ ясно опредѣлившимися чертами и можетъ быть съ достаточной вѣрностью обрисованъ, его жизнь и труды даютъ намъ лучшее представленіе — я разумѣю наиболѣе вѣрное и въ то же время наиболѣе выгодное, — объ умственномъ развитіи и дѣятельности евреевъ въ его время.

I.

Въ физіономіи французскаго еврейства XI-го вѣка, наканунѣ крестовыхъ походовъ, есть одна черта, которая объясняетъ всѣ остальныя или даже содержитъ ихъ въ себѣ: это - то серединное мѣсто, которое занимали евреи въ обществѣ. Экономическое положеніе евреевъ не отличается отъ положенія ихъ сосѣдей, съ которыми они поддерживали постоянныя и тѣсныя сношенія. Но евреи исповѣдуютъ иную вѣру, а такъ какъ религія проникала всю жизнь въ средніе вѣка,—они отличаются отъ сосѣдей въ интеллектуальномъ и литературномъ отношеніяхъ.

Если бросимъ общій, но тѣмъ не менѣе внимательный взглядъ на жизнь той эпохи, то увидимъ, что евреи такъ близки къ своимъ сосѣдямъ, что различія между ними являются только отраженіемъ тѣхъ, которыя замѣчаются въ средѣ различныхъ группъ остального населенія.

Въ средніе вѣка были двѣ Франціи: область langue d'oil (сѣвернаго діалекта) и область langue d'oc (южнаго діалекта) и только первая называлась собственно Франціей. Такимъ же образомъ, было двѣ французско-еврейскихъ группы различнаго характера: сѣверная и южная, и точно также только первая изъ нихъ носила имя *Царфатъ*. Если представить себѣ линію, дѣлящую Францію пополамъ, отъ Ларошели до Шалона на Сонѣ, то къ Сѣверной Франціи будутъ относиться всѣ области, расположенныя на сѣверѣ отъ этой демаркаціонной линіи, главнымъ образомъ — часть провинціи Лотарингіи, Бургундія, Шампань, Иль де Франсъ, Нормандія, Анжу и Пуату.

Если эти данныя позволяютъ намъ опредѣлить географическое положеніе евреевъ Сѣверной Франціи, то гораздо труднѣе опредѣлить ихъ историческое положеніе. Когда пришли они и откуда? Можно предполагать, что они проникли сюда около IV-го вѣка, со стороны Пуату и центральной равнины, или поднялись по долинѣ

Роны; они могли придти также тѣмъ историческимъ путемъ, который соединяетъ Италію съ Баваріей и Савоей; возможно наконецъ, что они перешли Рейнъ и Мозель, движимые тѣмъ инстинктомъ, который гналъ народы на западъ, и привлекаемые множествомъ удобствъ, представляемыхъ областью, лежащей въ бассейнѣ Сены. Каждая изъ этихъ гипотезъ представляется болѣе или менѣе вѣроятной, и взятыя вмѣстѣ, онѣ скорѣе всего соотвѣтствуютъ дѣйствительности; евреи могли, придя изъ разныхъ странъ, сосредоточиться и сгруппироваться въ этой прекрасной и богатой мѣстности; въ этомъ отношеніи они также не отличаются отъ остального населенія, значительную часть котораго составляютъ элементы, пришедшіе со всѣхъ концовъ свѣта.

Евреи смѣшивались, впрочемъ, съ этимъ населеніемъ въ различныхъ отрасляхъ культурной дѣятельности. Такъ какъ имъ не запрещалось владѣніе землею и жизнь въ деревняхъ, они имѣли поля и виноградники, которые сами воздѣлывали, занимаясь также скотоводствомъ. Но главнымъ образомъ евреи составляли городское населеніе: они владѣли въ городахъ недвижимостью и занимались разнаго рода промыслами. Нѣкоторые изъ нихъ были на хорошемъ счету у властей, занимали видныя должности и носили почетные титулы. Такъ, къ Раши однажды обратилась женщина, состоявшая фрейлиной владѣлицы замка. Наконецъ, евреи занимались торговлею; именно банковское дѣло—этотъ двигатель торговли—доставляло имъ средства къ существованію. Однако, ихъ еще не обвиняютъ въ ростовщичествѣ: коммерческія сдѣлки были тогда затруднены, конкурренція мало развита, постановленія церкви неопредѣленны. Если уже въ описываемую эпоху многіе евреи живутъ денежными оборотами, то только послѣ перваго, а въ особенности послѣ второго крестоваго похода это становится ихъ преобладающимъ занятіемъ.

Занимаясь тѣми же промыслами, что и сосѣди, евреи состояли въ частыхъ сношеніяхъ съ послѣдними и поддерживали съ ними добрыя отношенія. Ни костюмомъ, ни языкомъ они не отличались другъ отъ друга. Вы найдете у Раши наименованія разныхъ частей костюма, мебели и оружія, которыя можно встрѣтить у христіанскихъ писателей, и при этомъ обозначенныхъ французскими словами. Это объясняется тѣмъ, что французскій языкъ не былъ [illegible]вреевъ иностраннымъ; они пользовались имъ въ своемъ еже[illegible]мъ обиходѣ; древне-еврейскій былъ только языкомъ религіи [illegible]ки. Иногда выходили ошибки, вродѣ слѣдующей: одинъ изъ [illegible]овъ Раши разсказываетъ намъ о евреѣ, который, произнося

судебную клятву, увлекся до того, что произнесъ имя Бога на мѣстномъ языкѣ. Многіе евреи носили французскія имена или старались офранцузить свои еврейскія: родственница Раши носитъ красивое имя Bellassez (прекрасная).

Вмѣстѣ съ чужими именами евреи заимствовали въ большей или меньшей степени обычаи и суевѣрія своихъ согражданъ. Раши разсказываетъ намъ о какомъ-то камнѣ, который беременныя женщины носили съ собою, чтобы избѣжать выкидыша, и о ладонкахъ изъ марены, которыя носили на шеѣ для излѣченія отъ какой-то болѣзни, ему неизвѣстной. У него больше имѣется свѣдѣній о болѣзни внутренностей, которую лѣчатъ такимъ образомъ: ставятъ на пупокъ чашку, наполненную водой и затѣмъ опорожняютъ ее; чашка наполняется воздухомъ, прилипаетъ къ тѣлу, и внутренности перемѣщаются на свое мѣсто. Раши знаетъ еще какіе-то таинственные амулеты съ магическими формулами, носящіе латинское названіе.

Эти заимствованія и обоюдныя вліянія объясняются проще всего постоянными сношеніями евреевъ съ христіанами. Впрочемъ, такое взаимодѣйствіе неизбѣжно между двумя общественными группами, живущими рядомъ: въ соціологіи не существуетъ непроницаемыхъ перегородокъ.

Но была одна сила, которая не одобряла этихъ отношеній. То была церковь, постоянныя стремленія которой тяготѣли надъ политикой всѣхъ французскихъ королей и состояли въ томъ, чтобы установить полную разобщенность между вѣрующими и еретиками. Такимъ образомъ уже въ XI вѣкѣ начинаетъ обозначаться движеніе въ сторону религіознаго рвенія, хотя слѣдуетъ отнести къ области легендъ „мучительную драму христіанства при наступленіи 1000-наго года". Это эпоха, когда религіозное искусство воспаряетъ ввысь и „міръ облачается въ бѣлыя одежды новыхъ церквей". Франція въ особенности стремится стать христіанской страной. Духовенство овладѣваетъ душами и формируетъ ихъ сообразно своимъ интересамъ и страстямъ. Проповѣди Агобарда приносятъ свои ядовитые плоды, прививая толпѣ заразу „острой и жгучей ненависти", той ненависти къ „четвертому царству", о которой говоритъ Мишле. Церковь, реформировавшись сама, укрѣпляетъ свою власть надъ умами людей, побуждая ихъ къ стремленію въ святыя мѣста; при блескѣ оружія и заревѣ костровъ перваго крестоваго похода евреи снова появляются на аренѣ французской исторіи.

Это различіе исповѣданій создаетъ стѣну между христіанами и

евреями. Евреи не могутъ, по примѣру своихъ испанскихъ братьевъ, играть большую роль въ управленіи или просто принимать участіе въ политической жизни націи; они образовываютъ, если не государство въ государствѣ, то во всякомъ случаѣ колонію въ государствѣ.

Это происходитъ потому, что религія стоитъ тогда у всѣхъ истоковъ жизни и направляетъ всѣ ея теченія. Она овладѣваетъ интеллектуальнымъ движеніемъ, и евреи сразу чувствуютъ себя оторванными отъ общаго движенія умовъ. Языкомъ науки становится латинскій; онъ же служитъ въ то же время и языкомъ церкви. Раши иногда приводитъ латинскія цитаты; для него это языкъ „людей съ тонзурами".

Въ сущности, въ области духовной евреи не имѣли надобности отправляться на выучку къ духовенству. Но вообще возникновеніе раввинской культуры покрыто мракомъ, какъ и всякое возникновеніе; эмбріогенія въ исторіи человѣка, какъ и въ исторіи природы—мистерія; всякое „бытіе"—загадка. Какъ бы то ни было, надо предполагать, что въ X вѣкѣ раввинская культура проникла черезъ Италію на западъ Европы. Италія была какъ бы мостомъ, перекинутымъ между Вавилоніей и Франціей, оставаясь въ то же время, несмотря на нашествія варваровъ, средоточіемъ античнаго просвѣщенія. Лотарингія становится во главѣ талмудическаго движенія: изъ школъ Вормса и Майнца, двухъ городовъ, принадлежавшихъ тогда къ этой области, Раши впослѣдствіи будетъ черпать свои познанія.

Главой движенія былъ Гершонъ бенъ Іуда, который училъ въ Майнцѣ, въ первой половинѣ XI-го вѣка. Своими лекціями и писаніями онъ далъ толчокъ научной дѣятельности, независимой отъ вавилонскихъ академій, тогда какъ своими постановленіями относительно многоженства и развода, требуемаго одной стороной, онъ оказалъ оздоровляющее вліяніе на жизнь своихъ единовѣрцевъ.

Благодаря этимъ двумъ родамъ дѣятельности, онъ заслужилъ прозвище, которое за нимъ осталось: „Свѣтило діаспоры"; благодаря этому же, онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ предшественникъ Раши, который продолжалъ его дѣло съ еще большей удачей, т. е. съ большей силой и еще болѣе успѣшно. Ученики Гершона способствовали также распространенію талмудической науки; самыми замѣчательными изъ нихъ были дядя Раши съ материнской стороны и другіе учителя его по части Библіи и Талмуда.

Библія также давала пищу умственной дѣятельности раввиновъ.

Въ этомъ отношеніи Раши еще болѣе обязанъ двумъ французскимъ ученымъ, которыхъ онъ зналъ только по ихъ произведеніямъ: Моисею изъ Нарбонны и Менахему бенъ-Хельбо, изъ которыхъ одинъ разрабатывалъ преимущественно экзегетику Мидраша, а другой филологическую экзегетику. Это возрожденіе наукъ идетъ параллельно съ идейнымъ движеніемъ въ христіанскомъ мірѣ той же эпохи, но не соприкасается съ нимъ. Наука была по духу клерикальной и латинской; къ тому времени, когда въ ней утвердится мірянинъ съ его разговорнымъ языкомъ, будетъ поздно: евреи уже останутся всегда внѣ рамокъ общества.

Пока мы еще не дошли до этого. Если въ областяхъ экономической и соціальной—а онѣ обѣ близко соприкасаются—французскіе евреи XI вѣка разными нитями связаны съ окружающей средой, то въ сферахъ религіозной и литературной, которыя опять таки соприкасаются,—они составляютъ замкнутый міръ. Такимъ образомъ, Раши, какъ наиболѣе выдающійся представитель тогдашняго еврейства, принадлежитъ своей странѣ въ силу обстоятельствъ своей личной жизни, тогда какъ произведенія его, по своему предмету и по духу, являются вполнѣ продуктами еврейства.

II.

Раши принадлежитъ прежде всего намъ; онъ принадлежитъ сѣверной Франціи по рожденію и по происхожденію. Ошибочно утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что онъ родился на берегу Рейна или въ Провансѣ. Эта послѣдняя ошибка происходитъ оттого, что его смѣшиваютъ съ ученымъ изъ Люнеля, и вслѣдствіе этого Раши получилъ прозвище „Ярхи", т. е. луннаго (отъ слова Lunel). На дѣлѣ онъ самъ себя называетъ—такъ называютъ его и другіе—р. Саломонъ бенъ Ицхакъ или, что то же, Ицхаки; отсюда, при соединеніи еврейскихъ иниціаловъ этихъ именъ, получается имя Раши

Раши родился въ Шампани, въ городѣ Труа. Шампань тогда была мѣстомъ, гдѣ происходили значительныя ярмарки, и главная изъ нихъ бывала въ Труа, гдѣ процвѣтала промышленность. Раши часто говоритъ объ обычаяхъ и способахъ выраженія, принятыхъ въ его родномъ городѣ; онъ сообщаетъ намъ напримѣръ, что мѣстные торговцы имѣли обыкновеніе собираться разъ въ годъ, чтобы ѣсть, пить и устраивать религіозныя празднества. Возможно, что возвращаясь съ одной изъ такихъ ярмарокъ, Раши описалъ

„громадныя массы товаровъ, которыя разворачиваютъ, чтобы разрѣзать на части, выставки платья, бѣлья, разныхъ инструментовъ и соленнаго мяса“. Онъ зналъ, несомнѣнно, по личному опыту, какъ трудно жить въ большомъ городѣ, „который является мѣстомъ крупныхъ ярмарокъ, гдѣ все дорого и томится масса путешественниковъ“.

Въ Труа показываютъ до сихъ поръ слѣды стараго еврейскаго квартала, такъ называемаго *Broce-aux Juifs*, гдѣ двѣ церкви, одна изъ которыхъ разрушена, были въ старину синагогами. Во всякомъ случаѣ въ столицѣ Шампани имѣлась довольно значительная еврейская община, которая намъ извѣстна въ особенности по одному кровавому эпизоду конца XIII вѣка. Въ 1288 г. тринадцать евреевъ были сожжены здѣсь инквизиціей, и этотъ трагическій случай вдохновилъ авторовъ двухъ элегій, изъ коихъ одна, написанная по французски, является единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ. Но въ описываемую эпоху короли еще не предаютъ сожженію евреевъ Шампани, Бри-Контъ-Роберъ и Витри. Графы Шампани заинтересованы въ томъ, чтобы покровительствовать дѣятельнымъ и трудолюбивымъ евреямъ, которые платятъ имъ подати. Историки замѣчаютъ, что въ Труа евреи имѣли больше власти, чѣмъ епископъ.

Въ этомъ именно городѣ Труа родился Раши въ 1040 г. Мы мало знаемъ о его семьѣ. Легенда, которая окружаетъ чудесами колыбель великихъ людей, разсказываетъ, что отецъ его Исаакъ имѣлъ драгоцѣнный камень; на этотъ камень сильно зарились христіане, но Исаакъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ. Однажды они заманили Исаака на корабль и потребовали, чтобы онъ отдалъ свое сокровище. Еврей принялъ смѣлое рѣшеніе и бросилъ въ море предметъ ихъ зависти. Тогда послышался таинственный голосъ: „о, Исаакъ, у тебя родится сынъ, который просвѣтитъ очи всего Израиля“.

Затѣмъ дѣйствіе переносится въ Вормсъ. Однажды, когда беременная жена Исаака проходила по улицѣ города, столкнулись двѣ кареты, она могла быть раздавлена и прижалась къ стѣнѣ, какъ вдругъ въ стѣнѣ образовалось углубленіе, что дало ей возможность пройти. Кажется теперь еще показываютъ въ этомъ городѣ чудесную нишу.

Тамъ показываютъ также школу и молельню, гдѣ учился Раши. Верно только то—а это главное, что въ молодости онъ тамъ посѣщалъ талмудическую школу, которая была одной изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Лотарингіи. Лотарингія (или, какъ говорили

тогда евреи и христіане,—страна Лотаря) была болѣе чѣмъ на половину французской: въ ней говорили преимущественно по французски. Торговля и культурныя сношенія съ Шампанью были часты, такъ что учащійся, переходя съ береговъ Сены на берега Рейна, не лишался своего отечества въ настоящемъ смыслѣ слова.

Въ Вормсѣ, гдѣ Раши прожилъ большую часть своихъ ученическихъ лѣтъ, онъ слушалъ лекціи двухъ ученыхъ и уважаемыхъ лекторовъ: Якова баръ Якара и Исаака баръ Элеазара Галеви; затѣмъ онъ отправился въ Майнцъ, въ школу другого талмудиста, Исаака бенъ Іуды, словно предвидѣлъ, что когда-нибудь онъ будетъ призванъ соединить въ одно всѣ выводы талмудической науки этихъ академій, но онъ никогда не предпринималъ того громаднаго путешествія вокругъ свѣта, которое приписываетъ ему легенда, прикрашивая еще это путешествіе цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе занимательныхъ эпизодовъ, какъ, напримѣръ, встрѣча съ Маймонидомъ (который жилъ на полвѣка позже и даже не знакомъ былъ съ произведеніями Раши), встрѣча въ Іерусалимѣ съ монахомъ, который спасаетъ ему жизнь, затѣмъ романическая женитьба и мнимая смерть въ Прагѣ.

Раши должно было быть около 25 лѣтъ, когда онъ кончилъ курсъ ученья и воротился въ родной городъ. Это возвращеніе является историческимъ моментомъ: съ этихъ поръ Шампань начинаетъ соперничать съ Лотарингіей и скоро ее вытѣсняетъ. Замѣчательно, что въ эту же эпоху и церковная школа въ Труа пріобрѣтаетъ особенный блескъ. Другое совпаденіе: съ пребываніемъ Раши въ Труа связано любопытное воспоминаніе. Тамъ показывали еще недавно, въ 1840 г., старыя зданія боенъ (теперь они уже разрушены), куда никогда, какъ говорятъ, не попадали мухи, и евреи объяснили это преимущество тѣмъ, что зданія были построены на фундаментѣ дома знаменитаго раввина. Подобное же преданіе существуетъ у христіанъ съ той разницей, что они приписываютъ это постоянное чудесное явленіе покровительству св. Лупа, патрона города. Что ни приходъ, то свой святой.

Возвращеніе Раши въ родной городъ могло быть вызвано заботой о матеріальномъ обезпеченіи. Онъ женился еще во время ученья, и если вѣрить одному темному сообщенію, его ученическіе годы были полны заботъ. Въ Труа онъ, повидимому, занимался виноградарствомъ и винодѣліемъ: онъ приготовлялъ шампанское вино.

Эта профессія не мѣшала ему совмѣщать въ своемъ лицѣ

функціи раввина, судьи и ректора академіи. Сначала онъ исполнялъ обязанности раввина, не получая за это вознагражденія. Его познанія и личныя достоинства ставили его во главѣ общины, хотя оффиціальнымъ духовнымъ лицомъ онъ въ сущности не былъ. Евреи среднихъ вѣковъ не знали раввината, какъ понимаемъ его мы, и такъ какъ каждый вѣрующій былъ до нѣкоторой степени раввиномъ, то раввиномъ могъ быть всякій вѣрующій изъ наиболѣе видныхъ и уважаемыхъ членовъ общины. Несомнѣнно, что Раши включалъ въ кругъ своихъ обязанностей и произнесеніе проповѣдей по тому или другому поводу. Во всякомъ случаѣ, онъ не заблуждался насчетъ дѣйствія этихъ проповѣдей. „Главная заслуга тѣхъ, которые торопятся пойти послушать проповѣдника, говоритъ онъ, состоитъ именно въ самой торопливости, такъ какъ большинство не извлекаетъ никакой существенной пользы изъ того поученія, которое имъ дается“.

Раввинъ являлся преимущественно консультантомъ и судьей. Къ нему обращались со всѣхъ сторонъ какъ за разрѣшеніемъ правовыхъ вопросовъ, такъ и за объясненіемъ религіозныхъ текстовъ. До насъ дошло нѣсколько такихъ юридическихъ рѣшеній Раши; они вводятъ насъ въ кругъ матеріальной и духовной жизни евреевъ и въ то же время проливаютъ свѣтъ на характеръ и методу учителя. Иногда онъ приглашалъ въ качествѣ ассистентовъ своихъ учениковъ. Долгое время были увѣрены, что однажды, во время болѣзни, онъ продиктовалъ отвѣтъ на одинъ запросъ своей внучкѣ. Поводомъ къ этому преданію послужилъ недостатокъ ясности въ текстѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Но дѣятельность Раши сосредоточилась главнымъ образомъ въ его школѣ. Онъ основалъ академію, которая вскорѣ стала привлекать значительное число учениковъ и получила еще большее значеніе послѣ смерти ея руководителей. Тамъ шла оживленная работа; во время этихъ занятій вырабатывались комментаріи къ Библіи и Талмуду. Раши удалось довести до конца этотъ громадный трудъ; онъ не коснулся только нѣсколькихъ книгъ Библіи и нѣсколькихъ трактатовъ Талмуда.

Раши не ограничивался научными занятіями со своими учениками: онъ иногда вводилъ ихъ въ кругъ своей семьи. Знаменитый ученый не имѣлъ сыновей. Зато у него были три дочери, вышедшія замужъ за извѣстныхъ талмудистовъ, такъ что его семья стала носительницей талмудической науки во Франціи. Одинъ изъ его зятьевъ, Мееръ бенъ Самуэль изъ Рамерунта (иначе Рамеру, городъ близъ Труа), прославился не столько соб-

ственными заслугами, сколько трудами троихъ сыновей—Самуэля, Якова и Іуды, знаменитыхъ экзегетовъ и талмудистовъ (въ особенности замѣчательны два старшіе сына). Черезъ сорокъ лѣтъ у Меера появился четвертый сынъ, или правильнѣе говоря, спустя 40 лѣтъ, обнаружилось существованіе четвертаго сына Соломона, слава котораго, какъ филолога, затмевалась славою другихъ братьевъ.

Въ исполненіи трехъ функцій—духовнаго главы, судьи и завѣдующаго академіей Раши провелъ вторую половину жизни. Послѣдніе его годы были омрачены кровавыми избіеніями евреевъ, происходившими во время перваго крестоваго похода на берегахъ Рейна. Правда, мы не находимъ въ его произведеніяхъ отголосковъ этихъ кровавыхъ событій, за исключеніемъ, пожалуй, указаній относительно женщинъ, оставшихся вдовами послѣ насильственной смерти мужей, а также относительно евреевъ, насильно обращенныхъ въ христіанство; но несомнѣнно, что онъ былъ потрясенъ извѣстіями объ этихъ избіеніяхъ, стоившихъ жизни тысячамъ невинныхъ въ странѣ, съ которой его связывали воспоминанія и чувства любви къ родинѣ.

Если вѣрить извѣстной легендѣ, Раши находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ однимъ изъ вождей крестоваго похода, благочестивымъ Готфридомъ, герцогомъ Бульонскимъ и Лотарингскимъ. Этотъ рыцарь, какъ разсказываютъ, хотѣлъ спросить его объ исходѣ экспедиціи, и раввинъ предсказалъ ему судьбу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ты возьмешь святой городъ и будешь королемъ въ теченіе трехъ дней, но на четвертый тебѣ придется бѣжать и у тебя останутся только три лошади“. Раздосадованный, разгнѣванный герцогъ пригрозилъ ему, что если онъ вернется хотя бы съ четырьмя лошадьми, онъ жестоко отомститъ Раши и его семьѣ. Послѣ слишкомъ года, проведеннаго на войнѣ, Готфридъ возвратился во Францію въ сопровожденіи трехъ всадниковъ. Онъ вспомнилъ тогда о предсказаніи раввина и рѣшилъ привести свою угрозу въ исполненіе. Когда онъ подъѣхалъ къ стѣнамъ Труа, отъ стѣны оторвался большой камень и убилъ одного изъ свиты вмѣстѣ съ лошадью. Пораженный этимъ чудомъ, эфемерный король іерусалимскій рѣшилъ отправиться на поклонъ къ Раши и, узнавъ, что раввинъ умеръ, былъ глубоко огорченъ этой вѣстью.—Въ этой легендѣ есть только одна ошибка: во время предполагаемой второй встрѣчи одного дѣйствительно не было въ живыхъ, но это былъ именно Готфридъ Бульонскій.

Наконецъ, другое преданіе заставляетъ Раши предпринять къ

концу жизни путешествіе въ Барцелону съ цѣлью разыскать человѣка, который явился къ нему во снѣ, въ качествѣ будущаго спутника его въ раю. Достовѣрно извѣстно, что онъ умеръ въ Труа, въ 1105 г., имѣя отъ роду 65 лѣтъ. Вѣроятно, отголосокъ чувствъ, вызванныхъ его смертью, слышится въ словахъ древней рукописи: „Какъ владѣлецъ фиговаго дерева знаетъ время, удобное для сбора плодовъ, и собираетъ ихъ въ моментъ ихъ зрѣлости, такъ и Богъ—да будетъ Онъ благословенъ—зналъ послѣдній часъ Раши и своевременно отнялъ его у насъ, чтобы ввести въ академію небесную. Его нѣтъ болѣе, ибо Господь взялъ его".

III

Такова была эта долгая трудовая жизнь, истинная жизнь ученаго. Раши занимался только тѣмъ, что безпрерывно изучалъ и обучалъ, т. е. опять таки изучалъ. Цѣликомъ посвященная труду (сравните съ жизнью бенедиктинскаго монаха!), жизнь Раши была одухотворена постояннымъ исполненіемъ религіозныхъ заповѣдей. Онъ былъ благочестивъ и даже чрезмѣрно набоженъ и являлся строгимъ приверженцемъ религіозной практики и внѣшней обрядности, что не исключало искренности и глубокой религіозности, которая бьетъ ключомъ въ нѣкоторыхъ изъ приписываемыхъ ему синагогальныхъ гимнахъ. Онъ придерживался принципа строгаго подчиненія закону и боялся открыть путь злоупотребленіямъ; поэтому онъ совѣтовалъ ученикамъ не предавать гласности тѣ смягченія, которыя самъ онъ вносилъ въ законъ. При такой осмотрительности особенно цѣнна та терпимость, которую онъ выказываетъ въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ напримѣръ по поводу употребленія вина, приготовленнаго христіанами, или гражданской правоспособности людей, перешедшихъ въ другую вѣру. Притомъ, если Раши не любилъ небрежности отношенія къ закону, онъ еще меньше любилъ преувеличенную набожность тѣхъ, которыхъ называютъ иногда „благочестивыми глупцами".

Его религія была чистой, т. е. цѣльной, безграничной, не допускавшей сомнѣній, но не исключавшей вѣры въ суевѣрные обычаи и [illegible] формулы. Мы часто видимъ, что человѣкъ, стоящій [illegible] современниковъ по научнымъ познаніямъ и хара[illegible]етъ ихъ предразсудки и суевѣрія.

[illegible]чемъ, только забавы ума, а не умозрѣнія. Въ [illegible]Раши мы не находимъ и слѣда тѣхъ болѣзнен-

ныхъ мистическихъ мечтаній, которыя, въ соединеніи съ ребяческими вѣрованіями, смущали умы монаховъ того времени. Въ трудахъ Раши не было также и тѣни философствованія и было бы трудно опредѣлить его метафизическіе взгляды. Въ традиціонной религіи для него была единственная истина, въ ней заключалась вся наука. Наивно вѣруя, онъ никогда не предполагалъ возможности антагонизма между разумомъ и вѣрой: его простой умъ не смущается тѣми трудностями, которыя впослѣдствіи заставляли другихъ прибѣгать къ хитростямъ и увертками, и подчасъ его наивныя объясненія казались неприличными философствующимъ раввинамъ.

Такимъ образомъ, передъ нами начинаетъ выступать нѣкоторыя черты нравственной физіономіи Раши: его вѣра, наивная, простонародная, но здоровая и сильная, существованіе которой свидѣтельствуетъ о ясности его ума, враждебной всякому преувеличенію, сдержанный и твердый темпераментъ, точность и откровенность сужденія, тонкое чутье рядомъ съ здравымъ смысломъ и глубиной, умъ прежде всего ясный и жаждущій ясности. Прозрачность его стиля, возбуждающая удивленіе знатоковъ, также является только естественнымъ отраженіемъ мыслей, порожденныхъ свѣтлымъ умомъ.

Эту ясность, которая является наиболѣе характернымъ свойствомъ Раши и какъ бы естественной его потребностью, онъ вносилъ не только въ свое мышленіе, а распространялъ повсюду. Это былъ любознательный, ищущій человѣкъ съ живымъ воображеніемъ и воспріимчивостью, который схватывалъ все, что ему говорили, и пускалъ это въ ходъ въ нужныхъ случаяхъ. Онъ имѣлъ возможность удовлетворять свою любознательность во время путешествій, а также въ родномъ городѣ Труа, куда стекались купцы изъ разныхъ странъ. Многочисленные итальянцы, посѣщавшіе этотъ городъ, могли сообщить ему, что въ Венеціи вмѣсто улицъ—каналы, по которымъ ѣздятъ на лодкахъ. Испанскій еврей объяснялъ ему арабскія слова; наконецъ онъ могъ услышать въ Труа, какъ палестинскіе евреи читаютъ нараспѣвъ стихи св. Писанія, отбивая тактъ.

Онъ не только съ жадностью воспринималъ всѣ свѣдѣнія, которыя могъ получить, но обладалъ еще драгоцѣннымъ даромъ ясно понимать вещи и передавать столь же ясно другимъ. Лишенный особенно строго критическаго чутья, онъ ссылался иногда на чужія слова; я, напримѣръ, не думаю, чтобы онъ самъ видѣлъ, какъ мальва „утромъ поворачивается листьями къ востоку, въ полдень—

направо, а вечеромъ склоняетъ ихъ прямо по направленію къ западу", не видѣлъ онъ также тѣхъ „морскихъ созданій, которыхъ называютъ сиренами и у которыхъ тѣло наполовину человѣчье, наполовину рыбье". Но Раши способенъ былъ и къ самостоятельному изслѣдованію, а такая прозорливость - вещь не совсѣмъ обычная. Не знаю, иронически или нѣтъ дѣлаетъ онъ слѣдующее замѣчаніе: „ночная сова отвратительна, потому что она похожа на человѣка; у нея щеки и челюсти, какъ у человѣка". Онъ замѣтилъ, что архитектура домовъ въ Вавилонѣ напоминаетъ архитектуру монастырей его времени, съ ихъ закрытымъ мѣстомъ для гулянья (cloître). Вотъ вамъ и образчикъ натурализма. Талмудъ говоритъ, что на долю людей, которые родятся въ третій день недѣли, выпадаетъ роскошь и обиліе, такъ какъ въ этотъ день Богъ создалъ растительность, „растенія же, добавляетъ Раши, размножаются въ безпорядкѣ, выростая изъ плодоносной почвы; это даже въ нѣкоторомъ родѣ развратъ". Я обращаю, наконецъ, вниманіе новаго президента общества еврейской науки *) на слѣдующій пунктъ текста, относящійся къ его спеціальности (рѣчь идетъ о дѣтской гигіенѣ): „ребенка заворачиваютъ въ пеленки и обвиваютъ его тѣльце широкимъ поясомъ; такимъ образомъ, даютъ сростись его членамъ, которые еще мягки и растяжимы въ моментъ его рожденія; это называется по французски emailloter (пеленать)".

Ясность и остроуміе—это чисто французскія, чисто мѣстныя черты Раши, а вотъ еще черта, которая рисуетъ его сыномъ наивной и лукавой Шампани. Это прежде всего какое то особенное простодушіе. Онъ радуется, когда находитъ какое-нибудь оригинальное объясненіе и повторяетъ его съ удовольствіемъ, но безъ всякаго педантизма; очень часто встрѣчаются у него слова *talent* и *justice*. Надо признаться, впрочемъ, что его остроуміе переходитъ временами въ шутливость и веселость нѣсколько грубаго характера; у него встрѣчаются вольности, шокирующія нашъ пуризмъ и напоминающія какъ прибаутки нашихъ мидрашистовъ, такъ и побасенки бывшія въ ходу въ Шампани или „пѣсенки, которыя писали каракулями, стоя за своими прилавками, бакалейщики изъ Труа (Мишле)".

Если ясность и остроуміе являются наиболѣе характерными чертами ума Раши, то доброта и скромность—основныя черты его характера.

Его ясное, добродушное настроеніе свидѣтельствуетъ о хоро-

*) Извѣстный врачъ Анри Ротшильдъ.

шемъ отношеніи къ людямъ. Ученики превозносятъ наперерывъ его кротость, благотворительность и привѣтливость. Его снисходительность вошла въ пословицу. Онъ постоянно призывалъ къ примиренію и согласію. „Стремитесь, говорилъ онъ, къ миру; это будетъ для васъ щитомъ отъ зависти". Его хорошее отношеніе къ людямъ сказывается въ отвѣтномъ письмѣ къ одному лицу, которое обратилось къ нему за совѣтомъ, не назвавъ своего имени: „Я узналъ автора письма по почерку. Онъ боялся назвать себя, опасаясь, что я дурно къ нему отнесусь. Пусть оставитъ эту мысль: я питаю къ нему не враждебныя чувства, а какъ разъ противоположныя". Приведемъ еще одинъ, болѣе характерный примѣръ. Извѣстно, что Талмудъ запрещаетъ употребленіе вина, приготовленнаго не евреями. У Раши спросили, нужно ли придерживаться этого закона и по отношенію къ евреямъ, насильно обращеннымъ въ христіанство.—„Надо остерегаться, отвѣтилъ онъ, принимать по отношенію къ этимъ несчастнымъ какія-либо мѣры строгости, которыя могли бы оттолкнуть и оскорбить ихъ... Они отступились отъ вѣры только подъ угрозой смерти, но скоро оставятъ свое заблужденіе. Сердце ихъ остается обращеннымъ къ Богу, и какъ только они получатъ возможность, они покинутъ вѣру, которую имъ навязали насильно".

Эта мягкость характера давала Раши возможность устроить себѣ мирную жизнь, чему способствовала и другая черта—поразительная скромность. Впрочемъ, какъ съ благотворительностью связано понятіе объ униженіи, такъ и самоотреченіе такого рода смѣшиваютъ иногда съ подавленіемъ своего „я". Раши всегда выказывалъ величайшее уваженіе къ своимъ учителямъ, но это было вполнѣ искренное уваженіе, не исключающее независимости мнѣнія. Онъ не слѣдуетъ слѣпо ихъ мнѣніямъ, а споритъ съ ними, и они должны признавать его правоту. Скромность его проявляется также и въ тонѣ его писемъ. Уступчивый и снисходительный, онъ не склоненъ ни къ категоричности рѣзкости, ни къ насмѣшливости и колкости. Если другіе ошибаются, онъ старается найти оправданіе для ихъ ошибокъ. Онъ не колеблется, впрочемъ, признать свои собственныя ошибки, даже когда ему указываетъ на нихъ ученикъ; въ его комментаріяхъ мы часто находимъ признаніе, которое такъ трудно дается ученому: „я не понимаю этого". Онъ полагаетъ, что скромность—и это также урокъ для насъ—неотдѣлима отъ научной дѣятельности. „У надменныхъ нечего искать наставленій, говоритъ онъ, ибо человѣкъ, страдающій самомнѣніемъ, не старается повторять то, что онъ усвоилъ". Ту же сдер-

жанность проявляетъ онъ и при исполненіи своихъ раввинскихъ обязанностей, когда чужая община апеллируетъ къ его авторитету. Когда община Шалона на Сонѣ однажды обратилась къ нему за совѣтомъ, онъ отказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я далеко не считаю себя способнымъ оспаривать авторитетъ уважаемаго трибунала. Будь я среди васъ, я присоединился бы къ вамъ. Но какое значеніе имѣю я самъ по себѣ, чтобы я могъ считать себя авторитетомъ для различныхъ мѣстъ? Я - человѣкъ съ небольшими силами; руки мои слабы, какъ у сироты".

Всѣ эти свойства дѣлаютъ Раши „мудрецомъ" въ лучшемъ смыслѣ слова, мудрецомъ который остается для всякаго доступнымъ. Онъ покажется намъ еще болѣе симпатичнымъ, если сравнить его съ сановниками церкви его времени, изъ коихъ одни являются грубыми, воинственными людьми, а другіе—мистиками, „болѣющими любовью къ Богу".

Мы не можемъ удержаться, чтобы не напомнить для сравненія образъ согражданина Раши bon'homme'a Жуанвилля. Было бы неумно, конечно, настаивать на сходствѣ между христіанскимъ рыцаремъ, который участвовалъ, хотя безъ энтузіазма, въ крестовомъ походѣ и въ присутствіи котораго Людовикъ св. совѣтовалъ рубить еврея, а не спорить съ нимъ,—между этимъ рыцаремъ и благочестивымъ раввиномъ, питавшимъ къ христіанамъ, можетъ быть, нѣкоторое недовѣріе, но отнюдь не ненависть, и представлявшимъ себѣ крестовые походы въ видѣ цѣпи убійствъ и скорбей. Тѣмъ не менѣе „интересно подмѣтить, при всемъ этомъ различіи, черты сходства, которыя поражаютъ и чаруютъ потому, что проливаютъ неожиданный свѣтъ на самые глубокіе и таинственные источники жизни". Добрый сенешаль Шампани, типъ „истинно честнаго человѣка" среднихъ вѣковъ, отличается также, по свидѣтельству нашихъ историковъ литературы, „религіозностью, впитанной имъ съ самаго рожденія и проникавшей всѣ его поступки, любящимъ сердцемъ и прямотой"; это былъ также „чарующій умъ, свободный, открытый, рѣшительный, всегда дѣятельный, съ чуткой любознательностью, умъ типа Лафонтена". Таковъ былъ этотъ другой сынъ Шампани, который является если не роднымъ братомъ Раши, то по крайней мѣрѣ двоюроднымъ.

IV.

Теперь, изучивъ жизнь Раши и объяснивъ ее свойствами его натуры, мы должны узнать, какое употребленіе могъ онъ сдѣлать изъ своихъ способностей и дарованій, что чисто личнаго и французскаго внесъ онъ въ свои писанія, которыя по духу являются глубоко еврейскими. Мы вѣдь уже видѣли изъ его біографіи, что какъ еврей и раввинъ, онъ занимался изученіемъ Библіи; въ качествѣ законовѣда и завѣдующаго школой онъ изучалъ Талмудъ.

Главное произведеніе Раши—комментаріи къ Библіи и Талмуду, авторомъ коихъ является французскій еврей. Это не болѣе, какъ комментаріи, и теперь мы видимъ, что они стоятъ относительно не высоко. Простой комментарій никогда не можетъ дойти до высоты творческаго произведенія, если не стремится къ оригинальности и перестаетъ такимъ образомъ быть простымъ комментаріемъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что Раши не писалъ цѣльныхъ комментаріевъ, а отдѣльныя глоссы къ труднымъ словамъ и выраженіямъ, причемъ въ началѣ каждой глоссы ставилось слово, служившее предметомъ объясненія. Такимъ образомъ, рамки произведенія съуживались еще больше: вы напрасно станете искать въ немъ глубины взглядовъ, широты концепцій. Умъ Раши отличался методичностью, но это не былъ умъ обобщающій, да и гдѣ было ему пріобрѣсти то качество, котораго не дали ему ни природа, ни воспитаніе? Онъ не былъ знакомъ съ христіанскими писателями, которые открыли бы его уму новые пути. Онъ даже не былъ знакомъ, не скажу—съ философскими произведеніями, но и съ комментаріями великаго Саадіи, послѣдняго по времени и перваго по заслугамъ изъ вавилонскихъ гаоновъ, а это могло бы повліять на расширеніе рамокъ его произведенія. Такимъ образомъ, критикѣ Раши не достаетъ широты, перспективы. Онъ замыкается, намѣренно или ненамѣренно, въ свою роль комментатора.

Надо отмѣтить—всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону,—что въ этой именно области онъ великъ, здѣсь онъ развертываетъ передъ нами всѣ силы своего ума.

Прежде всего, надо отмѣтить его ясность. Кто стремится объяснить что-нибудь, долженъ самъ умѣть выражаться вполнѣ понятно. Раши превосходно умѣетъ разрѣшать трудности и разъяснять темныя мѣста. Его языкъ вообще чуждъ фигуральности, образности. Но онъ прибѣгаетъ къ настоящимъ образамъ и вво-

дить въ свои комментаріи схематическія фигуры, чтобы быть лучше понятнымъ.

„Мы можемъ ясно выразить только то, что хорошо понимаемъ". Языкъ Раши отличается не только прозрачной простотой; онъ точенъ и кратокъ. Мы испытываемъ истинное удовольствіе, когда находимъ послѣ долгихъ усилій то выраженіе, которое искали; Раши даетъ намъ возможность часто испытывать такое удовольствіе. Его объясненія являются жданными и въ то же время поражаютъ неожиданностью. Онъ схватываетъ неуловимые оттѣнки мысли и тонкое выраженіе самыхъ трудныхъ для пониманія отношеній поражаетъ у него своей безукоризненной правильностью. Онъ видитъ и находитъ выраженія, адекватныя мыслямъ, точныя и опредѣляющія слова, „которыя удобно цитировать, такъ они хорошо подходятъ".

Комментаторы, которые ищутъ ясности и точности, бываютъ часто многорѣчивы, а стремящіеся къ краткости страдаютъ иногда недостаткомъ точности. Краткость—лучшее свойство толкованій Раши. Онъ рѣдко пускается въ длинныя разъясненія: онъ разрѣшаетъ путаницу однимъ словомъ, которое является какъ бы лучомъ свѣта, и талмудистъ могъ бы, почти не прибѣгая къ гиперболѣ, отнести къ нему ту похвалу, что однимъ словомъ онъ можетъ выразить то, что потребовало бы у другихъ цѣлыхъ страницъ.

Благодаря этимъ свойствамъ—ясности, корректности и трезвости мышленія, которыми Раши обладаетъ въ высшей степени, онъ близокъ къ духу французской литературы, отличающейся въ особенности простотой и ясностью, несмотря на то, что онъ писалъ по-еврейски и стиль его совершенно не удовлетворяетъ требованіямъ эстетики. Писатели среднихъ вѣковъ, когда они не писали по латыни, заботились о стилѣ не менѣе Раши; та легкость, съ какой они сами понимали и объясняли другимъ, точность и реализмъ—вотъ что является, по словамъ историковъ, характерной чертой средневѣковой литературы и сближаетъ ее съ новѣйшими произведеніями французскаго ума.

Раши является сыномъ своего вѣка и своей страны еще и въ томъ отношеніи, что ему очень трудно выйти изъ рамокъ окружающей среды; онъ смотритъ на древность черезъ призму своего личнаго опыта, подобно тому какъ въ Chansons de Geste герои одѣваются на французскій манеръ. Онъ создаетъ должность сенешаля при дворѣ Навуходносора, и квестора, о которомъ упоминается въ талмудическихъ текстахъ, превращаетъ въ „министраля",

т. е. судью. Онъ считаетъ библейскій „шекель“ въ полъ-унцію по кельнскому вѣсу, какъ наиболѣе правильному и отождествляетъ библейскій иссопъ съ шалфеемъ.

Знаніе французскаго языка дало ему возможность употреблять рискованныя грамматическія сближенія. Если онъ не совсѣмъ ошибается, когда видитъ феодальнаго графа (*comte*) въ талмудическомъ „*comton*“, если онъ предупредилъ знаменитаго филолога, сблизивъ греческій pelagos съ французскимъ plage, то онъ проявляетъ излишнюю смѣлость, сопоставляя слово *oria*, которое на персидскомъ языкѣ означаетъ западъ, съ французскимъ *orient*.

Однако, это звучало бы ироніей, если бы Раши вмѣняли въ заслугу его французскій складъ рѣчи на основаніи его анахронизмовъ. Гораздо любопытнѣе и интереснѣе отмѣтить сотни замѣчаній, которыя онъ дѣлаетъ мимоходомъ относительно обычаевъ и занятій людей своей эпохи. Онъ знаетъ искусство при приготовленіи горшковъ пользоваться „квасцами, которыя находятся въ винныхъ бочкахъ, тогда какъ сукновальщики пользуются ими, чтобы мочить тамъ матеріи“. Онъ учитъ насъ, какъ ювелиры наводятъ чернь, соединяя серебро съ сѣрой и какъ „литейщики вливаютъ въ металлическія вазы холодную воду, чтобы скрѣпить и спаять перегородки“. Онъ знаетъ и переводитъ на французскій языкъ особенно хорошо тѣ библейскіе и талмудическіе термины, которые относятся къ виноградарству и выдѣлкѣ кожъ—двумъ промысламъ, которые составляли богатство Труа. Кто захочетъ перейти отъ этихъ скучныхъ предметовъ къ болѣе занимательнымъ, можетъ узнать, что въ веселой столицѣ Шампани былъ обычай надѣвать на лицо грубыя маски, чтобы пугать дѣтей, и что шуты, желавшіе изобразить всадниковъ, носили на плечахъ изображеніе деревяннаго осла.

То обстоятельство, что Раши почти всегда приводитъ французскія техническія названія разныхъ предметовъ, указываетъ на ихъ происхожденіе и придаетъ имъ особенную цѣну. Онъ пользуется еще шире разговорнымъ языкомъ для того, чтобы сдѣлать болѣе ясными свои объясненія или избѣгнуть длинныхъ описаній. Во всякомъ случаѣ, въ составъ текста его сочиненій входятъ французскія слова, написанныя еврейскими литерами; это такъ называемые *laazim*; комментаріи Раши содержатъ ихъ болѣ трехъ тысячъ, такъ что изъ нихъ можетъ быть составленъ словарь, включающій въ себя около 2000 различныхъ названій. Они пользовались большимъ успѣхомъ и дали толчокъ къ изданію еврейско-французскихъ словарей, какъ, напр., выпущенный недавно въ

свѣтъ Ламбертомъ и Бранденомъ. Они способствовали въ извѣстной мѣрѣ ознакомленію нѣмецкихъ и итальянскихъ евреевъ съ нашимъ языкомъ, подобно тому, какъ наши странствующіе акробаты и пѣвцы популяризировали французскій языкъ заграницей. Еще теперь, въ нѣкоторыхъ школахъ Россіи, гдѣ проходится Талмудъ, учащіеся часто останавливаются, заинтригованные, передъ этими французскими словами; для нихъ это древнееврейскій языкъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, будучи въ Польшѣ, я отправился съ визитомъ или, если угодно, на поклонъ къ хасидскому раввину. „А, вы французъ, сказалъ онъ мнѣ, вы значитъ, понимаете „laazim“ Раши!“

Но толкованія эти интересны не только благодаря своему историческому значенію. Мы ищемъ въ нихъ выраженія мысли Раши и въ особенности свѣдѣній о старофранцузскомъ языкѣ. Они даютъ важныя указанія относительно перемѣнъ, происшедшихъ въ языкѣ въ одинъ изъ самыхъ древнихъ періодовъ. Весьма рѣдкіе памятники, которые остались отъ langue d'oil XI вѣка, написаны на норманскомъ нарѣчіи и стихотворной рѣчью; толкованія Раши сообщаютъ намъ сотни словъ, употреблявшихся въ обыденной разговорной рѣчи, на нарѣчіи, болѣе близкомъ къ народному французскому языку. Разумѣется, слѣдуетъ опредѣлить транскрипцію глоссъ и сличить съ оригиналами, но благодаря обилію гласныхъ въ еврейскомъ языкѣ (laazim часто пишутся съ пунктуаціей) и строго послѣдовательной системѣ транскрипціи, можно установить съ нѣкоторой достовѣрностью форму и произношеніе этихъ французскихъ словъ.

Къ сожалѣнію, успѣхъ комментаріевъ Раши привелъ къ появленію множества списковъ, а это породило множество ошибокъ. Ихъ столько разъ переписывали, что теперь еще называютъ особый видъ скорописи, употреблявшійся при перепискѣ ученыхъ трудовъ, „почеркомъ Раши“, благодаря чему послѣдній пріобрѣлъ славу каллиграфа. Въ этихъ спискахъ французскія выраженія сильно пострадали вслѣдствіе невѣжества и небрежности писцовъ. Еврейскій ученый Арсеній Дармстетеръ понялъ еще въ молодости, какъ много данныхъ по исторіи старофранцузскаго языка могла извлечь филологическая наука изъ сочиненій Раши. Онъ посѣтилъ главнѣйшія европейскія библіотеки и собралъ массу рукописей. Но другія занятія, а затѣмъ преждевременная смерть помѣшали ему воздвигнуть памятникъ еврейской наукѣ и французской литературѣ. Къ счастью, матеріалы для постройки имѣются, и часть ихъ скоро увидитъ свѣтъ. Что скажутъ на это филологи-антисе-

миты? Что сказали бы такіе знатоки теологіи, употреблявшіе всѣ свои знанія и силы на то, чтобы изгнать евреевъ изъ общества, если бы они знали, что эти „проклятые“ сдѣлали больше для французской литературы, чѣмъ они цѣлой кучей латинскихъ трактатовъ? Что сказали бы странствующіе лѣкаря и менестрели, съ такимъ презрѣніемъ смотрѣвшіе на этихъ невѣрующихъ, еслибъ они знали, что ихъ ученыя поэмы не были бы понятны намъ безъ кропотливыхъ изысканій этихъ чернокнижниковъ и ростовщиковъ?

Однако, не слѣдуетъ забывать, что произведенія Раши—это комментаріи къ Библіи и Талмуду. Комментаріи эти написаны евреемъ и по-еврейски, и это вполнѣ ихъ характеризуетъ, характеризуетъ по существу, такъ какъ тутъ рѣчь идетъ не о методѣ и формѣ, а о предметѣ и сущности.

Основательныя и обширныя познанія автора являются главнымъ достоинствомъ комментаріевъ съ этой точки зрѣнія. Конечно, Раши не ученый энциклопедистъ, какимъ сдѣлало его расположенное къ нему общественное мнѣніе, и по своему научному образованію онъ не выше другихъ писателей его эпохи. Кромѣ еврейскаго и французскаго языковъ, онъ зналъ, пожалуй, еще нѣсколько словъ по-арабски, да и въ этомъ можно сомнѣваться. Онъ не знакомъ также и со свѣтскими науками, если не считать нѣсколькихъ замѣчаній его о ремеслахъ и практическихъ работахъ. Но если кругъ знаній Раши ограничивается областью раввинской литературы, то въ этой области его знанія достаточно обширны и основательны, и приводимыя имъ многочисленныя цитаты доказываютъ, что онъ знакомъ прекрасно со всѣми произведеніями, написанными до него по-еврейски или арамейски. Благодаря такой эрудиціи автора, давшей ему возможность заполнить нѣкоторые пробѣлы своего общаго образованія, его библейскіе и талмудическіе комментаріи получаютъ особенную цѣнность для его страны и эпохи.

Типичными можно считать его комментаріи къ Талмуду. Чтобы оцѣнить все ихъ значеніе, не мѣшаетъ вспомнить, что такое Талмудъ и какія трудности представляетъ онъ при чтеніи или скорѣе при разборѣ текста. Представьте себѣ текстъ, написанный частью на еврейскомъ, частью на арамейскомъ языкѣ, безъ знаковъ произношенія и пунктуаціи, гдѣ вопросы и отвѣты, возраженія и отступленія слѣдуютъ другъ за другомъ, изложенныя неясно, вслѣдствіе сжатости, и въ безпорядкѣ, по крайней мѣрѣ кажущемся, такъ что часто трудные сюжеты затрагиваются мимо-

ходомъ, а другіе, необходимые для разъясненія спора, приходится искать въ другомъ мѣстѣ. На сколько точекъ зрѣнія приходится становиться сразу, чтобы сдѣлать понятнымъ этотъ сводъ гражданскаго и религіознаго права евреевъ?

Тотъ, кто сталъ бы теперь писать комментаріи вродѣ комментаріевъ Раши, не преминулъ бы, конечно, озаглавить свой трудъ: комментарій критическій, объяснительный, практическій, филологическій, историческій и т. п. Комментарій Раши заключалъ въ себѣ всѣ эти элементы, хотя это и не фигурировало въ заглавіи.

Прочной основой этого труда является внимательная критика текста. Авторъ подвергъ текстъ строгому пересмотру, причемъ руководился различными списками, паралельными отрывками, а также собственной логикой. Эта критика, хотя не всегда была удачна, имѣла тѣмъ не менѣе большой успѣхъ, и текстъ Раши благодаря поправкамъ, внесеннымъ въ него учениками, вошелъ въ обычное употребленіе.

Такимъ образомъ, обработанный текстъ можетъ служить основой для настоящаго комментарія. Раши то опирается въ своихъ толкованіяхъ на традиціи устныя и письменныя, то строитъ объясненіе на собственныхъ соображеніяхъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ изслѣдуетъ тексты безъ мудрствованій, но добросовѣстно; онъ копается въ нихъ, но безъ педантизма и безъ натяжекъ. Пріятно видѣть, какъ увѣренно и легко разбирается онъ въ цѣпи вопросовъ и отвѣтовъ, устраняя лишнее, но не отступая передъ необходимыми разъясненіями.

Раши дѣйствительно принужденъ иногда для того, чтобы сдѣлать понятнымъ послѣдующее или вслѣдствіе того, что мѣсто является спорнымъ, чаще же всего потому, что онъ преслѣдуетъ практическую цѣль, такъ какъ законы, о которыхъ идетъ рѣчь, должны быть постоянно примѣняемы—quid leges sine moribus?—онъ бываетъ принужденъ, говорю я, указывать окончательный результатъ талмудическихъ преній, опредѣлять практическое правило, „галаху“. Но чаще онъ ограничивается ролью комментатора. Этотъ методъ является наиболѣе свойственнымъ ему. Онъ не столько заботится о томъ, чтобы вывести „галаху“, сколько о томъ, чтобы сдѣлать понятной всю совокупность и всѣ подробности преній, разъясняя смыслъ каждаго выраженнаго мнѣнія, каждаго употребленнаго слова. Словомъ, это комментарій грамматическій. Попытка объяснить Талмудъ литературно и дословно даже въ настоящее время явилась бы только курьезомъ.

Рѣдко можно встрѣтить талмудиста, который обладалъ бы научнымъ умомъ и считался бы съ исторіей. Раши никогда не смѣшиваетъ различныхъ поколѣній ученыхъ и раввиновъ. Онъ знаетъ біографію каждаго, арену его дѣятельности, эпоху, въ которую тотъ жилъ. Конечно, ему случается дѣлать ошибки, такъ какъ ни традиція, ни фантазія не могутъ пополнить недостатка данныхъ или критическаго чутья. Но въ общемъ комментарій Раши сообщаетъ часто драгоцѣнныя, рѣдчайшія свѣдѣнія о различныхъ произведеніяхъ, событіяхъ и обычаяхъ. Критика текста, грамматическое толкованіе, разъясненіе по существу и объясненіе историческое—вотъ содержаніе талмудическаго комментарія Раши, этого поистинѣ неподражаемаго труда, безъ котораго было бы немыслимо обойтись. Превосходство этого труда надъ другими объясняется глубокимъ знакомствомъ автора съ предметомъ. Раши былъ дѣйствительно мастеромъ своего дѣла; онъ такъ, можно сказать, слился со своимъ предметомъ, что ему приходилось иногда воспроизводить въ двухъ различныхъ мѣстахъ одно объясненіе почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, причемъ онъ не прибѣгаетъ къ переписыванію. Словомъ, если талмудъ сравнить съ моремъ, можно сказать, что въ плаваніи по этому морю Раши былъ самымъ искуснымъ и твердымъ кормчимъ.

Библейскіе комментаріи Раши такъ относятся къ талмудическимъ, какъ агада къ „галахѣ". Въ нихъ господствуетъ — я говорю главнымъ образомъ о комментаріяхъ къ Пятикнижію, тогда какъ другіе болѣе научны—въ нихъ господствуетъ принципъ *laisser aller*. Иногда чудится, что въ нихъ слышишь отголосокъ тѣхъ простыхъ бесѣдъ, которыя можно и теперь еще услышать въ полумракѣ старой синагоги, въ субботнее послѣобѣденное время, когда само солнце, кажется, добродушно улыбается.

Это не должно, однако, вводить насъ въ заблужденіе. Чтеніе Библіи было для евреевъ не простымъ времяпрепровожденіемъ; Библія давала главную пищу религіозной и нравственной дѣятельности массъ. Они видѣли въ Св. Писаніи все, начиная съ предписаній устнаго закона вплоть до правилъ поведенія, а чтобы видѣть въ Библіи эти правила, необходимо было какъ бы ввести ихъ въ самый текстъ. Этотъ методъ, который даетъ возможность видѣть въ текстѣ еще нѣчто помимо его прямого смысла и есть методъ „мидраша" или „драша", въ противоположность методу „пшатъ", т. е. объясненія по простому и дѣйствительному смыслу. Христіанскіе теологи среднихъ вѣковъ употребляли, большей частью, пер-

вый методъ, и какое множество экзегетовъ, еще и понынѣ, уподобляются въ этомъ отношеніи теологамъ!

Раши, котораго привлекаютъ одинаково оба метода, пользуется ими обоими. Въ дѣйствительности, онъ оказываетъ предпочтеніе раціоналистической экзегетикѣ и часто заявляетъ, что имѣетъ въ виду именно ее. Но этимъ онъ признаетъ существованіе другой, и когда стихъ Библіи легко истолковать въ духѣ мидраша, онъ придерживается такого толкованія. Тогда же, когда текстъ слишкомъ труденъ или наоборотъ не представляетъ никакихъ трудностей, онъ ссылается на аггадическія легенды. Кажется, что Раши только постепенно, съ теченіемъ времени и по мѣрѣ занятій литературой, сталъ проникаться сознаніемъ тѣхъ требованій, которыя связаны съ толкованіемъ Св. Писанія. У насъ имѣется на этотъ счетъ цѣнное свидѣтельство его внука. Вотъ оно: „Рабби Соломонъ, дѣдъ мой, свѣточъ діаспоры, который комментировалъ Пятикнижіе, пророковъ и гагіографы, старался разъяснить истинный смыслъ текста, а я, Самуилъ, сынъ Меира, часто спорилъ по поводу этихъ объясненій съ нимъ или въ его присутствіи; и онъ признался мнѣ, что будь у него досугъ, онъ переработалъ бы свой трудъ, принявъ во вниманіе филологическія объясненія, появляющіяся ежедневно".

Грамматика должна служить основой хорошей критики. Раши былъ искуснымъ грамматикомъ, насколько это было возможно. Къ сожалѣнію, филологическія изслѣдованія не процвѣтали во Франціи, а лучшія работы испанской школы были ему неизвѣстны. Его грамматика носитъ поэтому рудиментарный и эмпирическій характеръ. Къ счастью, онъ съумѣлъ пополнить нѣкоторые пробѣлы, благодаря сообразительности своего еврейскаго ума, развившейся въ немъ вслѣдствіе постоянныхъ занятій литературнымъ трудомъ. Онъ ищетъ съ чисто раціоналистической ясностью ума смысла отдѣльныхъ мѣстъ Библіи и часто находитъ истинный смыслъ, такъ что иногда намъ кажется, что онъ исправляетъ текстъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только глубже проникаетъ въ его содержаніе. Какъ бы то ни было, Раши словно по наитію открылъ значеніе многихъ отрывковъ, и можно составить цѣлый списокъ объясненій, которыя остались неизвѣстными его послѣдователямъ и вновь были открыты новѣйшими экзегетами. [illegible] признаютъ эти объясненія, причемъ большинство считаетъ [illegible]же не подлежащими сомнѣнію.

V.

Если мы достаточно полно характеризовали научную дѣятельность Раши, мы указали вмѣстѣ съ тѣмъ, какое вліяніе могли имѣть его произведенія. Написанныя на языкѣ непонятномъ для большинства французовъ, посвященныя изученію неизвѣстной религіи и презираемой народности, эти произведенія были осуждены на то, чтобы не оказать никакого вліянія на общее теченіе умовъ. Для того, чтобы христіане съ ними ознакомились, нуженъ былъ случай, и случай оказался на лицо, но въ иное время.

Наоборотъ, въ еврейскихъ кругахъ оживленіе было значительное. Если бы можно было оцѣнивать значеніе какого либо произведенія по тому движенію, какое вызывается имъ въ научномъ мірѣ, то ни одно произведеніе въ еврейской литературѣ не можетъ, вѣроятно, быть поставлено выше труда Раши. Говорятъ, что у великихъ людей заимствуютъ только ихъ недостатки: прежде всего это несправедливо по отношенію къ Раши. Его „комментаріи къ Библіи" были позднѣе исправлены и превзойдены; что касается „комментаріевъ къ Талмуду", то ученые удовлетворились дальнѣйшей ихъ разработкой.

Эти послѣдніе способствовали тому, что во Франціи распространилось знаніе Талмуда и возрасло количество школъ, которыя стали вскорѣ многочисленными и вліятельными. Ученики Раши, двое зятьевъ его и въ особенности трое внуковъ были первыми *тоссафистами*, какъ называютъ во Франціи мѣстныхъ комментаторовъ Талмуда, которые явились оригинальными и проницательными продолжателями работъ своего дѣда. То былъ золотой вѣкъ французскаго еврейства. Въ теченіе двухъ вѣковъ интенсивная работа шла въ школахъ Ромеру, Дампьера, Парижа, Сенса, Туке, подъ руководствомъ такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Исаакъ Древній, Іуда Сиръ Леонъ, Моисей де Куси и десятокъ другихъ.

Почти всѣ тоссафисты посвящали себя одновременно изученію Талмуда и Библіи и въ этой послѣдней области вліяніе Раши было въ особенности плодотворнымъ. Комментаріи, составленные по примѣру его собственныхъ, соперничаютъ съ ними и часто превосходятъ ихъ, хотя комментаріи Раши отодвинули на второй планъ всѣ остальные. Таковы работы Самуэля бенъ Меира, Іосифа Каро, Іосифа Бехоръ-шора, наиболѣе знаменитыхъ—хотя все же недостаточно извѣстныхъ публикѣ и понынѣ—представителей этой французской школы экзегетовъ, которая можетъ по смѣлости,

оригинальности и простотѣ метода соперничать съ испанской. Къ сожалѣнію, этотъ блестящій періодъ былъ не долгъ, и съ конца XIII-го вѣка вновь выступаетъ старая мидрашитская традиція, которая, сохраняя глубокое уваженіе къ Раши, стремится быть вѣрной не только духу, сколько буквѣ текста.

Зато компенсаціей можетъ служить то обстоятельство, что слава Раши распространилась за предѣлы сѣверной Франціи. Вскорѣ послѣ смерти онъ сталъ извѣстенъ въ Провансѣ и даже на Востокѣ. Среди экзегетовъ, какъ напр., въ кругу испанскихъ талмудистовъ, одни подражаютъ ему, другіе спорятъ съ нимъ, но всѣ признаютъ его авторитетъ, который скоро становится неоспоримымъ какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ.

Въ это время во Франціи сожженія книгъ и акты изгнанія приводятъ къ разрушенію школъ и выселенію евреевъ; среди этихъ испытаній Библія и Талмудъ съ комментаріями Раши, которыя стали неотдѣлимы отъ текста, составляютъ высшее утѣшеніе евреевъ и залогъ ихъ религіознаго единства. Евреи Франціи переносятъ свои литературныя произведенія за границу, и популярность этихъ послѣднихъ возрастаетъ еще болѣе. Талмудическій комментарій Раши становится необходимой справочной книгой для ученыхъ, а его комментарій къ Пятикнижію имѣется у всѣхъ вѣрующихъ и входитъ, такъ сказать, въ религіозный обиходъ евреевъ. Вокругъ имени автора создаются многочисленныя легенды, и многія семьи претендуютъ на родство съ нимъ. Къ сожалѣнію, это скорѣе преклоненіе энтузіастовъ, чѣмъ разумное уваженіе; результатомъ такого преклоненія было появленіе „Hiddouschim“ и сверхъ-комментаріевъ, отличающихся кропотливостью. Вскорѣ изобрѣтеніе книгопечатанія еще увеличило популярность учителя. Его комментарій къ Пятикнижію — это первое произведеніе еврейской литературы, время напечатанія котораго—1475 г. намъ извѣстно; съ тѣхъ поръ до нашихъ дней вышло множество изданій.

Вліяніе Раши не ограничивалось еврейской средой. Францисканскій монахъ Николай де Лира, жившій въ первой половинѣ XIV вѣка, написалъ *Postilles perpetuelles* къ Библіи, гдѣ на каждомъ шагу обнаруживается вліяніе нашего комментатора, хотя авторъ иногда оспариваетъ его взгляды. Онъ получилъ также прозвище „обезьяны Раши“,—Simius Salomonis, по несовсѣмъ вѣжливому латинскому [illegible]ію. Болѣе вѣжливо и даже отзывается лиризмомъ дру[illegible]ское выраженіе: si Lyra non lyrasset, Lutherius non sal[illegible] еслибъ Лира не игралъ на арфѣ, Лютеръ бы

не плясалъ). Это дѣйствительно вѣрно: творецъ реформаціи много пользовался комментаріемъ францисканца и слѣдовательно черпалъ, хотя и не непосредственно, изъ еврейскаго источника. Раши породилъ Николая де Лиру, а Николай де Лира—Лютера.

Мы переносимся въ XVI вѣкъ. Христіанскіе гуманисты принимаются въ эту эпоху за изученіе еврейскаго языка и библейской критики, изученіе, которое остановилось у евреевъ. Всѣ гебраисты пользуются трудами Раши, какъ представителя оффиціальной талмудической традиціи. Многочисленные переводы отдѣльныхъ частей выходятъ на латинскомъ языкѣ; наконецъ, Брейтгауптъ выпускаетъ въ свѣтъ, въ началѣ XVIII-го вѣка, полный хорошій переводъ.

У евреевъ однако произведеніе Раши, которое должно было служить убѣжищемъ, грозило сдѣлаться тюрьмой. Раввины XVII-го вѣка только изощряли на трудахъ Раши свою ученость и остроуміе. Остается ждать, чтобы какіе нибудь ученые нашего времени санкціонировали научное изслѣдованіе Талмуда. Но въ области экзегетики уже Мендельсонъ и его ученики отдаютъ должное методу „пшатъ“ и дѣлаютъ разумное употребленіе изъ комментаріевъ французскаго раввина. Произведенія Раши связаны еще иначе съ судьбами еврейской литературы: Леопольдъ Цунцъ, возродившій еврейскую литературу, дебютировалъ изслѣдованіемъ, которое прочно установило какъ научную репутацію Раши, такъ и его собственную.

Къ сожалѣнію, Раши не удалось занять значительнаго мѣста въ исторіи экзегезы вслѣдствіе недостаточности его библейской критики. Впрочемъ, этому преувеличенному и несправедливому пренебреженію наступаетъ уже конецъ, и общество еврейскихъ ученыхъ, которые выпускаютъ теперь въ свѣтъ серію критическихъ комментаріевъ къ Библіи—хоть разъ фигурируетъ въ этой области Франція—начинаетъ отдавать ему справедливость. Зато для ортодоксальныхъ евреевъ онъ остался оракуломъ; его комментарій изучается дѣтьми наравнѣ съ текстомъ, и я встрѣчалъ въ Польшѣ молодыхъ дѣвушекъ, которыя гордились тѣмъ, что читали Пятикнижіе съ комментаріями Раши. Время и наука постараются отвести всякой вещи подобающее мѣсто, дать оцѣнку каждому труду. Вліяніе Раши будетъ болѣе интенсивнымъ, причемъ не уменьшится и сфера его дѣйствія. Талмудическій комментарій въ особенности даетъ богатый матеріалъ для научнаго изученія. Раши въ этой области отвоевалъ себѣ сферу, въ которой онъ неподражаемъ и стоитъ выше всякой критики. Нѣсколько лѣтъ на-

задъ, когда одинъ издатель хотѣлъ издать Талмудъ, раввины заявили, что откажутъ ему въ разрѣшеніи, если онъ не издастъ рядомъ съ этимъ комментарія Раши.

Впрочемъ, я никогда не закончилъ бы, если бы не нужно было кончить. Теперь господа, послѣ того, какъ я нашелъ „секретъ наскучить, не сказавши всего“, пора резюмировать и закончить.

Жизнь Раши есть по преимуществу жизнь мирная и трудовая, что обусловливается его дѣятельнымъ и любознательнымъ умомъ, кроткимъ и умѣреннымъ характеромъ. Эти свойства и способности проявляются въ его трудахъ, которые замѣчательны столько же по своему объему и научнымъ достоинствамъ, сколько по постоянному и плодотворному вліянію, которое они имѣли.

Какъ человѣкъ и писатель, Раши воплощаетъ въ себѣ характерныя черты сѣверо-французскаго еврейства. Вамъ уже говорили здѣсь о церковной политикѣ, поскольку она выразилась въ лицѣ Агобарда и Алюлона, и о политикѣ королей по отношенію къ евреямъ, выразившейся въ лицѣ Филиппа Августа и Филиппа Красиваго. Тотъ, кто противопоставляетъ евреямъ ихъ враговъ, кажется пишущимъ сатиру, тогда какъ на дѣлѣ онъ пишетъ исторію. Вы должны еще представить себѣ евреевъ Лангедока и Прованса, которыхъ грѣетъ и освѣщаетъ южное солнце, и ихъ столкновеніе съ арабами, когда распространеніе знаній породило конфликтъ между философіей и вѣрой. Евреи сѣвера, не знавшіе этого яркаго свѣта, не знали и этихъ бурь: они такъ и остались неподвижны, погруженные въ изученіе Библіи, Талмуда. Вотъ почему исторія сѣвернаго еврейства сводится къ исторіи его раввиновъ; эти же послѣдніе являются послѣдователями и учениками Раши. Такимъ образомъ, отъ него беретъ начало все интеллектуальное движеніе.

Это глубокое вліяніе не ограничивается Франціей и средними вѣками. Еще и понынѣ еврейство повинуется импульсу, который былъ данъ ему на берегахъ Сены. Благодаря этому Раши имѣетъ большее значеніе, чѣмъ самые глубокіе теологи и блестящіе поэты испанскаго еврейства. Ни Іуда Галеви, ни, можетъ быть, Маймонидъ не оказали такого глубокаго вліянія. Дѣло раввина изъ Труа оказалось долговѣчнымъ и плодотворнымъ.

Своей популярностью сочиненія Раши обязаны своему чисто еврейскому характеру. *Путеводитель блуждающихъ* Маймонида и *Диванъ* Іегуды Галеви—это продукты еврейскаго ума, которому привита арабская культура; теперь это для насъ какъ бы экзотическіе плоды. Раши, наоборотъ, весь принадлежитъ еврейству,

хотя онъ глубоко сросся корнями и раскинулъ вѣтви на національной почвѣ Франціи, ибо этотъ еврей и талмудистъ является истиннымъ французомъ, и не потому только, что онъ жилъ и писалъ во Франціи, а потому, что умъ его близокъ къ французскому. Ричардъ Симонъ требовалъ, не безъ гордости, чтобы за нашей страной признана была честь считаться родиной этого ученаго; составители *Исторіи французской литературы* не сочли его недостойнымъ занять мѣсто въ исторіи научнаго движенія среднихъ вѣковъ, и теперь его имя фигурируетъ на фасадѣ библіотеки Св. Женевьевы.

Вотъ почему всѣ евреи вообще, и французскіе евреи въ особенности, должны сохранять воспоминаніе о Раши и относиться съ уваженіемъ къ его трудамъ. Долго еще его писанія, столь ясныя и объективныя, будутъ предметомъ изученія, удивленія и подражанія, тогда какъ его личность, внушающая такую симпатію, будетъ окружена и какъ бы озарена тройнымъ ореоломъ науки, религіозности и благородства. Gloria majorum lumen posteris est.

Изъ книги пророка Исаіи.

I.

Не полна ли воплями столица
Въ утро смерти, въ ночь тоски народной?
Не кричитъ ли дикая ослица,
Умирая во степи безводной?
Кто найдетъ средь пажитей спаленныхъ
Виноградникъ Якова любимый?
Плачь, Рахиль, о дѣтяхъ убіенныхъ,
Смерть пріявшихъ за народъ гонимый!..
Они лежатъ въ своей одеждѣ бѣлой,
Ихъ взоръ застывшій смотритъ въ небеса,
А вѣтеръ ночи съ ласкою несмѣлой
Ихъ темные вздымаетъ волоса.
Зачуявъ кровь, летятъ въ весельѣ дикомъ
Стервятники изъ чернаго гнѣзда,
Но мертвый ждетъ въ спокойствіи великомъ
Послѣдняго и праваго суда.

II.

Блѣдныя дѣти, больныя голодныя,
Птенчики, долгой нуждой истомленные,
Съ крикомъ несетесь вы въ степи безводныя,
Солнцемъ спаленныя.
Ягоды дикія, травы колючія—

Утренній хлѣбъ вашъ, трапеза вечерняя;
Мѣсто для отдыха—камни горючіе,
Гнѣзда изъ тернія...
Я слышу утра радостные звуки.
Уходитъ пастырь въ глубину полей
И къ слабымъ агнцамъ простираетъ руки—
Онъ будетъ грѣть ихъ на груди своей!..
Больныя дѣти, горькихъ слезъ не надо!
Припавъ къ землѣ горячей головой,
Кричите вы, какъ жаждущее стадо:
„О Господи, росы, росы живой!“
Встрѣчая утро съ ланью полевою,
Съ пятнистымъ барсомъ солнечный заходъ,
Вы будете расти между травою
Какъ ива у потока водъ!

III.

Не средь господъ, безпечныхъ и свободныхъ,
Что хлѣбъ свой жнутъ мильономъ цѣпкихъ рукъ,
Среди рабовъ, наемниковъ голодныхъ,
Какъ стонъ земли, раздался пѣсни звукъ.
Кому весь міръ, какъ склепъ могильный тѣсенъ,—
Тотъ въ жгучемъ снѣ найдетъ свою любовь,
И бьетъ потокъ какъ громъ свободныхъ пѣсенъ,
Неудержимъ, какъ хлынувшая кровь...
Буди, пѣвецъ, заснувшіе народы:
Кто смѣетъ спать подъ дикій лязгъ оковъ?
Пусть грянетъ пѣсня гнѣва и свободы,
Какъ Божій гнѣвъ изъ черныхъ облаковъ!
Мы пасть хотимъ средь доблестнаго боя,
А не въ позорѣ жалкій вѣкъ влача,—
Гдѣ смерть одна вѣнчаетъ путь героя,
Тамъ жизнь и радость—милость палача!

К. Бархинъ.

Дѣтство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Годы скитаній.

I.

Среди степей.

(*Продолженіе* [1]).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сынъ Артема „Велизаръ", о которомъ я уже упомянулъ выше, мужъ Варьки, былъ третьимъ ямщикомъ на станціи, но на кухнѣ не жилъ, а при батькѣ. Велизаръ былъ совершенная противоположность своей женѣ. Это былъ тихій, трезвый и честный мужикъ, лѣтъ двадцати пяти, красивый, съ мягкими, влажными, добрыми сѣрыми глазами, въ которыхъ выражалась какая то стыдливость. Онъ держался въ сторонѣ отъ ямщицкаго міра, грязь и безшабашность которыхъ его шокировали. При очень крѣпкихъ словахъ съ ихъ стороны онъ краснѣлъ, какъ дѣвица. Это и заставило его жить при батькѣ. Вслѣдствіе этихъ своихъ качествъ, онъ былъ любимцемъ всего станціоннаго начальства и почто-содержателя и пользовался большимъ довѣріемъ. Будучи покорнымъ и тихимъ, онъ однако не принадлежалъ къ забитымъ и умѣлъ постоять за себя при случаѣ. Ямщики поэтому избѣгали затраги-

[1]) См. „Кн. Восходъ" № 7.

вать его, нисколько не желая испытывать мощи его кулаковъ. Не царила надъ нимъ и жена, хотя онъ ее очень рѣдко билъ,—ужъ въ совсѣмъ крайнихъ случаяхъ. Она была бѣшено ревнива и не могла его видѣть въ обществѣ чужой женщины. Стоило только ей разсказать, что онъ, возвращаясь обратно, подвезъ какую-нибудь бабу, она приходила въ ярость и набрасывалась на него, какъ тигрица. Онъ только бывало слегка ее отталкиваетъ одной рукой, не вступая ни въ какія объясненія, и только скажетъ: „Чого воно лизе". И въ это „воно" (оно) въ среднемъ родѣ, а не въ женскомъ, было столько презрительнаго, что Варька вся зеленѣла отъ бѣшенства. Въ подобныхъ случаяхъ она могла его довести до того, чтобы онъ ее „тряхнулъ". Дѣлалъ онъ это однако какъ будто неохотно и всегда послѣ этого чувствовалъ себя какъ будто не по себѣ. Онъ свою „ящерицу", повидимому, любилъ, хотя особенныхъ нѣжностей къ ней никогда не проявлялъ. У него была самая лучшая четверка, которую онъ любилъ и холилъ, какъ дѣтей. Лошади были его культомъ, и онъ для нихъ готовъ былъ перенести даже всякія страданія, какъ мученикъ. Онъ очень часто бывалъ битъ чиновниками и всякими административными особами, ѣхавшими „по казенной надобности", за то, что онъ не подчинялся ихъ требованію гнать бѣшено лошадей. Не помогали и щедрыя обѣщанія „на водку". Лошади ему были дороже всего на свѣтѣ. Когда случалось, что вынужденный жестокими побоями засѣдателя или станового онъ проскачетъ часть дороги и лошади возвращаются изнуренными, онъ приходитъ въ отчаяніе, а то и всплакнетъ отъ горя. Я помню его четверку отборныхъ, красивыхъ, всегда гладкихъ и чистыхъ лошадей. Особенно я помню эту благородную парочку—Волчка и Казака, которые были лучшимъ украшеніемъ обѣихъ станцій. Оба одного роста и одной масти, свѣтло-гнѣдые, только съ совершенно различными головами. У Волчка голова была большая, широкая и тупая впереди съ большой, красивой, гордой гривой, съ бѣлой звѣздочкой на широкомъ лбу, съ большими умными глазами. У Казака, напротивъ того, голова была небольшая, острая и держалъ онъ ее нѣсколько понуро, скромно, въ то время, какъ Волчокъ ее

держалъ высоко и гордо. Другая пара изъ четверки Велизара были—Щеголь и Мальчикъ, оба вороные, стройные и красивые чрезвычайно. То была настоящая благородная порода, истые аристократы станціи. Но какъ таковые, они не отличались большой солидностью. Они были слишкомъ горячіе. Запрягутъ, такъ не устоятъ на мѣстѣ, копаютъ подъ собою землю копытами и въ хорошую дорогу ихъ трудно было удержать,—такъ и несутъ. За то, когда дорога была тяжелая, грязная, они скоро уставали и возвращались изнуренными, съ поджатыми боками. „Це панская хороба“ [1]), говорили о нихъ ямщики. Казакъ же и Волчокъ горячиться никогда не горячились и всегда шли своею красивою, сильною рысью, какова бы ни была дорога. Велизаръ любовался и гордился своими „киньми“ (конями), какъ можетъ только любоваться и гордиться отецъ своими хорошо воспитанными дѣтьми. Когда онъ, бывало, стоитъ предъ станціей, поджидая, пока выйдетъ оттуда и сядетъ проѣзжающій, онъ только то и дѣлаетъ, что сгибаетъ голову то въ одну, то въ другую сторону, любуясь, какъ стоятъ лошади, какъ держатъ ноги, и т. д.

— Ну, ужъ кони, — скажетъ онъ, и въ глазахъ его является влага отъ испытуемаго блаженства.

Какъ истый хохолъ, онъ былъ большой консерваторъ и очень не любилъ разставаться со своей свитой и сивой шапкой, и питалъ превеликое отвращеніе къ ямщицкой формѣ, въ которой себя чувствовалъ ужасно скверно и смѣшно. Онъ, дѣйствительно, дѣлался тогда крайне смѣшнымъ. Эту ямщицкую форму, какъ и все, что ему было чуждо, онъ называлъ „кумедіею“. „Вже требо буде начеплять кумедію“, говорилъ онъ въ отчаяніи, когда онъ долженъ былъ везти какого-либо чиновника по „почтовой части“— тогда форма была неизбѣжна.

Въ большое отчаяніе приходилъ онъ также, когда случалась вдругъ шестерка цугомъ, и ему приходилось ѣхать „фалеторомъ“. т. е. форрейторомъ [2]). „Бодай бы винъ сказывся, оцей самый

---

[1]) Собственно значитъ панская болѣзнь. Такъ презрительно мужики называли все господское.

[2]) Такъ называется тотъ, который ѣздитъ впереди верхомъ.

иднералъ [1]) зъ его тарантасомъ. Щобъ ему добра не було", ругался бѣдный Велизаръ, нацѣпляя „фалеторскую кумедію".

Съ этимъ Велизаромъ я скоро очень подружился. Онъ былъ единственнымъ изъ ямщиковъ и вообще изъ мужиковъ, который не сквернословилъ и не издѣвался надо мной. Напротивъ того, онъ оказывалъ мнѣ покровительство и защиту, и очень часто Варькѣ доставалось изъ-за меня. Онъ мнѣ также дѣлалъ всякія поблажки, давалъ иногда водить Волчка и Казачка къ водопою, бралъ на телѣгу, когда возвращался или когда выѣзжалъ изъ воротъ, чтобы подъѣхать къ станціи. Обыкновенно этотъ выѣздъ дѣлался съ большимъ шикомъ. Выѣзжая изъ воротъ, дѣлали большой поворотъ, и подъѣзжали къ станціи во всю прыть: „Смотри, молъ, какая у насъ ѣзда". Потому тогда очень пріятно было покататься. Конечно, не всегда это можно было дѣлать. Если лошадей подавали какому-нибудь засѣдателю, становому приставу или исправнику, мы и носа не смѣли показывать около станціи.

Среди этого-то міра я теперь жилъ и въ первое время въ особенности отдавался ему, очертя голову. Естественно очень, что конюшня и станціонный дворъ со всѣми ихъ принадлежностями получили для меня наиболѣе притягательную силу. Я не пропускалъ ни одной „пойки" лошадей, присутствовалъ при всѣхъ запряжкахъ и выпряжкахъ, если только онѣ не происходили поздно ночью; бѣгалъ въ конюшню, когда лошадямъ давали ячменя или овса, и во всемъ принималъ близкое участіе. Общія игры съ дѣтьми мы устраивали въ подкатномъ сараѣ или же на сѣновалѣ. Когда же меня охватывало желаніе остаться одному, — а такое желаніе меня весьма часто охватывало—я забирался на чердакъ нашего дома или же на чердакъ конюшни, не то удалялся на „гарманъ". Тѣ скирды, къ которымъ я побѣжалъ въ первый день и которыя лежали минутъ въ пятнадцати отъ дома, составляли „гарманъ" Артема. Туда онъ свозилъ свой хлѣбъ, тамъ его молотилъ, вѣялъ и просѣвалъ. И туда ежедневно отправлялись рано утромъ Варька или Марія, рѣдко самъ Артемъ или другой изъ мужчинъ, и на плечахъ приносили „оберемокъ" соломы, которой топили и варили,

[1]) Генералъ.

также кормили „худобу". Какъ запечатлѣлись въ моей памяти эти двигающіяся вдали среди степи согнутыя почти до земли фигуры ихъ, съ ихъ огромною ношею, которыя сливаются вмѣстѣ и образуютъ нѣчто такое фантастическое.

Уже со второго дня моего прибытія несложная жизнь въ хатѣ ясно опредѣлилась. Утромъ встаешь среди обычнаго безпорядка, плача голоднаго ребенка, плаксивыхъ жалобъ и причитываній Зисель. Потомъ является кто-нибудь изъ ямщиковъ звать ячмень давать; Зисель или Ривка отправляются, неизмѣнно ища предварительно ключъ нѣсколько минутъ. Я бѣгу за ними (очень скоро впрочемъ я самъ уже сподобляюсь выдавать). Отворяютъ амбаръ, прилегающій одной стѣной къ конюшнѣ. Я очень люблю этотъ амбаръ. Тамъ всегда стоитъ пріятный запахъ зерна и еще что то пріятное. Полъ тутъ устланъ досками. По обѣ стороны дверей узенькія, удлиненныя оконца съ деревянными рѣшетками. Ячмень или овесъ лежитъ большою полукруглой, вверху заостренной въ видѣ конуса кучей въ одномъ углу. Каждый ямщикъ приходитъ со своимъ лежащимъ у него на плечѣ мѣшкомъ. Туда ему насыпаютъ по два или три гарнца ячменя на лошадь. Число гарнцевъ увеличивается или уменьшается сообразно „гону" или состоянію дороги. Лѣтомъ, когда лошади идутъ на „подножный кормъ", т. е. пасутся на лугу, ячменя большею частью совсѣмъ не давали. Но отпускать лошадей на подножный кормъ строжайше запрещалось почтовымъ начальствомъ, такъ какъ изъ-за этого могли происходить задержки проѣзжающимъ. А такія задержки происходили, дѣйствительно, весьма часто. Наскочитъ какой-нибудь проѣзжающій, а лошади разбрелись далеко по степи, щиплютъ себѣ сочную травку и временами издаютъ веселое ржаніе, выражая этимъ свою радость и наслажденіе свободой и просторомъ. Большой охоты отправиться въ тѣсную и вонючую конюшню и одѣть хомуты у нихъ совершенно нѣтъ. И вотъ иди, гоняйся за ними. Правда, совсѣмъ свободно прыгать имъ не предоставляется. Отпуская ихъ въ степь, имъ одѣваютъ „путы" на переднія ноги. Но и въ путахъ нѣкоторыя изъ этихъ особенно упорныхъ враговъ цѣпей и подчиненія умудрялись ускакать такъ

далеко, что ихъ часами приходилось отыскивать. И не мало по этому поводу испещрялась всякими „жалобами“ припечатанная къ столу „жалобная книга“, на радость и утѣшеніе А—скому почтмейстеру, который вѣдалъ сіи дѣла и который за всякую такую жалобу получалъ отъ почтосодержателя извѣстную контрибуцію для посрамленія жалобщиковъ. Какъ много связано съ этимъ чуднымъ періодомъ „подножнаго корма“. Въ конюшнѣ тогда мертвенно-тихо, и только особенно гулко тогда жужжатъ кружащіеся въ воздухѣ мухи и оводы, да временами тоскливо жуетъ „парочка“, припасенная „подъ почту“, если это почтовый день. И всегда мнѣ казалось, что бѣдныя лошади невыразимо страдаютъ, рисуя себѣ безграничную вольную степь, гдѣ теперь свободно расхаживаютъ ихъ товарищи.

Но самое дивное это были ночи, лѣтнія ночи, проведенныя среди степей. Только тотъ, кто это переживалъ, можетъ оцѣнить эту невыразимую прелесть лѣтнихъ ночей среди степей. А я ихъ переживалъ эти чудныя, незабвенныя ночи, неизъяснимую красоту которыхъ могъ воспроизвести одинъ только Тургеневъ, этотъ лучшій пѣвецъ безбрежныхъ степей. Я, правда, за это подвергся всеобщему презрѣнію и частенько бывалъ и битъ. Ибо въ самомъ дѣлѣ какой это мало-мальски порядочный еврейскій мальчикъ уйдетъ съ ямщиками на цѣлую ночь въ степь пасти лошадей. Гдѣ это слыхано въ цѣломъ мірѣ!.. Но я забѣжалъ далеко-далеко впередъ.

Ячмень отпускался два раза въ день, утромъ и въ сумерки. Если ямщикъ отсутствовалъ во время выдачи, на оставшихся лошадей получаетъ другой; остальное же для отсутствовавшихъ лошадей онъ беретъ по возвращеніи. Случалось поэтому очень часто, что возвратившійся ямщикъ будилъ среди ночи, и приходилось вставать и выдавать. Ибо нельзя вѣдь было оставить голодать измученныхъ поѣздкой лошадей; и ямщики поэтому мало церемонились и барабанили въ окна, что было мочи. Когда лошади поѣдали ячмень, два ямщика, или же ямщикъ съ бабой, когда дома оставался только одинъ, отправлялись вытягивать воды, чтобы затѣмъ ихъ поить. Когда выдача въ амбарѣ конча-

лась, я немедленно отправлялся въ конюшню за ямщиками смотрѣть, какъ насыпаютъ въ „жолобы" этотъ самый ячмень при сильномъ нетерпѣніи лошадей, которыя совсѣмъ не хотятъ выжидать, пока его перемѣшаютъ съ половой или съ сѣчкой [1]), подбавятъ туда соли и равномѣрно разстелятъ по всему дну,—а уже суютъ туда свои морды, грубо отталкиваемыя ямщиками.—Когда лошади уже накормлены и напоены, и если при этомъ не случится проѣзжающій, вынуждающій меня еще остаться при запряжкѣ, я бѣгу домой молиться. Тамъ меня неизмѣнно ждетъ встрѣча полная презрѣнія и ненависти со стороны Зисель, съ разными словесными изъясненіями въ родѣ, напр., слѣдующаго: „Уже возвратился Эсавъ съ охоты. Некогда ему, не успѣетъ начаться ямщицкой торгъ, горе и несчастье ему. Выростетъ хорошій кусокъ товару, годъ ему такой. Цѣлый день онъ бѣгаетъ по всѣмъ чернымъ годамъ и только когда надо набить кишку, онъ приходитъ домой".

Послѣ привѣтствія, смотря по обстоятельствамъ, получаю пузырчатый стаканчикъ чаю съ огрызаннымъ кускомъ сахару до или послѣ молитвы. Затѣмъ, т. е. послѣ молитвы и умыванія рукъ, слѣдуетъ обычный ломоть хлѣба, съ чеснокомъ или хрѣномъ, который непремѣнно мы поѣдаемъ всѣ вмѣстѣ на печи,—въ присутствіи ликующаго и радостно дрыгающаго ножками крошки Янкеля, возлегающаго на горячихъ изсушенныхъ до затвердѣнія пеленкахъ, съ ихъ обычнымъ рѣзкимъ нашатырнымъ ароматомъ. — Весьма часто я рано утромъ, еще до выдачи ячменя и до молитвы, взбираюсь на чердакъ, чтобъ сбросить оттуда соломы для топки печей и уже за одно я обыскиваю всѣ углы, чтобы найти яйца. На чердакѣ очень хорошо, въ особенности на той сторонѣ, которая находится надъ нашей комнатой. Тутъ крыша совсѣмъ цѣла, дождь и снѣгъ не проходятъ, вѣтеръ не задуваетъ, и тутъ тепло очень и уютно. Половина завалена соломой въ снопахъ или „околотахъ"; затѣмъ тутъ лежатъ нѣсколько мѣшковъ съ перьями, валяются старыя грабли, двѣ ручки отъ косъ, разсыпавшаяся ка-

[1]) Мелко-разсѣченная машиной солома.

душка, клепки и обручи отъ разсохшагося деревяннаго ведра и т. п. На одномъ крюкѣ виситъ старый, весь уже изодранный кожухъ, когда-то оставленный мужикомъ въ залогъ за „крючокъ" водки, и какое-то рядно, которымъ укрываютъ лошадь, какъ-то забытое на дворѣ. Среди разсыпанной соломы расхаживаютъ куры и громко кудахчутъ, высматривая наиболѣе уютное мѣсто, чтобы снести тамъ свое яичко. Мое появленіе дѣлаетъ это кудахтанье сердитымъ, злобнымъ и тревожнымъ; но я его люблю во всѣхъ тонахъ и выраженіяхъ, и оно является для меня лучшимъ элементомъ чердака. Что такое въ самомъ дѣлѣ чердакъ безъ кудахтанья куръ, которое наполняетъ его такимъ оживленіемъ, такою жизнью. А чердакъ вообще — моя слабость съ ранняго дѣтства. Въ немъ совсѣмъ особенная, своеобразная поэзія. Послѣ „завтрака", зайдешь въ шинокъ посмотрѣть на Перецa, который, если онъ не спитъ, непремѣнно что-нибудь дѣлаетъ или „штурхае", какъ презрительно отзывается о его работѣ его любящая супруга. Чинитъ онъ свои чоботы, свои единые штаны изъ полотна или свою свиту, или же какую-нибудь другую часть своей одежды, которая вся состояла изъ того, что было на немъ. Чинка одежды обозначала чаще всего скорый походъ. Если же онъ не чинилъ ее, то дѣлалъ очень тщательныя рекогносцировки во всѣ потаенныя мѣста ея и безпощадно избивалъ прятавшагося тамъ врага. Весьма часто подобныя рекогносцировки совершала Горпина въ его собственной головѣ, которая тогда нѣжно покоилась на ея колѣняхъ. Преслѣдованіе общаго врага ихъ примиряло, и это былъ единственный моментъ, когда старый Перецъ не только не ворчалъ, но когда на его лицѣ появлялось выраженіе умиленія и блаженства. Горпина тоже тогда дѣлается мягче и проявляетъ нѣкоторую нѣжность къ своему вѣрному супругу. И когда онъ захрапитъ, убаюканный ея ласкающими поисками, она тихо высвобождаетъ свои колѣни, уложитъ дорогую сѣдую голову на старый кожухъ, всегда замѣняющій имъ подушку.

Очень часто въ это время являются ямщики — выпить свою обычную утреннюю чарку и, если есть время, покалякать усѣвшись вокругъ стола. Тогда къ нимъ присоединяется Горпина,

всячески добиваясь, чтобы ее „попоштовали“. Иногда, особенно же, когда никакого гона не было и ямщики сидѣли дома, „чарка“ оканчивалась попойкой, затягивавшеюся на цѣлый день и до поздней ночи. Прибѣгали жены. Но послѣ первой чарки сами соблазнялись,— и тогда вакханалія начиналась всеобщая. Къ ней присоединялись частенько и проѣзжіе путники, если таковые попадались, и весь шинокъ и все кругомъ гудѣло весельемъ, которое захватывало все мѣстное населеніе, за исключеніемъ развѣ писаря,—и то не всегда.

Посидѣвъ съ часъ въ шинкѣ, что однако не дѣлалось обязательно ежедневно, отправляешься на станціонный дворъ играть, если погода малѣйше это позволяетъ, т. е. если нѣтъ вьюги и не льетъ проливной дождь. Вообще же холодъ мало насъ останавливаетъ. Зисель же всегда болѣе или менѣе рада нашему уходу, такъ какъ это даетъ ей нѣкоторый покой и тишину.

Играемъ мы то въ ямщика и проѣзжающіе, то въ „хозяйство“, то въ жениха и невѣсту, въ „мужъ и жену“, и т. д. Словомъ, мы воспроизводили то, что видѣли вокругъ себя. Простору и матеріала мы имѣли довольно. Чаще всего мы играли въ женихи и невѣсты. Тутъ много интересныхъ и разнообразныхъ элементовъ: обрученіе, посыланіе подарковъ, переговоры о времени свадьбы, о „внесеніи“ приданаго. А затѣмъ сама свадьба! Эту послѣднюю мы обставляли съ полнымъ совершенствомъ, устраивали „усаживаніе невѣсты“, „оплакиваніе ея“ и „покрываніе“, и наконецъ вѣнчаніе. Затѣмъ слѣдовалъ „золотой“ бульонъ, ужинъ, „укладываніе“ жениха и невѣсты—словомъ все, какъ слѣдуетъ. Женихомъ всегда былъ я, а невѣстою Малка. И оба мы тогда сильно стыдились и краснѣли самымъ искреннимъ образомъ, а не фиктивно. Майка отличалась большимъ педантизмомъ и строго требовала исполненія всѣхъ подробностей. Случалось, что меня охватывалъ такой неодолимый стыдъ въ моей роли жениха, что я среди торжества бросалъ невѣсту и убѣгалъ. Мѣстомъ нашихъ игръ служилъ чаще всего подкатный сарай, а въ солнечные дни— фасадъ амбара, гдѣ было много солнца всегда, а также и сѣнникъ, гдѣ тоже было много солнца и защищено отъ вѣтра. Испол-

няя роль жениха, я въ одно и то же время былъ и музыкантомъ, играя на скрипкѣ, флейтѣ, кларнетѣ, на „басѣ“ и барабанѣ,— на всѣхъ словомъ инструментахъ, какіе мнѣ были знакомы. Лучше всего я подражалъ кларнету, а больше всего любилъ играть на скрипкѣ. Двигая самодѣльнымъ смычкомъ по конскимъ струнамъ и бормоча при этомъ напѣвъ сквозь зубы, мнѣ казалось что я въ совершенствѣ подражалъ Мелеху и до того увлекался, что забывалъ совсѣмъ игру. Майка и Малка, обѣ совершенно не музыкальныя, принимались издѣваться надо мною и моимъ увлеченіемъ. Я себя тогда чувствовалъ, какъ артистъ, осмѣянный невѣжественной толпой, и часто доходилъ до слезъ, которыя тщательно скрывалъ. Но игру послѣ такой обиды, нанесенной моей чувствительной музыкальной натурѣ, немедленно швырялъ и удалялся куда-нибудь на чердакъ, гдѣ изливалъ свою досаду въ звукахъ. Не имѣя понятія ни о какихъ великихъ представителяхъ музыкальнаго искусства, ни объ ихъ могущественной волшебной силѣ, я, однако, въ эти моменты мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ Орфея—и однимъ взмахомъ смычка заставить падать къ моимъ ногамъ весь міръ,—и прежде всего Малку съ Майкой. Отъ этой мечты по всему нутру разливались такія теплыя, ласкающія волны и такъ сладостно кружилась голова въ упоеніи будущей волшебной властью надъ людьми...

Если ужъ очень озябнемъ, мы бѣжимъ на кухню погрѣться или же въ „писарскую“, т. е. въ квартиру къ писарю.

Почтовая станція состояла изъ просторныхъ выбѣленныхъ сѣней съ потолкомъ и деревяннымъ поломъ. Налѣво былъ входъ въ „комнату для пріѣзжающихъ“, о чемъ и гласила желѣзная, прибитая надъ дверью дощечка; а направо былъ входъ въ писарскую или „канцелярію“, тоже имѣвшую надъ дверью соотвѣтствующую надпись желтыми буквами на черномъ фонѣ. „Проѣзжающая“, какъ ее всѣ называли, состояла изъ уютной, свѣтлой и очень чистой и теплой комнаты въ два свѣта и четыре окна. Мебель состояла изъ полированнаго стола съ точенными ножками, накрытаго черной клеенкой, подъ которой припечатанной лежала „жалобная книга“, т. е. станціонная книга для записыванія жалобъ,

широкаго пузатаго дивана, обитаго черной клеенкой и полудюжины стульевъ, такимъ же образомъ обитыхъ. Все это было крѣпко и прочно, хотя грубовато. По стѣнамъ въ черныхъ рамкахъ висѣли разныя почтовыя правила и распоряженія, списокъ лошадей и станціоннаго инвентаря и т. д. Въ углу, налѣво, висѣла небольшая икона, а передъ нею лампадка, которая рѣдко когда зажигалась—развѣ уже писарь былъ очень благочестивый. Изъ этой комнаты низенькая дверь вела въ другую узенькую съ однимъ окномъ комнату, тоже очень чистенькую и свѣтлую, но совершенно безъ всякой мебели. Только на одной стѣнѣ висѣли парадныя формы ямщиковъ, т. е. „чекмены", перевязанные красными поясами и круглыя клеенчатыя, твердыя, какъ дерево, шапки.

Писарская состояла изъ такихъ же точно двухъ комнатъ, но равной величины, и изъ нихъ вторая служила кухней и спальней для семейства писаря. Въ первой стоялъ такой же столъ, какъ и въ „проѣзжающей", прикрытый такой же, но уже болѣе истертой клеенкой. На столѣ всегда неизмѣнно находился желтый глиняный чернильный приборъ, въ формѣ дивана, съ двумя вставными чернильницами, изъ которыхъ одна имѣла четыре большихъ отверстія и служила для чернилъ, а другая—множество маленькихъ отверстій и была наполнена пескомъ; въ углубленіи впереди чернильницъ и по бокамъ, лежало обыкновенно нѣсколько испачканныхъ гусиныхъ перьевъ и куски сургуча дальше, тутъ же также неизмѣнно лежали счеты, съ черными и желтыми кружками, и книга для записыванія подорожныхъ и почтъ—въ очень потертомъ переплетѣ. Вдоль одной стѣны стояло что-то вродѣ широкаго деревяннаго помоста, закрытаго коврами. Надъ помостомъ въ углу висѣла такая же точно икона съ лампадкой, какъ и въ проѣзжающей. Въ этой послѣдней царили постоянно строгая чистота и порядокъ. Несмотря на то, что тутъ все было сдѣлано по обязательному положенію, и что даже форма и цвѣтъ мебели были установлены инструкціями, въ проѣзжающей съ ея бѣленькими чистенькими стѣнами, куда рѣдко кто заходилъ, было всегда такъ мило и уютно, и я очень часто любилъ сюда уединяться. Что касается писарской, то тамъ уже стоялъ безпорядокъ, и зем-

ляной полъ былъ покрытъ довольно толстымъ слоемъ грязи, которую наносили особенно почтальоны да и прочіе проѣзжающіе, которые почему-то предпочитали оставаться здѣсь и болтать съ Владиміромъ и еще больше съ миловидной Наташей, пока записывались ихъ подорожныя и совершалась перепряжка, чѣмъ торчать одинокими въ „проѣзжающей", гдѣ не было ни души. Только уже очень важныя чиновныя и военныя особы не удостаивали писарской своимъ посѣщеніемъ и отдавали свои приказанія басомъ изъ „проѣзжающей", а лѣтомъ—съ крыльца.

Очень уютна и мила была у Наташи смежная съ „писарской" комната, которая собственно и назначалась для жилья писарю. Тутъ не было рѣшительно никакой мебели, кромѣ стариннаго ломбернаго столика, въ которомъ наложенная орѣховая фанировка во многихъ мѣстахъ отстала и вздулась пузырями, какъ кожа послѣ сильныхъ ожоговъ, да двухъ тяжелыхъ, тоже очень древнихъ стульевъ съ низкими спинками, обитыхъ пестрой, уже полинялой матеріей. Даже кровати не было, а служилъ имъ постелью деревянный помостъ, какъ и всюду въ хаткѣ. Но во всемъ убранствѣ чувствовался благородный женскій вкусъ, а вся комната была наполнена чѣмъ-то тонкимъ, пріятнымъ. Были впрочемъ дни, когда тутъ все стояло вверхъ дномъ — когда на Наташу „находило". Но объ этомъ потомъ. Мы очень любили посидѣть въ Наташиной комнатѣ, но не всегда насъ тамъ встрѣчали радушно. Мы поэтому больше оставались въ писарской, гдѣ за столомъ постоянно сидѣлъ Владиміръ, большею частью безъ всякаго дѣла, вытянувъ ноги впередъ и заложивъ сложенныя руки на голову, мрачный, съ выраженіемъ невыносимой скуки и тоски. Наташа въ это время стряпаетъ въ печи, а то сидитъ на постели, поджавши подъ себя ноги и что-то шьетъ или смотритъ черезъ маленькое оконце на широкую степь. Долго мы тутъ оставались рѣдко. Погрѣемся минутъ десять—пятнадцать, потомъ опять возвращаемся къ нашимъ играмъ или отправляемся въ другое мѣсто. Около полудня или около часа, сильно проголодавшись, мы отправляемся домой и опять получаемъ по ломтю хлѣба, если таковой есть, натремъ его чеснокомъ или же возь-

мемъ по куску луку, и все это ѣдимъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Въ это время обыкновенно все спитъ, и распоряжается Ривка, которая, хотя и любитъ корчить строгую хозяйку, но съ ней все таки легче имѣть хлѣбное дѣло, чѣмъ съ Зисель, рѣдко отпускающей кусочекъ хлѣба безъ замѣчанія, особенно на мой счетъ. Поѣвши, мы опять затѣваемъ какую-нибудь игру или же просто усядемся и болтаемъ гдѣ-нибудь на землѣ въ углу, или же на печи. Если Янкеле не спитъ, онъ съ нами, и Малка держитъ его на рукахъ. Тащитъ его часто на рукахъ и крошечная Майка, которая его очень любитъ и, когда только расположена, прекрасно его забавляетъ, гораздо лучше, чѣмъ взрослые. Восхитительно было смотрѣть, какъ эта маленькая красотка-дѣвочка ласкала, цѣловала или заставляла хохотать малютку, сама при этомъ звонко заливаясь. Она отлично знала всѣ прибаутки и всѣ выраженія большихъ, знала, что когда ребенокъ былъ очень уже веселъ, много хохоталъ или вызывалъ общій восторгъ, надо было нѣсколько разъ сплюнуть, чтобы не сглазить. Когда ребенокъ подпрыгивалъ, она, какъ и взрослые, важно ему гововила: „Уже дожить бы прыгать на твоей свадьбѣ". Когда глазки его свѣтились радостью, она говорила: „Свѣтились бы уже твои глазки въ Торѣ" и т. д. Особенно было уморительно, когда она подбѣжитъ къ сильно плачущему ребенку и, лаская и цѣлуя, говоритъ ему нѣжно: „Мнѣ за твою дорогую головушку, за твой самый крошечный ноготь, сердце мое, корона моя. Оно голодно, оно промокло, оно озябло, горе моимъ годамъ".

Майка вообще говорила, какъ взрослый человѣкъ и представляла собою маленькую женщину. И всѣми ужимками и словечками. „Ой, черные годы мои, что онъ тамъ надѣлалъ", восклицаетъ она вдругъ, всплеснувъ ручонками. Ее поэтому и называли бабушкой-Шпринце. Она, дѣйствительно, носила также имя бабушки Зисель, всѣмъ извѣстной въ нашемъ городкѣ, какъ баба Шпринце (Майка имѣла два имени—Марьямъ-Шпринце), замѣчательной старушки, умершей на девяносто восьмомъ году. Ахъ эта бабушка Шпринце! Это былъ цѣлый эпосъ. Какихъ только разсказовъ она не знала о злодѣяхъ-казакахъ, злодѣяхъ-панахъ и

другихъ кровопійцахъ, купавшихся въ еврейской крови! Волосы дыбомъ становились отъ ея повѣствованій. И была она къ тому истая праведница и умерла праведницей, съ полнымъ сознаніемъ ухода „туда". Она въ точности знала, когда умретъ, велѣла себя умыть, одѣла хранившійся у нея уже лѣтъ тридцать „тахрихимъ" [1]), прочла сама vida [2]), благословила всѣхъ внуковъ—и умерла. И до послѣдняго вздоха она сохранила свою ясную милую улыбку, выражавшую вполнѣ ея ясную, чистую душу, которая вся была пропитана глубокой непоколебимой вѣрой въ свѣтлое будущее своего народа, муками и радостями котораго она только и жила. Она была вообще невысокаго роста, а старость превратила ее почти въ крошку. Но въ этомъ маленькомъ тѣльцѣ крылась мощная цѣльная душа, никогда не омрачавшаяся. „У насъ великій Богъ на небѣ". Въ этой великой вѣрѣ она черпала великія силы въ самыя тяжкія годины народныхъ бѣдствій, которыхъ она перенесла не мало. И на всякія проявленія отчаянія, она неизмѣнно отвѣчала со своей ясной улыбкой въ ясныхъ, свѣтлыхъ глазахъ: „Дитятко, у насъ великій Богъ на небѣ". И это твердое заявленіе успокаивало и просвѣтляло душу. Бабушка Шпринце была тогда обычнымъ типичнымъ явленіемъ. Теперь безвозвратно исчезли эти великія эпическія души, отъ одного прикосновенія съ которыми выростали новыя силы.

Продолжаю свой разсказъ.

Часа въ четыре, когда надвигаются уже сумерки, мы опять получали ломтикъ хлѣба, котораго съ большимъ трудомъ дожидались. Я не знаю ни одного момента, когда бы мы не были голодны, когда хлѣбъ, сѣрый, черствый хлѣбъ безъ всякихъ приправъ не рисовался моему воображенію, какъ нѣчто самое лучшее, самое лакомое. Въ домѣ постоянно водился бѣлый хлѣбъ и соленое, особенно кефали и какая-то „рыбица", но это все было для продажи и тщательно хранилось за стойкой. Когда мы туда входили, за нами слѣдили, какъ за опасными ворами или за кошками. И было основаніе. Врядъ ли кто изъ насъ устоялъ бы про-

[1]) Саванъ.

[2]) Исповѣдь.

тивъ искушенія щипнуть кусокъ бѣлаго хлѣба или стянуть нѣсколько твердыхъ вареныхъ бубликовъ со связки при увѣренности, что преступленіе будетъ скрыто. Страхъ быть захваченнымъ съ поличнымъ единственно удерживалъ насъ отъ этихъ опасныхъ искушеній. Вполнѣ безопасно на этомъ поприщѣ дѣйствовала одна Ривка, имѣя полную увѣренность, что ее никто подозрѣвать не станетъ и, кромѣ того, она имѣла постоянно на кого взвалить. Но объ этомъ потомъ. Зисель себѣ позволяла иногда излишество въ видѣ куска кефали, но дѣлала это всегда въ сторонкѣ, чтобы никто не видѣлъ. Только Беру открыто давали на завтракъ селедку. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда въ домѣ оказывались попорченныя, покрытыя ржавчиной селедки, мы всѣ получали на завтракъ одну. Хлѣбъ выдавали тоже очень скупо и разсчетливо, соображаясь всегда съ тѣмъ, чтобы его хватало до конца недѣли или хоть на возможно большее число дней. И все-таки рѣдко удавалось дотянуть до четверга. Ибо именно потому, что такъ дрожали надъ каждымъ кускомъ, на хлѣбъ набрасывались съ величайшею жадностью, и очень часто при первой предоставившейся возможности отрѣзывали и отламывали такіе куски, что Зисель пришла бы въ ужасъ, если бы это видѣла. И постоянно выходило, что неожиданно для нея хлѣбъ кончался на день или два раньше, чѣмъ она разсчитывала. Сидимъ мы, напр., въ подкатномъ сараѣ или же на сѣнникѣ. Вдругъ является Малка и, торжествуя, указываетъ на сильно вздутое мѣсто подъ юбкою. Это ей удалось стащить крупный ломоть хлѣба, который мы тутъ же по братски дѣлимъ Большею частью хлѣбъ кончался въ среду. Вдругъ Зисель, взглянувъ на полку за стойкой, воскликнетъ: „Громъ меня поразилъ! Всего еще два хлѣба, а сегодня только вторникъ. Ну, ну рты, чтобы не сглазить: цѣлый пудъ муки спекла. И куда это только влѣзаетъ? Кажется, я тоже человѣкъ. Поѣшь — ну и довольно. А это претъ и претъ въ себя безъ конца“. Послѣ этого печальнаго открытія, порціи поневолѣ значительно уменьшаются и выдача сопровождается разными злобными замѣчаніями. „Когда оно цѣлый день бьется головой объ стѣнку, то оно только и дѣлаетъ, что набиваетъ кишку“, или же:

„уже прибѣжало съ охоты. Давай кушать. А завтра что оно будетъ жрать? Имѣетъ оно, — чтобы Богъ не наказалъ меня за слова,—какую-то кишку безъ дна. Ко всѣмъ чернымъ годамъ". Говорилось всегда въ среднемъ родѣ, неопредѣленно: „оно". Относилось это „оно" будто ко всѣмъ, а подразумѣвали большею частью меня преимущественно. То, что скрывала форма выраженія, то ясно открывалъ тонъ, взглядъ. Я въ этомъ отношеніи былъ очень чувствителенъ и въ первое время бывало послѣ подобныхъ замѣчаній обливаю свой ломоть горькими слезами, а иногда совсѣмъ отказываюсь ѣсть. Это очень бѣсило Зисель, такъ какъ ей непріятно было, что я ее понималъ. „Смотри, какъ разнюнился", вспыхиваетъ она. „Мое горе къ его головѣ. Нельзя уже слова сказать. Все на свой счетъ принимаетъ. Только у меня и есть въ головѣ, что онъ. Мало, что скажешь. Болитъ сердце, такъ говоришь". У нея сердце несомнѣнно болѣло и несомнѣнно, что безъ меня она подобныя же, быть можетъ, замѣчанія дѣлала своимъ дѣтямъ, правда въ менѣе злобномъ и враждебномъ тонѣ. Все же таки, помимо ея ненависти ко мнѣ вообще, мое присутствіе, какъ посторонняго элемента, невольно направляло всю ея злобу на меня исключительно, и исчезновеніе или быстрое уменьшеніе хлѣба она приписывала исключительно одному мнѣ.

Позже, когда отношенія наши сдѣлались открыто враждебными, я уже сдѣлался менѣе чувствительнымъ въ данномъ отношеніи и мало обращалъ вниманія на всѣ эти выходки. Все же ко всему привыкнуть я не могъ, и бывали моменты, когда оскорбленія доводили меня до остервенѣнія. Какъ на зло, у меня тутъ отъ степного воздуха, вѣроятно, а быть можетъ отъ того, что до сыта никогда не давали наѣсться, развился почти волчій аппетитъ, и я съ утра до вечера бывалъ голоденъ, такъ что я дѣйствительно на всякую пищу набрасывался, какъ голодный звѣрь, и жадность, съ которою я ѣлъ, вызывала со стороны Зисель особенно сильную ненависть ко мнѣ. „Смотри на эту кабцанскую кишку,—бывало, говорила она въ подобныхъ случаяхъ, глядя на меня съ выраженіем величайшаго отвращенія и гадливости.—Какъ будто оно ни[illegible] не видѣло. Не бойся. Никто у тебя не выхватитъ".

Передъ вечеромъ, когда вторично выдавали ямщикамъ ячмень, я опять бѣгалъ въ амбаръ, затѣмъ въ конюшню, къ колодцу, все, какъ утромъ. Только въ сумерки это все принимало другую окраску, другой совершенно характеръ. Въ конюшнѣ, освѣщенной однимъ фонаремъ, все принимало таинственно фантастическую форму. И эти огромныя тѣни лошадей и двигавшихся среди нихъ ямщиковъ ложились на темныя земляныя стѣны и на унавоженный полъ какими-то причудливыми и страшными чудищами; и чѣмъ-то такимъ страннымъ, отдаленнымъ отдавалось это громкое жеваніе лошадей среди густого мрака, прорѣзаннаго слабыми свѣтлыми полосами. Особенной, невыразимой прелестью отличалась также вечерняя обстановка вокругъ колодца. Когда поили лошадей, большею частью бывало уже совершенно темно, такъ-что человѣкъ, водившій припряженную къ канату лошадь, совершенно исчезалъ въ густой темнотѣ, которая вдругъ прорѣзывалась звонкимъ крикомъ: „Гопъ", глухимъ эхомъ разносившимся по далекой степи.

А степь! Какъ обворожительно красива она въ это время! Какъ чудно краситъ ее этотъ густой черный покровъ, дѣлающій ее столь необъятной, столь жутко прекрасной и столь неодолимо къ себѣ манящей. И кажется, что подъ этимъ величаво - таинственнымъ покровомъ таится что-то безграничное, что подъ нимъ живетъ цѣлый великій міръ. И все надвигается и растетъ черная тьма, откуда-то приливающая черными волнами. Вотъ въ темномъ синемъ небѣ, такъ высоко-высоко растянувшемся своимъ глубокимъ сводомъ, засверкали и замигали нѣсколько маленькихъ звѣздочекъ, которыя въ началѣ такъ трудно отыскивать среди этого безконечнаго синяго пространства И все больше одушевляется и одухотворяется степь.

Вотъ ужъ лошади напоены и уведены обратно въ конюшню; утихли шумъ и говоръ вокругъ колодца. Замелькали огоньки во всѣхъ трехъ хаткахъ, и изъ низенькой землянки Артема вынырнула слабая свѣтлая полоска, врѣзавшись серебряной нитью въ горой стоящую тьму. Въ конюшнѣ слышенъ безпокойный топотъ. Ямщики еще возятся тамъ въ полумракѣ, подстилаютъ солому на полъ, накладываютъ сѣна въ ясли на ночь,

запираютъ тщательно заднія двери. Встревоженная собака, которая было уже дремала, зарывшись въ „переѣды“ [1]), подняла голову и оглядывается кругомъ сонными, полузакрытыми глазами. Наконецъ, все стихло, ямщики собираются на кухню „повечерять“, и потомъ залечь спять. Въ ожиданіи Сергѣя, который еще возится около лошадей, ругая ихъ и толкая съ особеннымъ остервенѣніемъ, Петро покуриваетъ свою трубочку, опершись объ стѣнку подъ фонаремъ. Вотъ и Сергѣй успокоился, вытеръ клочкомъ сѣна запачканныя руки и вытаскиваетъ изъ голенища трубочку, чтобы тоже закурить. Тихо стало и такъ хорошо, и какое-то спокойствіе разливается кругомъ. Даже на лицѣ всегда ворчливаго Петра играетъ добродушная улыбка. Наступившій покой и его умиротворяетъ, и онъ безмолвно покуриваетъ, не отвѣчая на какую-то сальность Сергѣя. Лошади особенно громко жуютъ; изъ чердака, гдѣ по перекладинамъ усѣлись куры на ночь, раздался глухой шумъ крыльевъ—и опять все тихо, тихо. Вдругъ въ чистомъ морозномъ воздухѣ послышался отдаленный гулъ и звонъ. Ямщики напряженно начинаютъ прислушиваться. Петро, медленно высовывая лѣвое ухо впередъ, направляется къ выходу. Вотъ уже ясно слышенъ звукъ телѣги, звонъ колокольчика и звонкій переливный свистъ ямщика. Сладкая мечта о покоѣ и снѣ сразу разрушена. Выраженіе спокойствія и блаженная улыбка сразу стаиваютъ съ лица Петра, и на немъ появляется выраженіе гнѣва и даже страданія.

— Несетъ же чортъ якусь-то собаку,—бодай бы онъ подохъ“— говоритъ онъ злобно и сердито, зачесавъ одной рукой голову и затылокъ. И плюнувъ остервенѣло, онъ направляется обратно въ конюшню.

— Что, парочка бѣжитъ?—спрашиваетъ Сергѣй, который вдругъ пробрался подъ животъ лошади и что-то тамъ сталъ возиться.

— Должно быть парочка,—отвѣчаетъ Петро, перебирая руками висящую на стѣнѣ упряжь.

— Опять, кажись, этотъ лохматый чортъ,—говоритъ Сергѣй,—

---

[1]) Негодный бурьянъ, остающійся въ ясляхъ отъ сѣна.

чтобъ онъ тебѣ подохъ. Ну да, онъ. Я въ прошлый разъ его изъ Кубея возилъ, значить теперь будетъ сумку въ Кубей возить. Ну, ужъ и шельма. И пьянъ! Такъ и лопочетъ языкомъ — самъ чортъ не разберетъ. А все кричитъ „пошелъ"! Не бось, это-то онъ знаетъ, собака. Такъ мнѣ и не спать значитъ.

— Пойду я повечеряю,—говоритъ Петро, все почесываясь, и быстро направляется на кухню, вытряхивая золу изъ трубочки къ себѣ на ладонь.—Ничего, подожде. Чортъ его не возьме,—прибавляетъ онъ съ злобной улыбкой.—А вотъ Елизаръ, шельма, будетъ съ жинкой всю ночь на печи спать.

Въ проѣзжающей, гдѣ всегда темно, появляется свѣтъ. Владиміръ выходитъ на крыльцо. Вотъ почтовая телѣга, запряженная парой хорошихъ гнѣдыхъ лошадей, залихватски подкатила къ станціи, такъ что земля кругомъ задрожала. Ямщикъ круто молодцевато останавливаетъ лошадей. „Проѣзжающій", въ огромной волчьей шубѣ съ поднятымъ вверхъ высокимъ воротникомъ, скрывающимъ шапку съ кокардой, кряхтя сходитъ съ телѣги и, съ трудомъ передвигая одеревенѣвшія отъ сидѣнія и отъ холода, быть можетъ, ноги, направляется въ комнату для проѣзжающихъ.

На порогѣ съ вѣжливымъ поклономъ встрѣчаетъ его писарь.

— Сейчасъ лошадей!—слѣдуетъ на этотъ поклонъ отвѣтъ хриплымъ басомъ.

Писарь подбѣгаетъ къ воротамъ станціоннаго двора.

— Гей, кто тамъ на первый? Петро кажется. Запрягай скорѣе!—кричитъ онъ.

— Вечерять пошелъ Петро. Сейчасъ будетъ запрягать,—отвѣчаетъ Сергѣй.

Пріѣзжій ямщикъ, отпустивъ проѣзжающаго, проводитъ медленно разгоряченныхъ лошадей, и среди тьмы раздается рѣдкій звонъ почтоваго колокольчика.

— Даже вечерять не далъ, собака,—ворчитъ появившійся Петро, вытирая рукавомъ кожуха губы. Онъ принимается выкатывать телѣгу.

Между тѣмъ во дворъ заѣзжаетъ А-скій ямщикъ, толстый низенькій старикъ съ большой бѣлой бородой, тоже называющійся Петромъ.

— Кого привезъ?—спрашиваетъ Петро, нагнувшись надъ осью, которую подмазываетъ.

— Да кого! да вотъ эту стерву засѣдателя... (слѣдуетъ обычное трехъ-этажное прибавленіе).

— Засѣдателя Ушакова,—хихикаетъ Сергѣй.—Вотъ уже песъ. На водку никогда не даетъ, собака, а гонитъ. Ты его, говоритъ, въ полтора часа довези, су-на сына эдакого. А знаешь? Его, давеча, Алексѣй изъ Кололей въ канаву свалилъ, право слово свалилъ. Какъ сталъ его подзатыльниками гнать: пошелъ да пошелъ,—тотъ разогналъ лошадей и пустилъ во всю. Онѣ какъ понесли, да прямо въ канаву и угодили.—И Сергѣй громко и смачно расхохотался, испытывая, очевидно, невыразимое наслажденіе при мысли о томъ, что засѣдатель Ушаковъ барахтался въ канавѣ. Пріѣзжій Петро тоже раздѣляетъ наслажденіе Сергѣя и вторитъ ему тихимъ, какъ бы внутреннимъ смѣхомъ.

— А ты его тамъ около Монашей въ ставъ угоди, коли не замерзъ. Пущай тамъ рыбы половитъ, право слово,—обращается онъ къ хатскому Петру.—Ну и душегубъ. Прошлымъ лѣтомъ мужика, говорятъ, наповалъ убилъ.

Это была не сказка. Всѣ по крайней мѣрѣ разсказывали объ этомъ. Дѣло было будто такъ. Заѣхалъ Ушаковъ ночевать въ какую-то „экономію" [1]). Вотъ управляющій сталъ жаловаться ему, что одинъ мужикъ имѣлъ дерзость захватить помѣщичью лошадь, забредшую въ его жито. Подпившій Ушаковъ велѣлъ сейчасъ же вести себя къ мужику, который оказался хилымъ и болѣзненнымъ. Не вступая ни въ какія объясненія, онъ, какъ только мужичокъ предсталъ передъ нимъ, изо всѣхъ своихъ бычачьихъ силъ (Ушаковъ былъ гигантскаго роста и обладалъ необычайной силой) ударилъ его по головѣ,—и тотъ упалъ замертво. Дѣло, конечно, замяли, и Ушаковъ продолжалъ свою высоко полезную государственную дѣятельность.

Пока ямщики между собой калякаютъ, Петро медленно запрягаетъ, не вставляя ни одного слова, мрачный, взбѣшенный. Вотъ

---

[1]) Помѣщичій дворъ.

онъ уже наконецъ сдѣлалъ „переплетъ“ [1]), умостилъ изъ „переѣдовъ“ сидѣніе для себя впереди, привязалъ къ дышлу напильникъ и колокольчикъ и пошелъ, наконецъ въ конюшню, за лошадьми. Отвязавъ изъ своей четверки пару, саврасаго и вороного, который слегка прихрамываетъ, онъ принимается съ тою же злобой одѣвать на нихъ хомуты, все время безпрерывно ворча: „ну ужъ и жидивска справа, бодай бы вины тоби показілись“.—Хотя никто, конечно, не могъ бы сказать, при чемъ тутъ „жидивска справа“. При этомъ онъ каждый разъ ударяетъ локтемъ въ бокъ несчастнаго вороного, носящаго также имя Алтера, потому что былъ купленъ у еврея, носившаго это почтенное имя. И это еврейское имя и еврейское, такъ сказать, происхожденіе бѣдной лошади было совершенно достаточно, чтобы сдѣлать ее истинной мученицей. Каждый проходившій мимо нея ямщикъ толкалъ ее, билъ и въ дурномъ настроеніи или пьяномъ видѣ вымещалъ на ней всю злобу, восклицая: „Эхъ ты жидовская морда“. Это была словомъ истый soufre douleur конюшни. Но лошадь, хотя и долго пребывала у евреевъ, однако еврейскаго всепрощенія рабскаго и смиренія тамъ не усвоила. Выведенная изъ терпѣнія всякими муками, которыя ей причиняли, она стала пускать въ ходъ такіе мощные удары копыта, что всѣ невольно прониклись страхомъ и уваженіемъ къ ней. Первый ударъ, отъ котораго кругомъ искры засверкали, получилъ Сергѣй, первый мучитель и злодѣй вообще для лошадей. Но все это случилось позже. Пока же бѣдный Алтеръ съ истинно еврейскимъ терпѣніемъ выносилъ всѣ пинки и обиды пьяныхъ и трезвыхъ ямщиковъ.

— Отчего ты лошадей не подаешь?—кричитъ прибѣжавшій запыхавшись Владиміръ.—Онъ тамъ уже быкомъ реветъ, а ты тутъ забавляешься, что ли. Сію секунду подай.

— Швыдче, швыдче,—понукаетъ насмѣшливо Петра Сергѣй.—Небось, сейчасъ сюда прибѣжитъ, такъ и станешь зубы подбирать.

Петро, по природѣ большой трусъ, начинаетъ что называется

---

[1]) Веревочное сидѣніе.

куражиться; однако, быстро дрожащими руками запрягаетъ и путаетъ все возжи, очевидно дѣйствительно опасаясь появленія засѣдателя. Сергѣй ему помогаетъ.

Наконецъ лошади уже запряжены, Петро усаживается поудобнѣе; жена ему выноситъ половину ржаного хлѣба, которую онъ засовываетъ въ сѣно подъ свое сидѣніе и, перекрестившись, подъѣзжаетъ къ станціи.

Вотъ вышелъ засѣдатель—на видъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати восьми, высокій, плечистый, съ длинными волосами, съ узкой, длинной, русой бородой, съ большими сѣрыми навыкатѣ глазами. Онъ остановился на крыльцѣ, пока привезшій его ямщикъ перекладывалъ вещи.

— Пять мѣстовъ,—докладываетъ тотъ, глядя подобострастно въ надеждѣ получить все-таки на водку. Владиміръ стоитъ на порогѣ. Позади его стоитъ Наташа.

Приказавъ грозно нѣсколько иначе уложить вещи, засѣдатель съ трудомъ влѣзаетъ на телѣгу, и, грузно усѣвшись, тщательно укутывается въ шубу и закладываетъ руки глубоко въ рукава.

— Ну, теперь пошелъ,—говоритъ онъ ямщику.

Петро опять наскоро крестится и, пустивъ возжи, обращается какъ-то мягко къ лошадямъ! „Ну съ Богомъ, дѣтки“.

Лошади рванули и понесли, что есть мочи, какъ установлено ямщицкимъ обычаемъ, знакомымъ уже всѣмъ почтовымъ лошадямъ: со станціи надо понести „во весь опоръ“. А тамъ ужъ какъ Богъ дастъ. Минуты черезъ двѣ телѣга окончательно нырнула въ черную тьму—и исчезла. Только слышенъ глухой стукъ и гулъ и звонъ колокольчика, которые постепенно замираютъ вдали.

— Хоть бы себѣ шею сломалъ, бестія, — сердито сплюнувъ, посылаетъ свое благословеніе уѣхавшему засѣдателю пріѣзжій Петро. Постоявъ немного, онъ подходитъ къ полосатому столбу и принимается крѣпко чесать о него спину. Потомъ, еще разъ крѣпко, по-русски выругавшись, онъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ отправляется въ шинокъ выпить „на свои“.

Я тоже отправляюсь наконецъ домой. Но иногда предварительно между станціей и домомъ дѣлаю еще маленькое отступле-

ніе въ степь, по направленію къ гарману Артема. Черными буграми очерчиваются вдали скирды, которыя теперь выросли въ нѣчто огромное, страшное. Нѣсколько минутъ я стою неподвижно, и кажется мнѣ, что все медленно ползетъ и двигается кругомъ. И хорошо, и жутко среди этой необъятой тьмы, прорѣзанной высоко сверху множествомъ ласково и мягко мигающихъ огоньковъ, повисшихъ въ темной выси...

Таковъ въ общихъ чертахъ день въ Хаткѣ.

Братъ пріѣхалъ не на субботу, какъ ждали, а дня на два или три позже, т. е. дней пять, шесть послѣ моего пріѣзда. Прибылъ онъ поздно вечеромъ, когда мы уже спали, но еще не на своихъ мѣстахъ. Обычно никто не засыпалъ въ своей постели, а гдѣ попало, гдѣ кто сидѣлъ, на лежанкѣ, на печи, на землѣ. Происходило это отъ того, что по вечерамъ очень часто набивались въ нашей квартирѣ проѣзжіе евреи, а иногда и не евреи изъ болѣе приличныхъ, которые не соглашались сидѣть въ шинкѣ вмѣстѣ со всѣми мужиками. Постели всѣхъ находились въ одной общей кровати, которой не могли разбирать, пока всѣ не разъѣзжались. Когда меня разбудили идти спать, я сквозь сонъ увидѣлъ брата, сидѣвшаго у края стола и что-то ѣвшаго. Онъ меня позвалъ, но я, очевидно, ничего не понялъ и стоялъ съ полузакрытыми глазами, которые безсмысленно протиралъ, пробираясь на печь, гдѣ я спалъ вмѣстѣ съ остальными дѣтьми. Однако, когда я уже улегся, что-то такое хорошее разлилось по душѣ. Я началъ сознавать, въ чемъ дѣло. Я тихо поднялъ голову, чтобы взглянуть на брата. Онъ продолжалъ ѣсть, тихо бесѣдуя съ женою. Какое у него чудное дорогое лицо! Я сразу перенесся въ совсѣмъ другую атмосферу...

Когда я на другой день утромъ проснулся, то я съ печи черезъ широкую щель между стѣнкой и трубой увидѣлъ, какъ братъ перенесъ помойную лохань въ сѣни и, закрывши дверь, принялся читать громко молитвы со столь знакомымъ и столь мнѣ дорогимъ напѣвомъ. Мнѣ стало такъ хорошо на душѣ. Отъ одного вида брата на меня повѣяло чѣмъ-то такимъ роднымъ, и я почувствовалъ себя болѣе увѣреннымъ и менѣе одинокимъ и чужимъ. Я

быстро набросилъ свою несложную одежду и сошелъ. Когда я умылся, братъ подошелъ ко мнѣ, погладилъ меня по головѣ, по щекамъ, глядя на меня очень взволнованно, какъ бы удерживая слезы.

— Ну, что ты подѣлываешь, Лебеле?—спросилъ онъ нѣжно и очень тихо, все больше волнуясь.

Я смущенно молчалъ. Мнѣ такъ сладостно стало отъ его ласкъ и его словъ.

— Ну, а нравится тебѣ тутъ?—спросилъ онъ опять.

— Вотъ я уже разскажу тебѣ, какъ ему нравится тутъ,—вмѣшалась сидѣвшвя еще въ постели съ сосавшимъ ребенкомъ на рукахъ Зисель.—Нравится ли ему? Отчего ему не понравится. Цѣлый день бѣгаетъ, какъ суъмасшедшій и бьется головой объ стѣнку. Уже былъ, гдѣ есть только дыра. Я уже тебѣ представлю цѣлый списокъ. Увидишь, что это за товаръ.

Я почувствовалъ то же, что долженъ почувствовать человѣкъ, котораго въ счастливый моментъ свиданія стали бы вдругъ чернить и поносить на глазахъ возлюбленной.

Въ словахъ Зисель не столько звучала собственная ненависть ко мнѣ, сколько желаніе вселить брату ненависть ко мнѣ. И я это превосходно чувствовалъ. Меня охватили сразу и злость, и жгучая боль за то, что у меня хотятъ вырвать какъ будто послѣднюю радость, лишить послѣдней опоры. За что! что я такое сдѣлалъ этой мерзкой женщинѣ! За что она меня такъ преслѣдуетъ!

Пристыженный, уничтоженный, я опустилъ голову и, медленно отступая къ дверямъ, вышелъ. Удержанныя слезы брызнули жгучимъ потокомъ. Беръ вышелъ за мною и, взявъ ласково за руку, привелъ обратно въ комнату. Зисель сдѣлала какое-то злобное замѣчаніе, увидавъ меня плачущимъ. Беръ сердито заставилъ ее молчать и въ большомъ волненіи зашагалъ по комнатѣ, прекративъ чтеніе молитвы.

Сердитый окликъ брата, къ которому она вовсе не привыкла, вывелъ совсѣмъ Зисель изъ себя. Какъ! въ моемъ присутствіи на

нее еще кричать. Она будетъ терпѣть изъ-за такого „шнека“ [1]), изъ-за такого „гнилого мальчишки“, „который не стоитъ того, что земля его носитъ“. Только и знается, что съ ямщиками, и даже научился ихъ хорошимъ словечкамъ. И пошла, и пошла. Она мученица, не пьетъ, не ѣстъ, не спитъ. Достаточно у нея мукъ съ собственными дѣтьми; достаточно сушитъ она себѣ мозги, чтобы ихъ накормить. А тутъ еще я явился, чтобы съѣсть ее совсѣмъ съ костьми. Она не можетъ этого выдержать. Она уже вся состарилась, представляетъ собою одну кожу да кости и еле плететъ ноги. Будь я порядочное дитя, она развѣ имѣла бы что-нибудь противъ меня. Что, у нея сердца нѣтъ? Она не еврейская дочь, не знаетъ что такое сирота, да хранитъ Богъ всѣхъ отъ подобнаго несчастія? Напротивъ того, она была бы счастлива, была бы мнѣ матерью. Но въ томъ-то несчастье, что это не мальчикъ, а проклятіе. Онъ вѣдь не заслуживаетъ, чтобы его пустили на порогъ еврейскаго дома. Развѣ можно передавать все, что я дѣлаю, на что я способенъ. Вотъ братъ самъ увидитъ.

Весь этотъ монологъ, очень длинный, она произнесла, громко плача, какъ человѣкъ, у котораго уже давно накипѣло, и вотъ теперь ей наконецъ представился случай вылить все накипѣвшее горе.

Поразительно! Именно то, что все это сопровождалось плачемъ и слезами, оно мнѣ внушило какую-то яростную ненависть къ ней. Все это мнѣ казалось наглою ложью и подлой разсчитанной комедіей, которыя съ ранняго дѣтства мнѣ внушали неодолимое отвращеніе. Столько лицемѣрія, столько безстыдной лжи. Я за собой не чувствовалъ рѣшительно никакой вины, и вдругъ я оказываюсь какимъ-то злодѣемъ и извергомъ. Самое невинное движеніе, слово были истолкованы самымъ коварнымъ образомъ. О, какъ кипѣли, какъ клокотали во мнѣ злоба и ненависть! И въ то время, какъ во мнѣ все пѣнилось отъ негодованія въ полной непоколебимой увѣренности, что то же испытываютъ всѣ другіе,—и какъ это могло быть иначе,—братъ взглянулъ на меня съ

[1]) Пресмыкающагося.

глубокой укоризной, сказавъ тихо: „Такъ ты успѣлъ за такое короткое время! Очень хорошо".

Это меня доканало. Я мгновенно пересталъ плакать, швырнулъ дверь изо всѣхъ силъ—и выбѣжалъ вонъ. Я добѣжалъ до „гармана" и усѣлся тамъ подъ скирдой соломы. Но я сидѣть не могъ. Меня всего поднимало. Какъ хотѣлъ бы я убѣжать далеко, далеко, исчезнуть гдѣ-нибудь, чтобы они тутъ никто не зналъ, куда я дѣлся, и хоть этимъ отомстить имъ за всю несправедливость. Я строю всякіе планы бѣгства одинъ нелѣпѣе, безумнѣе другого; представляю себѣ, какъ бѣгутъ меня искать и кричатъ: „Лебъ, Лебеле, Лебъ, Лебеле". Но никто не отзывается. Всѣ въ отчаяніи. Зисель больше всѣхъ мучится, ибо вѣдь она знаетъ, что все это изъ-за нея. И вдругъ у дверей останавливается ямщикъ. Всѣ выбѣгаютъ, а я лежу въ телѣгѣ окоченѣвшій, безъ признаковъ жизни. Это ямщикъ подобралъ меня на дорогѣ. Какой ужасъ охватываетъ всѣхъ. Начинается плачъ, рыданіе. И при мысли объ этомъ ужасѣ меня перваго начинаютъ душить слезы... Настойчивѣе всего меня осаждаетъ планъ уйти по дорогѣ въ А., подождать, пока пойдетъ обратная, и уѣхать къ Сурѣ-Хаѣ или къ Ноаху, разсказать имъ обо всемъ и остаться у нихъ. Они навѣрное примутъ меня сердечно и ласково. Останавливало меня не то, что подобной обратной иногда приходится ждать сутки, а то, что я еще не совершилъ молитвы. Но это былъ все-таки, такъ сказать, внутренній предлогъ для самого себя. Безконечно длинная дорога по безбрежной степи меня достаточно отпугивала и безъ того отъ подобнаго предпріятія.

Небо какое-то мутное и весь воздухъ какой-то мутный. Дуетъ сырой холодный вѣтеръ. Собирается не то снѣгъ, не то дождь. Въ воздухѣ носится много каркающихъ вороновъ, которые опускаются то на скирды, то на землю недалеко отъ меня. Мнѣ ужасно холодно. Я влѣзаю въ глубину скирды, и все жду, не идетъ ли кто меня отыскивать, не зовутъ ли меня. Но слышно одно печальное, унылое завываніе вѣтра, который совсѣмъ разгулялся. Невыносимо жутко и страшно. Вотъ по полю носится что-то съ невѣроятной быстротой. То вѣтеръ гонитъ передъ со-

бою шарообразный кустъ бурьяна или ковыля. И опять, это зловѣщее крррa-крррa-крррa... Боже! какъ жутко. И ни души!

Я вылѣзаю изъ своей норы и направляюсь обратно домой. Я только покажусь, а лишь меня увидятъ, я пущусь въ степь... Такъ я убѣждаю себя.

Я благополучно добрался до сѣней, и никто меня не увидѣлъ. Быстро, какъ кошка, я взбираюсь по стоящей тутъ лѣстницѣ на чердакъ, зарываюсь въ солому и опять жду. Пока по инерціи-ли, или же отъ нечего дѣлать, я обыскиваю всѣ углы и найдненыя тамъ яйца складываю въ одну кучу.

Прошло опять, какъ мнѣ казалось, добрыхъ полчаса, а отыскивать и звать меня никто не думалъ. Между тѣмъ, я страшно окоченѣлъ и проголодался.

Я слышу изъ комнаты какой-то смѣшанный громкій говоръ. Вотъ отворилась комнатная дверь, скрипнула дверь шинка; я слышу голоса брата, Зисель, Ривки; всѣ оживленно говорятъ о чемъ хотите, но не обо мнѣ, словно я не существовалъ бы. Отворилась дверь сѣней, вошли Малка и Майка и что-то говорятъ. Наконецъ я слышу голосъ Зисель, которая съ злорадствомъ говоритъ: „А что я тебѣ сказала. Конечно убѣжалъ къ ямщикамъ. Развѣ онъ одну минуту можетъ жить безъ нихъ. Вотъ день и ночь—все съ ямщиками“.

— Ложь, я здѣсь! —крикнулъ я изо всѣхъ силъ, чувствуя неодолимую радость, что могу ее такъ явно изобличить. И я быстро добѣжалъ до лѣстницы и сталъ спускаться. Находившіяся на чердакѣ курицы, увидя меня бѣгущимъ, съ громкимъ кудахтаньемъ кинулись во всѣ стороны.

— Видишь гдѣ онъ, твой цадикъ,—нашлась Зисель.—Или ямщики или чердакъ. И что онъ тамъ нашелъ, спроси его. Вотъ такъ онъ мнѣ разогналъ всѣхъ куръ. Всѣ стали носиться у Варьки или въ конюшнѣ, а у меня даже нечѣмъ будетъ лапшу на субботу сдѣлать,—злобно стала кричать Зисель, увидѣвъ меня спускающимся.

— Ой какая это ложь!—восклицаю я съ еще большимъ негодованіемъ, взбираюсь немедленно обратно на чердакъ и минуты

черезъ двѣ возвращаюсь весь ликуя, держа высоко полу своего кафтанчика.

— Вотъ и куръ разогналъ,—подхожу я торжественно къ столу, около котораго братъ и Зисель усѣлись пить чай. И говоря это, начинаю вытаскивать изъ полы одно за другимъ штукъ пятнадцать яицъ.

— Ну, хватитъ на лапшу?—спрашиваю я, лукаво и злобно глядя на Зисель.—Такая же правда все, что ты говоришь. Лгунья ты, вотъ что!

— Беръ, я тебѣ говорю, что этотъ мальчикъ сдѣлаетъ конецъ моимъ годамъ,—говоритъ она быстро вставши и сердито отставляя свой стаканъ, который она только что взяла въ руки.—Въ кости онъ мнѣ въѣдается. Я этого не вынесу. И горько расплакавшись, она ушла отъ стола и стала около печки, продолжая всхлипывать и вытирая лившіяся слезы краемъ юбки.

— Ты въ самомъ дѣлѣ не знаешь, что значитъ старшій, нахалъ ты такой,—крикнулъ на меня братъ и отпустилъ мнѣ звонкую пощечину; это была первая, самая обидная, самая несправедливая пощечина, которую я получилъ въ жизни отъ него. У меня была полная увѣренность, что я былъ принесенъ искупительной жертвой гнѣву и ненависти обличенной Зисель, которую именно это изобличеніе привело въ крайнюю ярость... И отъ того-то я такъ горько и отчаянно рыдалъ. рыдалъ именно надъ попранной справедливостью. Какъ! Она такъ безстыдно лгала и клеветала на меня. Я такъ явно опровергъ эту ложь и клевету, и меня же побили! И кто?—Беръ, святой, чистый Беръ, единственная моя опора! И чѣмъ больше я углублялся въ чудовищность этой несправедливости, тѣмъ горьше и безутѣшнѣе я плакалъ. Отъ физической боли я никогда не плакалъ, какъ бы мучительна она ни была. Тутъ у меня всегда хватало мужества не обнаруживать передъ врагомъ своихъ мукъ. Это былъ первый урокъ, полученный въ той страшной школѣ обидъ и вопіющей несправедливости, которую мнѣ предстояло проходить въ теченіе пяти—шести лѣтъ. Эта школа, преисполненная неимовѣрныхъ страданій и мукъ, преимущественно моральныхъ, могла бы изъ меня сдѣлать нрав-

ственнаго урода. Но, къ счастью, вполнѣ достаточно было заложено крѣпкихъ элементовъ. И я вышелъ изъ нея съ непримиримою ненавистью ко всякому насилію, ко всякому гнету и вообще ко всякому властвованію однихъ надъ другими во всѣхъ формахъ и видахъ, а также съ горячею безпредѣльной любовью ко всѣмъ попираемымъ и обиженнымъ. Кто такъ зналъ душу униженнаго и попраннаго! Кто лучше меня могъ знать, что всякая власть, всякая сила создаютъ одно только горе и зло, какъ я, испытавшій на себѣ всѣ ея проявленія. И какая иронія судьбы! Этотъ первый и самый жестокій урокъ я получилъ отъ моего благороднаго брата, который самъ такъ глубоко ненавидѣлъ всякую неправду, всякое насиліе и всякую власть, какъ ихъ ненавидѣлъ покойный отецъ, какъ ихъ ненавидѣлъ весь нашъ родъ, какъ ихъ ненавидитъ въ сущности всякій еврей, какого бы приверженца „существующаго порядка" онъ изъ себя ни корчилъ.

Бѣдный Беръ! Онъ меньше всего желалъ причинять мнѣ какое-либо горе или страданіе. Меньше еще всего онъ сознавалъ, что онъ поступаетъ несправедливо по отношенію ко мнѣ. Онъ дѣйствовалъ такъ, считая гибельнымъ подорвать авторитетъ и власть Зисель. Что-то будетъ, если всякій тамъ „шмаркачъ" будетъ изобличать во лжи одного изъ главъ дома. Кромѣ того, больше всего на свѣтѣ ненавидя дрязги и ссоры, онъ такимъ образомъ, вѣроятно, думалъ умиротворить и успокоить Зисель, которую онъ безумно любилъ, хотя отлично видѣлъ и ея недостатки, ея ограниченность, и временами, во время сильныхъ вспышекъ гнѣва, высказывалъ ей это. Въ одномъ только онъ былъ очень слѣпъ и близорукъ: онъ не видѣлъ той органической ненависти, которую Зисель питала ко мнѣ и ко всѣмъ нашимъ. Онъ самъ этой ненависти не зналъ и къ ея роднѣ относился съ большою любовью. Еврейская поговорка говоритъ: „когда любишь жену, любишь ея родню". Въ данномъ случаѣ поговорка вполнѣ оправдывалась, какъ она вообще оправдывается въ жизни. Поговорка не дѣлаетъ однако такого-же вывода изъ любви жены къ мужу. Народная мудрость прекрасно знаетъ, что для женщины это не обязательно, что любя мужа очень сильно, она въ то-же время можетъ сильно

ненавидѣть его родню. Наши же взаимныя отношенія, т. е. наши отношенія къ Зисель и обратно, какъ я, впрочемъ, уже разъ упомянулъ, имѣли глубокія внутреннія причины. Вся родня Зисель относилась къ Беру, какъ къ высшему существу изъ высшаго рода, съ истиннымъ благоговѣніемъ и безграничною любовью, которую онъ вполнѣ заслужилъ; мы же относились къ Зисель, къ человѣку низшаго рода, съ нѣкоторою аристократическою надменностью и непріязнью, которую она по своему характеру вполнѣ заслужила. Для нихъ же союзъ съ братомъ и нашимъ родомъ былъ высшимъ счастьемъ и составлялъ предметъ величайшей гордости. Для насъ союзъ съ родомъ Зисель былъ mésalliance, и мы сильно его стыдились. И она это отлично знала. Сама же Зисель своимъ характеромъ не могла заставить насъ это забыть.

Какъ бы тамъ ни было, день пріѣзда брата, который долженъ былъ быть для меня самымъ свѣтлымъ и радостнымъ, превратился для меня въ день величайшаго горя и униженія. Начало было скверное и ничего хорошаго въ будущемъ не предвѣщало. Но человѣкъ—и ребенокъ больше всего—свыкается со всякимъ положеніемъ. Я съ этимъ положеніемъ, правда, не примирился,—на это я оказался неспособенъ, но все-таки уже не принималъ такъ близко къ сердцу всякія подобныя вышеописаннымъ проявленія, которыя сдѣлались почти обычными.

Съ возвращеніемъ брата моя свобода вообще и моя свобода бѣгать повсюду, въ особенности, была значительно ограничена. Контроль за мною былъ установленъ болѣе строгій. Зисель вообще была рада не имѣть меня на глазахъ, и потому я при ней могъ свободно уходить, куда только мнѣ угодно было. За то сама жизнь сдѣлалась менѣе однообразной и безцвѣтной. Братъ все какъ-то согрѣвалъ своимъ присутствіемъ, вносилъ во все душу живую, все одухотворялъ, ко всему примѣшивая такъ много духовнаго и душевнаго элемента. Кромѣ того, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ жизнь сдѣлалась лучше и пріятнѣе. Не такъ проявлялась уже та мелкая, жалкая разсчетливость и скаредность, которыя, ничего не сберегая, только въ конецъ отравляютъ

ту каплю удовольствія, которое можетъ имѣть и бѣдность, и которая, постоянно будто заботясь о будущемъ, разрушаетъ только настоящее. Братъ не выносилъ всей этой мелочности, и при немъ Зисель ломти отпускала безъ особыхъ поученій. Чаще всего дѣти обращались къ нему. Изъ его рукъ было такъ сладко получать.—Онъ все давалъ съ милой, ласковой улыбкой. Онъ весь по своему характеру и по своимъ привычкамъ составлялъ почти копію съ отца. Щадя Зисель и другихъ, онъ обычно вставалъ раньше всѣхъ и отправлялся на станцію выдавать ямщикамъ ячмень. По возвращеніи оттуда, онъ отворялъ ставни и принимался за чтеніе тѣхъ предварительныхъ молитвъ, которыя произносятся до одѣванія талеса и тефилимъ. А этихъ молитвъ у него было достаточное количество. Если же за это время случался кто-нибудь, который требовалъ водки, пріѣзжій или же свой, онъ отправлялся въ шинокъ и отпускалъ, хотя это было ему очень непріятно. Но еще непріятнѣе было бы ему кого-нибудь будить для этого. Въ этомъ отношеніи его деликатность не знала границъ. Кромѣ этихъ предварительныхъ молитвъ, у него была еще масса разныхъ отрывковъ изъ Зогара и какого-то Ялкута, которые онъ обыкновенно читалъ за чаемъ. Чай онъ особенно любилъ и любилъ его пить при совершенно спокойной обстановкѣ и непремѣнно съ книгою въ рукахъ. Не вынося безпорядка и нечистоты, онъ часто самъ убиралъ комнату передъ чаемъ, если другіе не успѣвали это сдѣлать до этого времени. Онъ также часто очень лазилъ на чердакъ по утрамъ, чтобы доставать оттуда топливо. Будучи человѣкомъ преимущественно книги и живя всѣмъ существомъ въ мірѣ духовныхъ идеаловъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ сильнымъ эстетическимъ чувствомъ, которое не позволяло ему мириться съ внѣшней безпорядочностью и грязью. Какъ и отецъ, онъ очень любилъ украшать домъ, чѣмъ только могъ, и любилъ вообще все красивое въ той области красоты, которая была ему доступна. Самъ онъ всегда былъ одѣтъ въ высшей степени опрятно, и все на немъ было всегда, какъ съ иголочки.

Послѣ чаю, за которымъ онъ проводилъ съ часъ, братъ обычно принимался за молитву, которая у него продолжалась

очень долго, не менѣе полутора часа. Такъ что онъ обыкновенно кончалъ только къ одиннадцати—двѣнадцати часамъ, хотя вставалъ рано—въ семь часовъ, а лѣтомъ до зари. Съ молитвой онъ вообще не любилъ торопиться, а готовился къ ней съ особенной торжественностью. Иногда Зисель начнетъ ему дѣлать укоры за эти безконечныя приготовленія. Какъ же можно такъ долго собираться и оставаться съ пустымъ желудкомъ до полудня. „Вѣдь у тебя же навѣрное сердце выпадетъ". На это онъ ей однажды отвѣтилъ слѣдующее: „Иду я, напримѣръ, къ исправнику, или въ А. къ полиціймейстеру, да будетъ онъ тысячу разъ капурой [1]) за малѣйшій еврейскій ноготь, или тамъ къ какой нибудь другой свиньѣ. Ну что такое исправникъ, полиціймейстеръ, градоначальникъ и всякое вообще начальство?.. Одна нечисть, паскудство. И вотъ для нихъ я долженъ готовиться, одѣвать субботнюю капоту [2]), субботнюю шапку. И ты сама еще будешь мнѣ помогать. А когда я долженъ, сто тысячъ разъ легавделъ, предстать передъ Тѣмъ, передъ Которымъ всѣ цари міра—ничтожество, то же что вшиное яйцо,—ты мнѣ говоришь о долгихъ приготовленіяхъ!.."

Во время его молитвы всѣ дѣти обыкновенно забирались въ одинъ уголъ, тихо между собою разговаривая. Не только шумѣть, но и громкое слово сказать они не осмѣливались. И не то, что они боялись или получили строгій приказъ на этотъ счетъ. „Тате молится", сообщали другъ другу тихо, и этого было достаточно. Они знали, что отецъ во время молитвы не любитъ никакого шума, никакихъ разговоровъ. Даже Зисель не смѣла тогда съ нимъ заговаривать или съ кѣмъ нибудь громко говорить. Чтобы ни случилось, кто бы ни пріѣзжалъ, Беръ своей молитвы не прерывалъ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Объ этомъ знали не одни домашніе только, но даже ямщики и проѣзжіе люди, даже начальство, какъ, почтовое такъ и акцизное или административное, которое его тогда не тревожило, что можетъ ка-

---

[1]) Искупленіемъ.

[2]) Сюртукъ.

заться совершенно невѣроятнымъ. Между тѣмъ оно было такъ. Раздается звонъ колокольчика. Почтовая телѣга съ шумомъ подъѣзжаетъ къ самому шинку. Зисель бросается въ испугѣ къ окну. „Акцизный ревизоръ!“ восклицаетъ она съ большою тревогою. Беръ стоитъ лицомъ къ востоку, весь окутанный съ головой въ свой чистый бѣлый талесъ, и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Ревизоръ открываетъ дверь, смотритъ и, увидѣвъ молящагося, или тихо сядетъ у печки, или же, позвавъ Зисель, отправляется въ шинокъ дѣлать провѣрку. Подобное же отношеніе проявлялъ и исправникъ, и другія, болѣе или менѣе уже знавшія Бера начальныя лица. А знали его многія изъ нихъ, такъ какъ большинству приходилось проѣзжать черезъ Хатки и имѣть съ нимъ столкновенія по станціоннымъ и другимъ дѣламъ. И вообще отношенія всего этого начальства къ Беру представляютъ собою нѣчто истинно замѣчательное и даже феноменальное. Они доказываютъ, что противъ извѣстной внутренней силы и крѣпкаго внутренняго сознанія своего достоинства не можетъ устоять никакая внѣшняя грубая сила, какъ бы она ни была могущественна и произвольна, что въ цѣльной, непоколебимой натурѣ есть нѣчто такое, что импонируетъ даже становому приставу и капитанъ-исправнику, какъ бы они помѣшаны ни были на своей отъ Бога предоставленной власти. Явившись сюда чуть ли не прямо изъ бесъ-гамедриша, не зная никакой политики и криводушія, Беръ наивно думалъ, что начальство, съ которымъ ему теперь впервые, но весьма часто приходилось тутъ сталкиваться, такіе же обычные смертные, какъ и всѣ. И сообразно съ этимъ онъ обращался и говорилъ съ начальными особами просто, безъ всякой тѣни заискиванія, безъ малѣйшей тѣни униженія, на которыя его натура была совершенно неспособна. Такой роскоши не только тогда, но и теперь не могъ бы себѣ позволить ни одинъ еврейскій магнатъ даже; гдѣ въ самомъ дѣлѣ нашелся бы тогда тотъ еврей, котораго не обуялъ невольный трепетъ при появленіи кокарды или „краснаго воротника“. И какъ это могло быть иначе, когда кокарда и красный воротникъ собственно для того и созданы, чтобы наводить

страхъ и трепетъ. И вотъ этотъ-то внутренній, невольный трепетъ передъ начальствомъ, столь общій всѣмъ, какъ нѣчто органическое, былъ почти совершенно чуждъ Беру. „Что мнѣ сдѣлаетъ твой становой? Чего мнѣ его бояться? Бога у насъ нѣтъ, что ли?“ спокойно отвѣчаетъ онъ встревоженной Зисель. И именно эта могучая вѣра, что передъ высшею небесною силой все это начальство, отъ перваго до послѣдняго—одна мразь, и охраняла его отъ всякаго страха. Само собой разумѣется, что безтрепетный еврей, который держится такъ просто и такъ прямо, въ началѣ приводилъ въ ярость непривыкшее къ этому начальство. Какъ это въ самомъ дѣлѣ! Пріѣзжаетъ помощникъ станового пристава Зубошкворень, про котораго мужики серьезно говорили, что въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ онъ проѣзжалъ весною, ничто не всходило и не расло, ибо отъ страха и ростки боялись показаться изъ земли, такъ вотъ пріѣзжаетъ этотъ самый Зубошкворень, отъ котораго цѣлыя деревни спасаются въ бѣгство, кто куда можетъ, заходитъ въ домъ къ брату и гаркнетъ такъ, что вся посуда на столахъ и полкахъ подпрыгиваетъ, а братъ при этомъ звѣриномъ ревѣ спокойно себѣ вытираетъ руки и говоритъ тихо „אשר יצר“.

Въ концѣ концовъ всѣ съ нимъ примирились, а очень многіе его искренно любили и уважали и отзывались о немъ, какъ о рѣдкомъ по своей честности „жидкѣ“. Его идеальная честность особенно ихъ поражала и невольно заставляла преклоняться предъ нимъ. И во всемъ округѣ на разстояніи ста верстъ всѣ знали о „Беркѣ изъ Хатки“ или о „хатскомъ Беркѣ“. Помимо того, что въ немъ такъ вообще сильно импонировало всѣмъ, въ немъ было нѣчто такое мягкое, обаятельное, что и привлекало, и покоряло. Въ его простотѣ было что-то такое благородное и во всей его фигурѣ и въ манерѣ говорить что-то такое хорошее, красивое. Неудивительно поэтому, что даже самъ разсвирѣпый засѣдатель Ушаковъ, про котораго говорили, что онъ однимъ ударомъ кулака мужика убилъ, и который говорилъ про евреевъ, что ихъ ежегодно надо скашивать, какъ траву—до корня, что потомъ они еще лучше будутъ расти на благо и утѣшеніе начальству, и не

только говорилъ, но и самъ былъ первымъ косаремъ евреевъ,— такъ этотъ самый засѣдатель Ермолай Ушаковъ въ домѣ брата держался прилично, а иногда даже любезно. Взятки онъ никогда никому не давалъ и не могъ бы давать по своей бѣдности,—и все же весьма часто изъ одного уваженія къ нему начальство дѣлало безвозмездно то, что другимъ стоило бы сотни рублей. Конечно, не безъ того, начальство приходилось при проѣздѣ угощать водкой, виномъ, чаемъ, иногда сдѣлать яичницу или же преподнеети фаршированную рыбу. Но дальше этихъ угощеній, которыхъ, однако, далеко не всѣ удостоивались, дѣло не шло. И тѣмъ не менѣе Беръ часто могъ оказывать услуги у начальства даже другимъ.

Простотою и благородствомъ отличалась и молитва Бера, сосредоточенная, ясная, пропитанная глубокимъ чувствомъ, иногда трогательная, потрясающая, иногда тихая, задумчивая, созерцательная. Лицо у него тогда одухотворялось, и въ глазахъ являлось какое-то особенное страдальческое выраженіе. Иногда молитвы, рисовавшія въ надрывающихъ душу выраженіяхъ страданія и униженія народа какъ, напр., молитвы, установленныя для понедѣльника и четверга,—до того его потрясали, что онъ блѣднѣлъ и въ изнеможеніи опускался на стулъ.

Когда Беръ кончалъ молитву, ему приносили маленькую рюмочку водки, которую онъ медленно выпивалъ съ предварительнымъ благословленіемъ, разумѣется, и пожеланіемъ לחיים тѣмъ, которые тогда находились около него, кто бы это ни былъ, даже будь то ребенокъ. Какъ бывалъ я счастливъ, когда онъ обратитъ ко мнѣ свое милое, благородное лицо съ выраженіемъ глубокой грусти и скажетъ: „לחיים, Лебеле“. Какая горячая волна бывало тогда хлынетъ тебѣ къ сердцу. Если есть что-нибудь такое на яйцахъ, что можно ѣсть безъ обряда омовенія рукъ, онъ закусываетъ, заглядывая въ это время въ книгу какую нибудь, надъ которой онъ обыкновенно сидитъ съ полчаса. Затѣмъ, если что-нибудь варилось, накрывался столъ для всѣхъ; если же ничего не варилось, а это случалось чаще всего, накрывали одинъ край стола, для одного Бера. Ему ежедневно подавали неизмѣнную

луковицу, которую онъ разрѣзывалъ на четверти, всыпалъ туда соли и такъ ѣлъ. Затѣмъ подавали ему кусокъ селедки. Если кто изъ дѣтей находился тогда около него, онъ всѣхъ надѣлялъ. Время его завтрака или обѣда выходило около полудня, а то и гораздо позже.

Когда братъ бывалъ дома, ѣли все-таки нѣсколько лучше. Раза два, иногда три въ недѣлю, бывало, варили какой-нибудь супъ изъ фасоли. Случалось правда очень рѣдко, что варили супъ и съ кусочкомъ мяса въ полфунта на всѣхъ. Мясо разрѣзывалъ братъ въ одной тарелкѣ, откуда ѣли всѣ, кто вилкой, кто руками, такъ какъ вилокъ для всѣхъ въ домѣ не было. У меня, какъ я уже сказалъ выше, къ несчастью, аппетитъ среди степи развился огромный, и я ѣлъ довольно энергично. Зисель, бывало, зорко слѣдила за мною поэтому за обѣдомъ и за лишній взятый кусокъ или за большую торопливость бросала на меня взгляды, полные безграничной ненависти. Я часто замиралъ съ кускомъ во рту, меня начинали душить слезы и невыразимо ѣдкое чувство горечи и униженія меня охватывало. Брата это бывало глубоко огорчаетъ. Но зная, что всякое замѣчаніе съ его стороны въ мою пользу вызоветъ бурю, онъ молчалъ или же ограничивался какимъ-нибудь успокоительнымъ замѣчаніемъ. Онъ все-таки былъ увѣренъ, что Зисель дѣйствительно поучаетъ меня добру. Проявленіе же жадности къ пищѣ ему было глубоко противно самому. Я самъ зналъ, что это противно и стыдно, что у хорошаго еврея пища должна занимать самое послѣднее мѣсто. Но что мнѣ было дѣлать, когда я вѣчно былъ такъ крѣпко голоденъ и никогда не наѣдался до сыта...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Бенъ-Ами.

Нью-Іоркскія впечатлѣнія.

Вмѣсто вступленія.

Путевыя впечатлѣнія принято писать людямъ, совершенно незнакомымъ съ описываемой мѣстностью или страной. Такое невѣдѣніе считается необходимымъ условіемъ свѣжести впечатлѣніи, отсутствія предвзятыхъ мнѣній. Такія замѣтки—принято думать—наилучшимъ образомъ замѣняютъ читателю личное посѣщеніе этой мѣстности. Туристъ и читатель въ одинаковомъ положеніи: оба готовы принять всѣ встрѣчающіяся впечатлѣнія—одинъ собственными глазами, а другой чужими.

Если эта точка зрѣнія вѣрна, то съ моей стороны является большею смѣлостью описывать свои нью-іоркскія впечатлѣнія. Вы такъ долго жили въ Нью-Іоркѣ,—могутъ мнѣ замѣтить,—такъ сжились съ нью-іюркской и вообще американскою жизнью, что интенсивность и яркость наблюденій должна была значительно притупиться. То, что съ точки зрѣнія новаго человѣка показалось бы наиболѣе интереснымъ, характернымъ, оргинальнымъ, для васъ ординарно, скучно и едва замѣтно.

Можетъ быть вы и правы, дорогой мой читатель. Но есть и другая точка зрѣнія, неисключающая вѣрности предыдущей. Впечатлѣнія неопытнаго туриста—ярки, но односторонни и поверхностны. Онѣ интенсивны, но случайны. Можетъ быть туристъ и замѣтитъ то, что въ жизни чужой заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія, а можетъ быть и не замѣтитъ. Все зависитъ отъ того, что случайно попадется на глаза наблюдательному, но не опытному туристу. Вѣдь сложная общественная жизнь многомилліоннаго населенія Нью-Іорка—не Швейцарія съ ея живописными Альпами, которыхъ прозѣвать невозможно.

Сколько разъ приходилось мнѣ читать въ русской печати дорожныя впечатлѣнія о Нью-Іоркѣ.

И всѣ они начинали съ 20-этажныхъ домовъ и воздушной желѣзной дороги и очень рѣдко шли дальше и глубже этого, а если шли, то несли иногда ужасную ерунду.

За многіе годы моего пребыванія въ Нью-Іоркѣ мнѣ лишь очень рѣдко приходилось встрѣчаться въ русско-еврейскомъ гетто съ русско-еврейскими туристами. Русскіе евреи пріѣзжали въ Америку навсегда, и ихъ гнали не поиски новыхъ впечатлѣній, а болѣе жестокія причины. Но въ послѣдніе годы, или можетъ быть мѣсяцы положеніе дѣлъ сильно измѣнилось. И вообще-то Америка ближе стала къ Европѣ и къ Россіи вообще, а русскому еврею Нью-Іоркъ сталъ и близокъ, и дорогъ. Какъ то сразу русское еврейство осмотрѣлось, что *по количеству русскихъ евреевъ Нью-Іоркъ является главнымъ городомъ въ мірѣ*, и въ Нью-Іоркъ стали наѣзжать русскіе евреи съ единственной цѣлью познакомиться съ жизнью Нью-Іоркскаго гетто. Но какъ ошибаются они, думая, что въ какія нибудь шесть недѣль можно дѣйствительно изучить эту жизнь, для пониманія которой необходимо и знаніе американской жизни, и знаніе исторіи нью-іоркскаго гетто за послѣднія 15—20 лѣтъ.

Однако, въ оправданіе себѣ я долженъ добавить, что въ нѣкоторомъ смыслѣ и я чужой человѣкъ для Нью-Іорка. Правда, я прожилъ въ немъ 10 лѣтъ. Но судьбѣ угодно было выбросить меня за сотни верстъ отъ Нью-Іорка два года тому назадъ. А два года—о, это такой долгій срокъ для лихорадочной жизни этого удивительнаго города, что и для меня посѣщеніе Нью-Іорка обѣщало много новаго, интереснаго.

Въ Нью-Іоркъ!

Помните, читатель, чеховскихъ трехъ сестеръ, которыя только и дѣлали, что кричали: Въ Москву! Въ Москву! Приблизительно въ такомъ положеніи оказывается русско-еврейскій интеллигентъ, сжившійся съ Нью-Іоркомъ и почему либо вынужденный переселиться въ глубь страны. Впрочемъ, можетъ быть, это чувство и не исключительно свойственно русскому еврею. За предѣлами Нью-Іорка американцы отказываются даже считать Нью-Іоркъ Америкой, а сами нью-іоркцы считаютъ свой городъ центромъ не только своей страны, но и всего земного шара.

И можетъ быть, нью-іоркцы правы. По числу жителей Нью-Іоркъ хотя остается позади Лондона, но разстояніе это быстро уменьшается. По богатству, по быстротѣ роста, по интенсивности

жизни Нью-Іоркъ значительно опередилъ даже царя городовъ—Лондонъ. И контрастъ особенно рѣзко выступаетъ, если судьба выбрасываетъ завзятаго, неисправимаго нью-іоркца въ второстепенный, мертвый городокъ, какимъ является Вашингтонъ, несмотря на свои 300,000 жителей. Тоска по Нью-Іорку становится особенно острой для русскаго еврея, продолжающаго въ Америкѣ жить отчасти русскими, отчасти русско-еврейскими интересами. Можетъ быть, тоска по Нью-Іоркѣ есть только видоизмѣненная форма тоски по родинѣ, потому что для русскаго еврея, сжившагося нѣсколько съ Нью-Іоркомъ, городъ этотъ становится частью его родины. И однако же жизнь русско-еврейской массы въ Нью-Іоркѣ такъ-же далека отъ жизни русскаго еврея на родинѣ, какъ она далека отъ жизни средняго американца за предѣлами Нью-Іорка.

Шумъ, грохотъ, интенсивная общественная жизнь и дѣятельность—даже если она часто сводится къ топтанію на одномъ мѣстѣ—все то, что страшно утомляетъ нью-іоркца—еврея и заставляетъ его жаловаться и мечтать: „Ахъ,—хорошо бы удрать отсюда на время!“ все это тянетъ его, какъ тина, назадъ, едва онъ разстался съ Нью-Іоркомъ. И этимъ объясняется, что часто возвращаются изъ глубины страны въ Нью-Іоркъ такіе люди, которымъ по практическимъ соображеніямъ въ Нью-Іоркъ совершенно не слѣдовало бы пріѣзжать.

Нью-Іоркъ! Въ какіе-нибудь пять часовъ курьерскій поѣздъ пробѣгаетъ 400 верстъ, отдѣляющія Нью-Іоркъ отъ Вашингтона. И вотъ мы на западномъ берегу Гудсона, и на противоположномъ берегу рѣки открывается удивительная панорама Нью-Іорка. Какой мощью несетъ отъ этой неправильной линіи нью-іоркскаго горизонта, подымающейся до 32 этажей и падающей до двухъ или трехъ. И, что всего замѣчательнѣе, какъ измѣнилась эта панорама за два года. Гдѣ раньше 18-этажный домъ „World'a“ гордо вызвышался надъ сосѣдями, тамъ онъ теперь кажется пигмеемъ рядомъ съ 25, 30 и 32-этажными колоссами. Гдѣ раньше одиноко возвышались эти „небоцарапатели“, тамъ теперь ихъ собралось такъ много, что 8 и 10-этажные дома кажутся жалкими лачугами. И самый раіонъ небоцарапателей чуть ли не удвоился, распространяясь все болѣе и болѣе на сѣверъ. Всего три—четыре года тому назадъ 20-ти этажное зданіе на 23-ей улицѣ еще было нововведеніемъ, а теперь газета „Times“ воздвигнула уже на 42-ой улицѣ настоящую Вавилонскую башню чуть ли не въ 30 этажей; и на сорокъ второй же улицѣ кончается постройкой единственная въ мірѣ кирпичная глыба—гостиница не то въ 25, не то въ 28 этажей. Въ доброй половинѣ

Нью-Іорка эти зданія становятся нормальнымъ типомъ. Гдѣ въ мірѣ вы найдете хотя что-либо подобное этому!

Тысячи, сотни тысячъ людей непремѣнно хотятъ быть на томъ же мѣстѣ, и если имъ невозможно быть рядомъ, то они взбираются другъ другу на голову. Сотни тысячъ людей, изъ глубины Америки, и изъ глубины Европы—всѣ стремятся на этотъ длинный и узкій островъ, а днемъ всѣ они наполняютъ южную четверть его. Каждое утро живые потоки стремятся на югъ, и каждый вечеръ они возвращаются на сѣверъ. Трамваи по улицѣ, воздушныя желѣзныя дроги надъ улицей не могли удовлетворить потребностямъ этого человѣческаго потока,—и вотъ появились электрическіе поѣзда подъ улицей. И все же толпится народъ, все также вопросъ объ уличномъ движеніи въ Нью-Іоркѣ остается вопросомъ. Такая же гигантская струя изъ центра торговой жизни Нью-Іорка идетъ на востокъ въ Бруклинъ и другія предмѣстья, лежащія по противоположной сторонѣ Восточной рѣки, и на западъ, черезъ Сѣверную рѣку или Гудсонъ въ штатъ Нью-Джерси,—въ города Джерси-Сити, Гобокенъ, Оранжъ, Нуаркъ и др., все въ сущности предмѣстья гиганта Нью-Іорка. И здѣсь существующіе пути сообщенія оказались совершенно недостаточными. На востокѣ знаменитый Бруклинскій мостъ, когда то шедевръ, глава и краса американскаго инженернаго искусства, ежедневно превращается въ театръ сраженій между массой желающихъ найти мѣсто въ трамваяхъ. Въ послѣдніе два года законченъ и открытъ второй Бруклинскій мостъ, идущій изъ еврейскаго квартала Нью-Іорка въ еврейскій кварталъ Бруклина, и являющійся такъ сказать еврейскимъ мостомъ. Но и второго моста недостаточно, и начатъ постройкой уже третій, котораго нью-іоркскій конецъ также упрется въ гетто. А помимо моста строятся и тунели для желѣзныхъ дорогъ. Такая же лихорадочная дѣятельность замѣчается и по западную сторону Нью-Іорка. Правда, что чрезмѣрная ширина Гудсона здѣсь до сихъ поръ мѣшала постройкѣ уже много разъ проектировавшагося моста, но за то пенсильванская желѣзная дорога строитъ въ Нью-Іоркѣ свой вокзалъ, который будетъ соединяться съ западнымъ берегомъ при помощи тунеля подъ Гудсономъ. Мало того,—спеціальный тунель также предпринятъ подъ Гудсономъ для трамвайнаго сообщенія между Нью-Іоркомъ и городомъ Нуаркомъ, находящимся въ Нью-Джерси, верстахъ въ 12 отъ Нью-Іорка. Благодаря этому тунелю, установилось сообщеніе въ полчаса времени, что не преминетъ поднять значеніе Нуарка какъ предмѣстья Нью-Іорка.

Въ чемъ причина этого феноменальнаго роста Нью-Іорка, которому сходнаго не существовало ни въ Европѣ, ни даже въ Америкѣ? Есть вѣдь въ Америкѣ и другіе крупные города, другіе крупные порты: Филадельфія, Балтиморъ, Бостонъ и т. д. Въ одной Филадельфіи населеніе больше милліона, но Филадельфія деревня въ сравненіи съ Нью-Іоркомъ. Этотъ вопросъ ставитъ себѣ офиціальный статистикъ въ огромномъ томѣ, посвященномъ описанію экономическаго величія штата Нью-Іорка, и отвѣчаетъ такъ: „Торговля порождаетъ богатство, и торговля Нью-Іорка, вмѣстѣ съ его земледѣліемъ, сдѣлала его наиселеннѣйшимъ и богатѣйшимъ штатомъ въ Союзѣ [1])". Огромнаго значенія торговли Нью-Іюркскаго порта никто, конечно, не станетъ отрицать. Но торговля—обмѣнъ, сама не производитъ богатства изъ ничего, она могла бы лишь переносить въ Нью-Іоркъ изъ глубины страны значительную часть созданнаго тамъ богатства. И такой процессъ экспропріаціи страны Нью-Іоркомъ конечно происходитъ. Но Нью-Іоркъ не только гигантскій паразитъ—вампиръ, живущій кровью и потомъ страны. Не надо забывать, что Нью-Іоркъ самый крупный промышленный штатъ въ союзѣ, что почти пятая часть всей обрабатывающей промышленности сконцентрирована въ этомъ одномъ штатѣ. И не менѣе многозначителенъ фактъ, что самая крупная промышленность въ штатѣ, и въ особенносси въ городѣ Нью-Іоркѣ—это производство готоваго платья и подобныхъ продуктовъ,—самая крупная промышленность и по стоимости продуктовъ, и по числу занятыхъ рабочихъ, и эта отрасль промышленности обязана еврейскимъ рукамъ и еврейскимъ головамъ. Кто же вправѣ усомниться въ томъ, что евреи сыграли огромную роль въ ростѣ величайшаго города въ мірѣ?

И это огромное значеніе евреевъ въ промышленной жизни Нью-Іорка едва ли нуждается въ теоретическихъ доказательствахъ. Въ первый же день по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ я успѣлъ не только возстановить въ своей памяти знакомыя картины экономической работы евреевъ, но и убѣдиться въ дальѣйшемъ ростѣ ея размѣровъ и вліянія. Плоскодонный пароходъ доставляетъ насъ въ 10 минутъ къ нью-іоркскому берегу Нью-Іорка, и минуя многочисленные трамваи, я избираю допотопной внѣшности „конку", которая должна доставить меня въ гетто, наискось перерѣзавъ южную часть города. Эта „конка" какой то живой анахронизмъ, чуть ли не единственный примѣръ городского конножелѣзнаго

[1]) Report on the Growth of Industry in New-York. Изданіе New-York Dapartment of Labor. Albany. 1904 Стр. 1.

сообщенія въ Нью-Іоркѣ, да и во всей сѣверной части Соединенныхъ Штатовъ. Медленный рысцей трясется „конка“ по узкимъ улицамъ нижней части города, вынужденная почти ежеминутно останавливаться изъ-за массы толкающихъ другъ друга ломовыхъ телѣгъ, и перерѣзываетъ сначала раіонъ фабрикъ портняжнаго дѣла на западѣ, гдѣ дома покрыты вывѣсками, на которыхъ красуются почти исключительно Зильберштейнны, Гольдманы, Гринблаты, Когены и т. д., затѣмъ центръ американской торговли готовымъ платьемъ Бродвей, на которомъ доминирующее значеніе евреевъ доказывается не только вывѣсками, но и лицами—и попадаетъ наконецъ въ настоящее „гетто“ со всѣми его типичными картинами. Да и самый вагонъ нашъ наполненъ почти исключительно еврейскими, хотя и разнообразными, типами. Тутъ и старомодная сморщенная еврейка въ парикѣ и съ беззубымъ ртомъ, мигомъ переносящая васъ мысленно въ благословенную „черту“, безцеремонно говорящая на чистѣйшемъ литовскомъ жаргонѣ съ кондукторомъ, который дѣлаетъ тщетныя усилія показать, будто онъ не понимаетъ старушки, но глаза, носъ и волосы громко протестуютъ противъ этого обмана, тутъ и типичные еврейскіе портные любящіе ходить въ крахмальной рубашкѣ, но безъ воротника или галстуха. Тутъ американскій фруктъ — дѣвица въ двухъ-аршинной шляпѣ и съ немного подкрашенными ланитами, и студентъ еврей въ очкахъ, погруженный въ толстѣйшую книгу. Все это несомнѣннѣйшіе „сородичи“. Конечно, нѣсколько рискованно было бы сдѣлать статистическій выводъ изъ этого наблюденія, что евреи составляютъ сто процентовъ населенія Нью-Іорка. Но результаты разсчета, сдѣланнаго совершенно безпристрастными людьми, заставляютъ предполагать въ Нью-Іоркѣ уже цѣлыхъ 700.000 евреевъ—почти $^3/_4$ милліона.

Родныя картины.

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

Мнѣ стыдно признаться, но сердце мое бьется учащенно, когда конка пересѣкаетъ шумное Боуэри, по обѣимъ сторонамъ котораго на высокихъ столбахъ съ шумомъ и трескомъ несутся поѣзда воздушной желѣзной дороги, и вступаетъ въ своеобразный уголокъ міра извѣстный подъ именемъ „великаго Истъ-Сайда“. Впрочемъ, въ классическій стихъ Грибоѣдова слѣдовало-бы внести одну поправку, чтобы сдѣлать его вполнѣ примѣнимымъ къ нью-іоркскимъ условіямъ

И *смрадъ* отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

Сколько запаховъ—и въ какія странныя комбинаціи они вступаютъ другъ съ другомъ. Шутка ли, по обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ стоятъ эти ужасные для непривычнаго глаза tenement'ы. Какъ солдаты стоятъ эти семиэтажные дома, рядышкомъ прижавшись другъ къ другу; четыре окна на улицу въ ширину—это домъ. И въ такомъ домѣ въ каждомъ этажѣ 4 семьи, да въ каждой семьѣ еще жильцы; и въ каждомъ домѣ слѣдовательно 25—30 кухонъ, и изъ каждой кухни своеобразный запахъ. А въ подвалахъ мелкія лавчонки—мясныя, молочныя, пекарни, и изъ нихъ тоже исходятъ всевозможные запахи. На тротуарахъ жестянные боченки, наполненные всякимъ кухоннымъ отбросомъ, испускающимъ страшное зловонье, дожидаются (и иногда слишкомъ долго дожидаются) муниципальныхъ телѣгъ, дѣло которыхъ убрать эти отбросы. А иногда расшалятся мальчишки, или разыграются собаки, или подерутся съ кошками и тогда эти открытые чаны опрокидываются, и содержимое летитъ на мостовую, гдѣ остается до ночи, когда моются улицы. По тротуару двигается длинный рядъ ручныхъ повозокъ, тачекъ, съ которыхъ продается рѣшительно все, начиная съ штановъ и кончая фарфоровой посудой, фруктами и свѣжей рыбой, Въ узкомъ пространствѣ, остающемся на узкой улицѣ между двумя рядами этихъ ручныхъ телѣжекъ, толкаются огромныя грузовыя телѣги, съ верхушки которыхъ льется безпрестанный потокъ отборнѣйшихъ ругательствъ по крайней мѣрѣ на четырехъ или больше языкахъ,—англійскомъ, русскомъ, жаргонѣ и нѣмецкомъ. И посреди всего этого хаоса мальчишки несутся во всѣ стороны, играя въ мячъ или „пятнашки", а дѣвчонки, попарно, неопытными ножками продѣлываютъ замысловатыя па американскаго вальса и кэкъ-уока подъ дребезжащіе звуки разбитой шарманки „съ барабанными тарелками и цимбалами". Это ли не жизнь!

Аристократическіе посѣтители гетто—на англійскомъ языкѣ даже спеціальное слово существуетъ для такихъ „гостей" „slumming"—значитъ идти въ slums, т. е. трущобы—невольно восклицаютъ: „эти люди любятъ грязь, они живутъ грязью и шумомъ". Это однако не совсѣмъ справедливо. Подъ вліяніемъ этой обстановки, а также подъ вліяніемъ высокой ренты и часто полной невозможности раздобыть квартиру—евреи изъ гетто, какъ центра, распространяются все дальше и дальше. Само гетто растетъ, растетъ не только въ высоту, но и въ ширину, растетъ во всѣ стороны, вытѣсняя нѣмцевъ и ирландцевъ. Но помимо этого, перебросившись черезъ сто улицъ, евреи нѣсколько лѣтъ тому

назадъ основали колонію кругомъ „сотой“ улицы и теперь еврейская колонія простирается отъ 97-й до 120-й улицы—и въ этой верхней части города уже появился еврейскій театръ и разныя еврейскія учрежденія. Другая волна еврейской массы перебросилась на востокъ, черезъ восточную рѣку—и еврейская колонія образовалась въ Бруклинѣ, чему теперь значительно помогаетъ второй Бруклинскій мостъ, а въ будущемъ еще больше будетъ помогать третій мостъ.

Но всего оригинальнѣе возникновеніе настоящаго еврейскаго городка, далеко за предѣлами Бруклина, на фермѣ нѣкоего Broun и потому прозваннаго Brounsville, а въ шутку—„Бразиліей“.

Постройка мостовъ стимулируетъ такую эмиграцію по многимъ причинамъ. Она по американскому выраженію не только тянетъ, но и толкаетъ,—тянетъ потому, что облегчаетъ сообщеніе съ болѣе отдаленными раіонами города, и толкаетъ потому, что постройка моста сопровождается уничтоженіемъ сотенъ этихъ домовъ-казармъ, и потому выгоняетъ тысячи жившихъ въ этихъ домахъ семей. Отъ Бауэри, западной границы гетто, до восточнаго конца—до самой Восточной рѣки какъ бы бритвой срѣзанъ длинный рядъ домовъ около 8 въ ширину и на двадцать—двадцать пять улицъ въ длину,—для подъѣзда къ мосту. Такое уничтоженіе жилыхъ зданій, подъ мосты, подъ парки, подъ школы, подъ разныя другія общественныя зданія съ одной стороны, и наплывъ свѣжихъ эмигрантовъ, предпочитающихъ по многимъ причинамъ селиться въ центрѣ гетто, и наконецъ, ростъ торговли въ гетто, все это гонитъ жившихъ годами людей въ другія части города, все это дѣлаетъ ренту настолько высокой, что жизнь въ гетто становится роскошью. Многія улицы на моей памяти изъ жилыхъ превратились въ торговыя, и процессъ этотъ продолжаетъ расти съ поразительной быстротой. Здѣсь же сконцентрированы всевозможныя благотворительныя учрежденія, развлеченія, клубы и т. д. и т. д. Очевидно, гетто, оставаясь центромъ коммерческой и общественной жизни, мало по малу перестаетъ быть центромъ домашней жизни. Всего виднѣе это по тому, съ какой поспѣшностью стала переѣзжать въ другія части города профессіональная, преимущественно медицинская братія.

Такимъ образомъ вліяніе еврейской иммиграціи распространилось изъ одного раіона на весь городъ. Однимъ изъ очевиднѣйшихъ результатовъ этого былъ феноменальный ростъ ренты и вообще стоимости земельной собственности. Въ гетто „участокъ“

земли, т. е. клокъ въ 25 футовъ ширины вдоль улицы, и 80—100 футовъ глубины во дворъ, стоитъ 30.000 долларовъ, а если на углу улицы, такъ что двѣ стороны четыреугольника выходятъ на улицу, то тысячъ на десять дороже. Если и не въ такихъ же размѣрахъ, то пропорціонально, поднялась стоимость земли и въ другихъ еврейскихъ раіонахъ города—и по всему городу вообще. Въ результатѣ благодаря этому постоянному быстрому повышенію цѣнъ на земельную собственность—появилась бѣшеная земельная спекуляція, которую наивные люди склонны считать дѣйствительной причиной вздорожанія рентъ и квартиръ. Имущіе классы и значительная часть „русской прогрессивной интеллигенціи“ вся съ головой окунулась въ земельную спекуляцію, и на пріѣзжаго человѣка, выражающаго удивленіе по поводу этого азарта, смотрятъ, какъ на человѣка упавшаго съ луны. Вотъ горячій соціалистъ спѣшитъ съ собранія, на которомъ произносилъ горячую филиппику противъ частной собственности, а лишь сѣлъ въ вагонъ трамвая—глядь, уже вынулъ изъ кармана толстую пачку разныхъ юридическихъ документовъ и погрузился въ таинственные разсчеты выгоды послѣдней спекуляціи. Землю покупаютъ, продаютъ, опять перепродаютъ, а цѣна становится все выше и выше. Этимъ, конечно, можно возмущаться съ этической точки зрѣнія, но съ экономической кажется, что люди проглядѣли въ теченіе многихъ лѣтъ автоматическое наростаніе „незаработаннаго инкремента“ (unearned increment)—по терминологіи Генри Джорджа—и теперь въ перегонку стараются нагнать потерянное.

Что такое быстрое вздорожаніе земельной собственности влечетъ за собой сильное вздорожаніе квартиръ и поэтому очень невыгодно для народной массы—очевидно всякому, кто знакомъ хотя бы съ азбукой политической экономіи. Повышеніе жилыхъ зданіи съ трехъ до семи этажей въ теченіе 20 лѣтъ является лишь слабымъ палліативомъ. Улучшенныя средства сообщенія несомнѣнно болѣе радикальное средство. Но здѣсь необходимо отмѣтить, что это вздорожаніе земельной собственности является однимъ изъ главныхъ источниковъ феноменальнаго богатства Нью-Іорка. За послѣднія 20 лѣтъ (1880—1900) оцѣнка недвижимаго имущества въ цѣляхъ налогового обложенія въ штатѣ Нью-Іоркъ увеличилась съ 2340 милліоновъ до 5093 милліоновъ долларовъ, т. е. на 120%, и больше половины этого имущества сконцентрировано въ городѣ Нью-Іоркѣ. Вліяніе этого факта на всю муниципальную жизнь особенно велико въ Америкѣ съ ея финансовой системой. Мы конечно говоримъ въ настоящій моментъ исключительно о мате-

ріальныхъ вліяніяхъ. Все городское хозяйство въ Америкѣ содержится почти исключительно на средства, получаемыя отъ поземельнаго налога. Мало того, въ Нью-Іоркѣ размѣры муниципальнаго долга ограничены 10% облагаемаго въ городѣ имущества. Если Нью-Іоркъ имѣетъ муниципальныхъ доходовъ до 120.000,000 долларовъ, если Нью-Іоркъ имѣетъ лучшія школы въ странѣ и оплачиваетъ учительскій трудъ лучше чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, если Нью-Іоркъ строитъ гигантскіе мосты, туннели и подъемныя желѣзныя дороги, то онъ въ состояніи это сдѣлать лишь благодаря повышенію стоимости земельной собственности, которой онъ обязанъ иммиграціонному движенію. Если городъ могъ истратить до 10.000,000 долларовъ на великолѣпную дорогу для ѣзды на рысакахъ на берегу Гудсона, т. е. для удовольствія, которое по карману лишь небольшому кружку людей, то это было вѣдь возможно благодаря присутствію милліоновъ бѣдныхъ иммигрантовъ, которые по наивному заявленію нѣкоторыхъ политико-экономовъ „не приносятъ доходовъ городу, потому что не платятъ налоговъ"!

Даже поверхностное знакомство съ Нью-Іоркомъ не можетъ не навести еврея на мысль: „сколько для города сдѣлано еврейскими руками и еврейскими головами". Для этого не нужно уже непремѣнно идти въ гетто какъ 10—15 лѣтъ тому назадъ. Нѣтъ, слѣды еврейскихъ трудовъ видны по всему городу, гораздо замѣтнѣе чѣмъ какихъ либо другихъ иммигрантовъ за исключеніемъ нѣмцевъ и ирландцевъ. Но иммиграція нѣмцевъ и ирландцевъ значительно понизилась въ послѣднія 10—20 лѣтъ.

Я не думаю намѣренно замалчивать значенія другихъ элементовъ иностраннаго населенія Нью-Іорка. Но русско-еврейская иммиграція, или, можетъ быть, вѣрнѣе было бы сказать, вообще иммиграція изъ Россіи имѣетъ свою особенную характеристику. По большей части эта иммиграція не добровольная, а вынужденная, иммиграція, вызваная не только экономическими, но и политическими и соціальными условіями. Мы не думаемъ отрицать, что евреевъ въ Америку гонитъ нужда; но нужда эта въ значительной степени создана искусственно. Страна, откуда прибыло сюда огромное большинство этихъ евреевъ, не страдаетъ отъ излишка населенія. И когда на каждомъ шагу видишь, что сдѣлали эти энергичные, трудолюбивые люди для Нью-Іорка,—поневолѣ задумаешься надъ тѣмъ,—что потеряла ихъ родина отъ этой 20-лѣтней эмиграціи.

Въ предверьяхъ республики.

Средній американецъ—и даже не только средній американецъ, но и ихъ политическіе вожаки, интеллигенція и вообще общество рѣдко даютъ себѣ трудъ подвергнуть вопросъ объ иммиграціи такому анализу. Я помню въ тотъ же самый день, когда я пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ и стоялъ на площадкѣ изящнаго парохода, мы всѣ замѣтили въ спеціальномъ и очень неизящномъ загонѣ огромную толпу иммигрантовъ, дожидавшихся спеціальнаго иммигрантскаго поѣзда, чтобы уѣхать на западъ. Здѣсь были: итальянцы, нѣмцы, шведы, норвежцы, евреи, поляки и всякія славянскія племена. Бѣдно и странно одѣтые, съ огромными и несуразными тюками, съ лицами, измученными отъ долгаго путешествія въ отвратительныхъ ямахъ, — они, можетъ быть, и производили неособенно благопріятное впечатлѣніе на настоящаго американца. Но много ли нужно сердца и ума, чтобы представить себѣ духовную сторону этой мрачной по внѣшности картины. Отовсюду бѣгутъ униженные и оскорбленные, обездоленные, къ гостепріимнымъ берегамъ этой страны! Страдающіе отъ деспотизма политическаго, фанатизма религіознаго и національнаго, или же отъ жестокой нужды— они бѣгутъ, чтобы здѣсь, въ странѣ свободы, приложить всѣ свои силы. Сколько тутъ гордости для истиннаго патріота, сколько пищи для жалости къ человѣческимъ страданіямъ! Не требуется къ тому же особеннаго развитія, чтобы понять, что всѣмъ своимъ феноменальнымъ развитіемъ обязана страна именно этому нескончаемому потоку иммигрантовъ!

Но всѣ эти соображенія очевидно мало трогали стоявшихъ рядомъ со мной двухъ джентльмэновъ, весь этотъ анализъ, можетъ быть, былъ имъ не по силамъ.

— Смотрите, смотрите!.. Видите эту ораву,—обратился одинъ изъ нихъ къ своему товарищу по-англійски.

— Вотъ импортированные американцы. Наши новые сограждане! (саркастически). Черезъ шесть мѣсяцевъ они всѣ будутъ уже американцами по закону. (Намекая на частые случаи обманнаго перехода въ американское гражданство до истеченія 5-тилѣтняго срока).

— Да-а! промычалъ второй угрюмо.—Утопить бы ихъ прямо въ этой рѣкѣ—единственное разрѣшеніе вопроса!

Хорошо, что стоявшіе за перегородкой иммигранты не понимали по-англійски, а то бы ихъ нѣсколько поразило такое стран-

ное „разрѣшеніе вопроса“ и спросите этихъ самыхъ изящныхъ американскихъ джентльмэновъ, чѣмъ, помимо внѣшней непривлекательности, иммигранты мѣшаютъ имъ джентльмэнамъ, и часто вы не получите удовлетворительнаго отвѣта. Можетъ быть, этимъ и объясняется, что противъ иммиграціи такъ много говорятъ и такъ мало дѣлаютъ.

Существующее американское законодательство объ иммиграціи, такъ пугающее иммигрантовъ, въ дѣйствительности очень несложно и слабо.

Въѣздъ въ Соединенные Штаты запрещенъ: идіотамъ, умалишеннымъ, нищимъ, заразительнымъ больнымъ, преступникамъ, проституткамъ, торгующимъ живымъ товаромъ, анархистамъ, законтрактованнымъ рабочимъ и людямъ, иммигрировавшимъ благодаря полученной субсидіи.

Немного цифръ. Въ 1903 — 4 фискальномъ году (1 іюля 1903—30 іюля 1904 г.) иммигрировало всего 812.870 человѣкъ, изъ которыхъ евреи составляли 106.236 или немного больше 13%. Задержано же было и отослано назадъ 7.994 человѣкъ, и изъ нихъ 787 евреевъ или всего 9,7, т. е. относительно значительно меньше.

Слѣдующая таблица показываетъ грѣхи, за которые евреевъ отсылаютъ обратно:

	Всего иммигрантовъ.	Евреевъ.	% евреевъ.
	Высланныхъ.		
Идіоты	16	2	12,5
Умалишенные	33	2	6,1
Нищіе	4.798	543	11,3
Больные	1.560	183	11,7
Преступники	35	—	—
Проститутки	9	—	—
Торговцы живымъ товаромъ	3	—	—
Анархисты	1	—	—
Субсидированные иммигранты	38	33	87,1
Законтрактованные рабочіе	1.501	24	1,6
Всего	7.994	787	9,7

Чтобы познакомиться по личному опыту съ примѣненіемъ этихъ законовъ на дѣлѣ, я рѣшился потратить день на то, чтобы съѣздить въ Эллисъ-Айландъ, главную дверь, въ которую бьются европейскіе иммигранты. Коммисаръ иммиграціи въ Нью Іоркѣ Робертъ Уачорнъ, къ которому я обратился съ запросомъ, когда лучше пріѣхать, чтобы застать прибытіе кораблей, отвѣтилъ мнѣ:

Въ любой день—иммигранты прибываютъ ежедневно, когда больше, когда меньше, заранѣе трудно сказать.

Иммиграціонная станція находится на небольшомъ островкѣ Эллисъ (Ellis-Island), въ срединѣ Нью-Іорской бухты и добраться туда только можно на небольшомъ казенномъ пароходѣ, который ежечасно дѣлаетъ рейсы и привозитъ въ иммиграціонную станцію родственниковъ и друзей, желающихъ „получить" задержанныхъ иммигрантовъ. Толпа на пароходикѣ—та типичная для Нью-Іорка смѣсь народовъ, какую вѣроятно нельзя найти ни на одномъ другомъ клочкѣ земного шара. Гортанные звуки итальянцевъ, щебетанье нѣмокъ, волнистая рѣчь французовъ, возбужденные жесты, сопровождающіе жаргонную рѣчь,—все это сливается въ одинъ гулъ, приправляемый произносимыми на всякій ладъ англійскими словами. Это все „желтые", т. е. иммигранты, пробывшіе нѣсколько лѣтъ въ странѣ, успѣвшіе нѣсколько обжиться и объамериканиться. Горячее обсужденіе всѣхъ тонкостей закона объ иммиграціи перемѣшано съ разными каррикатурными сравненіями между „нами, желтыми" и „ими, зелеными". Чувствуется даже затаенная боязнь, что пріѣхавшій зеленый гость можетъ компрометировать „желтаго" джентльмэна или лэди; чтобы повліять на начальство, а можетъ быть, и чтобы поразить „зеленаго"—всѣ разодѣты въ пухъ и прахъ, и за исключеніемъ итальянцевъ, дольше другихъ сохраняющихъ свои народные обычаи въ одеждѣ и щеголяющихъ широкими фантастическихъ цвѣтовъ и рисунковъ платками на шеѣ вмѣсто воротниковъ—всѣ носятъ слѣды нивеллирующаго вліянія магазиновъ готоваго платья. Осматриваясь кругомъ, вы не можете сомнѣваться, что очень удивитъ свою родственницу эта пожилая, похожая на боченокъ еврейка, въ ажурной корфточкѣ, сквозь дырки и кружева которой откровенно выглядываютъ ея расплывшіяся формы. Вы думаете, въ этомъ какое-нибудь стремленіе нарушить общественную нравственность? Нисколько, но наивная еврейка не знаетъ, что quod licet Iovi, non licet bovi, что къ лицу ея 16-ти лѣтней дѣвочкѣ, совсѣмъ не къ лицу такой коровѣ. Не меньше вѣроятно удивитъ свою сестру эта изящная дамочка, съ подкрашенными щечками и глазками и массой колецъ, браслетовъ и погремушекъ. Америка несомнѣнно готовитъ удивительные сюрпризы своимъ гостямъ.

— Сколько сегодня прибыло иммигрантовъ?—спрашиваю я человѣка въ формѣ иммиграціонной станціи.

— Сегодня немного. Работа легкая. Всего прибыло два корабля.

Одинъ съ 753, а другой привелъ 367—всего значитъ 1120 человѣкъ.

Это въ одинъ день, и это немного! Ибо бываютъ дни, когда черезъ иммиграціонную станцію проходитъ 4000—5000 человѣкъ.

* * *

— Что же вы именно хотите знать объ иммиграціи? Это вѣдь такой огромный вопросъ, что о немъ можно говорить безъ конца,— любезно встрѣтилъ меня коммиссаръ Уачгорнъ.

— Меня интересуетъ вопросъ о допущеніи иммигрантовъ, и я желалъ бы лично ознакомиться съ этимъ методомъ, если вы позволите.

— Несомнѣнно! Все зданіе иммиграціонной станціи къ вашимъ услугамъ. Вотъ, позвольте васъ познакомить. Г. начальникъ станстанціи, это русскій журналистъ (и г. Уачгорнъ многозначительно подчеркнулъ слово *русскій*), который желаетъ осмотрѣть станцію. Вы будете любезны *все* показать ему. А еще чѣмъ могу быть полезнымъ?

— Меня, г. коммиссаръ, спеціально интересуетъ русская и русско-еврейская иммиграція,—отвѣтилъ я.—Мнѣ бы хотѣлось выслушать ваше мнѣніе о ней. Не находите ли вы, что она принимаетъ ужасные размѣры?

(Я не безъ умысла предложилъ этотъ вопросъ. Съ цифрами иммиграціи я былъ отлично знакомъ, но я именно хотѣлъ выслушать офиціальное мнѣніе объ этомъ).

— Нѣтъ—не нахожу. Мы дѣйствительно ожидали, что благодаря послѣднимъ событіямъ сюда нагрянетъ огромная толпа русскихъ евреевъ (г. Уачгорнъ вездѣ употреблялъ слово Hebrews, считающееся почему то болѣе благозвучнымъ, чѣмъ Jews. Англійскій языкъ вообщее болѣе богатъ на синонимы. Такъ, желая обозначить еврея,—вы имѣете выборъ между Judaeans—іудеи, терминъ предпочитаемый еврейскими банкирами и профессорами, Hebrews—евреи, по терминологіи массы американскихъ и нѣмецкихъ евреевъ, Jews—какъ себя называютъ евреи русскіе, польскіе, румынскіе и т. д., и наконецъ—shiepie—жидъ, какъ иногда обозначаютъ бородатыхъ евреевъ ирландскіе и нѣмецкіе хулиганы). Но наши опасенія не оправдались. Мы помнимъ времена большихъ приливовъ еврейской иммиграціи. Не правда ли?—обратился онъ за подтвержденіемъ къ начальнику станціи.

Начальникъ подтвердилъ. Самъ Уачгорнъ, какъ я это зналъ, не могъ помнить этихъ временъ, ибо онъ занялъ свою должность всего 2—3 мѣсяца тому назадъ.

— Ну, а что касается качества еврейскихъ иммигрантовъ? Я слыхалъ, что теперь пріѣзжаютъ изъ Россіи болѣе „нежелательные“, болѣе вредные элементы?—настаивалъ я.—Не находите ли вы, что теперешніе еврейскіе иммигранты причиняютъ вамъ болѣе хлопотъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Характеръ еврейской иммиграціи совсѣмъ обыкновенный.

— Вы находите что-нибудь особенное въ теперешней еврейской иммиграціи?

Опять начальникъ станціи съ энтузіазмомъ подтвердилъ слова коммиссара.

— Но на Истъ-Сайдѣ говорятъ, что теперь больше евреевъ стало задерживаться?—не унимался я.

— Совершенная неправда, — категорически заявилъ г. Уачгорнъ.—Не вѣрьте газетамъ и разнымъ толкамъ. Вотъ вы убѣдитесь въ этомъ сами, когда осмотрите станцію. О нашей станціи принято говорить съ озлобленіемъ и разсказывать разныя небылицы. Я былъ бы очень радъ, если бы вы ихъ опровергли.—И опять послѣдовала апелляція къ начальнику станціи.

— Такъ что въ общемъ вы находите, что русско-еврейская иммиграція не возбудила въ послѣдніе два года никакихъ спеціальныхъ вопросовъ или затрудненій?

— Никакихъ!—категорически отвѣтилъ коммиссаръ.

— Еще одинъ вопросъ. Въ Вашингтонѣ много говорятъ о необходимости направлять струи иммиграціи туда, гдѣ она наиболѣе необходима. Говорили даже объ учрежденіи здѣсь бюро для распредѣленія иммиграціи. Не можете ли вы познакомить меня съ вашей дѣятельностью въ этомъ направленіи?

— Этой дѣятельности не существуетъ, да она и не можетъ существовать. Она была бы незаконной. Мы не располагаемъ судьбой иммигранта, какъ только онъ допущенъ. Да и безсильны мы надъ его волей. Развѣ можете вы заставить человѣка жить не тамъ, гдѣ онъ хочетъ. Онъ сегодня уѣдетъ, а завтра вернется въ Нью-Іоркъ, если только хватитъ на дорогу.

У меня промелькнула мысль, что есть страны, гдѣ евреи живутъ, гдѣ не хотятъ, и не могутъ жить тамъ, гдѣ имъ хотѣлось бы, и что тамъ, въ этихъ далекихъ странахъ, съ этимъ вопросомъ справляются безъ особыхъ затрудненій для начальства, но я не хотѣлъ разрушать иллюзій американскаго чиновника.

Я намѣренно привожу здѣсь этотъ скучный діалогъ, какъ намѣренно донималъ имъ любезнаго г. Уачгорна. И [illegible]

Я зналъ, что отвѣты моего чиновнаго собесѣдника не совсѣмъ искренни. Я зналъ, что оффиціальная, такъ сказать, тенденція иммиграціоннаго департамента считать иммигрантовъ остающихся въ городахъ менѣе желательными, чѣмъ иммигрантовъ отправляющихся на фермы,—а иммигрантовъ, остающихся въ Нью-Іоркѣ, наименѣе желательными. Къ этой категоріи, слѣдовательно, принадлежали и русскіе евреи. Я зналъ, что генеральный коммиссаръ Сардженъ не разъ высказывалъ эти мысли, что даже въ этомъ духѣ проговаривался и г. Уачгорнъ, что на увеличеніе числа иммигантовъ съ востока Европы (т. е. опять таки евреевъ), принято смотрѣть съ тревогой и что оффиціально Сардженъ настаивалъ на необходимости направлять иммигрантовъ на югъ.

Въ чемъ же объясненіе неискренности коммиссара въ разговорѣ со мной? Оно въ твердомъ рѣшеніи не высказать офиціально еврею (а г. Уачгорнъ вѣроятно безъ затрудненій догадался о національности „русскаго" журналиста) ни одного слова порицанія его единоплеменникамъ. И это не простая вѣжливость—это политическая мѣра. Недаромъ же г. Уачгорнъ замѣнилъ своего предшественника г. Вильямса, котораго вся пресса называла идеальнымъ коммиссаромъ иммиграціи и котораго режимъ дѣйствительно сопровождался спеціальными строгостями противъ евреевъ-иммигрантовъ. Недаромъ же та же пресса обвиняетъ теперь г. Уачгорна, что онъ слишкомъ широко открылъ двери въ Америку. Эта боязнь оскорбить хотя бы однимъ словомъ еврея находитъ себѣ естественное объясненіе въ томъ огромномъ числѣ евреевъ, которое уже находится въ Нью-Іоркѣ и въ Америкѣ вообще. Правда, что есть другія страны, гдѣ евреевъ гораздо больше, чѣмъ въ Америкѣ, и гдѣ ихъ оскорблять не только словомъ, но и дѣйствіемъ не боятся, гдѣ, напротивъ, казенный человѣкъ считаетъ это одной изъ своихъ прямыхъ обязанностей, гдѣ... но къ чему дальнѣйшія сравненія? Кому же не ясны дѣйствительныя причины этой разницы?

И не только коммиссаръ, но и начальникъ станціи не переставалъ отвѣчать „нѣтъ" на всѣ эти вопросы, но при встрѣчѣ въ корридорахъ съ другими чиновниками и, знакомя меня, немедленно же добавлялъ:

— Вотъ мы обсуждали вопросъ, причиняютъ ли намъ русско-еврейскіе иммигранты особенныя хлопоты. Неправда ли, что вы [illegible]ршенно не находите?

[illegible] не сразу находили, что отвѣчать, то они въ глаза своему начальнику и говорили:

— Нѣтъ—никакихъ. У насъ бывали гораздо худшія времена. Да и теперь они изъ лучшихъ иммигрантовъ.

— Да и вообще всѣ эти разговоры о недопущеніи иммигрантовъ выѣденнаго яйца не стоятъ,—говорилъ мнѣ начальникъ, проводя меня въ главный залъ, гдѣ пропускаются иммигранты.—Законъ такъ мягокъ... Среднимъ числомъ, отсылается обратно около полупроцента всѣхъ иммигрантовъ. Одинъ изъ двухсотъ, пять человѣкъ изъ тысячи, какую же это играетъ роль? Сколько сегодня было задержано людей?—обратился онъ къ одному изъ чиновниковъ.

— Семьдесятъ человѣкъ.

— Семьдесятъ изъ 1120 человѣкъ,—продолжалъ инспекторъ.—Они значитъ предстанутъ передъ присутствіемъ (board), гдѣ огромное большинство изъ нихъ будутъ пропущены. Задержаны—это значитъ, что ихъ не нашелъ возможнымъ пропустить на собственный страхъ одинъ изъ инспекторовъ. А тѣ немногіе случаи, которыхъ board не найдетъ возможнымъ пропустить, будутъ еще апеллировать къ коммиссару, а потомъ въ министерство, въ Вашингтонъ. За всякій случай, не пропущенный board'омъ, немедленно берутся адвокаты; а нерѣдко пускается въ ходъ и политическое вліяніе. Въ концѣ концовъ выходитъ, что изъ тысячи едва 5—6 человѣкъ вынуждены вернуться.

— И неужели вы думаете, что изъ тысячи человѣкъ только 5—6 своимъ пріѣздомъ наносятъ прямой вредъ странѣ?

— На какомъ основаніи можетъ Европа требовать, чтобы мы приняли въ нашу среду заразныхъ, неизлѣчимыхъ больныхъ, калѣкъ, преступниковъ, или нищихъ, которыхъ содержать не дѣло общины? Вѣдь выслать въ Америку гораздо дешевле, чѣмъ содержать у себя. Мы пытаемся задержать тѣхъ, которымъ доступъ запрещенъ закономъ. Но мы отлично сознаемъ, что огромное число лицъ этого класса проходитъ здѣсь незамѣченными, не открытыми.

Мы вошли въ главный залъ, черезъ который течетъ гигантская иммиграціонная волна. Этотъ залъ уже неоднократно служилъ сюжетомъ детальныхъ описаній на русскомъ, какъ и на другихъ языкахъ, и описаній по преимуществу „обличительнаго" характера. Раздѣленный высокими и крѣпкими желѣзными перегородками на комнатки и корридоры, черезъ которые нервно тѣснится возбужденная толпа иммигрантовъ—онъ на первый моментъ производитъ дѣйствительно неблагопріятное впечатлѣніе. Точно загнали и осматриваютъ стадо скота. На интеллигентнаго нерв-

наго человѣка это обстоятельство само по себѣ должно произвести подавляющее впечатлѣніе [1]). Однако, литературные критики рѣдко задумывались надъ тѣмъ, что разъ существуетъ законъ объ осмотрѣ и допросѣ иммигрантовъ, необходимы какія-нибудь техническія приспособленія для исполненія этого закона, что такія техническія приспособленія необходимы были бы уже для полученія весьма интересныхъ и цѣнныхъ статистическихъ данныхъ объ иммиграціи. Подумать только, сколько времени и хлопотъ потребовала бы въ русскомъ казенномъ учрежденіи такая задача, какъ опросъ и допущеніе нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ въ день; какую суматоху, напр., вызываетъ призывъ. Ругая грубость и жестокость американскихъ иммиграціонныхъ чиновниковъ, едва ли кто обратилъ вниманіе на ихъ адскую работу. Въ этотъ день прибыло 1120 человѣкъ — и къ часу дня уже кончилась работа опроса и допущенія, за исключеніемъ задержанныхъ случаевъ. Самый методъ допущенія такъ простъ, несмотря на всѣ душураздирающія описанія, что едва ли сложнѣе простого сбора статистическихъ свѣдѣній. У кассы опернаго театра приходится стоять часто дольше, чѣмъ здѣсь у столика инспектора—мелкаго чиновника съ 1200 долларнымъ окладомъ, котораго благопріятное рѣшеніе имѣетъ обязательную силу. Этому допросу предшествуетъ медицинскій осмотръ, также поверхностный. Осматриваются кожа лица и рукъ, волосы, глаза, для опредѣленія накожныхъ и другихъ заразительныхъ болѣзней. Если врачъ такимъ образомъ, по общему нездоровому виду иммигранта подозрѣваетъ какое-нибудь патологическое состояніе, то подвергаетъ его одиночному, болѣе тщательному осмотру, и если подозрѣнія подтверждаются, прикалываетъ на одеждѣ желтый ярлычекъ: Phisician's certificate. За исключеніемъ этихъ выдѣленныхъ, ряды иммигрантовъ слѣдуютъ въ перегородкахъ, какъ передъ кассой театра, къ инспекторскимъ столикамъ.

---

[1]) Наилучшія усилія иммиграціоннаго начальства часто истолковываются превратно и служатъ причиной жалобъ. Одна русская дама, пріѣхавшая вторымъ классомъ и никѣмъ не встрѣченная, была задержана на одну ночь на кораблѣ, пока не пріѣхалъ ея братъ изъ близлежащаго города. Это было сдѣлано въ силу правила о недопущеніи одинокихъ женщинъ, никѣмъ не встрѣчаемыхъ,—правила, имѣющаго цѣлью предупрежденіе большихъ непріятностей для женщинъ же. Этого задержанія на 12 часовъ достаточно было для горячихъ филиппикъ противъ иммиграціоннаго бюро и вообще деспотизма американскаго правительства. И подумать только, что дама пріѣхала изъ Россіи!

— Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я присутствовалъ при допросѣ иммигрантовъ?..—спросилъ я начальника станціи, который отвѣтилъ немедленнымъ согласіемъ.

У небольшой конторки сидитъ инспекторъ и около него переводчикъ, судя по національности иммигрантовъ. Въ случаѣ необходимости могутъ быть призваны переводчики для всѣхъ почти языковъ. Иммигрантъ подходитъ, обремененный обыкновенно огромнымъ количествомъ тюковъ, мѣшковъ и корзинъ. Онъ быстро сообщаетъ свое имя, возрастъ и подобныя свѣдѣнія, занятіе и назначеніе, имѣетъ ли друзей или нѣтъ. Если онъ человѣкъ молодой или среднихъ лѣтъ, вообще человѣкъ, который по внѣшности въ состояніи прожить трудомъ рукъ своихъ, то онъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій: Куда ѣдете? А деньги на дорогу есть? Покажите сколько? Бросая взглядъ въ желѣзнодорожный путеводитель:—да, на билетъ хватитъ! Пропустите его! И иммигрантъ отправляется въ сторону, гдѣ собираются всѣ иммигранты, ѣдущіе въ глубь страны. Я слѣдилъ за минутной стрѣлкой и среднее время допроса длится не больше 1—$1^1/_2$ минутъ.

Хотя разница не санкціонирована закономъ, но насколько я успѣлъ замѣтить, инспекторъ охотнѣе и быстрѣе рѣшается допустить людей, направляющихся въ глубь страны.

Какіе случаи задерживаются для представленія присутствію инспекторовъ (board)? Случаи, подозрительные въ медицинскомъ отношеніи, выдѣлены были уже заранѣе, и инспектору предстоитъ рѣшить довольно неопредѣленный вопросъ,—вѣроятно ли, что иммигрантъ сдѣлается обузой для общественной благотворительности. Неопредѣленность такого вопроса имѣла бы очень печальныя послѣдствія, еслибы неблагопріятное рѣшеніе инспектора имѣло какую нибудь силу. Но какъ я уже замѣтилъ, инспекторъ можетъ только рѣшить представить „случай“ совѣту изъ трехъ инспекторовъ. Проходитъ женщина съ массой дѣтей и безъ денегъ, безъ опредѣленныхъ занятій, ѣдущая къ мужу въ отдаленный городъ, старикъ, малолѣтнія дѣти, молодыя женщины безъ провожатыхъ—вотъ иммигранты, которыхъ инспекторъ не рѣшается допустить на собственный страхъ.

— Вотъ видите. Судите сами, можно ли тутъ говорить о строго-
граціоннаго закона?—спросилъ меня начальникъ станціи,
простояли минутъ пятнадцать, и я вынужденъ былъ со-
что нельзя.
какъ опросъ иммигрантовъ почти что кончился, мы пошли
ать остальные отдѣлы станціи. Мы прошли рядъ комнатъ

для медицинскихъ осмотровъ, для задержанныхъ иммигрантовъ, для дожидающихся рѣшенія board'a и для присужденныхъ къ возвращенію. Вездѣ желѣзныя рѣшетки, стражи, точно на самомъ дѣлѣ мы были въ домѣ для заключенія политическихъ преступниковъ. Когда я хотѣлъ вернуться назадъ, а начальникъ станціи остался, чтобы сдѣлать кое-какія распоряженія, то стражъ даже меня задержалъ, несмотря на мой ироническій вопросъ:—„Уже не хотите ли вы меня насильно въ Европу вернуть? Если пошлете первымъ классомъ, то я ничего не имѣю противъ этого!"—пока не подоспѣлъ начальникъ станціи и не выручилъ меня. Все это, какъ я сказалъ, подавляетъ и за человѣка обидно, — но стоитъ подумать, чтобы убѣдиться, что для большинства даже задержанныхъ это фарсъ—(почему, я объясню дальше). Для тѣхъ, которые входятъ въ составъ полупроцента возвращающихся это не фарсъ, а трагедія. Но размѣры этой трагедіи значительно уменьшились бы, если бы: 1) пароходныя компаніи относились добросовѣстнѣе къ своему дѣлу и не брали бы людей, допущеніе которыхъ очевидно запрещено закономъ,—въ надеждѣ, что авось пропустятъ. Если вспомнить, что всякій непропущенный иммигрантъ содержится на станціи, а затѣмъ возвращается въ Европу на средства той пароходной компаніи, которая доставила его въ Америку,—и все же пароходныя компаніи почти никому не отказываютъ въ провозѣ, предпочитая рисковать стоимостью возврата, то станетъ очевиднымъ, что во многихъ случаяхъ „случай" на ихъ сторонѣ. Носятся въ еврейской колоніи слухи, что при помощи десятидолларной бумажки можно многое сдѣлать, и насколько эти слухи вѣрны, или невѣрны, мнѣ за мой визитъ провѣрить невозможно было. Въ станціи столько служащихъ, что среди нихъ могутъ оказаться и нѣсколько нечестныхъ. Но мы чрезвычайно предупреждаемъ всякаго еврейскаго иммигранта не пытаться пускать въ ходъ этотъ методъ, потому что всѣ шансы за то, что предложившій взятку уже за это одно ни въ коемъ случаѣ не будетъ допущенъ.

Большинство осмотрѣнныхъ мною комнатъ были свѣтлыя, высокія и чистыя, хотя и обставлены безъ малѣйшаго комфорта. Исключеніе составляла комната, гдѣ содержались приговоренные къ возвращенію. Здѣсь толкотня и тѣснота была ужасная, и это не могло не казаться излишней жестокостью. На первый взглядъ итальянцевъ было гораздо больше, чѣмъ евреевъ въ этой комнатѣ. Здѣсь было нѣсколько очень большихъ семей, нѣсколько итальянскихъ мальчишекъ, присланныхъ сюда безъ денегъ и безъ адресовъ, куда обратиться. Насколько допущеніе этой небольшой группы лицъ

повредило бы Америкѣ, насколько они были хуже другихъ, допущенныхъ—трудно сказать, но какъ я успѣлъ убѣдиться, если бы иммигранту и въ Россіи, и въ Америкѣ было дано нѣсколько помощи—совѣтомъ болѣе чѣмъ деньгами, то число недопущенныхъ было бы значительно уменьшено.

Нѣкоторая помощь этого рода оказывается прибывающимъ евреямъ двумя еврейскими агентами, изъ которыхъ одинъ г. White представляетъ United Hebrew Charities (Союзъ еврейскихъ благотворительныхъ обществъ), другой г. Harkavy—небольшую организацію Jewish Immigrant Aid Society (общество помощи еврейскимъ иммигрантамъ). Обоимъ агентамъ отведены столы въ зданіи иммиграціонной станціи, и власти всячески помогаютъ имъ въ ихъ дѣятельности. Завершивъ обходъ зданія, начальникъ станціи сдалъ меня на руки г. Уайту, къ которому я немедленно обратился съ просьбой познакомить меня съ характеромъ его дѣятельности.

Г. Уайтъ мнѣ очень обрадовался, какъ человѣкъ, которому давно уже хотѣлось высказаться и душу отвести.

— Ахъ, что я дѣлаю? И не спрашивайте. Цѣлый день хлопочу, бѣгаю, стараюсь то распутать, что эти несчастные, напуганные иммигранты сами напутаютъ безъ всякой нужды—Богъ знаетъ зачѣмъ... Но слушайте—я въ Россіи не былъ. Но все же я знаю, въ какомъ положеніи русскіе евреи. Жизнь ихъ такова, что они должны спать и скрываться отъ начальства. Безъ обмана русскій еврей совсѣмъ вѣроятно прожить не можетъ. Вы согласны? Да? Такъ вотъ я этимъ и объясняю себѣ, почему они разсказываютъ здѣсь такія фантастическія небылицы. Только вѣдь ненужно это, совсѣмъ не нужно! И какъ они врутъ, какъ они врутъ! И такой туманъ напустятъ, что прямо ничего разобрать нельзя! Другой разъ самый ясный простой случай такъ запутаютъ, что и не знаешь, какъ помочь имъ. И если вы будете писать въ Россію, то, пожалуйста, настаивайте, *чтобы иммигранты говорили здѣсь всю правду*. Возьмите, напр., такой случай. Ѣдутъ сюда мужъ съ женой, молодые люди—безъ дѣтей. Чего имъ бояться?—навѣрно пропустятъ. Такъ нѣтъ, кто то на пароходѣ уговорилъ, что они должны скрывать свое супружество, пусть назовутся кузенами. Вотъ его пропускаютъ, а ея нѣтъ. Родственниковъ нѣтъ, денегъ у тебя нѣтъ, съѣдешь съ какимъ то кузеномъ, кто тебя знаетъ. Не хотятъ пуст[illegible] онъ гвалтъ подымаетъ. Какъ же, это моя жена! А, [illegible] почему раньше не говорилъ, что жена? Задерживаютъ [illegible] начинается катавасія. Удалось однако растолковать [illegible] инспекторамъ, пропустили.

А вотъ другой случай. Ѣдетъ молодой человѣкъ съ дѣвочкой лѣтъ 12-ти. Сестрица говоритъ. У молодого человѣка оказалась неизлѣчимая болѣзнь глазъ, родственниковъ нѣтъ. Рѣшились вернуть его. А слѣдовательно и сестра его должна ѣхать съ нимъ. Вдругъ получаю телеграмму изъ Синсинаатъ:

„Съ такимъ то пароходомъ должна была пріѣхать къ намъ дочь 12-ти лѣтняя дѣвочка, по имени такая то. Гдѣ она?" Смотрю списки, нѣтъ такой дѣвицы. Ищу, бѣгаю, потомъ явилось подозрѣніе— уже не эта ли „сестра". Такъ и оказалось. Сталъ допытываться. Зачѣмъ же ты ее сестрой называешь, если она тебѣ не сестра? А такъ думалъ, что легче будетъ пройти, если сестра. Ѣхали изъ одного города, я обѣщалъ вотъ дѣдушкѣ ея — доставить ее ея родителямъ. Такъ посовѣтовали сказать, что сестру везу. И изъ-за такой ерунды ни въ чемъ не повинную дѣвчонку едва не отправили вмѣстѣ съ нимъ.

— Все это лишь цвѣточки. Вотъ у меня на рукахъ случай, такъ просто руками разводишь, — быстро продолжалъ г. Уайтъ, трагически потрясая въ воздухѣ телеграммой.

Вотъ я вамъ разскажу. На прошлой недѣлѣ пріѣзжаетъ сюда еврейка съ четырьмя дѣтьми. Ну ее спрашиваютъ: „Къ кому ѣдете?"—„Къ дядѣ". „А мужъ гдѣ?" „Мужъ остался дома, я разводка". А ну, разводка, съ четырмя дѣтьми, мала мала меньше. Не хотятъ пустить. Зовутъ, стало быть, меня. Ну я, телеграфирую дядѣ: такъ, молъ, и такъ—пріѣхала твоя племянница съ четырьмя дѣтьми. Не пускаютъ ихъ. Пріѣзжай-ка сюда. Пріѣзжаетъ дядя съ тетей изъ Коннектикута. Просятъ пропустить ихъ, говорятъ, что согласны содержать пріѣхавшихъ. Разспросили значитъ дядю, чѣмъ занимается, сколько зарабатываетъ, и рѣшили, что не съумѣетъ онъ пропитать лишнихъ 5 ртовъ Такъ не хотятъ пускать. Уѣхали дядя съ тетей, а черезъ нѣсколько дней опять, пріѣзжаютъ. Привезли съ собой купчую на домикъ ихній у себя въ городкѣ, какъ доказательство своего благосостоянія. Апеллировали и въ Ващигтонъ. Ничего не вышло. Не пускаютъ. Всего хуже, что разводка. Если бы вдова была, такъ пропустили бы. Ну-съ не сегодня, такъ завтра ихъ должны вернуть. И вотъ читайте, что я сегодня получилъ.

И г. Уайтъ сунулъ мнѣ телеграмму, которой все время возбужденно жестикулировалъ.

Телеграмма гласила:

Г. Уайтъ, Еллисъ Апландъ, Нью-Іоркъ.

Телеграфируйте немедленно, почему не хотятъ пропустить мою жену (имя рекъ) и моихъ четырехъ дѣтей.

Я посмотрѣлъ на г. Уайта и съ недоумѣніемъ проговорилъ:

— Ничего не понимаю.

— Вотъ то-то. И я ничего не понялъ. Ну, пошелъ къ этой „разводкѣ", сталъ допытываться. Разсказываетъ вотъ что. Вовсе она не разводка, а замужняя. Мужъ годъ тому назадъ уѣхалъ въ Америку. Устроился онъ пока неважно, и потому писалъ ей, чтобы ждала пока дѣла поправятся. А тѣмъ временемъ ей жить стало не въ моготу. Списалась съ дядей, который живетъ въ томъ же городѣ съ мужемъ, и рѣшила проѣхать несмотря на протесты мужа безъ его согласія. Продала домикъ и поѣхала.

— Отчего же она здѣсь правды не сказала?

— А почемъ я знаю?—нервно спросилъ г. Уайтъ.

— Ну, а вы вѣрите всей этой исторіи?—скептически спросилъ я.

— А, ей Богу же, не знаю кому вѣрить, кому не вѣрить. Я такъ думаю, можетъ она съ мужемъ не особенно мирно жила и боялась, что мужъ не явится взять ее, такъ она думала ему на голову нагрянуть, а вотъ что вышло—да! Ну, похлопочу еще сегодня. Можетъ быть, что-нибудь выйдетъ.

— Вотъ позвольте васъ познакомить,—обратился г. Уайтъ къ подошедшему старику въ формѣ, круглой фигурой напоминавшему Бисмарка.—Это маіоръ Самси, предсѣдатель присутствія инспекторовъ. Маіоръ Самси, этому джентльмэну дано разрѣшеніе отъ начальника станціи присутствовать при сессіи присутствія.

— Очень радъ, очень радъ!—еще сильнымъ голосомъ, несмотря на сѣдину и преклонный возрастъ, проговорилъ маіоръ Самси.—А мой другъ, г. Уайтъ, васъ навѣрно занималъ интересными разсказами. Отличный парень—онъ, г. Уайтъ. Но знаете, я не хотѣлъ бы его мѣста, за десять тысячъ долларовъ не взялъ бы. Хлопочетъ, бѣгаетъ цѣлый день безъ отдыху, а развѣ удовлетворишь всѣхъ. Вѣдь у насъ такіе странные случаи бываютъ.

И г. Самси началъ разсказывать серію „случаевъ" того же характера, какъ разсказанные г. Уайтомъ.

Случаи! Какими странными, печальными они кажутся со стороны. И какую тяжелую человѣческую драму олицетворяетъ каждый случай. Кажется ничего не съумѣлъ достигнуть иммиграціонный законъ больше, какъ напугать сотни тысячъ людей по всѣмъ угламъ Европы. Въ итальянскихъ деревняхъ и литовскихъ мѣстечкахъ, вѣроятно, изо дня въ день обсуждается этотъ

„страшный“ законъ. Друзья и родственники, уже прибывшіе въ Америку, уже успѣвшіе „пожелтѣть“ и потому убѣжденные, что они несравненно умнѣе своихъ оставшихся на родинѣ родственниковъ, въ каждомъ письмѣ шлютъ указанія. Когда пріѣдешь и тебя начнутъ спрашивать, говори то-то, а того не говори! На пароходѣ всѣ десять дней въ промежутки между тошнотой и рвотой „законъ“ этотъ служитъ главной темой разговоровъ. Несчастная литовская еврейка, изъ всего кодекса законовъ знавшая до сихъ поръ одно только правило „урядника надо бояться“, отъ этой путаницы совѣтовъ и указаній совсѣмъ теряетъ голову. Когда наступаетъ страшная минута допроса, въ ея головѣ царитъ такая путаница, что она несетъ околесицу, непремѣнно вретъ, путается во лжи, повергаетъ въ отчаяніе допрашивающаго инспектора—и задерживается, дѣлаясь предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій.

И въ 99 случаяхъ изъ ста всего этого можно было бы избѣжать, если бы ей внушили правило: говори правду.

Я утверждаю это не голословно и не по разсказамъ другихъ, но съумѣлъ убѣдиться въ этомъ собственными глазами во время сессіи „инспекторскаго присутствія“.

Пробило два. Инспектора успѣли позавтракать и спѣшили въ присутствія. Подоспѣлъ маіоръ Самси и увлекъ меня въ свою комнату. Обстановка совсѣмъ неторжественная: за длиннымъ дубовымъ столомъ сидѣли три инспектора, составлявшіе „board“; одно изъ трехъ мѣстъ заняла инспектрисса, которая все время страшно хмурилась и злилась, какъ будто каждый иммигрантъ былъ ей личное оскорбленіе. Каждый разъ, когда ей приходилось говорить: „предлагаю иммигранта допустить“, ея голосъ принималъ какой то могильный оттѣнокъ. За это я въ минуту возненавидѣлъ инспектриссу и готовъ былъ сочинить статью противъ женщинъ-чиновниковъ. Даже маіоръ Самси съ удивленіемъ косился на своего коллегу и, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ:

— Что это вы, барыня, сегодня такая хмурая?

— Зубъ болитъ,—пробурчала инспектрисса.

Второй инспекторъ—сѣдоватый, нечисто бритый, съ очками на кончикѣ длиннаго носа—удивительно похожъ былъ на русскую канцелярскую крысу. Какъ Собакевичъ, онъ въ каждомъ чуялъ мошенника, и донималъ его добавочными вопросами, не довольствуясь допросомъ маіора Самси. Стенографъ глупо улыбался и посматривалъ на часы. Но душой присутствія былъ маіоръ—типъ, встрѣчѣ съ которымъ былъ бы радъ всякій великій художникъ

слова. Маіоръ лицо историческое и благодаря этому пользуется среди сослуживцевъ большимъ вліяніемъ. Онъ шутя грубитъ даже начальству, но начальство не сердится, потому что маіоръ на особомъ положеніи. Съ его исторіей познакомилъ меня начальникъ станціи, заглянувшій въ комнату засѣданіи board'a. Маіоръ Самси (Samseu) венгерецъ, иммигрировавшій въ Соединенные Штаты въ 1851 году, какъ одинъ изъ свиты Кошута. Онъ дрался за свободу Венгріи въ своемъ старомъ отечествѣ и за освобожденіе негровъ въ новомъ. И въ его обращеніи съ иммигрантами не трудно было замѣтить, что чиновникъ-формалистъ послѣ 30-лѣтнихъ усилій все еще не съумѣлъ одержать верхъ надъ старымъ борцомъ за человѣческую свободу. Онъ самъ допрашивалъ какъ иммигрантовъ, такъ и ихъ родственниковъ, приходившихъ „вынуть" иммигранта, подсказывалъ формы вопроса, необходимые отвѣты; и другіе инспектора хмурились, но ничего не могли подѣлать. Всего поразительнѣе было наблюдать, съ какой легкостью старый маіоръ обращался къ иммигрантамъ на ихъ родномъ языкѣ. Въ два часа, которые я провелъ у его стола, я слышалъ, какъ онъ бѣгло говорилъ по итальянски, по нѣмецки, по польски, немножко по русски; онъ великолѣпно говорилъ на жаргонѣ, и очень смѣялся, когда свидѣтели называли его „der idescher dgodg (judge—судья)". Когда для двухъ испанскихъ иммигрантовъ призванъ былъ испанскій переводчикъ, то онъ оказался настолько некомпетентнымъ, что опять таки маіоръ долженъ былъ ему помочь. Но когда передъ столомъ предсталъ молодой арабъ, то маіоръ, добродушно улыбаясь, заявилъ: „Нѣтъ, съ нимъ я не столкуюсь".

На скамьяхъ лицомъ къ дубовому столу сидѣли обвиняемые, то бишь, виноватъ, иммигранты. Но право же обстановка до того напоминала судъ что поневолѣ приходила въ голову мысль, что иммигрантовъ будутъ судить за ужасныя преступленія. Взглядъ на лица иммигрантовъ потверждалъ эту иллюзію. На лицахъ этихъ выражалась такая смертельная тоска, такой страхъ, какъ будто на самомъ дѣлѣ имъ угрожала смертная казнь. До того ужасно казалась имъ возможность вынужденнаго возвращенія на родину, возможнаго изгнанія изъ обѣтованной страны. На передней скамейкѣ сидѣла старая еврейская супружеская пара,—старуха въ какомъ-то запачканномъ балахонѣ и старикъ съ краснымъ въ пятнахъ лицомъ и напухшими, красными отъ плача вѣками безъ рѣсницъ. Молодая еврейка съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ плакала, отъ времени до времени прерываемая грознымъ шиканіемъ сторожа, итальянецъ съ испуганными глазами сидѣлъ сгорбившись и дер-

жалъ въ рукахъ свой паспортъ. Нѣсколько итальянскихъ мальчишекъ, очевидно, рѣшительно не понимали—въ чемъ дѣло. Позади сидѣла типичная польская женщина лѣтъ 45, въ цвѣтномъ платкѣ, съ дочкой. Только въ углу совершенно невозмутимо возсѣдала стройная, несмотря на сѣдину, испанка, въ изящно приколотой кружевной косынкѣ, и рядомъ съ ней молодая блондинка испанка, которая, несмотря на поблѣднѣвшее лицо, бросала не безъ кокетства испуганные взгляды на мужчинъ.

И начался „судъ". По большинству этихъ „случаевъ" были вызваны уже „свидѣтели", т. е. живущіе въ Америкѣ родственники пріѣхавшихъ. Сыновья, дочери, братья, дяди. Быстрымъ допросомъ у нихъ получались свѣдѣнія для провѣрки отвѣтовъ данныхъ иммигрантами. Надо замѣтить, что въ этой комнатѣ происходило свиданіе людей, не видавшихъ другъ друга можетъ быть многіе годы, съ лихорадочнымъ волненіемъ ждавшихъ этого момента, но они не имѣли права говорить другъ съ другомъ.

Быстро слѣдовали одинъ за другимъ вопросы:

Ваше имя? Занятіе? Сколько вы зарабатываете? Сколько у васъ денегъ? Чей пріѣздъ вы ожидали? Это-ли человѣкъ, котораго вы ожидали? Что вы намѣрены съ нимъ сдѣлать? Обѣщаете-ли вы заботиться немного объ этихъ людяхъ, такъ чтобы имъ не пришлось обращаться къ общественной благотворительности?

Отвѣты давались сдавленнымъ, прерывавшимся отъ волненія голосомъ, глаза искали дорогихъ лицъ. Но побывши въ Америкѣ, старый иммигрантъ уже умѣлъ нѣсколько сдерживаться. За то иммигранты не могли усидѣть. Бѣдный старикъ съ покраснѣвшими глазами, увидѣвъ своего сына, вскочилъ и, захлебываясь отъ рыданій, побѣжалъ къ столу, но его удержало грозное рычаніе сторожа „Sit down", котораго онъ, конечно, не понялъ.

Очень характерная подробность это стремленіе родственниковъ потвердить истину своихъ показаній документальнымъ путемъ—проклятая русская привычка, выросшая на принципѣ, что всякій человѣкъ лгунъ, если онъ не можетъ доказать противнаго. Какъ иммигрантъ лѣзъ съ своимъ „паспортомъ", такъ его родственникъ совалъ свою „торговую карту", которую маіоръ неизмѣнно отстранялъ.

„Говорите!—добродушно рычалъ онъ.—Говорите правду. Ваше слово важнѣе этихъ бумажекъ. Я вамъ вѣрю".

И, повторяя на англійскомъ языкѣ отвѣты свидѣтеля, маіоръ отчеканивалъ:

— Свидѣтель заявляетъ, что это отецъ и мать.

— Свидѣтель говоритъ, что онъ портной, зарабатываетъ отъ 12 до 15 долл. въ недѣлю. Свидѣтель утверждаетъ, что у него есть накопленныхъ 150 долл., въ доказательство чего демонстрируетъ свою банковую книжку. Свидѣтель заявляетъ, что онъ намѣренъ работать и содержать своихъ родителей, которые слишкомъ стары, чтобы работать самимъ. Предлагаю допустить иммигрантовъ „имя рекъ".

Канцелярская крыса и дама съ зубной болью махали головами, и сынъ мчался къ родителямъ. Обѣ стороны вполнѣ готовы разыграть сцену объятій и поцѣлуевъ, но именно этого момента поджидаетъ сторожъ, который умѣетъ прерывать семейныя сцены. Онъ начинаетъ безъ всякой необходимости орать и гнать иммигрантовъ изъ комнаты, грубо указывая на тюки и чемоданы и всѣмъ иммигрантамъ изъ славянскихъ странъ кричитъ:

— Коджь! — почему то воображая, что это слово значитъ „уйди" на всѣхъ славянскихъ языкахъ.

Маіоръ укоризненно качаетъ головой; и видя, что меня коробитъ отъ этой свирѣпой грубости, шепчетъ: „Поймите, нельзя же пустить ихъ всѣхъ здѣсь обниматься и цѣловаться. Такой скандалъ поднимутъ, что удрать придется".

Но разъ онъ тоже не выдержалъ, и когда сторожъ кричалъ: „Коджь!" молодой еврейкѣ съ ребенкомъ на рукахъ, показывая ей на мѣшокъ, маіоръ загремѣлъ: — Не видишь, что ли, что она ребенка держитъ? Возьми мѣшокъ и вынеси!

Очередь дошла до плачущей напуганной еврейки, съ полугодовалымъ ребенкомъ на рукахъ. Инспектрисса читаетъ результаты предварительнаго допроса. Имя рекъ, такая-то съ ребенкомъ, денегъ нѣтъ, вдова, пріѣхала къ шурину.

„Вызвать шурина".

Изъ свидѣтельской двери появляются два еврея. Они безъ воротниковъ и безъ галстуховъ — очевидно не очень долго въ странѣ, еще не „обамериканизовались". По англійски не говорятъ. При звукѣ жаргонной рѣчи маіора Самси — на напуганныхъ лицахъ расцвѣтаютъ радостныя улыбки. — Свой человѣкъ, еврей значитъ.

— Айзикъ Гольдманъ! (Къ одному). Это вы? (Къ другому). Подождите, я васъ не спрашиваю теперь. Айзикъ Гольдманъ, вы клянетесь, что будете говорить только правду и всю правду?

— Ну *аваде*, къ чему же говорить неправду.

— Кого вы встрѣчать пришли?

— А невѣстку. Вотъ она стоитъ.

— А это кто съ вами?

— А это братъ ея. Тоже въ Нью-Іоркѣ.

— Ну, почему вы не сказали, что у васъ братъ здѣсь есть?— укоризненно спрашиваетъ Самси у плачущей еврейки.—Эхъ дура, дура!—шепчетъ онъ, поворачиваясь въ мою сторону.—Есть братъ, а не говоритъ.—Но молодая женщина все смотритъ такими же круглыми отъ страха глазами, какъ будто это не ея братъ, котораго она годы не видала.

Идутъ подробные вопросы относительно благосостоянія. Установлено, что у обоихъ, и у шурина и у брата, есть лавчонки, водятся деньжата,—словомъ, все какъ слѣдуетъ.

Доходитъ очередь до вопроса:

— Что вы намѣрены сдѣлать для родственницы?

— Что значитъ, что намѣрены сдѣлать? Пошлемъ ее къ мужу.

— Господинъ предсѣдатель,—свирѣпо врывается въ разговоръ дама съ зубной болью.—Тутъ что-то не ладно. Просительница заявила, что она вдова. Она дала невѣрныя показанія. Она...

— Какъ же вы пошлете ее къ мужу,—гремитъ маіоръ,—когда ея мужъ умеръ?

— Ну, зачѣмъ умеръ?—пугается шуринъ.—Онъ живетъ въ Канзасъ Сити.

Инспектора саркастически улыбаются и Самси шепчетъ мнѣ:— Вотъ видите, вотъ видите. Поди, разберись съ ними.

— Такъ мужъ ея знаетъ, что она пріѣзжаетъ?

— А какъ же онъ не знаетъ? Кому же знать, если не ему? Онъ написалъ, что когда она пріѣдетъ, чтобы я ее „снялъ съ корабля“ и послалъ ему.

— Когда вы получили письмо отъ ея мужа?

— А недѣлю тому назадъ.

— Гдѣ живетъ мужъ? Адресъ его знаете?

У шурина отъ волненія дрожатъ руки, когда онъ начинетъ рыскать по карманамъ.

— Ну, развѣ я могу помнить адресъ. У меня письмо есть, съ адресомъ. Ахъ Боже мой! Ну, что это я сдѣлалъ съ письмомъ? Должно быть дома забылъ. Ей-Богу, письмо есть. Ну—вотъ оно!— наконецъ, хватаетъ онъ засаленный конвертъ, который онъ разъ пять держалъ въ рукахъ.

— А что ея мужъ тамъ дѣлаетъ?

— У него лавочка есть, зарабатываетъ.

— Предлагаю еще разъ допросить просительницу, шипитъ инспектрисса, хватаясь за щеку.

Но это оказывается не такъ легко.

— Зачѣмъ же вы говорили что вы вдова, если мужъ вашъ живетъ въ Канзасъ-Сити?—спрашиваетъ Самси.

„Вдова“ разливается проливнымъ дождемъ, смотритъ въ глаза своимъ родственникамъ, ожидая указаній—что ей отвѣтить. Родственники шепчутъ: „Ну говори-же, говори правду“. Самси рычитъ: „Молчать. Не помогайте ей. Пускай сама отвѣчаетъ“.

Наконецъ ему удается извлечь отвѣтъ: „Не знаю. Испугалась“.

— Ну, гдѣ твой мужъ живетъ?

— Въ Канзасъ-Сити.

— Кто вамъ далъ деньги на дорогу?

— Мужъ послалъ.

— А письма отъ него имѣла?

— Вотъ...—На свѣтъ Божій извлекается письмо съ адресомъ мужа.

— Ну! Вотъ народъ. Къ чему она врала?—вслухъ думаетъ Самси.

— Господинъ судья!—вмѣшивается шуринъ.—Вы уже простите ее. Что она знаетъ—живетъ въ деревнѣ. Ничего не понимаетъ. Напугали ее!

— Ну, что скажете? Какъ только не испортить себѣ здѣсь нервовъ?—жалуется Самси, покончивъ съ этой компаніей, т. е., конечно, разрѣшивъ женщинѣ въѣздъ.—Ну зачѣмъ они врутъ?.. Скажи она, что мужъ у нея въ Канзасъ-Сити; ему послали бы телеграмму, и какъ только получился бы отъ него отвѣтъ, что онъ ее ждетъ, и если бы выслалъ деньги на билетъ, или братъ ея далъ бы ей деньги,—и все! Такъ нѣтъ, нужно же выдумать такую исторію. И просидѣла она здѣсь 48 часовъ ни къ чему.

Смѣшно?—Но и грустно. Вѣроятнѣе всего, что самый этотъ шуринъ и былъ отвѣтственъ за эту фантазію. Почему либо онъ вѣроятно пришелъ къ убѣжденію, что если жена пріѣхала къ мужу—мужъ долженъ встрѣчать ее у корабля. А на поѣздку изъ Канзасъ Сити нужно много денегъ. И вотъ изобрѣтается совершенно ненужный фантастическій планъ, благодаря которому несчастной женщинѣ пришлось прожить 48 часовъ въ адской агоніи.

Передъ грозныя очи судей является старушка полька съ дочуркой. Ихъ задержали потому, что ихъ родственники живутъ далеко въ глубинѣ страны, а денегъ у нихъ на проѣздъ нѣтъ. Такіе случаи часто задерживаются, пока родственники не вышлютъ денегъ. Когда маіоръ Самси начинаетъ допросъ по-польски—старушка даетъ толковые отвѣты, и на вопросъ: „Пенензи ма?“ или что-то въ этомъ родѣ, отвѣчаетъ „ма“, и не безъ нѣко-

торой нерѣшительности вытаскиваетъ изъ кармана юбки туго набитый кожанный кошелекъ русскаго фасона и передаетъ его маіору, сама нервно слѣдя за его пальцами. Самси открываетъ кошелекъ, вынимаетъ оттуда толстую пачку ассигнацій и медленно считаетъ.

— Сто семьдесятъ пять долларовъ американской валюты. Ну, чего же вы раньше не сказали, что у васъ деньги есть?—укоризненно спрашиваетъ онъ.

— А я испугалась пана начальника,—чистосердечно признается полька.

— А меня не боитесь?—самодовольно спрашиваетъ Самси.

— Нѣтъ, васъ не испугалась.

Маіоръ радъ и съ счастливой улыбкой подмигиваетъ мнѣ.

Полькѣ показываютъ, гдѣ купить билетъ на дорогу, и отпускаютъ съ миромъ.

И такъ одинъ иммигрантъ за другимъ проходятъ черезъ это страшное на видъ чистилище, раньше чѣмъ попадаютъ въ рай. Только одного человѣка присутствіе рѣшило не пропустить изъ 25—30 человѣкъ, которые прошли въ тѣ два часа, что я провелъ въ присутствіи, —это былъ итальянецъ, напуганный до смерти, который по наивности представилъ вмѣстѣ съ паспортомъ свидѣтельство о выпускѣ изъ тюрьмы, гдѣ просидѣлъ два мѣсяца за драку на ножахъ. А не представь онъ этого свидѣтельства, какими судьбами узнали бы американскіе чиновники, что передъ ними—уже разъ осужденный преступникъ?

Опять-таки не отрицаемъ, что по впечатлѣніямъ одного дня судить трудно, но эти впечатлѣнія несомнѣнно наталкиваютъ на выводъ, что въ сущности для здоровьго человѣка весь иммиграціонный законъ—фарсъ, или если хотите лоттерея, гдѣ на 995 выигрышей пять пустыхъ билетиковъ. Конечно, жалко и тѣхъ пяти человѣкъ, которые по несчастной случайности вытаскиваютъ пустой билетъ, но съ соціальной точки „препятствія иммиграціи въ Америку“ не стоятъ выѣденнаго яйца, и про нью-іоркскую станцію навѣрно можно сказать, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

За то критики совершенно упускаютъ ту положительную работу, которую станція дѣлаетъ въ пользу прибывшихъ иммигрантовъ. Вынуждая ихъ ѣхать въ опредѣленное мѣсто, къ родственникамъ, задерживая ихъ часто до появленія родственниковъ, часто телеграфируя родственникамъ и задерживая иммигрантовъ до полученія отвѣта, заботясь объ ихъ багажѣ, защищая ихъ инте-

ресы при обмѣнѣ денегъ и т. д.—иммиграціонная станція въ тысячахъ случаяхъ исполняетъ роль коммиссіонера для бѣднаго, напуганнаго, растеряннаго иммигранта, и спасаетъ его отъ разныхъ шарлатановъ и шулеровъ, которые въ два дня могли бы обдѣлать всякаго иммигранта, предоставленнаго самому себѣ въ водоворотѣ Нью-Іорка.

Далеко не все идеально въ порядкѣ иммиграціонной станціи; нѣсколько коробитъ нью-іоркская грубость низшаго персонала. Но съ другой стороны, можно ли отрицать, что дѣйствительное уваженіе къ человѣческому достоинству выражается, напр., въ заботахъ, чтобы еврей иммигрантъ, задержанный или даже приговоренный къ возвращенію, получалъ кошерную пищу. Оказывается ли столько вниманія русскому гражданину еврейскаго вѣроисповѣданія, проливающему кровь свою за отечество?

Изъ моего бѣглаго осмотра иммиграціонной станціи я вывелъ яркое убѣжденіе чрезвычайной важности изданія на русскомъ и жаргонномъ языкахъ какъ перевода, такъ и толковаго разъясненія американскаго закона объ иммиграціи. А главное — убѣдите уѣзжающихъ въ Америку, не лукавить, и не изобрѣтать никакихъ фантастическихъ небылицъ. Говорите правду, и въ 999 случаяхъ изъ 1000 вы пройдете черезъ волшебныя врата, ведущія на новую родину, безъ всякой запинки, безъ какихъ бы то ни было затрудненій.

И. Рубиновъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Поѣздка въ Демавендъ.

Предлагаемый вниманію читателя очеркъ служитъ продолженіемъ и дополненіемъ моего очерка „Тегеранскіе евреи“, напечатаннаго въ первыхъ „Книжкахъ Восхода“ за 1904 годъ. Чтобы не лишить настоящій очеркъ цѣльности впечатлѣнія, я былъ вынужденъ включить въ него много и не спеціально-еврейскаго, но я надѣюсь, что читатель не посѣтуетъ за это, тѣмъ болѣе, что эти подробности могутъ дать представленіе о природѣ страны и нравахъ населенія, среди котораго живетъ извѣстная часть нашихъ единовѣрцевъ.

Приступы маляріи, все болѣе частые и болѣе сильные, заставили меня, наконецъ, рѣшиться послѣдовать совѣту врача: покинуть на нѣкоторое время Тегеранъ и поѣхать въ какую-нибудь горную долину Эльборуса. Европейцы нерѣдко отправляются изъ Тегерана въ горы для облегченія отъ мучительныхъ приступовъ лихорадки или просто для того, чтобы подышать въ періодъ жаровъ воздухомъ болѣе свѣжимъ и влажнымъ, чѣмъ тотъ, которымъ дышишь даже въ предгорьяхъ Шимрана, мрачною стѣною висящаго надъ Тегераномъ и заслоняющаго плоскогорье отъ влажныхъ вѣтровъ, несущихся съ Каспійскаго моря. Обыкновенно мѣстомъ такихъ поѣздокъ служитъ высокая долина Лара у подножія горы Демавендъ. Эта долина, прорѣзанная рѣкою того же имени, привлекаетъ въ это время толпы кочевниковъ, пригоняющихъ сюда свои стада въ то время, какъ на югѣ — на плоскогоріи—все уже давно выжжено солнцемъ. Но поѣздка туда требуетъ массы приготовленій и затратъ, которыя находились въ слишкомъ рѣзкомъ разногласіи съ моимъ скромнымъ бюджетомъ. Жить тамъ приходится въ палаткахъ, которыя везутъ съ собою изъ Тегерана, гдѣ есть особые промышленники, дающіе ихъ на

прокатъ; приходится брать съ собою повара, слугъ, припасы, потому что у окрестныхъ кочевниковъ можно достать только или живыхъ барановъ или молоко; однимъ словомъ, нужно ѣхать туда цѣлымъ караваномъ, съ большою свитою, большимъ бариномъ, — что вовсе не входило ни въ привычки, ни въ разсчеты вашего покорнаго слуги. И я поневолѣ рѣшилъ, вмѣсто Лара, поѣхать въ городокъ Демавендъ, лежащій въ одной изъ параллельныхъ Лару долинъ, — и такимъ образомъ соединить полезное съ пріятнымъ, такъ какъ мнѣ давно уже хотѣлось посѣтить этотъ интересный городокъ и посмотрѣть жизнь его маленькой еврейской общины. Всѣ демавендскіе евреи связаны родствомъ, дружбою или дѣловыми сношеніями съ тегеранскими своими единовѣрцами, и поэтому вопросъ о томъ, какъ устроиться въ Демавендѣ, казался не требующимъ особенныхъ усилій для своего разрѣшенія: нужно было только заручиться письмомъ изъ Тегерана къ какому-нибудь демавендскому еврею, а затѣмъ для поѣздки туда подыскать обратнаго „чарводара" (погонщика вьючныхъ животныхъ). Вполнѣ естественно,—какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, — обратился я къ муллѣ-Абрагаму съ просьбою дать мнѣ рекомендательное письмо къ тамошнему раввину. Всегда предупредительный и внимательный ко мнѣ, престарѣлый раввинъ и на этотъ разъ, конечно, не отказалъ въ... обѣщаніи.

Но проходитъ день, два, три, мой слуга ходитъ къ муллѣ-Абрагаму, но письма я отъ него не получаю: мулла никакъ не можетъ собраться сѣсть за свой qalamdan (пеналъ). Наконецъ, причину этого явленія объяснилъ мнѣ г. Леви, директоръ училища Alliance: весь міръ—одна страна и всѣ евреи—братья, а потому, по общему для всѣхъ еврейскихъ раввиновъ правилу, мулла-Абрагамъ не въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ демавендскимъ коллегою.

Все это г. Леви узналъ случайно изъ разговоровъ съ евреями, къ которымъ онъ обратился за совѣтомъ, какъ бы мнѣ устроить поѣздку въ Демавендъ возможно лучше и удобнѣе. Хлопоты г. Леви не только дали мнѣ возможность узнать объ отношеніяхъ между столичнымъ и захолустнымъ раввиномъ, но и помогли устроить мою поѣздку гораздо лучше и удобнѣе, чѣмъ я могъ ожидать. Аджи Моше и старшій братъ его Ага Давудъ, о которыхъ я упомянулъ въ первомъ моемъ очеркѣ, какъ о строителяхъ синагоги, владѣютъ въ Демавендѣ небольшимъ садомъ; въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, ихъ семейства недавно вернулись оттуда, а старшій изъ братьевъ, Ага Давудъ, еще оставался

тамъ; между братьями было условлено, что старшій вернется изъ Демавенда черезъ нѣсколько дней, послѣ чего туда отправится на недѣльку-другую младшій. Но когда г. Леви обратился къ нему съ просьбою дать мнѣ письмо къ кому-нибудь въ Демавендѣ, онъ заявилъ, что этого совсѣмъ не нужно, такъ какъ онъ поѣдетъ туда со мною, даже еще до возвращенія брата, а тамъ, понятно, его домъ — мой домъ. Эта любезная готовность меня очень тронула: не только былъ разрѣшенъ вопросъ о квартирѣ, имѣвшій даже, какъ я видѣлъ потомъ въ Демавендѣ, большее значеніе, чѣмъ я предполагалъ,—но у меня оказался и спутникъ до Демавенда; совершая поѣздку въ обществѣ любезнаго и остроумнаго пріятеля Аджи Моше, я могъ быть увѣренъ не только въ томъ, что не буду скучать въ дорогѣ, но и въ томъ, что все будетъ устроено какъ нельзя лучше и—главное—дешевле; если бы моимъ спутникомъ оказался бы кто-либо другой, — персъ или еврей,—не столь зажиточный, какъ Аджи Моше, онъ не только не сталъ бы препятствовать, чтобы меня, какъ „френги" (иностранца-европейца), поэксплоатировали, но и самъ бы постарался очистить кое что и въ свою пользу.

Такъ какъ Аджи Моше объявилъ, что готовъ ѣхать когда мнѣ угодно, а меня удерживали только такія препятствія, которыя были разомъ устранены его любезностью, то было рѣшено, что Аджи Моше поищетъ на другой день чарводара, и мы поѣдемъ при первой возможности. Чарводаръ былъ нанятъ на слѣдующій день — въ понедѣльникъ, а выѣхать мы должны были во вторникъ, 12 августа 1903 г., послѣ полудня.

Понедѣльникъ и утро вторника были посвящены приготовленіямъ къ дорогѣ: нужно было уложить въ перекидныя сумки („хурджины") необходимыя вещи, закупить немного консервовъ, чтобы ими разнообразить столъ, которымъ мнѣ придется питаться, и т. п. Чтобы не тащиться мнѣ въ дорожномъ платьѣ черезъ половину города въ еврейскій кварталъ, а оттуда верхомъ, — было рѣшено, что утромъ мои вещи отвезутъ въ домъ Аджи Моше, а около полудня туда отправится мой слуга, чтобы двинуться оттуда въ путь; я же буду дожидаться моихъ спутниковъ у Шимранскихъ воротъ, находящихся въ сѣверо-восточномъ углу городского вала, недалеко отъ моего дома. Около двухъ часовъ дня, поручивъ домъ попеченію старика Fatallah, отца моего слуги, на время моего отсутствія переселившагося туда съ семействомъ, — напутствуемый лучшими пожеланіями старой четы и собравшейся дворни изъ сосѣднихъ домовъ моихъ сослуживцевъ, я отправился

вдоль вала къ Шимранскимъ воротамъ. Большинство тегеранскихъ городскихъ воротъ (всѣхъ ихъ 12) представляютъ собою красивыя сводчатыя сооруженія, облицованныя въ персидскомъ вкусѣ разноцвѣтными глазурованными кирпичами; ворота, открываемыя съ восходомъ солнца и закрываемыя часовъ въ 9 вечера, ведутъ въ небольшой четырехугольный дворъ съ казармами, гдѣ живетъ немногочисленная стража; изъ этого дворика двѣ арки ведутъ уже въ городскія улицы. И валъ, и ворота въ царствованіе шаха Насръ-Эддина имѣли не столько военное, сколько полицейско-фискальное значеніе, такъ какъ въ воротахъ взимали внутреннюю пошлину, а ночью черезъ ворота никого не впускали и не выпускали; но теперь, послѣ того, какъ шахъ Музаферъ-Эддинъ уничтожилъ внутреннія заставы, они утратили свое главное значеніе; хотя ворота послѣ зари и притворяются, но черезъ нихъ за небольшой „аннамъ" (на чай) можетъ проѣхать всякій, въ особенности европеецъ; а по валу внизъ черезъ ровъ протоптаны тропинки, которыми можетъ воспользоваться всякій, знакомый съ ними, чтобы выйти въ поле.

Итакъ, къ двумъ часамъ дня я подошелъ къ Шимранскимъ воротамъ, но ни Аджи Моше, ни моего слуги Eliahu, котораго я въ дальнѣйшемъ изложеніи для краткости буду называть Ильей,— тамъ не оказалось; я выглянулъ изъ арки приворотнаго дворика на широкую улицу, ведущую къ мѣстности Сар-чешмэ, по которой они должны были появиться; смотрѣлъ даже въ этомъ направленіи въ бинокль, къ удивленію и потѣхѣ мальчишекъ, не замедлившихъ собраться вокругъ „френги",—но въ толпѣ, наполнявшей эту улицу, не могъ открыть никого похожаго на нихъ; я обошелъ нѣсколько разъ дворикъ къ развлеченію ободранныхъ персидскихъ „сарбазовъ" (солдатъ), чинившихъ въ полудремотѣ подъ аркадою свои лохмотья или охотившихся въ нихъ за насѣкомыми, одѣлилъ всѣхъ дервишей, нищихъ старухъ и калѣкъ, сидѣвшихъ подъ выходными арками и у самыхъ воротъ, внутри и снаружи,—ихъ все еще не было. Я вышелъ за ворота, сѣлъ на кирпичныя перила моста, который ведетъ къ воротамъ черезъ ровъ, и сидѣлъ тамъ долго къ удивленію продавцевъ фруктъ, сладостей, прохладительныхъ напитковъ и проч., сидѣвшихъ тамъ же, и служа „тамаша" (зрѣлищемъ, диковинкою) для всякаго проходившаго и проѣзжавшаго люда: слугъ, спѣшившихъ верхомъ на ослахъ къ своимъ господамъ въ загородные сады и дачи; крестьянъ, возвращавшихся изъ города; иногда дамъ высшаго общества, которыхъ везли въ закрытыхъ каретахъ въ сопровожденіи

двухъ или трехъ служанокъ; больше же всего — солдатъ, шедшихъ изъ лагерей въ городъ или обратно, — а Аджи Моше и Илья все не появлялись. Сидѣть подъ палящими лучами солнца было непріятно, неудобно, тяжело, а сердиться въ сущности было не на кого, такъ какъ аккуратность въ отношеніи времени—вещь непонятная обитателю Ирана. Нѣсколько разъ я вновь подходилъ къ аркѣ и всматривался въ всадниковъ, тянувшихся къ воротамъ,— ихъ все нѣтъ; не разъ я переходилъ мостъ, дѣлалъ нѣсколько десятковъ шаговъ вдоль рва направо или налѣво и вновь возвращался къ своему посту,—а ихъ все не было.

Наконецъ, когда я Богъ вѣсть въ который разъ вернулся изъ такой прогулки, совершенно какъ-то неожиданно я увидалъ моихъ спутниковъ, уже спѣшившихся и перевьючивавшихъ животныхъ. Былъ уже пятый часъ. Кромѣ Аджи Моше и Ильи, моими спутниками оказались: чарводаръ,—маленькій высохшій старичокъ съ бородою, окрашенною хэною въ ярко-рыжій цвѣтъ, и одинъ молодой еврей, продавецъ ковровъ и древностей, котораго я немного зналъ, по имени Ieheskiel (Іехезкіель); былъ еще въ этой группѣ, какой-то мальчикъ, только проводившій ихъ до воротъ. Животныхъ было четыре; одно изъ нихъ—понурая лошадь—было навьючено двумя большими бидонами керосина; двое другихъ,—большой бѣлый оселъ и пѣгій мулъ—были, какъ объяснилъ мнѣ Илья, наняты для меня и него; четвертое же животное былъ небольшой буланый осликъ ширазской породы, принадлежавшій Аджи Моше; это было прекрасное крѣпкое животное, всѣмъ своимъ сытымъ видомъ и хорошею сбруею рѣзко отличавшееся отъ остальныхъ своихъ товарищей. Чарводару, по статутамъ его ремесла, полагалось сдѣлать дорогу пѣшкомъ, но меня занималъ вопросъ: на чемъ же поѣдетъ Іехезкіель, который, по его словамъ, отправлялся въ Демавендъ провѣдать свою замужнюю сестру. Дорогою я увидѣлъ, что у него въ этомъ отношеніи былъ вполнѣ правильный разсчетъ: постоянно то тотъ, то другой слѣзалъ съ животнаго, чтобы поразмять ноги, а онъ въ это время садился верхомъ, и, такимъ образомъ, не истративъ ни шая [1]), совершилъ всю дорогу, причемъ ѣхалъ, въ общемъ, не меньше каждаго изъ насъ.

Пока перевьючивали животныхъ, Илья нѣсколько разъ бѣгалъ въ ближайшую чайную за чаемъ, который персы пьютъ изъ маленькихъ стакановъ очень сладкимъ, подгородные „чайчи“ (трак-

---

[1]) Шай—1/20 крана; 10 крановъ составляютъ одинъ туманъ; туманъ—по курсу около одного рубля 65 коп.

тирщики), какъ я не разъ замѣчалъ, чтобы не лишиться торговли, притворяются, что не узнаютъ въ покупателѣ-евреѣ иновѣрца, который своимъ прикосновеніемъ оскверняетъ посуду; но какъ „чайчи“ у Шимранскихъ воротъ разъ 15 дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, что чай, заказываемый безъ сахара, назначается для „френги“, одною своею англійскою тропическою каскою рѣзко отличающагося отъ своихъ спутниковъ,—это и до сихъ поръ составляетъ для меня тайну, въ которую я и не пытался проникнуть.

Наконецъ, животныя перевьючены, съ „чайчи“ расплатились; пора садиться. Я спрашиваю Илью, которая изъ клячъ назначена для меня, но оказывается, что Аджи Моше уступаетъ мнѣ своего осла; какъ я ни упирался,—пришлось уступить; наконецъ, всѣ усѣлись, чарводаръ беззубымъ ртомъ возглашаетъ: „bismillah“ (во имя Божіе),—и мы трогаемъ; мой осликъ раза два выказываетъ явное намѣреніе повернуть обратно въ ворота, но нѣсколько пинковъ ногою и ударъ плетью, которая въ персидской сбруѣ составляетъ продолженіе поводьевъ,—заставляютъ его вернуться на путь истинный.

Мы переѣзжаемъ мостъ и проѣзжаемъ мимо чайной, стоящей на углу двухъ дорогъ,—одной, ведущей въ загородный шахскій садъ Эшрета-абадъ, и другой, большой,—ведущей на востокъ, черезъ горы, въ Мазандеранъ. Животныя сразу пошли тѣмъ неторопливымъ темпомъ, которымъ вообще движутся караваны и при которомъ можно идти пѣшкомъ рядомъ съ животнымъ; тѣмъ же шагомъ движутся всадники впереди насъ и позади насъ; движеніе подъ вечеръ усиливается, и пыль, поднятая множествомъ копытъ, виситъ надъ дорогою; размѣренный шагъ животныхъ убаюкиваетъ ѣдущаго, и только интересный видъ на равнину и предгорья да новизна положенія не даютъ поддаться дремотѣ.

Сначала дорога почти сплошь съ обѣихъ сторонъ окаймлена высокими глинобитными заборами, за однимъ изъ которыхъ, съ лѣвой стороны, находится еврейское кладбище; потомъ идетъ обширный военный лагерь,—и, наконецъ, мы выѣзжаемъ на болѣе открытое мѣсто. Тегеранъ кажется теперь однимъ большимъ густымъ садомъ, рѣзко выдѣляясь среди безжизненной каменной равнины темною зеленью своихъ тополей и платановъ. Лишь кое-гдѣ надъ этою массою высятся немногочисленные мина-
ре[illegible]ородскихъ воротъ, покрытый разноцвѣтными гла-
з[illegible]ничами куполъ Спасалларской мечети, да одно
[illegible] принадлежащее къ шахскому дворцу, такъ назы-
[illegible]лъ-амаретъ (солнце дворцовъ). Впереди, чѣмъ ближе

къ горамъ, тѣмъ все больше попадается обработанныхъ полей, садовъ, загородныхъ дворцовъ, которые подъ самимъ Шимраномъ скучиваются въ нѣсколько темнозеленыхъ оазисовъ; впереди всѣхъ, нѣсколько слѣва, виднѣется бѣлая масса дворца Касръ-Каджаръ (замокъ Каджаровъ), живописно расположеннаго на пригоркѣ, по которому террассами внизъ сбѣгаетъ прилегающій къ нему садъ. Къ югу, ближе къ городу, виднѣются высокія стѣны „яхчаловъ", т. е. ледяныхъ амбаровъ. Даже во время жаровъ ледъ недорогъ въ Персіи, и населеніе употребляетъ его въ громадныхъ количествахъ; вода со лдьомъ продается на улицахъ; хлѣбъ и вода со льдомъ составляютъ нерѣдко весь обѣдъ или ужинъ; онъ служитъ для приготовленія разнаго рода шербетовъ, мороженаго и пр. Для приготовленія его и служатъ яхчалы; это—неглубокій четырехугольный бассейнъ, иногда очень длинный, но всегда неширокій; длинная его сторона расположена по направленію съ востока на западъ; съ юга, востока и запада его окружаетъ чрезвычайно высокая стѣна, тѣнь отъ которой закрываетъ весь бассейнъ даже въ полдень; съ сѣвера же бассейнъ открытъ и доступенъ вліянію холодныхъ вѣтровъ; зимою въ бассейнъ пускаютъ воду, и иногда уже за одну ночь онъ покрывается довольно толстою ледяною корою; ледъ собирается и хранится тутъ же въ погребахъ. Такихъ яхчаловъ (отъ „яхъ"—ледъ) особенно много расположено къ востоку за городомъ, вдоль городской стѣны. Къ сѣверу отъ города, ближе къ Шимрану, видны другія интересныя сооруженія, которыхъ, впрочемъ, меньше, чѣмъ яхчаловъ; это—голубиныя башни,—большія круглыя кирпичныя зданія, кругомъ которыхъ выведены ячейками гнѣзда для дикихъ голубей, которыхъ очень много на Иранскомъ плоскогоріи; строятся онѣ спеціально для собиранія голубинаго помета, считающагося лучшимъ удобрительнымъ средствомъ.

Нерѣдко между встрѣчавшимися или обгонявшими насъ всадниками, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества, попадались знакомые Аджи Моше, съ которыми онъ обмѣнивался привѣтствіями, сыпя титулами: мешеди, кербалаи, аджи, мирза, ханъ, а одинъ разъ даже „шахзаде" (принцъ). Большинство интересовалось тѣмъ, кто этотъ „френги", ѣдущій безъ обычной у европейцевъ въ Персіи помпы, и вопросы эти задавались громко, безъ всякаго стѣсненія, какъ будто всѣ спрашивавшіе были увѣрены въ томъ, что я не понимаю по персидски; эта черта—задавать о комъ-либо вопросы въ его же присутствіи—какъ-то уживается съ изысканною персидскою вѣжливостью. Я

давно уже замѣтилъ нѣсколько всадниковъ на хорошихъ лошадяхъ, постепенно догонявшихъ насъ; хотя они тоже ѣхали шагомъ; наконецъ, они поровнялись съ нами, и нѣсколько минутъ мы ѣхали, смѣшавшись съ ними въ одну толпу; три или четыре молодыхъ человѣка, ѣхавшіе впереди, были очевидно господа, а слѣдовавшіе сзади съ вьюками у сѣдла и ружьями за плечами — ихъ слуги; послѣдній признакъ всегда отличаетъ слугу, потому что персъ изъ хорошаго общества никогда не вскинетъ ружья за собственныя плечи, даже когда онъ ѣдетъ на охоту. Молодые люди, которыхъ „френги", видимо, заинтересовалъ уже давно, окружили меня, и одинъ изъ нихъ на довольно сносномъ французскомъ языкѣ обратился ко мнѣ съ вопросами: кто я, куда ѣду, зачѣмъ и т. п.; другой обратился по русски, но оказалось, что онъ этимъ языкомъ владѣетъ такъ мало, что болѣе одного двухъ вопросовъ онъ не рискнулъ задать; сами они ѣхали черезъ Мешедиссеръ (портъ на Каспійскомъ морѣ) въ Европу учиться. Ихъ лошади начинали, однако, опережать нашихъ животныхъ и, пожелавши другъ другу всего хорошаго, мы разстались, но еще долго ихъ группа виднѣлась впереди насъ на дорогѣ.

Хорошо разработанная шоссейная дорога шла почти прямо на востокъ, слегка подымаясь по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ сѣровато-красному голому каменному хребту, за которымъ величественнымъ конусомъ выдѣлялся на голубомъ небѣ покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Демавендъ. Подгородные сады, закрывавшіе видъ къ югу, давно остались позади, и широкая равнина открывалась все больше и больше.

День склонялся къ вечеру, но было еще очень жарко; пыль забиралась въ ротъ, въ ноздри, жажда мучила все сильнѣе. Наконецъ, мы подъѣхали къ небольшой чайной, расположенной у самой дороги. Передъ домомъ на верандѣ сидѣло нѣсколько персовъ. Хотя Аджи Моше и оказался старымъ знакомымъ „чайчи", но онъ все-таки не рѣшился расположиться среди остальной публики, не желая, вѣроятно, рисковать возбудить ихъ религіозную щепетильность или, вѣрнѣе, нетерпимость; онъ и наши спутники разсѣлись на низенькой глинобитной скамейкѣ противъ веранды, привязавъ животныхъ къ ея столбикамъ, [illegible]ючивая ихъ, такъ какъ мы не намѣревались пробыть [illegible]. Для меня, впрочемъ, какъ европейца, очистили мѣ[illegible]ндѣ, и я долженъ былъ, Богъ вѣсть въ который разъ, [illegible]ть собою предметъ любопытства персидской публики, [illegible], что опять выпилъ одинъ за другимъ, и безъ сахара,

безчисленное количество маленькихъ персидскихъ стакановъ чаю. Остальные наши спутники, съ Аджи Моше во главѣ, потребовали воды и льду, и то, какъ они получили ихъ, лучше всего характеризуетъ отношеніе шіитовъ къ иновѣрцамъ и боязнь ихъ осквернитъся ими. Въ Персіи, въ городахъ и на дорогахъ, часто встрѣчаются небольшія часовенки, иногда изящно облицованныя изразцами, въ нишѣ которыхъ помѣщается сосудъ съ водою, которою можетъ пользоваться всякій мимо проходящій мусульманинъ; сооружаются онѣ благочестивымъ усердіемъ частныхъ лицъ и ими же поддерживаются. Такая же часовенка находилась и возлѣ веранды и почти всякій путникъ черпалъ маленькою мѣдною чашечкою, которую персы постоянно носятъ съ собою въ карманѣ; но иновѣрецъ не можетъ ни самъ подойти, ни поручить другому зачерпнуть его чашкою; мальчикъ прислужникъ зачерпнулъ воды и перелилъ ее въ подставленную Аджи Моше чашку; тотъ же мальчикъ откололъ ему кусокъ льда отъ грязной глыбы, лежавшей въ углу, и мои спутники стали поочередно утолять жажду холодной водой. Недалеко отъ чайной находился большой садъ какого-то сановника, называемый Мехти-абадъ. Темная зелень его деревьевъ, высившихся надъ окружающею его высокою глинобитною стѣною съ зубцами и подобіемъ башенъ по угламъ, какъ это принято въ Персіи,—пріятно ласкала глазъ посреди красновато-сѣрой каменистой пустыни. До Мехти-абада считается отъ Тегерана полтора фарсака, т. е. верстъ 10.

Расплатившись съ „чайчи", мы двинулись дальше; впрочемъ, эту обязанность—расплачиваться въ дорогѣ, за меня и, такъ сказать, за мой счетъ, принялъ на себя Аджи Моше, за что я долженъ быть ему очень благодаренъ, иначе мнѣ все обошлось бы гораздо дороже нормальныхъ цѣнъ. Аджи Моше сознался мнѣ, что онъ мечталъ покурить кальянъ, который этотъ „чайчи" всегда подноситъ ему, когда онъ проѣзжаетъ; но теперь было много народу, и „чайчи", видно, не хотѣлъ заслужить отъ своей мусульманской публики упрека въ томъ, что онъ забылъ запретъ о „наджесъ".

Прямая, какъ стрѣла, и все еще хорошая шоссейная дорога ведетъ оттуда къ охотничьему замку шаха Сурхиссаръ (сѣрый замокъ); его длинная стѣна, деревья и отдѣльныя разбросанныя зданія нѣкоторое время виднѣлись еще впереди насъ въ сумеркахъ, но затѣмъ безлунная черная южная ночь (это было въ періодъ новолунія) закрыла его отъ насъ гораздо раньше, чѣмъ мы

съ нимъ поровнялись. Отъ Мехти-абада до Сурхиссара тоже около полутора фарсака разстоянія.

Тишина ночи лишь изрѣдка прерывалась отдаленнымъ перезвономъ колоколовъ и бубенчиковъ на вьючныхъ животныхъ да воемъ шакаловъ. Дорога стала замѣтно подыматься въ гору, а когда мы миновали Сурхиссаръ, замѣтный въ густой темнотѣ лишь по нѣсколькимъ огонькамъ,—она сразу сдѣлалась отвратительной; въ виду того, что шахъ по этой дорогѣ дальше своего охотничьяго замка, стоящаго у входа въ ущелье, не ѣздитъ, ее чинятъ и содержатъ въ порядкѣ только до этого мѣста. Чѣмъ выше по ущелью подымалась дорога, тѣмъ она становилась все хуже и хуже; дождевые потоки размыли ее, провели по ней массу рытвинъ, нагромоздили громадные камни, снесенные съ горъ. Но еще хуже оказалась дорога, когда она по ущелью поднялась до перевала и затѣмъ превратилась въ крутой спускъ, - узкую тропу, съ лѣвой стороны которой толкаешься о стѣну крутого склона горы, по которому скатываются камни, стремительно перекатывающіеся черезъ дорогу и летящіе въ обрывъ съ правой стороны дороги.

Осликъ, такъ любезно уступленный мнѣ Аджи Моше, очевидно, чуть-ли не съ первыхъ шаговъ почувствовалъ во мнѣ не особенно опытнаго всадника. До Мехти абада, пока было еще свѣтло, онъ не особенно сильно везставалъ противъ моего авторитета, но по мѣрѣ того, какъ темнѣло, дорога портилась все болѣе и болѣе, а по дорогѣ все чаще стали встрѣчаться группы всадниковъ и караваны, съ которыми надо было расходиться, онъ начиналъ все болѣе и болѣе проявлять свой норовъ. Но въ опасныхъ мѣстахъ дороги я имѣлъ возможность убѣдиться, какое это умное животное. Недалеко отъ Сурхиссара онъ было вынесъ меня впередъ, но вдругъ остановился, и никакія понуканія не могли его заставить двинуться съ мѣста: подбѣжавшіе молодые люди въ темнотѣ изслѣдовали дорогу и нашли въ нѣсколькихъ шагахъ впереди глубокую рытвину посреди пути; пришлось взять его подъ уздцы и отвести въ сторону. Но еще болѣе я убѣдился въ его умѣ, когда начался спускъ. Было совершенно темно, но мой осликъ двигался медленно, со спокойной увѣренностью, которая, признаюсь, передавалась и мнѣ. Онъ не опускалъ ноги до тѣхъ поръ, пока не былъ увѣренъ въ томъ, что ставитъ ее на вполнѣ безопасное мѣсто. Какъ существо вполнѣ разумное, онъ здѣсь сразу оставилъ всѣ свои шалости, и я, какъ только начался спускъ, по-

чувствовалъ, что самое благоразумное—довѣриться ему, и за весь часъ слишкомъ, что длился спускъ, мнѣ не пришлось въ этомъ раскаяться.

Наконецъ, дорога пошла болѣе отлого, и хотя она по-прежнему была покрыта камнями, но они ужъ не катились внизъ, какъ на спускѣ; въ темнотѣ стала чувстоваться близость воды: это былъ Джерджи-рудъ, горная рѣка, прорывающая Эльборусъ чтобы затѣмъ на плоскогоріи затеряться въ солончакахъ „Великой Соляной пустыни"—Дештъ-и-Кевиръ. Все громче и громче становился шумъ ея быстрыхъ водъ, и вотъ мы по невозможной мостовой стали подыматься на мостъ,—горбатый, съ крутымъ подъемомъ и спускомъ, почти безъ перилъ, какъ всѣ персидскіе мосты, и такой узкій, что въ темнотѣ черной ночи становилось страшно. Послѣ страшной безмолвной горной пустыни, которую мы только что миновали, было пріятно видѣть огоньки, кое гдѣ мерцавшіе въ долинѣ, услышать пѣніе пѣтуха—на противоположномъ берегу; было ужъ за полночь. Аджи Моше объявилъ, что сейчасъ за рѣкою у какого-то „чай-ханэ" (чайной) мы сдѣлаемъ привалъ, чему я несказанно обрадовался. Наканунѣ я поднялся на разсвѣтѣ, набѣгался вдоволь, меня истомилъ дневной зной, а затѣмъ ночная прохлада, даже можно сказать—холодъ; разница между температурою дня и ночи очень велика на плоскогоріи Ирана.

Наконецъ, мы спускаемся съ моста, проходимъ еще немного по мощенной крупными камнями дорогѣ, немного подымаемся, причемъ какіе-то привѣтливые огоньки какъ будто плывутъ къ намъ въ воздухѣ на встрѣчу, поворачиваемъ подъ прямымъ угломъ налѣво, чуть не натыкаемся на какую-то стѣну и попадаемъ на какую-то площадку, гдѣ по приказанію Аджи Моше и спѣшиваемся.

Первая вещь, которая мнѣ бросилась въ глаза, когда я спустился съ сѣдла, была глинобитная стѣна съ дверью, освѣщенная небольшею керосиновою лампочкою-коптилкой; такая же лампочка по другую сторону площадки, у какой-то канавы стояла прямо на землѣ, въ головахъ какого-то перса, растянувшагося на войлочномъ коврикѣ и крѣпко спавшаго, завернувшись въ другой войлокъ потоньше, такъ называемый „пату". Наши спутники развьючили животныхъ, постелили войлокъ, накрыли его въ одномъ мѣстѣ моимъ шерстянымъ одѣяломъ, и стали вынимать и раскладывать запасенную провизію: холодный „плоу" въ мѣдной закрытой кастрюлѣ, жареныхъ цыплятъ и проч. Я растянулся на одѣялѣ, опершись на локоть, укрылся моимъ пальто съ пелери-

ною и, вѣроятно, сталъ дремать. Внизу гулко шумѣлъ Джерджирудъ, катясь по камнямъ, вблизи фыркали наши животныя, иногда звучали бубенчики на спускавшихся или подымавшихся по дорогѣ караванахъ; Аджи Моше долго стучался въ дверь чайной; кажется онъ то требовалъ у „чайчи" чаю, то просилъ хоть воды и углей (у насъ съ собою былъ маленькій жестяный самоваръ), и моему самолюбію, даже съ просонокъ, было пріятно сознавать, что слово „френги" заставило несговорчиваго „чайчи" приготовить намъ чай, несмотря на поздній часъ ночи. Кое-какъ поѣвши и напившись чаю, я растянулся на землѣ, крѣпче укутался и заснулъ.

Меня разбудила суматоха и осторожный окликъ Ильи „monsieur, monsieur"; наши вновь вьючили животныхъ, и вскорѣ мы двинулись въ путь. Въ темнотѣ можно было замѣтить, что дорога часто проходила мимо небольшихъ поселковъ и постоялыхъ дворовъ. Въ это время—послѣ полуночи всегда—происходитъ самое оживленное караванное движеніе, и большіе цилиндрическіе, слегка сплющенные колокола, вставленные по 3 и по 4 одинъ въ другой и привязываемые къ вьючнымъ сѣдламъ верблюдовъ и муловъ, своими меланхолически-ритмическими ударами были слышны издалека. Темнота безлунной ночи не давала возможности различать окружающій ландшафтъ, но за то — какъ ярко въ этой темнотѣ, въ чистой сухой атмосферѣ Ирана, горѣли звѣзды на черномъ небѣ!

Одолѣвши подъемъ, дорога пролегаетъ по сравнительно ровному плоскогорію, лишь кое-гдѣ переваливая черезъ гряды холмовъ.

На плоскогорьи, при поворотѣ изъ-за одной гряды холмовъ къ сѣверо востоку, передъ нами открылся Демавендъ. На черномъ безлунномъ небѣ его конусъ ослѣпительно сіялъ своимъ вѣчнымъ снѣгомъ, и эта великолѣпная неописуемая картина одна могла бы искупить и неудобства пути, и усталость, и безсонную ночь. Величественная гора еще долго оставалась у насъ въ виду, иногда только закрываемая на нѣсколько минутъ черными зубцами какого-нибудь холма или вершины, не теряя своей притягательной прелести и тогда, когда стало свѣтать, и тогда, когда она словно накрылась розовымъ газомъ подъ лучами восходящаго солнца, и тогда, когда она вновь засіяла дѣвственной бѣлизною на голубомъ небѣ яркаго дня.

Здѣсь, на высотѣ почти 2000 метровъ, при сухомъ климатѣ Ирана, воздухъ такъ чистъ, такъ прозраченъ, что поневолѣ за-

любуешься звѣзднымъ небомъ, въ особенности въ безлунную ночь. Нигдѣ не казалось мнѣ болѣе прекраснымъ созвѣздіе Оріона, начинавшее восходить передъ разсвѣтомъ, а Сиріусъ, загорѣвшійся яркимъ сапфиромъ, еще долго не погасалъ на юго-западѣ въ лучахъ утренней зари.

Пересѣкши глубокій оврагъ съ рѣчкою Бумуэнъ, мы вновь тянулись болѣе часа по плато, и уже съ разсвѣтомъ стали по невозможной дорогѣ спускаться въ ущелье рѣчки Рудхенъ (Rudhen) къ деревнѣ того же имени. По обѣ стороны дороги тянулись огороды, народъ въ нихъ принимался за работу, и было весело смотрѣть на освѣженную ночною прохладою зелень. Мы остановились у чайной, расположенной на днѣ оврага, почти у самой рѣчки; здѣсь было рѣшено сдѣлать небольшой привалъ, чтобы напиться чаю; я моментально свалился на край глинобитной крытой террассы и, прислонившись головою къ столбу, поддерживающему кровлю, заснулъ. Спалъ я, вѣроятно, не болѣе 10—15 минутъ; разбудилъ меня ожесточенный споръ надъ самимъ моимъ ухомъ, хотя спорившіе и старались говорить шопотомъ. Илья и Аджи Моше увѣряли, что „мусью" спитъ и проспитъ долго, а какой-то чужой голосъ сначала увѣрялъ, что „френги" не спитъ, а потомъ говорилъ, что подождетъ; оказалось, что какой-то дервишъ,—типичная босоногая фигура, длинноволосый, съ обнаженною головою, въ длинномъ балахонѣ, сшитомъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, непремѣнно желалъ мнѣ сдѣлать подарокъ въ видѣ незрѣлаго огурца, вѣроятно, только что сорваннаго ad hoc въ одномъ изъ придорожныхъ огородовъ; нечего дѣлать, пришлось быть такимъ же любезнымъ и поднести ему монетку въ полъ-крана. Напившись чаю, мы двинулись дальше.

Было уже часовъ 10, когда мы достигли мѣста, называемаго Гэлаэкъ; это рядъ караванъ-сараевъ; мы остановились у небольшого бассейна, образуемаго жалкимъ источникомъ, вытекавшимъ изъ-подъ камней; глинобитная широкая овальная стѣнка, обсаженная деревьями въ два кольца, составляла его берега; въ нѣсколькихъ шагахъ находился караванъ-сарай и чайная, хозяинъ которой, стоя у дверей, довольно недружелюбно слѣдилъ за тѣмъ, какъ мы развьючивали животныхъ и устраивались на отдыхъ; сначала онъ не хотѣлъ вступать съ нами ни въ какія сношенія, и лишь съ трудомъ удалось заставить его продать намъ раскаленныхъ углей для самовара. Было рѣшено въ Гэлаэкѣ отдохнуть и переждать зной съ такимъ разсчетомъ, чтобы, двинувшись часа въ два, поспѣть въ Демавендъ къ вечеру.

Не успѣли мы разостлать войлоки, какъ вдругъ какой-то голосъ окликнулъ „Аджи Муса“. Къ намъ подходилъ молодой человѣкъ, одѣтый, какъ всѣ крестьяне, въ платье изъ бумажной ткани, въ войлочной шапкѣ, но, судя по зеленому кушаку,—сеидъ. Оказалось, что это—сынъ садовника, демавендскаго сосѣда Аджи-Моше; онъ шелъ туда же; съ тысячью комплиментовъ, Аджи Моше попросилъ „агу“ (господина, — такъ обыкновенно титулуютъ потомковъ Магомета) сообщить Ага Давуду, что мы ѣдемъ.

Жажда мучила насъ всѣхъ; мои спутники, безъ дальнѣйшихъ околичностей, напились воды изъ бассейна, черпая ее своими мѣдными чашечками, предварительно отогнавъ плававшіе на поверхности сухіе листья и прочую дрянь; какъ меня ни мучила жажда, я изъ боязни приступа лихорадки сырой воды не пилъ и сталъ дожидаться самовара, для котораго заставилъ Илью набрать воду изъ самаго источника. Закуска, сонъ и отдыхъ хорошо подкрѣпили наши силы, и съ обновленною бодростью мы двинулись въ путь.

Сейчасъ же за Гэлаэкомъ отвѣтляется дорога въ Демавендъ, идущая голымъ и безжизненнымъ ущельемъ до невысокаго перевала, откуда начинается спускъ въ самую долину. Кое-гд попадались становища кочевниковъ, довольно просторныя черныя плоскія шерстяныя палатки которыхъ стояли у дороги въ линію, по 4—5 рядомъ; кое-гдѣ въ ложбинкахъ, у чахоточныхъ источниковъ, кочевники развели небольшіе огороды, гдѣ мы за коробку спичекъ покупали по нѣсколько громадныхъ огурцовъ; у одного кочевника Илья сторговалъ курицу. Стада, — впрочемъ, не стада, а одинокія овцы и козы,—бродили по склонамъ ущелья, отыскивая между камней одинокія былинки; странное зрѣлище представляли появлявшіеся иногда люди, спускавшіеся съ отвѣсныхъ горъ по едва замѣтнымъ тропинкамъ. Зной былъ еще великъ, и люди, и животныя положительно изнемогали. Старикъ чарводаръ, видно, ужъ совсѣмъ обезсилѣлъ и лежалъ въ очень комичной позѣ позади бидоновъ съ керосиномъ на крупѣ своей лошади, которой предоставлялось устраиваться какъ ей будетъ угодно подъ удвоенною ношею.

Отъ перевала, котораго мы достигли съ большимъ трудомъ, до Демавенда еще около часа чрезвычайно головоломнаго пути; у перевала склоны ущелья почти совершенно сближаются другъ съ другомъ, но чѣмъ дальше спускается дорога, тѣмъ все больше и больше они раздвигаются; впереди горизонтъ замыкается каменистымъ кряжемъ съ конусообразной вершиною посрединѣ, а въ глу-

бинѣ у подножія кряжа, такъ сказать, вдоль основанія треугольника, образуемаго этою долиною, съ перевала открывается городокъ Демавендъ въ видѣ желтой полосы пашенъ и темнозеленой ленты садовъ, прерываемой въ 2 — 3 мѣстахъ яркими пятнами крышъ имамъ-задэ [1]) и высокою башнею минарета. Аджи Моше, достигшій перевала прежде меня, остановился, чтобы указать мнѣ на открывающуюся отсюда цѣль нашего путешествія.

Окрестности и дорога становятся менѣе пустынными; черныя группы палатокъ кочевниковъ попадались все чаще; кое-гдѣ въ ложбинкахъ зелеными пятнами выдѣлялись небольшіе огороды; стали встрѣчаться табунами по нѣскольку штукъ пасущіеся ослы. Наконецъ, мы спустились въ самую долину; дорога извивается среди сжатыхъ уже полей, огороженныхъ каменными заборами, или, вѣрнѣе, стѣнками, потому что поля, нуждающіяся въ искусственномъ орошеніи, расположены террассами. Долина широко развертывается вправо и влѣво, открывая много небольшихъ деревень, окруженныхъ пашнями и садами; навстрѣчу не разъ попадаются кавалькады всадниковъ на ослахъ; на одну такую группу, — все мальчиковъ и подростковъ, которыхъ я и не отличилъ бы отъ другихъ, Аджи Моше указалъ мнѣ, какъ на евреевъ.

Кругомъ на поляхъ спорилась и кипѣла работа, и послѣ пустыннаго, наводящаго уныніе пути, видъ плодородной долины и работающихъ людей производилъ особенное бодрящее впечатлѣніе. Жатва была уже, очевидно, давно кончена. На многихъ поляхъ шла молотьба помощью прибора, похожаго на тотъ, который въ употребленіи и на югѣ Россіи: пара воловъ тащитъ по кругу съ колосьями доску, утыканную острыми камешками; погонщикъ сидитъ или стоитъ на самой доскѣ, прижимая ее къ землѣ вѣсомъ своего тѣла; этимъ не только выбиваются зерна изъ колосьевъ, но и сама солома растирается на мелкіе кусочки, и въ такомъ видѣ служитъ кормомъ для скота. Въ другихъ мѣстахъ вѣяли зерно лопатами. Кое гдѣ уже приступали къ осенней пахотѣ, выводя характерныя круговыя борозды. Для работы служатъ небольшіе, но крѣпкіе быки съ загорбкомъ, очень похожіе на извѣстную породу индійскихъ быковъ „зебу“. Понуканія погонщиковъ, перекликанія работающихъ людей, тихій прохладный вечеръ, мирный видъ полей, — все это вливало покой въ душу и благотворно дѣйствовало на нервы.

Сеидъ, сосѣдъ Аджи Моше, сдержалъ свое слово и сообщилъ

---

[1]) Объясненіе этого слова будетъ дано ниже.

о нашемъ предстоящемъ пріѣздѣ, и въ одномъ изъ переулковъ между пашнями и садами мы встрѣтили Ага Давуда, шедшаго намъ на встрѣчу. Еще нѣсколько минутъ пути по невозможной и головоломной дорогѣ, провожаемые удивленными взглядами встрѣчныхъ, заинтересованныхъ присутствіемъ „френги",—и мы у калитки сада моихъ радушныхъ хозяевъ.

Садъ Ага Давуда и Аджи Моше расположенъ на косогорѣ въ узкомъ переулкѣ, круто спускающемся къ рѣчкѣ, и окруженъ высокою глинобитною стѣною. Мы спѣшились и вошли черезъ небольшую калитку внутрь. Въ углу сада, рядомъ съ калиткою, стоялъ домъ, состоящій изъ небольшой квадратной комнаты съ землянымъ поломъ; одна дверь—въ одной стѣнѣ—вела въ садъ, другая,—въ другой стѣнѣ—на узенькую террассу; третья стѣна примыкала къ подпорной стѣнѣ лежащаго выше сосѣдняго сада, а четвертая составляла часть забора. Для характеристики этого дома нужно еще прибавить, что со стороны улицы въ стѣнѣ было отверстіе, черезъ которое пускали воду для орошенія; вода шла черезъ комнату по канавкѣ и выходила дальше въ садъ черезъ отверстіе въ противоположной стѣнѣ, рядомъ съ дверью. Садъ, величиною съ десятину, состоялъ почти изъ однихъ абрикосовыхъ деревьевъ „кейсу"; лишь вдоль забора, по обѣ стороны главной оросительной канавы, были густо посажены тополи, разводимые въ Иранѣ для строительныхъ надобностей, да въ одномъ углу было разведено нѣсколько грядокъ съ овощами, преимущественно огурцами, тыквами и пряными травами, употребляемыми, какъ приправа: „нана" (мята), „тархунъ", „джафари". Въ саду была лишь одна аллея, расположенная вдоль него, параллельно рѣчкѣ; по этой аллеѣ и на плоской кровлѣ дома на кошмахъ были навалены абрикосы, сушившіеся на солнцѣ. По дорогѣ Ага Давудъ сообщилъ грустную новость: наканунѣ ночью кто-то проникъ въ садъ и унесъ съ аллеи около халвара (18 пудовъ) абрикосъ.

Аджи Моше расплатился съ чарводаромъ, Іехезкіель распростился и отправился къ своей сестрѣ, и этого, вѣроятно, было достаточно, чтобы по городку распространилась вѣсть о нашемъ пріѣздѣ; появилось нѣсколько евреевъ и евреекъ, справлявшихся, не привезъ ли Аджи Моше имъ писемъ, поклоновъ или денегъ; появился какой-то хромой старикъ мусульманинъ съ выкрашенною въ ярко-красный цвѣтъ бородою; это оказался садовникъ, смотрѣвшій и за садомъ моихъ хозяевъ, и котораго, къ слову сказать, Аджи Моше крѣпко заподозрилъ въ участіи въ кражѣ;

онъ степенно поздоровался съ нами, честь-честью, освѣдомлялся у всѣхъ о нашемъ „возвышенномъ“ здоровьи, поднесъ мнѣ на блюдѣ свѣжихъ фруктъ и огурцовъ (которые у персовъ входятъ въ составъ дессерта, какъ фрукты, а не какъ овощь), за что и получилъ два крана, поковырялъ для вида кое-гдѣ лопатой и палкой и затѣмъ сталъ говорить о кражѣ; клялся, что онъ ничего не знаетъ, клялся и „бе муртазави Али“ и „бе азретэ Муса“ (пророкомъ Моисеемъ). Затѣмъ явился пожилой человѣкъ въ черныхъ очкахъ, въ европейскомъ платьѣ и въ жокейской шапочкѣ, съ корзиною въ рукахъ; лицо его было мнѣ знакомо: это былъ армянинъ, содержащій въ Тегеранѣ книжную лавочку въ рядахъ, пристроенныхъ у стѣны „арка“ - кремля, возлѣ дворца Шемсъ-олъ-амаретъ. Онъ де зашелъ къ Ага Давуду и очень радъ, что засталъ и Аджи Моше и европейца; кромѣ туземныхъ языковъ, онъ говорилъ еще по-англійски. Онъ отрекомендовался мистеромъ Т. Б. Дамбуроджанъ, проповѣдникомъ при протестантской церкви, и, несмотря на его духовный санъ, я позволю себѣ думать, что онъ зашелъ не случайно, а услыхавъ на базарѣ, гдѣ онъ только что былъ, о пріѣздѣ европейца; оказалось, что онъ уже нѣсколько лѣтъ пріѣзжаетъ лѣтомъ на нѣсколько недѣль въ Демавендъ и живетъ въ палаткахъ за городомъ.

Уже стало смеркаться, когда явился довольно представительный еврей, почти весь сѣдой (хотя ему было всего 37—38 лѣтъ), отрекомендованный мнѣ братьями, какъ ихъ лучшій другъ („все равно какъ братъ“, какъ выразился Аджи Моше)—Ага Ниссонъ. Онъ, вѣроятно, только что пріѣхалъ откуда-нибудь изъ деревни и пришелъ въ затасканномъ халатѣ, въ покрытой пылью синей суконной шапкѣ, отороченной поддѣльнымъ барашкомъ; уже этотъ одинъ признакъ указывалъ на нѣкоторый достатокъ, потому что вся остальная публика была въ войлочныхъ шапкахъ. Расхаживая съ братьями по аллеѣ, онъ степенно, не возвышая голоса, обсуждалъ, что слѣдуетъ предпринять по поводу кражи.

Однимъ изъ послѣднихъ посѣтителей оказался какой-то пожилой мусульманинъ въ барашковой шапкѣ, что несомнѣнно указывало на его зажиточность. Онъ съ Аджи Моше все время титуловали другъ друга „Аджи“. Аджи Рухулла (Ruhulla) уже не скрылъ, что зашелъ, чтобы поболтать съ „френги“, и очень обрадовался, узнавъ, что европеецъ довольно сносно объясняется по-персидски; онъ насмотрѣлся на европейцевъ въ то время, какъ возвращался изъ Мекки черезъ Константинополь, и любилъ толковать про то, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; онъ и потомъ не

разъ заходилъ по вечерамъ и упорно титуловалъ меня „раис'омъ“, (директоръ, старшина), хотя я и отказывался отъ такого титула; когда я разъ началъ ему толковать, что по моему положенію я вовсе не „раисъ“, онъ съ чисто персидскою любезностью замѣтилъ, что всякій человѣкъ самъ себѣ „раисъ“.

Я было распорядился, чтобы Илья пошелъ за провизіею, но Аджи Моше объявилъ, что, по обычаю, первые три дня я—его полный гость, и забота о пропитаніи меня и моего слуги—его дѣло; послѣ же этого срока мы можемъ, такъ сказать, начать жить на собственный счетъ. Ужинъ былъ намъ принесенъ изъ дома Ага Ниссона съ другого берега рѣчки; принесли его намъ женщины,—жена Ага Ниссона, пожилая женщина, племянница его, молодая красивая дѣвушка, и дѣвочка, взятая для прислуживанія братьямъ во время ихъ пребыванія въ Демавендѣ; это былъ очень вкусный „плоу“ съ курицей. Аджи Моше ни за что не хотѣлъ, чтобы я спалъ на войлокѣ на полу, и ночевать мы отправились къ Ага Ниссону. Спустившись по крутому переулку, мы по трепещущему мостику перебрались на другой берегъ, стали было подыматься въ гору, затѣмъ юркнули налѣво въ другой переулокъ, вошли на какой-то грязный дворъ, а оттуда черезъ извилистый проходъ на другой узенькій дворикъ, обсаженный деревьями. Въ проходѣ насъ встрѣтилъ крикомъ старый пріятель, оселъ Аджи Моше, котораго успѣли уже помѣстить здѣсь. При тускломъ свѣтѣ фонаря изъ промасленной матеріи, который несъ въ рукѣ Илья, я увидѣлъ довольно чистый домъ въ полтора этажа; узкій коррицоръ безъ наружной двери, расположенный перпендикулярно къ фасаду, раздѣлялъ домикъ на двѣ части; мы вошли изъ корридора налѣво, такъ сказать, на чистую половину; это была большая выбѣленная комната о трехъ окнахъ во всю стѣну, или, по европейскимъ понятіямъ,—о трехъ дверяхъ, такъ какъ они представляли собою, какъ во всѣхъ чисто-персидскихъ домахъ, однѣ ставни безъ стеколъ; двери эти ходятъ не на петляхъ, а помощью деревянныхъ шиповъ, составляющихъ съ ними одно цѣлое и вставленныхъ въ притолку и порогъ. По стѣнамъ кое-гдѣ въ штукатурку были вмазаны кусочки зеркала; по нишамъ и образуемымъ ими верхнимъ полкамъ подъ потолкомъ стояла посуда,—фаянсовыя чашки и миски, бутылки, стклянки, небольшія лампочки; у задней стѣны стояло два сундука явно-россійскаго происхожденія, обитые разноцвѣтною жестью, а на нихъ по ярко-вычищенному самовару. Голыя балки потолка были довольно чисты, т. е. съ нихъ сметалась лишняя паутина и

пыль, а полъ былъ покрытъ „гилимами“ и бумажными половиками. Какъ я ни протестовалъ противъ этого, какъ Илья ни увѣрялъ, что я не люблю спать на мягкой постели, пришлось лечь на постланныя одно на другое нѣсколько ватныхъ одѣялъ,— и благодѣтельный сонъ подъ гостепріимною кровлею Ага Ниссона смежилъ мои очи.

Проснулся я на другое утро часовъ въ шесть и, умывшись на дворѣ, несмотря на утреннюю свѣжесть, почувствовалъ себя на рѣдкость бодрымъ; отъ вчерашней усталости не осталось и слѣда. Чай пить было рѣшено (не мною, а моими хозяевами и Ильею, которые завладѣли моею личностью) въ саду. Не успѣли мы изъ переулка повернуть къ рѣчкѣ, какъ увидѣли человѣкъ 12—15, шедшихъ по высокому берегу намъ на встрѣчу. Аджи Моше сталъ насъ торопить, такъ какъ это, очевидно, евреи шли привѣтствовать насъ. И дѣйствительно, не успѣли мы перебѣжать черезъ мостъ и подняться въ садъ, не успѣлъ Илья вытащить войлоки и разложить ихъ по аллеѣ, какъ вошли и гости. Впереди шелъ невысокаго роста еврей, съ длинною черной съ просѣдью бородой и умнымъ лицомъ; одѣтъ онъ былъ, въ противоположность остальнымъ, бывшимъ въ войлочныхъ шапкахъ, въ шапку поддѣльнаго барашка и въ кафтанъ изъ грубаго верблюжьяго сукна; это былъ мулла Аимъ (Хаимъ), раввинъ и врачъ. Раздались восклицанія:

— Шаломъ алейхемъ.

— Хошъ омади (добро пожаловать).

Это были все почетныя лица городка; очевидно, вѣсть о пріѣздѣ къ Ага Давуду и Аджи Моше гостя, европейца и единовѣрца, успѣла уже облетѣть маленькую общину. Мулла Аимъ, которому Аджи Моше шепнулъ объ этомъ, подалъ мнѣ руку, хотя это не въ персидскихъ нравахъ. Усѣлись въ кружокъ, потолковали немного и начали расходиться, причемъ мулла Аимъ ушелъ послѣднимъ; онъ очень любопытствовалъ насчетъ всего, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ, о чемъ онъ узнавалъ, какъ оказалось, отъ своего паціента Мохтаръ-эсъ-Солтанэ, опальнаго сановника, жившаго въ Демавендѣ. Почти всѣ, привѣтствуя меня, говорили, что слышали обо мнѣ, какъ объ „исраэлъ кашеръ“, а многіе, въ томъ числѣ Ага Ниссонъ, знали меня въ лицо, такъ какъ видѣли меня въ Тегеранѣ въ еврейскомъ кварталѣ. Не могу описать того чувства, которое переполняло мою душу при этихъ заявленіяхъ. Какъ мало было съ моей сто-

роны сдѣлано, чтобы заслужить доброе мнѣніе этихъ моихъ братьевъ!

Посѣтители удалились, а вслѣдъ за ними ушли и Аджи Моше съ Ильею, Іехезкіелемъ и еще однимъ мальчикомъ, по имени Анука (т. е. Ханука); мальчикъ этотъ, демавендскій уроженецъ, весною того года служилъ у меня въ домѣ помощникомъ Ильи недѣли три; теперь онъ помогалъ своему брату-коробейнику, торгующему по горнымъ деревнямъ и становищамъ кочевниковъ; но братъ его какъ разъ наканунѣ уѣхалъ въ Тегеранъ за товаромъ, и когда Анука пришелъ ко мнѣ съ визитомъ, Илья безъ дальнихъ разговоровъ прикомандировалъ его къ своей особѣ. Молодежь вернулась черезъ нѣкоторое время, съ торжествомъ окружая амбала (носильщика), тащившаго деревянную скамью; это была одна изъ тѣхъ широкихъ скамей, съ перилами съ трехъ сторонъ, которыя сомкнутыми по двѣ ставятся передъ чайными, такъ что образуется помостъ съ перилами къ услугамъ публики. Аджи Моше и забралъ у кого-то одну такую скамью для устройства мнѣ постели. Скамья не входила въ двери домика, и для того, чтобы ее внести въ комнату, пришлось выбить дверь съ косяками, притолокою и порогомъ и потомъ вновь ее приставить.

Такимъ образомъ я устроился или, вѣрнѣе, меня устроили; Аджи Моше и Илья спали на террассѣ; Ага Давудъ уѣхалъ въ ближайшее воскресенье. Съ этого момента потекла моя демавендская жизнь спокойнымъ и размѣреннымъ потокомъ; я рано вставалъ, много ѣлъ, пилъ, гулялъ и чувствовалъ, какъ возстановлялось мое здоровье; я постарался устроить свою жизнь какъ можно методичнѣе, знакомился съ Демавендомъ, его окрестностями, его жителями и ихъ взаимоотношеніями,—и если бы не самоваръ да не керосиновая лампа, я могъ бы сказать, что я прожилъ двѣ недѣли точь въ точь въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ жили въ этихъ мѣстахъ люди и сотни лѣтъ тому назадъ.

М. М. Абезгузъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Въ конторѣ „ВОСХОДА“ продаются слѣдующія книги:

Ан—скій, С. А. Разсказы. Т. I., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ахадъ-Гаамъ. Подражаніе и ассимиляція, ц. 10 к.

Бенъ-Ами: Собраніе разсказовъ и очерковъ, ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 46 к

Буки-Бенъ-Іогли (д-ръ Л. Каценельсонъ). Мысли и грезы, ц. 1 р., съ перес 1 р. 19 к.

Брамсонъ, Л. М. Къ исторіи начальнаго образованія евреевъ въ Россіи, ц. 40 к., съ перес. 46 к.

— Поѣздка въ южно-русскія еврейскія колоніи, ц. 25 к., съ перес. 27 к.

Бѣлковскій, Г. А. Чартеръ. Историко-историч. изслѣдов., ц. 25 к. съ перес. 29 к.

— Русское законодательство о евреяхъ въ Сибири. ц. 1 р., съ пересылкой 1 р., 20 к.

Бенвидъ, Б. О методахъ еврейской колонизаціи, ц. 20 к., съ перес. 22 к.

Вольперъ, М. Новая метода. Практич. руководство къ легчайшему изуч. др. евр. яз., ц. 45 к.

Вольперъ, М. и Каганъ, В. Л. Учебная книга свящ. ист. отъ сотворенія міра до Нееміи, ц. 80 к.

Вольтке, Г. Законы о пограничныхъ жителяхъ и пограничныхъ сношеніяхъ, ц. 25 к., съ перес. 35 к.

— Право торговли и промышленности въ Россіи, ц. 25 к., съ перес. 29 к.

Волоцкій, Н. Мадрихъ-гаіелодимъ въ 2-хъ ч., ц. по 35 к., съ перес. 41 к.

Вермель, С. С. И. И. Левитанъ и его творчество, ц. 30 к., съ перес. 34 к.

Воль, А. Л. Молитвы евреевъ, ц. 60 к., съ перес. 77 к.

Гинзбургъ, С. М. и Маренъ, П. С. Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи, ц. 1 р (вмѣсто 2 р. 50 к.).

Герцль, Т. Новое гетто, пьеса въ 4 д., ц. 45 к.

Гецъ, Ф. Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу, ц. 30 к., съ перес. 34 к.

— Открытое письмо къ графу Н. Л. Толстому, ц. 30 к., съ перес. 34 к.

Геннель, Г. Саадія гаонъ, ц. 1 р., съ перес. 1 р. 12 к.

Гессенъ, Ю. И. Сто лѣтъ назадъ, ц. 30 к., съ перес. 32 к.

— О. А. Рабиновичъ и И. Г. Оршанскій, ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

— Евреи въ масонствѣ, ц. 40 к., съ перес. 44 к.

— Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма, ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Гольдблатъ, Ю. С. Вступит. курсъ Библіи, ц. 30 к.

Готлибъ, М. д-ръ. П. М. Смоленскинъ, ц. 25 к., съ перес. 29 к.

Гурвичъ, О. Я. Живая мораль или Сокровищница талмуд. этики, ц. 1 р., съ перес. 1 р. 13 к.

Гольдбергъ, Б. А. Конгрессные типы, ц. 20 к., съ перес. 25 к.

— Л. О. Леванда, какъ публицистъ, ц. 20 к., съ пер. 25 к.

Деличъ, Фр. проф. Библія и Вавилонъ. I. Вавилонъ и библія и II. Вавилонъ и еврейская религія проф. I. Барта, перев. съ нѣмецкаго д-ра фил. А. Б. Нурока, цѣна 75 к. съ перес.

Дубновъ, С. М. Всеобщая Исторія евреевъ, 1-ый полутомъ (до вавилонскаго плѣненія), ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 44 к.

— Всеобщая исторія евреевъ, Кн. I отъ вавилонскаго плѣненія до разрушенія іудейск. государства римлянами, ц. 2 р.

— Кн. II. Талмудич. и средневѣковый періодъ, ц. 2 р.

— Учебникъ еврейской исторіи, ч. I (библейская), ц. 50 к., съ перес. 56 к.

— Учебникъ еврейской исторіи, ч. II (по-библейская), ц. 40 к., съ перес. 44 к.

— Учебникъ еврейской исторіи, ч. III (ср. вѣка и новое время), ц. 60 к., съ перес. 66 к.

Евнинъ. Гигіена хедера, ц. 20 к.

Еврейская жизнь въ изображеніи еврейск. быто-писателей, ц. 1 р. 50 к.

Еврейскіе мотивы, ц. 75 к., съ перес. 85 к. на роскошн. бум. ц. 2 р.

Зангвилль, И. Трагедіи гетто, ц. 1 р. 25 к.

Камайко, Р. 5-ый конгрессъ сіонистовъ, ц. 20 к.

Клячко, П. Р. Руководство для подготовл. къ „Баръ-Мицво" съ прилож. застольн. рѣчей, ц. 30 к., съ перес. 32 к.

Клячко П. Р. Подъ знаменемъ Маккавеевъ, иллюстр. историческій очеркъ для юношества, ц. 15 к., съ перес. 17 к.

Лацарусъ, Р. (Нагида Реми). Еврейская женщина, ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Лозина-Лозинскій, М. А. Систематич. сборн. разъясненій Правит. Сената по дѣламъ о жительствѣ евреевъ, ц. 3 р. 50 к.

Левнеръ, И. Б. Еврейскія легенды по талмуду, мидрашимъ и др. ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 40 к., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 60 к.

Лацарусъ, М. Этика юдаизма, ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

сановники и рыцари—приглашались особыми повѣстками почтить своимъ присутствіемъ „актъ вѣры". Площадь, гдѣ происходило ауто-да-фе, была наполнена народомъ; изъ оконъ и балконовъ сосѣднихъ домовъ смотрѣли тысячи глазъ, какъ корчились въ предсмертныхъ мукахъ сжигаемые еретики.

Инквизиція простирала свои благодѣянія и на заокеанскія владѣнія Испаніи, въ Новомъ Свѣтѣ. При Филиппѣ II она усердно работала въ Мексикѣ, куда эмигрировали многіе марраны. Свирѣпое чудовище настигло своихъ жертвъ и въ Перу, въ Южной Америкѣ. Въ столицѣ этой колоніи, Лимѣ, пылали костры для еретиковъ и „іудействующихъ" въ концѣ XVI вѣка. Жертвами священнаго трибунала дѣлались большей частью образованные и богатые марраны—врачи и негоціанты, несшіе свои знанія и капиталы въ Новый Свѣтъ въ то время, какъ инквизиція несла туда мракъ, разореніе и смерть.

§ 30. Борьба инквизиціи съ марранами въ Португаліи. Еще болѣе трагическій оборотъ принялъ марранскій вопросъ въ Португаліи. Составъ португальскихъ марранов былъ совершенно иной, чѣмъ испанскихъ. Послѣдніе состояли преимущественно изъ элементовъ, давно вошедшихъ въ составъ испанскаго общества и наружно соблюдавшихъ весь католическій этикетъ. Португальскіе же марраны были въ сущности евреи, временно надѣвшіе для спасенія жизни маску христіанства и затѣмъ почти открыто сбросившіе ее. Это были тѣ испанскіе изгнанники 1492 г., которые надѣялись найти въ Португаліи спокойный пріютъ и нашли—церковную купель, куда насильно тащили беззащитныхъ бѣглецовъ съ одобренія короля Эмануила (II, § 158). Такое вопіющее насиліе надъ совѣстью десятковъ тысячъ людей возмутило даже многихъ христіанъ, и король Эмануилъ, видя отчаяніе новообращенныхъ, обѣщалъ имъ, что въ теченіе двадцати лѣтъ они будутъ свободны отъ надзора и суда инквизиціи. Основываясь на королевскомъ обѣщаніи, португальскіе „новохристіане" смѣлѣе соблюдали обряды притворно оставленной еврейской религіи, чѣмъ ихъ испанскіе братья. Въ началѣ XVI в. они жили тѣсно сплоченною массой, избѣгали родниться съ „старо-христіанами" и имѣли въ Лиссабонѣ свою синагогу, куда охотно спѣшили изъ церквей, чтобы сбросить съ себя ненавистную маску и вымолить у Бога прощеніе за невольное притворство. Многія марранскія семейства изъ Испаніи стали переселяться въ Португалію, спасаясь отъ преслѣдованій инквизиціи, но король Эмануилъ воспрепятствовалъ этому переселенію. По настоянію Фердинанда Католика, онъ приказалъ требовать отъ всякаго эмигранта изъ Испаніи свидѣтельства о религіозной благонадежности (1503); сверхъ того, разрѣшалось испанскому инквизиціонному

судьѣ пріѣзжать въ Португалію для допроса тѣхъ изъ бѣглецовъ, которые уличены въ тайномъ „іудействованіи". Эмигрировать изъ Португаліи въ другія страны нельзя было безъ особаго разрѣшенія короля, которое почти никогда не давалось. Король не желалъ, чтобы съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныя для церкви души были потеряны для нея, и, кромѣ того, считалъ невыгоднымъ выпустить изъ страны предпріимчивыхъ купцовъ, банкировъ, техниковъ, врачей и аптекарей, которыхъ было такъ много среди марранов и которые такъ нужны были малокультурной Португаліи.

Двойственная роль марранов, какъ полукатоликовъ и полуевреевъ, не могла внушать португальцамъ уваженіе къ нимъ. Забывая о причинахъ, создавшихъ эту толпу невольниковъ церкви, христіанская масса испытывала непріятное ощущеніе отъ присутствія этого инороднаго тѣла въ церковномъ организмѣ. Освободить марранов отъ навязанной имъ религіи, дать имъ возможность открыто исповѣдывать вѣру отцовъ—на такой подвигъ терпимости правительство не рѣшалось; оставлять же ихъ въ такомъ двойственномъ положеніи значило дѣлать ихъ объектомъ народной ненависти. Эта ненависть старохристіанъ къ новохристіанамъ разразилась страшной катастрофой въ 1506 г., въ Лиссабонѣ. Въ праздникъ Пасхи у нѣкоторыхъ марранов нашли мясо ягнятъ и куръ, приготовленное по еврейскому обряду, а также неквашеный хлѣбъ (маца) и горькую зелень для еврейскаго пасхальнаго стола. Подозрѣваемыхъ арестовали, но черезъ нѣсколько дней выпустили на свободу. Эта снисходительность къ „еретикамъ" возмутила добрыхъ католиковъ въ Лиссабонѣ—и „черная сотня" доминиканцевъ взялась за организацію погрома противъ марранов. Въ день христіанскаго Свѣтлаго Воскресенья, доминиканскіе монахи выставили въ одной церкви распятіе и раку съ мощами, отъ которыхъ струился какой-то загадочный свѣтъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ въ церкви образованныхъ марранов позволилъ себѣ неосторожное замѣчаніе, что это кажущееся чудо есть результатъ естественныхъ причинъ, въ родѣ подвѣшенной сзади лампы; по другой версіи, онъ будто бы выразился, что въ нынѣшнюю пору засухи водяное чудо было бы нужнѣе, чѣмъ огненное. Услышавъ эти „богохульныя" слова, разъяренные католики и особенно католички набросились на вольнодумца, вытащили изъ церкви и убили. Доминиканцы поспѣшили натравить возбужденную толпу на всѣхъ марранов. Два монаха шли, съ распятіемъ въ рукахъ, по улицамъ города и кричали: „ересь, ересь!" Всѣхъ встрѣчавшихся по пути марранов разъяренная толпа убивала. Въ первый день ихъ было убито и сожжено свыше 500. На другой день, въ понедѣльникъ, рѣзня возобновилась съ еще большимъ ожесточеніемъ. Врывались въ

дома марранов, вытаскивали обитателей, старыхъ и молодыхъ, на улицу и бросали въ костеръ. Беременныхъ женщинъ выбрасывали изъ оконъ домовъ на улицу, и громилы подхватывали ихъ своими копьями. Въ числѣ жертвъ былъ богатый откупщикъ налоговъ, марранъ Маскаренасъ, котораго народъ особенно ненавидѣлъ; обломки мебели изъ его разгромленнаго дома были свезены на площадь, какъ топливо для костра. А въ это время по улицамъ бѣгали монахи съ крестомъ въ рукахъ и разжигали народъ криками: „Милосердіе, милосердіе! Кто за христіанскую вѣру и крестъ святой пусть идетъ за нами, чтобы воевать съ евреями и всѣхъ ихъ истребить!“ На третій день убійства и разбои продолжались въ окрестностяхъ Лиссабона, куда бѣжали марраны. Всего погибло за три дня свыше 2000 человѣкъ. Въ числѣ жертвъ были и старохристіане, ошибочно принятые за марранов. Были гнусныя насилія надъ женами и дѣвушками; одна марранка заколола монаха-насильника его собственнымъ ножомъ.—Правительство было возмущено этими звѣрствами толпы. Король Эмануилъ велѣлъ строго наказать виновниковъ погрома. Зачинщиковъ вѣшали и четвертовали, а двухъ монаховъ-подстрекателей сожгли; многіе громилы подверглись меньшимъ наказаніямъ и конфискаціи имущества. Устрашенные лиссабонской рѣзней, массы марранов стали выселяться изъ Португаліи; король сначала разрѣшилъ эмиграцію, но потомъ запретилъ ее. Онъ гарантировалъ марранамъ свободу отъ инквизиціоннаго надзора еще на 16 лѣтъ (съ 1512 г.), но это не помѣшало ему впослѣдствіи вести переговоры съ римской куріей объ учрежденіи инквизиціоннаго суда для новохристіанъ.

Новый актъ въ трагедіи марранства начался со вступленіемъ на престолъ Іоанна III (1522—57), который, еще будучи инфантомъ, не одобрялъ „снисходительности“ своего отца къ новохристіанамъ. Королева Екатерина, испанская принцесса, уговаривала мужа ввести въ Португаліи инквизицію противъ еретиковъ, по примѣру испанской; въ этомъ направленіи сильно агитировали и доминиканцы. Нашелся одинъ низкій предатель изъ среды марранов, испанскій выходецъ *Генрихъ Нунесъ*, который поддерживалъ эту агитацію путемъ шпіонства. Будучи вхожъ во многіе марранскіе дома въ Лиссабонѣ и другихъ городахъ, онъ тамъ выслѣживалъ всѣ признаки ереси и докладывалъ королю. Онъ доносилъ, что въ домахъ марранов онъ не видѣлъ иконъ, молитвенниковъ и другихъ принадлежностей католическаго жилища, и что изъ Испаніи вѣроотступники часто переселяются въ Лиссабонъ, гдѣ можно удобнѣе „іудействовать“. На основаніи этихъ донесеній, Іоаннъ послалъ Нунеса къ испанскому королю Карлу I для тайныхъ переговоровъ о введеніи инквизиціи. Марраны узнали объ этомъ и рѣшили ото-

мстить подлому доносчику. Двое изъ нихъ, въ одеждѣ францисканскихъ монаховъ, настигли Нунеса въ Бадаіоцѣ, недалеко отъ испанской границы, и убили его, отнявъ письма по дѣлу инквизиціи, которыя онъ везъ съ собою. Мстители, однако, были обнаружены и осуждены на лютую казнь: имъ отрубили руки и, привязавъ изувѣченныхъ къ хвостамъ лошадей, поволокли на эшафотъ. Шпіона Нунеса духовенство причислило къ лику мучениковъ церкви (1525). Убійствомъ Нунеса воспользовались враги марранов для агитаціи противъ нихъ. Кортесы жаловались королю, что марраны забрали въ свои руки аренду крупныхъ имѣній и хлѣбную торговлю, что они даютъ наибольшій контингентъ врачей и аптекарей, и въ качествѣ таковыхъ могутъ вредить здоровью паціентовъ-христіанъ. Марраны съ тревогой слѣдили за этой агитаціей: они чувствовали приближеніе грозы.

Въ это время на горизонтѣ марранской жизни появилась „звѣзда съ востока“: въ Португалію прибылъ мнимый посолъ заморскаго „еврейскаго царя“ Давидъ Реубени, заинтересовавшій короля Іоанна своимъ планомъ похода противъ турокъ (§ 9). Марраны увидѣли въ Реубени своего политическаго освободителя и цѣлыми толпами ходили къ нему на поклоненіе въ Лиссабонѣ; одинъ изъ нихъ самъ выступилъ въ роли освободителя и, уѣхавъ въ Италію, сталъ во главѣ мессіанскаго движенія, подъ именемъ Соломона Молхо. Другихъ мессіанскій энтузіазмъ увлекъ на путь борьбы. Группа вооруженныхъ молодыхъ марранов отправилась въ пограничный испанскій городъ Бадаіоцъ, откуда они раньше бѣжали, и силою освободила нѣсколькихъ марранскихъ женщинъ, томившихся въ тюрьмѣ инквизиціи (1528). Мѣстный инквизиторъ пожаловался португальскому королю на дерзость еретиковъ и настоятельно рекомендовалъ для усмиренія ихъ ввести въ Португаліи такую же строгую инквизицію, какъ въ Испаніи. Въ это время король Іоаннъ уже разочаровался въ фантастической миссіи Реубени и удалилъ его изъ Лиссабона, чтобы онъ не смущалъ марранов— и отсроченный раньше проектъ введенія инквизиціи снова сталъ на очередь.

Въ 1531 г. король Іоаннъ поручилъ своему послу въ Римѣ немедленно исходатайствовать у папы Климента VII буллу объ учрежденіи инквизиціи въ Португаліи. Въ совѣтѣ папы слышались голоса, что Іоаннъ, по примѣру Фердинанда и Изабеллы, желаетъ ввести инквизицію не столько изъ религіознаго усердія, сколько ради выгодной для казны конфискаціи имуществъ отчужденныхъ еретиковъ. Тѣмъ не менѣе папа удовлетворилъ просьбу португальскаго посланника и выдалъ ему буллу. Португальскіе марраны, узнавъ объ этомъ черезъ своихъ друзей въ Римѣ, поручили одному ловкому дипломату изъ своей среды, *Дуатре де-Пацу*, воздѣйствовать на курію въ

смыслѣ отмѣны опасной папской буллы. Были пущены въ ходъ и связи съ вліятельными сановниками церкви, и деньги, и политическіе доводы Благодаря мягкости характера либеральнаго Климента VII, агитація марранов увѣнчалась успѣхомъ. Папа сначала велѣлъ пріостановить дѣйствіе своей буллы объ инквизиціи, а затѣмъ издалъ „буллу прощенія“ (1533), въ которой объявилъ слѣдующее: евреи, нѣкогда насильно окрещенные, не могутъ считаться членами церкви и, слѣдовательно, не подлежатъ ея суду за ересь или отступничество; дѣти же ихъ, крещенныя при рожденіи, считаются христіанами и должны быть удерживаемы въ этой религіи; но принимая во вниманіе, что они воспитывались подъ вліяніемъ родителей-евреевъ, было бы жестоко преслѣдовать ихъ по всей строгости законовъ за склонность къ іудейству, а потому ихъ нужно привлекать къ церкви мѣрами кротости и вразумленія. Согласно „буллѣ прощенія“, всѣ арестованные въ Португаліи марраны должны были получить свободу. Но португальское правительство медлило опубликованіемъ льготной для еретиковъ буллы и ходатайствовало въ Римѣ объ отмѣнѣ ея.

Посреди этой агитаціи и контръ-агитаціи умеръ Климентъ VII. При преемникѣ его Павлѣ III (1534—49) борьба за и противъ введенія инквизиціи въ Португаліи приняла еще болѣе острую форму. Въ Римѣ и Лиссабонѣ кипѣла борьба партій. Португальскій посланникъ въ Римѣ и агенты марранов (Дуарте де-Пацъ) интриговали въ куріи другъ противъ друга. Папа поручилъ коммиссіи изъ богослововъ и юристовъ обсудить вопросъ о марранахъ и большинство въ коммиссіи высказалось въ пользу послѣднихъ. Между тѣмъ папскій нунцій въ Лиссабонѣ доносилъ въ Римъ, что король Іоаннъ, не обращая вниманія на буллу прощенія, не только не освобождаетъ арестованныхъ марранов, но производитъ новые аресты и возобновляетъ законъ о запрещеніи эмиграціи новохристіанъ изъ Португаліи. Папа предложилъ Іоанну дать амнистію всѣмъ заключеннымъ марранамъ и дозволить имъ въ теченіе года покинуть страну; исполненіемъ этого требованія папа обусловилъ свое будущее согласіе на введеніе инквизиціи въ Португаліи для дѣйствительныхъ отступниковъ отъ церкви. Когда король не исполнилъ и этого требованія, Павелъ III обнародовалъ буллу (1535), гдѣ рѣшительно объявилъ португальскихъ марранов свободными отъ слѣдствія и суда и призналъ недѣйствительными всѣ приговоры трибуналовъ противъ нихъ. На этотъ разъ король принужденъ былъ уступить: онъ поспѣшилъ освободить заключенныхъ марранов—особенно тѣхъ, которые заручились рекомендаціями въ Римѣ,—въ числѣ 1800 человѣкъ.

Теперь переговоры о введеніи инквизиціи возобновились. Папа готовъ

былъ дать свое согласіе на это на слѣдующихъ условіяхъ, гарантирующихъ правосудіе: чтобы слѣдствіе о вѣроотступничествѣ не основывалось на показаніяхъ домашнихъ слугъ и темныхъ лицъ; чтобы показанія свидѣтелей давались не секретно, а въ присутствіи подсудимыхъ; чтобы допускались свиданія родныхъ и близкихъ съ заключенными; чтобы имущество осужденныхъ марранов не конфисковалось въ пользу казны, а передавалось ихъ законнымъ наслѣдникамъ; наконецъ, чтобы на приговоръ инквизиціоннаго трибунала допускалась апелляція въ римскую курію. На эти условія король, врагъ марранов и большой охотникъ до ихъ конфискованныхъ имуществъ, не могъ согласиться. Онъ обратился къ посредничеству всемогущаго императора Карла V, который былъ сторонникомъ автономной инквизиціи по испанскому образцу. Императоръ, вступившій тогда въ Римъ тріумфаторомъ послѣ побѣды надъ турками, просилъ папу уступить желанію португальскаго короля. Павелъ III не могъ противиться настояніямъ Карла V и обнародовалъ буллу о введеніи инквизиціи въ Португаліи (23 мая 1536), съ отмѣною предыдущихъ „буллъ прощенія". Онъ только оговорилъ, что въ первые три года послѣ учрежденія трибуналовъ въ нихъ должны соблюдаться формы обыкновеннаго свѣтскаго судопроизводства, что имена обвинителей и свидѣтелей должны быть сообщаемы подсудимымъ, и что въ первыя десять лѣтъ имущества осужденныхъ не должны конфисковаться въ пользу казны.

Первый генералъ-инквизиторъ Португаліи, Діего да-Сильва, еще слѣдовалъ завѣтамъ папы и по возможносси избѣгалъ жестокаго обращенія съ еретиками; но марраны видѣли надвигающееся на нихъ чудовище и знали, что ихъ ждетъ. Изъ Лиссабона снова отправилась марранская депутація въ Римъ и представила папѣ записку, въ которой слышались возмущеніе и угроза. „Если ваше святѣйшество—говорилось тамъ—отвергнете просьбы и слезы еврейскаго племени или, чего мы не ждемъ, откажетесь устранить зло, то мы предъ Богомъ протестуемъ и съ плачемъ и стонами будемъ протестовать предъ лицомъ всего міра. Такъ какъ мы не имѣемъ ни одного мѣста, гдѣ мы могли бы (съ чистой совѣстью) вступить въ христіанское общество; такъ какъ наша жизнь, наша честь, наши дѣти находятся въ постоянной опасности, несмотря на то, что мы старались (наружно) воздерживаться отъ іудаизма,—то въ случаѣ, если тиранія не прекратится, мы сдѣлаемъ то, о чемъ при другомъ положеніи никто изъ насъ не подумалъ бы: мы вернемся къ нашей Моисеевой религіи и отречемся отъ христіанства... Мы всѣ оставимъ наши насиженныя мѣста, чтобы искать безопасности и защиты среди менѣе жестокихъ народовъ". Папа послалъ въ

Лиссабонъ новаго нунція Каподиферро съ порученіемъ слѣдить, чтобы марранамъ не чинили излишнихъ обидъ и не мѣшали имъ эмигрировать. Многіе воспользовались наступившимъ мгновеніемъ свободы и поспѣшили выселиться.

Но вскорѣ произошелъ случай, снова ухудшившій положеніе. Въ февралѣ 1539 г., на воротахъ многихъ церквей Лиссабона оказались наклеенные плакаты, съ слѣдующей надписью: „Мессія не пришелъ; Іисусъ не былъ истиннымъ Мессіей". Народъ заволновался, и король объявилъ награду въ десять тысячъ крузадъ тому, кто откроетъ имя автора богохульной надписи. Чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, марраны тайно наклеили на воротахъ церквей объявленіе такого рода: „Я, авторъ, не испанецъ и не португалецъ, а англичанинъ,—и если вмѣсто десяти тысячъ вы предложите двадцать тысячъ крузадъ, вы все-таки моего имени не откроете". Несмотря на эту уловку, виновникъ былъ обнаруженъ: онъ оказался марраномъ, по имени Мануилъ да-Коста. Сознавшись подъ пыткою, онъ былъ сожженъ на площади въ Лиссабонѣ. Съ этого времени недовѣріе и ненависть къ марранамъ усилились. Снисходительный генералъ-инквизиторъ да-Сильва былъ смѣщенъ, и его мѣсто занялъ братъ короля, кардиналъ-инфантъ Генрихъ, ожесточенный врагъ новохристіанъ. Напрасно папа взывалъ къ соблюденію гарантій правосудія, установленныхъ при введеніи инквизиціи: кардиналъ-инфантъ и назначенные имъ мѣстные инквизиторы взяли себѣ дискреціонную власть. Въ Лиссабонѣ, Коимбрѣ, Эворѣ лихорадочно работали „священные трибуналы"; тюрьмы переполнились узниками и запылали костры инквизиціи. Португальскіе марраны были, наконецъ, уравнены въ правахъ мученичества съ испанскими; но, будучи многочисленнѣе ихъ и стоя ближе къ еврейству, они испытывали гораздо большія страданія.

Что творилось тогда въ Португаліи—видно изъ обширной записки, поданной депутаціей отъ лиссабонскихъ марранов римской куріи въ 1544 г. Въ Лиссабонѣ, гдѣ главнымъ инквизиторомъ былъ Іоаннъ де-Мелло, заключенные марраны томились въ подземныхъ темницахъ; пытка, при помощи которой у несчастныхъ вынуждалось сознаніе, состояла въ палочныхъ ударахъ, сдираніи кожи съ тѣла, поджариваніи пятокъ и тому подобныхъ мучительствахъ. Отправлять маррана на костеръ было для Мелло истиннымъ наслажденіемъ. Онъ съ восторгомъ изображаетъ въ письмѣ къ королю одно ауто-да-фе въ столицѣ: „Около ста осужденныхъ составляли торжественное шествіе. Свѣтскій судья велъ ихъ въ сопровожденіи двухъ церковныхъ хоровъ. Когда пришли на мѣсто казни, запѣли гимнъ: Veni creator spiritus! Одинъ монахъ взошелъ на каѳедру, проповѣдь была коротка, ибо въ этотъ

день предстояло еще много работы. Читались приговоры, сначала для осужденныхъ на изгнаніе и временное заключеніе, потомъ для осужденныхъ на вѣчное заточеніе и наконецъ—для приговоренныхъ къ смерти. Такихъ было двадцать. Семь женщинъ и двѣнадцать мужчинъ были привязаны къ столбу и заживо сожжены. Только одна женщина, вслѣдствіе полнаго раскаянія на исповѣди, была помилована".—Другой инквизиторъ, доминиканецъ Бернардо де Санта-Круцъ, усердно „работалъ" въ Коимбрѣ. Въ числѣ пойманныхъ имъ жертвъ былъ богатый марранъ Симонъ Альваресъ. Инквизиторъ рѣшилъ сжечь Альвареса и его жену за ересь, но для законности приговора нужно было, чтобы хоть одинъ свидѣтель показалъ противъ обвиняемыхъ, а такого, къ досадѣ судей, не было. Тогда этотъ человѣкъ-звѣрь взялъ шестилѣтнюю дочь Альвареса, поставилъ ее передъ чашкой съ раскаленными угольями и грозилъ сжечь на угольяхъ ея ручку, если она не скажетъ, что ея родители наносили удары фигурѣ распятія; дѣвочка сказала все, что отъ нея требовали,—и несчастныхъ сожгли на основаніи „обоснованнаго" приговора.—Шпіонство развилось до крайней степени. Слуги доносили на хозяевъ; давали вѣру даже показаніямъ каторжниковъ и проститутокъ. Бывшій каторжникъ Францискъ Жиль, ставшій шпіономъ, употреблялъ слѣдующій пріемъ для ловли еретиковъ. Въ церкви, переполненной молящимися, онъ въ самый торжественный моментъ запиралъ двери и требовалъ, чтобы настоящіе христіане отдѣлились отъ новохристіанъ и разсказали тутъ же все, что они знаютъ объ ихъ поведеніи и образѣ мыслей. Уличенныхъ по какимъ-нибудь оговорамъ марранов тутъ же арестовывали и изъ церкви отправляли въ тюрьмы инквизиціи.

Возмущенный извѣстіями объ ужасахъ инквизиціи, папа Павелъ III переслалъ записку марранов своему нунцію въ Лиссабонѣ и поручилъ ему настаивать на исполненіи судебныхъ гарантій буллы 1536 года. Король Іоаннъ предложилъ коммиссіи изъ четырехъ марранскихъ представителей выработать проектъ упорядоченія положенія новохристіанъ. Коммиссія повторила прежнія требованія: всеобщая амнистія заключеннымъ, недопущеніе анонимныхъ или подозрительныхъ свидѣтельскихъ показаній и жестокихъ пытокъ, какъ средства вынудить сознаніе; въ противномъ случаѣ марраны грозили массовой эмиграціей въ болѣе гостепріимныя страны (1547). Эти требованія показались непріемлемыми и королю, и португальскимъ духовнымъ сановникамъ, вдохновителямъ инквизиціи. Одинъ изъ нихъ, епископъ Балтазаръ Лимпо, отправившійся въ качествѣ делегата на Тридентскій соборъ, произнесъ тамъ пламенную рѣчь въ защиту благѣтельной португальской инквизиціи и даже нападалъ на папу за то,

что онъ не вводитъ такой же инквизиціи противъ марранов, пріютившихся въ Италіи и открыто переходящихъ въ іудейство. Утомленный этими безконечными пререканіями, Павелъ III, наконецъ, согласился на компромиссъ: онъ объявилъ прощеніе всѣмъ марранамъ, которые публично раскаются въ отпаденіи отъ церкви и обѣщаютъ впредь быть добрыми христіанами; послѣ этого они, въ случаѣ отступничества, уже подлежатъ строгому суду инквизиціи (1548). На основаніи этого эдикта, тысячи марранов были освобождены изъ темницъ Лиссабона, Эворы и Коимбры. Но спустя нѣсколько лѣтъ, эти тюрьмы наполнились новыми узниками изъ тѣхъ „раскаявшихся", которые впали въ прежнюю ересь. Съ ними инквизиція уже считала себя вправѣ не церемониться: опять пошелъ въ ходъ весь аппаратъ священнаго трибунала, съ подлымъ сыскомъ, арестами, допросами подъ пыткою, ауто-да-фе и конфискаціями имущества. Рѣзкій поворотъ римской куріи, при Павлѣ IV, въ сторону католической реакціи развязалъ португальскимъ клерикаламъ руки; между ними и куріей установилось полное единодушіе.

Тайная эмиграція изъ Португаліи (законъ запрещалъ эмиграцію) усилилась среди марранов до невѣроятныхъ размѣровъ. Бѣжали въ Италію, Турцію, сѣверную Африку, позже—въ Нидерланды. Во время регентства бывшаго инквизитора, кардинала-инфанта Генриха (послѣ смерти Іоанна III въ 1557 г.), государственное управленіе находилось въ рукахъ дѣятелей священнаго трибунала, доминиканцевъ и наводнившихъ страну іезуитовъ. При королѣ Себастіанѣ, разорявшемъ страну поборами для военныхъ походовъ, марраны купили себѣ за четверть милліона дукатовъ право эмиграціи изъ Португаліи и гарантію неприкосновенности ихъ имуществъ на десять лѣтъ. Соединеніе Португаліи съ Испаніей подъ властью тирана Филиппа II (1580) окончательно уравняло судьбу марранов въ обѣихъ странахъ. Оставшіеся подъ дамокловымъ мечемъ инквизиціи, марраны притаились, стараясь не попасть въ когти чудовища,—и тѣмъ не менѣе ежегодно священный трибуналъ имѣлъ возможность устраивать по крайней мѣрѣ одно ауто-да-фе. Но и послѣ освобожденія Португаліи отъ испанскаго ига (1640) инквизиціонные костры въ ней не угасали, озаряя изувѣрство и жестокость людей.

Въ индійскихъ и американскихъ колоніяхъ Португаліи священные трибуналы развили свою дѣятельность съ половины XVI вѣка. Въ Гоа, въ южной Индіи, существовалъ трибуналъ съ „великимъ инквизиторомъ" во главѣ. Передъ шедшими на костеръ марранами развѣвалось знамя инквизиціи, на которомъ были начертаны слова: „Misericordia et justitia" (мило-

сердіе и правосудіе), звучавшія горькой насмѣшкой въ этомъ царствѣ жестокости и произвола. Въ Бразиліи преслѣдованіе марранов началось съ половины XVII в. и продолжалось въ XVIII в.

§ 31. Голландская колонія; община въ Амстердамѣ. Главными убѣжищами испано-португальскихъ марранов, желавшихъ открыто исповѣдывать свою національную религію и спасавшихся отъ ярости инквизиціи, были въ первой половинѣ XVI в. Италія и Турція. Когда католическая реакція преградила бѣглецамъ доступъ въ Италію, мѣсто послѣдней заняли Нидерланды, ставшіе благодаря реформаціи преимущественно протестантской страной. Отдѣльныя марранскія семейства пытались эмигрировать въ Нидерландскія провинціи еще въ то время, когда онѣ находились подъ властью Испаніи; но слѣдившее за ними бдительное око инквизиціи заставляло ихъ покидать новыя мѣста для болѣе спокойныхъ, какъ это сдѣлала при Карлѣ V знаменитая семья Мендесъ и Іосифа Наси (§ 4). Съ тревогой и надеждой слѣдили марраны Испаніи и Португаліи за героической борьбой, которую вели Нидерланды съ своими тиранами, испанскимъ королемъ Филиппомъ II и его кровожаднымъ намѣстникомъ герцогомъ Альбою. Многолѣтняя борьба привела, наконецъ, къ отпаденію протестантской части Нидерландовъ отъ Испаніи. Сѣверные, *Голландскіе* штаты объединились въ независимую республику, подъ главенствомъ принца Вильгельма Оранскаго (Утрехтская унія 1579 г.). Съ тѣхъ поръ Голландія постепенно становится убѣжищемъ для всѣхъ гонимыхъ за вѣру и главнымъ образомъ для марранов.

Возникновеніе еврейской колоніи въ центрѣ Голландіи, Амстердамѣ, относится къ концу XVI вѣка. Объ этомъ разсказываютъ слѣдующее. Корабль съ небольшой группой бѣглыхъ марранов плылъ изъ Португаліи, подъ управленіемъ одного изъ нихъ *Якова Тирадо* (1593). На кораблѣ ѣхали юные члены аристократической марранской семьи: Мануэль-Лопецъ Перейра, его сестра-красавица Марія Нунесъ, въ сопровожденіи ихъ дяди Лопеца Гомена. По дорогѣ корабль ихъ попалъ въ руки англичанъ и былъ отправленъ въ Лондонъ. Капитанъ англійскаго судна, благородный герцогъ, былъ такъ очарованъ красотою Маріи Нунесъ, что предложилъ ей выйти за него замужъ; юная красавица отклонила предложеніе, заявивъ, что она не португалка, а еврейка. Въ Лондонѣ Марія Нунесъ попала въ аристократическіе круги и даже обратила на себя вниманіе королевы Елизаветы, которая приняла ее въ аудіенціи и проѣхалась съ нею по улицамъ столицы. Марія Нунесъ, однако, преодолѣла всѣ искушенія свѣтской жизни и выхлопотала для себя и своихъ спутниковъ дозволеніе продолжать путь въ Голландію.

Послѣ труднаго морского переѣзда, странники прибыли въ гавань фрисландскаго городка Эмдена. Замѣченная ими на одномъ изъ домовъ надпись на еврейскомъ языкѣ убѣдила ихъ, что здѣсь живутъ евреи. Въ домѣ оказался ученый раввинъ *Ури Галеви*. Яковъ Тирадо разсказалъ ему о намѣреніяхъ странниковъ и просилъ совершить надъ ними обрядъ перехода въ іудейство. Раввинъ отклонилъ просьбу, боясь вызвать недовольство мѣстныхъ христіанъ, но посовѣтовалъ марранамъ отправиться въ Амстердамъ, гдѣ переходъ въ іудейство не былъ сопряженъ съ такой опасностью, при чемъ обѣщалъ послѣдовать за ними. Странники уѣхали въ Амстердамъ, туда же скоро прибыли ихъ родные и близкіе изъ семей Лопецъ Перейра,—и такимъ образомъ возникла первая маленькая еврейская община, духовнымъ пастыремъ которой сдѣлался Ури Галеви.

Привыкши скрывать свой іудаизмъ, члены общины сначала и въ новомъ мѣстѣ не выступали открыто какъ евреи, и голландцы считали ихъ испанскими католиками. Таинственность, которою они окружали себя, возбудила подозрѣніе амстердамскихъ властей. Недавно лишь сбросившіе испанское иго голландцы думали, что это—замаскированные испанскіе паписты, и за ними стали слѣдить. Однажды, въ постъ Іомъ-Кипура, когда марраны собрались для молитвы, въ ихъ собраніе ворвались вооруженные голландскіе солдаты и арестовали ихъ раввина Ури Галеви; они искали иконъ и другихъ принадлежностей католическаго богослуженія, но не нашли. Тогда Яковъ Тирадо явился къ амстердамскимъ властямъ и объяснилъ, что эмигранты не католики, а евреи, бѣжавшіе отъ испанской инквизиціи, что они привезли съ собою значительные капиталы и что вслѣдъ за ними готовы пріѣхать изъ Португаліи новыя партіи переселенцевъ, которые могутъ содѣйствовать оживленію голландской торговли. Власти освободили арестованнаго раввина и стали довѣрчивѣе относиться къ переселенцамъ. Открыто заявивъ себя евреями, члены новой общины просили черезъ Тирадо амстердамскій магистратъ о разрѣшеніи построить синагогу. Разрѣшеніе было дано—и въ 1598 г. была воздвигнута въ Амстердамѣ первая синагога, названная „Бетъ-Яковъ“ (домъ Якова), въ память ея основателя Якова Тирадо. Раввинъ Ури Галеви произносилъ въ этой синагогѣ свои проповѣди по нѣмецки, а его сынъ переводилъ ихъ для слушателей на испанскій языкъ.

Вѣсти о спокойномъ пріютѣ для марранов въ Голландіи привлекли туда массу бѣглецовъ изъ-за Пиренеевъ. Тысячи марранов, которымъ опротивѣли религіозное притворство и жизнь подъ надзоромъ инквизиціи, тайно покидали родину и переселялись въ Голландію, гдѣ открыто переходили въ іудейство. Спустя нѣсколько десятилѣтій, еврейская община въ Амстердамѣ

насчитывала уже около 400 семействъ. Она называлась „португальскою“ (португезы), такъ какъ состояла по большей части изъ „возсоединенныхъ“ марранов, прибывшихъ изъ Португаліи. Въ 1608 г. открылась вторая синагога въ Амстердамѣ, подъ именемъ „Неве шаломъ“ (мирная обитель). Въ 1618 г. возникла третья конгрегація—„Бетъ Израиль“.

Еврейскіе поселенцы въ Голландіи больше всего содѣйствовали тому быстрому росту торговли и промышленности, благодаря которому эта бѣдная маленькая страна получила господство на всемірномъ рынкѣ. Среди переселенцевъ изъ Пиренейскаго полуострова было много крупныхъ негоціантовъ, которые открыли свои торговые дома въ Амстердамѣ, Ротердамѣ и другихъ городахъ Голландіи; они вели преимущественно экспортную торговлю съ Левантомъ и Марокко, участвовали въ дѣлахъ Вестъ-Индской компаніи и занимались банкирскими операціями. Было также между ними немало лицъ либеральныхъ профессій—врачей, юристовъ, писателей. Республиканская Голландія предоставила своимъ новымъ еврейскимъ подданнымъ свободу вѣроисповѣданія и общиннаго самоуправленія. Имъ только запрещалось (по законамъ генеральныхъ штатовъ 1616 г.) вступать въ браки съ христіанами и публично говорить противъ христіанства. Впрочемъ, генеральные штаты предоставляли каждому городу устанавливать свой регламентъ относительно евреевъ,—такъ что положеніе послѣднихъ въ различныхъ мѣстахъ Голландіи было неодинаково.

Постепенно налаживался и порядокъ общиннаго самоуправленія. Названныя выше три амстердамскія синагоги представляли собою три конгрегаціи, изъ которыхъ каждая имѣла своего раввина или „хахама“. Въ 1638 г. эти три конгрегаціи объединились и образовали одну благоустроенную общину. Свойственная сефардамъ любовь къ порядку проявилась въ организаціи этой объединенной общины. Былъ выработанъ уставъ самоуправленія, въ 42 пунктахъ, утвержденный городскимъ магистратомъ. Дѣлами общины завѣдывалъ совѣтъ („маамадъ“), состоявшій изъ раввиновъ и старшинъ („парнесы“); но религіозные вопросы рѣшались только раввинами или хахамами, которыхъ было въ Амстердамѣ нѣсколько. Мѣстныя гражданскія власти предоставили совѣту старшинъ „маамаду“ право налагать наказанія на непослушныхъ членовъ общины по своему усмотрѣнію. Этимъ правомъ совѣтъ пользовался нерѣдко въ очень широкихъ размѣрахъ. Бывшіе марраны, невольники церкви, амстердамскіе евреи сохранили еще въ своемъ быту нѣкоторыя черты, усвоенныя подъ вліяніемъ испанскаго католицизма. Они, напримѣръ, не могли отвыкнуть отъ католическаго догмата отпущенія грѣховъ и, подобно своимъ бывшимъ испанскимъ согражданамъ,

придавали большее значеніе наружной набожности и блестящимъ религіознымъ церемоніямъ, чѣмъ чистотѣ нравовъ. Раввинъ былъ для нихъ духовникомъ, который долженъ исповѣдывать ихъ, отпускать грѣхи и — позволять опять грѣшить впредь до слѣдующаго отпущенія. Съ этими, чуждыми іудаизму, понятіями, съ полукатолическимъ настроеніемъ своей паствы должны были считаться первые амстердамскіе раввины *Іосифъ Пардо* и *Іуда Вега*. Но третій раввинъ, *Исаакъ Узіель*, прибывшій изъ Феца, энергично боролся противъ антиіудаистическихъ понятій и нравовъ, укоренившихся въ быту бывшихъ марранов.

Съ упроченіемъ власти „маамада" или общиннаго совѣта, усилились строгости по отношенію къ вольнодумцамъ или иномыслящимъ въ дѣлахъ вѣры. Отъ инквизиціоннаго режима своей прежней родины многіе марраны унаслѣдовали нетерпимость и особенную подозрительность, склонную видѣть опасную ересь во всякомъ иномысліи. Раввинская коллегія въ Амстердамѣ, состоявшая (послѣ объединенія конгрегацій въ 1538 г.) изъ хахамовъ: *Давида Пардо, Саула Мортейры и Исаака Абоава де-Фонсека*, играла роль высшаго духовнаго трибунала, призваннаго ограждать неприкосновенность іудейской догматики, слѣдить за правовѣріемъ членовъ общины и строгими карами, въ родѣ „херема", подавлять всякое проявленіе религіознаго свободомыслія. Этотъ организованный контроль надъ совѣстью привелъ впослѣдствіи къ трагедіи, связанной съ именами Уріеля Акосты и Спинозы.

Члены упомянутой раввинской коллегіи состояли также преподавателями наукъ въ новоучрежденной амстердамской „талмудъ торѣ"—семиклассной семинаріи, гдѣ преподавались Библія, Талмудъ, еврейская грамматика, словесность и риторика. При изученіи Библіи и Талмуда текстъ переводился на португальскій языкъ, который еще долго оставался разговорнымъ и литературнымъ языкомъ большинства голландскихъ евреевъ.

§ 32. Умственная жизнь; Манасса б. Израиль и Уріель Акоста. Въ теченіе перваго полустолѣтія своего существованія голландская колонія проявила необычайную интенсивность умственнаго творчества. Освободившаяся отъ внѣшняго гнета духовная энергія марранства направилась въ общееврейское русло и внесла туда свѣжую струю. Въ литературномъ творчествѣ голландскихъ евреевъ отразились два различныхъ настроенія: одно — вынесенное изъ страны инквизиціи и фанатизма, а другое—выработанное подъ вліяніемъ болѣе культурныхъ условій жизни, въ атмосферѣ свободы совѣсти. Здѣсь встрѣчаются рядомъ узкій религіозный догматизмъ и крайнее свободомысліе, каббала, доходящая до суевѣрія, и скептическая

философія, поэтическое воодушевленіе миссіей іудаизма и рѣзкая критика его основныхъ началъ. Въ произведеніяхъ перваго поколѣнія голландско-еврейскихъ писателей преобладаетъ еще лирическое и частію мистическое настроеніе. Въ нихъ слышатся отголоски глубокой душевной драмы, пережитой вырвавшимися изъ когтей инквизиціи марранами. *Яковъ Бельмонте* (ум. 1629 г.), одинъ изъ основателей еврейской колоніи въ Амстердамѣ, воспѣвалъ испанскими стихами бѣдствія своихъ братьевъ подъ гнетомъ инквизиціи. Поэтъ *Давидъ Абентаръ Мело* сдѣлалъ стихотворный переводъ книги Псалмовъ на испанскій языкъ (1626); въ нѣкоторые гимны псалмопѣвца переводчикъ включалъ свои собственныя изліянія о судьбѣ гонимой націи и о томъ, какъ онъ самъ томился въ подземной темницѣ священнаго трибунала. Другой поэтъ, *Реуэль Іешурунъ*, извѣстенъ не столько по своей литературной дѣятельности (онъ написалъ въ 1624 г. на португальскомъ языкѣ стихотворный діалогъ „Семь горъ", который былъ представленъ въ лицахъ при освященіи синагоги въ Амстердамѣ), сколько по своей удивительной судьбѣ. Уроженецъ Лиссабона и потомокъ марранской семьи, Павелъ де-Пина (такъ было его христіанское имя) былъ въ юности добрымъ католикомъ и даже готовился поступить въ монахи. Въ Римѣ, куда онъ для этой цѣли пріѣхалъ, его отклонилъ отъ этого намѣренія одинъ образованный врачъ изъ бывшихъ марранов. Вскорѣ кандидатъ въ монахи узналъ, что одинъ извѣстный ему старый францисканецъ перешелъ, по внутреннему убѣжденію, въ іудейство и за это былъ сожженъ инквизиціей. Тогда въ де-Пинѣ пробудилось стремленіе возвратиться къ вѣрѣ отцовъ. Онъ отправился въ Амстердамъ и присоединился къ своимъ землякамъ, перешедшими въ іудейскую вѣру.—Между послѣдними выдавался своимъ умомъ и высокимъ происхожденіемъ *Авраамъ де Геррера* (1570—1631), носившій въ христіанствѣ имя *Альфонсъ* и считавшійся потомкомъ знаменитаго Гонзальво де-Кордова, вице-короля Неаполитанскаго. Геррера увлекся ученіемъ каббалы, которое онъ усвоилъ подъ руководствомъ учениковъ Исаака Луріи. Въ своемъ сочиненіи „Врата неба" *(Шааръ га-шомаимъ)* онъ изложилъ систему практической каббалы въ связи съ идеями неоплатонической философіи. Написанное по испански, это сочиненіе было переведено по порученію автора на еврейскій языкъ вышеупомянутымъ [illegible]скимъ раввиномъ Исаакомъ Абоавомъ де Фонсека (1655).

Абоава де-Фонсеки была также полна приключеній. Увезен[illegible]тствѣ изъ Португаліи въ Амстердамъ, Абоавъ получилъ бо[illegible] образованіе подъ руководствомъ стараго хахама Исаака Узіеля. [illegible]лъ такіе блестящіе успѣхи въ раввинской наукѣ, что на 21-мъ

году жизни самъ получилъ званіе хахама. Послѣ объединенія трехъ конгрегацій въ 1638 г., Абоавъ сталъ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ раввинской коллегіи въ Амстердамѣ. Въ 1642 г. онъ отправился, во главѣ значительной партіи еврейскихъ эмигрантовъ, въ Бразилію, находившуюся тогда подъ властью Голландіи. Здѣсь онъ сдѣлался руководителемъ и пастыремъ общины города Пернамбуко, образовавшейся изъ бывшихъ португальскихъ марранов. Но не долго пришлось ему жить въ южной Америкѣ. Въ 1646 г. вспыхнула война изъ-за Бразиліи между португальцами и голландцами, окончившаяся побѣдою первыхъ. Еврейскихъ обитателей опять настигало чудовище инквизиціи, отъ котораго они бѣжали изъ Европы—и бразильская колонія распалась. Абоавъ вернулся въ Амстердамъ и снова занялъ тамъ постъ хахама. Онъ привлекалъ слушателей своими проповѣдями въ синагогѣ и читалъ лекціи Талмуда въ старшихъ классахъ талмудъ-торы. Въ теченіе полустолѣтія онъ руководилъ дѣлами амстердамской общины „португезовъ" и умеръ въ глубокой старости (1693). При жизни Абоава были напечатаны его комментаріи къ Пятикнижію и избранныя проповѣди на испанскомъ языкѣ. На еврейскомъ языкѣ онъ описалъ, какъ очевидецъ, бѣдствія еврейскихъ эмигрантовъ въ Бразиліи во время войны 1646—49 г.

Самымъ вліятельнымъ общественнымъ и литературнымъ дѣятелемъ той эпохи былъ товарищъ Абоава по синагогальной и школьной каѳедрѣ, р. *Манасса бенъ-Израиль* (1604—57). Сынъ лиссабонскихъ марранов, бѣжавшихъ изъ страны инквизиціи, Манасса еще ребенкомъ былъ привезенъ родителями въ Амстердамъ. Здѣсь онъ учился подъ руководствомъ старѣйшаго хахама Исаака Узіеля. Изучая еврейскую литературу и талмудическое законовѣдѣніе, Манасса не пренебрегалъ и „внѣшними науками": онъ усвоилъ знаніе латинскаго и новыхъ европейскихъ языковъ и знакомился съ произведеніями христіанскихъ писателей. Съ юныхъ лѣтъ онъ обнаружилъ ораторскій талантъ, и на 18-мъ году жизни уже произносилъ публичныя проповѣди, соперничая въ этой области съ товарищемъ своимъ Исаакомъ Абоавомъ. Одинъ слушатель такъ охарактеризовалъ обоихъ проповѣдниковъ: „Манасса говоритъ что знаетъ, а Абоавъ знаетъ что говоритъ". Въ 1627 г. онъ открылъ еврейскую типографію въ Амстердамѣ, а позже занялъ мѣсто завѣдующаго талмудической іешивой, учрежденной на средства мѣстныхъ меценатовъ, братьевъ Перейра. Манасса бенъ Израиль обладалъ обширнымъ, хотя и не глубокимъ, энциклопедическимъ образованіемъ. Знакомство съ европейскими литературами сблизило его съ знаменитѣйшими христіанскими учеными того времени, какъ напримѣръ, съ Исаакомъ Фоссіемъ

и Гуго Гроціемъ; нѣкоторое время онъ состоялъ также въ перепискѣ с любительницей наукъ, шведской королевой Христиной. Протестантскіе богословы и мистики, которыхъ тогда было много въ Голландіи, особенно дру жили съ нимъ. Эту популярность Манасса пріобрѣлъ благодаря своимъ сочиненіямъ, написаннымъ частію на испанскомъ и латинскомъ языкахъ, частію на еврейскомъ. Его четырехтомный философско-мистическій комментарій къ Библіи „Conciliador" (Примиритель) былъ переведенъ съ испанскаго оригинала на латинскій и англійскій языки, хотя по своему содержанію представлялъ мало оригинальнаго. Другой крупный трудъ Манассы, написанный позже на еврейскомъ языкѣ („Нишматъ хаимъ", т. е. *Дыханіе жизни*, Амстердамъ, 1652), свидѣтельствуетъ, что въ авторѣ мистикъ уже побѣдилъ философа. Представленія о загробной жизни, демонахъ и всякихъ „таинствахъ мірозданія" изложены здѣсь совершенно въ духѣ Ари, Виталя и другихъ каббалистовъ, сочиненія которыхъ часто цитируются авторомъ наряду съ сочиненіями христіанскихъ мистиковъ. Манассѣ, при всемъ его энциклопедическомъ образованіи, недоставало критическаго чутья. Основываясь на разсказахъ какого-то путешественника-авантюриста, увѣрявшаго, будто онъ среди индѣйцевъ Кордильерскихъ горъ въ Америкѣ нашелъ остатки затерянныхъ десяти колѣнъ Израилевыхъ, Манасса написалъ сочиненіе „Надежда Израиля" (1650), гдѣ доказывалъ, что предсказанія пророковъ о неистребимости разсѣяннаго Израиля сбылись и что, слѣдовательно, можно ожидать въ близкомъ будущемъ пришествія Мессіи. Увлекаясь мессіанскими мечтаніями, Манасса, впрочемъ, не забывалъ и о грустной дѣйствительности. Подъ конецъ своей жизни, онъ поднялъ агитацію съ цѣлью допущенія евреевъ на жительство въ Англію и самъ отправился въ Лондонъ ходатайствовать объ этомъ передъ Кромвелемъ, какъ будетъ разсказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Не всѣ, однако, еврейскіе мыслители обладали тою способностью сочетать въ себѣ противоположные идейные элементы, какою отличался Манасса бенъ-Израиль. Между возсоединившимися съ еврействомъ марранами и ихъ ближайшими потомками были люди съ критическимъ направленіемъ мыслей, искавшіе въ іудаизмѣ подтвержденія тѣхъ философскихъ истинъ, до которыхъ они доходили путемъ свободнаго, раціональнаго мышленія. [illegible]зочаровавшись въ своихъ поискахъ, они порывали связь съ традиціон[illegible]й догматикой іудейства, а порою шли дальше—до отрицанія основъ поло[illegible]тельной религіи. Однимъ изъ этихъ скептиковъ-отрицателей былъ *Уріель [illegible]оста* (Габріель да-Коста), бывшій марранъ, родившійся въ Опорто, въ [illegible]ртуголіи, около 1590 г. Въ дѣтствѣ онъ получилъ строго-католическое

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИЖКИ
ВОСХОДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Сентябрь.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 84.
1905.

Піонеры.

Изъ хроники одного мѣстечка.

„Разрушители ограды“.

(*Окончаніе* [1]).

XVIII.

Небольшая комната Миркина была биткомъ набита народомъ. Сидѣли на кровати, на лежанкѣ, на полу, другъ у друга на колѣняхъ. На столѣ весело кипѣлъ самоваръ. Публика пила чай поочереди изъ двухъ имѣвшихся стакановъ. Гости—то тотъ, то другой—бѣгали за покупками, и скоро на столѣ появились разныя яства, хлѣбъ, колбаса и даже пирожныя. Въ комнатѣ стоялъ густой табачный дымъ и сплошной шумъ оживленнаго говора и молодого смѣха.

— Давайте, господа, читать что-нибудь, читать!—воскликнулъ громко Геверманъ.

— Нѣтъ, пѣть, пѣть лучше! — отвѣтилъ такъ же громко Каплунеръ.

— Давайте читать Гоголя!—предложилъ Циверштейнъ.—Предлагаю прочесть „Сорочинскую ярмарку»! Увидите! Покатитесь со смѣху, ей Богу!

— Нѣтъ! Если читать, такъ лучше Писарева! — отозвался опять Геверманъ.

---

[1]) См. „Кн. Восходъ“ Августъ.

Но публика не была достаточно серьезно настроена для чтенія Писарева и раздались протесты:

— Нѣтъ, нѣтъ! Писарева—въ другой разъ! Теперь что-нибудь спѣть! Ей-Богу, ребята, давайте пѣть что нибудь! — настаивалъ Каплунеръ.

Высокій юноша въ длинномъ сюртукѣ, такъ жадно схватившійся за папироску, не ожидая приглашенія, запѣлъ вполголоса популярную пѣсню—„Stei uf main Volk“:

„О, встань, мой народъ, и проснись отъ дремоты!
„Не будь въ предразсудки ты такъ погруженъ...

— Ага! Гурфарбъ!—схватился Каплунеръ.—Въ самомъ дѣлѣ, спойте что нибудь! Вы вѣдь хорошо поете!.. Только не эту, а русскую какую-нибудь! Ей-Богу...

— Я вамъ спою одну русскую, но-овую! — заговорилъ протяжно и нѣсколько сантиментально Гурфарбъ.—А-ахъ, какая хорошая! Вотъ услышите!

И онъ запѣлъ тонкимъ и довольно пріятнымъ теноркомъ, унылымъ и жалобнымъ мотивомъ:

Что-о ты, глупый соловейко,
Подъ моимъ запѣлъ окномъ?
Аль, не знаешь, что еврейка
Обитаетъ этотъ домъ?
Что еврейка—дочь презрѣнья,
Чадо нужды и заботъ,
Въ тяжкомъ горѣ и забвеньи
Жизни бремя тутъ несетъ?
Жизни горестной, печальной,
Полной вздоховъ, горькихъ слезъ,
Въ сей норѣ сырой, подвальной,
Гдѣ грибами полъ обросъ...

— Ну, чего ты затянулъ такую гру-устную!—воскликнулъ съ неудовольствіемъ Геверманъ.

— Прямо какія-то „Кинейсъ“!—поддержалъ его Каплунеръ.— Спойте лучше что-нибудь веселое... Спойте: „Ѣду ль я ночью“!.. вспомнилъ онъ.—Мнѣ ужасно нравится.

— Нѣ-ѣтъ, и эта очень хорошая,—проговорилъ нѣсколько мечтательно Гурфарбъ. — Мнѣ очень нравится! „Что еврейка—дочь презрѣнья, чадо нужды и заботъ!“—повторилъ онъ съ глубокимъ чувствомъ, и съ выраженіемъ страданія на лицѣ. — Вѣдь это о-чень хорошо сказано! Евреевъ вѣдь всѣ презираютъ и обижаютъ... Неправда-ли?—прибавилъ онъ, обводя всѣхъ жалобно-вопросительнымъ взглядомъ.

— Нашъ учитель словесности, напримѣръ! — воскликнулъ вдругъ горячо и съ жалобой Кевешъ.—Никогда не скажетъ слова, чтобы не передразнить, какъ евреи говорятъ!

— Ужасный подлецъ!—отозвался съ возмущеніемъ и Циверштейнъ.—Жидки, потише тамъ съ вашимъ кагаломъ! Вы не въ синагогѣ!“—прибавилъ онъ, подражая голосу учителя. — А Михлина онъ на-дняхъ спрашиваетъ: „А вы увѣрены, что вашъ отецъ еврей, а не жидъ?..“ Ей Богу! Если-бъ онъ мнѣ это сказалъ, я бы ему плюнулъ въ лицо!—закончилъ онъ энергично.

— Передразнивалъ бы онъ лучше учителя латинскаго языка, какъ тотъ говоритъ по-русски,—отозвался тоже съ возмущеніемъ Каплунеръ. И вдругъ повеселѣвъ, онъ воскликнулъ:—Ахъ, а вы знаете, господа, какая потѣха была надняхъ съ учителемъ латинскаго языка? Онъ вызвалъ Гробера и велитъ ему сказать исключенія мужского рода на „is“. А тотъ забылъ! Ну, вышелъ онъ, подошелъ къ доскѣ, оглянулся—не подскажетъ ли кто-нибудь — некому! А учитель ему повторяетъ: „Ну, говорите: Много есть именъ на „is“. Дальше!..“ Что же вы думаете сдѣлалъ Гроберъ? Началъ смѣло: „Много есть именъ на „is“ masculini generis“... И продолжалъ дальше:

Ieikum purkon min scheimaio,
Chino, v' chissdo, v'rachmei, v'chaio! [1]).

И пошелъ и пошелъ! Весь „Ieikum-purkon“ откаталъ! А главное — глядитъ учителю смѣло въ глаза! На партахъ хохотъ,—а

[1]) Субботняя молитва.

учитель не понимаетъ въ чемъ дѣло. Онъ глуховатъ немного. Слышитъ, что мотивъ тотъ-же; видитъ, что Гроберъ отвѣчаетъ смѣло—и ладно. „Хорошо, говоритъ, садитесь!“ И поставилъ ему пятерку за „Ieikum-purkon“!

Анекдотъ сильно развеселилъ всѣхъ.

— Нѣтъ! Постойте, господа, я вамъ лучшую вещь разскажу!— воскликнулъ оживленно Циверштейнъ.— Слушайте, какая потѣха была на-дняхъ... Вы знаете Слободкина? Онъ только что поступилъ въ 3-й классъ. Очень плохо говоритъ по-русски... Ну, такъ вотъ инспекторъ какъ-то остановилъ его и сталъ разспрашивать. У Слободкина отца нѣтъ, а мать его гдѣ то служитъ кухаркой. Инспекторъ и спрашиваетъ его: „А чѣмъ занимается ваша мать?“ Ну, Слободкину не хотѣлось сказать: „Она кухарка“. Онъ подумалъ, подумалъ, и говоритъ: „Она занимается... пищевареніемъ“...

Поднялся громкій хохотъ. Хохоталъ со всѣми и Эйзерманъ, совершенно не понявшій, въ чемъ соль анекдота. Публика окончательно развеселилась. Пошли шутки, остроты, анекдоты. При этомъ находящіеся въ комнатѣ какъ-то раздѣлились на двѣ компаніи. Одна столпилась у кровати, вокругъ Циверштейна, разсказывавшаго анекдоты изъ гимназической жизни. Другая окружила усѣвшагося на лежанку Улера, который принялся разсказывать разныя свои приключенія изъ ешиботской жизни, приправляя ихъ талмудическими прибаутками и анекдотами. Его часто прерывали своими вставками и другими анекдотами Эйзерманъ и Фаевичъ. Изъ обѣихъ группъ то и дѣло раздавались взрывы хохота.

Улеръ, окончательно разойдясь, вдругъ соскочилъ съ лежанки и воскликнулъ громко, съ цѣлью привлечь вниманіе и второй компаніи:

— Слушайте, ребята! Слушайте всѣ! Отгадайте загадку! Я утверждаю, что я и Писаревъ—одно и то же! Отгадайте почему?

— А ну, почему? почему? — раздались оживленные вопросы изъ обѣихъ компаній.

— Сморозитъ что-нибудь талмудическое! —воскликнулъ съ удовольствіемъ Каплунеръ, обращаясь къ Циверштейну, и отошелъ къ компаніи Улера.

— Очень просто!—отвѣтилъ Улеръ.— Потому что „Писаревъ“ „б'гиматріо“ [1]) Залманъ Улеръ! Сосчитайте!

— Ну?!—воскликнуло нѣсколько человѣкъ съ удивленіемъ и принялись мысленно дѣлать вычисленія.

— Нѣтъ! Не вѣрно!—выпалилъ вдругъ поспѣшно Эйзерманъ.— Я вычислилъ! „Писаревъ“ составляетъ 433, а Залманъ Улеръ— 434! Одной единицей больше!

— Дикій человѣкъ!—отвѣтилъ ему Улеръ.—А я-то самъ гдѣ? Я вѣдь и есть эта единица! Писаревъ, т. е., 433 и я—вмѣстѣ составляемъ одно—Залманъ Улеръ!

— Улеръ! Улеръ! Еще какое-нибудь „гиматріо“! Пожалуйста!— раздались со всѣхъ сторонъ просьбы.

— Постойте! Подумаю минутку!—отвѣтилъ Улеръ.

Приложивъ палецъ ко лбу, онъ нѣсколько минутъ стоялъ, углубившись въ свои мысли. Всѣ глядѣли на него съ любопытствомъ, точно ожидая ловкаго фокуса.

— Есть!—воскликнулъ наконецъ увѣренно Улеръ.—Откуда можно вывести, что реализмъ Писарева есть постановленіе, данное Моисею на Синаѣ?—спросилъ онъ, оглядывая всѣхъ съ торжествомъ.

— А ну? а ну?

— А очень просто!—отвѣтилъ спокойно Улеръ.—Сосчитайте „гиматріо“ словъ: „Га-реализмъ га-годейлъ, га-іофей в'га-захъ алъ пи Фисаревъ залъ [2])...

— Не Фисаревъ, а Писаревъ!—поправили его сразу Каплунеръ и Геверманъ.

---

[1]) Еврейскія буквы имѣютъ и цифровое значеніе. Такимъ образомъ каждое слово составляетъ собою извѣстную сумму—и это дало поводъ каббалистамъ, нѣкоторымъ комментаторамъ Библіи и Талмуда и другимъ авторамъ религіозныхъ книгъ построить всевозможныя комбинаціи, сближенія, объясненія на основаніи численнаго тождества („гиматріо“) одного слова съ другимъ, одной фразы съ другой. Особенно отличался въ этомъ комментаторъ библіи—„Баалъ Га-Туримъ“.

[2]) Реализмъ великій, прекрасный и чистый по Писареву, да будетъ благословенна его память.

— Нѣтъ — Фисаревъ! — отвѣтилъ настойчиво и съ задоромъ Улеръ.

— Конечно Фисаревъ! — подтвердилъ серьезно Миркинъ. — Вѣдь послѣ буквы „юдъ“ (и) буква „пей“ (п), если ею начинается слѣдующее слово, смягчается въ „фей“ (ф). Послѣ словъ „алъ-пи“ должно поэтому произноситься не Писаревъ, а Фисаревъ.

— Толкуй съ ними, съ этими амъ-гоарацимъ [1])! — воскликнулъ съ оттѣнкомъ негодованія Улеръ и тотчасъ же продолжалъ въ прежнемъ тонѣ:

— Берите затѣмъ „гиматріо“ словъ: „Хойкъ кодейшъ гу лону, галохо л'Мэйше м'Синай“ [2]) — и выйдетъ у васъ то же самое!

Нѣсколько человѣкъ принялись опять вычислять устно и на бумажкахъ. Первымъ закончилъ вычисленіе опять Эйзерманъ.

— Опять на единицу разница! — воскликнулъ онъ горячо и съ ноткой огорченія въ голосѣ. — Первая фраза составляетъ 1218, а вторая 1217.

— Быть не можетъ! — воскликнулъ съ тревогой Улеръ и принялся быстро самъ вычислять.

— Да! вѣрно! — призналъ онъ съ огорченіемъ. — Ну! — утѣшился онъ сразу. — Такъ какъ здѣсь одной единицы недостаетъ, а въ прежнемъ „гиматріо“ была одна лишняя единица, то прибавь ее сюда — и мы будемъ квиты!

— А ну, еще что-нибудь! Еще! — стала требовать публика.

— Какой-нибудь „нутрейкинъ“ [3])! — предложилъ Эйзерманъ.

— А! „Нутрейкинъ“ на слово „Писаревъ“ у меня есть прекрасный! — воскликнулъ оживленно Улеръ. — Вотъ какой: „Писа-

---

[1]) Невѣжды.

[2]) Онъ священный законъ для насъ, постановленіе данное Моисеемъ на Синаѣ.

[3]) Нѣчто въ родѣ акростиха. Составленіе фразы изъ словъ, начальныя буквы которыхъ составляли бы опредѣленное слово. У талмудистовъ и кабалистовъ „нутрейкинъ“ играетъ такую же роль, какъ „гиматріе“.

ревъ іеламедъ сворейсъ амитіейсъ; роу и(э)вримъ в'атумимъ в'ивохху" [1])!

— А теперь „дрошо" [2]), какое-нибудь дрошо!—стали требовать гимназисты.

— Какое дрошо хотите вы, чтобъ я сказалъ вамъ, „амъ-гоарацимъ", гои?—обратился къ нимъ Улеръ.—Развѣ вы поймете, если я скажу вамъ что-нибудь глубокое, какой-нибудь „пилпулъ"? [3]) Я лучше скажу вамъ, гои, трефняки, немного „мусоръ" [4]).

— Нѣтъ! нѣтъ!—стояли тѣ на своемъ.—Дрошо! Дрошо!

— Смотрите, „имахъ шемейники", я васъ испепелю своими словами, какъ раби Шимойнъ-бенъ Іохаи взглядомъ!

— Ничего! Испепели!—согласилась публика и на это.

— Ну, ладно,—рѣшилъ Улеръ.—Выбирайте тему!

— Докажи изъ Талмуда, что Михайловъ выше Достоевскаго!—предложилъ Геверманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Докажи, что „Мойше-рабейну" [5]) былъ реалистомъ, истиннымъ реалистомъ!—перебилъ его Каплунеръ.

— Да для этого не надо „дрошо",—отозвался серьезно Миркинъ.—Моисей таки былъ реалистомъ. Въ „Пятикнижіи" прямо сказано: „Душа тѣла въ крови" и еще „Душа всякаго тѣла есть кровь его" [6]). Чего вамъ больше?

— Ничего! Пусть онъ все таки скажетъ „дрошо" и докажетъ все это! пусть!—настаивала бурно публика.

— Пусть такъ!—согласился Улеръ.—Изъ чего хотите, чтобъ я вамъ это все доказалъ? Изъ Библіи, изъ Талмуда или изъ „Зогара"? Мнѣ все равно!—прибавилъ онъ индифферентно.

— Изъ Библіи! Изъ Библіи!

---

[1]) Писаревъ учитъ истиннымъ положеніямъ. Да узрятъ слѣпые непросвѣщенные и убѣдятся.

[2]) Импровизація на научно-религіозную тему.

[3]) Казуистика.

[4]) Обличительная проповѣдь.

[5]) Моисей, нашъ учитель.

[6]) „Левитъ". Гл. XVII, 11 14.

— Ну, ладно! Давайте „Посукъ“ [1]). Какой угодно выберите. Я изъ него и докажу все, что вы требуете.

— „Внимай небо, я буду говорить, и да услышитъ земля изреченія устъ моихъ“, [2])—предложилъ поспѣшно Эйзерманъ, проявлявшій особенное волненіе въ ожиданіи „дрошо“.

— „Если по уставамъ моимъ будете поступать вы“, [3])—предложилъ одновременно и Гурфарбъ.

— Нѣтъ! Лучше: „Да дастъ тебѣ Богъ отъ росы небесной и отъ тука земли“, [4])—воскликнулъ Геверманъ.— Это какъ разъ по времени: суббота вечеромъ.

— Довольно! Довольно! - закричали другіе.—Выбери одинъ изъ этихъ „стиховъ“.

— Какой же?.. Ну, чортъ съ вами!—махнулъ рѣшительно рукой Улеръ. - Возьму всѣ три стиха, разъ вы ихъ дали... Ну! Тишина! Слушать!—воскликнулъ онъ властно, ударивъ ладонью объ столъ.

Всѣ смолкли. Улеръ остановился посреди комнаты въ позѣ синагогальнаго проповѣдника и заговорилъ громко, нараспѣвъ, подражая мотиву и пріемамъ подобныхъ проповѣдниковъ:

— Ай! „Внима-ай не-ебо, я буду говори-ить“! Сразу весь этотъ сти-ихъ совершенно непонятенъ! Во-первыхъ, чего это Моисей вдругъ вздумалъ обращаться съ рѣчью къ небу и землѣ, вмѣсто того чтобы обращаться къ евреямъ? Во-вторыхъ, если онъ уже обратился къ небу и къ землѣ, то почему онъ къ небу обратился прямо: „Внимай“, а относительно земли онъ говоритъ: „и да услышитъ земля“? Почему онъ не говоритъ: „услышь земля“? Въ-третьихъ, зачѣмъ онъ два раза повторяетъ одно и то же: „я буду говорить“ и затѣмъ „изреченія устъ моихъ“, когда онъ могъ бы сказать проще: „Внимай небо и да услышитъ земля изреченія устъ моихъ“? И-и-и въ-четвертыхъ, зачѣмъ онъ говоритъ „изреченія

[1]) Библейскій стихъ.
[2]) „Второзаконіе“. Гл. XXXII. 1.
[3]) Левитъ. Гл. XXVI, 3.
[4]) Бытіе XXVII, 28. Читается при отходѣ субботы.

уст моихъ", какъ будто возможны изреченія носа или глазъ? Вѣдь онъ могъ сказать короче: „изреченья мои".

— Браво!—не удержался отъ восклицанія Каплунеръ.

— Ай-ай-ай, да-альше! Возьме-емъ второй стихъ!—продолжалъ Улеръ.—„Если по уставамъ моимъ будете *поступать*". Является жъ вопро-осъ: зачѣмъ онъ говоритъ „поступать" по уставамъ? Поступаютъ, т. е. ходятъ только по землѣ, а не по уставамъ. И, наконецъ, третій стихъ: „Да дастъ тебѣ „ho'Eloihim"—„*этотъ* Богъ". Зачѣмъ это „ho" (этотъ)? Почему не сказано просто „Eloihim"—Богъ? Вѣдь Богъ одинъ—и нечего прибавлять къ нему слова „этотъ". И еще вопросъ: почему сказано: „*отъ* росы" и „*отъ* тука"? Почему не сказано прямо: „Да дастъ тебѣ Богъ росу небесную и тукъ земли"?

Улеръ выпрямился, обвелъ всѣхъ вопрошающимъ взглядомъ, и продолжалъ плачущимъ голосомъ.

— Ка-а-акъ видите, братья мои, всѣ эти стихи совершенно непонятны и не имѣютъ никакого смы-ысла!.. Но они станутъ для насъ совершенно ясными и понятными, если мы имъ дадимъ толкованія въ духѣ чистаго реализма...

— Слу-ушайте, братія! Моисей говоритъ не „Внимай, небо", а: „Внимай... О небѣ я буду говорить"! А что такое „небо"? Небо это есть престолъ Божій, т. е. то, на чемъ Богъ сидитъ и опирается, т. е. высшій законъ мірозданія. Итакъ, Моисей говоритъ: „Внимай, я буду говорить о законѣ мірозданія. И да услышитъ земля"... А что такое „земля"? Земля—это „хеймеръ" [1]). „Хеймеръ" это матерія. Съ другой стороны „земля"—это прахъ, а прахъ, это человѣкъ, ибо сказано: „Прахъ ты и въ прахъ возвратишься [2]). И затѣмъ еще: если отъ слова „ишъ" (человѣкъ) отнять сумму двухъ буквъ „юдъ", что означаетъ „ho" (Богъ) и составляетъ 20, то получится 291, какъ разъ столько и составляетъ слово „эрецъ" (земля). Итакъ, Моисей обращается къ человѣку. Онъ говоритъ: и да услышитъ человѣкъ—матерія изреченія... „фи" (устъ моихъ). Что такое „фи"? „Фи"—это начальныя буквы имени „Фисарева".

[1]) Глина. Это же слово означаетъ „матерія".

[2]) Бытіе, гл. III, 19.

„Фи“ кромѣ того составляетъ 90, т. е. букву „Цадикъ“ (Ц), что означаетъ „праведникъ“... Итакъ, братія мои! Моисей говоритъ: „Внимай! Я буду говорить о законѣ мірозданія, и да услышитъ человѣкъ-матерія изреченія праведника Писарева“. Въ чемъ же состоятъ изреченія праведника Писарева? И на это намъ отвѣчаетъ второй стихъ: „Если по уставамъ моимъ будете поступать“. Эти изреченія состоятъ изъ уставовъ матеріальныхъ, т. е. изъ „хеймера“, по которому можно *ступать*, ходить... Итакъ, Моисей говоритъ. „Если по уставамъ реализма будете поступать, тогда—возьмемъ тутъ третій стихъ—тогда: „И дастъ тебѣ“... кто? „*этотъ* Богъ“, т. е. Богъ по Писареву, „Богъ... отъ росы небесной и отъ тука земли“, Богъ, который самъ происходитъ отъ матеріи...

— Ита-акъ, дорогіе братья мои!—закончилъ Улеръ уже съ нѣсколько торжественнымъ напѣвомъ.—Я доказалъ вамъ, что „Мойше-рабейну“ былъ чистымъ реалистомъ! И въ награду за это мое дѣяніе—да придетъ вскорѣ въ Сіонъ избавитель и скажемъ: „Аминь“.

— Аминь! Браво! Превосходно!—раздались бурныя восклицанія.

— За-амѣчательно!—воскликнулъ горячо Каплунеръ, хлопнувъ по плечу Улера.—Вы, ей Богу, молодчина, Улеръ!

— Э-это что!—проговорилъ съ ноткой презрѣнія въ голосѣ Улеръ.—Развѣ это „дрошо“? Это глупость, баловство. А вотъ я сказалъ бы вамъ „дрошо“ на „Зогаръ“—вотъ бы вы послушали! Я однажды два часа говорилъ каббалистическое „дрошо“, доказывая изъ Зогара и другихъ каббалистическихъ книгъ, что Бога нѣтъ. То было совершенно иного рода „дрошо“.

Начало уже смеркаться, когда въ комнату вошелъ Ципоринъ. Сапоги его до самыхъ голенищъ были въ грязи, лицо его было нѣсколько усталое, волосы слипшіеся отъ пота, но глаза блестѣли радостнымъ возбужденіемъ.

Весело настроенная публика почему-то сильно обрадовалась ему, встрѣтила его восклицаніями и засыпала вопросами, почему онъ поздно пришелъ.

— Сидѣлъ въ синагогѣ, читалъ псалтырь!—отвѣчалъ онъ, лукаво улыбаясь.

Фаевичъ, внимательно оглядѣвъ его съ головы до ногъ, многозначительно мигнулъ Миркину, и оба вышли въ сосѣднюю комнату, дернувъ мимоходомъ за рукавъ Ципорина, который вышелъ сейчасъ же за ними.

— Неужели ты ходилъ на станцію?—спросилъ его Фаевичъ.

— А что же? Понятно!—отвѣтилъ возбужденно съ сіяющимъ лицомъ Ципоринъ. И какъ бы спохватившись, онъ сдѣлалъ серьезно-озабоченное лицо и прибавилъ;—Надо же было узнать, какъ она уѣдетъ... удостовѣриться... Еслибъ другой пошелъ...

— Ну, ну, что? разскажи! Уѣхала?—перебилъ его поспѣшно Миркинъ.

— Конечно, уѣхала!

— Разскажи подробно!—воскликнулъ Фаевичъ.—Ей Богу, молодецъ ты!—прибавилъ онъ, одобрительно хлопнувъ по плечу Ципорина.

— Ну, вотъ,—началъ Ципоринъ, польщенный похвалой товарища и стараясь не выказывать этого.—Пришелъ я на вокзалъ. Ждалъ, ждалъ. Вѣрно три часа́ прождалъ. Наконецъ, онѣ пріхали... Въ каретѣ.

— Кто?

— Ну, Соня, затѣмъ эта русская, что вчера была. Не знаю, какъ ее зовутъ. И еще одна русская барышня... Походили онѣ, походили. А тутъ и поѣздъ подошелъ. Онѣ расцѣловались, и Соня сѣла и уѣхала... Вотъ и все.

— А ты подошелъ попрощаться?—спросилъ Миркинъ.

— Ну, вотъ еще!—воскликнулъ презрительно Ципоринъ.—Чего я буду подходить прощаться? „Кавалеръ"!... Мнѣ вѣдь надо было только узнать, уѣдетъ ли она благополучно... больше ничего!

И помолчавъ немного онъ прибавилъ:

— Рѣшилъ погулять! По случаю счастливаго ея отѣзда—купилъ угощеніе! Де-есять пирожныхъ. Вотъ!

И онъ съ торжествомъ показалъ завернутыя въ бумагѣ пирожныя.

— Ладно! тащи ихъ въ комнату! Гулять, такъ гулять!—отвѣтилъ оживленно Фаевичъ.

Компанія съ удовольствіемъ приняла угощеніе,—и никому, конечно, въ голову не пришло, что за этими пирожными скрывалась маленькая драма. Пирожныя были предназначены для Беряшевой... Послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, послѣ серьезныхъ резоновъ, что она вѣдь уѣзжаетъ „въ такую даль“ и что „пирожныя, въ сущности, тѣ же харчи, которыя всякому человѣку нужны въ дорогѣ“, Ципоринъ позволилъ себѣ купить на послѣднія 30 копеекъ десятокъ пирожныхъ и понести ихъ за 14 верстъ на станцію, чтобы вручить отъѣзжающей. Но когда Беряшева пріѣхала на станцію, да еще въ сопровожденіи двухъ русскихъ незнакомыхъ дѣвушекъ, Ципоринъ не только не рѣшился подойти къ ней, но до того растерялся, что забился за уголъ, слѣдя оттуда за отъѣзжающей и боясь, какъ бы она его не замѣтила.

Такъ и остались пирожныя неврученными Беряшевой. И шагая обратно въ городъ, Ципоринъ старался убѣдить себя, что онъ очень радъ, что такъ случилось.

— О-очень хорошо, что я ихъ не отдалъ ей!—говорилъ онъ себѣ.—Что это вдругъ—пирожныя! Что она—„кисейная барышня“, что ли? И она могла бы Богъ знаетъ что обо мнѣ подумать... чего у меня и въ мысляхъ не было!.. О-очень хорошо, что я ихъ не отдалъ и что даже не подошелъ!

XIX.

Гости разошлись. Въ комнатѣ Миркина остался одинъ Эйзерманъ, который сидѣлъ у стола и, углубившись въ книгу „Га-Шахаръ“, читалъ съ жадностью сильно заинтересовавшую его статью. Миркинъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и вполго- [illegible] задумчиво и мечтательно, пѣлъ свою любимую пѣсню: [illegible] ami“ [1]).

[illegible] на изъ популярнѣйшихъ пѣсенъ І. Гордона, считавшаяся [illegible] въ родѣ „гимна гасколо“.

Доколь будешь спать, о! народъ мой, проснись!
Мракъ ночи смѣнили ужъ солнца лучи!
Проснися и бодро кругомъ оглянись,
И время и мѣсто свое различи!..

Пѣлъ Миркинъ, не выходя изъ задумчивости. Онъ думалъ о Беряшевой. Ея удачный побѣгъ и только что принесенное Ципоринымъ извѣстіе, что она благополучно уѣхала, высоко подняли настроеніе Миркина, наполнили его душу свѣтлымъ, добрымъ и радостнымъ чувствомъ. Уѣхала! И теперь уже никто не сможетъ ни настигнуть ее, ни остановить! Мчится-летитъ поѣздъ и уноситъ эту хорошую дѣвушку все дальше и дальше отъ мрака старой жизни, отъ гнета семейной обстановки, отъ безцѣльнаго прозябанія. Мчится-летитъ поѣздъ и уноситъ ее къ новой жизни, свѣтлой и прекрасной, свободной и разумной!

Побѣгъ Беряшевой постепенно потерялъ въ глазахъ Миркина характеръ единичнаго факта и выступилъ передъ нимъ въ видѣ крупной побѣды свѣта надъ тьмою, гасколо надъ косностью, свободы надъ насиліемъ. Да! Старому міру приходитъ конецъ! Ему наносятся все болѣе сильные, болѣе рѣшительные, смертельные удары. Вчера еще столь несокрушимая, столь мрачная и убійственная „ограда“, отдѣлявшая въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій еврейскій народъ отъ остального міра, отъ жизни, отъ свѣта, отъ знанія, получаетъ теперь все болѣе широкія бреши, трещитъ, расшатывается, и скоро окончательно рухнетъ— и на ея развалинахъ будетъ воздвигнутъ новый міръ, свободный, свѣтлый и разумный! Недалеко уже это время! Люди, всѣ люди начнутъ мыслить просто и разумно, отбросятъ всѣ свои предразсудки, и религіозные и житейскіе, начнутъ заниматься здоровымъ и полезнымъ трудомъ, установятъ между собою товарищескія отношенія, проникнутыя взаимнымъ довѣріемъ и пониманіемъ. И не будетъ тогда различія между евреями и другими народами, между знатными и простыми, между сильными и слабыми. Всѣ будутъ равны и всѣ будутъ братьями. Всѣ будутъ учиться, и всѣ будутъ работать. Ешиботы, хедеры и другіе разсадники мрака невѣжества

исчезнутъ. Учебныя заведенія наполнятся учащимися, мужчинами и женщинами, которые усердно будутъ изучать всѣ науки и, главнымъ образомъ, естествознаніе. Свои досуги эта молодежь будетъ посвящать серьезному чтенію, спорамъ и дебатамъ, и совершенно забудетъ про пошлыя ухаживанія, перестанетъ отдавать свое драгоцѣнное время глупымъ помышленіямъ и разговорамъ о любви, или безполезной забавѣ стихотворствомъ...

Наступила великая, еще небывалая во всемірной исторіи эпоха. Переломъ произошелъ какихъ-нибудь 10 — 15 лѣтъ тому назадъ. Передъ бродившимъ въ глубокой тьмѣ человѣчествомъ вдругъ выступила во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ „Истина", великая, вѣчная, неизмѣнная — и все что, было въ человѣчествѣ мыслящаго и живого, бросилось на встрѣчу этой истинѣ, восприняло ее, какъ новое евангеліе, долженствующее обновить міръ, понесло ее, какъ скрижали завѣта, въ самые глухіе углы и во имя ея объявило войну священную, великую и безпощадную, всему старому міру!..

И побѣда ужъ близка! Ее рукой подать! Еще нѣсколько рѣшительныхъ ударовъ старому міру—и онъ рухнетъ навѣки, окончательно... И что изъ того, что пока, въ данную минуту живется голодно, холодно и безпріютно! За то сколько счастья, сколько радости впереди! Еще нѣсколько мѣсяцевъ, самое большее нѣсколько лѣтъ усиленнаго труда и упорной борьбы—и онъ настанетъ, этотъ золотой вѣкъ, и тогда:

— „Земля будетъ такъ наполнена знаніемъ...—началъ громко и бодро Миркинъ, не замѣчая, что онъ говоритъ вслухъ и не выходя изъ своей задумчивости.

— ...какъ морское дно покрыто водою!" [1]) — докончилъ также бодро и съ такой же вѣрой въ тонѣ Эйзерманъ, только что закончившій читать.

Миркинъ слегка вздрогнулъ, остановился и нѣсколько мгновеній глядѣлъ на Эйзермана, какъ бы соображая, откуда онъ здѣсь явился.

---

[1]) „Кн. пророка Исаіи". Гл. XI, 9.

— Кончили статью?—спросилъ онъ его, все еще не выходя изъ задумчивости и смутно вспомнивъ, что тотъ читалъ.

— Да!

Еще съ минуту глядѣлъ Миркинъ на Эйзермана, стараясь вернуться къ прерваннымъ мыслямъ, которыя оставили такой свѣтлый и радостный слѣдъ въ его душѣ. И вдругъ онъ вспомнилъ, что вѣдь и Эйзерманъ является яркимъ символомъ побѣды новаго міра надъ старымъ. И лицо Эйзермана показалось ему сразу безконечно милымъ и роднымъ.

— А? что скажете?—проговорилъ онъ вдругъ весело и побѣдоносно.—Старый міръ рушится? Новая жизнь настаетъ?

— Но-овая жизнь, но-овая!—отвѣтилъ увѣренно и нѣсколько мечтательно Эйзерманъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:—Когда я вспоминаю свою жизнь въ Милославкѣ и сравниваю съ здѣшней, теперешней—я чувствую, что у меня черепъ подымается! Мнѣ не вѣрится, что все это происходитъ на яву, а не во снѣ! Подумайте! Вѣдь недѣлю, только недѣлю тому назадъ я еще былъ дома, былъ окутанъ глубокимъ мракомъ, былъ скованъ по рукамъ и ногамъ! А теперь?..

Онъ не кончилъ фразы и сталъ глядѣть восторженно счастливымъ взглядомъ прямо въ глаза стоявшаго передъ нимъ Миркина. И поддавшись воспоминаніямъ, онъ продолжалъ:

— Ровно недѣлю тому назадъ въ эту пору я вынужденъ былъ сидѣть въ синагогѣ, въ ожиданіи „Майрива“, и слушать споръ относительно сказокъ „Рабби-Баръ-Баръ-Хоно“...

Онъ опять заглянулъ въ глаза Миркина и продолжалъ:

— Шесть дней тому назадъ въ эту пору я бѣжалъ изъ дому... А нѣсколькими часами раньше я былъ въ синагогѣ... Забѣжалъ попрощаться съ учителемъ и угостилъ его самымъ страшнымъ ругательствомъ... Я ему крикнулъ прямо въ лицо: „Еровомъ-бенъ-Нвотъ“!!.

Миркинъ, глядѣвшій все время въ глаза Эйзерману любовно-задумчивымъ взглядомъ, сразу поднялъ голову и въ глазахъ его выразилось сильное удивленіе.

— Учителю?—воскликнулъ онъ.

— „Учителю“—отвѣтилъ пожавъ плечами и съ горькой усмѣшкой Эйзерманъ.—Только названіе что „учитель“. На самомъ дѣлѣ онъ хуже всякаго злодѣя... Онъ испачкалъ имя „учителя“...

— Что же это за учитель такой? — спросилъ съ большимъ интересомъ и ноткой тревоги въ голосѣ Миркинъ, садясь на кровать и подавшись всѣмъ тѣломъ къ Эйзерману. — Разскажите!

— Я уже нѣсколько разъ хотѣлъ разсказать вамъ эту исторію,—отозвался оживленно Эйзерманъ.—Говорю вамъ это исторія—неслыханная, небывалая... Разсказать все подробно объ этомъ учителѣ...

— Постойте, какъ его зовутъ? Откуда онъ?

— Онъ изъ В., былъ тамъ въ ешиботѣ и зовутъ его Ицикоковичъ, „имахъ шмей в'зихрей“!

Миркинъ подумалъ.

— Въ В. я кое кого знаю. Но такой фамиліи не помню... Очевидно, я не зналъ его...

— Откуда вамъ было знать его! Сказалъ бы человѣкъ, а то онъ и на человѣка не былъ похожъ. Можете себѣ представить: маскилъ, истинный глубокій маскилъ, читавшій „Хатасъ Неуримъ“ и другія книги—и вдругъ становится кающимся, отказывается отъ уроковъ, надѣваетъ длинный сюртукъ и ермолку, садится въ синагогѣ за Талмудомъ и начинаетъ ѣсть дни...

— Что вы говорите!!.—воскликнулъ пораженный Миркинъ.

— Вотъ то, что слышите! Я же говорю вамъ, что это прямо неслыханная, небывалая исторія!

— Но какъ? какимъ образомъ? — продолжалъ недоумѣвать Миркинъ.—Такъ просто, вдругъ, ни съ того ни съ сего сдѣлался „баалъ-тшуво“ [1])!!

— Конечно, не просто, не вдругъ,—отвѣтилъ Эйзерманъ.—Какой маскилъ можетъ это вдругъ сдѣлаться „кающимся“? Понятно, тутъ поработали и сильно поработали наши „фанатикеры“, раввинъ, меламеды и другіе набожные евреи! По правдѣ сказать,

[1]) Кающимся грѣшникомъ.

если подумать, учителя даже и винить нельзя особенно... Когда на него та-акъ напали!..

— Разскажите! Разскажите подробно!.. А-ахъ, прямо таки неслыханная исторія!

— Я же говорю вамъ, что неслыханная и небывалая... Понимаете ли, къ намъ въ Милославку этотъ учитель пріѣхалъ таки истиннымъ маскиломъ, со всѣми точками! Въ короткомъ сюртукѣ, безъ пейсъ—радостно было глядѣть! Привезъ онъ съ собою самыя, са-амыя вольнодумныя книги. Чего вамъ больше? Онъ „Хатасъ Неуримъ“ привезъ! Ну, пріѣхалъ онъ и началъ орудовать, какъ слѣдуетъ, какъ водится! Собралъ уроки... Я у него не учился: отецъ и слушать не хотѣлъ бы, но я знаю, что онъ былъ о-очень, очень образованный человѣкъ, зналъ грамматику, ариѳметику, разные языки... Ну, хорошо! Собралъ онъ уроки и понемногу уже принялся проповѣдывать вольнодумство—взялся за дѣло! Началъ онъ, конечно, осторожно, надѣвъ маску, притворяясь набожнымъ; вѣдь безъ этого нельзя!.. Ну, началъ онъ съ меня... Понимаете ли, до его пріѣзда въ Милословкѣ не было, кромѣ меня, ни-и одного вольнодумца; на лѣкарство еслибы понадобилось—не было! Можете себѣ представить, какъ я обрадовался, какъ ожилъ, когда узналъ, что пріѣхалъ учитель! Новый міръ для меня открылся, Мессія пришелъ. Ночи не спалъ я и все придумывалъ, какъ мнѣ увидѣться съ учителемъ. Наконецъ, мнѣ удалось однажды въ субботу послѣ обѣда пробраться къ нему незамѣченнымъ, и я просидѣлъ у него до самаго „Минхе“... Тогда и былъ у насъ разговоръ! Онъ сразу заговорилъ со мною, какъ истинный маскилъ, заговорилъ о гасколо, о наукѣ, о цѣли... Говорилъ онъ съ жаромъ, съ огнемъ, говорилъ какъ пророкъ, какъ левъ, горячо доказывалъ мнѣ, что надо учиться, стремиться... далъ мнѣ „Хатасъ Неуримъ“. Короче—онъ меня оживилъ, поднялъ, разжегъ! И уходя отъ него, я далъ себѣ клятву непремѣнно достигнуть цѣли и рѣшилъ бѣжать изъ дому...

Эйзерманъ на минуту замолчалъ и тяжело перевелъ духъ, точно вздохнулъ.

— Ну? Дальше?

— Ну, такъ слушайте!.. Такъ вѣдь есть у насъ въ мѣстечкѣ и раввинъ, и компанія меламедовъ, и просто набожные молодые люди — и вотъ они всѣ сразу почувствовали опасность и начали дѣйствовать. Сперва совѣтовались, обдумывали что дѣлать... Говорю вамъ, у меня теперь еще дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, когда вспоминаю все, что они говорили! Они готовы были убить этого учителя, такъ таки прямо взять и убить его!.. Долго они совѣщались—и, наконецъ, рѣшили во что бы то ни стало или вернуть обратно въ еврейство, или вырвать его съ корнемъ, выжить изъ мѣстечка И вотъ они принялись за него, окружили его, какъ голодные волки, какъ злыя змѣи, и начали дѣйствовать! Они и угрожали ему, и уговаривали его, и обѣщали ему „холмы и горы". Короче—они не дали ему минуты покоя, не дали опомниться, мучили и терзали его, тащили его къ раввину, тащили къ богатымъ молодымъ людямъ, поили его водкой и уговаривали, уговаривали! . Наконецъ, они его и побѣдили! Однажды, напоивъ его пьянымъ, они заставили его сказать „Аминь" на ихъ пожеланіе, чтобъ онъ сдѣлался „баалъ-тшуво"! Послѣ этого онъ уже очутился всецѣло въ ихъ рукахъ — и они дѣлали съ нимъ, что хотѣли! Они заставили его отказаться отъ уроковъ, надѣть длинный сюртукъ, засѣсть за Талмудъ и снова стать ешиботникомъ... Но этого мало было имъ, разбойникамъ—и они еще устроили цѣлую церемонію. Повели его въ баню, окунули его въ „микво", остригли его и сожгли волосы. А ко всему этому — они еще принесли въ баню всѣ-ѣ его книги, цѣлую гору драгоцѣннѣйшихъ книгъ—и тамъ же сожгли ихъ всѣ, до одной, до послѣдняго листка!!.

— Ужасно! — прошепталъ съ глубокимъ волненіемъ Миркинъ.

— Ну, и теперь этотъ „учитель" сидитъ въ синагогѣ, учитъ Талмудъ, ѣстъ дни — а раввинъ со всей своей компаніей торжествуютъ...

— Торжествуютъ... повторилъ за нимъ не громко, не то съ уд[illegible] то съ ужасомъ Миркинъ, и руки его какъ то [illegible]тились и повисли.

[illegible]ту онъ поднялся и опять заходилъ взадъ и впе-

редъ по комнатѣ, медленно, съ опущенной головой. Настроеніе его рѣзко перемѣнилось. Точно большое солнце, только что ярко освѣщавшее міръ, сразу куда-то провалилось и наступилъ тяжелый и удушливый мракъ. Еще только полчаса тому назадъ ему, Миркину, казалось, что старый міръ уже находится при послѣднемъ издыханіи — и вдругъ изъ разсказа Эйзермана передъ нимъ выступила совершенно иная картина, страшная и безнадежная. Оказывается, что темныя силы стараго міра, раввины и хасиды, еще далеко не сражены, не побѣждены. Оказывается, что они еще и не думаютъ сдаваться, не думаютъ складывать оружія. Они не только обороняются, но еще нападаютъ, сильные и организованные. Нападаютъ, одерживаютъ побѣду надъ гасколо, надъ свѣтомъ, надъ разумомъ и... торжествуютъ!!

Миркину ярко представилась вся потрясающая картина разгрома гасколо и торжество раввина съ его компаніей. Ему представилась картина сожиганія вольнодумныхъ книгъ. Произведенія Левинзона, Смоленскина, Лиліенблюма, Гордона и другихъ свѣточей гасколо, эти драгоцѣнныя и дорогія книги валяются на грязномъ полу грязной бани, валяются истерзанныя, разорванныя и растоптанныя. Вотъ къ нимъ поднесена горящая спичка... Загорается листокъ за листкомъ, книга за книгой, огонь сливается въ сплошное пламя... Горятъ листы, горятъ строчки, горятъ слова — и съ ними исчезаютъ, уносятся дымомъ великія мысли! А священный пепелъ брошенъ въ грязь, растоптанъ ногами!.. Горячая волна гнѣвнаго негодованія прихлынула къ сердцу Миркина. Онъ почувствовалъ себя такъ, точно ему лично нанесено тяжелое и жгучее оскорбленіе. И въ душѣ его вмѣстѣ съ ненавистью къ торжествующему врагу поднялась жажда мести...

— Создатель! Создатель!—говорилъ между тѣмъ съ горечью и мольбой Эйзерманъ.—Еслибъ нашелся такой человѣкъ, который сжалился бы и поѣхалъ къ намъ въ Милославку! О-ой! Онъ бы спасъ, положительно спасъ бы все мѣстечко!!

Миркинъ уловилъ эти слова — и они какъ разъ отвѣтили его мыслямъ, его настроенію. Онъ сразу остановился передъ Эйзерманомъ, впился ему въ лицо пристальнымъ, задумчивымъ какъ

бы вопрошающимъ взглядомъ и проговорилъ нервно и рѣшительно:

— Да! Вы правы! Туда долженъ, долженъ кто-нибудь поѣхать!

Пройдясь опять раза два по комнатѣ, онъ опять остановился и проговорилъ уже дѣловымъ тономъ:

— Придите ко мнѣ завтра, мы объ этомъ поговоримъ подробно.

Когда Эйзерманъ ушелъ, Миркинъ долго расхаживалъ по комнатѣ, думая о Милославкѣ. Передъ нимъ предстала вся огромная, плодотворная, сложная и неотложная работа, которая тамъ ждетъ маскила-учителя. Прежде всего, конечно, необходимо спасти погибающаго учителя, который томится какъ въ заточеніи и, конечно, ждетъ и жаждетъ помощи. Необходимо устроить, чтобы онъ бѣжалъ изъ Милославки. Затѣмъ, надо начать тамъ уловлять молодежь, дѣлать ихъ вольнодумцами, составить небольшую, но сплоченную компанію и начать борьбу съ раввиномъ и его пособниками. Надо затѣмъ вести эту борьбу рѣшительно и упорно, пока врагъ не будетъ сраженъ, пока изъ его рукъ не будетъ вырвана эта цитадель фанатизма Надо, чтобы теперешнее торжество представителей мрака превратилось въ конечное пораженіе. въ скрежетъ зубовный...

— Почему бы мнѣ самому туда не поѣхать?—пришла вдругъ Миркину въ голову мысль.

Онъ горячо схватился за эту мысль—и принялся разбирать и разсматривать, что можетъ ему препятствовать къ выполненію ея. Рѣшительно ничего! Что его связываетъ съ М.? Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Здѣсь у меня все время уходитъ безъ толку и безъ пользы,—говорилъ онъ самъ себѣ,—уходитъ въ сутолокѣ, въ бѣготнѣ, въ пустыхъ спорахъ и разговорахъ, въ глупыхъ насмѣшкахъ надъ религіей. А тамъ? Тамъ десятки, можетъ быть, сотни юношей задыхаются во мракѣ, жаждутъ живого слова, совѣта, книжки. Тамъ достаточно одного разговора, нѣсколькихъ горячихъ словъ, чтобы спасти такого юношу, какъ, напримѣръ, Эйзерманъ. Не

грѣшно ли оставаться здѣсь, здѣсь гдѣ гасколо уже имѣетъ и почву и работниковъ, оставаться, чтобы проводить время въ пріятныхъ разговорахъ, въ слушаніи пѣнія Гурфарба и „дромосъ“ Улера—и не ѣхать, не бѣжать туда?

— Да! Да! Ѣхать, ѣхать туда! — повторилъ онъ себѣ вслухъ.

Но повторяя себѣ настойчиво эти слова, Миркинъ чувствовалъ, что это еще не рѣшеніе, что ему какъ-то трудно рѣшиться на этотъ шагъ, что его что-то привязываетъ къ М. и ему въ глубинѣ души жаль покинуть его. И онъ принялся убѣждать себя другими доводами, „благоразумными“, утилитарными.

— И какой вообще толкъ и смыслъ для меня оставаться здѣсь?—спрашивалъ онъ себя уже чисто дѣловымъ тономъ. — Пріѣхалъ я сюда съ цѣлью приготовиться къ экзамену зрѣлости — и не только не приготовился, но за эти два года еще наполовину перезабылъ то, что раньше зналъ. Въ смыслѣ развитія я тоже ничего не пріобрѣлъ: некогда было ни читать, ни думать. Мечталъ я скопить деньги для поступленія въ университетъ — и не только ни гроша не скопилъ, но еще постоянно живу впроголодь: Что за смыслъ въ такомъ существованіи? Что за цѣль?

— А тамъ,—продолжалъ онъ уже совсѣмъ разсудительно, — тамъ я не только полезное дѣло буду дѣлать, но еще буду и жить по человѣчески. Тамъ никто мнѣ не будетъ мѣшать и у меня останется достаточно времени и для того, чтобы заниматься, и для того, чтобы читать. Тамъ я смогу скопить и нѣсколько денегъ... Вообще я устроюсь тамъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ...

И вдругъ, совершенно неожиданно, передъ глазами Миркина на одинъ мигъ промелькнуло лицо съ безконечно милыми чертами и въ мысляхъ, какъ испуганный шопотъ, пронеслось имя: „Егорова“.

Миркинъ почувствовалъ, что его сердце болѣзненно сжалось и въ то же время, какъ отъ сильнаго испуга, сразу на мгновеніе остановилось. Онъ сильно поблѣднѣлъ и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, какъ окаменѣлый. Придя въ себя и нѣсколько опомнившись, онъ проговорилъ твердо и рѣшительно:

— Кончено! Я рѣшилъ! Я ѣду въ Милославку!..

С. А. Ан—скій.

Дѣтство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Годы скитаній.

I.

Среди степей.

(Продолженіе [1]).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Далеко не всегда молитва брата и обѣдъ происходили при описанной выше обстановкѣ. Случалось, какъ выражались у насъ, что дверь не затворялась, и наша небольшая комната набивалась проѣзжими евреями, мужчинами и женщинами, отъ края до края. Женщины галдятъ, мужчины облачаются въ молитвенныя принадлежности и принимаются молиться, а потомъ, занявъ гдѣ есть какое мѣсто, вытаскиваютъ узлы и, умывъ руки, принимаются за завтракъ. Лѣтомъ весь этотъ людъ, за исключеніемъ особенно близкихъ или привилегированныхъ, отправлялся въ шинокъ; но зимою этого не дѣлали. И часто приходилось ждать долгіе часы, пока получалась возможность приступить къ обѣду, если обѣдъ былъ общій. И мы, дѣти, съ нетерпѣніемъ [illegible]того обѣда, искренно проклинали всѣхъ проѣзжихъ. [illegible] обѣда или завтрака братъ ложился на диванъ съ кни-

---

[1] „Кн. Восхода", августъ.

гой и такъ засыпалъ часа на полтора — два. Въ комнатѣ опять воцарялась мертвая тишина. Мы большею частью уходили тогда въ шинокъ или же отправлялись на станціонный дворъ играть. Я, впрочемъ, при братѣ не всегда участвовалъ въ этихъ играхъ и большею частью оставался дома. Въ то время какъ въ его отсутствіи домъ въ это время наполнялся какою-то невыносимой тоскою и тяжелой скукой, которая словно душила всѣхъ, при немъ все было полно жизнью и привѣтомъ. И прежде всего мы освобождались отъ назойливыхъ причитываній Зисель, которыя мнѣ были особенно ненавистны.

Вставъ и умывшись, братъ обычно уходилъ на часъ на станцію, осматривалъ весь инвентарь, затѣмъ телѣги, подлежавшія починкѣ, или лошадей, подлежавшихъ ковкѣ и т. д. Если же на конюшнѣ и въ подкатномъ сараѣ нечего было дѣлать, онъ отправлялся прямо къ писарю. По возвращеніи онъ садился за книгу. Въ эти часы, если не было столько пріѣзжихъ, въ домѣ бывало какъ-то особенно хорошо. А если еще къ тому же въ окна заглядывало солнышко, то тутъ былъ прямо рай. Во всемъ была разлита какая-то душевная теплота и что-то такое успокаивающее и призывающее къ чему-то высшему. Я очень любилъ эти послѣобѣденные часы, которые мнѣ такъ напоминали нашъ домъ при жизни отца. У брата вообще были очень красивыя и привлекательныя черты, и его взглядъ всегда какъ-то дѣйствовалъ облагораживающе. А когда онъ бывало погрузится въ книгу, лицо его вдохновлялось и озарялось какимъ-то высшимъ сіяніемъ, и когда онъ случайно взглянетъ на тебя, въ твою душу проникаетъ что-то такое свѣтлое, хорошее, и вмѣстѣ съ тѣмъ теплое, ласковое. Книга была его стихія, и онъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ, когда сбрасывалъ съ себя всякое „иго земныхъ заботъ“, которое такъ тяжко и больно его давило. И это высшее блаженство, которое его охватывало, сообщалось всему кругомъ. Это было не простое, обычное чтеніе, которому такъ часто предавались благочестивые и ученые люди, а какое-то вознесеніе высоко надъ землею въ чистыя сферы. И вся-

каго, кто тогда вступалъ въ комнату, невольно охватывало чувство робости и благоговѣнія.

И въ это самое время, въ другой половинѣ—въ шинкѣ, происходило нѣчто совсѣмъ другое. За большимъ столомъ сидятъ нѣсколько проѣзжихъ мужиковъ, и среди нихъ одна баба, уже въ лѣтахъ. Подводы ихъ съ распряженными лошадьми стоятъ на дворѣ. Это они возвращаются изъ города, гдѣ продали пшеницу, а потому пріѣхали сильно подпивши и съ неодолимой жаждой продолжать выпивку. Это все знакомые люди, такъ какъ они очень часто проѣзжаютъ. Они изъ деревни Кирилловки, верстахъ въ тридцати отъ Хатки, и люди зажиточные, почтенные. Они разговариваютъ очень громко, перекрикивая другъ друга. Передъ ними на столѣ лежатъ двѣ „торбы“ [1]) съ бѣлымъ хлѣбомъ и калачами, купленными въ городѣ; посреди стола, сильно залитаго, стоитъ темно-зеленая бутылка, уже опустошенная. Баба держитъ рюмку около рта, и зажмуривъ глаза и мотая головой визгливо поетъ: „Пей-тэ, лю-уды, гори-ло-очку, тай забу-у-удьтэ...“

Языкъ заплетается, и она безпомощно опускаетъ голову.

— Та пей же, кума!—кричитъ ей въ самое ухо одинъ мужикъ съ осоловѣвшими и масляными глазками, взъерошенными волосами, перемѣшанными соломой.

— Дядька Дорошъ!—кричитъ упорно другой.—Дядька Дорошъ...

Но дядька Дорошъ, высокій, плечистый мужикъ въ длинной свиткѣ, съ длинными волосами и большой бородой, а потому немного смахивающій на церковную особу, упорно что-то разсказываетъ кумѣ въ другое ухо:

— Такъ бачетэ, тітка. Я ему икону святую подаровавъ, и побратались, значится. А винъ, бачетэ, и мні икону святую. Ось, значится, и побратались... А вона сучья дочка, побей ее лыха годына!.. Вона значится...

— Берчиха, чуешь, Берчиха, налывай пивъ кварты!—кри-

---

[1]) Торба—полотняная сумка, небольшой мѣшокъ.

чить зычнымъ, мощнымъ голосомъ, заглушая всѣхъ, третій, въ новомъ кожухѣ, съ большимъ воротникомъ рыжеватаго отлива.

Зисель подходитъ къ столу, беретъ бутылку и направляется за стойку. Мужикъ, покачиваясь и спотыкаясь, идетъ за ней. Зисель присаживается совсѣмъ почти на землѣ около бочки, втыкаетъ лейку въ бутылку и начинаетъ точить водку въ бѣлую мѣдную мѣру съ литой ручкой. При этомъ она дѣлаетъ большія усилія, чтобы совсѣмъ ничего не было видно. Но мужикъ сильно перегибается черезъ ея голову, усиленно слѣдя за тѣмъ, чтобы она долила до верха. Но тамъ темно очень и ничего не видно. Наконецъ водка уже наточена, и Зисель хочетъ быстро перевернуть мѣру въ лейку.

— Ни, ни!—кричитъ мужикъ.—Дай побачу.

— Ну вотъ, смотри,—говоритъ Зисель.—Что, хиба я буду обманывать.

Мужикъ нагибается еще сильнѣе; Зисель какъ будто подымаетъ мѣру съ водкой, крича:—На, смотри,—и прежде, чѣмъ мужикъ успѣлъ взглянуть, опрокидываетъ всю водку въ бутылку.

— Ось стилько не долыла, сучья дочка!—кричитъ мужикъ, показывая свои здоровенные, сильно вымазанные дегтемъ четыре пальца.

Зисель, разумѣется, увѣряетъ, что это неправда, и старается какъ-нибудь отдѣлаться отъ напирающаго на нее мужика, который подымаетъ бутылку кверху и, показывая ее всей публикѣ, настойчиво, заплетающимся языкомъ увѣряетъ все, что „ось на стылько“ не долила, „собачья жидівка“. Мужикъ, однако, нѣсколько ошибается. Ибо въ самомъ дѣлѣ не долила она, вѣроятно, только на три пальца и то своихъ, а не его мужицкихъ: ужъ безъ этого нельзя было совсѣмъ. „Обмѣръ“ составлялъ чуть ли не главный элементъ всей этой торговли. Въ этомъ собственно и заключался главный заработокъ при продажѣ „на кварту“ и онъ считался законнымъ; о немъ говорили, какъ о чемъ-то весьма обыкновенномъ. Ибо вообще продажа на кварту и на ведро считалась невыгодной. Прибыль давала только продажа на „стаканчикъ“, что собственно тоже составляло обмѣръ и очень

крупный. Ибо стаканчикъ можно было дать какой угодно величины, а мѣра была казенная, съ казенною печатью. Мужикъ долго упрямствуетъ, ругается непотребными словами, стучитъ кулаками объ стойку. Но въ концѣ концовъ уноситъ бутылку, съ силой ставитъ ее на столъ, дѣлая при этомъ глубокомысленное замѣчаніе: „Оце правду люди кажутъ: жидъ, якъ не обмане, такъ не продастъ". И этимъ онъ утѣшается. Нарушенное на время веселье снова продолжается.

— Оселедця дай, бісова душа,—стукнулъ вдругъ кулакомъ мужичокъ съ масляными глазками, который особенно увивался вокругъ кумы.

— А якій вамъ оселедецъ?—спрашиваетъ подобострастно Зисель, подходя къ столу:—у мене е дуже хороша кефаль, якъ зхочете и рыбица е.

Стукнувшій мужичокъ какъ будто вдругъ потерялъ весь куражъ; голова его безсильно опускается на грудь, и онъ лепечетъ что-то безсмысленное, не понимая, что ему говоритъ Зисель.

Зисель, однако, не желая упустить торговли, подаетъ ему пару селедокъ.

— Вотъ, люды добры, я вамъ оселедецъ поріжу,—вкрадчиво подходитъ Горпина, у которой давно уже слюнки текутъ при видѣ такой обильной выпивки.

— Не лизъ,—хрипло ей кричитъ, вдругъ оживившись, совсѣмъ осоловѣвшая баба.

— Бачь яка!—сердито огрызается Горпина.—Не лизъ, каже. Ге-ге. Дуже я тебе злякалась [1]).

Эта смѣлость очень нравится, очевидно, тому самому растрепанному мужику, который такъ прилипъ къ кумѣ, и онъ дѣлаетъ одобрительные кивки. Горпина, которая, въ свою очередь, многозначительно подмигиваетъ, не ждетъ долго. Въ мгновеніе ока она очутилась среди компаніи и одну за другою проглотила двѣ крупныхъ рюмки, которыя собственноручно себѣ

---

[1]) Очень я тебя испугалась.

налила, считая лишнимъ ожидать приглашенія. Выпивъ, она принимается жадно закусывать „оселедцемъ“.

— Оце люблю, тітка, ей же Богу люблю,—подходитъ къ ней шатаясь длинноволосый мужикъ съ церковнымъ выраженіемъ лица, котораго зовутъ дядька Дорошъ. Онъ съ большимъ трудомъ усаживается тѣсно около Горпины, положивъ ей одну руку на плечо. Масляные глазки тоже поближе примостились къ Горпинѣ съ другой стороны. И вотъ она становится вдругъ главнымъ притягательнымъ центромъ, предметомъ всеобщаго вниманія и ухаживанія и, глубоко тронутая этими проявленіями дружбы, она совсѣмъ овладѣваетъ бутылкой и прежде, чѣмъ выпить, направляетъ нѣжные поцѣлуи одинъ направо, а другой налѣво. Блаженство устанавливается полное. Бѣдная кума позабыта и она въ отчаяніи опускаетъ отяжелѣвшую голову на лавку, гдѣ находитъ успокоеніе въ ангельскомъ снѣ. На столѣ появляется уже цѣлая кварта, которая налита безъ всякаго контроля. Гдѣ теперь до контроля, когда кругомъ разлита любовь, призывающая къ полному довѣрію.

— Поцѣлуемся, тітка,—не перестаетъ кричать новый кожухъ, нагибаясь къ Горпинѣ съ дрожащей въ его рукѣ чаркой, уже наполовину вылитой на туалетъ предмета его пламени.

Горпина, вся уже въ объятіяхъ церковной особы, оглушенная его нѣжностями и шестью выпитыми рюмками, не слышитъ и не понимаетъ нѣжныхъ и страстныхъ призывовъ бѣлоснѣжнаго кожуха, который, не дождавшись отвѣта, запечатлѣваетъ свои поцѣлуи въ лобъ, въ плечи, куда попало.

— Ой, что за трефной народъ,—говоритъ Зисель, глядя на эту сцену съ поочередными объятіями.—Это совсѣмъ не люди. Хуже свиней, право. Кажется у скота тоже есть стыдъ какой-нибудь.

Зисель, конечно, не принимала во вниманіе скрытой отъ ея непроницательнаго взора исторіи и психологіи явленій и судила обо всемъ только по тому, что явственно и непосредственно представлялось ея глазамъ. А изъ того, что она видѣла постоянно, она другихъ заключеній дѣлать не могла. И только

благодаря этому, быть можетъ, и наивному и несправедливому убѣжденію, что это не люди, всѣ подобныя сцены и все гнуснѣйшее сквернословіе не оказывали никакого дурного вліянія на нравственность и цѣломудріе еврейской семьи, жившей среди этой кабацкой грязи. Напротивъ, это безобразіе, котораго они были постоянными свидѣтелями, имѣло свое воспитательное значеніе, внушая имъ отвращеніе къ грубости и невѣжеству.

Вотъ дверь тихо пріотворяется, и на порогѣ появляется младшая дочь Артема, красавица Марія, и останавливается на порогѣ. Ее привлекъ шумъ веселой попойки, на которую она смотритъ съ широкой улыбкой, выражающей и зависть, и одобреніе, и ожиданіе. Ея прекрасные темно-голубые глаза начинаютъ метать какой-то особенный огонекъ. Ей долго ждать не приходится. Церковная особа, увидѣвъ это прекрасное явленіе, вся обомлѣла, и въ одно мгновеніе рюмка очутилась въ рукахъ ломающейся Маріи. На то она красавица, чтобы немного поломаться. Но, надо отдать ей справедливость, это у нея только извѣстный актъ вѣжливости. Вообще же она очень и очень уступчива, и въ этомъ несчастье ея жизни.

Теперь Горпиной всецѣло овладѣлъ одинъ новый кожухъ, самый, впрочемъ, солидный хозяинъ изъ всей пьющей компаніи. Масляные же глазки совсѣмъ отяжелѣли и полузакрылись. Обладатель ихъ, потерявъ равновѣсіе, опирается всѣмъ корпусомъ на спящую сномъ праведницы куму.

Компанія между тѣмъ съ присоединеніемъ Маріи получила новое оживленіе. Потребовалась новая „пивъ кварты“, а за нею и другая, и третья. И въ то время, какъ Беръ въ своей теплой уютной комнатѣ сидитъ погруженный въ свой фоліантъ и на лицѣ его отражается тихое блаженство небожителя, изъ шинка доносится уже опьянѣвшій голосъ Горпины, которая визгливо поетъ свою любимую пѣсню:

И шумыть, и гудыть
Підъ вико-о-о-ше-еч-ко-о-омъ
Чи це воръ, чи зло-діі-і-й
Чи разбі-ны-чекъ...

Но эта пѣснь какъ будто не по душѣ веселой компаніи. Она слишкомъ унылая. Вотъ Марія, подбоченясь, вышла на середину и, приподнявъ слегка передній край юбки, пустилась въ плясъ, бравурно напѣвая:

Ты же мене подманула,
Ты же мене підманула,
Ты же мене молодому
Вечерити не дала...

Горпина отъ этой пѣсни совсѣмъ оживляется. Мгновенно она выскакиваетъ изъ-за стола, въ свою очередь пускаясь въ плясъ навстрѣчу Маріи, напѣвая:

Наварила напекла
Не для Митьки, для Петра.
Ой лыхо не Петрусь,
Біло лычко, черный усъ...

Уже солнце низко опустилось. Въ шинкѣ воцаряется полумракъ, а веселье въ полномъ разгарѣ, и дрожитъ земля отъ пляски.

А на дворѣ уныло стоятъ оставленныя и забытыя лошади, понуривъ головы и обнюхивая то телѣгу, то землю, чтобы найти что-либо покушать. На самыя телѣги взобрались всѣ мѣстныя куры, а около также уныло бродитъ бычокъ Мирона, почесывая временами свои молоденькіе, еле выглядывающіе рожки объ ободъ колеса...

Вотъ послѣдніе лучи угасающаго солнца облили краснымъ заревомъ окна комнаты. На стѣнѣ косо вырисовалась оконная рама. Лицо Бера становится задумчивѣе и грустнѣе. Подперши голову обѣими руками, онъ молча сидитъ надъ книгой, не читая больше, какъ будто далеко, далеко куда унесшись.

Наконецъ онъ закрываетъ книгу и поднимается. Пора совершить минхо.

Часто, если погода была не очень дурная, не было большой грязи, или же вьюги, братъ любилъ этакъ за полчаса до захода прогуляться по степи. Чаще всего онъ гулялъ съ Владиміромъ, съ

которымъ любилъ побесѣдовать. Большею частью присоединялась и Наташа. Но это вызывало неудовольстіе брата, котораго шокировала прогулка съ чужою женщиной, да еще съ „гоей". Изъ свойственной ему деликатности, онъ, конечно, этого не высказывалъ; но это его сильно стѣсняло. Онъ тогда бралъ съ собой дѣтей и держалъ одного одной рукой, а другого другой, чтобы не очутиться слишкомъ близко около нея, или же совсѣмъ наединѣ съ нею, ибо Владиміръ, не понимая, особенно сначала, чувствъ брата, тоже изъ деликатности оставлялъ часто жену около него, а самъ ходилъ позади или же по другую сторону. Наташа же, хотя постоянно ругала мужа за дружбу съ братомъ, особенно за то, что онъ часто уходилъ къ нему, называя его „жидовской помойницей", сама очень любила общество брата и радовалась, когда онъ къ нимъ приходилъ. Но ее ужасно бѣсило то, что онъ держался такъ далеко отъ нея, какъ будто отъ чего-то нечистаго. Не было почти того проѣзжаго, который не любезничалъ съ нею, и она даже пряталась часто и не выходила, чтобы избѣгнуть этихъ навязчивыхъ и иногда даже очень наглыхъ любезниковъ, особенно офицеровъ. И вдругъ этотъ „жидъ" еле удостаиваетъ ее вниманія и взгляда. И часто, чтобы досадить Беру, она нарочно усаживалась тѣсно около него, зная отлично, что благочестивому еврею нельзя сидѣть близко около женщины. Кромѣ того, она думала этимъ досадить Зисель, которую отъ души ненавидѣла. Но та и понятія не имѣла о томъ, что такое чувство ревности, совершенно чуждое въ прежнее время всякой еврейской женщинѣ. Даже понятіе невѣрность жены не существовало въ этой средѣ, абсолютно чистой въ этомъ отношеніи.

Я всегда непремѣнно присоединялся къ этимъ прогулкамъ, которыя я такъ любилъ, и постоянно держался позади. И чѣмъ дальше уходили, тѣмъ больше я былъ счастливъ. И какъ бы ни великъ былъ морозъ, я на вопросъ Бера, холодно ли мнѣ, всегда отвѣчалъ отрицательно. Зимою, разумѣется, далеко не ходили. Съ одной стороны, спереди хатскихъ домиковъ, доходили до межи, отдѣлявшей хатскую землю отъ земли сосѣдней, принадле-

жавшей одному богатому армянину. Когда доходили до этой межи, издали показывались красноватые овраги, прорѣзывавшіе тянувшійся вдаль склонъ. Освѣщенные послѣднимъ заревомъ, они принимали такой фантастическій видъ и казались мнѣ колоссальными развалинами. Эти овраги всегда тянули меня къ себѣ съ неодолимой силой, и моя мечта была добраться до нихъ когда-нибудь. Среди котловины, тянувшейся у подошвы склона, стоялъ одинокій колодезь съ журавлемъ, тоже имѣвшій въ себѣ нѣчто таинственное и потому тоже меня привлекавшій. Дальше, по обѣ стороны овраговъ, по склону тянулись длинные низкіе кошары, въ видѣ лежащихъ на землѣ камышевыхъ крышъ. Изъ этихъ кошаръ доносился часто злобный лай собакъ, охранявшихъ многотысячныя стада содержавшихся тамъ зимою овецъ. Для этихъ-то овецъ служилъ одинокій колодезь. Сюда въ полдень и въ сумерки приходили стада овецъ во главѣ съ ихъ одѣтыми съ ногъ до головы въ овчины пастухами, съ ихъ длинными густыми волосами, почернѣвшими лицами и дикимъ блескомъ глазъ. Этотъ колодезь поэтому всегда напоминалъ мнѣ тотъ колодезь, который съ такой величавой эпической красотой описанъ въ дивной книгѣ Бытія,—„колодезь въ полѣ“, который увидѣлъ Іаковъ, убѣгая отъ замышлявшаго его убить брата Эсава въ страну „сыновъ Востока“. И въ довершеніе иллюзіи, колодезь былъ окруженъ большимъ камнемъ.

Въ то время, какъ я плелся позади, останавливаясь на каждомъ шагу, заглядываясь на все, братъ съ Владиміромъ шли впереди и горячо бесѣдовали. Съ боку, не слушая, шла Наташа. Иногда ее вдругъ обуетъ нѣжность ко мнѣ; она тогда замедляетъ шагъ, поджидая меня. Поровнявшись со мною и видя меня сильно озябшимъ, она окутываетъ меня частью своей шали, такъ, что мнѣ приходится идти почти прилѣпленнымъ къ ея ногамъ. Мнѣ ужасно неловко и стыдно, я сильно краснѣю отъ смущенія, и хотя меня охватываетъ такая обаятельная теплота, я дѣлаю все возможное, чтобы выпутать себя изъ шали. Наташа тогда охватываетъ меня одной рукой за плечи. Я еще больше смущаюсь и не знаю почему начинаю смѣяться безъ удержу.

Наташѣ мой смѣхъ нравится. Она беретъ меня за руку и пускается бѣгомъ. Она бѣгаетъ съ удивительной легкостью, словно ее вѣтеръ носитъ. Я не отстаю, однако, а иногда ее далеко обгоняю. Но когда мнѣ приходится поравняться съ братомъ, чувствую особенно сильное смущеніе. Мнѣ не надо даже его осуждающаго взгляда; я самъ чувствую, что это ни на что не похоже—это вѣдь уже просто значитъ играть съ женщиной и какъ это нехорошо! Наташа же, когда на нее „найдетъ", не знаетъ границъ и превращается въ шалунью-дѣвочку. Я невольно подчиняюсь.

— Вотъ видишь тамъ кустъ,—говоритъ она мнѣ.—Тамъ навѣрное дрохвы [1]) водятся. Ну чуръ, кто скорѣе добѣжитъ!

Я первый добѣжалъ.

— Молодецъ! я бы тебя поцѣловала, говоритъ она мнѣ. Такова игра. Но ты такой шмаркатый! фи! Отчего ты не научишься носъ вытирать?

Я по этой части дѣйствительно страдалъ, особенно во время сильнаго холода. Но именно потому, что это горькая правда, обида меня сильно обжигаетъ и я убѣгаю прочь во всю прыть...

По возвращеніи съ прогулки, братъ совершаетъ предвечернюю молитву, а потомъ отправляется выдавать ячмень. Когда онъ бывалъ дома, онъ по возможности не допускалъ, чтобы женщины шли въ амбаръ съ ямщиками. Я всегда бѣгалъ за нимъ. Не потому только, что вся эта процедура меня очень интересовала, а больше потому, что мнѣ пріятно было держаться около брата, когда онъ былъ безъ другихъ. Я себя чувствовалъ тогда менѣе сиротливымъ и испытывалъ какую-то гордость. Если же случалось, что онъ меня бралъ за руку, моему счастію не было предѣловъ. Естественно, что потерявъ отца и находясь далеко отъ матери, я сталъ чувствительнымъ ко всякой ласкѣ, ко всякому проявленію ко мнѣ не только любви, но и доброты. И насколько суровость и несправедливость меня ожесточали, настолько же малѣйша[illegible] и мягкость покоряли меня цѣликомъ.

---

[1]) [illegible]ица величиною съ гуся.

Вечеромъ братъ опять усаживался за Талмудъ или за другую книгу. Это вечернее ученіе онъ особенно любилъ и былъ безконечно счастливъ, когда вечеръ проходилъ спокойно, безъ наѣзжаго люда. Онъ лучше всего чувствовалъ себя за книгой, такъ какъ тутъ только находилъ тотъ высокій міръ, къ которому онъ стремился и который составлялъ его стихію. Естественно поэтому, что шкафъ съ книгами былъ его радость, его гордость, и всякая вновь пріобрѣтенная книга доставляла ему высочайшее наслажденіе. А книги онъ пріобрѣталъ часто. Какъ только ему случится быть въ большомъ городѣ, гдѣ есть еврейская книжная торговля, онъ уже непремѣнно накупитъ всякихъ любимыхъ книгъ, которыя мечталъ давно имѣть. Книги тогда были очень дороги, и онъ на нихъ разорялся. Но нѣтъ словъ для описанія той радости, того блаженства почти, которыя ему доставляла всякая вновь пріобрѣтенная книга. За книгой онъ забывалъ все окружающее, часто не слышалъ окружающаго шума. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, повторяю, какъ и отецъ, отличался также, такъ сказать, нѣкоторой свѣтскостью и жизнерадостностью, въ еврейскомъ смыслѣ, разумѣется. Пища и всякія другія физическія наслажденія не занимали никакого мѣста въ его жизни. Но онъ интересовался жизненными явленіями, очень любилъ общеніе съ людьми знающими, интеллигентными, и когда попадалъ на такихъ, проводилъ съ ними ночи на-пролетъ въ бесѣдахъ. Всякое знаніе, образованіе внушали ему уваженіе. Онъ оттого и относился такъ хорошо къ писарю Владиміру, что тотъ былъ образованный все-таки, „edler goi", а не хамъ, какъ другіе. Онъ вообще любилъ разсуждать о разныхъ міровыхъ вопросахъ и крупныхъ явленіяхъ міра сего и радъ былъ вести бесѣды на эти сюжеты съ кѣмъ бы то ни было, лишь бы это былъ „a bar sechel", человѣкъ развитой, съ умомъ. Весьма страннымъ покажется многимъ, если я скажу, что это была крайне революціонная душа во всѣхъ политическихъ вопросахъ, чуть ли не анархистъ, глубоко ненавидѣвшій и оспаривавшій всякую власть, которую онъ считалъ величайшимъ зломъ на свѣтѣ. Доказательствомъ ему служили нашъ родной городокъ и еще окрестные городки, гдѣ не было ника-

кого начальства и гдѣ никогда не слышно было ни о кражахъ, ни о разбояхъ. Изъ этого онъ дѣлалъ обратно наивный выводъ, что только тамъ и бываютъ воровства, грабежи и разбои, гдѣ есть начальство, и что не будь его, міръ представлялъ бы собою идиллію. Этотъ непосредственный доводъ онъ пускалъ въ ходъ только противъ мелкой исполнительной власти. Противъ всякой же другой власти, являвшейся такъ сказать источникомъ и первопричиной, онъ не считалъ нужнымъ приводить какіе-либо доводы, ненавидя ее какою-то органической ненавистью; и никогда не упоминалъ онъ о ней безъ прибавленія ימח שמו וזכרו. Поразительно то, что эти свои анархическіе взгляды онъ высказывалъ чаще всего въ своихъ разсужденіяхъ съ проѣзжими русскими, даже съ чиновными особами, особенно съ своимъ пріятелемъ Щербаковымъ, акцизнымъ ревизоромъ. Въ тѣ времена о подрывателяхъ основъ еще не знали, и Беръ спокойно могъ выражать свои взгляды или скорѣе свои чувства, не привлекая ничьего вниманія. Въ наше же время сей еврейскій противникъ власти не мало причинилъ бы страха и безпокойства отдѣльному корпусу...

За книгой Беръ оставался такъ до девяти часовъ вечера. Послѣ этого онъ совершалъ вечернюю молитву „maariv", а по окончаніи молитвы что-нибудь закусывалъ: хлѣбъ съ чеснокомъ или съ селедкой, иногда запивалъ стаканчикомъ вина.

Если проѣзжихъ не было, мы въ это время уже ложились спать. Братъ же послѣ своего ужина опять бывало погрузится въ книгу и иногда засиживается за полночь, въ то время, какъ все кругомъ уже спитъ. Проснешься иногда и видишь, какъ онъ сидитъ за столомъ, погруженный весь въ ученіе, и кажется тебѣ, что весь домъ тогда наполненъ какимъ-то тихимъ, небеснымъ блаженствомъ.

Прежде чѣмъ ложиться спать, онъ заходилъ въ шинокъ, спу-лся въ погребъ и осматривалъ, все ли въ порядкѣ, не течетъ ли кая-нибудь бочка, хорошо ли завинчены краны или деревянные лышки, затыкавшія отверстія, изъ которыхъ точили вино, и д. Затѣмъ онъ самъ запиралъ засовомъ дверь въ сѣняхъ,

ставни же онъ обычно приставлялъ какъ только стемнѣетъ. Если же случалось, что ребенокъ пробудится и заплачетъ прежде, чѣмъ Беръ еще легъ, онъ бывало его укачиваетъ, а если это его не успокаивало, онъ его вынималъ изъ колыбельки, бралъ на руки и расхаживалъ съ нимъ по комнатѣ, укачивая его на рукахъ, пока тотъ не заснетъ.

Какъ я уже говорилъ, братъ очень любилъ жену, охранялъ ея покой, заботился о ней, помогалъ чѣмъ только могъ, чтобы облегчить ей трудъ; сердился на дѣтей, если ей не помогали, и вообще былъ нѣжнымъ и заботливымъ мужемъ. Но такой дружбы и полнаго единенія, какія существовали между моимъ отцомъ и матерью, тутъ не было. Я никогда между ними не слышалъ тѣхъ дружескихъ интимныхъ бесѣдъ, какія между отцомъ и матерью происходили ежедневно по ночамъ и которыя придавали какую-то особенную прелесть и поэзію ихъ отношеніямъ и всей нашей жизни. Отецъ передавалъ матери всѣ свои думы, всѣ возникавшія въ головѣ заботы, надежды и упованія, точно такъ же, какъ и мать ему. Мать участвовала всѣмъ своимъ существомъ во всей духовной жизни отца, была съ нимъ во время его ученія, во время его молитвы, вездѣ сливалась съ нимъ душою. Братъ въ своей духовной жизни стоялъ совершенно одинъ. Зисель знала, что такъ дѣлаютъ лучшіе евреи, была счастлива, что ея мужъ принадлежитъ къ этимъ лучшимъ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ слышала о немъ одни только восторженные отзывы, и, конечно, гордилась имъ; но возвыситься до него она не могла. Своихъ думъ и мыслей Беръ ей никогда не довѣрялъ, считая ее недостаточно умной, недостаточно способной понимать что-либо высшее. Она была слишкомъ простая, прозаическая натура и не могла съ нимъ дѣлить ничего такого, что выходило изъ области обычнаго жизненнаго обихода. Онъ даже очень иронически относился къ ея замѣчаніямъ и совѣтамъ, а когда она настойчиво приставала, сердился и говорилъ: „что ты тутъ, בהמה, понимаешь“. И тамъ, гдѣ это не касалось ближайшихъ матеріальныхъ интересовъ, она довольно смиренно ретировалась, говоря: „Я, конечно, не больше, какъ женщина,—ты лучше понимаешь. Но по

моему глупому разумѣнію выходитъ такъ". Тамъ же, гдѣ дѣло шло о болѣе реальныхъ ихъ интересахъ, особенно ближайшей копѣйкѣ, она не уступала такъ скоро, и умѣла довольно энергично настаивать. Братъ, однако, никогда не уступалъ, если то, что отстаивала Зисель, казалось ему нечестнымъ или унизительнымъ. Разумѣется, она его очень часто укоряла за его непрактичность, за его неумѣніе пользоваться обстоятельствами, особенно расположеніемъ къ нему „пурица", т. е. владѣльца земли, на которой стояла Хатка, и т. д., какъ это дѣлаетъ огромное большинство женщинъ, даже очень образованныхъ и развитыхъ...

Весьма естественно, что вся жизнь въ Хаткѣ была тѣсно связана съ проѣздомъ. Отъ этого проѣзда зависѣло ея матеріальное и даже, можно сказать, ея моральное состояніе. Большой проѣздъ увеличивалъ торговлю въ шинкѣ, вносилъ много „прогонныхъ" на станцію и вмѣстѣ съ тѣмъ оживлялъ все маленькое населеніе. Всякая проѣзжая телѣга привозила свѣжихъ людей, иногда знакомыхъ, близкихъ или даже какихъ-нибудь родственниковъ. Пріѣзжій разсказывалъ какія-нибудь новости изъ мѣстъ, откуда онъ пріѣзжалъ, и такимъ образомъ у насъ знали все, что происходитъ въ окрестныхъ городкахъ и деревняхъ на разстояніи десятковъ верстъ; мы — о томъ, что происходило у евреевъ, ямщики о событіяхъ у крестьянъ или проѣзжихъ торговцевъ, а у писаря знали всѣ новости по начальству. И вотъ этими интересами мы и питались; ихъ пересказывали другъ другу, пережевывали, десятки разъ разспрашивали новаго проѣзжаго о томъ же и т. д.

— Какъ тебѣ нравится, Беръ,—сообщала ему Зисель только-что принесенную свѣжую новость.—Глухой Сукеръ (Иссахаръ) изъ Саратъ засваталъ свою дочь. И знаешь, кто женихъ? Никогда не отгадаешь. Сынъ меламеда Буриха изъ Плахтевки. Правда, красивый шидухъ? [1]) Очень хорошо. Везетъ ему. За перью взялъ сына шохата ребъ Ицека. Все красивые ши-
[illegible]ластъ.

[illegible]тія.

— Наташа,—сообщаетъ Владиміръ своей женѣ (онъ безконечно счастливъ, когда можетъ ей что-либо сообщить).—Помнишь сортировщика Затычку, того самаго, которому почтмейстеръ въ прошломъ году въ рыло далъ, когда онъ пошелъ къ нему христосоваться,—ну, такъ вотъ его назначаютъ смотрителемъ въ Гнилорѣдьку.

— Что ты говоришь!—восклицаетъ, вся заволновавшись, Наташа, у которой даже являются два красныхъ пятна позади ушей, какъ будто съ новымъ назначеніемъ Затычки связаны ея самые жизненные интересы. И она объ этомъ говоритъ цѣлую недѣлю, причемъ повторяется со всѣми подробностями эта исторія съ полученіемъ въ рыло, которая въ свое время служила предметомъ живѣйшихъ тревольненій въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Такъ одна новость смѣняется другою, и такимъ образомъ поддерживается живой духъ.

У ямщиковъ и въ семьѣ Артема, разумѣется, свои новости есть, которыя ихъ не менѣе волнуютъ. Вотъ, напримѣръ, Савка изъ экономіи привезъ новость, что Грицько изъ Кривой Бакли и Клымъ изъ деревни Печерици помѣнялись волами и что Клымъ далъ въ придачу Грицько „теля“ [1]), и два карбованца [2]) грошей, что Теребендиха вышла замужъ за мельника Трофима изъ Байдужевки и что тотъ въ свадебный же день избилъ ее до полусмерти за ея старую дружбу съ объѣздчикомъ Хведоромъ и т. д.

Въ среднемъ проѣздъ черезъ Хатку былъ не очень большой; все же ежедневно проѣзжало пять—шесть телѣгъ. Не всѣ проѣзжіе заходили въ шинокъ; многіе только останавливались покормить лошадей; не всѣ заходившіе въ шинокъ выпивали; иные заходили только погрѣться и напиться воды. Все же происходило движеніе, видѣли „живого человѣка“.

Но во время очень сильныхъ холодовъ или же большихъ вьюгъ, когда снѣгъ покрывалъ кругомъ все на аршинъ и два толщины, когда дорогу заносило до того, что и слѣда ея не ви-

---

[1]) Теленка.

[2]) Карбованецъ—рубль.

дать было, случалось часто, что въ теченіе нѣсколькихъ дней не проѣзжалъ ни одинъ чиновникъ, не было видно ни одного проѣзжаго, кромѣ несчастныхъ почталіоновъ, для которыхъ не существовало ни дурныхъ погодъ, ни праздниковъ. Почта же проходила два раза въ недѣлю въ одинъ конецъ — до пограничнаго мѣстечка—и столько же разъ въ противоположный конецъ, отъ этого мѣстечка до города А. Но почта не имѣла никакого отношенія къ намъ. Прибудетъ, запишутъ время прибытія и отбытія, перекладутъ всѣ эти огромныя, обведеныя стальными цѣпями черныя „сумки“ изъ одной телѣги въ другую—и конецъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ сопровождающій „сумку“ почталіонъ забѣжитъ выпить рюмку, такъ какъ ему отъ „сумки“ отлучиться строго воспрещается. Кромѣ того, почта всегда приходила поздно вечеромъ и даже среди ночи.

И вотъ, въ тѣ дни, когда не было никакого проѣзда, въ Хаткѣ надъ всѣмъ висѣла тяжелая, давящая тоска. Казалось тогда, что весь міръ вдругъ исчезъ и что никогда не увидишь больше живой души; что навѣки похоронили тебя въ этой пустынѣ, откуда нѣтъ выхода. Цѣлый день всѣ мечутся, не находя себѣ мѣста, ложатся, опять встаютъ, зѣвая подходятъ къ окнамъ, черезъ которыя только и видишь, что безконечную равнину или высокіе сугробы... Но въ этой давящей тоскѣ и совершенной оторванности была какая-то своеобразная грандіозная поэзія, именно поэзія пустыни. Выходишь вечеромъ—передъ тобою безграничная, засыпанная чистымъ сверкающимъ, волнами лежащимъ снѣгомъ степь, который ее совсѣмъ уподобляетъ пустынѣ, а надъ тобою исполинскій сверкающій яркими безчисленными звѣздами куполъ небесный. И надъ всѣмъ этимъ заколдованнымъ, сказочно красивымъ царствомъ стоитъ такая тишина, какъ будто ты былъ одинъ во всей вселенной. Не видать нигдѣ обычнаго мерцающаго въ это время черезъ окна свѣта; ибо станція и кухня завалены кругомъ снѣгомъ по самыя крыши, а землянка Артема вмѣстѣ съ сараемъ совсѣмъ исчезла подъ сугробомъ. И ни признака человѣческаго жилья, ни звука, ни движенія кругомъ. Одѣлись въ бѣлоснѣжный саванъ и скирды на гарманѣ и стоятъ онѣ

теперь огромными бѣлыми привидѣніями. Синеватыя искорки мѣстами низко ползутъ по землѣ, словно земныя звѣздочки...

А то бываетъ и такъ, что выйдешь,—все равно днемъ или ночью,—и не видишь ничего вокругъ, кромѣ кружащейся вихремъ снѣжной пыли, застилающей передъ тобою все, даже на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ... И тогда тебя охватываетъ такое чувство, словно ты присутствуешь при первобытномъ хаосѣ—до творенія. Передъ тобою растянулся тотъ страшный, необозримый tehoim и надъ нимъ носится та же необозримая густая тьма, что и въ первые дни мірозданія. А вѣтеръ бушуетъ съ такою свирѣпой силой, точно собирается все смести съ лица земли. Шагу нельзя сдѣлать, такъ тебя и метнетъ, словно перышко. Да и шагнуть некуда. Кругомъ горы снѣга навалило выше крышъ. Въ комнатахъ мрачно не только отъ обложившихъ домъ сугробовъ, но и отъ того, что окна облѣплены внутри и снаружи толстымъ пушистымъ слоемъ, на которомъ волшебной рукой выгравированы тончайшіе узоры. Рванетъ вѣтеръ и вздрогнетъ нашъ бѣдный домикъ и задребезжатъ стекла и посуда, и все, кажется, кругомъ заколыхалось и сейчасъ взлетитъ вверхъ. А на чердачкѣ идетъ такой оглушительный и печальный свистъ, словно тамъ плачутъ тысячи вѣдьмъ. А снѣжная пыль все кружится и вьется, и кажется, что это поднялась вся степь растертая въ пылинки...

И несмотря на такую бѣшеную вакханалію, отъ которой даже запряталась наша собака, зарывшись глубоко въ скирду сѣна или же въ кучу соломы въ сѣняхъ ямщицкой, меня съ неодолимой силой тянетъ на дворъ. И еле одѣтый, почти босой (привезенныя мною историческія шлепанцы, въ которыхъ я перешелъ границу, давно уже истрепались), я каждый разъ выбѣгаю на дворъ и гляжу на эту ярость природы и не могу отъ нея оторваться. И меня самого охватываетъ какая-то разнузданная веселость и какое-то дикое бѣшеное желаніе ломать, разбивать и уничтожать—что? самъ не знаю. И я начинаю громко распѣвать, кричать и прыгать въ снѣгу, словно дикарь, совершающій дикую религіозную пляску,—благо никто черезъ окна не можетъ меня увидать, не то полумаютъ, что я рехнулся. Я даже долго не чувствую холода, съ ко-

торымъ уже свыкся натолько, что для меня ничего не значитъ побѣжать босымъ до колодца или до ямщицкой. Къ особенно теплой одеждѣ я никогда не привыкъ, и даже въ лучшія времена я не имѣлъ представленія о томъ, что называется теперь теплое пальто или нѣчто подобное. Я часто и безъ всякаго кафтана выбѣгаю — и ничего, право.

Хорошо было бы побѣжать далеко, носиться вихремъ, какъ хорошая лошадь, да не разбѣжишься теперь. Кругомъ вонъ какія горы надуло и даже до станціи нельзя добраться. Сдѣлаешь шагъ — и по самую шею въ снѣгъ попадешь. Соберутся позже ямщики и прочистятъ узкую тропинку. А пока всѣ отрѣзаны другъ отъ друга, словно на различныхъ островахъ живемъ. А какъ они красиво округлены эти сугробы. А наверху будто карнизы съ мелкими зубчиками. Какъ потомъ будетъ хорошо идти между высокими снѣжными стѣнами; когда прочистятъ дорожку! Словно по узкому ущелью горъ, между отвѣсными скалами. И хотя тебѣ совершенно не нужно, бѣгаешь двадцать разъ туда и назадъ, лишь бы пройти черезъ эти сказочныя тропинки. Вотъ точно по такимъ тропинкамъ перешли евреи черезъ Іамъ-Суфъ (Чермное море), когда воды стали сплошными стѣнами по правую и лѣвую сторону отъ нихъ. И такихъ проходовъ было двѣнадцать: для каждаго колѣна отдѣльно. Такъ объяснялъ намъ ребе, ребъ Дувидъ, когда мы проходили „Широ“ [1]). А онъ ужъ навѣрное зналъ.

Въ такіе дни малочисленные обитатели Хатки ютятся ближе другъ къ другу. Ямщики, очистивъ конюшню отъ нанесеннаго снѣга, въ которомъ лошади оказались выше живота, прочистивъ дорожки и высвободивъ, наконецъ, часть сѣна и накормивъ и напоивъ лошадей, что во время вьюги сопряжено съ большими трудностями и тяжелой работой, собираются всѣ въ шинокъ съ женами. Приходитъ даже тихоня Велизарій, только безъ своей Варьки, которая постоянно съ кѣмъ-нибудь или со всѣми вмѣстѣ въ ссорѣ. Является и старый Артемъ съ Артемихой, и

---

[1]) Пѣснь послѣ перехода черезъ Чермное море.

зять ихъ Миронъ, и его жинка Марія, извѣстная на всю округу своей красотою и своимъ легкимъ нравомъ. Къ нимъ присоединяется конечно и Горпина. къ великому негодованію Фроськи, жены Сергѣя, которая ее кровно ненавидитъ и уже не однажды вцѣплялась ей въ волосы за ея благосклонность къ мужу. Слѣзаетъ съ печи и старый Перецъ, если онъ дома, и кряхтя, и отдуваясь, таща съ трудомъ свои одеревенѣлыя ноги, онъ присоединяется ко всѣмъ прочимъ.

Усѣвшись всѣ вокругъ стола, они ведутъ дружескую бесѣду за чаркой горилки, угощая другъ друга по очереди. Бесѣда вращается сначала вокругъ вопросовъ дня. Ямщики разсказываютъ, съ какимъ трудомъ они добрались до сѣна, чтобы накормить лошадей, и что скирду пришлось очищать цѣлый часъ. Конюшню тоже до того завѣяло спереди, что нельзя было отворить дверь, а въ каретномъ сараѣ всѣ телѣги очутились подъ снѣгомъ, который навалилъ туда черезъ дырявую крышу. Артемъ въ свою очередь разсказываетъ, какъ вся худоба его была засыпана и когда онъ добрался до сарая, то увидѣлъ только рога одного вола, торчавшіе изъ подъ сугробовъ. Другихъ же совсѣмъ не видать было. Они совсѣмъ исчезли подъ снѣгомъ. Бѣдные волы ревѣли съ такимъ выраженіемъ ужаса,что и онъ, Артемъ, „ажъ заплакавъ“.

Конечно, тутъ, быть можетъ, была поэтическая вольность въ разсказѣ, каковыми Артемъ всегда любилъ украшать свои повѣствованія. Но надо ему отдать справедливость, что разсказывалъ онъ очень колоритно и рельефно.

По мѣрѣ того, какъ растетъ количество выпитыхъ чарокъ, бесѣда все оживляется и переходитъ въ громкій гулъ смѣшанныхъ голосовъ, силящихся перекричать другъ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и взаимная нѣжность. — „Титка Марія“, „дядька Петро“, „кума“, „кумъ“ раздаются кругомъ нѣжныя обращенія, полныя выраженія беззатвѣтной любви и сопровождаемыя звонкими поцѣлуями.

А бабы, совсѣмъ осоловѣвъ, уже затянули пѣсни, каждая свою. Сергѣй уже безъ всякаго стыда и страха присосѣдился къ Горпинѣ, которой безпрерывно повторяетъ одно и то же своимъ

пьянымъ заплетающимся языкомъ: „Ей же ей не боюсь ея, шельмы. Вотъ те крестъ. Вотъ такъ за ноги возьму—и пополамъ“. И онъ, приподнявшись, дѣлаетъ такое движеніе, будто что-то разрываетъ на части. Но ноги служатъ ему плохой опорой, и онъ падаетъ на скамью.

— Дядька Артемъ, дядька Артемъ,—раздаются на всѣ лады голоса мужчинъ и женщинъ.—А ну заспивайте „Байду“. Та ей Богу же спивайте. — Артемъ долго церемонится. Гдѣ ему старику пѣть. Но наконецъ онъ беретъ въ руки чарку, набожно креститъ грудь и, сказавъ: „Будемте здоровы“, выпиваетъ ее залпомъ. Потомъ, вытерши губы рукавомъ и концомъ полы отъ свитки, начинаетъ торжественно своимъ хриплымъ и разбитымъ голосомъ, еще сохранившимъ кое-какіе остатки, въ среднемъ тембрѣ, молодецкую пѣснь:

Ой пье Байда
Медъ горило-очку,
Тай не день, не два,
Тай не одну ночку,
Тай не день, не два-а-а-а.
Тай не одну но-о-очку.
Пришевъ до Байды
Султанъ туре-ецкій.
Що ты робишь, Байда,
Байда молодецкій.
Годи тобі-и, Байду. кова-аты.
Сватай мою дочку
Та иды царюваты. И т. д.

Несмотря на свой старческій голосъ, Артемъ эту пѣсню поетъ хорошо, съ вдохновеніемъ. Образъ Байды, пьющаго такъ много „горилочки“, его воодушевляетъ, и свое воодушевленіе онъ передаетъ публикѣ; это, впрочемъ, единственная пѣснь, которую онъ еще поетъ, и то только въ торжественныхъ случаяхъ.

Спиртные пары все больше отуманиваютъ головы. Горпина, сильно взволнованная, вдругъ начинаетъ лить слезы и исповѣдываться. Старый Перецъ плюетъ ей прямо въ лицо и сердито бормочетъ, „Та годи тобі, стерво“. Но она не унимается и продолжаетъ

лить слезы раскаянія, пока растроганный Сергѣй не уведетъ ее изъ избы. Фроська, напротивъ того, вся горитъ веселостью и такъ и рвется пуститься въ плясъ. Словомъ все сливается въ какой то шумный потокъ, гдѣ катятся и пѣснь, и плачь, и ругань, и нѣжныя объясненія и т. д. и т. д.

Только одинъ Велизарій сидитъ молча, глядитъ на всѣхъ добродушно, но глупо и безсмысленно влажными и пьяными глазами и такъ же глупо улыбается. Онъ пить не можетъ, и послѣ второй, третьей рюмки уже готовъ и превращается въ истуканъ. И такъ компанія просиживаетъ цѣлый день, а иногда и до поздней ночи, и не помогаетъ даже то, что братъ ихъ гонитъ домой нѣсколько разъ. Люди чувствуютъ себя, какъ въ осажденной крѣпости, и имъ хочется быть всѣмъ вмѣстѣ и не разлучаться.

У насъ все идетъ въ обычномъ порядкѣ. Но и мы жмемся ближе другъ къ другу. Зисель уходитъ въ шинокъ только тогда, когда ее зовутъ дать водку, и все время сидитъ съ чулкомъ за столомъ, за которымъ сидитъ братъ.

Мы всѣ забрались на печку и Ривка съ нами. Какъ старшая, она рѣдко удостаиваетъ насъ своей компаніи, хотя очень любитъ иногда пускаться со мною въ разсужденія, если мы не въ ссорѣ, что довольно рѣдко случается. У нея тоже чулокъ въ рукахъ и временами она начинаетъ считать „очки“, и тогда очень сердится, если ей мѣшаютъ, ибо она путается въ счетѣ.

— Можно уже, я думаю, спускать пяту,—обращается она къ Зисель, съ своего мѣста показывая ей чулокъ. И потомъ она опять продолжаетъ бесѣду.

Какъ хорошо болтать подъ вой вьюги, когда такъ тепло и уютно! О какіе сладостные часы переживали мы въ нашей дѣтской бесѣдѣ. Вотъ рванетъ вѣтеръ такъ, что весь домикъ вздрагиваетъ, въ трубѣ безпрерывно прыгаютъ и постукиваютъ вьюшки. Кажется слышишь тысячи жалобныхъ голосовъ въ этомъ страшномъ и величаво могучемъ воѣ вьюги; и такое огромное, сильное чувство охватываетъ тебя всего, и такъ жутко, и такъ невыразимо хорошо. А вотъ у меня вдругъ въ

головѣ пронеслась мелодія, принесенная мнѣ этой именно вьюгой. Что это такое! Ахъ да! это изъ יום כפור קטן [1]) Какая дивная мелодія! Вотъ и слова слышатся вмѣстѣ съ мелодіей: [2])

מנהג בית דינך הצדק לא כמנהג בית דינין של בני אדם.

Почему же я это вдругъ это вспомнилъ теперь,—начинаю я ломать голову. Предо мною вдругъ встаетъ живая картина. Пинхосъ и Янкеле, сынъ моего ребе ребъ Дувида, сидятъ въ кухнѣ за столомъ. Мы всѣ забрались на почти уже остывшую печку, гдѣ все же теплѣе, чѣмъ въ нетопленной комнатѣ. На дворѣ воетъ вьюга, черезъ стѣнныя щели пробивается снѣгъ, который наполнилъ цѣлый уголъ, уложившись красивыми мелкими блестящими складками. Янкеле поетъ этотъ самый רבונו של עולם, каждый звукъ котораго Пинхосъ словно глотаетъ съ жадностью и восторгомъ. И всѣ мы замерли, слушая эту молитву. А у матери катятся крупныя слезы по изнеможденному лицу. И эта картина, и это пѣніе со словами медленной процессіей проходятъ въ моемъ воображеніи въ то время, какъ я тутъ болтаю и слушаю болтовню другихъ.

Разговорились мы о волкахъ, которыхъ вой слышится словно въ этой завывающей вьюгѣ. Кромѣ того, Наташа разсказывала, что она этой ночью слышала вой волковъ очень близко. Ямщики тоже разсказывали, что лошади въ конюшнѣ безпокойно храпѣли, почуявъ ихъ близость. Когда выпадаетъ снѣгъ, они ничего не могутъ находить въ полѣ и, мучимые голодомъ, подходятъ близко къ жильямъ, объяснила Наташа. И это я уже слышалъ также отъ другихъ. Словомъ, мы погружены въ бесѣду о волкахъ. И такъ жутко и такъ хорошо.

— А знаешь, что разсказывалъ Гришка (это кучеръ упра-

---

[1]) Каждый канунъ новомѣсячія называется יום כפור קטן (маленькій Іомъ-Кипуръ) и для этого дня установлено спеціальное служеніе съ особенными, очень трогательными молитвами, читаемыми въ сумерки, передъ Минхе. Благочестивые люди постятся въ этотъ день.

[2]) Законы Твоего справедливаго суда не то, что законы суда людского.

вляющаго, о которомъ скоро будетъ рѣчь),—говоритъ мнѣ Ривка, очень теперь ко мнѣ расположенная.—А вотъ я тебѣ разскажу. Ты что-то услышишь.

— Я уже знаю, уже слышала сотни разъ,—заявляетъ Малка очень недовольная.

— Ну, такъ иди къ Перчихѣ (къ Горпинѣ-злючкѣ),—замѣчаетъ ей Майка, у которой глазки заблестѣли отъ восторга и нетерпѣнія.

— Она уже слышала. Очень важно, что она уже слышала.

Ривка, высморкавшись въ конецъ юбки и вытерши углы рта, начинаетъ:

— Разъ къ генералу въ экономію пріѣхалъ другой генералъ, его добрый пріятель, съ двумя дочерьми. Погостили они что-то съ недѣлю или больше, чортъ ихъ тамъ знаетъ, и потомъ уѣхали. Гришка ихъ и возилъ домой. Выѣхали очень рано утромъ. А туда, т. е. до деревни, гдѣ жилъ этотъ пріѣзжій генералъ, было верстъ шестьдесятъ. Какъ только выѣхали, началась страшная вьюга, такая, что ничего не стало видно. Гришка не много струсилъ, боится заблудиться —и говоритъ, что надо бы воротиться. А генералъ кричитъ: „Пошелъ впередъ, дуракъ!"—и сердито такъ кричитъ. А дороги уже слѣда нѣтъ. Всю занесло. Вотъ ѣдутъ и ѣдутъ безъ конца. Хотѣли уже бы теперь возвратиться, такъ уже и не знаешь, куда повернуть, и ѣдутъ они все дальше и дальше. Уже кони выбились изъ силъ, ибо они на колесахъ, понимаешь. Что тутъ имъ дѣлать. А тутъ еще такой холодъ, что выдержать нельзя. Такъ окоченѣли барышни, что плачутъ. Уже кони по животъ ходятъ въ снѣгу, а впереди стоятъ будто цѣлыя горы. Скоро нельзя будетъ двинуться впередъ. Вотъ генералъ всталъ на телѣгѣ и смотритъ кругомъ, не увидитъ ли онъ чего-нибудь. Смотритъ, смотритъ—вдругъ видитъ онъ недалеко изъ-подъ снѣга торчитъ верхушка длинной-длинной крыши. Они ужасно обрадовились, думали что домъ—и поѣхали туда. Подъѣзжаютъ, а это оказывается кошара, куда загоняютъ овецъ: „нехай будетъ кошара, лишь бы укрыться отъ снѣга и вѣтра". Только объѣзжаютъ кругомъ, а входа нигдѣ нѣтъ. Заваленъ, понимаешь, снѣгомъ. А входъ въ кошарахъ всегда низкій. Вотъ генералъ вскарабкался наверхъ,

на крышу значитъ, чтобы посмотрѣть, нельзя ли гдѣ пролѣзть. А генералъ былъ полный, толстый. Полѣзъ онъ по крышѣ—и вдругъ пуцъ туда. Упалъ значитъ, въ кошару. Дочери закричали, заплакали. Но это еще не все. Вдругъ слышенъ страшный лай собакъ, да такой, что волосы дыбомъ становятся на головѣ. А потомъ страшные крики генерала и будто выстрѣлъ. Соскочили барышни и Гришка, пробили дыру въ камышѣ, чтобы войти, и вдругъ видятъ, что волки волочатъ генерала по землѣ, и уже вся шуба на немъ изорвана, и онъ блѣдный, какъ смерть, съ окровавленнымъ лицомъ, кричитъ не своимъ голосомъ: „Ратуйте!“ Догадался вдругъ Гришка, выхватилъ быстро изъ голенища кисетъ съ кресаломъ, кремнемъ и губкой и сталъ выбивать огонь. А какъ уже загорѣлась губка, схватилъ пригоршню соломы, зажегъ ее и бросилъ туда. Волки въ одно мгновенія ока какъ пустились бѣжать, такъ слѣда ихъ не осталось. Обыскали потомъ всю кошару, перерыли всю солому, нигдѣ нѣтъ больше ни одного. А кошара эта понимаешь, была оставленная, овецъ не было. Волки и забрались туда.

— А что генералъ?—спрашиваю я съ нетерпѣніемъ.

— Генералъ?—отвѣчаетъ вопросомъ Ривка.—Генералъ ничего. Чортъ его не взялъ. Только одежду на немъ сильно изорвали, да лицо поцарапали и немного руки искусали. Онъ такъ былъ одѣтъ, что волки не могли добраться до голаго тѣла. Но все-таки онъ долго лежалъ безъ чувствъ, пока ему не дали какихъ-то капель. У нихъ все было. Цѣлый „креденцъ“ возили съ собою съ бутылочками и стаканчиками.

— А кто выстрѣлилъ изъ револьвера? — перебиваю я Ривку.

— Кто выстрѣлилъ?—отвѣчаетъ она нетерпѣливо.—Уже разумѣется не волки выстрѣлили, а генералъ. Только не хорошо выстрѣлилъ, огня не было, а то волки разбѣжались бы. Ухъ какъ они боятся огня!

И она продолжаетъ свой разсказъ.

Потомъ Гришка нашелъ ходъ, очистилъ отъ снѣга и завезли туда лошадей и карету. Соломы было много, и они настлали соломы и

усѣлись, какъ на essebett [1]). И тепло имъ было. Тамъ и ночевали. Вечеромъ зажгли огонь и грѣлись. А кушать у нихъ было довольно. Имъ надавали столько, что на десять дней могло бы хватить. И Гришку кормили изъ того, что у нихъ было. Никогда онъ такого не ѣлъ. Ночью вьюга перестала и даже луна засвѣтила. И когда стало свѣтать, они пустились въ путь. Только дороги никакой не видно было, и ѣхали куда глаза глядятъ. Только когда уже стало темнѣть, вдругъ услышали лай собакъ и запахъ дыма. Они и пустились туда. А это и была деревня генерала. Вотъ они обрадовались! А Гришкѣ цѣлый рубль дали на водку. Онъ вѣдь спасъ генералу жизнь. Самъ Гришка все разсказывалъ.

Только тотъ, кто пережилъ нѣчто подобное, можетъ кое-какъ себѣ представить, что значитъ слушать подобный разсказъ подъ аккомпаниментъ свиста и свирѣпаго воя вьюги, когда кругомъ тебя одна только необозримая снѣжная мгла.

Вотъ съ тонкимъ свистомъ отворилась дверь, и на порогѣ появились Владиміръ съ Наташей. Онъ въ своемъ черномъ потертомъ пальто, накинутомъ на плечи и съ поднятымъ воротникомъ; она въ своемъ неизмѣнномъ коричневомъ платьѣ, всегда чистенькомъ, и толстой сѣрой шали, которая мнѣ такъ знакома и которой большія клѣтки я такъ ясно теперь вижу передъ собою, даже словно ощущаю мягкую теплоту этой шали... Ихъ встрѣчаютъ очень привѣтливо. Владиміръ усаживается на диванѣ около брата, который закрываетъ тогда открытую передъ нимъ книгу. Наташа усаживается на лежанкѣ около Зисель, у которой на лицѣ появляется сладкая, подобострастная улыбка. Даже глаза маслятся отъ привѣтливости и блаженнаго чувства, а на щекахъ появились два красныхъ пятнышка—отъ радостнаго волненія. Такое выраженіе принимала она всегда при появленіи постороннихъ. И это-то выраженіе было мнѣ особенно ненавистно, ибо оно казалось мнѣ фальшивымъ, а для меня не было ничего ненавистнѣе и противнѣе фальшивой сладости. Когда человѣкъ тебѣ сдѣлалъ и продолжаетъ дѣлать много зла, то ненависть къ нему заслоняетъ

[1]) Такъ называется ложе, на которомъ возсѣдаютъ къ седеру въ пасхальный вечеръ.

передъ тобою всѣ его хорошія качества и чувства, которыхъ существованіе ты никоимъ образомъ не въ силахъ допустить даже, и всѣ его проявленія доброты и привѣтливости ужъ навѣрное должны вамъ казаться одной фальшью. Я поэтому, очень можетъ быть, былъ несправедливъ къ бѣдной Зисель. Но я ее, какъ и всѣхъ прочихъ, могу рисовать только такою, какою она мнѣ представлялась, и врядъ ли кто можетъ рисовать иначе, не впадая въ ложь и искусственность...

Зисель не имѣетъ особенныхъ основаній любить Наташу, которая за глазами ее двадцать разъ въ день называетъ паршивой и грязной жидовкой, и навѣрное теперь, прежде чѣмъ пойти къ ней, проклинала мужа, ее, себя и судьбу, загнавшую ее въ такую глушь, гдѣ отъ скуки вынуждена якшаться съ ненавистными жидами. Зисель это превосходно знаетъ и не иначе ее называетъ, какъ „Гументэ", т. е. женскій Гаманъ, хотя это прозвище ей не вполнѣ соотвѣтствуетъ. Наташа вообще неровная натура, состоящая изъ однихъ капризовъ и внезапныхъ чувствъ. Она не можетъ ни долго любить, ни долго ненавидѣть. Къ „жидамъ" она, конечно, питаетъ органическую ненависть. Но на роль Гамана она не способна. Жестокости у нея нѣтъ никакой, кромѣ частой жестокости къ мужу, котораго основательно терзаетъ временами. Но это дѣлаютъ и добрѣйшія существа. Наташа про чувства къ ней Зисель тоже знаетъ, конечно; ее на этотъ счетъ не обманешь. Женщину легко можетъ обмануть мужчина, но не другая женщина. Но Наташа теперь тоже мило и привѣтливо улыбается, и между обѣими женщинами на лежанкѣ идетъ очень дружеская бесѣда. И звонче всѣхъ раздается очаровательный голосъ Наташи, говорящей нѣсколько въ носъ, что ей очень идетъ. И обѣ женщины въ данный моментъ очень искренни въ своихъ дружескихъ проявленіяхъ, и каждая изъ нихъ, глядя на столь привѣтливо улыбающееся [illegible]о своей сосѣдки, думаетъ навѣрное: „право же, очень милая. [illegible]ошая женщина". И съ каждымъ бѣшенымъ порывомъ завы[illegible]щей вьюги бесѣда становится интимнѣе и сердечнѣе, хотя [illegible]рятъ о пустякахъ, о кислыхъ огурцахъ, о бѣльѣ, о томъ, какъ

Горпина его испачкала въ послѣдней стиркѣ, и о томъ, что печка вдругъ стала дымить.

Тамъ, между братомъ и Владиміромъ, тоже происходитъ дружеская бесѣда, только на болѣе серьезную тему. Владиміръ горячится и даже начинаетъ ходить по комнатѣ, въ большомъ волненіи, но любезная улыбка не сходитъ съ его устъ. Вотъ онъ опять присѣлъ, но уже не на диванѣ, а по ту сторону стола, на сундукъ, противъ брата и споръ продолжается, все воспламеняясь. Очевидно задѣтъ религіозный вопросъ, и братъ, по своему обыкновенію, очень откровененъ въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ основнымъ догматамъ христіанства. Владиміръ же глубоко вѣрующій католикъ. При томъ его особенно волнуетъ то, что такія вольности позволяетъ себѣ „жидъ".

А вьюга воетъ все порывистѣе и бѣшенѣе, и сухой снѣгъ, словно кѣмъ-то швыряемый крупный песокъ, ударяетъ каждый разъ въ дребезжащія окна.

Вотъ Ривка принесла самоваръ, и комната дѣлается вдругъ еще уютнѣе, теплѣе. Отъ Наташи приносятъ ея два стакана, тяжелые, многогранные, съ потускнѣлымъ стекломъ и несмываемыми пятнами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

— Это еще отъ бабушки,—поясняетъ Наташа. Зисель даетъ совѣты, какъ имъ возвратить первоначальный блескъ: наполнить ихъ густо разведенной въ водѣ золою и такъ держать нѣсколько дней.

Всѣ старшіе усаживаются вокругъ стола. Религіозный диспутъ оставленъ, и бесѣда становится интимнѣе, сердечнѣе за стаканомъ чая.

А изъ шинка доносится плаксивый голосъ Горпины, которая совсѣмъ расчувствовалась и „сердэшно" напѣваетъ съ длинными паузами между каждымъ словомъ:

Е у мене роды-но-оочко
Далеко видъ ме-е-ене;
Кажуть люди, що го-во-оорятъ,
Цураются ме-е-не.

Временами пѣснь прерывается и слышенъ глухой гулъ смѣшанныхъ голосовъ.

Вотъ дверь отворяется, и на порогѣ, почтительно снявъ шапку, появляется Петро.

— Што скажешь, Петро?—спрашиваетъ его мягко братъ. Петро не отвѣчаетъ, а опускаетъ стыдливо глаза, словно виноватый.

Зисель отлично понимаетъ, въ чемъ дѣло, и заявляетъ рѣшительно:—Водки еще хочешь?

— Дайте, будьте ласковы, еще одинъ крючекъ, —тихо, словно стыдясь, говоритъ Петро.

— А сколько уже взялъ?—спрашиваетъ братъ.

— Два крючка,—отвѣчаетъ Петро, все не поднимая глазъ и медленно вертя свою потрепанную овчинную шапку въ рукахъ.

— Будетъ съ тебя. Пропьешь все жалованье, а потомъ чѣмъ будешь жить?—укоризненно говоритъ ему братъ.—Вотъ ты на сапоги просилъ. Такъ ты раньше сапоги справь. Ты и такъ уже набралъ много.

— Ей Богу, больше не возьму. Только вотъ еще одинъ крючекъ. Вотъ побожусь.—И онъ начинаетъ креститься.

Зисель, которая въ этомъ отношеніи очень снисходительна, спѣшитъ отправить Ривку въ шинокъ, чтобы дать Петру просимый „крючекъ“.

Черезъ минутъ десять, шатаясь, еле выговаривая слово, является Сергѣй съ такой же просьбой. Но онъ проситъ не крючекъ, а цѣлую кварту. Ему отказываютъ рѣшительно. Постоявъ минутъ пять безрезультатно, онъ медленно уходитъ. Но минутъ черезъ пять является опять съ той же просьбою. Зисель уже колеблется и начинаетъ убѣждать брата полу по древне-еврейски, что нужно ему „нойсененъ“ (дать), лишь бы онъ „гойлехъ“ (ушелъ). Въ эту минуту вбѣгаетъ жена Сергѣя и, обращаясь къ брату, съ горькимъ визгливымъ плачемъ проситъ, чтобы ни за что ему водки болѣе не отпускали. Сергѣй опять уходитъ съ пустыми руками, злобно глядя на Фроську.

Минуты черезъ двѣ изъ шинка доносится пронзительный женскій крикъ. Всѣ мы бросаемся туда,—это Сергѣй накинулся на

жену за то, что по ея винѣ онъ не получилъ водки. У бѣдной Фроськи все лицо залито кровью, и она визгливо плачетъ, громко причитывая. Братъ строго приказываетъ всѣмъ разойтись, и они послушно расходятся. Передъ самымъ уходомъ, когда уже всѣ мужчины очутились на дворѣ, Фроська яростно вцѣпляется въ волосы Горпины, крича не своимъ голосомъ: „Все изъ-за тебя, шкура ты подлая!.. Погибели на тебя нѣтъ, стерва ты!“ А Горпина, даже не отбиваясь, плаксиво повторяетъ, глядя на всѣхъ, невинный вопросъ: „И за що вона мене бідную бье. Чи я жъ ее зачипаю.“

И она въ самомъ дѣлѣ никогда не „зачипала“.

Наступили сумерки. Братъ встаетъ, идетъ умывать руки и, удалившись въ уголъ, совершаетъ молитву. Въ комнатѣ на время все умолкаетъ, и только слышенъ завывающій и жалобный свистъ бури. Тьма сгустилась и въ глубинѣ только синѣютъ засыпанныя снѣгомъ окна. Мы еще тѣснѣе жмемся другъ къ другу и тихо перешептываемся. Вотъ Зисель потерла спичку о горячую печку и зажгла свѣчу. Беръ закрываетъ ставни, и потомъ опять продолжается бесѣда и чаепитіе.

Такъ сидятъ еще часа два. Вотъ въ сѣняхъ послышались тяжелые шаги. Отворяется дверь и на порогѣ появляется весь засыпанный снѣгомъ Велизаръ.

— Штафетъ прискочивъ,—заявляетъ онъ и весь краснѣетъ. Онъ еще не отрезвился.

— Эстафета въ такую погоду!—съ досадой восклицаетъ Владиміръ и начинаетъ прощаться. Накинувъ медленно пальто, онъ нехотя уходитъ. Съ нимъ вмѣстѣ уходитъ и Наташа, дружески и сердечно попрощавшись со всѣми.

— А завтра ко мнѣ на чай,—говоритъ она уже въ сѣняхъ, повернувъ обратно свое лицо съ такою милою улыбкою.

Наступаетъ какая-то пустота, и даже кажется, будто въ комнатѣ холоднѣе стало. Братъ нѣсколько минутъ ходитъ по комнатѣ; потомъ усаживается за фоліантъ. Мы скоро засыпаемъ, какъ сидимъ на печкѣ, прижавшись другъ къ другу.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Бенъ-Ами.

Проблема страданія у древнихъ евреевъ.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Эволюція еврейскаго пророчества отъ Амоса до Исаіи.

I.

Пророчество Амоса нашло послѣдователей и въ Израилѣ. Единственный израильскій пророкъ, о которомъ сохранилась память [1]) и литературныя произведенія котораго дошли до насъ, есть Осія. Начало пророчества Осіи относится еще ко времени царствованія Іеробеама II. Въ этотъ періодъ своего пророчества Осія идетъ всецѣло по стопамъ своего великаго предшественника, Амоса. Вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ старается провести рѣзкую грань между своею дѣятельностью и дѣятельностью прежнихъ „набиимъ“ Іеговы. Онъ съ самаго же начала своего пророчества осуждаетъ отъ имени Іеговы заговоръ, устроенный пророкомъ Елисѣемъ въ союзѣ съ родоначальникомъ династіи Нимсидовъ, Іегу; онъ возмущенъ кровопролитіемъ, которое было совершенно тогда во имя Іеговы. „И сказалъ мнѣ Іегова, говоритъ Осія, вскорѣ я отомщу династіи Іегу за пролитую кровь въ долинѣ Изреель“ (1, 4). Въ этой именно долинѣ Іегу истребилъ весь домъ прежней династіи Омри.

Все значеніе Осіи въ эволюціи еврейскаго пророчества заключа[illegible]мъ образомъ въ томъ, что онъ въ удачномъ образѣ с[illegible]ъ отношеніе Іеговы къ Израилю, какъ оно выте-

[illegible]я пророчества тогдашнихъ израильскихъ пророковъ [illegible]въ позднѣйшихъ пророковъ, какъ Захарія гл. 9—11. [illegible] и др.

каетъ изъ новаго пророчества Амоса. Онъ сравниваетъ 1) союзъ Іеговы съ Израилемъ съ супружескимъ союзомъ. Іегова супругъ Израиля. Прегрѣшенія Израиля онъ изображаетъ въ видѣ нарушенія супружеской вѣрности со стороны Израиля по отношенію къ Іеговѣ. Іегова долженъ наказывать свою преступную жену. Это наказаніе будетъ состоять въ томъ, что Израиль будетъ лишенъ своей самостоятельной государственной жизни, которую предоставилъ ему Іегова въ знакъ своей любви. Въ этомъ состоитъ смыслъ надвигающихся событій, приближенія Ассиріи. Ассирія уничтожитъ династію Нимсидовъ, лишитъ Израиля самостоятельной политической жизни и всѣхъ культурныхъ благъ. Израиль превратится въ прежнюю дикую, некультурную пустыню. „Боритесь съ вашею матерью, боритесь"—обращается Осія отъ имени Іеговы къ аллегорическимъ дѣтямъ Израиля—„потому что она уже больше не моя жена, и я—не ея мужъ, пусть она удалитъ блудъ со своего лица и развратъ изъ своихъ грудей. Какъ бы я не раздѣлъ ея до нага и не поставилъ ея какъ въ день ея рожденія, я не превратилъ ея въ пустыню, какъ бы она не стала подобной степи и не умерла отъ жажды. Не сжалюсь я надъ ея дѣтьми, ибо блудныя дѣти они" (2, 4—8). „Израильтяне будутъ долгіе годы жить безъ царя, безъ князей, безъ жертвъ и алтаря, безъ святилищъ" (3, 4).

Іегова продолжаетъ однако любить свою преступную жену, Израиля, и вслѣдъ за днями разлуки и наказанія послѣдуютъ дни примиренія и утѣшенія. Страданія Израиля предназначены только для того, чтобы первоначальная любовь между Іеговою и Израилемъ могла быть опять возстановлена. „Вотъ я ее привлеку къ себѣ и уведу въ пустыню и буду тамъ ей говорить по душѣ. И дамъ я ей оттуда ея виноградники, и запоетъ она оттуда какъ въ дни ея молодости, въ дни исхода ея изъ Египта. И соединюсь я тогда съ тобою навѣки и соединюсь я съ тобою въ справедливости и правосудіи, узами любви и милосердія" (2, 16, 17, 21). „Сыны Израиля вернутся обратно и будутъ они искать Іегову ихъ Бога и царя ихъ Давида" (3, 5).

Мы видимъ, что Осія [1]) въ этомъ періодѣ своей дѣятель-

---

[1]) Многіе, даже новѣйшіе изслѣдователи, какъ Ewald, Nowack, Wellhausen, считаютъ разсказъ Осіи объ измѣнѣ его жены не аллегоріею, а дѣйствительнымъ событіемъ. Это стоитъ въ связи съ ихъ отрицаніемъ мессіанскихъ идей у Амоса. Моментъ любви явился, по ихъ мнѣнію, въ древне-еврейскомъ пророчествѣ, только благодаря личному переживанію Осіи. Мы считаемъ однако невѣроятнымъ предположеніе, чтобы мессіанскія идеи, проходящія красною нитью

ности ничего не прибавляетъ къ тому, что уже было высказано Амосомъ. Онъ тоже надѣется, что съ потерею своей политической самостоятельности Израиль присоединится къ Іудеѣ, и „падающая куща“ Давида будетъ опять возстановлена. Въ лишеніи его самостоятельности и въ полномъ опустошеніи, которое будетъ произведено нашествіемъ Ассиріи, совершится наказаніе Іеговою своего любимаго Израиля. Эти страданія приведутъ къ возстановленію царства справедливости во Израилѣ. Іегова, богъ грозы и войнъ, вернется опять тогда къ нему, онъ дастъ Израилю „свой дождь во время“, и уничтожитъ передъ нимъ его враговъ. Наступитъ роскошный расцвѣтъ природы и окончательное торжество Израиля.

Въ слѣдующемъ періодѣ своей дѣятельности Осія уже не пророчествуетъ; онъ не предсказываетъ больше будущихъ событій, а старается разобраться въ смыслѣ и причинахъ бѣдствій, разразившихся такъ внезапно надъ Израилемъ. Печальная дѣйствительность со всѣми ея ужасами превзошла всѣ его ожиданія, и онъ до того подавленъ событіями, что онъ совершенно растерялся и не могъ дать яснаго удовлетворительнаго отвѣта на волновавшій его вопросъ, отчего пала „гордость Израиля и величіе Якова“. Онъ почти въ каждой главѣ (начиная съ четвертой [1]) повторяется и больше описываетъ современные ему ужасы, чѣмъ возвышается до ихъ пониманія, до ихъ объясненія. Послѣднее свое утѣшеніе Осія находитъ въ любви и милосердіи Іеговы, которое вдругъ незаслуженно разольется на Израиля.

Дѣйствительно, „въ Израилѣ творилось ужасное, что-то невѣроятное совершалось“ тогда. Опасность со стороны Ассиріи стала наконецъ всѣмъ очевидною и не надо было больше быть пророкомъ, чтобы чувствовать ее. Но вмѣсто того, чтобы сплотить всѣ

во всемъ древне-еврейскомъ пророчествѣ были обязаны своимъ происхожденіемъ случайному, личному переживанію одного пророка. А что мессіанскія идеи базируютъ на *любви* Іеговы къ Израилю, это мы доказали въ предыдущей статьѣ.

[1]) Нѣкоторые приписываютъ Осіи гл. 4 — 13 другому автору. Ср.: Graetz. II S. 439. До того эта часть отличается отъ первыхъ трехъ главъ. Языкъ во второй части смутный, сбивчивый, ни одинъ образъ не развитъ, не доведенъ до конца. Всюду чувствуется, что авторъ слишкомъ сильно переживаетъ эти событія, чтобы быть въ состояніи хладнокровно говорить о нихъ. Это можетъ служить веснымъ доказательствомъ, что первыя три главы, которыя отличаются такимъ яснымъ изложеніемъ, представляютъ собою аллегорію, а не дѣйствительное переживаніе.

силы народа на борьбу съ нею, эта опасность привела къ полному разложенію всего израильскаго государства. Начались внутренніе раздоры и смуты, непрерывныя междоусобныя войны, одна провинція возставала противъ другой, выставляя своего претендента на престолъ—и революція слѣдовала за революціею.

Вообще въ это время наибольшей внѣшней опасности сказалась вся неудовлетворительность государственной организаціи израильскаго царства. Израильскій царь не пользовался легитимными правами, какъ это было въ Іудеѣ; ни одна династія не пользовалась любовью народа въ такой степени, чтобы послѣдній готовъ былъ защищать законнаго наслѣдника отъ притязанія другихъ претендентовъ. Царь исключительно зависѣлъ отъ военной партіи, которая назначала царей по своему усмотрѣнію. Израильское же войско, которое сначала состояло изъ всѣхъ мужчинъ „способныхъ носить оружіе", стало современемъ съ усложненіемъ военной техники, съ замѣною прежняго копья и меча лукомъ и стрѣлою, съ появленіемъ колесницъ, лошадей, съ устройствомъ крѣпостей,—спеціализироваться. Ядро израильскаго войска состояло уже ко времени Ахава изъ профессіональныхъ воиновъ, которые вербовались изъ высшихъ классовъ, изъ „дѣтей провинціальныхъ префектовъ" (1 Ц. 20, 14, 15). Это обособившееся военное сословіе получаетъ современемъ исключительное господство въ израильскомъ царствѣ. Цари находятся въ полной зависимости отъ него. Этимъ объясняются частыя революціи въ этомъ царствѣ, гдѣ ни одна династія не имѣла больше четырехъ потомковъ. Каждый военачальникъ, который могъ разсчитывать на поддержку въ войскѣ, становился опаснымъ претендентомъ на престолъ.

Эта зависимость царя отъ военной партіи въ особенности сильно проявлялась въ моменты внѣшней опасности, когда вся судьба государства зависѣла отъ той или иной внѣшней политики. Военная партія, недовольная политикою царя, спѣшила замѣнить его другимъ, который преслѣдовалъ противоположную политику. Такимъ образомъ моменты, когда государство въ особенности сильно нуждалось въ постоянной послѣдовательной политикѣ, являлись всегда моментами заговоровъ, междоусобной борьбы, безпрестанныхъ смѣнъ династіи, кровопролитныхъ революцій и т. д. Такъ, не успѣлъ сынъ Іеробеама II, Захарія, процарствовать и 6-ти мѣсяцевъ, какъ онъ былъ низвергнутъ съ престола нѣкіимъ Шалумомъ изъ Іабеса. Но и этотъ не продержался долго. Прежняя столица Израиля, Тырца, выставила своего претендента, Менахема сына Гада. Началась междоусобная

война между приверженцами Шалума, жителями Самаріи и окрестныхъ мѣстностей. и между сторонниками Менахема. Послѣ жестокихъ кровопролитій, разрушенія многихъ крѣпостей, Менахему удалось захватить престолъ.

Этотъ Менахемъ былъ до того непопуляренъ среди населенія Самаріи и чувствовалъ себя такъ непрочно на своемъ престолѣ, что при первомъ нашествіи Ассиріи онъ не только не выступилъ противъ нея со своимъ войскомъ, но, наоборотъ, поспѣшилъ дать ассирійскому царю, Фулу, огромный выкупъ, въ 1.000 талантовъ серебра, чтобы послѣдній „упрочилъ престолъ въ его рукахъ". Уплату этого налога онъ возложилъ на все войско. Режимомъ Менахема какъ видно остались всѣ недовольны, хотя заговоръ былъ устроенъ только послѣ его смерти при царствованіи его сына Пекаха. Заговоръ былъ устроенъ подъ предводительствомъ его адъютанта, тоже по имени Пекахъ, который и захватилъ потомъ престолъ. Этотъ Пекахъ преслѣдовалъ политику, какъ разъ обратную политикѣ своего предшественника. Онъ искалъ союза съ Египтомъ, надѣясь при его помощи сбросить съ себя власть Ассиріи. Затѣмъ онъ въ союзѣ съ сирійскимъ царемъ, Ресиномъ, рѣшилъ завоевать Іудею и раздѣлить ее между собою, какъ бы желая на западной границѣ вознаградить себя за вынужденныя потери на восточной. Это вызвало однако соединеніе Іудеи съ Ассиріею, что оказалось роковымъ для всего израильскаго государства.

Къ этому времени относится второй періодъ пророчества Осіи. Его ужасаетъ вѣчная смѣна династій и измѣнчивая политика израильскихъ царей. Онъ возмущенъ этими непрестанными заговорами, убійствами, кровопролитіями; онъ указываетъ, къ какимъ плачевнымъ результатамъ должна неизбѣжно привести эта двойственная политика наружнаго подчиненія Ассиріи и заигрыванія съ Египтомъ. Онъ старается объяснить себѣ, отчего Іегова такъ отвернулся отъ Израиля. И онъ приходитъ къ заключенію, что израильтяне не заслуживаютъ его милости, что Іегова не можетъ [illegible] доволенъ ихъ культомъ, что то, что они называютъ служе- [illegible] Іеговѣ, жертвоприношенія и поклоненіе его изображеніямъ, [illegible] овсе не культъ Іеговы, а культъ низшихъ боговъ, культъ Ка- [illegible]нъ, культъ Ваала. „Слушайте это, священники, и замѣтьте, [illegible] Израиля, и внимайте, домъ царя,—говоритъ Осія:—надъ вами [illegible]о восторжествовать правосудіе, ибо западнею вы оказались

на Мицпѣ, распростертою сѣтью—на горахъ Табора. Вашими закланіями вы только углубляли эти сѣти, и потому я накажу васъ за всѣхъ. Я знаю Эфраима и не утаится отъ меня Израиль: въ развратѣ Эфраимъ и оскверненъ Израиль. Ихъ поступки не позволяютъ имъ вернуться къ ихъ Богу; духъ разврата ихъ обуялъ и Іеговы они вовсе не знаютъ. И пала гордость Израиля; изъ-за грѣховъ своихъ споткнулись Эфраимъ и Израиль. Своими коровами и овцами они ходятъ искать Іегову, но они его не найдутъ, отвернулся онъ отъ нихъ" (5, 1—6). Дальше: „Уничтоженъ Эфраимъ, сломленъ правосудіемъ! Какъ червь я Эфраиму, какъ моль я дому Іуды! Эфраимъ увидѣлъ свою болѣзнь, а Іуда—свою рану и пошелъ Эфраимъ къ Ассиріи и послалъ онъ (пословъ) въ Египетъ, но онъ не поможетъ вамъ и не излѣчитъ вашихъ ранъ. Потому что какъ левъ я Эфраиму, какъ молодой левъ я Іудѣ, я, и только я, разорву и уйду, я унесу (добычу) и никто не спасетъ отъ моихъ рукъ". „Пойдемъ и вернемся къ Іеговѣ", говорятъ израильтяне: „онъ насъ разорвалъ, но онъ насъ исцѣлитъ, онъ наносилъ намъ удары, но онъ и дастъ намъ свой цѣлительный бальзамъ. Въ два дня онъ насъ оживитъ, въ третій день онъ насъ возстановитъ, чтобы мы ожили для него. Дайте намъ познать Іегову. Какъ утренняя заря, онъ взойдетъ передъ нами; какъ дождь, онъ придетъ къ намъ, какъ лѣтній дождь, землю увлажающій". „Но что мнѣ тебѣ дѣлать, Эфраимъ", отвѣчаетъ Осія отъ имени Іеговы, „что я могу дѣлать тебѣ, Іуда, когда ваша справедливость преходяща, какъ утреннее облако, какъ роса утренняя—улетучивается она. Поэтому я уничтожаю васъ своими пророками, убиваю своими рѣчами, чтобы проявилось наружу правосудіе. Ибо справедливости хочу я, а не жертвъ, и познаніе Бога мнѣ дороже всякихъ „полныхъ [1]) жертвъ". А они поступаютъ со мною какъ съ человѣкомъ, нарушаютъ союзъ, измѣняютъ мнѣ. Галаадъ—городъ нечестивцевъ, наполненъ кровью". (Намекъ на заговоръ Пекаха, который былъ устроенъ при содѣйствіи галаадитянъ). „Какъ шайка разбойниковъ, добычу выжидающихъ, грабятъ священники, совершаютъ насилія. Въ домѣ Израиля я видѣлъ ужасное, въ развратѣ Эфраимъ, оскверненъ Израиль (6, 1—10). Они назначаютъ царей и не отъ меня, избираютъ князей безъ моего вѣдома, золото и серебро свое они употреб-

---

[1]) „Полными" называются жертвы, которыя исключительно посвящаются Іеговѣ, въ отличіе отъ другихъ жертвоприношеній, отъ которыхъ только незначительная часть предоставлялась Іеговѣ.

ляютъ на идолы. Оставь быка [1]) своего, Самарія, возгорѣлся противъ него гнѣвъ мой, покуда вы не можете очиститься".

„Въ дребезги разлетится быкъ Самаріи! (8, 4—6)... [2]). Эфраимъ растворится среди народовъ. Чужіе истощили его силы, сѣдина пробивается у него и онъ не замѣчаетъ. Па голубя глупого Эфраимъ похожь, непостояненъ онъ, зоветъ на помощь Египетъ, идетъ въ Ассирію" (7, 8, 9, 11). „Эфраимъ гонится за вѣтромъ, за безплоднымъ вѣтромъ, онъ множитъ ежедневно обманъ и вѣроломство, онъ заключаетъ союзъ съ Ассиріею и отправляетъ масло (т. е. подкупъ) въ Египетъ". „Какъ пѣна на поверхности воды исчезаютъ царіи Самаріи" (10, 7). „Гдѣ твой царь, отчего онъ тебѣ не помогаетъ?" „Въ гнѣвѣ я даю тебѣ царей и въ ярости я отнимаю ихъ отъ тебя! Муки роженицы наступаютъ, съумѣетъ ли Эфраимъ устоять при прохожденіи плода?"

Несмотря на всѣ современные ему ужасы, самъ Осія отвѣчаетъ утвердительно на послѣдній вопросъ. „Какъ я смогу отдать тебя, Эфраимъ, лишить тебя защиты, Израиль?" спрашиваетъ Осія отъ имени Іеговы: „повернулось во мнѣ сердце мое, возгорѣлась вся жалость моя. Не поступлю по ярости гнѣва моего, не буду больше истреблять Эфраима, потому что я—Богъ, а не человѣкъ, среди тебя святый и не уничтожу. Какъ роса я буду Израилю, какъ лилія расцвѣтетъ онъ, какъ кедръ Ливана распуститъ онъ свои корни. Широко развѣтвятся его вѣтви, какъ оливка будетъ онъ прекрасенъ, какъ кедръ Ливана будетъ его благоуханіе" (14, 6—7).

Осія такимъ образомъ и въ этомъ послѣднемъ періодѣ своего пророчества не вносить ничего новаго въ проблему страданія. Онъ продолжаетъ развивать идеи своего предшественника, Амоса, и только мессіанскія идеи у него ярче выступаютъ по мѣрѣ того, какъ окружающая его дѣйствительность покрывается все больше и больше мрачными красками. Его духовный горизонтъ не расширился за предѣлы тогдашней еврейской дѣйствительности, онъ не могъ поэтому возвыситься надъ нею и постигнуть смыслъ развертывавшихся передъ нимъ событій и соотвѣтственно этому воздѣйствовать на нихъ въ какомъ бы то ни было направленіи.

---

[1]) Іегова изображался у израильтянъ въ видѣ быка,—какъ воплощеніе силы.

[2]) Быкъ служитъ также изображеніемъ израильскаго царства. Т[illegible]едшей до насъ народной пѣснѣ, извѣстной подъ названіе Моисея", говорится слѣдующее про колѣно [illegible]о первородный быкъ прекрасенъ; рога его—рога буй[illegible]ъ народы бодаетъ: то—тысячи Ефраима, то—миріады [illegible]орозаконіе 33, 17).

II.

Полную противоположность въ этомъ отношеніи представляетъ собою іудейскій пророкъ, современникъ Осіи, царедворецъ Исаія. Приближеніе Ассиріи стало угрожать опасностью, въ особенности со времени ослабленія Израиля, и существованію Іудеи. Вмѣстѣ съ Амосомъ Исаія убѣжденъ, что причиною всѣхъ предстоящихъ событій является желаніе Іеговы наказать свой преступный народъ. Іегова возмущенъ несправедливостью, царящею въ Іудеѣ. Онъ обманутъ въ лучшихъ своихъ ожиданіяхъ. Многовѣковое существованіе іудейскаго и израильскаго государствъ не привело къ господству справедливости и правосудію. Всѣ идеалы человѣческаго общежитія грубо нарушаются въ этихъ царствахъ. Онъ сравниваетъ эти царства съ виноградникомъ. „У моего друга", (Іеговы) говоритъ Исаія, „былъ виноградникъ на благодатной почвѣ. Онъ огородилъ этотъ виноградникъ и высокою каменною стѣною окружилъ онъ его; прекрасныя лозы посадилъ онъ, и построилъ онъ внутри башню и вырылъ онъ погребъ для вина, но вмѣсто ожидаемаго винограда, виноградникъ принесъ ему дикія ягоды". Исаія обращается къ жителямъ Іерусалима и Іудеи, чтобы они разбирали между нимъ и виноградникомъ. Что онъ могъ еще дѣлать для своего виноградника и не дѣлалъ, отчего онъ такъ жестоко обманутъ въ своихъ надеждахъ. „И потому", говоритъ Исаія отъ имени Іеговы, „я вамъ скажу, что я сдѣлаю съ моимъ виноградникомъ. Я сорву его стѣну и онъ будетъ уничтоженъ, я разрушу его ограду и онъ будетъ растоптанъ. Въ пустыню я его превращу; лозы его не будутъ ни обрублены, ни обрѣзаны и облака не будутъ проливать свой дождь надъ нимъ. Виноградникъ Іеговы Саваоѳа—домъ Израиля, и радостнымъ растеніемъ его была Іудея. И надѣялся Іегова, что она (Іудея) будетъ оплотомъ правосудія и нашелъ всюду беззаконіе; онъ ожидалъ расцвѣта справедливости, а процвѣтаетъ насиліе" (Исаія 5, 1—7). Исаія перечисляетъ затѣмъ, подобно Амосу, въ цѣломъ рядѣ ритмически-звучныхъ, изящно-отдѣланныхъ строфъ всѣ грѣхи Іудеи передъ Іеговою: царящую несправедливость, угнетеніе бѣдныхъ, беззаконіе, распущенность нравовъ, близорукость и бездарность правящихъ классовъ. Наказаніе необходимо и оно наступитъ.

Исходная точка въ пророчествѣ Исаіи совпадаетъ такимъ образомъ съ пророчествомъ Амоса; но онъ идетъ дальше въ примѣненіи выводовъ этого пророчества. Онъ расширяетъ сферу

примѣненія нравственнаго закона въ дѣйствіяхъ Іеговы на всѣ народности. Если Амосъ могъ еще сказать отъ имени Іеговы: „только васъ (израильтянъ) я знаю изъ всѣхъ народовъ земли и потому я только съ васъ и взыщу за ваши грѣхи" (Амосъ 3, 2), то Исаія убѣжденъ, что законами справедливости регулируются отношенія Іеговы и ко всѣмъ остальнымъ народамъ. Этотъ законъ не знаетъ исключенія, ни передъ чѣмъ не отступаетъ и примѣняется одинаково какъ по отношенію къ іудеямъ, такъ и по отношенію къ ассирійцамъ, какъ къ побѣжденнымъ, такъ и къ побѣдителямъ. Кругозоръ Исаіи расширяется и онъ открываетъ *закономѣрность* во всемірной исторіи. Въ этой закономѣрности проявляется единая воля Іеговы, въ ходѣ міровой исторіи воплощается его „величавая краса". Исаія открываетъ эволюцію всемірной исторіи въ опредѣленный моментъ ея развитія, которая совершается съ объективною необходимостью и властно диктуетъ подобно „надвигающимся волнамъ", народамъ и государствамъ опредѣленные дѣйствія и поступки. Іегова недоволенъ существующимъ и что-то неслыханное задумываетъ онъ, что-то новое, небывалое творится во всемірной исторіи. Великія всемірныя монархіи начинаютъ консолидироваться и мелкія народности должны уступать имъ свое мѣсто. „Ужаснитесь, народы", восклицаетъ Исаія, „и встрепенитесь, слушайте, всѣ отдаленныя страны, вооружитесь и встрепенитесь, вооружитесь и затрепещите. Всѣ ваши совѣты будутъ нарушены, ни одно изъ вашимъ предположеній не исполнится... Іегова выступаетъ на борьбу и готовится судить народы".

Новая эра наступаетъ, эра образованія всемірной монархіи и исчезновенія мелкихъ государствъ со всѣми ихъ индивидуальностями, съ ихъ племенно и территоріально-ограниченными богами. „Таково рѣшеніе, постановленное относительно всего міра и такова рука, распростертая на всѣ народности. Ибо Іегова Саваоѳъ рѣшилъ, и кто въ силахъ это нарушить? Его рука распростерта, и кто ее отразитъ?" „Все подчинится Его рѣшенію и не знаетъ Его воля ни передъ чѣмъ отступленія". „Ибо день Іеговы Саваоѳа распространится на все: на все гордое и высокое, на все возвышенное и низменное. На всѣ кедры Ливана, высокіе и величественные, и на всѣ дубы Башана; на всѣ горы высокія и на всѣ выдающіяся возвышенности. На всѣ высокія башни, и на всѣ укрѣпленныя стѣны". Безсильны будутъ люди въ борьбѣ съ этой объективною необходимостью. „И понизится тогда гордость человѣка, и сломлено будетъ его высокомѣріе; одинъ только Іегова возвеличится въ тотъ день". Наступаетъ конецъ существованію

мелкихъ народностей съ ихъ божествами. „Мелкія божества навсегда исчезнутъ. Они попрячутся въ ущельяхъ скалъ и въ земныхъ пещерахъ въ трепетѣ передъ Іеговою, передъ Его величавою красою въ Его побѣдномъ міровомъ шествіи“ (Исаія, 2, 12—21). „Издалека доносится вѣсть о Іеговѣ, гнѣвъ Его горитъ, тяжело клубится дымъ, Его уста полны ярости и языкъ Его — огонь всепожирающій. Дуновеніе Его какъ волнующаяся рѣка, до горла дойдетъ оно; Онъ разсѣетъ народы и пронзитъ ихъ ланиты уздою“ (30, 27, 28).

На основаніи этой всемірно-исторической концепціи, въ которую Исаія развилъ пророчество Амоса и которая дала удовлетворительное объясненіе разыгрывавшимся въ его время міровымъ событіямъ, онъ приходитъ къ заключенію, что іудейское государство сможетъ тогда только сохранить свое существованіе, если оно, во-первыхъ, постарается избѣгнуть коллизіи съ міровыми державами, если оно будетъ держаться вдали отъ предстоящей борьбы между Ассиріею и Египтомъ за ихъ міровое господство. Іудея слишкомъ слаба и мала, чтобы взять на себя выполненіе этой исторической миссіи — образованія міровой монархіи, въ которой могла бы найти свое выраженіе и воплощеніе воля универсальнаго Бога Іеговы. Эта миссія будетъ выполнена другими и потому пусть Іудея не воспротивится этому, чтобы не быть стертою надвигающейся міровою эволюціею.

„Не будьте легкомысленны“, говоритъ Исаія іудеямъ при попыткѣ сбросить съ себя иго ассирійскаго господства, „дабы не усилился гнетъ; ибо я слышалъ отъ Господа Іеговы Саваоѳа, что неизбѣжно это міровое опустошеніе“ (т. е. всемірное исчезновеніе мелкихъ государствъ и замѣна ихъ другими) (Исаія 28, 22).

Но Исаія не ограничивается одними этими отрицательными требованіями, онъ выставляетъ передъ іудеями также положительный идеалъ, который является необходимымъ слѣдствіемъ всей его всемірно-исторической концепціи и приводитъ къ мессіанскому моменту въ пророчествѣ Амоса. Если причиною и цѣлью совершающейся всемірно-исторической эволюціи является воплощеніе идеала справедливости на землѣ, то ясно, что только то государство сможетъ устоять противъ „надвигающагося вихря“, которое осуществитъ у себя этотъ идеалъ справедливости. Исаія увѣренъ, что не во внѣшнихъ войнахъ обрѣтетъ Іудея [1]) себѣ

[1]) Въ отличіе отъ Амоса и въ особенности отъ Осіи, Исаія не вѣритъ въ возстановленіе Израиля; его мессіанскія предсказанія относятся только къ Іудеѣ и горѣ Сіона.

„вѣчность", о которой пророчествовалъ Амосъ и въ которую еще вѣрилъ, несмотря на современные ему ужасы, Осія. Только путемъ самостоятельной выработки высшихъ формъ культурной жизни, только тогда, когда Іудея станетъ оплотомъ порядка и законности, справедливости и правосудія, она ее получитъ.

У Исаіи такимъ образомъ впервые указанъ переходъ отъ современныхъ страданій къ мессіанскому будущему, онъ указываетъ на тѣ реальныя силы, которыя приведутъ къ окончательному торжеству Іудеи. Исаія вѣритъ, что посреди шума оружій, лязга мечей, топота и ржанья лошадей, грохота колесъ, которыми наполненъ будетъ вскорѣ весь міръ, возвысится на горѣ Сіона новый флагъ, флагъ законности и порядка, мира и спокойствія, правосудія и справедливости. „И выйдетъ трость", пророчествуетъ Исаія, „изъ дерева Исаидова и зародится отпрыскъ изъ его корней; онъ будетъ судить бѣдныхъ въ правосудіи и униженныхъ въ справедливости; онъ убьетъ преступнаго бичомъ своего рта и дуновеніемъ своихъ устъ умертвитъ онъ неправеднаго. Не будетъ насилія и преступленія на моей святой горѣ". „Въ тотъ день будетъ корень Исаидовъ знаменемъ для всѣхъ націй; народы будутъ изумляться его величавому спокойствію" (11, 1—10). Осуществленіе идеала справедливости не только сохранитъ существованіе Іудеи, это ее поставитъ во главу всѣхъ народовъ. „И возвеличится съ теченіемъ времени гора Іеговы надъ всѣми горами и привлечетъ она къ себѣ всѣ народы. И скажутъ они всѣ: „пойдемте къ горѣ Іеговы, къ дому Бога Іакова, дабы Онъ насъ обучалъ Его путямъ, дабы мы могли слѣдовать по Его слѣдамъ"; ибо изъ Сіона изойдетъ ученіе и слова Іеговы изъ Іерусалима". (2, 2, 3). И соотвѣтственно своей всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, Исаія распространяетъ мессіанскую будущность Амоса и Осіи на всѣ народы. Передъ великими проблемами общечеловѣческой культуры утихнетъ вражда народовъ и прекратится ихъ взаимное истребленіе. Наступитъ братство народовъ и миръ воцарится на землѣ. „Въ косы превратятся тогда въ мечи и въ серпы—копья, не подыметъ ужъ меча народъ противъ народа и не будутъ они больше упражняться въ войнахъ" (2, 4).

Исаія не только выставилъ опредѣленные идеалы, но онъ также старался воплотить ихъ въ жизни. Онъ употребилъ все свое вліяніе царедворца, чтобы воздѣйствовать на внѣшнюю и внутреннюю политику іудейскихъ царей. Въ качествѣ такого

активнаго дѣятеля, онъ выступаетъ впервые въ царствованіе Ахаза, когда Сирія и Израиль соединились противъ Іудеи. Ахазъ рѣшилъ тогда обратиться за помощью къ Ассиріи. Исаія возстаетъ противъ этого союза Іудеи съ Ассиріею. Онъ старается доказать Ахазу, что этотъ союзъ принесетъ Іудеѣ больше вреда, чѣмъ пользы. Сирія и Израиль такъ слабы, что нечего бояться даже ихъ соединенныхъ силъ, въ то время, когда сосѣдство Ассиріи, можетъ угрожать всему существованію Іудеи. Лучше имѣть на границѣ слабыхъ царей, Ресина и сына Рамалегу (сирійскій и израильскій царь), чѣмъ царя могущественной Ассиріи. Онъ говоритъ Ахазу: „Будь остороженъ и спокоенъ, не бойся и пусть сердце твое не трепещетъ передъ этими двумя дымящимися головешками, передъ Ресиномъ и сыномъ Рамалегу". Въ свидѣтельство того, что опасность со стороны Израиля и Сиріи скоро исчезнетъ, онъ указываетъ на одну женщину, которая забеременѣла и родитъ сына. „Сливки и медъ будетъ онъ (ребенокъ) ѣсть, когда онъ научится выбирать пріятное и отстранять отъ себя непріятное; но прежде чѣмъ онъ научится разбирать между хорошимъ и нехорошимъ, будетъ опустошена земля, передъ двумя царями которой ты трепещешь". Союзъ же Ахаза съ Ассиріею приведетъ къ тому, что Іудея станетъ вскорѣ добычею Ассиріи, подобно тому, какъ это было раньше съ Самаріею и Сиріею. „Іегова пришлетъ тебѣ", говоритъ Исаія Ахазу, „твоему народу и твоей династіи дни, подобныхъ которымъ не было со времени отпаденія Эфраима отъ Іуды: царя Ассиріи". Болѣе того, благодаря близости Ассиріи, которая вызвана будетъ этимъ союзомъ, Іудея станетъ ареною борьбы между Ассиріею и Египтомъ. Пользуясь Іудеею, Ассирія сможетъ перебросить свою сухопутную армію въ Египетъ. Этому воспротивится Египетъ и на іудейской территоріи разыграется борьба между двумя великими соперничающими державами. „Въ тотъ день", говоритъ Исаія, „кликнетъ Іегова кличъ мухѣ въ концѣ рѣки Египта (фараону) и пчелѣ Ассиріи (т. е. ассирійскому царю). И наполнятъ онѣ (т. е. войска этихъ царей). всѣ долины и всѣ ущелья скалъ, и расположатся онѣ у всякаго забора и въ каждомъ кустарникѣ". (7, 14—19). Въ томъ же духѣ Исаія обращается къ іудейскому народу: „Вы хотите освободиться отъ тихихъ и медленныхъ водъ Силоаха, отъ Ресина и сына Ремалегу, и навлекаете на себя воды большой и быстроходной рѣки, царя Ассиріи со всѣми его войсками; она (эта рѣка) выступитъ изъ своихъ береговъ и разольется по всѣмъ сторонамъ. Она ворвется въ Іуду, наводнитъ

васъ все совершающееся кругомъ; что пользы въ книгѣ, если никто не умѣетъ ни распечатывать, ни читать ея?" (29, 10—12).

Но Іегова уже позаботился, чтобы эти слѣпые прозрѣли, и чтобы до ушей глухихъ дошло все, что Онъ намѣренъ говорить. „Ибо какъ на горѣ Парацымъ подымается теперь Іегова, какъ въ долинѣ Гибеона спѣшитъ Онъ дѣлать свое дѣло, страшное это дѣло, и совершить свою работу,—ужасна будетъ эта работа. И потому не будьте легкомысленны, чтобы не усилился гнетъ, ибо всемірное (опустошеніе) предпринимаетъ Іегова Саваоѳъ. И услышатъ въ тотъ день глухіе, что говорится въ книгѣ, и отъ вящшей темноты прозрѣютъ глаза слѣпыхъ (28, $_{21, 22}$, 29, $_{18}$). Слушайте слова Іеговы, вы, легкомысленно управляющіе судьбами народа въ Іерусалимѣ". „Развѣ вы предполагаете, что можно заключить союзъ со смертью, и договоръ съ могилою, что надвигающіяся истребительныя волны не настигнутъ васъ, развѣ вы думаете, что въ обманѣ можно найти себѣ защиту, а во лжи—покровительство? Такъ знайте же, что вашъ союзъ со смертью будетъ расторгнутъ, и вашъ договоръ съ могилою нарушенъ, и что вы первые будете смыты и растоптаны надвигающейся волною" (28, $_{14, 15, 18}$). Исаія иронизируетъ надъ безпринципностью этихъ государственныхъ мужей, надъ всею ихъ противорѣчивою политикою, уничтожающею одною рукою то, что дѣлается другою, надъ ихъ неспособностью понимать послѣдствія своихъ поступковъ. „Указъ слѣдуетъ за указомъ, разъясненіе за разъясненіемъ, толкованіе за толкованіемъ, то тутъ они, то тамъ. И потому будутъ вамъ слова Іеговы точно такъ же: указъ за указомъ, толкованіе за толкованіемъ, разъясненіе за разъясненіемъ, немного здѣсь, немного тамъ. Когда онъ говорилъ этому народу другимъ языкомъ, когда онъ въ пламенныхъ рѣчахъ своихъ говорилъ имъ: „Вотъ—покой, дайте отдыхъ усталому и въ этомъ ваше спасеніе! то они не хотѣли слушать" (28, 10, 13). Исаія возмущенъ также тупымъ равнодушіемъ народа, который не чувствуетъ всего ужаса происходящаго. „Кого учить знанію", спрашиваетъ онъ, „кто пойметъ услышанное? Какъ грудныя дѣти они, какъ дѣти только что отнятыя отъ груди матери". Не чувствуютъ они, какъ надвигается „сильный и могучій отъ Господа, какъ гроза и градъ онъ; какъ разрушительная буря, какъ буря могучихъ сильныхъ волнующихся водъ, онъ ихъ растопчетъ всею своею силою".

Дѣйствительно, преемникъ Саргона, Санхеривъ, усмиривъ Вавилонію, появился въ 701 г. съ огромнымъ войскомъ у границъ Іудеи. Разбивъ эфіопско-египетское войско, которое было выслано

противъ него, онъ ворвался въ предѣлы іудейскаго государства, захватилъ рядъ крѣпостей и производилъ опустошенія по всей странѣ. Іудейскій царь поспѣшилъ признать его господство и дать ему большой выкупъ, чтобы онъ не угрожалъ Іерусалиму. Санхеривъ отступилъ и направился дальше въ Египетъ. Встрѣтившись съ мночисленнымъ египетскимъ войскомъ, Санхеривъ рѣшилъ однако потребовать отъ іудейскаго царя передачи ему Іерусалимской крѣпости. Ему казалось очень опаснымъ, чтобы значительная крѣпость, находящаяся недалеко отъ мѣста сраженія, оставалась въ рукахъ неоднократно измѣнявшаго ему и вступавшаго въ переговоры съ его противникомъ вассала. Онъ отправилъ пословъ въ Іерусалимъ съ требованіемъ немедленной выдачи крѣпости. „Скажите слѣдующее Іехизкііагу, царю Іудеи: пусть тебя не уговоритъ твой Богъ, на котораго ты надѣешься, что будто Іерусалимъ сможетъ противостоять мнѣ. Ты же слышалъ, что дѣлали цари Ассиріи со всѣми остальными странами, какъ они ихъ истребляли; и ты при всемъ томъ надѣешься найти спасенье отъ меня? Развѣ тѣ боги спасли свои народы? Какъ ты можешь думать, что Іегова въ состояніи будетъ спасти отъ меня Іерусалимъ“?

Требованіе Ассиріи произвело такое смятеніе въ Іерусалимѣ, что слабохарактерный царь Іехизкііагу рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ Исаіи, который все время былъ противъ коалиціи и союза съ Египтомъ. Выборъ Іехизкііагу былъ на этотъ разъ очень удачный. Исаія былъ тогда единственнымъ человѣкомъ въ Іерусалимѣ, который сохранилъ среди всеобщаго смятенья и растерянности, охватившей всѣхъ, спокойствіе, ясность и невозмутимость духа. Онъ остался себѣ вѣренъ до конца и умѣлъ и въ моментъ опасности считаться съ реальными факторами. Онъ внушилъ всѣмъ бодрость духа и говорилъ, что не слѣдуетъ теперь такъ малодушно сдаваться Санхериву, всѣ войска котораго заняты сейчасъ въ рѣшительномъ сраженіи съ сильнымъ противникомъ. Неизвѣстно, на чемъ онъ основывалъ свои разсчеты, но онъ былъ увѣренъ. что опасность пройдетъ, что ассирійское войско будетъ истреблено, что Санхеривъ поспѣшитъ обратно въ Ниневію, не задѣвъ Іерусалима, что дѣйствительно и оправдалось. Онъ велѣлъ отвѣтить Санхериву: „Презираетъ тебя, насмѣхается надъ тобою дщерь Сіона, позади тебя качаетъ своею головою дочь Іерусалима. Кого ты осмѣивалъ и проклиналъ, противъ кого ты подымалъ свой голосъ, противъ Святого въ Израилѣ?“ Такъ знай же, что „твое сидѣніе, шествіе и приходъ мнѣ извѣстны, и (извѣстно мнѣ) твое возмущеніе противъ меня. Изъ-за твоего возмущенія и рева, кото-

Два теченія въ еврейской жизни.

Культурно-историческій очеркъ.

„Мысль ваша, печалясь о безконечной „юдоли“ настоящаго, не можетъ не уноситься мечтой въ какое-то безконечно-свѣтлое будущее. И желаніе выпрямить, высвободить искалѣченнаго теперешняго человѣка для этого свѣтлаго будущаго, радостно возникаетъ въ душѣ“.

(*Г. И. Успенскій*).

Цѣль и задача нашей работы—прослѣдить хотя бы въ общихъ чертахъ, какіе зигзаги дѣлала еврейская народная мысль за самый мрачный періодъ еврейской исторіи; прослѣдить, какъ борьба еврейской личности за свое индивидуальное и національное существованіе, отразилась на „идеологіи“ этой личности и какъ, въ свою очередь, эта „идеологія“ вліяла на „бытіе“ послѣдней.

Начиная съ крестовыхъ походовъ, жизнь евреевъ въ Европѣ, и до того неприглядная, стала совершенно невыносимой, она превратилась въ какой-то сплошной мартирологъ, въ безконечное „хожденіе по мукамъ“. Еврейская личность сталкивалась лицомъ къ лицу съ напирающимъ на нее повсюду стихійнымъ потокомъ внѣшнихъ, враждебныхъ силъ. Она значително выше, культурнѣе окружающей ее враждебной среды, но эта среда представляетъ огромную силу своей стихійной массой, и еврейской личности приходится употребить невѣроятныя, чисто геройскія, усилія въ этой тяжелой неравной борьбѣ за свою индивидуальность, за право свободнаго самоопредѣленія. То была безпримѣрная, единственная въ своемъ родѣ во всей исторіи человѣчества борьба. Ни одному народу въ мірѣ не приходилось выдерживать такую отчаянную схватку и—остаться побѣдителемъ. Еврейская личность устояла

противъ напора несмѣтныхъ вражескихъ силъ, она не сдалась и не погибла. Эта безпримѣрная борьба полна глубокаго трагизма и захватывающаго интереса—такъ много въ ней исключительнаго, своеобразнаго и необычайнаго.

Инстинктъ самосохраненія подсказываетъ еврейской личности, что внѣ рѣзко обособленной національности и чисто національной религіи она неминуемо должна погибнуть, ее захлестнетъ вражеская волна—и она съ поразительной стойкостью и самоотверженіемъ отстаиваетъ отъ всякихъ посягательствъ незыблемость и неприкосновенность столь важныхъ для нея основъ. Когда же она замѣчаетъ, что отвлеченная и горделивая философская мысль становится опасной угрозой для послѣднихъ—она, высококультурная, проникнутая сознаніемъ, что знаніе сила, не задумывается, изъ чувства самосохраненія, изъ жажды жизни, отвернуться отъ философской мысли, закутываясь въ саванъ мистицизма, и признаетъ за чувствомъ, а не за умомъ гегемонію. Еврейская личность, для которой реальный міръ превратился въ міръ гоненій, пытокъ и мукъ, создаетъ свой мистическій міръ, міръ фантазій и грезъ, въ который она вѣритъ всѣми фибрами измученной души, *должна* вѣрить, ибо безъ этой вѣры она существовать не можетъ и гибель неминуема. Дѣло доходитъ наконецъ до „массовыхъ психозовъ", до „патологической магіи", но и къ этимъ патологическимъ явленіямъ нельзя примѣнить общую мѣрку. Явленія изъ области патологической магіи объясняютъ обыкновенно децентрализаціей личнаго „я", оскудѣніемъ личности, пониженіемъ индивидуальности. „Толпа", поддающаяся „массовому психозу", состоитъ обыкновенно изъ людей, низведенныхъ условіями жизни до степени автомата, людей съ опустошеннымъ сознаніемъ, съ парализованной волей. *Здѣсь же* мы замѣчаемъ какъ разъ обратное явленіе. Не парализованная воля, не децентрализованное „я" является причиной массоваго психоза, напротивъ—мы видимъ здѣсь проявленіе могучей воли, направленной на осуществленіе одной опредѣленной идеи, ставшей цѣлью и смысломъ человѣческаго существованія; то индивидуальность, въ своей отчаянной борьбѣ за проявленіе своего „я", прибѣгаетъ къ самымъ крайнимъ, единственно оставшимся у нея средствамъ борьбы.

Мы, понятно, не претендуемъ дать полную картину этой исторической борьбы. Слишкомъ обширна и сложна затрагиваемая тема, чтобы можно было ее исчерпать въ журнальной статьѣ. Мы задаемся лишь скромной задачей показать читателю, какъ на почвѣ этой борьбы въ еврейской жизни и мысли соперничали,

Уже здѣсь вполнѣ ярко сказывается характерная черта Маймонида—умственный аристократизмъ. Маймонидъ былъ безспорно мыслитель крупнаго калибра, но *только* мыслитель. Обладая умомъ несравненно болѣе систематическимъ, чѣмъ творческимъ, онъ не зналъ, что значитъ творчество, вдохновеніе, могучій полетъ фантазіи. Онъ былъ раціоналистъ до мозга костей, и господствовавшее тогда надъ умами просвѣщенныхъ арабовъ сухое разсудительное естествознаніе Аристотеля какъ нельзя лучше пришлось ему по душѣ. Для него существовало только то, что можно было понимать, весь смыслъ жизни, вся цѣль человѣка залючалась, по его мнѣнію, только въ умозрѣніи, въ изученіи мірозданія и его Творца. Выросши подъ вліяніемъ двухъ совершенно различныхъ идейныхъ теченій: подъ вліяніемъ аристотелевскихъ идей арабской философіи и библіи—онъ не замѣчалъ вовсе, что эти два теченія принадлежатъ двумъ совершенно самостоятельнымъ и, въ главныхъ своихъ основахъ, совершенно *различнымъ* проявленіямъ человѣческаго духа. Глубоко убѣжденный, что существуетъ *одна* только истина, *разумная*, философская истина, рожденная холоднымъ безпристрастнымъ разумомъ, онъ и въ іудаизмѣ видѣлъ философію и *только* философію. Разъ іудаизмъ неопровержимая истина, тогда онъ долженъ всецѣло сойтись и согласоваться съ философской истиной, съ единственно истинной философіей—аристотелевской. Безсознательно Маймонидъ видѣлъ въ іудаизмѣ, въ библіи, лишь раціоналистскій комментарій къ аристотелевской философіи. Не признавая совершенно эмоціональныхъ факторовъ, совершенно лишенный поэтическаго чутья, этотъ сильный и ясный умъ ничего иного въ библіи не видѣлъ. Что аристотелизмъ и библія исходятъ изъ двухъ различныхъ, находящихся въ антагонизмѣ міровъ, онъ и допустить не могъ.

Исходя изъ положенія, что человѣческое представленіе о Богѣ должно ограничиться одними только отрицательными атрибутами, т. е. человѣкъ можетъ лишь знать, что Богъ *не* множественень, *не* ограниченъ въ своей власти и т. д., затѣмъ, что служить Богу можно не молитвами и даже не высоконравственной жизнью, а главнымъ образомъ яснымъ философскимъ познаніемъ Бога, что достижимо лишь изученіемъ наукъ, каковы физика, математика, логика и метафизика—Маймонидъ съ особой рѣзкостью нападаетъ на поэтовъ (המשוררים והמליצים), составляющихъ молитвы, въ которыхъ славословятъ Бога и надѣляютъ его всевозможными эпитетами. Самихъ поэтовъ онъ обзываетъ „глупцами“ (פתיים) и ихъ

молитвы и поэтическія изліянія „кощунствомъ“ [1]). Такимъ образомъ, чудныя поэтическія изліянія какого-нибудь Галеви или Габироля являются не болѣе и не менѣе, какъ „кощунствомъ“, рожденнымъ въ головѣ „глупца“. Огромный, богатый міръ человѣческихъ чувствъ и эмоцій, великая утѣшительница человѣчества—поэзія съ ея чарующими дивными красками, съ ея грезами и иллюзіями—все, что придаетъ красоту и благородство человѣческой жизни, все это не существовало для сухого безпощаднаго ума Маймонида. Онъ не понималъ, что именно въ этомъ страстномъ стремленіи человѣка къ имъ самимъ созданному идеальному міру участвуютъ лучшія и высшія функціи его духа; онъ не понималъ, что пѣсни Габироля и Галеви вылились „изъ истинно религіознаго подъема души, стремящейся къ кристально чистымъ источникамъ всего того, что человѣкъ когда-либо почиталъ божественнымъ и неземнымъ“. Тутъ невольно напрашиваются прекрасныя слова Ланге, сказанныя по адресу Канта: „Кантъ не хотѣлъ понять того, что „умопостигаемый міръ“ есть міръ вымысла (Dichtung) и что на этомъ именно основаны его значеніе и высота. Ибо вымыселъ въ высокомъ и широкомъ смыслѣ, въ какомъ онъ здѣсь долженъ быть понятъ, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ игра талантливаго произвола съ цѣлью забавлять пустыми измышленіями; онъ—необходимое порожденіе духа, выростающее изъ глубочайшихъ жизненныхъ корней нашего рода—источникъ всего высокаго и святого“ [2]).

Мы не думаемъ даже только приблизительно исчерпать содержаніе труда Маймонида, наша цѣль лишь указать на общую тенденцію этой книги, выяснить насколько она соотвѣтствовала духу іудаизма, народнымъ традиціямъ и чаяніямъ.

Въ этомъ отношеніи весьма интересны взгляды Маймонида на безсмертіе души и загробную жизнь. Въ то время какъ Талмудъ учитъ, что כל ישראל יש להם חלק לעולם הבא, Маймонидъ, отрицая индивидуальное безсмертіе, находилъ, что далеко не у всѣхъ людей душа безсмертна. У всѣхъ людей, учитъ онъ, есть лишь природная способность (наклонность) къ усовершенствованію (въ отличіе отъ животныхъ, лишенныхъ этой способности). И лишь при умственномъ усовершенствованіи, при изощреніи своего ума въ разныхъ наукахъ, потенціальная сила становится активной, только тогда человѣческая душа пріобщается къ общему „актив-

---

[1]) Ibid ч. I, § 59.

[2]) Ф. Л. Ланге „Исторія матеріализма“ Т. II p. 43.

ному разуму" (השכל הפועל), который одинъ безсмертенъ [1]). У человѣка же, не постигшаго философскихъ истинъ, душа не безсмертна и такой человѣкъ умираетъ подобно неразумной твари.

И подъ Провидѣніемъ Божьимъ, поучаетъ Маймонидъ, тоже не всѣ люди находятся. Такъ какъ Провидѣніе есть продуктъ Разума, то вліяніе перваго на судьбу людей соотвѣтствуетъ ихъ умственному совершенству [2]). Поэтому одни только люди съ усовершенствованнымъ разумомъ осѣнены Божьимъ Провидѣніемъ и степень вліянія Провидѣнія на человѣческую жизнь становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ усовершенствованнѣе умъ человѣка. Но „упрямые глупцы", не просвѣтленные разумомъ, находятся на той же степени, что животныя, и ихъ поэтому можно было бы какъ животныхъ же убивать, но Господь запретилъ это для нашей же пользы [3]). Подобное пренебрежительное отношеніе къ „толпѣ" къ „plebs vulgus", къ людямъ не занимающимся науками—является въ еврейской литературѣ поистинѣ неслыханнымъ, небывалымъ.

И это высокомѣрное отношеніе къ „толпѣ" проходитъ красной нитью черезъ всю книгу Маймонида, оно рѣзко проявляется

---

[1]) Въ космогоніи Маймонида „активный разумъ" является десятымъ „глаголомъ".

[2]) Ibid ч. III, конецъ гл. 17: אאמין שההשגחה נמשכת אחר השכל ומודבקת בו מפני שההשגחה אמנם תהיה ממשכיל ואשר הוא שכל שלם השלמות... אם כן, כל מי שנדבק בו דבר מן השפע כפי מה שישיגהו מן השכל ישיגהו מן ההשגחה.

[3]) Дословно: יאמנם הסכלים הממרים כפי מה שחסרו מן השפע ההוא (השכל האלהי) היה ענינם גבזה וסודרו בסדר שאר אישי מיני בעלי החיים נמשל כבהמות נדמו ומפני זה היה קל להרגם אבל צוה בו לתועלת... (ibid ч. III, гл. 18.

Старые комментаторы, Эфоди, Шем-товъ, Ибнъ Крескасъ, дали этой знаменательной фразѣ совершенно ложное толкованіе. Но что именно таковъ ея дѣйствительный смыслъ, указываетъ то мѣсто въ предыдущемъ семнадцатомъ параграфѣ, гдѣ говорится, что нельзя убивать безъ особой нужды скота (съ которымъ и стоятъ на одной ступени הסכלים הממרים) для нашего же усовершенствованія, дабы не привыкать къ жестокости. Позволительно убивать только ради своей пользы.

Въ переводѣ Алхаризи, выше цитированное мѣсто носитъ еще болѣе рѣзкій характеръ: אך הכסילים הפושעים כפי מה שיחסרו מן השפע ההוא תקל מעלתם ונכללו בסדר בעלי חיים והבהמות. כמו שנאמר נמשל כבהמות נדמו, וכן היא הרינתם נקלה כנגד התועלת הבאה ממנה.

Въ другомъ мѣстѣ (ч. III, гл. 51), Маймонидъ, раздѣляя людей на шесть градацій, относитъ къ второй изъ нихъ, людей съ „ложными понятіями и вѣрованіями". „Подобныхъ людей, заявляетъ Маймонидъ, приходится порою убивать и искоренять до основанія ихъ воззрѣнія, дабы не вводили въ заблужденіе другихъ".

(ואלו הם אשר יביא הצרך בקצת העתים להרגם ולמחות זכר דעותם שלא יתעו זולתם).

даже тамъ, гдѣ Маймонидъ говоритъ о библейскихъ пророкахъ. Эти великіе идеалисты, посвятившіе всѣ свои могучія духовныя силы борьбѣ противъ гнета и угнетателей на защиту слабыхъ, беззащитныхъ и обездоленныхъ; эти люди, вся жизнь которыхъ представляетъ собой сплошной подвигъ самоотверженія, безустанной борьбы противъ соціальной несправедливости — у Маймонида превращаются въ олимпійцевъ мудрецовъ, презирающихъ толпу, вѣчно парящихъ въ заоблачныхъ сферахъ „активнаго разума".

Типъ пророка, по представленію Маймонида, это человѣкъ, держащійся вали отъ толпы, „не добивающійся почестей и славы у людей, а безстрастно изучающій поступки и интересы этихъ людей, которые въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, походятъ на скотовъ и животныхъ. Этотъ совершенный, удаляющійся отъ толпы человѣкъ только о томъ и заботится, какъ бы эта толпа не нанесла ему вреда, когда онъ приходитъ съ нею въ соприкосновеніе, или какъ бы извлечь изъ нея пользу, когда это ему нужно [1]).

Не нравственное, а умственное усовершенствованіе, изслѣдованіе „всего что человѣкъ можетъ узнать о сущемъ" (מכל הנמצאות) — вотъ главная и высшая цѣль человѣка на землѣ, поучаетъ Маймонидъ. Поэтому безсмертной становится лишь душа мыслителя, углубляющагося въ умозрительный міръ, а не высоко-нравственная личность, творящая добро. Сліяніе человѣка съ Богомъ возможно только въ углубленіи человѣка въ Его сущность, служить Богу можно только разумомъ (לחשוב מחשבות אמונות ודעות עבודת השם); только умомъ своимъ человѣкъ созидаетъ связь между собой и божественнымъ разумомъ (שפע השכל האלהי). А кто не углубляется въ философскія проблемы, какъ бы ни высоконравственна и добродѣтельна была его жизнь, вся его жизнь можетъ быть сплошной подвигъ самоотверженія—лучъ Божьяго Провидѣнія его не коснется.

Въ этомъ отношеніи очень характерна заключительная глава книги, въ которой Маймонидъ говоритъ о четырехъ степеняхъ „совершенства".

Первая, низшая степень — матеріальная обезпеченность. Вторая—физическое совершенство. Третья — нравственное совершен-

---

[1]) Вотъ подлинныя его слова: אבל יראה האנשים כלם כפי ענייניהם אשר הם לפי העניינים ההם בלא ספק כבהמה או כחיה. אשר לא יחשוב השלם המתיחד כשיחשוב בהם אלא בצד ההנצל מהזק המזיק מהם כשיזדמן לו עמהם ההשתתפות. או לקבל תועלת במה שיקובל בו תועלת מהם אם יצטרך אליו לצורך מצרכיו (ibid. Ч. II, гл. 36).

ство. „Но, заявляетъ авторъ, и эта степень совершенства является *лишь средствомъ для чего-то другого, но не является самоцѣлью* [1]). Вѣдь нравственность, разсуждаетъ онъ, имѣетъ значеніе только въ человѣческихъ отношеніяхъ, если же представить себѣ человѣка внѣ связи съ другими людьми, вся его нравственность не имѣетъ тогда никакой цѣнности. Высшей же степенью совершенства является четвертая—умственная, когда человѣкъ углубляется въ умопостигаемый міръ и получаетъ вѣрное понятіе о божествѣ. Вотъ это и только это является настоящимъ совершенствомъ, только этимъ человѣкъ становится человѣкомъ и только этимъ путемъ человѣкъ удостоивается безсмертія [2]).

Такимъ образомъ, Маймонидъ въ своихъ воззрѣніяхъ на человѣческія этическія задачи, на его назначеніе, во всемъ слѣдуетъ—властителю думъ той эпохи — Аристотелю. Маймонидъ, какъ и Аристотель, видѣлъ высшее счастье человѣка въ дѣятельности разума, въ созерцаніи божества, нравственность является лишь дѣятельностью практическаго разума, регулирующаго нашу волю, въ томъ смыслѣ, чтобы та держалась соотвѣтствующей нашей природѣ средины (у Маймонида שביל הזהב, מדה בינונית).

И мы думаемъ, что читатель вполнѣ согласится съ нами, если скажемъ, что у Маймонида (какъ, впрочемъ, у многихъ другихъ метафизиковъ, создавшихъ системы чисто *разумной* морали) особенно ярко проявляется та „своеобразно жестокая черта, которая между отдѣльными людьми и абсолютомъ не допускаетъ никакихъ среднихъ цѣнностей и, предписывая индивидууму полную преданность этому абсолютному, отводитъ самому обществу и человѣческой личности второстепенный интересъ. Любовь должна быть направлена только на божество, которое одно лишь совершенно, а къ человѣку, какъ къ чему-то не совершенному, можно въ лучшемъ случаѣ питать лишь благожелательность [3]).

III.

Нечего и говорить, что идеи, проведенныя Маймонидомъ въ его знаменитой книгѣ, находятся въ полномъ антагонизмѣ съ основными воззрѣніями іудаизма. Въ іудаизмѣ норму и основаніе

---

[1]) זה המין מן השלמות גם כן איננו רק הצעה לזולתו ואינו תכלית כונה בעצמו.

[2]) Ibid. ч. III, гл. 53—זאת היא התכלית האחרונה והיא משלמת האדם שלמות אמתי והיא לו לבדו, ובעבורה יזכה לקיימות הנצחי ובמה האדם אדם.

[3]) Іодль. „Исторія этики", гл. о Мальбраншѣ.

нравственности, ея прообразъ и первоисточникъ, составляетъ божественная сущность. Такъ какъ нравственное—божественно, и божественное — символъ нравственности, человѣкъ долженъ стремиться приблизиться къ нравственному идеалу, стать *богоподобнымъ*. Только черезъ идею нравственности, черезъ „священіе жизни" (קדושים תהיו) человѣкъ приближается къ божеству. Не истину познавать, не созерцаніе божественнаго начала, а стать богоподобнымъ, стать нравственнымъ — вотъ цѣль человѣческой жизни по ученію іудаизма. А конечная истинная цѣль, высшій законъ нравственности, учитъ іудаизмъ, это идея добра [1]). Нравственность, какъ *высшая цѣль*, сообщаетъ цѣнность всѣмъ другимъ цѣлямъ, къ которымъ человѣкъ стремится; она опредѣляетъ также границы этихъ цѣлей. Изъ всѣхъ родовъ творчества — созданіе основаннаго на нравственныхъ началахъ общежитія между людьми, созданіе справедливаго соціальнаго строя, самое величественное. Нравственное творчество—вѣнецъ всей духовной дѣятельности человѣка. Такъ какъ, съ чѣмъ какъ мы видѣли согласенъ и Маймонидъ, творить нравственное человѣкъ можетъ только, находясь въ человѣческомъ обществѣ, человѣкъ для собственнаго нравственнаго усовершенствованія не можетъ и не долженъ удаляться отъ „толпы" и пренебрегать ею. Іудаизму поэтому совершенно чуждъ духовный аристократизмъ внутри той группы, которую іудаизмъ объединяетъ собой—т. е. внутри еврейской націи. Каждый сынъ еврейскаго народа, отъ старѣйшины до послѣдняго „дровосѣка и водочерпія", долженъ и можетъ стремиться стать богоподобнымъ. „Вы будете царствомъ священниковъ, священнымъ народомъ". Величайшій пророкъ израильскій Моисей такъ мало походилъ на типъ пророка, нарисованный Маймонидомъ. Его мечта, его идеалъ — „ахъ, если бы весь народъ сталъ пророками".

IV.

Ученіе Маймонида не только не соотвѣтствовало духу іудаизма, оно подкапывалось подъ самыя его основы и вмѣстѣ съ тѣмъ являлось угрозой самому существованію еврейской націи. Не нужно

---

[1]) Изъ главныхъ представителей греческой философіи одинъ только Платонъ въ этомъ пунктѣ довольно близко соприкасается съ воззрѣніями іудаизма. По ученію Платона, Богъ есть прообразъ осуществляющейся идеи добра, являющейся дѣйствующей и творческой силой въ человѣкѣ.

забывать, каково было положеніе евреевъ въ Западной Европѣ начиная съ 12-го вѣка. Этотъ вѣкъ недаромъ считается историками границей, отмежевающей періодъ сноснаго положенія евреевъ въ Европѣ отъ наступившей затѣмъ эпохи неслыханныхъ гоненій и жестокостей, творимыхъ европейскими народами надъ беззащитными евреями. Еще на порогѣ XII вѣка разразился первый крестовый походъ, который открываетъ собою одну изъ самыхъ кровавыхъ страницъ, вписанныхъ европейскими народами въ исторію еврейской націи. Но исторія разсказываетъ не только про утонченныя жестокости крестоносной черни, этихъ „волковъ пустыни", какъ ихъ называетъ еврейскій историкъ того времени, алкавшихъ еврейской крови и еврейскаго имущества, — исторія повѣствуетъ и о массовомъ героическомъ самопожертвованіи евреевъ, во имя своей святыни, своей религіи. Предпочитая умереть отъ рукъ близкихъ, чѣмъ отъ меча кровожадныхъ изувѣровъ, евреи сами закалывали другъ друга или сожигали себя въ собственныхъ домахъ. Такой героической смертью погибло въ Вормсѣ 800 чел., въ Майнцѣ—1300 человѣкъ [1]). Отрекшіеся же подъ страхомъ смерти отъ религіи своихъ отцовъ, составляли рѣдкое исключеніе [2]) Каждая еврейская личность была проникнута сознаніемъ, что она, какъ тому поучаетъ Талмудъ, самостоятельный „маленькій міръ"; она глубоко вѣрила въ завѣщанную ей традиціей истину, и она отстаивала ее съ той интенсивностью и самоотверженіемъ, на какія способенъ только человѣкъ глубоко религіозный, человѣкъ у котораго вѣра стала его религіей, требующей всего человѣка и не признающей никакихъ компромиссовъ, никакихъ уступокъ [3]).

---

[1]) Въ однихъ только прирейнскихъ городахъ погибло за первые два мѣсяца съ начала объявленія крестоваго похода—12.000 евреевъ.

[2]) И у тѣхъ, чувство раскаянья приводило весьма часто къ трагической развязкѣ. Такъ наприм. нѣкій Исаакъ изъ Майнца подъ страхомъ смерти принялъ въ минуту слабости вмѣстѣ съ дочерьми католичество, но вскорѣ затѣмъ онъ въ припадкѣ раскаянія собственноручно убилъ своихъ дочерей, поджегъ синагогу, гдѣ и сгорѣлъ. Этотъ драматическій эпизодъ послужилъ сюжетомъ для поэмы извѣстнаго поэта Черниховскаго «Борухъ изъ Майнца».

[3]) Отличіе вѣры отъ религіи прекрасно изложено у Н. К. Михайловскаго: «Можно,—пишетъ онъ,—исповѣдывать извѣстное вѣроученіе и дѣйствительно вѣровать и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть религіи, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Это даже очень обыкновенный случай. Религія начинается тамъ, гдѣ вѣра или знаніе, согласованныя съ нравственными идеалами человѣка, властно побуждаютъ человѣка къ дѣйствію въ извѣстномъ направленіи».

Съ наступленіемъ XII вѣка нависла темная туча надъ еврейскимъ народомъ; но это былъ лишь прологъ къ страшной драмѣ. Къ половинѣ XII в. (время второго крестового похода) еврейскій горизонтъ еще болѣе омрачился. „Французы и нѣмцы,—пишетъ объ этой эпохѣ еврейскій историкъ Грецъ [1]),—соперничали съ берберами въ насиліяхъ надъ слабѣйшимъ изъ народовъ. На берегахъ Сены, Рейна, Дуная, у береговъ Африки и южной Испаніи началась одновременно, точно по уговору, кровавая расправа во имя религіи надъ еврейскимъ племенемъ, забывая при этомъ, что всѣмъ хорошимъ и божественнымъ, что имѣется въ ихъ религіяхъ, они обязаны именно этому племени. До этого времени еврейскія гоненія происходили лишь спорадически, но начиная съ 1146 г. эти гоненіяс тали болѣе частыми, болѣе упорными, продолжительными, безчеловѣчными“.

Правда, во время второго крестоваго похода, благодаря заступничеству германскаго императора и французскаго короля, пало меньше еврейскихъ жертвъ, чѣмъ во время перваго похода, но это заступничество было куплено слишкомъ дорогой цѣной. Милость германскаго императора, взявшаго подъ свою охрану нѣмецкихъ евреевъ, привела къ тому, что евреи, бывшіе до того вполнѣ свободными, стали Kamerknechte (servi camerae) римско-германской имперіи. Но если закрѣпощеніе евреевъ шло въ Германіи лишь постепенно, во Франціи оно пошло значительно болѣе ускореннымъ темпомъ, какъ только послѣ смерти добродушнаго Людовика VII вступилъ на французскій престолъ коварный и корыстолюбивый Филиппъ Августъ. При немъ евреи сѣверной Франціи стали въ полномъ смыслѣ снова собственниками короля и бароновъ, которые свободно продавали ихъ какъ вещь [1]). При этомъ королѣ и былъ выставленъ девизъ: „имущество евреевъ принадлежитъ барону“ (Les meubles aux juifs sont au baron).

Значительно ухудшилось положеніе евреевъ къ концу XII в. и въ другихъ странахъ, наприм въ Англіи, гдѣ въ 1190 г. происходили въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ кровавыя расправы надъ евреями, а въ XIII в. положеніе евреевъ въ Англіи стало чуть ли не еще болѣе ужаснымъ, чѣмъ въ самой Германіи [3]).

---

[1]) Одинъ дворянинъ продалъ герцогинѣ изъ Шампани все свое имущество «вещами и евреями». Цит. у Греца В. VI p. 253.

[2]) Gesch. d. Juden. B. VI, p. 174—75.

[3]) По заявленію одного англійскаго писателя, съ евреями въ Англіи обходились не лучше, чѣмъ съ ихъ предками въ Египтѣ, съ

Къ этому времени впервые выступилъ на сцену кровавый миѳъ объ употребленіи евреями христіанской крови. Съ начала XIII в. со вступленіемъ Иннокентія III на папскій престолъ положеніе евреевъ еще болѣе ухудшилось. Тогда именно основаны были, сыгравшіе столь печальную роль въ исторіи средневѣковаго еврейства, ордена доминиканцевъ и францисканцевъ. Въ 1215 г. на четвертомъ римскомъ соборѣ было принято рѣшеніе, чтобы евреи въ отличіе отъ остального населенія носили особые знаки на одеждѣ. Черезъ 20 лѣтъ впервые запылали костры для Талмуда. „Отъ XIII в. до XVI, вполнѣ справедливо говоритъ Грецъ [1]) преслѣдованія и избіенія евреевъ учащались съ поражающей быстротой и они чередовались только съ свѣтскими и духовными безчеловѣчными законами, единственная цѣль которыхъ была: унижать, опозорить евреевъ и принуждать къ самоубійству [2]).

Мы видѣли съ какимъ героизмомъ, съ какой самоотверженностью евреи отстаивали свою индивидуальность, свои національныя духовныя богатства. *Каждый* еврей считалъ себя носителемъ великой истины, во имя которой онъ готовъ былъ пожертвовать величайшимъ благомъ: своей жизнью и жизнью своихъ ближнихъ.

Нужно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ многіе узрѣли въ ученіи Маймонида, насквозь проникнутомъ духовнымъ аристократизмомъ, великую опасность для іудаизма? Нужно ли удивляться, что въ ту страшную, насыщенную кровью эпоху, когда каждый рядовой еврей руководствуясь лишь непосредственнымъ религіознымъ чувствомъ, выказывалъ поразительную духовную нравственную мощь—тогда особенно должно было глубоко возмущать горделивое анти демократическое ученіе Маймонида, поучавшаго, что лишь тотъ кто изощряетъ свой умъ въ метафизическихъ тонкостяхъ, становится безсмертнымъ, люди же непосредственной вѣры („упрямые глупцы")—подобно скоту коснѣютъ во мракѣ неизвѣстности и лучъ Провидѣнія на нихъ не снисходитъ. Національный инстинктъ самосохраненія подсказывалъ много-

---

той только разницей, что вмѣсто кирпичей, англійскихъ евреевъ заставляли доставлять золото. Цит. у Греца l. c. p. 207.

[1]) Ibid. B. VII p. 159—60.

[2]) Въ этомъ значительномъ ухудшеніи положенія евреевъ чуть ли не рѣшающую роль играли экономическіе факторы. Особенно роковымъ оказался для евреевъ вызванный крестовыми походами переворотъ въ экономическомъ положеніи Западн. Европы. Мы въ другомъ мѣстѣ имѣли случай подробно говорить объ этомъ. (Происхожденіе Шейлока, стр. 10—17.

страдальному еврейскому народу, что борьба противъ сухого раціонализма является для него вопросомъ жизни и смерти, что противъ аристократической „религіи ума“ Маймонида надо выставить демократическую „религію сердца“, религію чувства. И весьма знаменательно, что еще въ самомъ началѣ, какъ только сталъ зарождаться аристотелевскій періодъ въ исторіи еврейской мысли, за полъ вѣка до появленія книги Маймонида—съ поразительной прозорливостью уже провидѣла всю опасность, которая кроется для еврейской націи въ одностороннемъ раціонализмѣ, одна изъ самыхъ благородныхъ и замѣчательныхъ личностей среднихъ вѣковъ—Іегуда Галеви. И чтобы парализовать вредное, по его мнѣнію, для іудаизма вліяніе аристотелизма, Галеви создалъ свою знаменитую книгу „Кузри“, которая является самой яркой и вдохновенной выразительницей того второго теченія въ еврейской жизни, которое упорно и съ успѣхомъ боролось противъ единодержавной гегемоніи раціонализма.

„Кузри“ является полнымъ антиподомъ „Море“, и читая твореніе Галеви, какъ то не вѣрится, что оно написано за пятьдесятъ лѣтъ до появленія труда Маймонида, а не въ эпоху страстной борьбы, разгорѣвшейся послѣ смерти Маймонида между горячими послѣдователями знаменитаго ученаго и его столь же горячими противниками.

V.

Что же даетъ намъ Іегуда Галеви въ своемъ „Кузри“?

Мы врядъ ли переоцѣнимъ значеніе „Кузри“, если скажемъ, что эта книга является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ европейской мысли въ средніе вѣка. При внимательномъ чтеніи этой книги нельзя не поражаться изумительной, чисто интуитивной прозорливостью Галеви, съ какой онъ порою высказывалъ мысли, ставшія достояніемъ науки и жизни лишь нѣсколько вѣковъ спустя. Что особенно привлекаетъ въ великомъ творцѣ „Кузри“, это удивительная цѣльность и гармоничность его натуры. Высоко поэтическая, глубоко религіозная душа сочеталась въ немъ со свѣтлымъ оригинальнымъ умомъ. Онъ не только былъ великимъ поэтомъ, но и мыслителемъ, вполнѣ вооруженнымъ знаніемъ своего вѣка [1]).

---

[1]) „Jehouda Halewi... war in allen Fächern der Wissenschaft heimisch“ (Grätz. B. VI, p. 143).

И, какъ это ни страннымъ можетъ показаться на первый взглядъ, поэтъ Галеви оказался во многихъ научныхъ вопросахъ гораздо научнѣе знаменитаго ученаго Маймонида. Въ видѣ иллюстраціи укажемъ на одинъ примѣръ. Маймонидъ съ большимъ пренебреженіемъ отзывается о сказаніи въ талмудѣ одного мудреца (раби Абуя), будто нашъ міръ не является первымъ сотвореннымъ Богомъ міромъ, а результатомъ цѣлой цѣпи „твореній", ибо Господь „создавалъ міры и разрушалъ ихъ, создавалъ и снова разрушалъ". Маймонидъ называлъ такую космологическую гипотезу—„отвратительной" (מגונה) [1]). Галеви же находитъ эту гипотезу ничуть не противорѣчащей священному писанію, такъ какъ св. писаніе, говоритъ онъ, вѣдь лишь начинается съ того момента, когда зародился міръ, на которомъ началась *человѣческая жизнь* [2]).

Въ „Кузри" же попадаются также и научныя мысли, прямо таки поразительныя для писателя XII в. Такъ, напримѣръ, Галеви въ одномъ мѣстѣ высказываетъ ту вѣрную мысль, что мы своими чувствами воспринимаемъ не сами предметы, а одни только явленія [3]).

Близко знакомый съ тогдашней метафизикой и философіей, питая глубокое уваженіе къ греческимъ философамъ (въ особенности къ Сократу) онъ тѣмъ не менѣе ополчается въ своей книгѣ противъ властвовавшей надъ его современниками греческой философіи, ополчается потому, что философія эта даетъ пищу только уму, а не сердцу, и, не имѣя нравственно-воспитательнаго вліянія на людей,—она тѣмъ не менѣе утверждаетъ, будто въ одномъ только разумѣ все усовершенствованіе человѣка [4]). Галеви, у котораго этическій міръ былъ неразрывно связанъ съ религіознымъ чувствомъ, не можетъ мириться съ единодержавностью разума. Все существо его проникнуто сознаніемъ, что *одинъ* разумъ не все,

---

[1]) Море Невохимъ ч. II гл. 30.

[2]) „Кузри" ч. I гл. 67: ואם היה מצטרך בעל תורה להאמין ולהודות בהיולי בחומר קדמון ועולמים רבים קודם העולם הזה, לא היה בזה סגם באמונתו, כי היה מאמין כי העולם הזה הוא חדש מזמן ידוע ותחלת האדם אשר היו בו אדם וחוה.

[3]) Ibid. ч. IV гл. 3... החושים אינם משיגים מן המוחשים י אם מקריהם לא עצמיהם.

[4]) Интересна въ этомъ отношеніи данная Галеви въ стихотворномъ отвѣтѣ одному своему знакомому характеристика греческой философіи:

ואל תשיאך חכמה יונית
אשר אין לה פרי כי אם פרחים

„(Не увлекайся греческой философіей, у которой нѣтъ плодовъ, а одни лишь цвѣты").

онъ не есть весь человѣкъ, онъ не является единственнымъ и даже не *главнымъ* источникомъ знанія. Галеви поэтому въ первыхъ же главахъ своей книги ополчается на философовъ, заявляющихъ, будто усовершенствованіе человѣка вполнѣ достижимо однимъ пріобрѣтеніемъ знаній и что будто „при изученіи наукъ, человѣкъ пріобщается къ Творческому Разуму [1]). У философа, говоритъ Галеви, главное—чистое созерцаніе, теоретическое познаніе Бога, его цѣль не *этическое усовершенствованіе*, а *увеличеніе* знанія. Человѣкъ же согрѣтый религіознымъ чувствомъ стремится къ Богу. не только для того, что *познавать* его, но чтобы Онъ сталъ его путеводителемъ въ жизни, регламентировалъ его поступки, его этическое сознаніе и этимъ путемъ довелъ бы его до усовершенствованія.

Человѣкъ религіозный не можетъ удовлетвориться однимъ пріобрѣтеніемъ знаній, онъ стремится претворить постигнутую имъ истину въ дѣло, въ жизнь; философъ же только о томъ и думаетъ, чтобы усовершенствовать свой умъ, только въ этомъ одномъ онъ видитъ счастье человѣка. Философъ который въ одномъ только знаніи видитъ единственный путь къ усовершенствованію, удаляется и обособляется отъ людей, отъ житейскихъ дѣлъ и интересовъ, человѣкъ же религіозный—напротивъ, онъ сознаетъ, что только въ жизни, въ активныхъ поступкахъ, въ его отношеніяхъ къ ближнимъ своимъ, лежитъ путь къ усовершенствованію, къ сближенію съ Богомъ [2]).

Галеви подчеркиваетъ, что въ этическомъ воспитаніи и усовершенствованіи человѣческаго рода, огромную роль играютъ *историко-психологическіе* факторы, что этическія начала, охраняемыя и эволюціонирующія изъ рода въ родъ, начала, санкціонированныя *традиціей*, имѣютъ огромное, историко-культурное значеніе. Ту роль, которую у Канта играетъ „категорическій императивъ", у Галеви выполняетъ санкціонированная традиція—религія. У Канта сущность нравственнаго заложена во внутренней святынѣ помышленія и поэтому никогда невозможно доказать ея дѣйствительное существованіе путемъ опыта; мы находимъ внутри насъ законъ, который въ безусловной формѣ предписываетъ намъ, какъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать. У Галеви же религіозныя основы, перешедшія по *традиціи* черезъ цѣлый рядъ поколѣній, являются высшей санкціей, внутреннимъ сознаніемъ, которое освобождаетъ

---

[1]) Кузри ч. I гл. I.

[2]) Этотъ пунктъ для Галеви очень важенъ и онъ многократно возвращается къ нему. См. ibid ч. IV гл. 13, тамъ же гл. 19 и мн. др.

человѣка отъ сомнѣній и придаетъ ему увѣренность, что иначе быть не можетъ.

По глубокому убѣжденію Галеви, религія является главнымъ двигателемъ нравственнаго усовершенствованія человѣка, такъ какъ только она обладаетъ элементомъ безуловности, философія же не обладаетъ этимъ элементомъ, такъ какъ одна философская система противорѣчитъ другой. Греческіе философы, говоритъ Галеви, должны были ошибаться во многомъ и не понимать или отрицать явленія, которыя констатируютъ еврейскія традиціи, еврейское пророчество, и это потому, что философы относились отрицательно ко „всѣмъ предметамъ", которые не могутъ быть постигнуты путемъ умозрѣнія, пророки же „подтвердили эти предметы" потому, что они не могли отрицать того, что видѣло ихъ духовное око, что подсказывало имъ ихъ внутреннее сознаніе [1]).

Но чтобы вполнѣ ясно понять точку зрѣнія Галеви, крайне важно замѣтить, что у него религія, а именно еврейская религія— есть не что иное, какъ національное сознаніе и самоопредѣленіе. Красной нитью проходитъ черезъ всю книгу Галеви та мысль, что евреи не только религіозная группа, а народно-психологическая индивидуальность, обладающая огромнымъ національно-историческимъ духовнымъ и культурнымъ капиталомъ. Галеви не только подчеркиваетъ національный характеръ еврейской религіи, но проводитъ ту мысль, что еврейская религія свое нравственное, облагораживающее дѣйствіе можетъ оказывать *главнымъ* образомъ на евреевъ, у которыхъ этическія основы этой религіи передавались изъ рода въ родъ и постепенно и неуклонно производили свое облагораживающее дѣйствіе на поколѣнія. Именно въ силу своихъ высоко-этическихъ традицій, евреи и являются „избраннымъ народомъ".

Галеви подчеркиваетъ поэтому, что еврейская религія обязательна только для евреевъ, и что если кто изъ другихъ націй примыкаетъ къ ней, онъ все-таки „не будетъ равенъ намъ" [2]). Галеви высказываетъ ту замѣчательную для своего времени мысль, что культурный человѣкъ является продуктомъ продолжительной исторической эволюціи, что и культура, и нравственность человѣка

---

[1]) Ibid. ч. IV гл. 3—ואלה הענינים אשר לא יושגו מדרך ההקשה, בטלום פלוסופי ין, מפני שההקשה מרחקת מה שלא נראה כמהו, וקיימו אותם הנביאים מפני שלא יכלו להכחיש מה שראוהו בעין הרוחנית.

[2]) Тамъ же ч. I гл. 27.

являются строго послѣдовательнымъ и закономѣрнымъ развитіемъ одного основного процесса.

Въ средніе вѣка, когда въ Европѣ „мы находимъ съ одной стороны ограниченный партикуляризмъ мелкихъ городовъ и съ другой—космополитизмъ, обнимающій собой весь христіанскій міръ запада" (Каутскій)—Галеви неизмѣнно подчеркиваетъ, что еврейская религія при всей общечеловѣчности ея этическихъ основъ, является достояніемъ *исключительно* еврейскаго народа, такъ какъ она представляетъ въ психологическомъ и культурно-историческомъ отношеніи, неразрывную часть еврейскаго народа [1]).

Галеви весьма остроумно указываетъ при этомъ, что даже награды за праведную жизнь, о которыхъ говорится въ Торѣ носятъ чисто національный характеръ [2]). Но для выясненія міровоззрѣнія Галеви весьма важно отмѣтить, что у него индивидуумъ ничуть не порабощенъ націей, изъ за которой отдѣльный индивидуумъ не составляетъ цѣнности самъ по себѣ и превращается лишь въ частичку огромнаго цѣлаго. Галеви видитъ лишь въ націи необходимую среду, внѣ которой индивидуальность никоимъ образомъ не можетъ развиваться во всей ея духовной красотѣ. Для него національный принципъ является источникомъ историческаго прогресса, своеобразнаго богатства жизни и гармоническаго развитія личности. Онъ видитъ такимъ образомъ въ національной идеѣ не подавленіе личности, а необходимое условіе для ея полнаго и свободнаго расцвѣта. Національная религія, несомнѣнность и безусловность которой, по мнѣнію Галеви, подтверждено традиціей, не подавляетъ человѣческой личности, а напротивъ, она придаетъ ей особую цѣнность, увеличиваетъ ея духовное богатство и даетъ ей безсмертіе. Галеви ничто такъ не возмущаетъ, какъ мнѣніе иныхъ философовъ, утверждающихъ будто простые смертные, не обогатившіе свой умъ знаніями, подобны скоту, и душа ихъ умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, безсмертіе же является удѣломъ однихъ только философовъ; мы,—заявляетъ Галеви,—ни за кѣмъ не отрицаемъ награды за благія его дѣла, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ [3]). Нравственная жизнь ведетъ всякаго къ безсмертію, но каждому еврейскому индивидууму особенно облегчаютъ путь къ безсмертію

---

[1]) Не лишнее въ данномъ случаѣ упомянуть, что у Галеви имѣется также указаніе, правда, въ довольно туманной формѣ, что разнообразіе въ традиціяхъ и вѣрованіяхъ у различныхъ народовъ способствуетъ прогрессу человѣчества (Кузри ч. I гл. 100)

[2]) Ibid. ч. I гл. 109—ועל כן איננו אומר בתורה כי אם תעשו המצוה הזאת אביאכם אחרי המות אל גנות והנאות, אבל הוא אומר, ואתם תהיו לי לעם ואני אהיה לכם לאלהים.

[3]) Тамъ же ч. I гл. 111.

историко-психологическіе факторы: освященныя традиціей національно-религіозныя основы.

И именно эти историко-психологическіе факторы, по мнѣнію Галеви, и придаютъ евреямъ, какъ народно психологической индивидуальности, необычайную крѣпость, несмотря на то, что они разсѣяны по всему міру и „подобны мертвому тѣлу“ (כמו הדבר המת). Когда Казари заявляетъ еврейскому мудрецу: „Вы (евреи) въ настоящее время тѣло безъ головы и сердца“ [1]), тотъ возражаетъ, что хотя мы представляемъ собой не только тѣло безъ головы, но разрозненныя кости, зато въ нихъ сохранился духъ живой. Мы не въ положеніи мертвеца, а опасно больного, въ которомъ глубока вѣра, что чудо свершится и „засохшія кости“ воскреснутъ. Мы, продолжаетъ дальше мудрецъ, страдаемъ больше всѣхъ, потому что „Израиль среди націй какъ сердце въ организмѣ“; сердце чувствительнѣе всѣхъ другихъ органовъ, оно и больше всѣхъ страдаетъ, но страданія облагораживаютъ, они очищаютъ народъ отъ всякихъ негодныхъ примѣсей [2]). Къ этому пункту Галеви многократно возвращается. „Божіе сіяніе озаряетъ только страдающія души“, заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [3]).

Но Галеви при всемъ томъ весьма далекъ отъ проповѣди аскетизма. Галеви, въ отличіе отъ Маймонида, который объявлялъ все чувственное позоромъ для человѣка, созданнаго для одного духовнаго, настаиваетъ, что „надо стараться развить всѣ свои духовныя и физическія силы“ [4]), ибо человѣкъ не можетъ вѣдь отдѣлить силы духа отъ тѣла“. [5]) Человѣкъ долженъ быть полнымъ человѣкомъ. При этомъ Галеви высказываетъ также мысль, которую мы потомъ встрѣтимъ въ хасидизмѣ, что служить Богу можно также и радостью, пѣніемъ и пляской [6]).

Мы далеко не исчерпали всего содержанія этой замѣчательной книги, но думаемъ, что и изъ нашего бѣглаго и далеко не полнаго очерка, читателю достаточно выяснился духъ и направленіе творенія Галеви. Въ то время, какъ твореніе Маймонида подкапывается подъ самыя основы іудаизма, книга Галеви, разсматривающая евреевъ какъ народно-психологическую индивидуальность и еврейскую религію какъ національное сознаніе и самоопредѣле-

---

[1]) Тамъ же ч. II гл. 29.
[2]) Тамъ же ч. II гл. 30—44.
[3]) Тамъ же, ч. IV гл. 22... אור אלקים איננו חל כי אם בנפשות הנכנעים
[4]) Тамъ же, ч. II гл. 50.
[5]) Тамъ же... מפני שאין ביכלת בני אדם להלק תקנות כחות הנפש והגוף
[6]) Тамъ же... אם העבוד כך השמחה אל הגנון והרקוד היא עבודה ודבכה בענין האלקי

ніе, вся проникнута доминирующей мыслью, что „Израиль и Тора едины суть“. Вся эта книга сплошной протестъ противъ односторонняго раціонализма, противъ единодержавія разума, вся эта книга проникнута сознаніемъ, что человѣческая личность не исчерпывается одной только разумностью и что смыслъ и цѣль человѣка не внѣ жизни, не въ заоблачныхъ высотахъ абстрактивнаго мышленія, а здѣсь на землѣ въ человѣческихъ интересахъ и стремленіяхъ.

И Грецъ былъ вполнѣ правъ, когда онъ творца этой книги охарактеризовалъ слѣдующими прекрасными словами: Jehuda Halevi war das verklärte Bild des sich selbstbewusten israelitischen Volkes, das sich in seiner Vergangenheit nnd zukunft gedankllich und künstlerisch darzustsllen sucht“ [1]).

VI.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что когда вспыхнула въ первой трети 13-го вѣка агитація противъ Маймонида [2]), противники послѣдняго весьма мало пользовались въ своей борьбѣ стройной и законченной системой, изложенной въ „Кузри“ Іегуды Галеви, и съ „Море Невухимъ“, желавшимъ, по заявленіямъ его противниковъ, элинизировать іудаизмъ и подчинить религію философіи—стало соперничать не ученіе Галеви, а „религія сердца“, мистическая каббала. Но если вспомнить, что какъ разъ за десятилѣтія, отдѣляющія кастильскаго поэта мыслителя отъ начала 13-го вѣка, горизонтъ надъ бездомнымъ Израилемъ все болѣе и болѣе омрачался, станетъ понятнымъ, что ясное и возвышенное ученіе Галеви, который поучалъ своихъ единовѣрцевъ спокойно переносить страданія, „облагораживающія душу“, утѣшаясь тѣмъ, что Израиль „есть сердце среди народовъ“—не могло вполнѣ удовлетворить измученный и изстрадавшійся народъ. Чѣмъ ужаснѣе стала его жизнь, чѣмъ нестерпимѣе стали его муки, тѣмъ менѣе онъ могъ найти удовлетвореніе въ возложенной на него „миссіи“. Когда для еврейскаго народа дѣйствительный

---

[1]) Gesch. d. Juden. B. YI p. 167.

[2]) Борьба противъ Маймонида велась преимущественно въ Испаніи и Провансѣ. Въ сѣверной же Франціи и въ Германіи борьба эта не нашло отклика, такъ какъ тамъ вообще весьма мало интересовались философіей и тамъ нечего было опасаться вреднаго вліянія воззрѣній Маймонида.

міръ превратился въ міръ пытокъ и мукъ—онъ, изъ жажды жизни, изъ чувства самосохраненія сталъ создавать себѣ другой, несуществующій, мистическій міръ, міръ фантазіи и грезъ, гдѣ могло осуществиться все то, чего такъ жаждала его измученная душа. И въ борьбу съ сухимъ раціонализмомъ Маймонида, столь противорѣчащимъ и духу іудаизма и интересамъ народнымъ, выступила въ 13 вѣкѣ таинственная, поэтическая, сильно дѣйствующая на фантазію и чувство каббала.

Историкъ Грецъ, который съ поразительной для серьезнаго ученаго узостью и близорукостью видитъ въ каббалѣ величайшее несчастье для еврейства, а въ главномъ компендіумѣ этого ученія „Зогарѣ", который онъ именуетъ „Lügenbuch"—лишь случайный продуктъ „шарлатана", преслѣдовавшаго своей фальсификаціей одну опредѣленную цѣль: вымогать у простаковъ деньги [1]) — находитъ, что расцвѣтшая въ XIII вѣкѣ пышнымъ цвѣтомъ каббала „gegen maimunische Théorie reagieren wollte" [2]). Въ этомъ заявленіи безспорно много правды, но въ этомъ „реагированіи", не было ничего преднамѣреннаго, заранѣе задуманнаго. Въ каббалѣ безспорно отсутствуетъ всякій преднамѣренный планъ, въ этой удивительной смѣси глубоко философскихъ, возвышенно поэтическихъ и наивно дѣтскихъ воззрѣній видно лишь инстинктивное стремленіе глубоко вѣрующаго и любвеобильнаго сердца постигнуть весь этотъ странный, загадочный, полный ужаса міръ, разгадать его смыслъ, найти и открыть его *этическую цѣлесообразность*. Отвергнутый отъ жизни, всѣми гонимый и преслѣдуемый еврей не могъ удовлетвориться изученіемъ сухой Галахи или

---

[1]) Ibid Note 3 p. 447.

[2]) Вотъ пара образчиковъ „научной" полемики Греца противъ ненавистной ему каббалы: „Die Zwietracht ist die Mutter dieser unheimlichen Geburt». (Gesch. d. Juden B. VII. p. 74). „Er (извѣстный ученый Нахмани) hat die Kabbala ausserordentlich gefördert indem er sie mit seiner Autorität deckte, und hat eben dadurch zur Verdunkelung und Verkümmerung des Judenthums das seinige beigetragen" (ibid p. 56). „Diese vier Kabalisten ersten Ranges... Isaak Ibn Latif, Abraham Abulafia, Joseph G'ikatilia und Mose de Leon... haben das Geisterlicht das die Kraftmänner von Sadia bis Maimuni innerhalb des Judenthums hellleuchtend gemacht, mit dem Füster eines wüsten Wirrwarrs verdunkelt und an die Stelle eines geläuterten Gottesglaubens phantastische. ja, gotteslästerliche Wahngebilde gesetzt. Die Verfinsteruug der folgenden Jahrhunderte in der Judenheit ist zum grossen theil ih werk. Sie haben ihre Zeit und die Nachwelt durch geflissentliches oder unabsichtliches Gauklerwerk in die Irre geführt, und die Schäden, die sie dem Judenthume beigebracht, sind noch bis auf den heutigen Tag fühlbar" (ibid. p. 220).

философіи Маймонида съ ея умственнымъ аристократизмомъ и пренебреженіемъ къ эмоціональнымъ факторамъ. Когда личность въ евреѣ была въ реальной жизни подавлена, и живой человѣкъ превратился въ вещь, принадлежащую свѣтскимъ властителямъ, въ безвольное существо, рабски послушное раввинизму—тогда созданъ былъ другой, фантастическій міръ каббалы, гдѣ не только человѣческая личность была объявлена центромъ вселенной, но все мертвое, безжизненное, зажило своеобразной жизнью; ожили даже мертвыя слова, и въ безжизненныхъ буквахъ стали видѣть особую живую силу, какой-то таинственный смыслъ. Чѣмъ болѣе усиливался внѣшній гнетъ, тѣмъ интенсивнѣе стала вѣра въ ближайшее прекрасное будущее, надежда на скорую награду за всѣ пережитыя страданія. Исконная вѣра въ „Мессію", вѣра въ грядущее избавленіе отъ гнета—стало, начиная съ 13-го вѣка, idée fixe несчастнаго народа, и чѣмъ нестерпимѣе стали муки народа, тѣмъ интенсивнѣе становилась эта вѣра отчаянія, вѣра въ *близкое* избавленіе, которой нельзя было не отдаться всѣмъ сердцемъ, изъ чувства самосохраненія, изъ жажды и стремленія къ жизни, присущихъ какъ всякой отдѣльной личности, такъ и каждой націи. Изъ нѣдръ этихъ то страстныхъ народныхъ стремленій и чаяній и вышла каббала.

О каббалѣ существуетъ цѣлая литература, тѣмъ не менѣе въ исторіи ея развитія осталось много темнаго, неяснаго. Мы не пишемъ научнаго трактата, и для нашихъ цѣлей мы можемъ ограничиться лишь слѣдующими краткими замѣчаніями, относящимися къ исторіи развитія этого ученія Прежде всего надо имѣть въ виду, что каббала нѣмецкой школы значительно отличается отъ каббалистическихъ ученій испанской и южно-французской школъ. Нѣмецкіе евреи, чуждые философскихъ знаній, выработали болѣе грубое каббалистическое ученіе, основанное преимущественно на вавилонскихъ суевѣріяхъ, нашедшихъ себѣ пріютъ какъ въ самомъ Талмудѣ, такъ и въ многочисленныхъ мистеріяхъ, созданныхъ въ Вавилонѣ же въ гаонскій періодъ [1]). Испанскіе же, болѣе образованные каббалисты, создали теоретическую философскую каббалу. На метафизико-спекулятивныхъ воззрѣніяхъ каббалы замѣтно сильное вліяніе ученій Филона и Габироля, извѣстной книги

---

[1]) „Die deutsche kabbalystische Schule, deren bedeutender Lehrer Rabi Elieser aus Worms (st. 1238), hat ihren letzten Ursprung in den Hochschulen Babiloniens" (Ad. Jelenik „Auswahl kabbalistischer Mystik", „erst. Heft p. 27)—См. также д-ъ Беренфельдъ „Даатъ Гелоимъ" ч. IV стр. 347 и др.

„Сеферъ іециро“ (неизвѣстнаго автора), составленной въ 7 или 8 вѣкѣ, а также тѣхъ гностическихъ воззрѣній, которыя разбросаны въ Талмудѣ [1]). Уже въ первыхъ каббалистическихъ сочиненіяхъ, какъ въ трактатѣ объ эманаціяхъ (מסכת אצילות) [2]) написанномъ въ 12 вѣкѣ р. Яковомъ Назиромъ [3]), въ книгѣ „Божья помощь“ (עזרת די) [4]), написанной учителемъ Нахмани Азріелемъ (жилъ въ первой половинѣ 13 вѣка) и во „Вратахъ неба“ (שער השמים) [5]) р. Яковъ б. Шешета—мы встрѣчаемъ, проникнутое пантеизмомъ ученіе Габироля объ эманаціяхъ (אצילות), о Волѣ [6]) Первопричины (אין סוף), черезъ посредство которой (воли) все существующее превращено изъ потенціи въ дѣйствительность. Подобно тому, какъ у Габироля мірозданіе составляетъ собой не что иное, какъ сочетаніе матеріи и формы въ ихъ различныхъ взаимоположеніяхъ, при чемъ матерія является началомъ воспринимающимъ, а форма началомъ дающимъ, опредѣляющимъ—въ каббалѣ все является сочетаніемъ двухъ началъ: активнаго („мужского“) и пассивнаго („женскаго“) [7]). Сочетаніе этихъ двухъ началъ ведетъ не только къ созданію матеріальныхъ реальныхъ явленій, но и къ возникновенію духовныхъ интеллектуальныхъ представленій. Эти начала и продукты ихъ сочетаній, представляющіе изъ себя мірозданіе въ видѣ непрерывной, непрекращающейся цѣпи, все болѣе грубѣютъ, становятся все болѣе матеріальными, чѣмъ больше они удаляются отъ первоисточника жизни и свѣта—отъ Верховнаго Творца. Творческое начало, по ученію каббалы, безусловно, безконечно (אין סוף), едино и недѣлимо; познавать Его сущность невозможно,—она непостижима уму человѣческому. Богъ, это *абсолютно негативное* („אין“) потому что, объясняетъ „Зогаръ“, мы не знаемъ, да не можетъ быть узнано, что скрыто подъ этимъ началомъ“ [8]). Связующимъ звеномъ между

---

[1]) А. Франкъ въ своей книгѣ „La Cabale etc“ особенно подчеркиваетъ вліяніе парсизма на каббалу (стр. 260—88, цит. по нѣмецкому переводу Елинека).

[2]) Напечатанъ въ вышецитированной книгѣ Елинека, а также въ видѣ приложенія къ „מדרש אגדת בראשית“ (стр. 112—20) Люблинск. изд.

[3]) См. Елинекъ l. c.

[4]) Grötz „Geschichte etc.“, B. VII Note 3 p. 452.

[5]) Ibid; см. также 165—53 אוצר נחמד ח״נ עמ׳

[6]) У Як. б. Шешета—רצון, у Азріэля—רום המעלה, въ „Трактатѣ“—כתר

[7]) „Все что существуетъ, сказано въ „Зогарѣ“, все что создано Творцомъ—создано началами мужеского и женскаго“ (כלא אתקיים בדכר ונוקבא) ч. 3-я стр. 290 а, цит. по изд. Мантуа, перепечатанное въ Варшавѣ въ 1867 г.

[8]) Часть 3-я стр. 288 б.

непостижимымъ Абсолютнымъ и конечнымъ, являются десять „сефиротъ“ [1]) или десять атрибутовъ, являющихся первымъ проявленіемъ (манифестаціей) Творца. Но проявленіе это не является *полнымъ* отраженіемъ Абсолюта, а скорѣе Его самоограниченіемъ, такъ какъ только въ такомъ видѣ Безконечное (אין סוף) можетъ проявиться.

Очень характерна для каббалы и ея взгляда на первенствующую роль человѣка въ мірозданіи слѣдующая подробность. Сумму всѣхъ этихъ десяти „сефиротъ“, которыми „Энъ-софъ“ впервые проявляетъ себя, каббала называетъ אדם קדמון, אדם עלאה, т. е. первообразомъ, „идеей“ человѣка [2]). „Образъ (идея) человѣка, сказано въ Зогарѣ, является прообразомъ всего, что на небѣ и на землѣ; поэтому Творецъ и создалъ его по подобію Своему“. „Никакой образъ, никакой міръ не могъ существовать до человѣческаго образа, такъ какъ послѣдній заключаетъ въ себѣ все, и все, что существуетъ—существуетъ только благодаря ему; не будь его, не было бы никакого міра“.

Но каббала не только допускаетъ, подобно Галеви, возможность существованія міровъ до образованія нашего міра, она идетъ гораздо дальше. Выходя изъ мысли, что ничто во вселенной не пропадаетъ безслѣдно [3]) и что все „объединено въ Богѣ“, каббала отрицаетъ, будто міръ созданъ изъ „ничего“. По ученію каббалы, подъ „ничто“ изъ чего вышелъ міръ, надо понимать Высшую первопричину, которая и есть Абсолютно негативное—אין. Но этотъ міръ, по увѣреніямъ каббалы, не первое твореніе, и до него существовало множество міровъ [4]). „Но почему спрашиваетъ Зо-

---

[1]) Эти „сефиротъ“ распадаются на три тріады, состоящія изъ одной активной „мужеской“, другой пассивной „женской“ и третьей нейтральной, являющейся синтезомъ первыхъ двухъ. Десятая „сефиротъ“ является посредницей между тремя тріадами и мірозданіемъ,

[2]) Въ каббалѣ, какъ и у Платона, все существующее является отраженіемъ „идей“. „Здѣшній міръ, сказано въ Зогарѣ, созданъ по подобію верхняго міра: все что есть въ верхнемъ существуетъ и здѣсь на землѣ въ видѣ отраженія; но все едино“ ועשה העולם הזה כנגד העולם של מעלה וכל מה שיש למעלה כדונמתו למטה... והכל אחד. ч. 2-ая стр. 20 а

[3]) „Ничто, поучаетъ Загаръ, не исчезаетъ въ мірѣ безслѣдно, даже дыханье, выходящее изъ устъ: оно, какъ и все другое, имѣетъ свое назначеніе“ (Часть II ст. 100 б.).

Все, что есть въ мірѣ, какъ тѣлесное, такъ и интеллектуальное возвращается къ своему источнику, къ своей, основѣ откуда оно вышло. Часть II стр. 218 б.

[4]) Часть III. ст. 61 а и б: עד לא ברא הקב"ה האי עלמא הוי באדי עלמין וחריב לון.

гаръ, всѣ эти прежніе міры подверглись разрушенію? Потому что человѣкъ тогда еще не былъ созданъ... Пока еще не было человѣческаго образа, предшествовавшіе ему міры не могли существовать, сохраниться; они распались, пока не явился образъ человѣческій" [1]). „Человѣкъ, говорится въ другомъ мѣстѣ, въ одно и то же время и высшая ступень и сама сущность творенія... Какъ только былъ созданъ человѣкъ—все было закончено, какъ верхній, такъ и нижній міръ, такъ какъ все содержится въ человѣкѣ, онъ объединяетъ въ себѣ всѣ формы" [2]).

При той исключительной роли, какую каббала приписываетъ человѣку, неудивительно, что каббала высказываетъ ту глубокую, этическую мысль, что безъ вліянія и активнаго дѣйствія человѣческой личности — и Божія благодать немыслима. אין שפע יורד מלמעלה אלא אם קודמת לו התעוררת מלמטה—„благодать никогда не спускается сверху, если ей не предшествуетъ побужденіе снизу". На встрѣчу изліянію (эманаціи) божественнаго сіянія нисходящаго на все сущее, поднимается свѣтъ, истекающій снизу. Человѣческая личность не пассивно воспринимаетъ Божью благодать, она сама (личность) вліяетъ на высшія сферы, лишь она даетъ возможность Божіей благодати проявиться, безъ нея это было бы невозможно. מעולם לא התעוררה מדת הרחמים מלמעלה בלי התעוררות שבלב מלמטה—„никогда жалость не пробуждается сверху, если ей не предшествуетъ побужденіе сердца внизу", поучаетъ Зогаръ. Высшая сила въ мірѣ, это любовь; „въ любви—говоритъ Зогаръ,—вся тайна единства Бога. Она, ничто другое, связываетъ высшую ступень съ низшими, она все поднимаетъ на ту высокую ступень, гдѣ все сливается въ въ одно [3])". Не нужно забывать, что каббала не признаетъ рѣзкаго дуализма между матеріей и духомъ, у ней матерія не является чѣмъ то самостоятельнымъ, а тѣмъ же духомъ, но въ менѣе просвѣтленнымъ видѣ, съ меньшимъ запасомъ живительныхъ лучей, испускаемыхъ источникомъ жизни, свѣта, энергіи—первопричиной. У каббалы и матеріальные элементы „клипотъ" не мертвая, безжизненная масса, и они одухотворены Божьимъ свѣтомъ, хотя и въ скудной степени. „Господь,—поучаетъ Зогаръ,—есть начало и конецъ всѣхъ нисходящихъ ступеней творенія, всѣ эти ступени запечатлѣны его печатью" [4]). И „клипотъ", и онѣ носятъ божественную „печать", и онѣ носятъ въ себѣ лучи божественнаго

---

[1]) Часть III стр. 135, а и б.
[2]) Часть III стр. 48, а; часть II, стр. 74 а.
[3]) Часть 2-ая, стр. 216 а.
[4]) Часть первая, стр. 21а.

свѣта, божественной энергіи. Все едино, все одухотворено, и всѣ ступени творенія стремятся другъ къ другу, дабы слиться съ болѣе высшимъ, болѣе совершеннымъ. Безжизненное стремится къ живому, живое къ человѣку, душа котораго безсмертна. Все въ мірѣ проникнуто Божьимъ свѣтомъ и все стремится къ этому свѣту; каждый проступокъ человѣка уменьшаетъ этотъ свѣтъ, наноситъ ущербъ Божеству, исполненіе же заповѣдей (מצוה) желательно не только потому, что такъ приказано свыше, и не потому именно, что это полезно человѣку, а потому что этимъ человѣкъ производитъ дѣйствія на благодать Божью, увеличиваетъ святость, одухотворенность на землѣ и реагируетъ на высшія сферы. Всѣ поступки человѣка запечатлѣны высоко-этическимъ смысломъ. Поэтому каббала ставитъ благочестиваго и праведнаго человѣка на недосягаемую высоту. Но воззрѣніямъ каббалы, праведникъ—центръ, основа вселенной (צדיק יסוד עולם), онъ ставится даже выше ангела [1]), онъ является жертвой и искупленіемъ міра (צדיקיא כפרה דעלמא וקרבנא אינון דעלמא). Но и всякій простой массовой еврей, своимъ исполненіемъ заповѣдей, своей благочестивой жизнью, исполняетъ великую миссію, ибо душа каждаго человѣка призвана играть активную роль въ мірѣ. По воззрѣніямъ каббалы, молитва играетъ огромную роль въ жизни человѣка. Маймонидъ, какъ мы видѣли раньше, находилъ, что служить Богу можно только углубляясь разумомъ въ Его сущность, на что способны лишь единичные избранники, масса же не имѣетъ духовной связи съ Богомъ, а молитва является чуть ли не кощунствомъ. Каббала же какъ религія чувства, удѣляющая особое вниманіе эмоціональнымъ свойствамъ человѣческой натуры, особенно подчеркиваетъ большое психологическое значеніе совмѣстной молитвы, при которой душа человѣка переживаетъ интенсивный, моральный подъемъ. Молитва, поучаетъ каббала, настраиваетъ душу вѣрующаго на возвышенный ладъ, приближаетъ его къ божеству, и божественная благодать выводится изъ потенціи въ дѣйствительность. Мистическая каббала не смотрѣла на слова молитвы какъ на мертвыя, заученныя слова: въ каждомъ словѣ, въ каждой буквѣ каббалисты видѣли глубокій, одухотворяющій смыслъ, который очищаетъ вѣрующую душу и приближаетъ ее къ источнику свѣта. И не только избранные,—весь народъ Израильскій можетъ при помощи молитвы освятить себя, приблизиться къ божеству. Не только мудрецы, постигшіе всякія премудрости, но всѣ евреи, исполняющіе заповѣди

---

[1]) Часть III, стр. 68б.

Торы и всѣ благочестивые среди другихъ народовъ, исполняющіе заповѣди Ноя, имѣютъ, по ученію каббалы, безсмертную душу.

Думаемъ, что и изъ нашего бѣглаго и весьма неполнаго очерка, читателю становится вполнѣ понятнымъ, что именно мистическая и поэтическая каббала легко могла стать народнымъ религіознымъ ученіемъ. Дѣйствуя на чувство, на фантазію, она легко могла завоевать широкія, народныя массы. Она соотвѣтствовала потребностямъ не ничтожнаго меньшинства, а всего дома Израиля. Изстрадавшаяся, мистически настроенная, еврейская личность искала духовнаго міра, гдѣ она могла бы найти утѣшеніе забыться въ своихъ страданіяхъ. И это могли дать не сухая, средневѣковая философія, не холодное изученіе талмудической казуистики, а таинственная, полная мистической поэзіи каббала. Она въ самую ужасную эпоху еврейской исторіи, сохранила еврейское сердце отъ полнаго омертвѣнія, она согрѣвала его чувства, утѣшала и облегчала его раны.

И на арену еврейской жизни одинъ за другимъ выступаютъ экзальтированные фантасты, возвѣщающіе о близкомъ избавленіи. Вотъ является таинственный Давидъ Рейбену и его благородный сподвижникъ Соломонъ Молхо, за ними слѣдуетъ Ашеръ Лемлейнъ [1]) и мн. др.

Но еврейская чаша скорбей все еще не переполнилась. Въ серединѣ XVII го вѣка новая, страшная гроза разразилась надъ бездомнымъ народомъ, сметавшая на своемъ разрушительномъ пути сотни еврейскихъ общинъ. Настала ужасная пора Хмельничины, и снова воскресли всѣ ужасы крестовыхъ походовъ и черной смерти. Болѣе четверти милліона [2]) погибло отъ огня и меча въ теченіе этого страшнаго десятилѣтія (1648—58). Обезумѣвшій отъ ужаса народъ охватила одна мысль: „такъ жить нельзя". Что-нибудь должно свершиться и положить конецъ этимъ безпримѣрнымъ страданіямъ. И народъ ждалъ спасенія, ждалъ съ нетерпѣніемъ, ждалъ съ глубокой вѣрой, на какую только способна измученная, настроенная на мистическій ладъ, человѣческая душа. Въ этотъ критическій моментъ на арену еврейской исторіи выступаютъ двѣ личности, два антипода, представители двухъ различныхъ міровъ. Одинъ—титанъ мысли, для котораго разумъ все, знаніе—единственный смыслъ жизни, величайшее блаженство и счастье; а другой—смѣлый мечтатель, съ необуздан-

---

[1]) Грецъ, l. c. Band. IX p. 242—43.
[2]) Грецъ, l. c. Band. X p. 78.

ной, доходящей до галлюцинаціи фантазіей, у котораго реальный міръ переплетенъ съ фантастическимъ. Первый—холодный безпощадный и безстрастный мыслитель, второй—экзальтированный мистикъ, находящійся на границѣ нормальнаго и психопатическаго. То были—Барухъ Спиноза и Сабатай Цеви.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

С. Л. Цинбергъ.

Поѣздка въ Демавендъ.

(Продолженіе [1]).

Еврейское населеніе Демавенда насчитываетъ 60 слишкомъ семействъ, помѣщающихся въ менѣе, чѣмъ 50 домахъ, расположенныхъ въ кварталѣ Дервишъ двумя группами по обоимъ склонамъ каменистаго полуострова, на которомъ расположенъ городокъ. По западному склону, обращенному къ рѣчкѣ Мешкедже, находится группа въ 17 домовъ, расположенныхъ по обѣ стороны подымающагося въ гору переулка; остальные же дома находятся на восточномъ склонѣ, обращенномъ къ Таару, образуя нѣсколько переулковъ. Первая группа заключаетъ въ себѣ почти всѣ лучшіе, принадлежащіе евреямъ, дома и лучшую изъ четырехъ синагогъ; остальныя три синагоги и болѣе бѣдные дома находятся на другой сторонѣ. Демавендскіе евреи испытываютъ сильное стѣсненіе въ отношеніи распространенія предѣловъ квартала, такъ какъ мусульмане уже давно не продаютъ своихъ домовъ евреямъ; объясняется это не только тѣми общими причинами, о которыхъ я подробно говорилъ въ моемъ очеркѣ „Тегеранскіе евреи", но и упомянутою уже особенностью мѣстнаго населенія, которое крѣпко держится за свою земельную собственность и съ трудомъ разстается съ полемъ, садомъ, домомъ, даже при очевидной выгодности продажи. Отчасти, какъ объяснилъ мнѣ Аджи Моше, объясняется это еще и тѣмъ, что въ Демавендѣ принято хоронить покойниковъ въ погребахъ, и никому не хочется продать „кяфиру" (невѣрному) домъ, подъ которымъ покоится прахъ мусульманина. О томъ же, чтобы отдать еврею домъ въ наймы—и рѣчи быть не можетъ. Въ результатѣ и явился тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ домахъ, къ тому же самыхъ бѣдныхъ и тѣсныхъ, живетъ по два

[1]) См. „Кн. Восх." Августъ.

и по три семейства, хотя это и противорѣчитъ всѣмъ восточнымъ привычкамъ и понятіямъ. Этотъ, такъ сказать, квартирный вопросъ до такой степени обострился, стѣсненіе было такъ ощутительно, что у Аджи Моше явилась мысль облегчить его, не забывая въ то же время своихъ выгодъ. Дѣло въ томъ, что земля по другую сторону переулка принадлежала также ему въ компаніи съ однимъ демавендскимъ евреемъ; землю эту они сдавали подъ огородъ, и лишь къ нижней части были посажены нѣсколько рядовъ плодовыхъ деревьевъ, да у самой стѣны высились два или три громадныхъ орѣха, покрывавшихъ своею тѣнью тропинку надъ кручею берега. На этомъ-то косогорѣ Аджи Моше и задумалъ построить нѣсколько домовъ для отдачи ихъ въ наймы евреямъ. Къ слову сказать, кромѣ этихъ двухъ клочковъ земли, евреи, внѣ черты городскихъ домовъ, не владѣютъ больше нигдѣ недвижимостью, за исключеніемъ кладбищъ и сада въ деревнѣ Галліаръ, о которыхъ еще будетъ рѣчь ниже.

Поселеніе евреевъ вь Демавендѣ относится къ сороковымъ или даже тридцатымъ годамъ XVIII столѣтія, — тому періоду, когда, послѣ смерти Надиръ-шаха, разлагающаяся Персія подвергалась нашествію воинственныхъ афганцевъ, прошедшихъ ее вдоль и поперекъ, предавая все огню и мечу. Евреи въ значительномъ числѣ жили тогда въ Галліарѣ, бывшемъ, очевидно, порядочнымъ городкомъ. При приближеніи афганцевъ они, въ числѣ другихъ жителей, бѣжали оттуда, причемъ большинство бѣглецовъ направилось черезъ Эльборусскія горы на востокъ въ Мазандеранъ, гдѣ и до нихъ существовали во многихъ мѣстахъ еврейскія общины. Часть жителей Галліара спаслась на сѣверъ черезъ ущелье рѣчки Демавенда въ этотъ городокъ; въ числѣ ихъ было четыре еврейскихъ семейства, поселившихся затѣмъ въ Демавендѣ, такъ какъ Галліаръ оказался совершенно разореннымъ. Масса жителей, въ томъ числѣ и евреевъ, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, были перебиты афганцами, и еврейская община съ тѣхъ поръ перестала существовать въ Галліарѣ. Эти четыре семейства были родоначальниками четырехъ коренныхъ демавендскихъ еврейскихъ родовъ, носящихъ, по имени ихъ предковъ, фамильныя прозвища Мурабети, Исаади, Хосрови, Коаи; тѣ же евреи, предки которыхъ поселились въ Демавендѣ позже афганскаго нашествія, носятъ прозвище Зергерди, по имени одной мѣстности въ Мазандеранѣ. Изъ числа визитеровъ, посѣтившихъ меня въ первое утро послѣ моего пріѣзда, одинъ поразилъ меня своею внѣшностью. Это былъ худощавый, подвижной человѣкъ, въ общемъ про-

изводившій довольно несимпатичное впечатлѣніе, выдѣлявшійся среди другихъ визитеровъ своимъ костюмомъ: онъ былъ одѣтъ въ страшно поношенный черный сюртукъ и красную феску. Это былъ нѣкій Юсуфъ (т. е. Іосифъ), англійскій, или вѣрнѣе, индійскій подданный, и этотъ костюмъ долженъ былъ подчеркнуть его неперсидское подданство; отецъ его, выходецъ изъ южныхъ провинцій, жилъ въ Индіи, тамъ натурализовался и затѣмъ вновь вернулся въ Персію.

Кромѣ тѣхъ, кто живетъ на средства другихъ, т. е. женщинъ, дѣтей, больныхъ и дряхлыхъ, почти всѣ демавендскіе евреи добываютъ средства къ существованію торговлею, и при томъ исключительно въ разносъ. Во всемъ Демавендѣ есть, въ кварталѣ, только одна бакалейная лавочка, принадлежащая еврею; а такъ какъ покупателями, въ силу тѣхъ причинъ, о которыхъ я говорилъ въ моемъ первомъ очеркѣ, можетъ быть только еврейское населеніе, немногочисленное и до послѣдней крайности бѣдное, то понятно, что блестящихъ доходовъ это предпріятіе своему владѣльцу давать не можетъ. Демавендскіе евреи торгуютъ въ разносъ мануфактурными и мелкими галантерейными товарами по окрестнымъ деревнямъ; большею частью это—бумажныя ткани и ситцы англійскаго, голландскаго или русскаго происхожденія, ермолки (арахчинъ), шапки, нитки, бумажная пряжа и т. п.; пріобрѣтаются эти товары чаще всего въ Тегеранѣ. Болѣе состоятельные навьючиваютъ свою походную лавочку на осла, бѣдняки же тащутъ ее на собственной спинѣ. Въ такомъ видѣ они уходятъ все дальше и дальше отъ дома, забираясь все выше и выше въ горныя деревни и въ становища кочевниковъ; дѣловыя отношенія съ этими послѣдними для евреевъ-коробейниковъ самыя желательныя, но не потому, чтобы они являлись особенно богатыми или щедрыми покупателями; этого и нельзя ожидать при низкомъ уровнѣ ихъ потребностей и натуральномъ способѣ веденія ихъ примитивнаго хозяйства (денежныхъ знаковъ у нихъ почти никогда не бываетъ); но менѣе зараженные шіитскимъ фанатизмомъ, чѣмъ осѣдлое населеніе, они лучше относятся къ торговцу-еврею и всегда дадутъ ему и пріютъ, и молока, сыра и т. д.; въ деревняхъ же это устраивается уже не такъ легко, въ особенности пріютъ на ночь. О столь частыхъ въ южныхъ провинціяхъ случаяхъ ограбленія или убійства евреевъ-коробейниковъ здѣсь почти не слышно, а мелкія обиды, конечно, приходится проглатывать молча. Набѣгавшись и наработавшись такимъ образомъ за лѣтніе мѣсяцы, еврей коробейникъ за то имѣетъ возможность отдыхать, проѣдая свой скудный зарабо-

токъ, зимою. Кочевники мало-по-малу исчезаютъ, уходя на югъ; садовники и земледѣльцы, живущіе лѣтомъ въ шалашахъ въ садахъ и на огородахъ, перебираются обратно въ деревни; горныя ущелья заваливаетъ снѣгомъ иногда въ ростъ человѣка; волки подходятъ къ самому городку и воютъ на противоположныхъ берегахъ рѣчекъ, жизнь замираетъ,—и жутко, вѣрно, тогда непривычному въ этихъ мѣстахъ.

Какъ ни тяжела профессія коробейника, она имѣетъ еще тотъ недостатокъ, что въ лучшемъ случаѣ даетъ едва-едва возможность прожить отъ одного сезона до другого. Торговля другими продуктами недоступна еврею изъ-за фанатизма шіитовъ, и лишь въ послѣднее время кое-кто сталъ пробовать скупать сушеные абрикосы для перепродажи ихъ барфрушскимъ армянамъ, экспортирующимъ этотъ товаръ въ Россію.

Кромѣ этихъ торговцевъ, среди демавендскихъ евреевъ встрѣчается еще только одна профессія—врачебная; почти всѣ демавендскіе врачи, если не евреи, то еврейскаго происхожденія. Лучшимъ врачомъ считается упомянутый уже раввинъ Хаимъ, называемый, въ отличіе отъ другого муллы того же имени, мулла Аимъ Абрагамъ (т. е. по отчеству); второй Хаимъ, называемый мулла Аимъ Шемуэлъ,—тоже врачъ, шохетъ, иногда мясникъ. Врачомъ считается не только онъ, но и его жена и ихъ сынъ Рахметулла; послѣдній одно время практиковалъ въ тегеранской государственной больницѣ, устроенной на полуевропейскій ладъ, и пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ въ обращеніи съ инструментами, получаемыми изъ Европы лѣкарствами и т. д.; я видѣлъ у него наборы европейскихъ хирургическихъ инструментовъ. Врачъ Нахураи, молодой человѣкъ, живущій на краю большого квартала, почти у самой рѣчки Таару, посѣтилъ меня черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда и все освѣдомлялся, долго ли я намѣренъ пробыть, есть ли у меня съ собою лѣкарства и т. п. Оказалось, что это послѣдствія тѣхъ слуховъ, которые возникли послѣ того, какъ я лѣчилъ Ануку, и согласно которымъ я былъ врачомъ. Я его успокоилъ, и послѣ того мы съ нимъ встрѣчались—совершенно по-пріятельски. Этотъ Нахураи женатъ на дочери другого врача Ягуба, домъ котораго стоялъ на другомъ берегу Мешкедже немного выше сада Аджи Моше по теченію. Этотъ Ягубъ незадолго до того принялъ мусульманство. Хотя врачебная профессія даетъ нѣкоторый, болѣе постоянный заработокъ, но изъ-за того, что приходится въ одно и то же время быть и врачомъ, и рѣзникомъ и мясникомъ, видно, что въ Демавендѣ богатства и она не даетъ.

Ремесленниковъ между евреями въ Демавендѣ совершенно нѣтъ; женщины иногда прядутъ въ свободное время бѣлыя нитки, употребляемыя для „сиситъ“ (цицисъ), и это служитъ имъ маленькимъ подспорьемъ.

Евреи здѣсь образуютъ маленькую общину, признаваемую оффиціально. Главою ея считается раввинъ, т. е. мулла Аимъ Абрагамъ, на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, собирать джезіе [1]) и передавать ее „акиму“; всего здѣсь платится 7 тумановъ, изъ коихъ 6 поступаютъ въ шахскую казну, а одинъ въ пользу „акима“. Конечно, это не избавляетъ евреевъ отъ поземельнаго налога „маліатъ“ и отъ поборовъ. Кромѣ того, община имѣетъ „раиса“ (старосту), назначеніе котораго представлять общину въ полицейскихъ и административныхъ дѣлахъ; раисомъ состоялъ упомянутый уже пріятель моихъ хозяевъ Ага Ниссонъ Мурабети.

Бѣдность жителей этой маленькой общины поражаетъ даже въ Персіи, гдѣ жизнь вообще проста, а евреи вообще страшные бѣдняки. Еврейскаго дома, подобнаго дому Ага Ниссона, я не видалъ болѣе въ Демавендѣ; дома врачей и домъ компаньона Аджи Моше по владѣнію землей уже значительно уступаютъ; ему остальные же дома своими небѣлеными стѣнами и всѣмъ своимъ жалкимъ видомъ производятъ тяжелое впечатлѣніе даже послѣ домовъ тегеранской еврейской бѣдноты. Питаются демавендскіе евреи чрезвычайно скудно; бараны рѣжутся только разъ въ недѣлю, къ субботѣ, и то—не болѣе одного, двухъ на всю общину; мясниковъ, собственно говоря, и нѣтъ: рѣжетъ барана за собственный счетъ или одинъ изъ муллъ Аимовъ или еще третій шохетъ, настоящая профессія котораго коробейничество, при чемъ они стараются распродать барана по частямъ еще до того. какъ онъ зарѣзанъ. Если рѣзникъ рѣжетъ барана для кого-нибудь другого, онъ получаетъ за это 10 шай и печень; но, какъ читатель видитъ, рѣзка скота или птицъ составляетъ побочное занятіе. Для меня мой Илья рѣзалъ ежедневно цыпленка или курицу, но были дни, когда я сидѣлъ на молочной діэтѣ, потому что всѣ рѣзники были въ отсутствіи. Обычную пищу составляютъ — молочные продукты, овощи, рисъ и хлѣбъ, который пекутъ въ видѣ тонкихъ большихъ листовъ. Въ противуположность Тегерану, гдѣ евреи покупаютъ хлѣбъ въ окрестныхъ мусульманскихъ пекарняхъ, здѣсь пекутъ хлѣбъ въ домахъ, въ ямахъ, выложенныхъ кирпичомъ и

[1]) Еврейская подать шаху за покровительство (см. „Тегеранскіе евреи“).

обмазанныхъ глиной, такъ что внутренность ихъ получаетъ яйцевидную форму; яма эта раскаляется, и затѣмъ раскатанные листы тѣста приклеиваютъ на нѣкоторое время къ стѣнамъ. Въ Демавендѣ, между прочимъ, пекутъ небольшіе сладкіе хлѣбцы на молокѣ „нуни-ширмалъ", славящіеся даже въ Тегеранѣ.

Несмотря на бѣдность и на скудное питаніе, здѣшніе евреи выгодно отличаются своею внѣшностью отъ тегеранскихъ евреевъ. Вѣроятно, это слѣдствіе того, что живутъ они не въ душномъ и грязномъ кварталѣ, а въ маленькомъ городкѣ со свѣжимъ воздухомъ, съ садами и полями кругомъ, и съ дѣтства помогая старшимъ, бродятъ по горамъ,—но они большею частью имѣютъ здоровый видъ сильныхъ мускулистыхъ людей, съ смуглыми обвѣтрившимися лицами. Впрочемъ, въ этой маленькой общинѣ было двое слѣпыхъ, что слѣдуетъ, какъ и повсюду въ Персіи, приписать той нечистоплотности, въ которой растутъ дѣти, и что, во всякомъ случаѣ, представляетъ собою немалый процентъ.

О случаяхъ двоеженства я почти не слыхалъ. Для полной характеристики Ага Ниссона я долженъ прибавить, что, проживъ лѣтъ 20 съ женою, отъ которой у него не было дѣтей, онъ, глубоко скорбѣвшій объ этомъ, женился незадолго до моего пріѣзда въ Тегеранѣ на вдовѣ; вторая жена осталась жить въ Тегеранѣ, что сдѣлано имъ для того, чтобы не лишить первой ея значенія въ домѣ, хозяйкой котораго она была уже столько лѣтъ.

Какъ ни тяжело положеніе евреевъ въ Тегеранѣ среди окружающаго населенія,—здѣсь оно еще тяжелѣе. Понятіе о „наджесъ", т. е. о томъ, что иновѣрецъ оскверняетъ своимъ прикосновеніемъ всякій влажный предметъ, — здѣсь отравляетъ жизнь еврея еще больше, чѣмъ въ Тегеранѣ. Какъ я уже упоминалъ, жители горныхъ деревень и кочевники болѣе толерантны, но въ самомъ Демавендѣ уже ни за что не позволятъ на базарѣ еврею прикоснуться къ покупаемымъ съѣстнымъ припасамъ и т. п., — онъ долженъ ихъ оцѣнивать, такъ сказать, на глазъ; еврей при разговорѣ не долженъ стоять лицомъ къ лицу съ мусульманиномъ, потому что онъ можетъ брызнуть въ него слюною и т. д. Въ первые дни моего пребыванія въ Демавендѣ кто-то изъ нищихъ похитилъ у меня пару новыхъ „геве" (башмаки изъ бумажной вязаной ткани на подошвѣ изъ прессованныхъ тряпокъ). Подобно тому, какъ мы, европейцы, дѣлали въ Тегеранѣ, я послалъ на базаръ принести мнѣ нѣсколько паръ для примѣрки, но торговцы, зная, что это — для еврея или вообще иновѣрца, отказались продать такимъ образомъ: нога, могущая быть потной, осквернитъ обувь; оставалось, слѣдо-

вательно, или купить безъ примѣрки, прикидывая на глазъ, или отказаться отъ покупки. Впрочемъ, въ проявленіяхъ такой религіозной щепетильности, несомнѣнно, много фальши и лицемѣрія, и несомнѣнно, что все это дѣлается только на виду, на людяхъ; тамъ же, гдѣ этого никто не увидитъ, а въ особенности тамъ, гдѣ предстоитъ выгода отъ неполнаго соблюденія представленія о „наджесъ",—и многіе демавендскіе персы не такъ строги, въ чемъ меня убѣдили многіе факты. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я ниже еще познакомлю читателя. Къ числу особенностей жизни въ Демавендѣ, вызываемыхъ понятіемъ о „наджесъ", принадлежитъ еще и то, что евреи могутъ пользоваться только нѣкоторыми изъ родниковъ въ кручахъ береговъ демавендскихъ рѣчекъ, и мусульмане уже изъ этихъ родниковъ воды не берутъ.

Такіе факты, какъ задѣванія на улицѣ, брошенный мальчишкою камень и т. п.,—стараются проглотить безъ отвѣта, и это не кажется чѣмъ-то особеннымъ. Впрочемъ, по отзывамъ всѣхъ демавендскихъ евреевъ, жизнь въ послѣдніе годы становится все легче. Еще, напримѣръ, сравнительно недавно внѣ города евреи могли ходить только по большимъ дорогамъ и по извѣстнымъ переулкамъ; ходьба же по тропинкамъ, проложеннымъ черезъ поля и между ними,—имъ запрещалась. Однако, и на большой дорогѣ, при встрѣчѣ съ евреемъ, запустить въ него камнемъ — было заурядным обычаемъ; это можно заключить изъ того, что всѣ евреи, сравнивая недавнее прошлое съ настоящимъ, указывали на такіе факты. Но и теперь, несмотря на присущую персамъ вѣжливость на словахъ, масса мелкихъ черточекъ доказываетъ, какъ далеко ниже себя ставятъ они еврея. За исключеніемъ одного Аджи Моше, который, какъ тегеранецъ со связями, въ счетъ идти не можетъ, всякій еврей, съ которымъ мнѣ приходилось гулять въ городѣ или въ полѣ, всегда первый привѣтствовалъ встрѣчныхъ мусульманъ, иногда не получая въ отвѣтъ даже простого кивка головы. Я уже упоминалъ о кражѣ изъ сада моихъ хозяевъ. Какъ ни энергично взялся Аджи Моше за поиски, онъ не могъ ничего добиться; все было за то, что кража совершена не безъ участія садовника и сосѣда, садъ котораго расположенъ выше сада моихъ хозяевъ. Садовникъ, правда, вскорѣ исчезъ изъ Демавенда, но со своимъ сосѣдомъ Аджи Моше не могъ ничего подѣлать: „акимъ" ничѣмъ ему не помогалъ; болѣе же всего мѣшало отношеніе сосѣдей. Не будь кража произведена у еврея, однихъ сосѣдскихъ пересудовъ было бы довольно, чтобы найти слѣдъ; въ такомъ городкѣ, какъ Демавендъ, гдѣ все на виду у другихъ, гдѣ сосѣдямъ

извѣстно состояніе сада и ожидаемый урожай, невозможно вывезти ни одного лишняго мѣшка абрикосовъ безъ того, чтобы это не бросилось въ глаза; но кража была произведена у еврея, и сосѣди-мусульмане молчали. Такими отношеніями объясняется и тотъ фактъ, что садъ моихъ хозяевъ и принадлежащее Аджи Моше съ компаньономъ владѣніе по другую сторону переулка были обнесены глинобитными стѣнами чуть ли не въ три метра вышиною, тогда какъ сады мусульманъ обнесены низенькими заборами, сложенными изъ камней безъ цемента или, въ лучшемъ случаѣ, низенькими глинобитными стѣнками; что во владѣнія евреевъ вели солидныя ворота, бывшія всегда на запорѣ, тогда какъ въ садахъ ихъ сосѣдей—однѣ лишь рѣшетчатыя, никогда плотно не затворяющіяся калитки, сквозь которыя взоръ свободно проникаетъ внутрь, и назначеніе которыхъ лишь препятствовать доступу бродячаго скота. Какъ мелкую, но характерную черту, приведу еще тотъ фактъ, что Ага Давудъ въ первые вечера послѣ моего пріѣзда просилъ меня сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, чтобы дать такимъ образомъ понять сосѣду, что у френги имѣется оружіе, и тѣмъ отбить у него охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ на воровство.

Не знаю, такому ли положенію евреевъ и желанію, по возможности, не выдѣляться своимъ еврействомъ, или чему-либо другому слѣдуетъ приписать то, что всѣ демавендскіе евреи, находясь въ присутствіи не евреевъ, въ дорогѣ и т. п., называютъ другъ друга мусульманскими именами, причемъ переложеніе именъ иногда поражаетъ своею неожиданностью. Я не говорю уже о такихъ переводахъ, какъ Моше—Муса, Шеломе—Сулейманъ, Давудъ—Даудъ, Абрагамъ Ибрагимъ и т. д., но напримѣръ, извѣстный уже читателю Іехезкіель назывался мусульманскимъ именемъ Ак-Назаръ, Ага Ниссонъ—Насиръ, мулла Аимъ—мулла Рагимъ; мой слуга Илья (по еврейски Eliahu — Ильязъ [1]); Юна (т. е. Іона), съ которымъ я еще познакомлю читателей, почему-то назывался Мирза-ага, хотя существуетъ мусульманская форма этого имени—Юнесъ.

Въ Демавендѣ четыре синагоги; одна изъ нихъ находится на томъ склонѣ полуострова, гдѣ расположена меньшая часть квартала, въ той улицѣ, которая ведетъ къ дому Ага Ниссона; западная стѣна ея, украшенная тремя квадратными окнами, расположенными высоко надъ землею и забранными рѣшетками изъ частыхъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ планокъ, смотритъ прямо въ садъ

[1]) Созвучіе съ русскою формою этого имени—чисто случайное.

Аджи Моше, находящійся по противоположному берегу Мешкедже. Выше ея, на гребнѣ горы, расположено имамъ-заде съ синею глазурью, такъ что изъ сада кажется, будто синагога своею плоскою кровлею прислонена къ основанію имамъ-заде. Это—лучшая изъ демавендскихъ синагогъ. Крытый входъ во дворъ образуетъ нѣчто вродѣ передней; она довольно вмѣстительна и выбѣлена внутри; во всемъ же остальномъ она соотвѣтствуетъ обычному типу персидскихъ синагогъ, описанному въ первомъ моемъ очеркѣ. Остальныя три синагоги, бѣдныя, небѣленныя даже внутри, всѣ очень маленькія, находится въ другой, большей группѣ еврейскихъ домовъ. Изъ нихъ двѣ находятся почти на гребнѣ полуострова, возлѣ имамъ-заде, примыкая къ остаткамъ надгробныхъ камней стариннаго мусульманскаго кладбища одна содержится еще довольно сносно, и когда я ее посѣтилъ, даже маленькій дворикъ, несмотря на будній день, оказался аккуратно подметеннымъ; другая же находится въ полуразрушенномъ состояніи, и лѣтомъ когда мужчинъ въ городѣ мало, стоитъ запертою. Возлѣ нея находится другая развалина—бывшая баня; когда она пришла въ негодность, владѣлецъ не счелъ выгоднымъ или не имѣлъ возможности отремонтировать ее, и въ настояще время еврейское населеніе Демавенда вынуждено обходиться безъ бани, такъ какъ бани, содержимыя мусульманами, для еврея—изъ-за „наджеса"—недоступны. Убранство синагогъ поражаетъ своею бѣдностью; дешевый коврикъ на глинобитномъ полу я нашелъ только въ большой синагогѣ. Но даже въ этой синагогѣ я не видѣлъ въ пятницу вечеромъ керосиновыхъ лампъ, которыя успѣли получить право гражданства въ синагогахъ Тегерана; зато я тамъ видѣлъ другой очень интересный и, вѣроятно, старинный способъ освѣщенія: это была мѣдная висячая лампа о шести рожкахъ, внутренній каналъ которыхъ сообщается съ резервуаромъ для масла, находящимся внутри стоящаго въ центрѣ столбика, отъ котораго радіусами расходятся рожки; въ резервуаръ наливается растительное масло, а фитилями служатъ жгутики изъ хлопка; на всю синагогу была только одна такая лампа, и этого освѣщенія было болѣе чѣмъ недостаточно. Въ другихъ синагогахъ я вечеромъ не былъ, но надо полагать, что въ нихъ уже во всякомъ случаѣ не краше.

Кромѣ свитковъ Торы, въ синагогахъ я не нашелъ никакихъ книгъ, даже новыхъ; въ Тегеранѣ среди европейцевъ ходитъ легенда, будто въ Демавендѣ у еврейской общины, кромѣ стариннаго кладбища въ Галліарѣ, имѣются еще какія-то старинныя рукописи и книги; евреи, которыхъ я спрашивалъ объ этомъ, въ отвѣтъ

на это удивленно и отрицательно покачивали головами. Въ самомъ Демавендѣ оба муллы Аима мнѣ, правда, показывали нѣсколько рукописныхъ книгъ, дѣйствительно могущихъ насчитать извѣстную древность (кажется, на одной изъ нихъ былъ „тарихъ"—дата—около половины XVIII столѣтія), писанныхъ по-персидски арабскими и еврейскими буквами, но все это были замѣтки по медицинѣ; кромѣ этого, не только рукописей, но даже старыхъ печатныхъ книгъ я въ Демавендѣ не могъ ни у кого найти.

Лишь небольшая часть демавендскихъ евреевъ грамотны по еврейски настолько, что они могутъ читать молитвы; еще меньше умѣющихъ и писать. Большинство же абсолютно безграмотно и знаетъ только нѣкоторыя молитвы наизусть. Этому печальному явленію способствовало много причинъ: бѣдность, необходимость иногда уже съ малыхъ лѣтъ помогать отцу, отсутствіе постоянныхъ учителей, что, въ свою очередь, объяснялось тѣмъ, что никто не рисковалъ поселиться здѣсь для преподавательской дѣятельности, потому что у него не нашлось бы здѣсь достаточнаго количества учениковъ. Въ прежніе годы, когда и въ Тегеранѣ жизнь была такъ дешева, что повѣствованія объ этомъ кажутся теперь сказкою, въ Демавендѣ жизнь была еще дешевле, и буквально можно было жить на нѣсколько шай въ день; тогда иногда случалось, что какой-нибудь ученый старикъ переселялся доживать свои дни въ Демавендъ, гдѣ для пропитанія занимался писаніемъ мезузъ и т. п., которые сбывались въ Тегеранѣ, и преподаваніемъ. Въ первыя времена существованія училища Alliance Israélite въ Тегеранѣ, директоръ Казесъ давалъ одному муллѣ субсидію для того, чтобы тотъ поселился въ Демавендѣ; но потомъ училище было вынуждено прекратить выдачу этой субсидіи. Однако, необходимость обучать дѣтей все болѣе проникаетъ въ сознаніе демавендскихъ евреевъ, и я засталъ тамъ одного „муллу"-меламеда. Это оказался афганскій еврей, уроженецъ Герата; какъ извѣстно, афганскіе евреи ничѣмъ, даже языкомъ, не отличаются отъ персидскихъ своихъ единовѣрцевъ. Учитель этотъ оказался человѣкомъ лѣтъ 35, своимъ изможденнымъ лицомъ, большими карими, на выкатѣ глазами напоминавшимъ тѣхъ людей Торы, которые не рѣдки въ бетъ-гамедрешахъ „черты". Оказалось, что онъ жилъ въ Мервѣ, занимаясь торговлею, но прогорѣлъ, и пробираясь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ изъ Россіи черезъ Мешедиссеръ, попалъ въ Демавендъ, гдѣ и застрялъ въ качествѣ меламеда. Совсѣмъ какъ у насъ! Прогорѣвшій торговецъ, не зная никакого ремесла, берется за указку. У него было 36 учениковъ всѣхъ возрастовъ; это, вмѣстѣ

съ писаніемъ иногда писемъ для другихъ, давало ему тумановъ пять въ мѣсяцъ, что, очевидно, было для него достаточно. Занятія происходили въ разныхъ мѣстахъ; одинъ разъ я засталъ его съ учениками въ одной изъ синагогъ; второй разъ, когда я спеціально пошелъ въ Демавендъ, чтобы повидаться съ нимъ, школа размѣстилась на дворѣ одного дома. Я, между прочимъ, разспрашивалъ его о положеніи евреевъ въ Афганистанѣ; по его словамъ, оно гораздо лучше, чѣмъ въ Персіи.

Такимъ положеніемъ вещей всецѣло можетъ быть объяснена та грубость и та слабость религіознаго чувства, которыя замѣтны у всѣхъ демавендскихъ евреевъ. Если, сравнительно съ другими мѣстностями, среди нихъ замѣчается меньше вѣроотступниковъ, то это объясняется развѣ тѣмъ, что въ долинѣ Демавенда нѣтъ ни бабистовъ, ни протестантовъ, въ рядахъ которыхъ можно укрыться, когда не хотятъ изъ еврейства перейти въ совершенно противоположный по значенію мусульманскій лагерь, но вовсе не идейною преданностью еврейству, тѣмъ болѣе, что понятіе о національномъ значеніи принадлежности къ еврейству у нихъ, какъ и вообще у персидскихъ евреевъ, совершенно отсутствуетъ. Въ первый же вечеръ послѣ моего пріѣзда я познакомился съ молодымъ человѣкомъ, родственникомъ Ага Ниссона, нѣкіимъ Меиромъ; я его видѣлъ затѣмъ въ синагогѣ, въ субботу за обѣдомъ въ домѣ Ага Ниссона и т. д.; вездѣ онъ, какъ и всякій другой, принималъ участіе въ молитвѣ. Между тѣмъ, послѣ оказалось, что онъ незадолго до того былъ у „акима" съ вопросомъ, перейдетъ ли къ нему наслѣдство послѣ всѣхъ его старшихъ родственниковъ, если онъ перейдетъ въ мусульманство [1]); у „акима" хватило—не знаю чего болѣе: благоразумія или благородства—прогнать этого низкаго искателя болѣе выгодной религіи и даже пригрозить ему палками, и Меиръ остался евреемъ, — конечно, до болѣе благопріятнаго случая; и этотъ примѣръ—не единственный.

Съ этимъ же Меиромъ въ вечеръ первой пятницы послѣ моего пріѣзда случилась слѣдующая исторія. Сидя послѣ ужина у себя въ саду на террасѣ, мы услышали вдругъ крики на противоположномъ берегу Мешкедже, среди еврейскихъ домовъ; слышались женскіе крики: „коштъ... ба кардъ" (убилъ, ножомъ)... Наши отправились туда узнать, въ чемъ дѣло: оказалось, что года полтора или два тому назадъ какой-то мусульманинъ оставилъ одному

---

[1]) Подробно объ этомъ законѣ персидскаго обычнаго права—см. мой очеркъ „Тегеранскіе евреи".

еврею въ залогъ нѣсколько штукъ мѣдной посуды; тотъ тоже заложилъ ихъ Меиру, который, свою очередь, ихъ заложилъ или продалъ. Какъ разъ въ этотъ вечеръ мусульманинъ явился за свое посудой; первый еврей пошелъ за нею къ Меиру, и такъ какъ тотъ не могъ ея ему сейчасъ же отдать, онъ бросился на него съ ножомъ и поранилъ его На слѣдующее утро, когда, какъ я выше упомянулъ, я видѣлъ Меира у Ага Нисона, онъ ходилъ обвязанный, съ ватнымъ бинтомъ у щеки. Случай этотъ, какъ объяснилъ мнѣ Аджи Моше, нельзя считать исключительнымъ, а лишь однимъ изъ проявленій общей грубости нравовъ.

Еврен, жившіе въ Галліарѣ, по всей вѣроятности, были выходцами изъ южныхъ провинцій; я заключаю это изъ того, что демавендскіе евреи между собою до сихъ поръ говорятъ нарѣчіемъ, гораздо болѣе похожимъ на лучшіе діалекты персидскаго языка, чѣмъ нарѣчіе демавендскихъ мусульманъ. Само собою разумѣется, что они всѣ знаютъ и это нарѣчіе; кромѣ того, всѣ мужчины въ большей или меньшей степени знаютъ и нарѣчіе кочевниковъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣла и сталкиваться.

Довольно красивое мѣстоположеніе Демавенда и, въ особенности, прохладный климатъ привлекаютъ сюда лѣтомъ состоятельныхъ тегеранскихъ евреевъ, изъ которыхъ многіе проводятъ здѣсь въ это время года по нѣскольку недѣль у своихъ родныхъ или близкихъ знакомыхъ. Мусульмане тоже пріѣзжаютъ сюда гостить, но далеко не въ такомъ, сравнительно большомъ, количествѣ. Это объясняется тѣмъ, что они предпочитаютъ долину Лара и теплые источники (аби-гярмъ) у подножья горы Демавендъ, тогда какъ евреи ѣдутъ въ самый городокъ Демавендъ въ виду того, что въ окрестныхъ долинахъ нѣтъ постояннаго еврейскаго населенія. Еще меньше посѣщаютъ Демавендъ живущіе въ Тегеранѣ европейцы и вообще христіане. Причиною этого является нетерпимость населенія, которое ни за что не отдастъ иновѣрцу дома для жилья; бываетъ такъ, что даже на постоялый дворъ не пустятъ. Въ послѣдніе годы изъ христіанъ жилъ въ Демавендѣ только армянинъ-протестантъ Дамбуроджанъ, о которомъ я уже упоминалъ. Онъ пріѣхалъ сюда въ первый разъ года за 4—5 до моего пріѣзда и, ужъ не знаю какимъ образомъ, заѣхалъ въ одинъ еврейскій домъ; черезъ нѣсколько дней, однако, хозяинъ, узнавъ о томъ, что онъ протестантскій проповѣдникъ, попросилъ его выѣхать изъ его дома. Объясняется это тѣмъ, что изъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій персидскіе евреи недовѣрчивѣе всего относятся къ протестантамъ, миссіонеры которыхъ проявляютъ въ ихъ средѣ большую, чѣмъ другіе, активную дѣя-

тельность. Дамбороджану пришлось вернуться въ Тегеранъ, привезти оттуда палатки, разбить ихъ въ долинѣ за деревнею Ру-абза, верстахъ въ трехъ выше городка по теченію Таару, и поселиться такимъ походнымъ образомъ. Въ слѣдующіе годы онъ уже прямо пріѣзжалъ съ семействомъ и съ палатками на старое мѣсто, гдѣ и жилъ по 2½—3 мѣсяца; иногда на пару недѣль къ нему присоединялся еще кто-нибудь изъ тегеранскихъ армянъ, мелкій служащій англійскаго банка (The Imperial Bank of Persia) или телеграфистъ. Эпидеміи не разъ опустошительно проходили по всему Ирану, что нисколько не удивительно, если вспомнить, какъ нечистоплотно живетъ его населеніе, и въ особенности, какою водою оно пользуется: по „шаріату" всякая текучая вода чиста, и люди, пережившіе здѣсь холеру 1892 года, разсказывали мнѣ, какъ фактъ, что деревенскіе персы въ самый разгаръ эпидеміи, пили воду изъ канавы, у которой, немного выше этого мѣста, обмывали трупы. Но эпидеміи, какъ говорятъ, обходятъ Демавендъ, какъ, впрочемъ, всѣ мѣстности, лежащія на извѣстной высотѣ; поэтому при всякой вспышкѣ эпидеміи кто только можетъ изъ населенія тегеранскаго еврейскаго квартала старается выѣхать въ Демавендъ.

Гуляя однажды по улицѣ вдоль рѣчки Таару, мы увидѣли сидящаго у калитки одного пожилого мусульманина, съ которымъ Аджи Моше дружелюбно разговорился. Потомъ онъ разсказалъ мнѣ, что этотъ персъ во время холеры 1892 г. былъ помощникомъ „акима" и, въ отсутствіе его, исправлялъ его должность. Когда усиливавшаяся эпидемія заставляла многихъ тегеранцевъ бѣжать изъ города, онъ на перевалѣ, откуда начинается спускъ въ треугольную долину Демавенда, поставилъ заставу, которая не пропускала туда евреевъ. Онъ былъ такъ строгъ въ этомъ отношеніи, что изъ цѣлыхъ каравановъ, которые онъ заставлялъ возвращаться, онъ даже одному человѣку не позволялъ поѣхать въ Демавендъ, хотя бы со стражей, чтобы купить провизію, и людямъ приходилось совершать обратный путь по обезлюдѣвшей странѣ, не имѣя чѣмъ прокормить даже дѣтей. Мой Илья, родители котораго тоже бѣжали тогда въ Демавендъ, былъ въ то время слишкомъ малъ, чтобы отчетливо помнить все это, но со словъ своихъ родителей онъ описывалъ мнѣ весь ужасъ, какой испытывали люди, бѣжавшіе отъ лица страшнаго и неумолимо-грознаго мороваго повѣтрія, когда они, голодные и разбитые, должны были повернуть обратно какъ разъ съ того мѣста, откуда взору путника въ первый разъ является долина, бывшая цѣлью ихъ стремленій. Евреямъ тогда, впрочемъ, удалось довести объ этомъ до свѣдѣнія высшихъ сановни-

ковъ (говорятъ, самого шаха Насрэддина)—правда, тогда, когда эпидемія стала уже стихать; запрещеніе было отмѣнено, застава снята, а самъ ретивый администраторъ вызванъ въ Тегеранъ и — такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли мои собѣсѣдники — „наѣлся чубифалакъ", т. е. былъ наказанъ палками по пяткамъ. И въ эпидемію 1904 г., какъ писали мнѣ, много еврейскихъ семействъ изъ Тегерана, бѣжало въ Демавендъ, въ томъ числѣ и мой Илья съ молодой женой.

Демавендскіе евреи отличаются крайнимъ суевѣріемъ; но, кромѣ вѣрованій, общихъ всѣмъ персидскимъ евреямъ, у нихъ существуютъ и свои мѣстныя легенды. Развитію этихъ послѣднихъ, по всей вѣроятности, способствовало сосѣдство съ ихъ знаменитымъ стариннымъ кладбищемъ — тотъ мистическій ореолъ, какимъ оно окружено. Въ моемъ первомъ очеркѣ я говорилъ уже о тѣхъ причинахъ, которыя укрѣпили въ тегеранскихъ евреяхъ почтеніе къ этому древнему мѣсту вѣчнаго покоя, но сама легенда, несомнѣнно, существуетъ уже давно. Согласно этой легендѣ, быть похороненнымъ на кладбищѣ въ Галліарѣ—все равно, что быть похороненнымъ въ Святой Землѣ, такъ какъ изъ-подъ этихъ холмовъ прямой подземный путь ведетъ къ Іерусалиму. Кромѣ этой легенды, среди демавендскихъ евреевъ ходятъ еще другія легенды и сказанія, генетическую связь которыхъ съ легендою, связанною съ кладбищемъ, не трудно разгадать. Такъ, напримѣръ, они увѣрены, что ихъ галліарскіе предки происходили отъ тѣхъ костей, которыя оживилъ пророкъ Іехезкіиль по слову Господню (Іех., 37). Деревню Галліаръ въ разговорѣ между собою и съ единовѣрцами они называютъ Гилеадъ; на мой вопросъ, почему они эту персидскую деревню переименовали на библейскій ладъ, они меня стали увѣрять, что, наоборотъ, это персы переименовали Гилеадъ въ Галліаръ; однимъ словомъ, я убѣдился въ томъ, что они полагаютъ: Галліаръ — это подлинный библейскій Гилеадъ, что въ Заіорданьи. Напрасно я призвалъ, для большей убѣдительности, всѣ мои познанія въ персидскомъ языкѣ, все, что память мнѣ сохранила и въ послѣднее время пріобрѣла вновь по части географіи передней Азіи, все, что я могъ припомнить изъ Библіи, чтобы доказать моимъ собесѣдникамъ, что затерянная въ глуши Эльборусскихъ горъ долина *не можетъ* быть заіорданскою областью. Со мною подъ конецъ согласились, но я ясно видѣлъ, что соглашаются только для вида, изъ вѣжливости или для того, чтобы положить конецъ спору: каждая изъ сторонъ, очевидно, осталась при своемъ мнѣніи, и было ясно, что мои собесѣдники мысленно

махнули рукой на „ашкенази“ и на его еретическое мнѣніе. А вѣдь главнымъ участникомъ этого спора былъ Юна (съ которымъ я еще познакомлю читателя), сынъ раввина и самъ хорошо знающій еврейскій языкъ и библію. Чего же можно было ожидать отъ болѣе невѣжественныхъ, отъ массы?

Персидскій обычай требуетъ, чтобы всякое болѣе или менѣе значительное лицо выѣзжало или ходило въ сопровожденіи свиты или хотя бы только одного слуги. Конечно, въ Тегеранѣ я никогда и не думалъ слѣдовать такому обычаю, да и положеніе мое не было такого рода; но здѣсь какъ-то само собою установилось, что я выходилъ всегда въ сопровожденіи цѣлой свиты: Ильи, Іехезкіеля, Ануки, а иногда еще кого-нибудь. Состояніе въ моей свитѣ, впрочемъ, доставляло моимъ спутникамъ больше удовольствія, чѣмъ мнѣ; дѣло въ томъ, что со мною они попадали иногда, какъ читатель увидитъ ниже, въ такіе дома, куда бы иначе ихъ дальше двери не пустили. Мой Илья при этомъ былъ великолѣпенъ въ своемъ новомъ суконномъ свѣтлосинемъ „сардари“. Во всей долинѣ Демавенда мы встрѣтили только трехъ человѣкъ въ сардари: акима, сартипа и одного деревенскаго хана,—да и то сардари эти были скромные, черные люстриновые или изъ бумажной ткани. Когда мы шли по базару или по улицѣ что его сардари, я подозрѣваю, обращало на себя не меньшее вниманіе, чѣмъ моя каска и вообще вся моя особа. Въ первое время къ намъ обязательно присоединялся въ качествѣ чичероне Аджи Моше, и я думаю, что дѣлалъ онъ это изъ опасенія, какъ бы я не надѣлалъ какихъ-нибудь глупостей; но въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Демавендѣ онъ предоставилъ мнѣ гулять одному или со свитой, но безъ него. Впрочемъ, и это надо приписать не столько тому, что онъ убѣдился въ моемъ благоразуміи, сколько тому, что ему нужно было хлопотать по своимъ дѣламъ: по дѣлу пропажи „кейсу“ и по урегулированію размѣра „маліата“, (акимъ хотѣлъ его обложить большою суммою, онъ же соглашался на обложеніе лишь въ 3—3½ тумана и, въ концѣ концовъ, настоялъ на своемъ).

Первые визиты мы начали въ субботу еще до обѣда. Какой-то подростокъ явился въ синагогу и черезъ Аджи Моше передалъ приглашеніе на обрѣзаніе. Домъ отца новорожденнаго находился по ту сторону вершины, въ переулкѣ. Это былъ маленькій домикъ, въ которомъ, повидимому, жило два или три семейства. Приглашенные уже собрались въ голой, вымазанной глиной, комнатѣ, окна—двери которой были раскрыты настежь на узенькій дворикъ,

гдѣ толпились женщины. Обрядъ совершилъ мулла Аимъ Абрагамъ Въ общемъ обрядъ схожъ съ обрядомъ европейскихъ евреевъ; но у персидскихъ евреевъ совершающій обрядъ произноситъ слѣдующія слова, которыхъ нѣтъ даже въ сефардскихъ молитвенникахъ: Misvath milah misvah gedulah т. е. מצות מלה מצוה גדולה

Не было не только трапезы (это вообще не въ обычаѣ), но не было даже обычнаго угощенія чаемъ или виномъ — очевидно, столько же изъ-за субботнаго дня, сколько вслѣдствіе бѣдности хозяевъ.

Затѣмъ мы, подъ предводительствомъ Аджи Моше, отправились отдавать визиты нѣкоторымъ почетнымъ лицамъ, въ томъ числѣ обоимъ мулламъ Аимамъ. Мулла Аимъ Шемуэлъ въ это время осматривалъ какихъ-то больныхъ мусульманъ, верховые ослы которыхъ были привязаны къ дереву на дворѣ. Онъ, видимо, хотѣлъ похвастать предъ своими паціентами визитомъ „френги" и старался насъ задержать какъ можно дольше; сынъ его, мирза Рахметулла, показывалъ мнѣ свои инструменты и аптеку, старикъ показывалъ имѣвшіяся у него 2—3 рукописныя книги, а хлопотавшій вокругъ стоявшаго на полу у двери жестяного самовара „шабес-гой"—мусульманинъ—обносилъ насъ чаемъ; оставленные паціенты, — двое пожилыхъ мужчинъ и одна женщина—сидѣли покорно на полу и смотрѣли на меня во всѣ глаза. Мнѣ было страшно неловко, и я не зналъ, чѣмъ я больше могу угодить хозяину: тѣмъ ли, что уйду и дамъ ему вновь возможность заняться паціентами, или тѣмъ, что останусь и буду представлять для нихъ „тамаша" (зрѣлище). Я посматривалъ на Аджи Моше; но этотъ знатокъ персидскихъ приличій сидѣлъ спокойно, поджавъ ноги, принялъ стаканчикъ чаю и даже вступилъ въ разговоръ съ однимъ изъ паціентовъ, — и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ тоже сидѣть спокойно и ждать, пока Аджи Моше не найдетъ, что мы осуществили всѣ свои права и исполнили всѣ свои обязанности, какъ гости.

Мулла Аимъ Абрагамъ принялъ насъ на дворѣ; угощеніе состояло лишь изъ стакана шербета (холодная вода съ сахарнымъ сиропомъ), но у него я просидѣлъ нѣкоторое время съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ у муллы Аима Шамуэлъ, и вообще этотъ спокойный человѣкъ съ задушевною ноткою въ голосѣ производилъ болѣе симпатичное впечатлѣніе, чѣмъ суетливый мулла Аимъ Шемуэлъ, говорившій скороговоркою, заплетываясь. Какъ я уже упоминалъ, мулла Аимъ Абрагамъ очень интересовался внѣшнею политикой; онъ подвергъ меня детальному допросу насчетъ взаимныхъ отношеній разныхъ государствъ, насчетъ положенія въ нихъ евреевъ и т. п.; какъ истый сынъ Ирана, онъ не могъ по-

стичь разницы между правами государя и государства и никакъ не понималъ, какъ это государи соперничающихъ странъ могутъ быть въ родствѣ между собою (я привелъ ему въ примѣръ Англію и Германію). Между прочимъ, онъ былъ очень удивленъ узнавъ, что существуютъ „руз-намэ“ (газеты) на еврейскомъ языкѣ.

На обѣдъ мы были приглашены къ Ага Ниссону. По персидскому обычаю обѣдъ былъ „сервированъ“ на большомъ кругломъ тяжеломъ мѣдномъ подносѣ, поставленномъ на полу большой комнаты у раскрытыхъ оконъ. При этомъ возникъ цѣлый вопросъ, какъ меня усадить; въ Тегеранѣ во многихъ еврейскихъ домахъ уже имѣются по одному—два стула; даже если случалось посѣтить болѣе бѣдный домъ, за стуломъ посылали къ кому-нибудь изъ сосѣдей. Напрасно я просилъ не безпокоиться, напрасно увѣрялъ, что мнѣ будетъ удобнѣе усѣсться кое-какъ на полу, Ага Ниссонъ и Аджи Моше и слышать объ этомъ не хотѣли; принесли какую-то скамеечку, и я долженъ былъ на ней усѣсться; но неудобство этого положенія—сидя на скамеечкѣ, пользоваться поломъ, какъ столомъ,—вскорѣ стало такъ очевидно всѣмъ, что мои хозяева разрѣшили мнѣ, наконецъ, перемѣститься на полъ, а скамеечку превратить въ столъ. Для меня Илья принесъ изъ сада нашу посуду: тарелки, вилку, ложку; остальные же ѣли по персидски, т. е. пальцами всѣ изъ одного блюда.

Мужчины, т. е. Ага Ниссонъ, Аджи Моше, Ага Давудъ, Илья и я, помѣстились вокругъ подноса у оконъ; женщины,—жена Ага Ниссона, его племянница и еще какая-то женщина,—въ глубинѣ комнаты за другимъ такимъ же подносомъ; по случаю субботняго дня онѣ были одѣты въ яркіе ситцы и новыя цвѣтныя домашнія чадры; къ концу обѣда пришелъ Меиръ, о которомъ я уже упоминалъ, и еще какой-то молодой еврей. Обѣдъ начался съ „кидуша“ и закуски такими вещами, которыя можно ѣсть безъ хлѣба и омовенія рукъ; тутъ были: отваренный корнеплодъ „лабу“ (нѣчто вродѣ брюквы) печеная тыква, печеная на угольяхъ рыба и печеныя въ субботнемъ пловѣ яйца, чрезвычайно вкусныя (говорятъ, что шахъ Насрэддинъ былъ большимъ любителемъ ихъ, и по субботамъ посылалъ за ними въ кварталъ). Затѣмъ слѣдовало омовеніе рукъ и благословеніе хлѣба; у персидскихъ евреевъ оно совершается тоже надъ цѣлымъ хлѣбомъ, испеченнымъ въ видѣ продолговатаго листа съ закругленными съ одного конца краями: при благословеніи хлѣбъ, такъ сказать, возносится руками надъ другими явствами и затѣмъ разрывается на части. Обѣдъ состоялъ изъ одного блюда; это былъ „плоу“ (пловъ) съ курицей, изюмомъ

и шепталой. Такой пловъ въ мѣдной кастрюлѣ съ крышкою съ пятницы зарывается въ горячую золу, въ которой есть еще раскаленные угли, и блюдо къ субботѣ готово; въ середину его вкладываютъ цѣльныя яйца, которыя поспѣваютъ въ крутую къ другому утру и пріобрѣтаютъ особый, чрезвычайно пріятный, какъ я только что сказалъ, вкусъ, а скорлупа становится бурою, почти коричневою. Въ субботнемъ пловѣ особенно вкусна корка, называемая евреями „бонъ"; да и самъ пловъ, хотя и на бараньемъ салѣ, былъ очень вкусенъ, тѣмъ болѣе, что мы приправили его стаканчикомъ добраго, напоминающаго по вкусу малагу, ширазскаго вина, которое привезъ съ собою Аджи Моше. Изъ стаканчика пилъ, впрочемъ, одинъ я; всѣ же остальные пили изъ одной большой чаши; ее передали даже женщинамъ, и онѣ нисколько не чинились. Наконецъ, на дессертъ были поданы фрукты, въ томъ числѣ и неизбѣжные огурцы. По поводу „бона" Аджи Моше уже не въ первый разъ высказалъ свою способность къ тонкой шуткѣ. Мой Илья и Іехезкіель, желая импонировать провинціаламъ, не упускали случая заговорить со мною по-французски; и здѣсь, въ виду прихода Меира и другого молодого человѣка, Илья спросилъ меня, хорошъ ли „бонъ" (le bone est-il bon), и Аджи Моше не упустилъ случая подхватить, что бонъ-бонъ. Въ другой разъ на привѣтствіе Іехезкіеля „bon soir" онъ отвѣтилъ „бонъ-піяде"; соль этого заключается въ томъ, что по-персидски „суваръ" значитъ верховой, а „піяде"—пѣшій. Илья, который научился болтать немного по—русски, однажды отвѣтилъ мнѣ „хорошо", на что весельчакъ Аджи Моше подхватилъ „аспишо"; суть здѣсь въ противуположеніи словъ „харъ"—оселъ и аспъ—лошадь.

Еще съ утра было рѣшено, что послѣ послѣобѣденнаго отдыха мы отдадимъ визитъ достопочтенному Дамбуроджану въ его лагерѣ. Погода была прекрасная, и мысль эта мнѣ чрезвычайно понравилась. Путь лежалъ черезъ деревню Ру-абза, гдѣ Аджи Моше обратилъ мое вниманіе на домъ хана, отличавшійся отъ другихъ домовъ или, точнѣе, отъ ихъ глинобитныхъ заборовъ тремя окнами, задѣланными деревянными, заклеенными бумагой рѣшетками. Дальше тропинка шла по тѣмъ каменнымъ стѣнкамъ, которыя въ одно и то же время служатъ межами и изгородями между расположенными въ видѣ террасъ нивами; верхнее поле, которое подпираетъ такая стѣнка, приходится почти вровень со стѣною, по которой идешь, а нижнее—на метръ или даже на два ниже. Затѣмъ по косогору мы спустились почти что къ самой рѣчкѣ и пошли по правому берегу вверхъ по теченію. Надъ противуположнымъ бере-

гомъ нависла высокая гора, лишь снизу узкимъ поясомъ окаймленная пашнями и огородами,—ниже той линіи, по которой бѣжала вода, отведенная выше,—а надъ этимъ нависла совершенно голая каменная громада, красноватаго цвѣта, покрытая отдѣльными глыбами и обломками, раскалывавшимися вертикальными призмами, ясно указывавшими на вулканическое происхожденіе. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ рѣже становились пашни и огороды, и тѣмъ больше было воды въ руслѣ самой рѣчки, которая съ веселымъ грохотомъ катила свои свѣтлыя воды чрезъ камни, по которымъ прыгали желтыя трясогузки. Кое-гдѣ въ кручахъ береговъ замѣтны были родники. Впереди ущелье уходило къ сѣверу мрачною щелью, къ которой тѣснились голые каменные массивы горъ; предвечернее солнце золотило ихъ верхніе контуры, и отъ этого сами горы казались еще мрачнѣе. Наконецъ, мы замѣтили впереди, на противуположномъ берегу, три палатки. Съ большимъ трудомъ перебрались мы по камнямъ черезъ рѣчку. Двѣ палатки оказались наглухо завѣшанными; въ третьей, хотя всѣ три полотнища, составлявшія переднюю стѣнку, и были подняты, — но ни въ ней, ни кругомъ не видно было ни души. Палатки были такія, какія обыкновенно употребляются лѣтомъ выѣхавшими „на зелень“ горожанами: четыреугольныя, изъ грубаго, но плотнаго холста, подбитаго цвѣтною бумажною матеріей. Открытая палатка играла, вѣроятно, роль гостиной: на полу были разостланы тканные ковры „гилимы“, стояла пара складныхъ стульевъ. Палатки стояли на небольшой расчищенной площадкѣ, лицомъ къ рѣчкѣ; съ противуположной же стороны онѣ почти упирались въ круто-подымавшуюся гору, отдѣленныя отъ нея оросительною канавою, начинавшеюся нѣсколько выше по теченію. Мы провели нѣсколько минутъ въ непріятномъ ожиданіи и неловкомъ покашливаніи и уже собрались было повернуть обратно, какъ вдругъ изъ-за слѣдующей палатки вышелъ мальчикъ лѣтъ 13—14, въ парусиновой блузѣ и соломенной шляпѣ, и довольно радушно насъ привѣтствовалъ. Это былъ сынъ Дамбуроджана; отецъ, по его словамъ, ушелъ въ городъ за покупками, гостящій у нихъ другъ ушелъ на охоту, и дома остались одни женщины и дѣти. Мы попрощались, и я вручилъ молодому Дамбуроджану мою визитную карточку; это удивило Ага Ниссона, и Аджи Моше объяснилъ ему назначеніе этого печатнаго куска картона. Не успѣли мы повернуться, какъ замѣтили самого достопочтеннаго Дамбуроджана, спускающагося по косогору. Онъ, однако, не сталъ переправляться въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы, а отошелъ противуположнымъ берегомъ еще нѣсколько десятковъ саженъ;

тамъ оказалось нѣчто вродѣ моста изъ уложенныхъ соотвѣтственнымъ образомъ большихъ камней. Мостъ этотъ, по его словамъ, онъ устроилъ въ этомъ мѣстѣ, потому что прямо надъ нимъ въ кручѣ берега былъ родникъ, водой котораго они пользовались. Онъ приказалъ вынести коверъ, стулья для себя и для меня; сынъ побѣжалъ за крайнюю палатку распорядиться насчетъ самовара; онъ потомъ все время бѣгалъ отъ насъ въ палатку, гдѣ женщины приготовляли чай (сами онѣ не показывались). Дикая природа, мрачныя громады, обступавшія насъ, тишина кругомъ, нарушаемая лишь шумомъ рѣчки—все это производило чарующее впечатлѣніе; не хотѣлось уходить отсюда, и мы стали прощаться только тогда, когда оставаться долѣе нельзя было, не рискуя идти обратно въ темнотѣ.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого визита, проходя городомъ по берегу Мешкедже, мы увидѣли большую постройку на косогорѣ праваго берега. Аджи Моше объяснилъ, что это и есть новосооружаемый домъ сартипа Этехам-эд-доулэ и предложилъ попытаться осмотрѣть его. Я думаю, что ему самому хотѣлось осмотрѣть будущій „амаратъ“ (дворецъ), и онъ для этого хотѣлъ использовать то почтеніе, которое, несомнѣнно, будетъ оказано заѣзжему иностранцу. Разсчетъ его оказался вѣрнымъ. На площадкѣ предъ стѣною, очевидно, большого сада формировали изъ глины большіе квадратные (сантиметровъ 25 въ квадратѣ) кирпичи, которые укладывались тутъ же рядами для просушки на солнцѣ; когда такой кирпичъ подсохнетъ сверху, его сначала переворачиваютъ, потомъ ставятъ ребромъ, и, наконецъ, дня черезъ 3—4 онъ идетъ въ дѣло; жженные же кирпичи, какъ я уже говорилъ, не употребляются въ долинѣ Демавенда. На вопросъ, можно ли войти, „уста“ (мастеръ) направилъ насъ къ одному изъ слугъ, стоявшихъ у калитки, и тотъ предупредительно пригласилъ пожаловать меня, Аджи Моше и мою свиту. Домъ строился въ нижней части сада, выходившаго поверху въ поле, и долженъ былъ состоять изъ двухъ частей: нижней — для слугъ и службъ, и верхней,—собственно жилаго дома; полугору предполагалось, срѣзать такъ чтобы домъ очутился надъ обрывомъ, а на получившейся такимъ образомъ площадкѣ устроить бассейнъ. Домъ состоялъ изъ большого „талара“ (зала) и нѣсколькихъ маленькихъ комнатокъ, расположенныхъ въ рядъ и снабженныхъ окнами съ двухъ противуположныхъ сторонъ такимъ образомъ, что одни окна выходятъ надъ обрывомъ, а другія—въ садъ; но сейчасъ оконъ еще не было, стѣны и потолокъ были готовы лишь

вчернѣ. Мы собирались уже уходить черезъ садъ въ поле, какъ слуга пригласилъ насъ вновь въ залу; здѣсь у голой еще оконной ниши мы увидѣли два желѣзныхъ складныхъ походныхъ стула, у одного изъ которыхъ стоялъ самъ хозяинъ. Персидскій генералъ былъ маленькій толстенькій человѣкъ съ кругло подстриженною бородою съ просѣдью, одѣтый въ позеленѣвшее черное люстриновое „сардари" съ потускнѣвшими пуговицами съ персидскимъ гербомъ—львомъ и солнцемъ. На плечи его былъ накинутъ плащъ „аба",—не погода этого требовала, а этикетъ. Пригласивъ меня сѣсть, онъ самъ усѣлся на другомъ стулѣ, извинившись предъ Аджи Моше за то, что у него здѣсь нѣтъ ни стульевъ, ни ковровъ; молодые люди, Илья и Іехезкіель, остались у дверной ниши у входа. Это извиненіе не надо было принимать за истину: онъ просто не могъ допустить мысли, что еврей сядетъ въ его присутствіи; въ этомъ, а также въ томъ, что онъ, вопреки всѣмъ правиламъ персидскаго общежитія, не предложилъ намъ, хотя бы для вида, никакого угощенія, сказалось все презрительное отношеніе персидскаго провинціальнаго чиновника къ еврею. Разговаривалъ онъ, впрочемъ, очень вѣжливо, разспрашивая подробно меня и Аджи Моше о нашемъ положеніи въ свѣтѣ: въ Персіи это не считается невѣжливымъ. Онъ зналъ о томъ, что Аджи Моше—мѣстный землевладѣлецъ, и очень интересовался, когда и какъ часто онъ пріѣзжаетъ въ Демавендъ, сколько времени здѣсь проведетъ и т. п. Скрытый смыслъ этого интереса намъ вскорѣ сталъ понятенъ, когда онъ сталъ жаловаться, что врачъ прописалъ его сыну вино, но достать его у здѣшнихъ евреевъ нельзя; Аджи Моше понялъ намекъ и смиренно сообщилъ сартипу, что у „слуги его" [1]) имѣется бутылочка ширазскаго вина, которую онъ охотно уступитъ больному.

Мы вышли черезъ садъ и, когда шли полями домой, видно было, что Аджи Моше доволенъ этимъ визитомъ, изъ котораго онъ, можетъ быть, надѣялся извлечь какую-нибудь выгоду. Вечеромъ, послѣ ужина, когда мы уже собирались лечь спать, послышался осторожный стукъ въ ворота; на вопросъ: кто тамъ, стучавшій отвѣтилъ, что это—неукеры (слуги) сартипа. Вошло два молодыхъ парня и стали таинственно шептаться съ Аджи Моше;

---

[1]) Въ персидскомъ языкѣ слово „я" выражается двоякимъ образомъ: „мэнъ"—при разговорѣ съ младшимъ и равнымъ, и „бандэ"—при разговорѣ съ высшимъ; значеніе послѣдняго — въ родѣ „вашъ слуга".

тотъ передалъ имъ уже заранѣе приготовленную бутылку; но посланцы не уходили и, сидя на террасѣ, болтали то о томъ, то о другомъ. Одинъ изъ нихъ сталъ жаловаться на ломоту въ костяхъ, на что Аджи Моше далъ ему совѣтъ выпить немного вина, сославшись при этомъ на то, что такъ совѣтуютъ врачи и въ Иранѣ, и въ Франгистанѣ (Европѣ); я, конечно, подтвердилъ послѣднее; поломавшись еще немного, онъ наконецъ отпилъ большую часть поданной ему большой мѣдной чаши съ виномъ. Его товарищъ церемонился менѣе, а затѣмъ они вспомнили, что у нихъ остался еще товарищъ на улицѣ; пришлось угостить и того.

На слѣдующій вечеръ, о ту же пору, вновь раздался стукъ въ ворота, и предъ нами, говоря высокимъ штилемъ, вновь предстали два посланца, изъ которыхъ только одинъ былъ изъ числа вчерашнихъ. Они благодарили отъ имени сартипа за вчерашнюю посылку, освѣдомились о нашемъ здоровьи и вновь повели политичную бесѣду; но Аджи Моше оказался на этотъ разъ ужасно непонятливымъ: на замѣчаніе о томъ, что вечера становятся холодными, онъ отвѣтилъ, что—дѣйствительно, придется спать въ комнатѣ и т. д. Послѣ получаса такихъ безплодныхъ разговоровъ молодцы, убѣдившись, очевидно, что они ничего не добьются, ушли. Если бы Аджи Моше и на этотъ разъ разыгралъ роль гостепріимнаго хозяина, то мы имѣли бы сомнительное удовольствіе принимать каждый вечеръ такихъ гостей, рискуя въ то же время навлечь на себя серьезное неудовольствіе другой части мусульманскаго населенія, болѣе пожилыхъ и болѣе религіозныхъ людей.

Хотя нашъ визитъ сартипу произошелъ совершенно ненамѣренно съ нашей стороны, но оказалось, что до акима дошли свѣдѣнія объ этомъ, и онъ счелъ это нарушеніемъ этикета и прерогативъ его власти, если не съ моей стороны, то со стороны Аджи Моше, моего хозяина и путеводителя. Какъ бы тамъ ни было, дня черезъ два послѣ посѣщенія сартипа, Аджи Моше за обѣдомъ сказалъ мнѣ, что утромъ онъ былъ у губернатора по дѣлу о маліатѣ, и тотъ сдѣлалъ ему упрекъ, какъ это онъ повелъ иностранца сначала къ сартипу, а не къ нему. Ловкій Аджи Моше нашелъ, однако, тутъ же прекрасное оправданіе. Незадолго до посѣщенія дома сартипа когда мы проходили базаромъ, онъ у одной чайной спросилъ неукера акима, дома ли тотъ, на что получилъ отрицательный отвѣтъ; этимъ вопросомъ, заданнымъ просто изъ вѣжливости, Аджи Моше и воспользовался теперь, чтобы показать, что мы тогда, собственно, имѣли намѣреніе посѣтить его провинціаль-

ное превосходительство. Во всякомъ случаѣ Аджи Моше просилъ меня не отказать пойти послѣ обѣда къ акиму.

Домъ губернатора расположенъ сейчасъ за базаромъ, у сліянія рѣчекъ Мешкедже и Таару, на довольно низкомъ и топкомъ мѣстѣ. Стѣна, окружающая его, была когда-то выкрашена въ сѣровато-голубую краску, надъ входною дверью были лѣпныя украшенія, но все это поосыпалось, облупилось. Черезъ садъ, доходящій до праваго берега русла соединенныхъ рѣчекъ, проходитъ, какъ я уже упоминалъ, канава, отводящая воду Таару. На площадкѣ, находящейся между обоими этими потоками, —канавой и рѣчкой,— была поставлена палатка, исполнявшая, очевидно, роль лѣтней гостиной. Акимъ принялъ насъ передъ этой палаткой. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ небольшою рѣдкою бородкою, въ сѣромъ сардари изъ бумажной матеріи; одного взгляда на него было довольно, чтобы убѣдиться въ вѣрности характеристики, данной ему Аджи Моше, опредѣлившаго его еврейскимъ словомъ „шутэ“ (שיטה по произношенію персидскихъ евреевъ). Онъ подалъ мнѣ руку,— что указывало уже на пріобрѣтенную въ Тегеранѣ полированность и умѣнье обращаться съ европейцами, — и пригласилъ сѣсть на врытую въ землю деревянную скамью; самъ онъ усѣлся на той же скамьѣ, и для того, чтобы вести разговоръ лицомъ къ лицу, намъ пришлось сидѣть довольно неловко. Слугамъ было приказано вынести коверъ, который уложили шагахъ въ пяти отъ насъ и на которомъ усѣлись: впереди Аджи Моше, а сзади наша свита—Илья и Іехезкіель. Къ слову сказать, это присутствіе слугъ тамъ, гдѣ принимаютъ господина—въ персидскихъ правахъ. Разговоръ не взялся и поддерживался съ большимъ трудомъ, и потолковавши немного о Тегеранѣ и моей службѣ тамъ и похваливши порядокъ въ вилайетѣ (провинціи), я сталъ прощаться, а его превосходительство не сталъ меня удерживать и протянулъ руку. Аджи Моше и молодые люди стали почтительно кланяться и отступать задомъ. Іехезкіель видѣлъ, какъ акимъ тутъ же подошелъ къ рѣчкѣ и началъ мыть руку, оскверненную прикосновеніемъ къ иновѣрцу, а Аджи Моше объяснилъ, что имъ вынесли коверъ только изъ уваженія къ присутствію европейца; обыкновенно же евреи въ присутствіи акима стоятъ, даже когда отъ ихъ принимаетъ въ комнатѣ.

Въ общемъ, впечатлѣніе отъ этого визита было не изъ важныхъ. Но судьбѣ угодно было въ этотъ же день столкнуть насъ съ лицомъ, когда-то занимавшимъ высокій постъ въ персидской іерархіи. Я уже упомянулъ о томъ, что во всемъ Демавендѣ и его

окрестностяхъ былъ только одинъ домъ со стеклами въ окнахъ. Домъ этотъ принадлежалъ Мохтаръ-эсъ-Солтанэ, бывшему министру полиціи; когда, послѣ нѣкотораго перерыва, Эминъ-эсъ-Солтанъ мирза-Али-Аскеръ-ханъ Садръ-азямъ, получившій впослѣдствіи титулъ Атабекъ-азям'а, былъ вновь призванъ изъ изгнанія, изъ Кума, на постъ великаго визиря,—Мохтаръ-эсъ-Солтанэ, бывшій въ числѣ его противниковъ, былъ вынужденъ удалиться на житье въ Демавендъ. Домъ его стоялъ въ саду на лѣвомъ берегу Таару, немного повыше его сліянія съ Мешкедже, въ отдаленіи отъ другихъ жилищъ, такъ какъ небольшая группа домовъ съ мечетью и текіэ была расположена на этомъ берегу гораздо ниже по теченію, уже въ кварталѣ Нудэ, и только здѣсь находится деревянный мостъ, которымъ пользуются для сообщенія между обоими берегами. Идя отъ губернатора по правому берегу Таару, мы поравнялись съ маленькимъ домикомъ о трехъ или четырехъ окнахъ, на половину висѣвшимъ надъ кручею берега; въ домикѣ этомъ жили слуги Мохтаръ-эсъ-Солтанэ. Возлѣ этого домика виднѣлась калитка въ заборѣ сада, противъ которой два или три плотника настилали на двухъ длинныхъ бревнахъ, переброшенныхъ съ одного берега на другой, мостикъ для пѣшеходовъ. На берегу стоялъ человѣкъ довольно высокаго роста съ сивыми усами, въ сѣрой барашковой шапкѣ черкесскаго или, точнѣе, лезгинскаго, образца и въ пальто изъ верблюжьяго сукна того полу-европейскаго покроя, какой въ Персіи отличаетъ военныхъ,—и дѣлалъ указанія плотникамъ. Аджи Моше шепнулъ мнѣ, что это и есть самъ Мохтаръ-эсъ-Солтанэ. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на давно, вѣроятно, невиданную имъ въ этой глуши фигуру европейца; плотники, съ которыми онъ прервалъ разговоръ, тоже обернулись по направленію къ намъ; туда же было направлено вниманіе двухъ или трехъ слугъ, стоявшихъ у калитки. Подъ взорами этой группы людей, глаза которыхъ слѣдовали за нами, я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, и чтобы выйти изъ этого положенія, я, поровнявшись съ строющимся мостикомъ, приподнялъ шляпу. Мохтаръ-эсъ-Солтанэ какъ-будто только этого и ждалъ. Отвѣтивъ на мой поклонъ, по военному приложивъ руку къ виску, онъ спросилъ, говорю ли я по-персидски, освѣдомился о моемъ здоровьи и расположеніи духа, давно ли я въ Демавендѣ и затѣмъ попросилъ зайти къ нему. Балансируя по лежащимъ рядомъ двумъ бревнамъ, еще безъ настилки, мы перебрались на лѣвый берегъ, надъ которымъ довольно отвѣсно нависла гора, опоясанная густою зеленью садовъ, простирающихся до верхней оросительной канавы, надъ которой рѣзко

выдѣлялся поясъ голыхъ скалъ и каменныхъ обломковъ. Надъ самимъ садомъ Мохтаръ-эсъ-Солтанэ стоитъ уже описанное мною восьмиугольное имамъ-заде. Садъ поражалъ своимъ благоустройствомъ, которое въ особенности бросалось въ глаза послѣ запущенныхъ нечищенныхъ промышленныхъ садовъ Демавенда: тропинки шли круто въ гору, но были тщательно расчищены и подметены; черезъ оросительныя канавки были перекинуты мостики. Въ глубинѣ сада на расчищенной площадкѣ стоялъ небольшой квадратный господскій домикъ, тоже съ окнами со стеклами. Дверь изъ сада вела въ широкій корридоръ, по бокамъ котораго были расположены небольшія комнатки, какъ это можно было замѣтить въ окна, проходя мимо домика; корридоръ затѣмъ оканчивался комнатою по больше, игравшею роль гостиной, убранной уже на половину по-европейски: вдоль стѣнъ стояли мягкія лавки, покрытыя сверхъ ковровъ накидками изъ пестрой исфаганской бумажной матеріи; занавѣсы изъ такой же матеріи полузакрывали окна. Мохтаръ-эсъ-Солтанэ (что значитъ посланникъ царя), извинившись за свой костюмъ, попросилъ меня и спутниковъ сѣсть, и когда эти послѣдніе, въ качествѣ туземцевъ и евреевъ, усѣлись скромно на коврѣ на полу у линіи, отдѣлявшей корридоръ отъ гостиной, онъ попросилъ Аджи Моше усѣсться между нами, и даже заставилъ молодежь сѣсть на диванъ, хотя и недалеко отъ порога. Я былъ склоненъ объяснить это тѣмъ, что, быть можетъ, онъ не подозрѣваетъ въ нихъ евреевъ. Разговоръ завязался сразу живой и занимательный. Какъ и сартипъ, и акимъ, Мохтаръ-эсъ-Солтанэ не говорилъ по-французски, но по-персидски онъ говорилъ красиво и изящно; онъ разспрашивалъ насъ о нашихъ дѣлахъ, и оказалось, что при его уединенномъ образѣ жизни, онъ, быть можетъ, былъ, единственнымъ человѣкомъ въ городкѣ, который до того не зналъ о пріѣздѣ иностранца въ Демавендъ. Онъ выказалъ извѣстную широту взглядовъ, сравнивалъ, напримѣръ, Насрэддинъ-шаха съ Петромъ Великимъ, разсказывалъ о своей дѣятельности въ Тегеранѣ, разспрашивалъ меня о членахъ русской колоніи, изъ которыхъ онъ зналъ многихъ, и т. д. Хотя во время разговора онъ узналъ, что всѣ его гости—евреи, онъ предложилъ намъ кальянъ и чай. Такія предложенія дѣлались намъ не разъ и не только тѣми, въ дома которыхъ мы входили, но и, напримѣръ, владѣльцами садовъ, съ которыми, Аджи Моше проходя мимо, останавливался покалякать о дѣлѣ или отъ бездѣлья; но предложенія эти дѣлались только изъ вѣжливости, и вѣжливость же требовала ихъ отклонять: изъ боязни оскверненія посуды

иновѣрцемъ персы и не думали предлагать въ серьезъ, и я былъ уже настолько опытенъ, что всегда, разсыпаясь въ благодарностяхъ, отклонялъ такія предложенія. Такъ и здѣсь: я заявилъ, что недавно пилъ чай, Аджи Моше—что не можетъ курить кальяна, потому что ему горло болитъ. Но нашъ хозяинъ съ улыбкою бывалаго и свѣтскаго человѣка сказалъ, что онъ понимаетъ истинную причину этихъ отказовъ,—и приказалъ подавать чай и кальянъ. Черезъ нѣсколько минутъ у Аджи Моше уже булькала вода въ кальянѣ, молодежь маленькими глотками пила чай, поданный имъ по-персидки—въ маленькихъ стаканчикахъ съ перехватомъ, а предо мною на низенькомъ столикѣ стоялъ чай въ большомъ стаканѣ съ серебрянымъ подстаканникомъ. Мы, европейскіе жители Тегерана, знали, что, когда насъ принимаютъ въ домѣ какого-нибудь персидскаго чиновника или купца, то, если только онъ не бабистъ, для этого держатъ отдѣльную посуду; но нужно знать взгляды персовъ на туземныхъ иновѣрцевъ, чтобы оцѣнить всю деликатность этого пріема и всю толерантность хозяина, принимавшаго такъ открыто не только заѣзжаго европейца, но и туземцевъ-евреевъ, съ которыми онъ встрѣтился въ первый разъ. Когда мы, наконецъ, распростились съ любезнымъ хозяиномъ и вновь спускались садомъ къ берегу, мы видѣли, что слуга погружаетъ въ канавку кальянъ и стаканы, которыми мы только что пользовались: полежавъ нѣкоторое время въ проточной водѣ, они вновь стали бы чистыми для мусульманъ. Объ этой подробности я упоминаю отнюдь не въ осужденіе гостепріимнаго хозяина, а лишь для лучшей характеристики страны и нравовъ.

По возвращеніи въ Тегеранъ, я постарался подробнѣе разузнать о Мохтаръ-эсъ-Солтанэ, оставившемъ во мнѣ такое хорошее воспоминаніе. Онъ началъ свою службу въ исфаганскихъ войскахъ Зиль-эсъ-Султана [1]), гдѣ дослужился до должности начальника

---

[1]) Зиль-эсъ-Султанъ (тѣнь царя), первый сынъ Насрэддинъ-шаха и старшій братъ царствующаго шаха Музафоръ-эддина, не могъ наслѣдовать своему отцу, такъ какъ, по традиціямъ дома Каджаровъ, наслѣдниковъ престола (валіадъ) объявляется тотъ изъ принцевъ, мать котораго—тоже принцесса изъ дома Каджаровъ, между тѣмъ какъ мать Зиль-эсъ-Султана была женщиною простого званія. Назначенный исфаганскимъ генералъ-губернаторомъ, подъ властью котораго была вся южная Персія, онъ выказалъ себя, хотя и деспотичнымъ, даже жестокимъ, но мудрымъ правителемъ. Собирая громадные доходы со своихъ провинцій, онъ завелъ большое войско, для обученія котораго пригласилъ европейскихъ инструкторовъ, преимущественно англичанъ, а въ арсеналахъ собралъ большое коли-

кавалеріи. Послѣ этого онъ до своей опалы служилъ въ Тегеранѣ. Хотя онъ занималъ высокіе посты, до министра включительно, и, по персидскимъ понятіямъ, не хуже другихъ, но онъ былъ совершенно безграмотенъ. Это чисто персидская черта; тамъ сановникъ, можетъ быть, долженъ проявлять умъ, энергію, опытность, находчивость, но умѣнья читать и писать отъ него не требуется: для этого у него имѣются писаря, а подписывать все равно никому не приходится, такъ какъ вмѣсто этого прикладывается печать. Въ этомъ отношеніи примѣръ Мохтаръ-эсъ-Солтанэ — не единственный. Отецъ великаго визиря Атабекъ-азяма—Эминъ-эсъ-Султанъ, тоже бывшій великимъ визиремъ при Насрэддинъ-шахѣ, началъ службу при дворѣ послѣдняго въ качествѣ начальника водоносовъ (саки-баши) и былъ совершенно неграмотенъ. Тегеранскіе евреи, близко познакомившіеся съ Мохтаръ эсъ-Солтанэ въ бытность его министромъ полиціи, отзывались о немъ, какъ объ умномъ, справедливомъ и благожелательномъ администраторѣ. Весною 1904 года великимъ визиремъ былъ назначенъ принцъ Эйни-эдъ-доулэ (глаза государства), который вновь призвалъ Мохтаръ-эсъ-Солтанэ въ Тегеранъ и назначилъ его тегеранскимъ генералъ-губернаторомъ,—должность, которую онъ самъ занималъ до того. Въ качествѣ генералъ-губернатора онъ вновь выказалъ свой тактъ, справедливость и распорядительность; онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ новаго своего назначенія, павъ жертвою надвинувшейся на Тегеранъ холерной эпидеміи.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

М. Абезгузъ.

чество оружія и орудій. Это возбудило подозрительность въ его отцѣ, который сталъ предполагать, и, какъ говорятъ, не безъ основанія,—что это дѣлается для того, чтобы сейчасъ послѣ его смерти, а можетъ быть и еще раньше, завладѣть престоломъ. Подъ какимъ-то предлогомъ онъ пригласилъ его въ Тегеранъ, гдѣ и старался задержать его возможно долѣе, а въ это время заранѣе направленныя туда шахскія войска заняли Иофагань и завладѣли арсеналомъ. Зиль-эсъ-Султанъ послѣ этого былъ лишенъ права содержать отдѣльное войско, а находившаяся подъ его управленіемъ территорія была сильно урѣзана.

Нью-Іоркскія впечатлѣнія.

*(Продолженіе *).*

III.

О пользѣ и вредѣ иммиграціи.

Русско-еврейская интеллигенція въ Нью-Іоркѣ вполнѣ искренно, если и не всегда съ большой энергіей, хлопочетъ, суетится, организуя десятки различныхъ общественныхъ предпріятій. Она реагируетъ на всякое крупное событіе въ Россіи; ее также нельзя упрекнуть въ равнодушіи къ интересамъ русскаго еврейства. Тѣмъ болѣе удивительно, что до послѣдняго времени, если не считать организованной ею дешевой столовой преимущественно для иммигрантовъ, она какъ бы не замѣчаетъ иммиграціоннаго вопроса.

По пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ я обратился съ вопросомъ объ этомъ къ моему старому пріятелю, доктору К., одному изъ самыхъ популярныхъ членовъ русско-еврейской интеллигентной колоніи.

— За два года моего отсутствія изъ Нью-Іорка, т. е. приблизительно со времени, кишиневскаго погрома—иммиграція русскихъ евреевъ сильно увеличилась, не правда-ли, докторъ? Не можете-ли вы сказать мнѣ, что по этому поводу предприняла ваша интеллигенція? Занималась она этимъ вообще?

— Какъ вамъ сказать? Нѣтъ, въ сущности не занималась. Мы, конечно, всѣ чувствуемъ ростъ еврейской массы, но не замѣчаемъ, чтобы она создавала спеціальные вопросы или затрудненія. Да и что мы могли бы предпринять?

— Но вотъ, рядомъ съ вашимъ домомъ, я видѣлъ большую вывѣску „Hebrew Immigrant Aid Society", общество помощи еврейскимъ иммигрантамъ. Его не существовало, кажется, когда я оставилъ Нью-Іоркъ. Что оно пытается дѣлать?

— Да—это общество содержитъ г. Гаркави на Эллисъ-Айландѣ. Что-же, это очень хорошая вещь. Г. Гаркави оказываетъ большую

---

*) См. „Кн. Восх." Августъ.

пользу многимъ пріѣзжающимъ евреямъ. Но за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ—русская интеллигенція не заинтересована въ этомъ обществѣ. Отчего, спрашиваете вы? Это сразу такъ трудно отвѣтить. Я думаю потому, что уже существуютъ другія организаціи. Hebrew Charities, вотъ Гиршевскій фондъ, Removal office. Всѣ эти организаціи занимаются иммиграціей какъ таковой, повидайте ихъ... А что въ сущности могли бы мы сдѣлать?

— Ну, неужто въ этомъ затрудненіе—удивился я.—Пріѣзжаютъ люди испуганные, измученные, безъ свѣдѣній. Если бы имъ хотя-бы сказать, куда пойти, что дѣлать, за что взяться... Какое-нибудь информаціонное бюро?

— Э, батюшка,—возразилъ мнѣ докторъ.—Да здѣсь въ Нью-Іоркѣ сто тысячъ этихъ бюро. Вотъ видите на улицѣ этихъ евреевъ. Каждый изъ нихъ можетъ служить и дѣйствительно служитъ информаціоннымъ бюро для „зеленыхъ". Наврядъ ли кто и сталъ бы слушаться нашихъ совѣтовъ.

Здѣсь не мѣсто развивать теорію матеріалистическаго міросозерцанія, но признаюсь глубокія истины высказанныя еще Марксомъ, не разъ приходили мнѣ въ голову, когда я началъ съ попытокъ опредѣлить отношеніе разныхъ слоевъ и классовъ даже еврейства къ вопросу о внезапномъ ростѣ еврейской иммиграціи въ Нью-Іоркѣ. Въ предъидущихъ очеркахъ мнѣ неоднократно приходилось указывать на крики о чрезмѣрной концетрараціи евреевъ въ Нью-Іоркѣ, подымаемые благотворительными обществами, въ особенности тѣми, что содержатся на средства богатаго нѣмецкаго и американскаго еврейства. Является большое искушеніе объяснить эти вопли желаніемъ пріостановить ростъ необходимыхъ расходовъ по еврейской благотворительности въ Нью-Іорскѣ и перенести часть этого бремени на другіе города. Въ сущности методы, которые при этомъ пускаются въ ходъ, ничѣмъ не отличаются отъ методовъ нѣмецкихъ и англійскихъ благотворительныхъ обществъ. Вотъ тебѣ, братецъ, деньги на проѣздъ; поѣзжай себѣ дальше. Тамъ тебѣ легче будетъ (*въ сторону*: „да и намъ тоже"). Это классическій методъ, которымъ издавна пользовались даже американскія казенныя попечительства о бѣдныхъ.

За то отъ русско-еврейской интеллигенціи не слышишь жалобъ на еврейскую иммиграцію. Когда я напримѣръ спросилъ г. Абрагама Кагана, извѣстнаго беллетриста и редактора жаргоннаго ежедневнаго соціалистическаго органа „Vorwärts", замѣчается ли

вредное вліяніе иммиграціи на положеніе рабочаго класса въ Нью-Іоркѣ, увеличилась ли безработица и т. д., и т. д.—то г. Каганъ (вполнѣ искренно, мы въ этомъ не сомнѣваемся) отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мы не замѣчаемъ этой тенденціи; вы же знаете положеніе еврейскаго портного. Его работа никогда не постоянна. Это сезонная промышленность. Есть работа—есть для всѣхъ; нѣтъ работы,—ни для кого нѣтъ.—И г. Каганъ апеллировалъ ко всѣмъ сотрудникамъ редакціи, которые согласились съ нимъ.

Какъ редакторъ соціалистическаго рабочаго органа, г. Каганъ долженъ былъ бы, казалось, выражать мнѣніе рабочей массы. Въ дѣйствительности же онъ выражалъ лишь мнѣніе многочисленной интеллигенціи, а какъ мы увидимъ ниже—рабочая масса относится къ дѣлу иначе.

Для интеллигенціи, и въ особенности профессіональной интеллигенціи, быстрый приростъ еврейскаго населенія, приростъ клієнтовъ и паціентовъ и т. д., несомнѣнно является источникомъ доходовъ. Для Vorwärts'а иммиграція даетъ новую массу читателей, для учителей новыхъ учениковъ и т. д., и т. д. безъ конца. Повторяемъ, мы не думаемъ дѣлать никакихъ инсинуацій. Но безсознательно эти факторы оказываютъ несомнѣнное вліяніе. Несомнѣнно, что благодаря иммиграціи матеріальное положеніе русско-еврейской интеллигенціи улучшается, и можно ли обвинить ее за то, что она судитъ по собственному положенію о положеніи дѣлъ вообще? Однако же въ теченіе того же разговора г. Каганъ сообщилъ намъ объ организаціи дешевой столовой для нуждающихся — преимущественно евреевъ.

Совершенно иначе смотритъ на вещи видный представитель еврейскаго трэдъ-юніонизма, г. Шлезингеръ, къ которому, какъ компетентному лицу въ вопросѣ о положеніи еврейскаго рабочаго, послалъ меня самъ г. Каганъ. Г. Шлезингеръ—президентъ еврейскаго Cloak-Makers Union'а, т. е. союза портныхъ, шьющихъ дамскія пальто и накидки, самъ бывшій портной, говорящій по англійски съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ, но человѣкъ, не смотря на отсутствіе систематическаго образованія, весьма умный и развитой; не только знающій, но и понимающій положеніе рабочаго класса лучше средняго американскаго профессора. Я чрезвычайно сожалѣю, что не обладаю искусствомъ стенографіи, и поэтому не могъ записать чрезвычайно интереснаго разговора съ г. Шлезингеромъ, длившагося полтора часа; къ сожалѣнію,

многія детали испарились изъ моей памяти. Въ слѣдующей передачѣ мнѣній г. Шлезингера я не претендую на точность и отмѣчаю лишь сущность мнѣній г. Шлезингера.

— Я знакомъ, сказалъ онъ, съ положеніемъ дѣлъ въ моей области лучше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ портняжнаго труда. И я должен ъ заявить, что усиленная иммиграція на нашей области отозвалась очень тяжело. Cloac-maker'ами спѣшатъ сдѣлаться „зеленые" потому, что дѣйствительно въ сезонъ горячей работы легко получить работу и заработки бываютъ крупные: 25—30 долл. въ недѣлю. Для свѣжаго иммигранта это конечно состояніе. А то, что сезонъ длится очень недолго, это иммигрантъ забываетъ.

— Но если въ сезонъ не хватаетъ рабочихъ рукъ, то слѣдовательно иммигрантъ нуженъ; значитъ вамъ противъ него протестовать не приходится, — возразилъ я.

— Но тутъ есть другое обстоятельство, продолжалъ г. Шлезингеръ. Конечно, производство дамскаго верхняго платья должно быть сезоннымъ дѣломъ, потому что зависитъ отъ моды. Но сезонъ сезону рознь. Сезоны стали значительно сокращаться, благодаря наплыву рабочихъ рукъ. Свѣжіе „зеленые" готовы работать больше времени. Благодаря этому увеличился срокъ безработицы; мало того несомнѣнно было и пониженіе рабочей платы. Потомъ „зеленый" создаетъ и еще своеобразную проблему—это его отношеніе къ рабочимъ союзамъ. Я соціалистъ и знаю, что для полнаго разрѣшенія рабочаго вопроса необходимы болѣе радикальныя мѣры, чѣмъ рабочіе союзы. Но для улучшенія положенія рабочихъ въ настоящемъ союзы остаются единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ; и оно особенно необходимо въ нашей индустріи. Благодаря короткому сроку труда, въ теченіе котораго (срока) рабочій необходимъ фабриканту, рабочій можетъ завоевать крупную плату, но при какихъ условіяхъ? Только если рабочіе объединены въ союзы. Но если бы вы знали, какъ трудно удержать нашихъ евреевъ въ рабочемъ союзѣ! Когда рабочій союзъ гарантируетъ имъ хорошій контрактъ,—они всѣ горячіе поклонники союза. А только стачка кончилась—и всѣ они забываютъ о союзѣ. И въ особенности трудна работа со свѣжими „зелеными" иммигрантами. Поэтому-то въ послѣдніе годы появилась цѣлая масса фабричекъ, въ которыя союзъ совсѣмъ не можетъ проникнуть.

— Это странно—замѣтилъ я.—Дѣйствительно, когда-то пріѣзжавшіе еврейскіе иммигранты были совершенно незнакомы даже съ названіемъ, не то что съ принципами трэдъ-юніонизма. Но вѣдь теперь дѣло другое: пріѣзжающіе теперь русскіе евреи часто уже

ветераны трэдъ-юніонистскаго движенія, люди пострадавшіе за союзы, Неужто вамъ трудно сдѣлать „бундиста“ вѣрнымъ членомъ вашего союза?

— Да, я много разъ слыхалъ этотъ аргументъ,—отвѣтилъ мнѣ собесѣдникъ.—Но я васъ увѣряю, что часто ваши „бундисты“ представляютъ самый трудный матеріалъ для пропаганды [1]). Они и живя въ Америкѣ продолжаютъ жить преимущественно русскими интересами. Весь энтузіазмъ ихъ, вся энергія, весь идеализмъ, какой необходимъ для общественнаго дѣла,—уходятъ на хлопоты о русскихъ дѣлахъ, а на свою работу они смотрятъ съ чисто личной точки зрѣнія.

— Такъ что въ общемъ вы находите, что иммиграція вредитъ интересамъ еврейскаго рабочаго?

— Несомнѣнно—усиленная иммиграція вредно отзывается на интересахъ еврея-портного. Я самъ русскій еврей и понимаю, что безъ иммиграціи русскій еврей совсѣмъ бы задохнулся, и поэтому не могу требовать запрещенія иммиграціи, но это факта не измѣняетъ!

— Приходило ли вамъ въ голову какое-нибудь возможное средство борьбы съ этими вредными послѣдствіями?

На этотъ вопросъ послѣдовалъ именно тотъ отвѣтъ, какого я ожидалъ:

— Если бы они не оставались всѣ въ Нью-Іоркѣ, конкурренція здѣсь была бы не такъ сильна. Они должны были бы уѣзжать въ другіе города съ развивающейся портняжной промышленностью: въ Чикаго, Синсинати, Кливлендъ, Сан-Луи, Луивилль и другіе города!

— А развѣ тамъ заработная плата выше чѣмъ здѣсь? Развѣ тамъ чувствуется недостатокъ въ рабочихъ рукахъ?—удивился я.

— Несомнѣнно. Положеніе рабочихъ-евреевъ тамъ значительно лучше; тамъ гораздо меньше зеленыхъ. Во всѣхъ этихъ городахъ, — и я говорю по личному опыту, — продолжалъ г. Шлезингеръ,—нью-іоркецъ извѣстенъ какъ человѣкъ, готовый работать за болѣе низкую плату. Когда фабрикантамъ тамъ нужно бороться съ стачечниками, то страйкбрехеры ввозятся изъ Нью-Іорка. Повѣрите ли, стоитъ изъ Нью-Іорка пріѣхать дю-

---

[1]) Оставляю это обобщеніе на совѣсти г. Шлезингера. Мнѣ часто приходилось слышать и совершенно противоположныя заявленія. Общественная дѣятельность бывшихъ бундистовъ проявляется въ широкихъ размѣрахъ. Заключенія г. Ш. во всякомъ случаѣ интересны

жинѣ рабочихъ-портныхъ, и въ такомъ западномъ городѣ начинается тревога.

— Позвольте, позвольте,—перебилъ я его.—Въ такомъ случаѣ предлагаемое вами средство вѣдь никуда не годится. Мы уже не будемъ говорить о томъ, что, рекомендуя выселеніе въ другіе города, вы просто хотите перенести то же затрудненіе лишь на чужія плечи. Но я не вижу, чтобы средство это помогло даже вамъ. Развѣ „зеленый", переѣхавъ въ Синсинати, не продолжаетъ конкуррировать съ вами? Развѣ Синсинати не конкуррируетъ съ Нью-Іоркомъ? Вѣдь продукты нью-іоркскаго еврейскаго портного идутъ не только на потребленіе города Нью-Іорка, но всей страны съ ея болѣе чѣмъ 80-милліоннымъ населеніемъ. Если зеленый будетъ дешево работать въ Синсинати, то западный лавочникъ предпочтетъ дѣлать свои заказы въ Синсинати, а не въ Нью-Іоркѣ.

Г. Шлезингеръ былъ слишкомъ опытный человѣкъ, чтобы не почувствовать силы этого аргумента.

— Такъ выходитъ, значитъ, что дѣло скверно—грустно замѣтилъ онъ.

— Но развѣ вліяніе иммиграціи сказывается только въ одномъ пониженіи платы?—попробовалъ я посмотрѣть на дѣло съ нѣсколько болѣе оптимистической точки зрѣнія.—Вѣдь иммигрантъ не только производитель, но и потребитель. Вы допустите, что высокія цѣны за трудъ портного во время сезона—результатъ огромнаго спроса на дамскія накидки именно дешевыхъ сортовъ, т. е. въ значительной степени спросъ со стороны бѣдныхъ иммигрантовъ. Еврей-иммигрантъ вамъ конкуррентъ. Но за то иммигрантъ венгерецъ, полякъ, даже итальянецъ и т. д., и т. д.—вамъ уже не конкуррентъ, а потребитель. Вѣдь если говорить о вліяніи иммиграціи, то нужно взять всю иммиграцію въ цѣломъ.

— Да развѣ одинъ еврей намъ конкуррентъ?—продолжалъ настаивать г. Шлезингеръ.—Какъ еврей вытѣснилъ нѣмца изъ производства платья, такъ итальянецъ уже вытѣсняетъ еврея низшей платой, большей продолжительностью труда и т д. Пройдетъ еще 10—15 лѣтъ и итальянецъ совершенно вытѣснитъ еврея изъ этой области. Но и итальянцу уже угрожаетъ новая опасность со стороны... японцевъ. Напримѣръ, въ Санъ-Франциско вторженіе японцевъ въ портняжную индустрію уже приняло угрожающіе размѣры.

Въ общемъ мой собесѣдникъ вынужденъ былъ признаться, что иммиграція не является лишь вреднымъ факторомъ для рабочей массы, что вліяніе иммиграціи двоякое; но онъ утвер

ждалъ—и конечно произвольно—что вредное вліяніе предложенія новаго труда сильнѣе вліянія новаго спроса. Мы говоримъ—„произвольно“, потому что рѣшить, какое вліяніе сильнѣе, возможно было бы лишь при помощи тщательныхъ и сложныхъ статистическихъ измѣреній, которыя произведены не были. Но мнѣніе г. Шлезингера не есть его личное мнѣніе—это мнѣніе рабочаго класса всей Америки. Какъ иммигрантъ и какъ еврей, г. Шлезингеръ чувствуетъ жестокость запрещенія или ограниченія иммиграціи вообще, и еврейской въ особенности. Но это является результатомъ сочувствія къ нуждѣ класса людей, въ судьбѣ которыхъ настоящій американецъ-рабочій не заинтересованъ. Г. Шлезингеръ поэтому не рѣшается договориться до требованія ограничительныхъ мѣръ противъ иммиграціи, которыя представляютъ признанный догматъ американскихъ рабочихъ. Но какъ вредъ иммиграціи для рабочаго класса, такъ и польза отъ распространенія ихъ по странѣ—гипотезы, которыя далеко не могутъ быть обоснованы серьезными научными доказательствами.

IV.

Помощь иммигрантамъ.

„*Фондъ барона Гирша.*—Фондъ въ 2.400,000 долларовъ для улучшенія положенія еврейскихъ иммигрантовъ въ Соединенныхъ Штатахъ... Значительная иммиграція въ Соединенные Штаты въ 1890—1 годахъ, вызванная майскими законами 1882 г., заставила барона Гирша, узнавшаго отъ Оскара Штрауса о положеніи дѣлъ въ Нью-Іоркѣ, учредить этотъ фондъ. По условіямъ пожертвованія, средства должны быть употреблены на оказаніе помощи еврейскимъ иммигрантамъ изъ Россіи и Румыніи, дать имъ возможность переѣхать въ края, гдѣ условія рабочаго рынка обѣщаютъ имъ возможность стать независимыми; дать другимъ средства переѣхать въ мѣста, гдѣ находятся ихъ родственники и друзья, которые позаботились бы о нихъ, пока они сами не съумѣютъ зарабатывать необходимыя средства къ существованію; обучать иммигрантовъ ремесламъ и содержать ихъ, пока они обучаются, снабдить ихъ необходимыми инструментами и орудіями, обучать иммигрантовъ земледѣльческому труду и, наконецъ, дать имъ возможность научиться англійскому языку“.

Эта длинная цитата взята изъ очень авторитетнаго источника,

изъ шестого тома Еврейской Энциклопедіи [1]). За ней слѣдуютъ два столбца мелкой печати, излагающіе детали цѣлей и дѣятельности фонда барона Гирша. И конечно едва ли приходится доказывать, что дѣятельность фонда затрагиваетъ очень много сторонъ еврейской жизни въ Нью-Іоркѣ.

Зачѣмъ я повторяю всѣ эти хорошо извѣстные факты?—спросите вы. Это станетъ сейчасъ яснымъ.

Предположимъ, что вы, читатель, прибывши въ Нью-Іоркъ, заинтересовались вопросомъ, что дѣлается въ Нью Іоркѣ евреями въ виду растущей еврейской иммиграціи. Можетъ ли быть болѣе естественный вопросъ? И вы знаете, что существуетъ въ Нью-Іоркѣ организація съ тѣми функціями, которыя были пересчитаны выше. Вашимъ первымъ шагомъ была бы попытка ознакомиться поближе съ дѣятельностью этой организаціи, не правда ли? Предположимъ дальше, что вы были лично хорошо извѣстны завѣдующему этой организаціей, мало того, что вы бы явились къ нему по просьбѣ одной вліятельной петербургской организаціи, имѣющей также очень тѣсное касательство къ Гиршевскимъ милліонамъ, и помимо этого, какъ представитель и старый сотрудникъ старѣйшаго русско-еврейскаго повременнаго изданія,—вы ожидали бы по крайней мѣрѣ любезнаго пріема и готовности дать вамъ интересующія васъ свѣдѣнія, отвѣчать на ваши Вопросы? Вы ожидали бы всего этого, не правда ли?

Но вы бы глубоко разочаровались въ вашихъ надеждахъ.

Фондъ барона Гирша занимаетъ уютныя двѣ комнаты въ одномъ изъ высокихъ задній шумнаго Бродвей. Войдя, вы видите только недурную обстановку и дѣвицу, стучащую на пишущей машинѣ. Суперинтендентъ (или завѣдующій) русскій еврей г. Сабсовичъ, бывшій завѣдующій и даже мэръ еврейской земледѣльческой колоніи Вудбайнъ, встрѣчаетъ васъ, какъ министръ (и русскій министръ—потому что американскіе министры встрѣчали меня гораздо любезнѣе) встрѣчаетъ просителя.

Но такъ какъ я пришелъ не по личному, а по общественному дѣлу, я считалъ себя вправѣ игнорировать это высокомѣріе. Я изложилъ г. Сабсовичу цѣль моего визита и попросилъ его изложить все наиболѣе интересное изъ дѣятельности фонда.

Но г. Сабсовичъ былъ непроницаемъ, какъ лондонскій туманъ. Какой бы вопросъ я бы ни предлагалъ ему, отвѣтъ былъ или „не знаю“ или „это конфиденціально“.

---

[1]) Jewish Encyclopedia, Vol. VI, page 411.

— Мы лишь фондъ,—наконецъ я добился отъ него отвѣта.—Мы лишь распредѣляемъ средства. Активная дѣятельность производится различными организаціями. Существуетъ Removal office (контора для помощи выѣзда изъ Нью-Іорка) Agricultural Aid Society (общество земледѣльческой помощи) и т. д. и отъ нихъ вы получите всѣ необходимыя свѣдѣнія.

— Но вѣдь вы даете тонъ этимъ обществамъ,—возразилъ я.— Вы формируете ихъ общую политику. Не можете же вы не знать характера ихъ дѣятельности.

— Это все то, что я могу вамъ сказать! — сухо отвѣчалъ г. Сабсовичъ.

— Позвольте, г. Сабсовичъ, — настаивалъ я. — Я не имѣю никакого желанія проникать въ чьи-либо секреты. Но мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ общей политикой фонда по отношенію къ колоніямъ и т. д. Согласитесь, что это все интересные общественные вопросы.

— Если вы интересуетесь, или ваше петербургское общество интересуется этимъ вопросомъ, обратитесь къ парижской организаціи.

— Но вѣдь вашъ фондъ учрежденіе американское?

— О, да!

— И кто имъ управляетъ?

— Есть совѣтъ директоровъ.

— А кто этихъ директоровъ избралъ?

— Они были первоначально назначены барономъ, а теперь сами кооптируютъ новыхъ членовъ.

— Вотъ видите: значитъ они представляютъ самостоятельную организацію. Должны же они отдавать отчетъ въ своей дѣятельности обществу. Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ ваши печатные отчеты.

— Мы не публикуемъ періодическихъ отчетовъ. Вотъ одинъ отчетъ, но уже довольно устарѣлый, 1902 года.

— И съ тѣхъ поръ ни одинъ отчетъ не былъ напечатанъ?

— Нѣтъ.

— И относительно распредѣленія фондовъ съ этого времени нельзя получить никакихъ свѣдѣній?

— Нельзя.

— И это все, что вы можете сообщить о дѣятельности самаго крупнаго еврейскаго общественнаго учрежденія?

— Это все,—торжественно заявилъ г. Сабсовичъ и всталъ, давая понять, что аудіенція кончена.

— Ну-съ, знаете, г. Сабсовичъ—не удержался я, тоже вста-

вая,—я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, что лично совершенно не вижу причинъ для такой таинственности. Кто бы ни завѣдывалъ фондомъ, ваши директора ошибаются, если считают эту таинственность пристойною. Фондъ барона Гирша—фондъ и частный, а общественный и благотворительная дѣятельность фонда—не есть частная благотворительная дѣятельность директоровъ. А в общественномъ дѣлѣ—первыя два условія довѣрія: отчетность и гласность.

Я еще обязаностью своей считаю повторить эти азбучныя истины въ печати. И если эти строки попадутъ въ глаза людямъ, причастнымъ къ Гиршевскимъ фондамъ въ Россіи и Европѣ, если онѣ заставятъ ихъ задуматься,—то и это будетъ утѣшительно. Можетъ быть, милліонеры-благотворители, даже когда они благотворятъ на чужой счетъ (потому что, повторяемъ, деньги барона Гирша - общественныя деньги), настолько свысока смотрятъ на простыхъ смертныхъ, что отчетность передъ ними считаютъ совершенно излишнею. Но если бы они знали, къ какимъ подозрѣніямъ, къ какимъ пересудамъ ведетъ эта таинственность, они, можетъ быть, перемѣнили бы свою политику. Несомнѣнно, что никто не подозрѣваетъ Зелигмановъ, Айзексовъ, Сульцбергеровъ, Шиффовъ и т. д. въ желаніи попользоваться фондами, но русско-еврейская масса знаетъ, что къ фонду причастны и люди, не обладающіе такими крупными средствами. И всякій русскій въ Нью-Іоркѣ вамъ скажетъ, что въ полную честность всѣхъ причастныхъ къ фонду лицъ онъ не вѣритъ. Если эти подозрѣнія оскорбительны, то единственное средство уничтожить ихъ это *гласность* и *отчетность*. А пока нѣтъ ни того, ни другого—подозрѣнія растутъ и *должны расти*. *Общественное дѣло требуетъ общественнаго же контроля* и особенно это вѣрно, когда дѣло касается общественныхъ денегъ.

V.

Встрѣча съ читателемъ.

Такъ какъ обыкновенно нѣсколько тысячъ верстъ раздѣляютъ меня отъ моего читателя, то послѣдній—несмотря на то, что я уже десять лѣтъ подвизаюсь на нивѣ русской журналистики, все еще для меня чисто гипотетическая величина. Я знаю, что онъ существуетъ. („Вамъ платятъ за статьи—какое же вамъ еще доказательство", убѣдительно говорилъ мнѣ одинъ посѣтившій меня

въ Вашингтонѣ петербургскій чиновникъ, который признавался, что строки не прочелъ изъ всего мною написаннаго); но кто онъ, каковъ онъ, какъ относится къ моимъ писательскимъ потугамъ, все это для меня terra incognita. Но вотъ въ тотъ кратковременный визитъ въ Нью-Іоркъ я сподобился столкнуться съ живымъ читателемъ, и даже двумя сразу.

Немедленно же по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ я напечаталъ письмо въ газетѣ „Vorwärts", съ просьбой сообщить мнѣ всякія данныя по вопросу объ иммиграціи, и указалъ адресъ свой или вѣрнѣе своего брата, практикующаго въ центрѣ нью-іоркскаго гетто. На завтра же рано утромъ кто-то постучался въ двери кабинета.

Когда я отворилъ дверь, передо мной стояли два молодыхъ еврея, чрезвычайно прилично по-американски одѣтые, въ мягкихъ сорочкахъ неглиже, въ люстриновыхъ пиджакахъ. Одинъ изъ нихъ постарше, былъ даже при золотой цѣпочкѣ—все какъ слѣдуетъ; тѣмъ не менѣе что-то неуловимое сказало мнѣ, что это еще свѣжіе „зеленые" люди. Не могу отдать себѣ отчета въ томъ, на основаніи чего именно я пришелъ къ этому убѣжденію: можетъ быть окладистая черная борода старшаго, можетъ быть черные котелки, такъ не гармонировавшіе съ убійственный жарой на улицѣ, а вѣрнѣе всего изысканная вѣжливость и какой-то неопредѣленный русскій взглядъ.

— Докторъ Рубиновъ, - проговорилъ младшій, парень лѣтъ 18-и, и заговорилъ по-русски, но съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ. —Мы такъ рады познакомиться. Вы насъ не знаете? Но вы же намъ писали! Какъ же, мы и теперь ваше письмо хранимъ. Оно у насъ въ Филадельфіи, подъ замкомъ.

И онъ назвалъ свою фамилію.

— Я писалъ вамъ?—повторилъ я въ недоумѣніи.—Письмо въ Филадельфіи? Вы меня извините, но ей же ей не помню.

— Какъ же? Да мы вѣдь и сюда-то пріѣхали по вашему письму. Мы вамъ въ прошломъ году писали изъ Подольской губерніи и потомъ изъ-за границы.

— Постойте, постойте,—вдругъ вспомнилъ я.—Вы съ большой семьей ѣхать собирались? У васъ кажется лавка была? И денежки водились? Да, да какъ же — все помню!—обрадовался я, и еще больше обрадовались визитеры.

Письмо Зильберштейна, какъ для удобства я буду называть моего „читателя", было одно изъ самыхъ длинныхъ „писемъ отъ читателя", какое я когда-либо получалъ. По этому одному обстоятельству я запомнилъ бы это письмо. Не менѣе исключительно

было и то, что Зильберштейнъ, получивъ отъ меня отвѣтъ, счелъ нужнымъ отозваться выраженіемъ благодарности. Но помимо всѣхъ этихъ деталей, письмо, нѣсколько комичное по своей формѣ, было глубоко трагическимъ по содержанію; и оно было однимъ изъ немногихъ писемъ, на которыя я отвѣчалъ категорическимъ совѣтомъ пріѣхать.

На восьми страничкахъ мелко исписанной бумаги раскрывалась поистинѣ трагическая жизнь даже болѣе состоятельнаго класса въ чертѣ. Письмо было написано чистымъ русскимъ почеркомъ, почти безъ орѳографическихъ ошибокъ и такимъ высокимъ „штилемъ", что хотѣлось весело смѣяться, пока не стала раскрываться драма обыденной мѣщанской жизни... Многоуважаемый, милостивый и почтеннѣйшій государь—начиналось письмо. Слѣдовала просьба „объяснить вопросы", касающіеся моего существованія и жизни. Мой корреспондентъ былъ увѣренъ, что когда я отвѣчу на эти вопросы „онъ будетъ удовлетворительнымъ и перестанетъ находиться въ нерѣшимости", и какъ я посовѣтую, такъ онъ и сдѣлаетъ.

Я давалъ читать это письмо многимъ знакомымъ и любилъ наблюдать за мѣнявшимися выраженіями лица при чтеніи. „Многоуважаемый, милостивый" и т. д, и т. д. вызывали широкую улыбку. Но скоро эта улыбка исчезала съ лица.

Вотъ вамъ картина жизни еврейскаго „буржуа, кровопійцы и т. д., и т. д." Мой читатель-человѣкъ 38 лѣтъ; несмотря на этотъ сравнительно юный возрастъ—у него семья изъ жены и 6 человѣкъ дѣтей. Изъ этихъ 6-и только двое моложе 15 лѣтъ, т. е. въ сущности говоря 4 рабочія руки, сынъ 20, и дочери 18, 16 и 15 лѣтъ. Несмотря на это—отецъ, мелкій лавочникъ, единственный работникъ для всей семьи. Съ лавчонки онъ получалъ 70 р. валового дохода. Плата за квартиру, лавку и налоги отнимала 20 р. въ мѣсяцъ. Домашніе же расходы, т. е., расходы на жизнь, требовали 30 рублей въ мѣсяцъ. Слышите — 30 рублей въ мѣсяцъ, одинъ рубль серебромъ въ день на 8 ртовъ! Тѣмъ не менѣе Зильберштейнъ вовсе не жалуется. Жили, говоритъ онъ, ничего себѣ. И благодаря такой жизни въ теченіе 14 лѣтъ капиталъ былъ увеличенъ съ 1000 рублей до 2500 — 3000 рублей. А тутъ дѣти ничего не научились дѣлать, дочерямъ нужно готовить приданое и т. д., и т. д. Тѣмъ не менѣе онъ и не помышлялъ бы объ эмиграціи, если бы не пожаръ въ мѣстечкѣ, который уменьшилъ его капиталъ вдвое. Чрезвычайно характерно, что послѣ пожара появился новый конкуррентъ. Жизнь очевидно стала не въ моготу, и явилась мысль объ эмиграціи въ Америку.

Я хорошо помню, что отвѣтилъ категорическимъ совѣтомъ ѣхать. „У васъ чуть ли не пять рабочихъ въ семьѣ—писалъ я. Если вы не побоитесь и не постыдитесь работать, и если вы заживете дружной семьей, то каждый изъ васъ заработаетъ столько же, сколько зарабатывала ваша лавочка“.

Не знаю, насколько тутъ виноватъ былъ я или письмо, но Зильберштейны поѣхали. Второе письмо я получилъ уже съ дороги, и въ немъ Зильберштейнъ обѣщалъ по пріѣздѣ въ Америку познакомить меня съ „изумляющими его путевыми впечатлѣніями“. Но къ тому времени я уѣхалъ въ Вашингтонъ, и свидѣться мнѣ съ ними не привелось. Прошло уже болѣе года, и я по правдѣ сказать совершенно забылъ о немъ.

— Да, мы васъ искали по пріѣздѣ въ Филадельфію,—продолжалъ гость помоложе, который оказался сыномъ.—Очень хотѣлось повидаться, но мы узнали, что вы въ Вашингтонѣ. А теперь узнали, что вы въ Нью-Іоркѣ и прибѣжали поблагодарить. Да кстати и посовѣтоваться хотѣлось бы кое о чемъ.

— Очень радъ, очень радъ. Ну, разсказывайте, какъ же вы устроились? Гдѣ вся ваша семья? У васъ, кажется, чуть ли не семь человѣкъ было, и всѣ работники?—обратился я къ отцу.—И деньжата водились, не правда ли?

— Хе,—вы все помните,—улыбнулся „старикъ“ (этотъ „отецъ“ двадцатилѣтняго сына самъ смотрѣлъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ).—Нѣтъ, у меня всего шесть человѣкъ было. Да вотъ, не дай Богъ вамъ, несчастье на дорогѣ случилось: старшая моя дочь умерла...—И онъ тяжело вздохнулъ.

На минуту разговоръ прекратился.

— Да,--пріѣхали мы всѣ въ Филадельфію, осталось у меня еще тысченка, вышло 500 долларовъ.

— Ну, и начали какое-нибудь „дѣло“ и потеряли все?—нетерпѣливо перервалъ его я.

— Нѣтъ, зачѣмъ дѣло! Мы помнили вашъ совѣтъ; работать пошли. Вотъ онъ работалъ, двое дочерей работаютъ, маленькая въ школѣ. Вотъ я ничего не нашелъ, для себя дѣла все ищу.

— Ну, найдете. Только не спѣшите со своими деньгами распрощаться. Что же—вамъ не такъ уже плохо. Вѣдь трое работаютъ. Навѣрно зарабатываете въ недѣлю больше чѣмъ 30 рублей въ мѣсяцъ--а?

— Хе, все помните?—опять улыбнулся отецъ.—Но зачѣмъ же? Тамъ дома плохо не было. Тридцать рублей это былъ минимумъ, а случалось и больше.

— Но вѣдь здѣсь одинъ сынъ вашъ зарабатывалъ больше. Сознайтесь, что вы получали въ недѣлю?

— Десять долларовъ.

— Ну вотъ видите! Это на русскія деньги выходитъ двадцать рублей въ недѣлю.

Я лично хорошо сознавалъ всю слабость этого аргумента, но уже намѣренно подзадоривалъ моихъ гостей, потому что по носамъ ихъ видѣлъ, что несмотря на искреннюю ихъ ко мнѣ благодарность, они не совсѣмъ довольны эмиграціей. Все это, конечно, было вполнѣ типично, вплоть до идеализаціи старыхъ русскихъ условій жизни подъ вліяніемъ неприспособленности къ новымъ американскимъ условіямъ.

— Да, двадцать рублей въ недѣлю!—уже чуть ли не въ сердцахъ проговорилъ отецъ.—Да что толку? Что мы за квартиру платимъ. Что молоко стоитъ? А тутъ вотъ сынъ потерялъ работу. А въ Бендеровкѣ что квартира? Гроши. Молоко—почти даромъ.

— Такъ вамъ и жалко, что Бендеровку оставили? И ругаете меня за совѣтъ пріѣхать сюда? А работали тамъ сами на восьмерыхъ, это ничего? И дѣти сидѣли сложа руки? „Надана“ не было? Ходили ваши маленькія дѣти въ школу? Скажите, ходили?

— Такъ развѣ мы этого не понимаемъ!—уже извиняющимся тономъ пошелъ отецъ на попятную.—Зачѣмъ васъ ругать? Мы ваше письмо какъ хранимъ? Въ сундукѣ, подъ замкомъ! Дѣтямъ-то лучше будетъ, это я знаю. А вотъ мнѣ, старику (я чуть не расхохотался), трудно. Жить-то на средства дѣтей не сладко. А что я буду дѣлать? Искалъ кое-какого дѣла въ Филадельфіи, да помнилъ ваши совѣты быть осторожнымъ, и пока ничего не нашелъ. Ну пріѣхали мы въ Нью-Іоркъ. А жена и дѣти остались въ Филадельфіи, двое дочерей работаютъ.

— Ну и напрасно сдѣлали, что пріѣхали въ Нью-Іоркъ! Что Филадельфія деревня, что ли? Тамъ, слава Богу, тоже полтора милліона жителей. А въ Нью-Іоркѣ четыре милліона. Такъ вы думаете, вамъ для вашихъ дѣлъ непремѣнно четыре милліона нужны? Бросьте вы дѣла. Идите работать. Вотъ васъ четверо будетъ работать. Припѣваючи заживете. Или вамъ стыдно, потому что купцомъ были?

— Зачѣмъ стыдно?—защищался „старикъ“.—Работы стыдиться нечего. А уже и не молодъ я, да и не привыкли мы со старухой въ городѣ жить. Вѣдь привыкли мы какъ жить-то? Воздухъ, свобода. Мнѣ не то что Нью-Іоркъ, мнѣ Филадельфія слишкомъ велика. А вотъ что я рѣшилъ—*ферму купить*.

Со стороны свѣжаго иммигранта это было такъ неожиданно, что я даже нѣсколько опѣшилъ.

— Такъ вы хотите заняться земледѣліемъ? Отличное дѣло. Но знакомы вы съ нимъ?! Да и слѣдуетъ вамъ быть очень осторожнымъ. Не то продадутъ вамъ никуда не годную землю. Вотъ что я вамъ посовѣтую—пойдите въ общество для помощи евреямъ-земледѣльцамъ. Они вамъ будутъ полезны совѣтомъ.

— Это что имѣетъ „офисъ" (контору) на второй эвеню? Мы были, были тамъ, но все же я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться, какъ узналъ, что вы здѣсь. Вы же ихъ лучше знаете, лучше насъ. Такъ вы думаете—можно на нихъ полагаться?

— Вполнѣ.

— Вотъ и отлично. Мы такъ разсудили. Раньше чѣмъ купить ферму, пойдемъ работать въ поле. Присмотримся къ землѣ, и къ работѣ привыкнемъ. Этотъ „офисъ" намъ, вотъ мнѣ съ сыномъ, и мѣста обѣщалъ. По пятнатцати долларовъ въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ. Что вы думаете?

— Чего же лучше? Вѣдь расходовъ у васъ никакихъ не будетъ. Значитъ и опытъ пріобрѣтете, и 30 долл. въ мѣсяцъ останется.

— Вотъ, вотъ, такъ мы съ сыномъ и разсудили. Поработаемъ годъ и къ работѣ присмотримся. А тамъ съ Божьей помощью и купимъ ферму.

— Ну а семья?

— А семья останется покуда въ Филадельфіи. Тамъ двое дочерей работаютъ. А купимъ фарму, всѣ туда переѣдутъ.

— Ну, а намъ и уходить пора,—поднялся „старикъ".—Спасибо вамъ за совѣтъ. Все же легче, когда поговорили съ человѣкомъ, знающимъ здѣшнюю жизнь.

— Все это отлично,—замѣтилъ мой братъ, бывшій молчаливымъ зрителемъ нашего разговора, когда дверь затворилась за гостями,—но проживутъ его дочери годъ—полтора въ Филадельфіи, или же въ Нью-Іоркѣ, привыкнутъ къ фабричной жизни, большимъ шляпкамъ да къ парнямъ на углахъ улицы—и ихъ калачемъ не заманишь на ферму.

— Ну, что жъ,—возразилъ я,—онѣ останутся въ городѣ. А вотъ старики-то уживутся. Купятъ ферму, будутъ держать зимой коровъ, а лѣтомъ дачниковъ—и помяни мое слово—черезъ 10 лѣтъ у него будетъ больше денегъ, чѣмъ у насъ съ тобой.

---

[1]) Объ Hebrew Agricultural Aid Society болѣе подробныя свѣдѣнія будутъ даны въ другомъ очеркѣ.

Вотъ вамъ и урожденный гешефтмахеръ, эксплуататоръ, кровопійца. Сколько сотенъ лѣтъ насильно пріучали его къ коммерческой жизни, и какую поразительную экономическую и психическую эволюцію онъ продѣлалъ въ 6—7 мѣсяцевъ.

Вчерашній лавочникъ и „балабосъ", дѣти котораго ничего не дѣлали потому, что стыдились идти на работу, превращается, и добровольно, въ сельско-хозяйственнаго рабочаго. „Потому, что ему даютъ 15 долл. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ", скажете вы.—Конечно. Кому же охота браться за дѣло, которое оплачивается 30 копейками въ день? Сколько поучительнаго далъ бы одинъ этотъ примѣръ для нашихъ русскихъ „жидоѣдовъ", еслибы они имѣли хотя бы малѣйшее намѣреніе поучиться!

Лично я изъ этого разговора извлекъ еще одинъ очень полезный урокъ—какое огромное значеніе для пріѣзжающаго иммигранта имѣетъ сердечный совѣтъ и указаніе со стороны человѣка, которому иммигрантъ имѣетъ основаніе довѣрять. Какое трогательное довѣріе они выказывали моимъ указаніямъ, и только потому, что встрѣтили человѣчное къ себѣ отношеніе и искреннее участіе. Въ этомъ—важное указаніе, какія обязанности лежатъ на совѣсти русско-еврейской интеллигенціи Нью-Іорка.

VI.

О децентрализаціи евреевъ.

Я стоялъ на крылечкѣ изящнаго каменнаго четырехэтажнаго зданія на углу 11-ой улицы и 2-й эвеню и нажималъ электрическую пуговку звонка не безъ „страха іудейска", ибо чувствовалъ, что нахожусь на порогѣ непріятельскаго лагеря. Небольшая вывѣска „Industrial Office" возвѣщала о томъ, что въ этомъ домѣ помѣщается контора для разселенія нью-іоркскихъ евреевъ въ глубину страны. Если Янкель хочетъ поѣхать въ Синсинати, а денегъ на билетъ не хватаетъ, и если контора снабжаетъ Янкеля билетомъ, то это несомнѣнно похвальная цѣль, и общество, ее преслѣдующее—похвальное общество. Но совершенно случайно я сдѣлался врагомъ этого общества. Года два тому назадъ мнѣ пришлось напечатать въ журнальчикѣ „American Hebrew" небольшую статью подъ заглавіемъ „Concentration or Removal-which" (Концентрація или разселеніе). Въ этой статейкѣ я высказалъ слѣдующія мысли: 1) что концентрація евреевъ въ крупныхъ американскихъ городахъ не есть просто капризъ, а результатъ эко-

номическихъ условій, большаго спроса на трудъ, и въ особенности еврейскій, въ большихъ городахъ, и большей легкости устроиться; 2) что концентрація *евреевъ* не представляетъ спеціальнаго зла, что она лишь часть всеобщей концентраціи населенія въ городахъ и быстраго роста послѣднихъ; 3) что выселеніе единицъ можетъ оказать пользу единицамъ, но не разрѣшить вопросъ о сгущенности городского населенія; 4) что существованіе гетто, т. е. еврейскихъ кварталовъ, не есть зло уже само по себѣ, и 5) что общіе печальные результаты сгущенности городского населенія должны быть удалены общими же, а не еврейскими мѣрами. Приблизительно тѣ же мысли высказаны мною въ моей статьѣ: „Еврейскій вопросъ въ Нью-Іоркѣ" (въ кн. „Восхода"), но въ англійской статьѣ я высказался нѣсколько болѣе рѣзко въ виду предпринятой тогда кампаніи посрамленія гетто и его жизни еврейскими аристократами. Эта статейка имѣла несчастіе раздразнить гусей, и въ Removal Office вызвала сильное неудовольствіе.

На мое счастье мнѣ пришлось наткнуться на одного изъ помощниковъ завѣдующаго, г. Биро, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ, и пріемъ мнѣ былъ оказанъ любезный. Тѣмъ не менѣе, я не ошибся въ разсчетѣ. Едва я объяснилъ причину визита,— желаніе ознакомиться съ работой бюро, какъ разговоръ коснулся моей злополучной статейки.

— Очень радъ, что вы пожелали познакомиться съ нашей дѣятельностью и съ удовольствіемъ отвѣтимъ на всѣ ваши вопросы. Сознайтесь, когда вы писали вашу статью въ „American Hebrew", направленную противъ насъ, то совершенно незнакомы были съ нашей работой. Отчего вы тогда не пришли заранѣе къ намъ?

— Да поймите же, г. Биро,—возразилъ я,—что я совсѣмъ не писалъ статьи противъ васъ и вашей дѣятельности. Я критиковалъ соціальную теорію съ соціальной точки зрѣнія, пытался доказать ея несостоятельность. Что ваша работа можетъ оказаться важнымъ факторомъ въ облегченіи сгущенности населенія въ Нью-Іоркѣ, я не вѣрю. Что эта дѣятельность необходима для разрѣшенія или даже для предупрежденія появленія еврейскаго вопроса—я считаю грубой ошибкой. Но что вы можете оказать пользу многимъ евреямъ, посылая ихъ туда, куда они хотятъ, но не могутъ за неимѣніемъ средствъ ѣхать, что вы помогаете имъ не только деньгами, но и совѣтомъ—въ этомъ ничего предосудительнаго я не нахожу. Дѣло индивидуальной помощи часто необходимо, даже, если оно не разрѣшаетъ соціальныхъ вопросовъ.

Согласитесь, что нью-іоркской густоты вы до сихъ поръ не уменьшили?

— Ну, это зависитъ отъ вашей точки зрѣнія,—возразилъ мой собесѣдникъ.—Во-первыхъ—уже 6,000 человѣкъ въ годъ, далеко не такая маленькая цифра. Но еще важнѣе то соображеніе, что, разсылая эти 6,000 человѣкъ, мы создаемъ цѣлый рядъ новыхъ центровъ притяженія еврейскихъ иммигрантовъ. Вы знаете тенденцію еврейскаго иммигранта ѣхать къ родственникамъ и друзьямъ. Каждый хорошо устроившійся русскій еврей поэтому несомнѣнно раньше или позже привлечетъ туда еще много другихъ евреевъ. Это вліяніе уже замѣчается, такъ какъ многіе изъ просителей теперь уже приходятъ сюда съ заранѣе рѣшеннымъ выборомъ мѣста.

— А вы выдаете субсидіи людямъ, ѣдущимъ къ родственникамъ?

— Конечно, выдаемъ, ибо наша цѣль дать всякому желающему еврею возможность выбраться изъ Нью-Іорка.

— Но, если являющійся къ вамъ еврей не имѣетъ такого плана, куда вы посылаете его, и какъ вы рѣшаете этотъ вопросъ? Вѣдь это значитъ брать на себя огромную отвѣтственность?

— Несомнѣнно. Но для этого и существуетъ наша система. Тутъ приходится брать въ соображеніе нѣсколько принциповъ. Во-первыхъ, самый важный принципъ—посылать человѣка туда, гдѣ можетъ быть спросъ на его трудъ. Много евреевъ приходитъ сюда, которые знакомы съ какимъ-нибудь ремесломъ. Если онъ умѣетъ дѣлать сигары, то нелѣпо было бы послать его въ городъ, неимѣющій ни одной сигарной фабрики. Вотъ видите,—сказалъ г. Биро, указывая на типичный деревянный шкафчикъ американской конструкціи для карточныхъ и библіотечныхъ каталоговъ,—здѣсь у насъ карточный каталогъ всѣхъ крупнѣйшихъ американскихъ городовъ. Вотъ здѣсь послѣ названія каждаго города въ алфавитномъ порядкѣ,—списокъ имѣющихся тамъ производствъ; размѣры его и т. д. Здѣсь же—въ алфавитномъ порядкѣ расположены производства и ремесла и послѣ каждаго данъ списокъ городовъ, въ которыхъ существуетъ это производство или ремесло. Большинство этихъ свѣдѣній нами собраны изъ рапортовъ ценза, но мы пополняемъ ихъ свѣдѣніями, получаемыми при помощи частной переписки.

— Но неужто вы такія общія свѣдѣнія считаете достаточными, чтобы послать человѣка въ чужой городъ, гдѣ въ настоящій моментъ можетъ быть вовсе не нужен[illegible] въ его помощи?

— Нѣтъ, [illegible] переписка съ мѣстными дѣя-

телями: нами организованы мѣстные комитеты во многихъ городахъ, гдѣ существуютъ незначительныя еврейскія колоніи, мы переписываемся съ еврейскими благотворительными обществами, и такимъ образомъ получаемъ свѣдѣнія о случаяхъ нужды въ рабочихъ рукахъ. Такимъ образомъ все еврейство, и не только евреи Нью-Іорка и другихъ портовыхъ городовъ, принимаютъ участіе въ устройствѣ евреевъ въ Америкѣ.

— Такимъ образомъ, ваша контора является какъ бы конторой снабженія труда?

— И да, и нѣтъ. Мы стремимся не вступать въ прямыя сношенія съ работодателемъ, ибо въ такомъ случаѣ мы могли бы впасть въ ту ошибку, что принимали бы интересы предпринимателя въ большее соображеніе, чѣмъ интересы рабочаго.

Къ этому заявленію однако необходимо отнестись критически. Представители благотворительныхъ обществъ, мѣстные комитеты и вообще всѣ корреспонденты „Removal Office" принадлежатъ къ среднему, т. е. предпринимательскому классу. Если не для самихъ корреспондентовъ, то для ихъ родственниковъ и друзей часто очень можетъ быть выгодно заполучить дешевый иммигрантскій трудъ, присланный изъ Нью-Іорка на благотворительныя деньги. Особенно такая тенденція должна обнаружиться въ моментъ стачки, когда предприниматель стремится заполучить страйкъ-брехеровъ. И на самомъ дѣлѣ, среди еврейской рабочей массы Нью-Іорка носятся слухи (насколько основательные,—я не знаю) что услугами Removal Office'а часто пользовались еврейскіе предприниматели въ другихъ городахъ при небольшихъ стачкахъ. Я упомянулъ объ этихъ случаяхъ, но мой собесѣдникъ съ горячностью отрицалъ ихъ.

— Какой намъ разсчетъ дѣлать это и возбуждать къ себѣ антагонизмъ и недовѣріе рабочей массы, когда мы можемъ продолжать нашу работу лишь при условіи полнаго довѣрія съ ихъ стороны? Мы неоднократно напоминаемъ нашимъ корреспондентамъ, чтобы они не обращались къ намъ съ просьбами относительно рабочихъ рукъ, когда происходятъ стачки.

Этому заявленію я не имѣю права не вѣрить, но въ дѣйствительности этого средства—особенно въ случаѣ очень мелкихъ стачекъ, не обращающихъ на себя всеобщаго вниманія—извинительно усомниться.

— Скажите, по совѣсти,—обратился я съ главнымъ вопросомъ—удовлетворены ли вы результатами работъ бюро? Дѣйствительно

ли улучшаете вы положеніе высланныхъ? Довольны ли сами высланные?

Несомнѣнно. Это видно уже по незначительному числу возвращающихся или уѣзжающихъ въ другіе города. Несомнѣнно быть неудачники. Нѣкоторые не уживаются по своей винѣ, другіе—бываютъ и такіе случаи—по нашей. Но такихъ очень мало. Зато съ другой стороны посмотрѣли бы вы, какія восторженныя письма мы получаемъ.

И дѣйствительно, нѣсколько такихъ писемъ, которыя онъ показалъ мнѣ, были интересны. Они были по большей части писаны по-еврейски, отъ людей, очень недолго пробывшихъ еще въ Америкѣ—и выражали восторгъ и благодарность за оказанныя имъ услуги. Конечно, это ни болѣе ни менѣе какъ восторгъ изголодавшагося человѣка въ виду полученнаго заработка. Тонъ этихъ писемъ мало чѣмъ отличается отъ классическихъ писемъ изъ Нью-Іорка въ Литву. Болѣе убѣдительнымъ фактомъ является то, что въ 1903 г. 373 женъ и дѣтей отправлено было къ главамъ семействъ, посланнымъ заранѣе, а въ 1904 уже 785 человѣкъ.

По рапорту общества изъ 6000 человѣкъ, выселенныхъ изъ Нью-Іорка 3539 были работники.

По ремесламъ эти 3539 раздѣлялись такимъ образомъ:

		%
Чернорабочіе	1115	32
Швейныя ремесла	704	20
Кузнецы, слесаря и т. д.	358	10
Сапожники	224	6
Плотники и столяры	322	9
Мясники	106	3
Фермеры	114	3
Разныя занятія	596	17
	3539	100

Очень характерно, что среди высланныхъ было всего 20% портныхъ и т. д. Въ Нью-Іоркѣ швейныя ремесла занимаютъ болѣе 50 пр. рабочаго русско-еврейскаго люда. Авторы отчета считаютъ желательнымъ распространеніе еврейской энергіи по болѣе широкому полю, и въ этомъ съ ними, конечно, нельзя не согласиться. Но если они утверждаютъ, что, выславъ изъ Нью-Іорка 14000 въ три года, они способствовали удаленію 14000 человѣкъ изъ швейнаго дѣла въ другія отрасли труда—то это конечно весьма крупная гипербола. Во-первыхъ, очень рисковано предполагать, что всѣ эти

14000 человѣкъ пошли бы въ швейное дѣло въ Нью-Іоркѣ—когда фактически только 20% принадлежали къ этимъ ремесламъ, а во-вторыхъ, не менѣе рисковано утверждать, что въ тѣхъ городахъ, куда они поѣхали, они *не* пошли въ эту же отрасль, въ особенности когда рапортъ *не* сообщаетъ, за какія занятія взялись высланные по прибытіи на мѣсто. Но слѣдующіе факты наводятъ насъ на размышленія. Всего въ 1904 году высылались евреи изъ Нью Іорка въ 300 городовъ. Но изъ 6023 человѣкъ—4322 или почти 72% были посланы всего въ 25 городовъ, если считать всѣ города, куда было послано болѣе 50 человѣкъ. Въ Чикаго, Синсинати, Канзасъ-Сити, Мильвоки, С.-Луи и Санъ Франциско—въ эти 6 городовъ было послано 2195 человѣкъ или 3% всего числа, а если присоединимъ еще города Кливлендъ, Рочестеръ, Ст. Поль съ Миннеаполисомъ (одинъ городъ) и Детроитъ, то получимъ уже 2987 или почти половину. Посмотримъ же, какое положеніе въ жизни русско-еврейскаго рабочаго этихъ городовъ занимаетъ портняжное дѣло:

Изъ всѣхъ русско еврейскихъ рабочихъ швейнымъ дѣломъ занимается [1]):

въ Нью-Іоркѣ	58 %	въ С. Луи	66 %
„ Чикаго	46 „	„ С. Франциско . . .	59 „
„ Синсинати	35 „	„ Кливлендѣ	41 „
„ Лунвилѣ	63 „	„ Рочестерѣ	80 „
„ Мильвоки	42 „	и т. д.	

Оказывается, слѣдовательно, что изъ еврейскихъ *рабочихъ* такая же часть живетъ съ иглы въ другихъ городахъ, какъ и въ Нью-Іоркѣ, во многихъ городахъ даже большая часть. Это доказываетъ, что теченіе еврейскихъ иммигрантовъ въ эту индустрію не есть результатъ случайныхъ нью-іоркскихъ условій, а болѣе глубокихъ причинъ. На какомъ же основаніи утверждаютъ г.г. завѣдующіе бюро переселенія, что самый фактъ переселенія равносиленъ переходу отъ швейнаго дѣла къ другимъ занятіямъ? Тщательный анализъ убѣдилъ насъ лично только въ томъ, что помимо швейнаго дѣла въ большинствѣ этихъ городовъ табачное производство играетъ въ жизни русско еврейскаго рабочаго относительно большую роль, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ. Имѣетъ ли табачное дѣло какое-либо преимущество передъ швейнымъ въ гигіеническомъ отношеніи?

Правда, мы брали лишь отношеніе между швейнымъ дѣ-

[1]) Разсчетъ произведенъ нами на основаніи данныхъ ценза 1900 г.

ломъ и числомъ русско-еврейскихъ рабочихъ, но въ большинствѣ названныхъ городовъ къ рабочему классу принадлежитъ меньшій процентъ русскихъ евреевъ, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ. Переселеніе изъ Нью-Іорка въ другой городъ поэтому равносильно переходу изъ рабочаго въ „коммерческій“ классъ. Желательно ли это,—другой вопросъ. Руководители Removal office, можетъ быть, считаютъ это желательнымъ явленіемъ; мы лично считаемъ духовную эмансипацію еврейскаго народа возможной лишь при условіи, чтобы онъ пересталъ быть народомъ торгашей. Но оставляя этотъ принципіальный вопросъ въ сторонѣ,—остается безусловный фактъ, что занятіе педдлера самое презираемое русско-еврейское занятіе. Въ Нью-Іоркѣ педдлерство, когда-то главное занятіе русскаго еврея, въ значительной степени исчезло. Изъ 72,291 занятыхъ русскихъ мужского пола въ Нью-Іоркѣ на долю педдлеровъ приходилось 3,737 или 5,2%. Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло въ другихъ городахъ куда Remoual office посылаетъ евреевъ. Въ Чикаго изъ 12.270 трудящихъ русскихъ (т. е. еврейскихъ) мужчинъ на долю педдлеровъ приходилось 975 или 8%. Въ Синсинати изъ 1.021 человѣкъ, педдлеровъ 124 или 12%. Въ Кливлендѣ изъ 1.692 человѣкъ, педдлеровъ 237 или 14% Въ Дейтройтѣ изъ 730—158 или 22%. Въ Мильвоки изъ 515 — 95 или 18%. Въ Рочестерѣ изъ 1010 — 132 или 13%. Въ Ст. Луи изъ 2263 — 214 или почти 10%. Словомъ, чѣмъ меньше городъ, и чѣмъ меньш здѣсь еврейская колонія, тѣмъ болѣе процвѣтаетъ „коммерческая“ дѣятельность на счетъ дѣйствительнаго труда. Это можно было бы доказать и при помощи цифръ о числѣ „розничныхъ торговцевъ“, т. е. мелочныхъ лавочниковъ, если бы не боязнь надоѣсть читателю сухими цифрами.

Цѣль этихъ замѣчаній — не „раскритиковать“ дѣятельность Removal office,—а лишь указать на крупный общественный фактъ, что переходъ еврея отъ торговой къ производительной промышленной дѣятельности свершается наиболѣе быстро въ *еврейской средѣ*; а во-вторыхъ, что, заявляя о блестящихъ результатахъ своей дѣятельности въ смыслѣ распространенія еврейской энергіи по разнымъ отраслямъ промышленности, директора Removal office слишкомъ голословны въ своихъ утвержденіяхъ,—ибо для этого потребовались бы точныя данныя о занятіяхъ выселенныхъ не до, а послѣ выселенія. Добрыхъ намѣреній этого учрежденія отрицать нельзя, какъ и того, что часто субсидія на переселеніе приноситъ огромную пользу отдѣльнымъ лицамъ. Но если, напримѣръ, окажется, что переселеніе лишь уменьшаетъ число еврейскихъ портныхъ въ

Нью-Іоркѣ, а увеличиваетъ ихъ въ Чикаго, Синсинати и Лунвилѣ—то позволено усомниться, насколько такое переселеніе мѣняетъ положеніе всей портновской индустріи. Нужно ли доказывать, что одного добраго намѣренія недостаточно для полезной общественной работы.

VII.

Насажденіе еврейскаго земледѣлія.

Фермы.

„Еврейское земледѣльческое и индустріальное вспомогательное общество, находящееся въ № 174, на Второй эвеню, въ городѣ Нью-Іоркѣ и учрежденное фондомъ барона Гирша, даетъ безплатные совѣты относительно покупки фермъ. Не покупайте земель и не давайте задатковъ, пока вы не посовѣтовались съ этимъ обществомъ. Честнымъ фермерамъ, которые съ толкомъ покупаютъ землю, даются взаймы деньги за очень небольшой процентъ и на выгодныхъ условіяхъ. Общество всегда имѣетъ на спискахъ хорошія фермы, которыя можно купить очень выгодно. Вы себя избавите отъ многихъ хлопотъ и сбережете много денегъ, если будете остерегаться совѣта людей, уговаривающихъ васъ только ради ихъ коммиссіи и въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ даже понятія о томъ, что стоитъ ферма. Обращайтесь къ „Обществу", которое сдѣлало это дѣло своей спеціальностью въ теченіе многихъ лѣтъ и которое основано было съ единственной цѣлью помочь вамъ. Это общество не беретъ коммиссіонныхъ ни съ покупателя, ни съ продавца".

Такъ гласитъ краснорѣчивое объявленіе, ежедневно появляющееся на столбцахъ нью-іорскихъ жаргонныхъ газетъ. Это несомнѣнно одно изъ немногихъ объявленій, которымъ можно вѣрить,—и кто знакомъ съ характеромъ американской рекламы,—тотъ знаетъ, какъ рѣдко такое явленіе. Анонсъ Hebrew Agricultural and Industrial Aid Society отмѣчаетъ новую фазу въ усиліяхъ привлечь еврея къ землѣ. Это объявленіе также является доказательствомъ существующаго среди нѣкоторыхъ нью-іорскихъ евреевъ съ небольшими средствами—стремленія къ покупкѣ земельной собственности.

Попытки „вернуть еврея къ землѣ" имѣютъ въ Америкѣ свою интересную исторію, до сихъ поръ еще не написанную. Въ сущ-

ности говоря, литературы на эту тему существуетъ достаточно. Но вся она полна предразсудковъ и предубѣжденій въ ту или другую сторону. Особенно много писали объ этихъ колоніяхъ тѣ люди, которые удачно пристроились при при различныхъ фондахъ и потому склонны были смотрѣть на всѣ результаты колонизаціонныхъ попытокъ черезъ розовыя стекла. Несмотря на ихъ радужныя фантазіи, фактъ однако остается фактомъ: всѣ колоніи въ штатѣ Нью-Джерси, какъ добровольныя такъ и субсидированныя, съ земледѣльческой точки зрѣнія не могутъ быть признаны успѣшными. Во всѣхъ этихъ колоніяхъ, организованныхъ совсѣмъ не по почину американской фермерской практики, колонисты терпѣли многіе годы страшную нужду, во всѣхъ ихъ оказалась очень хорошая почва... для учрежденія субсидируемыхъ промышленныхъ предпріятій фабричекъ, ремесленныхъ заведеній и т. д,, такъ что земледѣліе отошло на второстепенный планъ, и наибольшая выгода оказалась въ рукахъ владѣльцевъ этихъ субсидируемыхъ промышленныхъ предпріятій. Былъ ли единственной причиной неуспѣха неудачный выборъ мѣстности и почвы, или вина должна быть приписана неумѣлому или даже можетъ быть не совсѣмъ честному завѣдыванію дѣломъ колоніи, какъ говорятъ многіе—здѣсь не мѣсто разбирать. Но какъ этотъ неуспѣхъ не является доказательствомъ непригодности еврея къ земледѣльческому труду, такъ, съ другой стороны, нелѣпо кричать ура! по поводу того, что кругомъ колоніи Вудбайнъ есть 500 десятинъ засѣянной евреями земли и видѣть въ этомъ какое-то разрѣшеніе „еврейскаго вопроса“.

Вообще въ вопросѣ о еврейскомъ земледѣліи припущено слишкомъ много сантиментальности. Съ одной стороны многочисленныя утвержденія, что еврей совершенно неприспособленъ къ земледѣльческой жизни не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Земледѣльческій трудъ не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій для народа, который въ Америкѣ доказалъ свою способность ко всякому физическому труду. И многочисленные индивидуальные примѣры успѣшныхъ евреевъ-фермеровъ можно найти и въ Америкѣ, и въ Аргентинѣ и даже въ Россіи.

Съ другой стороны, по нашему глубокому убѣжденію, нелѣпо настаивать, что существованіе еврея земледѣльческимъ трудомъ желательно, какой бы дорогой цѣной оно ни было куплено, какими страданіями оно ни сопровождалось, что оно необходимо для разрѣшенія еврейскаго вопроса. Вообще воззрѣніе, будто земледѣльческій трудъ святѣе, похвальнѣе, полезнѣе другого труда—

есть лишь пережевываніе, и не умное, экономическаго романтизма 18-го столѣтія. Это въ особенности ясно становится въ Соединенныхъ Штатахъ. Все это не отвергаетъ положеніе, что сельскохозяйственный трудъ имѣетъ много гигіеническихъ преимуществъ, что для человѣка подходящаго и съ нѣкоторыми средствами онъ можетъ при благопріятныхъ условіяхъ оказаться источникомъ благосостоянія. Эти положенія теперь очевидно руководствуя Hebrew Agricultural and Industrial Aid Society, то бишь... фондомъ барона Гирша. Попутно дѣятельность этого общества еще разъ доказываетъ, что усилія „устроить" евреевъ фермеровъ—обходятся очень дорого, а вліяніе этихъ усилій на судьбу *„еврейскаго народа"* едва замѣтное.

Впрочемъ, мы слишкомъ поспѣшили съ нашими заключеніями, которые были результатомъ отчасти тщательнаго чтенія отчетовъ „общества", отчасти долгаго разговора съ завѣдующимъ этого общества.

„Земледѣльческое вспомогательное общество" помѣщается въ верхнихъ двухъ этажахъ того же дома, въ которомъ находится квартира Removal Office. Полдюжины комнатъ, набитыхъ молодыми людьми обоего пола, пишущими на машинахъ, наводящихъ справки въ модерныхъ „карточныхъ каталогахъ" и т. д.—все это придаетъ обществу очень дѣловой видъ. Завѣдующій, г. Канъ, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, съ чисто выбритымъ по-американски лицомъ, встрѣтилъ меня очень любезно.

Я объяснилъ ему цѣль моего визита.

— Представьте себѣ,—сказалъ я ему,—что я ничего не знаю о дѣятельности вашего общества, и раскажите лишь все, что достойно вниманія.

— Нѣтъ, на это я не согласенъ,—возразилъ г. Канъ. — Это такая широкая тема, что оней пришлось бы слишкомъ долго говорить. Я могу вамъ дать наши отчеты, гдѣ вы найдете связное изложеніе нашей дѣятельности. А если вы хотите предложить какой-нибудь вопросъ, то я съ удовольствіемъ отвѣчу.

— Хорошо. Ну-съ, начнемъ вотъ съ чего. Чѣмъ отличается ваша дѣятельность теперь отъ прежней колонизаціи?

— Тѣмъ, что это не колонизація. Наши фермеры слѣдуютъ системѣ американскаго фермерства. Затѣмъ наши отношенія къ колонистамъ очень просты. Мы даемъ имъ совѣты и указанія даромъ. Но мы деньги вручаемъ имъ на обыкновенныхъ коммерческихъ условіяхъ.

— Подъ какими гарантіями?

— Подъ первую, но чаще подъ вторую закладную, при чемъ они имѣютъ право выплачивать долгъ намъ постепенно.

— А если они не могутъ выплачивать долга?

— Тогда мы имѣемъ право отобрать у нихъ землю. Наши деньги вполнѣ гарантированы. Но, конечно, это не наша цѣль, и мы очень рѣдко прибѣгаемъ къ такой мѣрѣ. Наша цѣль помочь фермеру стать на ноги.

— Даете ли вы ссуду достаточныхъ размѣровъ, чтобы люди безъ средствъ могли сдѣлаться фермерами?

— Едва ли! Мы иногда дадимъ достаточно большую ссуду, чтобы еврей могъ купить землю совсѣмъ безъ вложенія собственныхъ денегъ, но и это исключеніе. И мы не даемъ денегъ на обзаведеніе фермы.

— Какую сумму вы считаете необходимой для фермера, чтобы онъ могъ разсчитывать на успѣхъ?

— Я думаю—долларовъ 500!

— Но вѣдь это цѣлый капиталъ,—воскликнулъ я.—Развѣ это не есть признаніе, что всѣ ваши попытки колонизаціи имѣютъ очень ограниченное соціальное значеніе. Люди, имѣющіе по 500 долларовъ, и здѣсь умѣютъ кое-какъ устроиться, если они знакомы съ страной.

— Да, но какую жизнь они ведутъ? Они покупаютъ какую-нибудь лавченку, и мучатся, чтобы заработать на жизнь. Живутъ въ тѣснотѣ и духотѣ. Сравните это съ привольной жизнью на фермѣ, всегда на открытомъ, свѣжемъ воздухѣ. Но помимо этого и экономически ферма несомнѣнно болѣе выгодна.

— Если не ошибаюсь, то вы стараетесь поселять будущихъ фермеровъ въ восточныхъ штатахъ, а не въ дѣйствительно земледѣльческихъ штатахъ дальняго запада?

— Да, почти всѣ наши фермеры находятся въ южной части Новой Англіи, т. е. въ штатѣ Коннектикутѣ, и отчасти въ Родъ-Айландѣ. Въ послѣднее время многіе евреи купили фермы въ сѣверной части штата Нью-Іорка. Мы имъ неизмѣнно рекомендуемъ селиться въ этой части страны, а не на западѣ, хотя есть евреи фермеры и на западѣ, въ Сѣверной Дакотѣ, Висконсинѣ и др.

— Но вѣдь именно въ этихъ восточныхъ штатахъ замѣчается упадокъ земледѣлія и abandoned farm (заброшенная ферма) сдѣлалась притчей во языцѣхъ. Почему же вы думаете, что еврей окажется успѣшнымъ фермеромъ тамъ, гдѣ американецъ—опытный фермеръ потерпѣлъ фіаско и вынужденъ былъ убѣжать въ городъ.

— Не думаю, а знаю. Успѣхъ большинства нашихъ фермеровъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію. И именно на „abandoned farms“, потому что эти заброшенныя фермы можно купить баснословно дешево. Между тѣмъ какъ въ далекой Дакотѣ, какъ вы знаете, акръ земли стоитъ отъ 50 долл. до 100 долл. [1]), здѣсь недалеко отъ Нью-Іорка или другого города, часто можно купить землю отъ 10 до 20 долларовъ акръ [2]). Это разница. Конечно, здѣсь на востокѣ едва ли стоитъ сѣять зерновые хлѣба на продажу, но развѣ зерновые хлѣба единственная возможная форма сельскаго хозяйства? Гораздо болѣе выгоднымъ оказывается truck (огородное хозяйство—овощи, ягоды и др.). Затѣмъ молочное хозяйство, травосѣяніе. Для всѣхъ этихъ продуктовъ существуютъ хорошіе рынки сбыта въ большихъ городахъ, разбросанныхъ здѣсь въ такомъ большомъ количествѣ.

— Отчего же американскіе фермеры бросаютъ фермы, представляющія столько шансовъ для выгодной работы?

— Отчего бы они ни бросали фермъ—это вѣдь не наша забота. Страстное бѣгство въ города, въ поискахъ за фортуной охватило не только евреевъ и иммигрантовъ. Оно проникло и въ американскую фермерскую среду. Городъ манитъ и зоветъ къ себѣ. Въ городъ бѣгутъ молодые люди, въ городъ ѣдутъ старики, которые хотятъ на старости лѣтъ отдохнуть и уже слишкомъ слабы, чтобы управлять фермой. Здѣсь, помимо экономическихъ, дѣйствуютъ и соціальныя, и психологическія причины. Изъ деревни люди бѣгутъ въ города, а у пресыщенныхъ городской жизнью людей является стремленіе бѣжать въ деревню, къ землѣ. Это видно уже по числу поступающихъ къ намъ запросовъ.

— Но не думаете ли вы, что эти же психологическія причины—какъ поиски лучшихъ школъ для дѣтей, и вообще потребность въ обществѣ близкихъ людей, должны вліять и на евреевъ фермеровъ?

— Несомнѣнно, и если человѣкъ предпочитаетъ городскую сутолоку, клубы и театры и т. д., то онъ не уживется на фермѣ. Мы такому и не посовѣтуемъ поселиться на фермѣ. Но не у всѣхъ людей, не у всѣхъ евреевъ эта потребность одинаково сильна. Есть и приспособленные къ фермерской жизни. Это одна изъ причинъ, почему мы стараемся сконцентрировать ев-

[1]) Отъ 270 до 540 рублей десятина.
[2]) Отъ 54 до 108 рублей десятина.

реевъ-фермеровъ въ одномъ раіонѣ, и почему мы считаемъ востокъ, гдѣ люди живутъ тѣснѣе, болѣе приспособленнымъ для фермера-неофита; здѣсь онъ ближе къ сосѣдямъ [1]), ближе къ желѣзной дорогѣ,—и поэтому въ крайнемъ случаѣ можетъ поѣхать провѣтриться въ городъ. Наконецъ, здѣсь ему легче найти возможность удовлетворить свои религіозныя потребности, какъ устройство молельнаго собранія. Все это аргументы въ пользу восточныхъ фермъ, помимо близости рынка для огородныхъ продуктовъ.

— Но, вы согласитесь, что truck farming (огородное хозяйство) это интенсивное хозяйство, оно требуетъ гораздо болѣе опытнаго фермера, чѣмъ еврей-портной. Не думаете ли вы, что этотъ недостатокъ опыта является препятствіемъ къ его успѣху?

— До извѣстной степени. Но всякому дѣлу можно научиться, а еврей способный ученикъ. Вотъ мы теперь открываемъ экспериментальную ферму, которая будетъ служить такой школой. Съ другой стороны, молочное хозяйство сравнительно просто. За то это хозяйство далеко не такъ рискованно, какъ зерновое хозяйство на западѣ. Тамъ все зависитъ отъ урожая, а урожай зависитъ отъ погоды, т. е. отъ случайности. А когда урожай выдался хорошій—все опять зависитъ отъ спекулятивной цѣны на хлѣбъ. Наши чикагскіе коллеги организовали движеніе въ пользу поселенія евреевъ фермеровъ въ Дакотѣ — и фермеры до сихъ

---

[1]) Для пониманія фермерской жизни въ Соединенныхъ Штатахъ нужно всегда помнить, что американскіе земледѣльцы не живутъ въ деревняхъ, и далеко отъ своей земли. Каждый фермеръ живетъ на своемъ участкѣ (хуторомъ) и на западѣ, гдѣ эти участки велики, фермеры по недѣлямъ не видятъ никого за исключеніемъ членовъ своей семьи. Понятно, что для человѣка непривычнаго, городского, такая жизнь должна показаться мукой. Изолированная жизнь фермера считается одной изъ главныхъ причинъ бѣгства въ города. Общество старается бороться съ этими недочетами различными способами. Такъ, учреждается безплатная доставка почты фермерамъ, что увеличиваетъ его связь съ внѣшнимъ міромъ, улучшаются дороги и т. д. Слышатся даже голоса въ пользу такого устройства новыхъ раздаваемыхъ земельныхъ участковъ, при которомъ фермера жили бы близко другъ другу. Конечно, по американскимъ условіямъ частной земельной собственности домъ фермера долженъ быть на его участкѣ; да это и имѣетъ за собой много экономическихъ преимуществъ. Поэтому проектируется устройство домовъ въ углахъ ихъ участковъ, такъ чтобы 4 дома стояли вмѣстѣ или даже такая нарѣзка участковъ, при которой восемь фермъ сходились бы къ одному пункту, и гдѣ восемь домовъ могли бы окружать церковь или школу, что дало бы нѣчто въ родѣ русской деревушки.

поръ бьются какъ рыба о ледъ; то морозъ, то другая причина неурожая, а земля тамъ дорога, земледѣльческій трудъ дорогъ. Наши фермеры несомнѣнно въ лучшемъ положеніи.

— Да!—вспомнилъ я,—я тоже знавалъ одного еврея-фермера въ штатѣ Нью-Іоркѣ, у котораго дѣла были очень недурны. Но его сыновья занимались также и побочной работой, и потомъ они лѣтомъ содержали дачниковъ.

— И наши фермеры тоже по большей части лѣтомъ содержатъ дачниковъ; и это служитъ серьезнымъ подспорьемъ ихъ благосостоянію.

„Эврика!—закричалъ я мысленно", и громко спросилъ г. Кана:

— А не думаете ли, что въ этихъ дачникахъ лежитъ секретъ успѣха вашей дѣятельности? Благодаря этимъ дачникамъ на евреевъ-фермеровъ появился спросъ, который вы и удовлетворяете!

— Пусть такъ! Развѣ это не вполнѣ честный заработокъ? И разъ фермеры кормятъ своихъ жильцовъ собственными продуктами, какъ то: молоко, сметана, творогъ, сыръ, яйца, овощи, кукуруза, домашняя птица и т. д., то это значитъ лишь, что въ дачникахъ они находятъ очень выгодный рынокъ для сбыта своихъ товаровъ. Что же въ этомъ нежелательнаго?

— Ровно ничего,—поспѣшилъ я увѣрить его.—Меня это только заинтересовало, потому, что въ значительной степени объясняетъ разницу между результатами, очевидно получаемыми вами, и результатами прежнихъ колонизаціонныхъ попытокъ. Тѣ были чистой филантропической мечтой, а вы идете навстрѣчу назрѣвшимъ потребностямъ. Но меня больше всего интересуетъ количественная оцѣнка вашей дѣятельности. Вотъ у васъ здѣсь главная квартира кишитъ разнообразной дѣятельностью. Сколько еврейскихъ семействъ вы можете устроить на фармахъ въ годъ?

— Мы за годъ устроили 200 семей; и въ слѣдующемъ году надѣемся устроить не меньше, а можетъ быть цѣлыхъ 250.

— Но вѣдь это капля въ морѣ! Посудите сами. Ваше дѣло вѣдь національное дѣло; его цѣль не помочь Хаиму или Янкелю, а улучшить положеніе еврейской массы. Въ Нью-Іоркъ въ годъ пріѣхало до 100,000 человѣкъ. Тѣмъ что вы поможете 300 семействамъ (т. е. максимумъ 1,000 человѣкъ) осѣсться на землѣ, вы развѣ въ какой-либо степени облегчите „сгущеніе", противъ котораго агитируете?

— Я отлично сознаю это,—возразилъ г. Канъ.—Но если мы не можемъ превратить всѣхъ евреевъ въ фермеровъ, развѣ это

причина, почему нѣкоторымъ евреямъ, расположеннымъ къ жизни на землѣ, не слѣдуетъ браться за это? И почему мы не должны помогать имъ? Мы не разрѣшимъ всего вопроса, но мы несомнѣнно помогаемъ извѣстному числу людей, и въ этомъ находимъ значительное удовлетвореніе.

И г. Канъ долго еще говорилъ съ энтузіазмомъ на эту тему.

Передъ уходомъ я предложилъ ему вопросъ:—Такъ какъ цѣль вашего общества помогать евреямъ иммигрантамъ, распредѣлять ихъ и т. д., то не согласились ли бы вы завязать связи съ русскими организаціями въ С.-Петербургѣ и другихъ русскихъ городахъ, преслѣдующими подобныя же цѣли?

— Ни въ коемъ случаѣ,—рѣзко отвѣтилъ г. Канъ, подозрительно оглядываясь, словно онъ разговаривалъ съ сыщикомъ (можетъ быть, извѣстный ему фактъ, что я нахожусь на государственной службѣ въ Вашингтонѣ, увеличилъ его подозрительность).— Мы—американская организація, работаемъ на американской почвѣ, для американскихъ гражданъ, или вообще людей, живущихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и ни въ какіе союзы съ иностранными колонизаціонными обществами не вступаемъ.

— Но если бы они попросили васъ лишь сообщать имъ свѣдѣнія по иммиграціонному дѣлу?—настаивалъ я.

— Я не отвѣчу на ихъ письма—отвѣчалъ г. Канъ.

И, конечно, причина такого рѣзкаго отказа со стороны г. Кана была мнѣ совершенно понятна, хотя я и не хотѣлъ упомянуть ея. Это была боязнь все того же американскаго закона, который запрещаетъ субсидированную иммиграцію, и связь Agricultural Aid Society съ колонизаціоннымъ обществомъ могло бы подвести дѣятельность перваго подъ категорію субсидіи иммиграціи.

Вотъ къ чему сводится дѣятельность этой организаціи. по отчетамъ.

	Число займовъ.	Сумма займовъ въ долларахъ.
1900	26	9,225
1901	67	30,173
1902	63	45,245
1903	112	44,445
1904	126	51,522

Несмотря на пять лѣтъ, дѣятельность общества микроскопична по своимъ размѣрамъ. Правда, и спросъ на помощь общества пока очень незна

Такъ, въ истекшемъ году (1904).

Разрѣшено было займовъ	150
Отказано въ займахъ	68
Подлежитъ еще разсмотрѣнію	637
	855

Интересно отмѣтить что изъ этихъ 637 случаевъ, съ которыми общество ведетъ еще переговоры:

Имѣлъ болѣе 200 долларовъ	444
Менѣе 200 долларовъ	69
Совсѣмъ безъ средствъ	94
	637

Въ общемъ, дѣятельность общества такъ ограничена (не по его винѣ, конечно), что нужна большая наивность для заявленія — что общество „уменьшило сгущенность населенія въ городахъ" — даже въ „городахъ" [1]). Правда, что отчетъ квалифицируетъ эту фразу: „to that extent" т. е. „постольку". Но если дѣло идетъ о 1963 лицахъ, за 5 лѣтъ, когда иммиграція равнялась почти полумилліону, то значитъ дѣятельность общества уменьшила „сгущенность" на $^2/_5$% иммиграціи, уже не считая естественнаго прироста. Чайной ложкой моря не вычерпаешь. Статистика не чистая математика и безконечно малыхъ величинъ не признаетъ. За извѣстными предѣлами безконечно малая величина въ статистикѣ перестаетъ быть „величиной" и превращается въ совсѣмъ обыкновенный нуль.

---

[1]) Кстати, коснувшись статистическихъ данныхъ, небезполезно будетъ процитировать и еще нѣсколько интересныхъ цифръ. Такъ, мы узнаемъ, что общество пришло въ соприкосновеніе съ 1905 еврейскими фермерами, насчитывающими 6,196 человѣкъ, имѣющихъ 105,747 акровъ (39,170 десятинъ) земли, т. е. 95 акровъ (36 десятинъ) на хозяйство, и стоимость этой земли равна 1.694,960 долл. а личнаго имущества (движимаго) 449,725 долл., т. е. на хозяйство, въ среднемъ 1,550 долл. недвижимаго имущества и 410 долл. движимаго—вмѣстѣ почти 2,000 долл. на семью. Было бы ошибкой однако считать это среднимъ капиталомъ земледѣльческой семьи, потому что изъ нея слѣдовало бы высчитать и задолженность фермъ.

[2]) Jewish Agricultural and Industrial Aid Society. Annual Report for tt year 1904, p. 7.

VIII.

Успѣхи еврейскаго земледѣлія на Востокѣ.

Какъ бы то ни было, фактъ остается фактомъ: въ восточной части Соединенныхъ Штатовъ появился спросъ на еврейскую энергію и предпріимчивость по отношенію къ землѣ. Еврейскій фермеръ здѣсь удовлетворяетъ уже извѣстной потребности, и этимъ объясняется странный на первый взглядъ фактъ, что на тощихъ, неплодородныхъ земляхъ штатовъ Нью-Іорка, Коненктикута, и Массачузетса евреи фермеры пользуются большимъ успѣхомъ, чѣмъ на богатой почвѣ Дакоты. Эта потребность въ евреѣ фермерѣ вызвана ростомъ еврейскаго населенія въ городахъ. Какъ это ни странно, но еврейскій рабочій въ городахъ сдѣлалъ возможнымъ существованіе еврея-фермера въ деревнѣ.

Кто знакомъ съ современными тенденціями въ сельскохозяйственномъ дѣлѣ, знаетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ болѣе культурныхъ странахъ замѣчается переходъ отъ экстенсивной къ интенсивной культурѣ, что въ особенности сильна эта тенденція близь большихъ городовъ, представляющихъ выгодный рынокъ для дорогихъ продуктовъ интенсивной культуры. Этотъ переходъ состоитъ въ переходѣ отъ однообразной культуры къ разнообразной, отъ зерна къ овощамъ, къ ягодамъ, фруктамъ и травосѣянію, и отчасти къ молочномъ хозяйству. Уже въ послѣднемъ (въ молочномъ хозяйствѣ) еврею-фермеру открывается широкая возможность минуя посредника, завязать непосредственныя сношенія съ потребителемъ или по крайней мѣрѣ съ розничнымъ торговцемъ.

Въ послѣднія двадцать или даже десять лѣтъ въ жизни американскихъ фермеровъ кругомъ Нью-Іорка — (говоря „кругомъ" мы имѣемъ въ виду кругъ, радіусъ котораго простирается 200—500 верстъ) — появился новый факторъ въ видѣ лѣтняго дачника. О значеніи этого фактора трудно получить достаточное представленіе русскому человѣку. Конечно, и въ Россіи дачники представляютъ близкій и выгодный рынокъ для продуктовъ крестьянскаго хозяйства. Но и формы дачной жизни, и размѣры въ Россіи и въ Америкѣ весьма различны. Да и въ Америкѣ положеніе „дачнаго вопроса" въ окрестностяхъ собственно Нью-Іорка весьма [illegible]е.

[illegible] стороны—только очень богатый человѣкъ имѣетъ [illegible]кить ва дачѣ à la russe, такъ сказать. Огромное боль-

шинство выѣзжаетъ на дачу въ качествѣ жильцовъ и пансіонеровъ. Болѣе богатые люди ѣдутъ въ загородные отели и платятъ по 3—5 долларовъ въ день за столъ и комнаты, а бѣдные люди довольствуются лишней комнатой у фермера и платятъ ему 5—8 долларовъ въ недѣлю.

Въ единичныхъ случаяхъ такая форма дачной жизни можетъ быть практикуется и въ Россіи; но у васъ значительному росту этой системы мѣшаетъ низкій культурный уровень крестьянской жизни, требующій у городского дачника слишкомъ сильнаго процесса „онрощенія", слишкомъ большого мужества и пренебреженія къ привычкамъ культурной жизни. Другое дѣло американскій фэрмеръ, который привыкъ къ чистой скатерти и салфеткѣ не менѣе, чѣмъ городской житель. На фермѣ состоятельнаго фермера вы пользуетесь даже такими удобствами городской жизни, какъ водопроводъ, ацетиленовое освѣщеніе и телефонъ въ ближайшую деревню.

Трудно представить себѣ, какую огромную роль сыграла эта дачная система въ жизни фермера восточныхъ штатовъ, и въ особенности Нью-Іорка и Коненктикута. Цѣлые уѣзды здѣсь, благодаря этой системѣ, дошли до состоянія крупнаго благосостоянія. Ежегодно, лѣтомъ, сотни и тысячи семей пріѣзжаютъ изъ Нью-Іорка и отчасти другихъ крупныхъ городовъ и платятъ фермеру по 5—8 долларовъ въ недѣлю съ человѣка. Лѣтній сезонъ длится всего 8—10 недѣль, и даже за этотъ сезонъ контингентъ дачниковъ часто мѣняется. Трудящіеся горожане пріѣзжаютъ для короткаго иногда двухнедѣльнаго отдыха въ деревню. Это періодъ, когда широко открываются карманы горожанина и деньги широкой струей текутъ въ карманы фермера. Толковый фермеръ получаетъ на своей фермѣ почти всѣ продукты, необходимые для стола, за исключеніемъ развѣ мяса и хлѣба... да хлѣба. За то молоко, яйца, курицы, овощи и т. д., и т. д.—все это фермеръ можетъ культировать на мѣстѣ. Все это для продажи въ Нью-Іоркѣ должно подвергнуться оплатѣ высокимъ желѣзнодорожнымъ тарифомъ, который едва оставляетъ какую-либо прибыль фермеру. Дачники создаютъ выгодный рынокъ на мѣстѣ для всѣхъ этихъ продуктовъ. Та самая гористая почва, которая держала фермеровъ въ нищетѣ и и мѣшала какому бы то ни было выгодному земледѣлію—является главной притягательной силой для дачниковъ изъ Нью-Іорка. Такимъ образомъ, благодаря духотѣ и адской жарѣ узкихъ нью-іоркскихъ улицъ и 7-ми этажныхъ казармъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ улицъ— фермеры гористыхъ уѣздовъ получили возможность обратить въ капиталъ такія, казалось бы, нематеріальныя

блага, какъ пейзажи, свѣжій воздухъ, горные ключи, и т. д. и т. д.—т. е. блага, которыхъ такое изобиліе на лонѣ природы, и такъ мало въ городѣ Нью-Іоркѣ.

Для соціолога и экономиста много интереснаго и поучительнаго въ этомъ ростѣ обмѣна благъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ между городомъ и деревней, въ этомъ ростѣ зависимости благосостоянія одного отъ благосостоянія другого. Ибо кратковременный дачный отдыхъ сдѣлался доступнымъ и для значительнаго числа рабочихъ семей, и „хорошія времена" въ Нью-Іоркѣ, посылая тысячи семей въ горы и деревни, создаютъ источникъ дохода для послѣдней, а стимулируя внутренній рынокъ въ деревнѣ, улучшаютъ положеніе дѣлъ въ городахъ. Но, какъ вѣроятно догадался читатель, мы затронули этотъ вопросъ не въ виду его общаго экономическаго или соціолическаго интереса, а исключительно въ виду той роли, которую въ этой экономической эволюціи сыгралъ ростъ еврейскаго населенія въ Нью-Іоркѣ.

Въ обсужденіе экономическаго вопроса я долженъ volens-nolens ввести здѣсь факторъ національный. Это, хорошо извѣстное, сильное „семейное чувство еврея". Въ одномъ Нью-Іоркѣ много евреевъ (600.000—7000.00), и, относительно, еще больше „еврейчиковъ", хотя проповѣдь и практика „Zweikindersystem'а проникла въ буржуазные слои еврейства. Но много-ли мало „еврейчиковъ" въ еврейской семьѣ, средній еврей тратитъ гораздо меньше на себя и гораздо больше на семью и въ особенности на дѣтей, чѣмъ средній нѣмецъ, итальянецъ или американецъ. Страстная любовь еврея къ дѣтямъ, страшная скорбь при потерѣ ребенка часто совершенно непонятны американцу или нѣмцу, какъ спокойствіе послѣднихъ при смерти дочери или сына кажутся еврею верхомъ эгоизма.

Я пишу эти строки подъ тѣнью развѣсистой яблони, въ огородѣ небогатой фермы въ глуши Catskills Mountains (горы Катскилъ) въ центрѣ штата Нью-Іорка. Хозяинъ-фермеръ старикъ который совершенно случайно принялъ прошлымъ лѣтомъ въ пансіонеры двухъ евреекъ-учительницъ изъ Нью-Іорка. Ферма его въ трехъ верстахъ отъ деревни, а деревня, по желѣзной дорогѣ двѣсти верстъ отъ Нью-Іорка. И несмотря на то, въ этомъ году весь домъ его полонъ пансіонеровъ, и хотя онъ имѣетъ комнатъ всего для [illegible] человѣкъ, двадцати, къ нему поступили десятки предложеній, [illegible] ъ долженъ былъ отклонить. Въ слѣдующемъ году ст[illegible]ается выстроить огромный домъ въ 30—40 комн[illegible] всецѣло этимъ выгоднымъ дѣломъ. И уди-[illegible]олучаетъ въ недѣлю до 140—160 долларовъ,

а расходъ его едва-ли превышаетъ 60 долларовъ. За два мѣсяца напряженнаго труда онъ заработаетъ достаточно на цѣлый годъ. И этотъ успѣхъ дался ему въ сущности безъ особенныхъ усилій съ его стороны, безъ объявленій или рекламъ—просто потому, что онъ былъ счастливымъ обладателемъ тѣхъ благъ (горы, ключи, свѣжій воздухъ, трава), на которыя спросъ со стороны городскихъ жителей растетъ со дня на день.

Нужно ли говорить, что поголовно всѣ пансіонеры нашего фермера евреи, и преимущественно русскіе евреи, или вѣрнѣе—еврейки. Учительницы, продавщицы въ магазинахъ, жены врачей, докторовъ, дантистовъ, и и. д. И направо, и налѣво въ какой бы фермерскій коттеджъ, вы ни обратились, если тамъ только есть пансіонеры, всѣ они, или большинство изъ нихъ, евреи. Пойдите въ деревню—хорошенькую, благоустроенную деревушку Griffins Corners, съ сотней другой коттеджей по обѣимъ сторонамъ широкой улицы, всмотритесь въ фланирующую толпу гуляющихъ—все евреи и еврейки, въ чемъ, какъ знаетъ читатель, очень не трудно убѣдиться. Въ деревушкѣ аптеки, магазины, лавки, все естественно принадлежитъ евреямъ. Но фермеръ-американецъ—и конечно фермеръ больше всѣхъ другихъ зарабатываетъ отъ этого „еврейскаго нашествія". Какого мнѣнія фермеръ въ душѣ относительно еврейскаго племени, я не знаю, да въ сущности это мало интересно. Фактъ тотъ, что фермеръ отлично сознаетъ огромное значеніе этого еврейскаго нашествія для его кармана и встрѣчаетъ его съ открытыми объятіями.

И конечно Griffins Corners—не исключеніе. Въ поѣздѣ, который доставилъ меня въ эту деревушку, чуть ли не 90 проц. пассажировъ были евреи. На станціяхъ поѣздъ встрѣчала шумная и веселая толпа дачниковъ—все еврейскія лица—евреи всѣхъ классовъ и состояній, всѣхъ возрастовъ и поколѣній, вплоть до старыхъ евреевъ въ ермолкахъ и евреекъ въ парикахъ.

Конечно, не одни только евреи ѣдутъ отдыхать въ горы или на морской берегъ. Но евреи естественно концентрируются въ опредѣленныхъ деревняхъ и районахъ, потому что выборъ дачной мѣстности зависитъ отъ личной рекомендаціи. Есть мѣстности гдѣ, какъ въ Griffins Corners, евреи чуть не единственный элементъ. Такой еврейской славой пользуются: Tannersville, Hunter, Pine Hill и многія другія деревни въ Catsskiles. На окраинѣ этого раіона, еврейскіе дачники перемѣшаны съ нееврейскими, и здѣсь въ нѣкоторыхъ пансіонахъ, преимущественно въ болѣе фешенебельныхъ гостиницахъ попадаются проявленія анти-еврейскаго чувства, о которыхъ я разсказывалъ въ одномъ изъ моихъ

предыдущихъ писемъ [1]). Въ другихъ болѣе демократическихъ пансіонахъ, евреи мирно уживаются съ не-евреями. Тѣмъ не менѣе фактъ то, что изъ всего космополитическаго населенія Нью-Іорка евреи даютъ наибольшій контингентъ дачниковъ.

Всего характернѣе эта особенность еврейской массы выражается въ демократизаціи, такъ сказать, дачной тенденціи, которая проникла въ рабочіе слои еврейской колоніи. Нѣмецъ или итальянецъ свой излишекъ тратитъ на выпивку; и самое большее, что онъ сдѣлаетъ для облегченія семьи въ жгучіе іюльскіе дни— это загородное гуляніе. Еврей-портной, глядя на блѣдныя мордочки своихъ еврейчиковъ, говоритъ: „Ничего, вотъ поѣдутъ на дачу на двѣ недѣли, поправятся". Конечно, портной не можетъ платить фермеру по семи—восьми долларовъ въ недѣлю съ носа, и посылаетъ ихъ не въ Catskill Mountains, а въ Коннектикутъ, гдѣ средняя плата значительно ниже—шесть, пять и даже четыре доллара въ недѣлю.

Я позволю себѣ сдѣлать небольшую экскурсію въ область личныхъ воспоминаній. Семь лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось искать еврейскій (коширный) пансіонъ въ Sullivan County—уѣздъ нью-іоркскаго штата, извѣстный своей цѣлебнымъ климатомъ. Моя мать была больна, и профессоръ, лѣчившій ее, настаивалъ на томъ, чтобы она провела лѣто непремѣнно въ Sullivan County. А коширная кухня была conditio sine qua non, которое мать поставила при выборѣ пансіона. Какихъ усилій мнѣ стоило найти еврея-фермера въ этомъ уѣздѣ, какъ смѣялись надо мной всѣ мои знакомые, къ которымъ я обращался за помощью. И дѣйствительно, находка моя была почти что случайная; во всемъ уѣздѣ оказался всего одинъ еврей-фермеръ, который и послужилъ мнѣ темой для спеціальной статейки, знакомой читателямъ „Восхода" [2]).

Прошло всего 7 лѣтъ. Взгляните въ страницу объявленій „Vorwärts'a" или другой жаргонной нью-іоркской газеты въ любой день съ мая и до конца августа, и вы увидите тамъ десятки объявленій о еврейскихъ гостиницахъ, пансіонахъ и фермахъ, призывающихъ дачниковъ въ Sullivan County; характерно, что большинство ихъ расположено кругомъ той же деревни Centerville, гдѣ жилъ первый еврейскій фермеръ Sullivan Conuty, мною открытый. И хотя Agricultural Aid Society теперь напра вили свои усилія въ Sullivan C[illegible] но большинство существующихъ тамъ еврейскихъ пре[illegible]лось безъ всякой филантропической

[1]) [illegible]ки", „Кн. Восх.". Апрѣль, 1905.
[2]) [illegible]абрь, 1899 г., стр. 1—18.

помощи — разрослось исключительно благодаря появившемуся спросу.

Спросъ на спеціально еврейскіе пансіоны вызванъ многими важными соображеніями. Во-первыхъ, діэтетически-религіозныя условія. Значительное число евреевъ въ Америкѣ на многіе годы сохраняютъ свою связь со строгими требованіями религіи, хотя не мало евреевъ, порвавшихъ съ этими требованіями, и число послѣднихъ быстро растетъ. За право получать въ дачныхъ пансіонахъ пищу, согласную съ требованіями религіи, евреи платятъ крупную дань; такъ какъ въ еврейскихъ пансіонахъ средней руки цѣна по крайней мѣрѣ на 50—75 проц. дороже, чѣмъ въ христіанскихъ пансіонахъ. Но помимо этого соображенія существуютъ и другія. Еврейская масса чувствуетъ себя комфортабельнѣе въ еврейскомъ домѣ уже потому, что ни еврейскій рабочій, ни жена еврейскаго рабочаго, и всего менѣе его дѣти не успѣли перенять тѣ манеры и обычаи, какіе требуются въ христіанскомъ домѣ. Поэтому въ спеціальные еврейскіе пансіоны, содержимые фермерами-христіанами, рѣшаются ѣхать уже болѣе „обамериканизованные“ евреи, уже говорящіе по-англійски. На еврейскихъ фермахъ въ Sullivan County, штата Нью-Іорка, на еврейскихъ фермахъ штата Коннектикута и т. д. „простые евреи и еврейки“ чувствуютъ себя великолѣпно. Здѣсь говорятъ на чистѣйшемъ жаргонѣ съ примѣсью русскаго и англійскаго; здѣсь галдятъ съ чисто восточной экспансивностью, обходятся безъ салфетокъ, а скатерти употребляютъ лишь по субботамъ, имѣютя такія удобства, какъ „микве“ и „миньонъ“ по большимъ праздникамъ, спятъ по пяти въ одной комнатѣ и платятъ всего пять или шесть долларовъ въ недѣлю. Такихъ пансіонеровъ можетъ съ успѣхомъ содержать лишь еврейскій фермеръ. Для болѣе состоятельныхъ евреевъ въ названныхъ мѣстностяхъ существуютъ гостиницы, владѣльцы которыхъ являются покупателями сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и едва ли могутъ считаться фермерами; но болѣе демократическіе пансіоны принадлежатъ евреямъ, которые кое-что и сѣютъ, и жнутъ, и главное—держатъ скотъ и ведутъ круглый годъ кое-какое сельское хозяйство. Успѣшные ли они земледѣльцы въ узкомъ смыслѣ этого слова, или нѣтъ—трудно сказать. Но если земледѣліе только одна изъ отраслей сельскаго хозяйства, а откармливаніе“ пансіонеровъ такая же законная отрасль сельскаго хозяйства какъ „откармливаніе скота на убой“, то существованіе на востокѣ Соединенныхъ Штатовъ преуспѣвающихъ сельскихъ хозяевъ-евреевъ уже не можетъ подлежать сомнѣнію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Рубиновъ.

Библіографія.

כתבי קדש. Kiswei Kodesch, *т. е. Священное Писаніе съ еврейскимъ комментаріемъ по натуральному методу «иврисъ беиврисъ». Сост. Б. Гринфельдъ, учитель Ровенской Талмудъ-Торы.*

הפרוזדור. Haprosdor. *Обыденныя бесѣды о Св. Писаніи и объ окружающемъ мірѣ.—Его же.—Бердичевъ. 1905 г.*

Учебно-еврейская литература въ своей «эволюціи» пережила три періода. Долгое время, какъ извѣстно, она имѣла схоластическій характеръ и входила въ общую, такъ сказать, іерархію научно-раввинскихъ дисциплинъ. Въ этотъ дореформенный періодъ еврейскій языкъ («loschon») составлялъ особую, и при томъ необязательную, науку, отдѣльную отъ прочихъ предметовъ—молитвъ, псалтыри, библіи и талмуда, но изучался онъ въ той же обстановкѣ и тѣми же пріемами, какъ и эти обязательные и главные предметы. Обычными руководствами были «письмовники», а для увѣнчанія зданія dikduk'а служили таблицы спряженій глаголовъ (luach hapoolim) и грамматическіе трактаты, въ родѣ «Zohar hatowo» и «Maslul». Это была вѣками освященная, традиціонная система, на смѣну которой сравнительно недавно явилась другая, болѣе близкая къ современнымъ педагогическимъ требованіямъ и къ измѣнившимся запросамъ въ области спеціально-еврейскихъ познаній.

Въ основу этой новой системы принятъ взглядъ на еврейскій языкъ, какъ на главный, первостепенный предметъ учебно-еврейской программы, изученіе котораго должно начинаться съ первой же ступени школьнаго курса, и при томъ нераздѣльно отъ прочихъ предметовъ—библіи, вѣроученія и исторіи. Само же это изученіе, по своему методу, сближено съ обычными, современными пріемами обученія *неразговорнымъ* языкамъ, т. е. путемъ вокабулъ, фразъ, устныхъ и письменныхъ упражненій, чтенія, переводовъ и т. п. Письмовники, прописи и схоластическіе [illegible] замѣнены соотвѣтственными руководствами, [illegible] у новому, раціональному способу обученія.

Затѣмъ былъ [illegible] этомъ на-

правленіи — шагъ къ наглядности, этому основному принципу современной педагогіи. Появились иллюстрированные еврейскіе учебники, книжки «съ картинками», дотолѣ совершенно неизвѣстныя въ учебно-еврейской литературѣ.

Но здѣсь вышло большое педагогическое недоразумѣніе: еврейскіе педагоги, почти сплошь состоящіе изъ дилетантовъ, не поняли значенія нагляднаго метода и смѣшали наглядность, какъ элементъ всякаго преподаванія, съ *натуральнымъ* способомъ обученія. Педагогическое недоразумѣніе осложнилось тенденціями націоналистическаго свойства, увлеченіемъ новизной и пр.,—и въ результатѣ методъ «иврисъ беиврисъ», т. е. преподаваніе неразговорнаго еврейскаго языка исключительно на этомъ же языкѣ, провозглашенъ послѣднимъ и единоспасительнымъ педагогическимъ словомъ реформированной еврейской школы.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы уже пытались доказать, что исключительныя условія еврейскаго языка не позволяютъ примѣнить къ нему общую мѣрку и что и безъ того сомнительная «естественность и натуральность» изученія всякаго языка по способу Muttersprache *въ данномъ случаѣ* болѣе чѣмъ проблематичны.

Однимъ изъ многихъ реальныхъ тому подтвержденій является тотъ фактъ, что за весь періодъ насажденія у насъ натуральнаго метода,—вотъ уже съ добрый десятокъ лѣтъ, — вся учебно-еврей- и затемнить его точный смыслъ [2]). Подумайте только, что эти свои бесѣды съ учащимися г. Гринфельдъ начинаетъ послѣ перваго же года обученія, когда они едва успѣли пройти первую еврейскую учебную книжку,—и вы легко представите себѣ, что такіе малыши могутъ вынести изъ его длиннѣйшихъ и скучнѣйшихъ разсужденій на разныя недоступныя для нихъ темы, составляющія содержаніе нашихъ «бесѣдъ».

А содержаніе это до того несуразное, что иногда кажется, будто авторъ затаилъ коварную мысль — нарочито показать всю несостоятельность такого «естественнаго» способа обученія библіи.

Стоитъ только представить себѣ, что малымъ дѣтямъ, едва осилившимъ еврейскую грамоту, читаютъ цѣлыя лекціи по географіи, космографіи, физіологіи, химіи и прочимъ наукамъ на непонятномъ для нихъ діалектѣ,—и читатель получитъ вѣрное понятіе о характерѣ «обыденныхъ» бесѣдъ г. Гринфельда. Авторъ съ перваго же приступа пускается въ длиннѣйшія, хоть часто и невѣжественныя, экскурсіи въ эти именно серьезныя области, раскрывая передъ 7—8 слушателями «тайны міроздания», разбавлен-

---

[1]) „Еврейская школа", январь с. г., ст. „Натуральная утопія".

Въ бесѣдѣ, напримѣръ, о Каинѣ и Авелѣ учитель сообщаетъ маленькимъ собесѣдникамъ, что Авель былъ „идеалистъ"... [2]).

ныя курьезными благоглупостями о доеніи коровы, кашѣ съ медомъ, конфетахъ, селедкахъ и пр. Невозможно передать содержаніе «бесѣдъ», такъ какъ трудно сказать, чего только въ нихъ нѣтъ: это настоящій кладезь мудрости человѣческой и подвиговъ его ума. Здѣсь есть и казуистическій pilpul и кровеобращеніе, и о теоріи Дарвина, и о загробной жизни, и о «дипломатіи» патріарха Авраама, и о купцахъ Строгановыхъ... Не забываетъ также г. Гринфельдъ и о надлежащемъ развлеченіи своихъ питомцевъ, въ перемежку съ серьезными занятіями. Вѣрный идеѣ «естественности» обученія, онъ превращаетъ свои уроки въ «маленькія представленія безъ декорацій», во время которыхъ учитель прячется за классную доску, а ученики устраиваютъ чучела, перебрасываются яблоками, залѣзаютъ подъ столъ и т. д., — и смѣются, смѣются безъ конца... Какой-то «благодѣтель» развелъ садъ при школѣ г. Гринфельда, — и во время «бесѣдъ» ученики встаютъ и хоромъ провозглашаютъ благодарственный гимнъ въ честь сего благодѣтеля; лѣнивымъ дѣтямъ г. Гринфельдъ читаетъ комичныя «образцовыя» нотаціи и учитъ ихъ просить прощенія за мнимые проступки, въ цѣляхъ «натуральности» обученія; въ тѣхъ же цѣляхъ мальчуганы разсказываютъ вслухъ всей аудиторіи, какъ дома у нихъ пьютъ водку (стр. 37)... Это все, видите-ли, «представленія безъ декорацій», служащія къ развитію въ дѣтяхъ эстетическаго чувства. Нельзя не признать, что въ хедерѣ г. Гринфельда въ городѣ Ровнѣ бываетъ очень и очень весело!

Въ своей любопытной книжкѣ авторъ бесѣдуетъ не только съ учениками, но попутно и съ учителями, которымъ онъ даетъ много мудрыхъ совѣтовъ, и съ читателями, которымъ онъ сообщаетъ подробности изъ личной жизни нѣкіихъ ровенскихъ обывателей, называемыхъ имъ по имени (стр. 31)! Между прочимъ, авторъ очень совѣтуетъ требовать отъ малютокъ, прошедшихъ первую «sedro» Бытія, *письменнаго* изложенія ими пройденнаго, при чемъ ссылается на педагога Лубенца, находящаго исправленіе ученическихъ ошибокъ дѣломъ «весьма полезнымъ», затѣмъ еще на какую-то статью какого-то учителя и на полученную авторомъ ская литература, въ большомъ изобиліи вызванная этимъ методомъ, ограничивается первоначальными книжками и не идетъ дальше элементарныхъ дѣтскихъ руководствъ. Послушать поклонниковъ «иврисъ беиврисъ», — такъ лишь путемъ этого метода и возможно достигнуть наилучшихъ результатовъ въ усвоеніи всего цикла не только еврейскихъ, но и обще-образовательныхъ предметовъ на еврейскомъ языкѣ. А между тѣмъ, мы до сихъ поръ не встрѣчали въ «натуральной» учебной литературѣ ничего, кромѣ букварей и книжек[illegible]нокъ, не видѣли здѣсь ни одной книги, примѣненной въ [illegible] курсу еврейскихъ предметовъ, слѣдующему за первой [illegible] обученія. Вся «натуральная» система

остановилась на одной точкѣ и застыла на безчисленныхъ иллюстрированныхъ дѣтскихъ книжкахъ, отличающихся другъ отъ друга только именами ихъ составителей. Нѣтъ не только еврейскихъ руководствъ по общеобразовательнымъ предметамъ, но не имѣется даже книжки, которая бы показала, какъ можно проходить натуральнымъ способомъ еврейскую библію.

А потому, сколько ни увѣряли насъ въ чудодѣйственной и универсальной силѣ сказаннаго метода, мы все ждали, чтобы кто-нибудь насъ просвѣтилъ, какъ слѣдуетъ «натурально» объяснить, напримѣръ, библейскій стихъ: «ischo ki sasria wejoldo sochor»,— и не только это, но даже самыя первыя слова Торы: «B'reschith boro elohim»...

И вотъ мы, наконецъ, дождались. Г-нъ Б. Гринфельдъ изъ г. Ровно одновременно выпустилъ цѣлыхъ два труда, призванныхъ восполнить упомянутый пробѣлъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ собою «натуральный» комментарій къ книгѣ Бытія (до capit. XXV), а другой дополняетъ его бесѣдами для облегченія процесса изученія библіи по «ивристъ-беивристъ». Г. Гринфельдъ возымѣлъ благую мысль: дать «бѣдному меламду, вынужденному считаться съ требованіями времени», возможность не отставать отъ вѣка по части естественнаго метода (см. предисловіе къ «Kiswei Kodesch»). И онъ, дѣйствительно, далъ блестящее доказательство... полной непригодности этого метода въ примѣненіи къ преподаванію Св.Писанія.

Остановимся раньше на «обыденныхъ бесѣдахъ» г. Гринфельда. Это бесѣды — комментаріи къ тѣмъ выраженіямъ библейскаго текста, которыя не могутъ быть усвоены нагляднымъ путемъ; а такъ какъ этотъ текстъ весь почти состоитъ изъ такихъ выраженій, то бесѣды и обнимаютъ почти весь матеріалъ упомянутой части Бытія. Онѣ имѣютъ цѣлью выдѣлить «труднѣйшія мѣста» и объяснить ихъ окольнымъ путемъ на еврейскомъ же языкѣ, во избѣжаніе перевода ихъ на разговорный или другой понятный учащимся языкъ. Можно было бы, конечно, многое сказать противъ такого искусственнаго процесса объясненія одного какого-нибудь слова цѣлымъ ворохомъ длиннѣйшихъ разсужденій, поглощающихъ массу лишняго времени. Но и съ этимъ можно было бы еще мириться, во имя торжества идеи «ивристъ беивристъ», если бы такое средство, въ концѣ концовъ, привело къ данной цѣли. Хуже всего, что и самая цѣль-то вовсе этимъ не достигается. «Бесѣды» ведутся въ высокомъ стилѣ и на пестромъ языкѣ, состоящемъ изъ смѣси библейскихъ и раввинскихъ словъ, поэтическихъ оборотовъ и сложныхъ грамматическихъ формъ. Чтобы сдѣлать для учащихся понятными выраженія вродѣ «m'rachefeth», «t'hom» и т. п., авторъ предлагаетъ имъ новыя серіи непонятныхъ имъ словъ и выраженій, способныхъ скорѣе удалить ихъ отъ усвоенія даннаго текста «открытку» отъ издательской фирмы «Тушія»...

Кажется, съ «натуральными» бесѣдами г. Гринфельда «объ окружающемъ мірѣ» можно на этомъ и покончить. О второмъ же изъ названныхъ трудовъ его придется сказать немного. Это— длиннѣйшій комментарій-толкователь къ библейскому тексту, съ многочисленными примѣчаніями, разъясненіямя, вокабуляріями и пр., и пр., — толкователь, обличающій въ авторѣ явнаго противника изреченія о томъ, что во многоглаголаніи нѣсть спасенія. Кое-что изъ этого громоздкаго комментарія могло бы, пожалуй, пригодиться для болѣе взрослыхъ учащихся при *переводномъ* методѣ, но къ «иврисъ беиврисъ» это не имѣетъ, конечно, ни малѣйшаго отношенія. Кстати же, оба сочиненія г. Гринфельда обильно снабжены *переводами* еврейскихъ словъ и выраженій на русскій языкъ.

Авторъ, однако, полагаетъ, что имъ открытъ путь именно къ «натуральному» обученію библіи: недаромъ же «уполномоченный г. Шейнкинъ» по ознакомленіи съ нѣкоторыми мѣстами изъ труда г. Гринфельда выразилъ сожалѣніе о томъ, что теперь-де «всѣ простые меламды сдѣлаются меламдами натуральными» (см. предисловіе), и недаромъ также авторъ удостоился получить отъ многихъ лицъ много «hasskomess», каковыя, однако, къ сожалѣнію, сдѣлались жертвою пожара, бывшаго въ городѣ Ровнѣ въ день 28-го мѣсяца кислева... (ibid.).

Впрочемъ, можно сочувствовать автору и вполнѣ съ нимъ согласиться, что чего-чего только не готовъ сдѣлать бѣдный меламедъ, вынужденный считаться съ требованіями вѣка...

Як. Каценельсонъ.

воспитаніе, затѣмъ изучилъ правовѣдѣніе, и на 25 мъ году жизни занялъ должность казнохранителя при одной изъ церквей родного города. Но доктрина христіанства не удовлетворяла его пытливаго ума, стремившагося къ познанію абсолютной истины. Акоста углубился въ изученіе столь чуждыхъ правовѣрному католику библейскихъ книгъ—и это изученіе пробудило въ немъ горячее стремленіе вернуться къ вѣрѣ своихъ предковъ, къ іудейству. Воодушевленный новой идеей, онъ тайно покинулъ родной городъ, переселился въ Амстердамъ и тамъ открыто перешелъ въ іудейскую вѣру вмѣстѣ съ своими братьями и матерью, которыхъ онъ также склонилъ къ этому шагу (1618). Скоро, однако, выяснилось, что тотъ идеальный іудаизмъ, который рисовался воображенію энтузіаста Акосты, имѣлъ весьма мало общаго съ практическимъ раввинскимъ іудаизмомъ, который онъ увидѣлъ въ Амстердамѣ. Акосту смущали узкая ортодоксальность и обрядовой формализмъ амстердамцевъ—и его снова стали мучить сомнѣнія. Онъ сталъ пренебрегать религіозными обрядами и позволялъ себѣ даже открыто высказываться противъ ложнаго, по его мнѣнію, ученія раввиновъ или „фарисеевъ", какъ онъ ихъ презрительно называлъ. Амстердамскіе хахамы, боясь дурныхъ послѣдствій этой пропаганды для едва успѣвшаго окрѣпнуть религіознаго строя общины, предостерегали Акосту и совѣтовали ему перемѣнить свое поведеніе, но онъ не обратилъ вниманія на эти предостереженія. Исключенный изъ общины правовѣрныхъ, опальный скептикъ дошелъ, наконецъ, до смѣлаго рѣшенія—бросить офиціальному іудаизму вызовъ въ литературѣ. Случай заставилъ его ускорить осуществленіе задуманнаго плана. Амстердамскій врачъ Самуилъ да-Сильва издалъ въ 1623 г. книжку подъ заглавіемъ „Разсужденіе о безсмертіи души", гдѣ рѣзко осуждались заблужденія вольнодумцевъ въ родѣ Акосты. Уріель Акоста обнародовалъ въ отвѣтъ ему свое сочиненіе, написанное на португальскомъ языкѣ и озаглавленное: „Изслѣдованіе о фарисейскихъ традиціяхъ сравнительно съ писаннымъ закономъ" (1624). Въ этомъ сочиненіи онъ не только отвергалъ талмудическую традицію, не даже утверждалъ, что Моисеево вѣроученіе не признаетъ догмата безсмертія души и воздаянія за гробомъ. Такая явная ересь возмутила ревнителей вѣры. Старшины еврейской общины донесли на опаснаго еретика амстердамскому магистрату, ссылаясь на голландскій законъ, запрещавшій распространеніе анти-религіозныхъ идей. Акоста былъ арестованъ, но затѣмъ его освободили подъ условіемъ уплаты денежнаго штрафа. Съ тѣхъ поръ жизнь Акосты превратилась въ адъ. Онъ метался между религіей и философіей; опала и одиночество тяготили его, и онъ однажды принесъ покаяніе предъ раввинами и былъ

прощенъ (1633); но вскорѣ снова впалъ въ ересь: нарушалъ субботніе и праздничные обряды, законы о пищѣ и т. п. Въ это время Акоста уже переходилъ въ фазисъ деизма и сомнѣвался даже въ божественности Моисеева закона. Распространился слухъ, что онъ отсовѣтовалъ двумъ христіанамъ принять іудейство. Послѣ строгаго предупрежденія, раввины публично предали Акосту отлученію. Всѣ отшатнулись отъ опальнаго еретика, даже близкіе родственники избѣгали его. Мучительное одиночество опять побудило его смирить свой мятежный духъ, и онъ согласился на унизительную процедуру публичнаго покаянія, чтобы только быть принятымъ въ паству вѣрующихъ. Въ синагогѣ, въ присутствіи раввиновъ и многочисленныхъ прихожанъ, Акоста громко прочелъ формулу покаянія и отрекся отъ своихъ, противныхъ еврейской религіи, убѣжденій; послѣ этого онъ, по обряду покаянія, получилъ 39 ударовъ ремнемъ по спинѣ, затѣмъ легъ ничкомъ на порогѣ синагоги, и каждый изъ прихожанъ долженъ былъ перешагнуть черезъ него. Всѣ эти униженія окончательно потрясли душу несчастнаго скептика. Въ припадкѣ гнѣва и отчаянія, онъ вскорѣ лишилъ себя жизни двумя пистолетными выстрѣлами (1640). Незадолго до смерти Акоста написалъ свою автобіографію („Exemplar humanae vitae"), гдѣ онъ въ страстныхъ выраженіяхъ излилъ свой гнѣвъ противъ „фарисеевъ", вынудившихъ у него позорное отреченіе.

Grqetz, Gesch. d. Juden IX Bd., 216—27, 237—40, 248—49, 256—89, 475—92; Noten 6, 11 (3 Aufl. 1891); X Bd., 1—14, 87—102, 132—40; *Kayserling*, Geschichte d. Juden in Portugal (1867), 250 сл.; *его-же*, Sephardim (1859; еврейск. перев. въ האסיף, т. VI, 1894); *Loeb*, Correspondance des juifs d'Espagne etc. (Paris, 1888); *H. Iellinek*, Uriel Acosta's Leben und Lehre (1847); для справокъ и библіографіи см. статьи: Inquisition, Maranos, Netherland въ Jewish Encyclopedia, New-York. 1901—1905.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Нѣмецко-польская гегемонія переходнаго времени (1648—1789).

§ 33. **Общій обзоръ.** Два момента образуютъ грани этой исторической эпохи: мессіанское движеніе въ началѣ ея и просвѣтительное движеніе въ концѣ. Первое обращено къ Востоку и связано съ именемъ Саббатая Цеви, второе обращено къ Западу и связано съ именемъ Моисея Мендельсона. Между этими двумя полюсами вращается исторія полутора-вѣковой переходной эпохи, стоящей на границѣ между старымъ и новымъ еврействомъ. Послѣ длиннаго однообразнаго пути, мы вступаемъ въ полосу контрастовъ, предвѣщающихъ кризисъ. Саббатай Цеви и Спиноза, Бештъ и Мендельсонъ, мистика и раціонализмъ, унизительное гражданское безправіе и предвѣстники эмансипаціи—все это лишь признаки переходнаго времени, показатели глубокаго броженія въ народѣ, предъ которымъ стояла альтернатива: вырожденіе или возрожденіе.

Ибо какъ ни противоположны по своему идейному содержанію движенія саббатіанское и мендельсоновское, въ основѣ обоихъ лежала одна причина: стремленіе къ новой жизни, жажда возрожденія. Въ половинѣ XVII в. еврейская масса, измученная жизнью гетто и не видѣвшая конца страданіямъ, захотѣла *вѣрить* въ близость конца — и отдалась во власть мессіанскихъ фантомовъ, сулившихъ ей скорое избавленіе. Западъ и Востокъ соединились въ страстномъ мессіанскомъ порывѣ, въ которомъ вылилась тоска шестнадцати столѣтій. Въ Турціи, вокругъ исторической колыбели еврейства, гдѣ въ XVI в. сефарды и ашкеназы образовали небольшой центръ, показался блуждающій огонекъ, въ образѣ смирненскаго „мессіи" Саббатая Цеви,—и тысячелѣтній путникъ, тоскующій по Ціонѣ, вообразилъ, что это факелъ грядущаго освободителя. Піэтизмъ паломниковъ и скромныя мечты тогдашнихъ палестинофиловъ, радѣвшихъ о поддержкѣ обитателей Святой земли, уступили мѣсто своеобразному политическому ціонизму,

претендовавшему на освобожденіе всей націи. То былъ ціонизмъ, облеченный въ наивныя религіозно-мистическія формы XVII вѣка, ціонизмъ одновременно духовный и политическій, ибо саббатіанство ставило актъ національнаго освобожденія въ зависимость отъ усовершенствованія личности, отъ „исправленія души". Неизбѣжное разочарованіе повело къ печальному кризису. Чрезмѣрная затрата энергіи во время мессіанскаго движенія дала себя почувствовать впослѣдствіи; подъемъ духа смѣнился упадкомъ, напряженіе—вялостью. Въ первой половинѣ XVIII в. въ усталомъ еврейскомъ обществѣ Запада соперничаютъ между собою мистическое сектантство—слабый остатокъ саббатіанскаго движенія—и дряхлѣющій правовѣрный раввинизмъ (борьба раввиновъ съ Хайономъ и Луццато, распря Эмдена и Эйбшица). И когда противники взаимной борьбой достаточно ослабили другъ друга, очистилось мѣсто для новаго культурнаго движенія, для „просвѣщенія" второй половины XVIII вѣка. Освѣжающія вѣянія „вѣка разума" въ западной Европѣ проникли и въ замкнутую еврейскую среду. Въ одномъ изъ оскудѣвшихъ гегемоническихъ центровъ діаспоры, Германіи, началось просвѣтительное движеніе эпохи Мендельсона; жажда культурнаго обновленія охватила верхніе слои общества, предвѣщая близкій переворотъ. Какъ въ началѣ эпохи вѣрили въ освобожденіе націи путемъ перемѣщенія центра въ Палестину, такъ теперь стали вѣрить въ возможность свободной жизни въ самой діаспорѣ, путемъ пріобщенія еврейства къ общечеловѣческому прогрессу. Процессъ духовной эмансипаціи евреевъ предшествовалъ ихъ гражданской эмансипаціи, но предвѣстники послѣдней были уже на лицо (Лессингъ, Домъ, Мирабо, попытки реформъ Іосифа II).

Соціальный переворотъ въ западной Европѣ совершался гораздо медленнѣе, чѣмъ культурный. Однако, и здѣсь начало и конецъ эпохи опредѣляютъ ея переходный характеръ. Въ 1670 г. императоръ-клерикалъ Леопольдъ I изгоняетъ всѣхъ евреевъ изъ Вѣны и Нижней Австріи, а въ 1781 г. императоръ Іосифъ II пытается улучшить положеніе своихъ еврейскихъ подданныхъ путемъ просвѣщенія и реформъ. Болѣе туго поддается новымъ вѣяніямъ протестантская Германія. Усилившаяся съ конца XVII в. Пруссія держится строго утилитарной системы: она терпитъ евреевъ въ малыхъ дозахъ, насколько они, съ точки зрѣнія правителей, полезны государственнымъ финансамъ и торговлѣ; даже король-философъ Фридрихъ II строго придерживается режима „Shutzjuden", дававшаго гражданскую натурализацію со скудными правами небольшой горсти „патентованныхъ" евреевъ и державшаго всѣхъ остальныхъ въ положеніи безправныхъ чужестранцевъ. Въ другихъ государствахъ раздробленной послѣ Вестфальскаго мира Германіи

сильно порѣдѣвшее еврейское населеніе стонетъ подъ бременемъ ограничительныхъ законовъ; оно явно идетъ къ соціально-экономическому вырожденію, и только общественное пробужденіе наканунѣ французской революціи останавливаетъ этотъ гибельный процессъ. Вяло и сонно тянется жизнь итальянскаго гетто: встряхнувшись въ эпоху мессіанскаго движенія, оно затѣмъ впадаетъ въ прежнюю летаргію, пока его не разбудятъ трубные звуки новѣйшаго времени. Только въ Голландіи, куда все еще идетъ потокъ марранской эмиграціи изъ Пиренейскаго полуострова, относительная гражданская свобода даетъ возможность евреямъ развиваться нормальнѣе, въ болѣе здоровой общественной атмосферѣ. Свой избытокъ иммигрантовъ Голландія отдаетъ Англіи, гдѣ во второй половинѣ XVII в. образуется небольшая еврейская колонія, первая послѣ рокового изгнанія 1291 г. Обновленный центръ появляется и въ другой странѣ, нѣкогда изгнавшей евреевъ—во Франціи. Скопившіяся постепенно на югѣ (Бордо, Марсель) группы марранов и компактныя массы ашкеназовъ Эльзасской провинціи, вошедшей въ составъ Франціи съ 1648 г., незамѣтно возстановили еврейскій центръ въ этой странѣ. И судьбѣ угодно было, чтобы съ этого возстановленнаго центра, гдѣ еще въ XVIII в. держался средневѣковый режимъ, началось великое движеніе, приведшее къ эмансипаціи евреевъ. Впрочемъ, фактически гражданское равноправіе евреевъ было впервые провозглашено въ другомъ, уже совершенно новомъ пунктѣ діаспоры—въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки (1788), куда историческая волна забросила сѣмена діаспоры для будущихъ обильныхъ всходовъ.

Своимъ особымъ путемъ идетъ въ эту эпоху главнѣйшій автономный центръ еврейства - Польша. 1648 годъ является для него критическимъ: истребленіе и разгромъ сотенъ еврейскихъ общинъ въ Украйнѣ и другихъ мѣстахъ Польши, во время возстанія Хмѣльницкаго, кладутъ начало соціально-экономическому упадку польскаго еврейства, которое въ предыдущую эпоху пользовалось относительнымъ благосостояніемъ. Казацкая рѣзня и военная анархія 1648—58 годовъ были для евреевъ Польши тѣмъ, чѣмъ были крестовые походы для ихъ соплеменниковъ въ западной Европѣ. Исторія какъ будто спѣшила возмѣстить польскимъ евреямъ тѣ страданія, которыхъ они избѣгли въ средніе вѣка. Но они были уже подготовлены къ принятію этого рокового дара исторіи: они достигли той степени національной стойкости, при которой страданія могутъ ослабить матеріально, а не духовно. Они все болѣе обособляются отъ окружающаго враждебнаго міра и становятся нравственно нечувствительными къ своей соціальной приниженности. Польскій еврей терпѣливо переноситъ и самодурство пана,

у котораго онъ арендуетъ имѣніе, и буйные порывы крѣпостного крестьянина, который видитъ въ евреѣ орудіе панской эксплуатаціи, и ненависть своихъ профессіональныхъ конкуррентовъ—мѣщанина-торговца и цехового ремесленника. Онъ видитъ себя среди враговъ и заботится о томъ, чтобъ укрѣпить свою позицію, чтобы предохранить себя не столько отъ внѣшнихъ нападеній (они были неизбѣжны), сколько отъ ихъ гибельныхъ внутреннихъ послѣдствій. Для этого онъ пользуется всѣми средствами, которыя давали ему какъ его исключительное правовое положеніе въ государствѣ, такъ и его автономный общественный строй. Кагально-раввинское самоуправленіе все болѣе пріобрѣтаетъ характеръ внутренней диктатуры; гнетъ общества надъ личностью усиливается. Масса часто объединяется не свободной организаціей силъ, а механически: давленіемъ извнѣ и затягиваніемъ узла извнутри.

Однако, не всѣ въ состояніи выдержать эту строгую кагально-раввинскую дисциплину. Мессіанизмъ, сулящій скорую волю, особенно поощряетъ къ потрясенію основъ существующаго порядка. Саббатіанское движеніе, послѣдовавшее за бѣдствіями казацкаго возстанія, отозвалось въ Польшѣ глухимъ броженіемъ въ низшихъ слояхъ народа. Въ Подоліи, Галиціи и Волыни свило себѣ гнѣздо тайное саббатіанство, приверженцы котораго часто отступали отъ строгихъ правилъ раввинскаго благочестія и цѣломудрія. Въ началѣ XVIII в. здѣсь ведутъ свою пропаганду темные мистики, въ родѣ Ханма Малаха и Іуды Хасида. Нарождается грозный призракъ сектантства и религіознаго раскола. Для предотвращенія бѣды, польскіе раввины неоднократно предаютъ „шебсовъ“ (послѣдователей Саббатая Цеви) отлученію отъ синагоги (1722—26 г.), но этимъ они достигаютъ только того, что сектанты старательнѣе скрываютъ свои еретическія убѣжденія. На почвѣ тайнаго сектантства выростаетъ опасная ересь, грозящая уже основамъ іудаизма. *Секта франкистовъ*, которая протестуетъ противъ Талмуда во имя „Зогара“ и наконецъ склоняется къ христіанству (1755—73), является послѣднимъ звеномъ въ цѣпи мистико-мессіанскихъ движеній смутнаго времени. Франкизмъ—это продуктъ неоправдавшихся мессіанскихъ надеждъ, продуктъ разочарованія и истощеннаго терпѣнія. Ясно было, что мессіанство—обоюдоострое оружіе и что эволюція мистицизма должна принять иное, индивидуальное направленіе. И вотъ выступаетъ одно изъ самыхъ глубокихъ народныхъ движеній, которое когда либо переживало еврейство: *хасидизмъ*, созданный Бештомъ. Религія сердца, молитвенный экстазъ, преклоненіе передъ цадиками чудотворцами—вотъ что плѣняетъ забитую массу, неудовлетворенную сухимъ раввинскимъ формализмомъ и истощенную лихорадкою мессіанства. Въ теченіе полустолѣтія (1750—1800) къ хасидизму примыкаетъ

почти половина польско-русскаго еврейства. Раввинизмъ чуетъ въ новомъ вѣроученіи опаснаго врага и выдвигаетъ противъ него своихъ главныхъ бойцовъ (Илія Гаонъ и др.), но онъ не въ силахъ измѣнить народное настроеніе. Хасидизмъ прочно утверждается въ массахъ, и въ еще большей степени, чѣмъ раввинскій режимъ служитъ оплотомъ противъ грядущаго съ Запада просвѣщенія.

Политическое разложеніе Польши между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ. Еще со времени казацкаго возстанія къ этой странѣ, ставшей жертвою собственныхъ неурядицъ, подбирается темное царство Московской Руси. Оно втягиваетъ въ сферу своего вліянія часть Украйны (Малороссія) и изгоняетъ оттуда евреевъ. Вліяніе Руси въ связи съ казацкими традиціями временъ Хмѣльницкаго воскрешаютъ въ XVIII в. въ Украйнѣ „гайдамачину" — стихійное аграрное движеніе съ религіозно-племенной окраской, съ лозунгомъ „истребленія ляховъ и жидовъ". Въ послѣдніе годы существованія рѣчи Посполитой раздаются вопли жертвъ „уманьской рѣзни" (1768). Спустя нѣсколько лѣтъ совершается первый раздѣлъ Польши, по которому къ Россіи отходитъ густо населенная евреями Бѣлоруссія (1772); позднѣйшіе два раздѣла довершаютъ превращеніе большинства польскихъ евреевъ въ подданныхъ Россіи, а меньшинства — въ подданныхъ Австріи и Пруссіи. Ничего хорошаго не сулило евреямъ новое русское владычество. Московская Русь передала Петровской свои антиеврейскіе предразсудки, выразившіеся въ формулѣ Елисаветы Петровны: „Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли". Екатерина II должна была платить дань этимъ грубымъ національнымъ предразсудкамъ. Гражданское положеніе евреевъ подъ властью самодержавной Руси явно шло къ ухудшенію; общинная автономія съуживалась, а культурнаго подъёма нельзя было ждать въ дореформенной крѣпостнической странѣ, едва прикрытой наружнымъ европейскимъ лоскомъ.

Такимъ образомъ, въ жизни евреевъ восточной Европы переходная эпоха выразилась только въ перемѣнѣ подданства, отдалившей ихъ отъ обновлявшейся западной цивилизаціи. Трехвѣковая „ашкеназійская" или нѣмецко-польская гегемонія съ ея раввинско-мистическими традиціями *раздвоилась* во второй половинѣ XVIII вѣка: традиціонное направленіе сохранилось и развивалось среди польскихъ евреевъ, отошедшихъ сплошными массами подъ власть Россіи и отчасти Австріи (Галиція), между тѣмъ какъ среди ихъ нѣмецкихъ соплеменниковъ получало перевѣсъ новое европейское просвѣщеніе. Первые остаются во главѣ консервативнаго, замкнутаго на средневѣковый ладъ еврейства; послѣднія же становятся въ авангардѣ про-

грессивнаго западно-европейскаго еврейства, готовящагося къ гражданской эмансипаціи при посредствѣ культурнаго обновленія.

ГЛАВА I.

Саббатай Цеви и мессіанское движеніе на Востокѣ.

§ 34. Евреи въ Турціи (XVII в.). Жизнь евреевъ Турецкой имперіи въ XVII в. представляла собою тихій омутъ, въ которомъ подъ неподвижной поверхностью происходитъ броженіе темныхъ, по большей части болѣзнетворныхъ элементовъ. Переселенческіе ручьи, шумно бѣжавшіе туда въ предыдущемъ столѣтіи изъ западной діаспоры (§§ 2—4), скопились и застыли въ этомъ стоячемъ прудѣ, какъ бы убаюканномъ волшебными сказками Востока. Разбросанные по всей территоріи европейской Турціи, Палестины, Египта и сѣверной Африки, нѣкогда подвижные культурные сефарды все болѣе поддавались вліянію восточнаго застоя. Только въ крупныхъ центрахъ Леванта—въ портахъ Константинополя, Салоникъ и Смирны они проявляли замѣтную промышленную дѣятельность, поддерживая оживленныя сношенія съ западно-европейскими соплеменниками; въ провинціяхъ же, въ особенности отдаленныхъ отъ центра, турецкій режимъ душилъ всякую экономическую предпріимчивость и вообще культурную самодѣятельность, ибо не давалъ необходимыхъ для этого элементарныхъ гарантій гражданственности—неприкосновенности личности и имущества. Провинціи отдавались или точнѣе продавались пашамъ „на кормленіе", и каждый паша въ своемъ пашалыкѣ относился къ жителямъ, какъ помѣщикъ къ крѣпостнымъ, выжимая изъ нихъ подати натурою и деньгами въ неограниченныхъ размѣрахъ.

Особенно чувствовался этотъ гнетъ въ Палестинѣ, гдѣ скопилась бѣдная еврейская масса, большею частью состоявшая изъ благочестивыхъ паломниковъ и жившая на счетъ европейскихъ благотворителей. Въ Іерусалимѣ, Цефатѣ и другихъ городахъ Палестины само существованіе еврейскихъ общинъ—сефардскихъ и ашкеназійскихъ—часто обусловливалось гнѣвомъ или милостью мѣстнаго паши или подчиненныхъ ему чиновниковъ. Въ 1625 г. нѣкто Ибнъ-Фарухъ купилъ должность іерусалимскаго паши у высшей власти—у вали (генералъ-губернатора) въ Дамаскѣ. Желая выручить свои расходы съ должной прибылью, новый паша вымогалъ деньги у евреевъ

самыми жестокими способами; онъ арестовывалъ и держалъ въ темницѣ почетныхъ представителей общины, пока ему не уплачивали требуемой суммы; въ случаѣ упорства онъ даже подвергалъ заключенныхъ пыткѣ. Состоятельные люди бѣжали изъ Іерусалима и прятались въ горахъ и пещерахъ, а въ городѣ остались только бѣдняки. Пробовали жаловаться дамасскимъ властямъ на тирана Ибнъ-Фаруха и даже добились присылки кади (судьи) для разслѣдованія дѣла; но турецкій судья предпочелъ дѣлить добычу съ пашой, чѣмъ возстановлять права ограбленныхъ. Только спустя два года Ибнъ-Фарухъ былъ смѣщенъ съ должности, но онъ уже успѣлъ выжать изъ бѣднаго еврейскаго населенія Іерусалима около 50,000 піастровъ и могъ съ сознаніемъ исполненнаго административнаго долга оставить разоренную общину, съ которой больше нечего было взять.

По словамъ пилигримовъ, описывавшихъ состояніе Іерусалима въ 1620-хъ годахъ, тамъ жило около 2000 евреевъ среди значительнаго населенія мусульманъ и христіанъ. „Евреи должны носить такую же одежду какъ турки,—читаемъ мы въ одномъ описаніи,—ибо въ противномъ случаѣ на нихъ бы роптали; но на головѣ они вмѣсто тюрбана носятъ бонеты, т. е. шляпы въ формѣ итальянскихъ капелюшовъ,—и въ этомъ ихъ наружное отличіе. Евреевъ не допускаютъ въ мечеть, построенную на горѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ нашъ святой храмъ; имъ только можно — и то въ мирное время—подходить къ наружной западной стѣнѣ Храмовой горы. У этой стѣны я простерся на землѣ, цѣловалъ камни и читалъ установленныя молитвы... Хороши шатры Якова—синагоги и школы—въ Іерусалимѣ! Тамъ съ утра до вечера и съ полночи до утра не умолкаетъ голосъ молящихся и учащихся. Въ городѣ есть двѣ синагоги. Одна, меньшая, принадлежитъ общинѣ ашкеназовъ, во главѣ которыхъ стоитъ хахамъ р. Іешая *); они имѣютъ свои особенные хорошіе обычаи,—напримѣръ, каждый мѣсяцъ они проводятъ канунъ новолунія въ постѣ и молитвѣ, какъ день іомъ-кипура. Другая синагога, большая, принадлежитъ сефардамъ, а недалеко отъ нея находится большой бетъ-гемидрашъ (синагога-школа), гдѣ одинъ отрядъ (молящихся и учащихся) непрестанно смѣняется другимъ. Тамъ и мѣсто ваада (общиннаго совѣта). Старшины общины (парнесы)—сефарды, ашкеназы же подчиняются имъ. По условію, во всѣхъ общественныхъ расходахъ ашкеназы участвуютъ въ размѣрѣ одной четверти; остальное уплачиваютъ

*) Р. Іешая Горовицъ, авторъ мистическаго компендіума „Шело", упомянутый выше, въ § 19. Во время террора паши Ибнъ-Фаруха Горовицъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Іерусалима въ Цефатъ.

сефарды... Община крайне обременена налогами и поборами и терпитъ большія бѣдствія... Есть еще въ Іерусалимѣ маленькая молельня караимовъ. Они одѣваются какъ евреи, но не смѣшиваются съ ними. Большинство ихъ — мѣдники. Ихъ всего 20 душъ".

Въ этой странѣ благочестивыхъ странниковъ, пріѣзжавшихъ въ Святую землю, чтобы проводить остатокъ жизни въ постѣ и молитвѣ, пустила глубокіе корни мистическая каббала. Авторъ приведеннаго сейчасъ описанія разсказываетъ, какъ высоко цѣнились тогда ходившіе по рукамъ списки трудовъ Ари и другихъ палестинскихъ кабалистовъ (§ 6). Школа Ари и Виталя плодила мистиковъ и чудотворцевъ, которые часто, объѣзжая европейскія страны для сбора пожертвованій въ пользу Святой земли, распространяли среди евреевъ мистико-мессіанскія идеи. Атмосфера Восто кабыла насыщена подобными туманными идеями. Восточные сефарды свыклись съ мыслью, что недаромъ судьба забросила ихъ изъ Европы въ Азію, что они — сѣмя будущаго возрожденія Святой земли, что предсказанія многихъ мудрецовъ, начиная съ Абарбанеля, о скоромъ пришествіи мессіи должны исполниться, и наконецъ—что кабалисты своими молитвами и „подвигами искупленія" (*тиккунъ*) постепенно приближаютъ моментъ избавленія Израиля. Аскеты изъ ученыхъ ашкеназовъ, въ родѣ Іешая Горовица, поддерживали этотъ культъ „тоски по Ціонѣ" почными бдѣніями и особыми молитвами („тикунъ-хацотъ"). Напряженно ожидались избавленіе земли предковъ отъ ига мусульманъ и возвращеніе измученной діаспоры изъ христіанской Европы. Многіе пытались отгадывать годъ пришествія мессіи. Преобладало мнѣніе, что начало „временъ чудесъ" наступитъ, согласно темному предсказанію „Зогара", въ 408 году шестого тысячелѣтія отъ сотворенія міра (т. е. въ 1648 г. христ. эры). Подобные толки и слухи особенно сильно дѣйствовали на впечатлительныя натуры, склонныя къ религіозному экстазу. И вотъ среди восточныхъ сефардовъ нашелся восторженный мистикъ, который увѣрилъ и себя и другихъ, что онъ то и есть ожидаемый мессія. *Саббатай Цеви*—такъ звали смѣлаго претендента — съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ массы и вызвать мессіанское движеніе, подобнаго которому еврейство не переживало со времени послѣдняго героя Іудеи Баръ-Кохбы,—движеніе, всколыхнувшее не только дремлющій Востокъ, но и далекій Западъ, и оставившее глубокіе слѣды въ дальнѣйшей исторіи еврейскаго народа.

§ 35. **Саббатай Цеви и броженіе на Востокѣ.** Саббатай Цеви (*Шабси Цви* въ обыкновенномъ произношеніи) родился въ Смирнѣ, въ 1626 г., въ день національнаго траура 9-го Ава. Смирна была въ то время однимъ

изъ центровъ Левантской торговли; городъ особенно оживился въ 1640-хъ годахъ, когда вслѣдствіе войны между Турціей и Венеціей (при султанѣ Ибрагимѣ), нѣкоторыя англійскія и французскія торговыя фирмы перемѣстились изъ Константинополя въ Смирну. Тогда за короткое время разбогатѣли многіе смирненскіе купцы, въ томъ числѣ и отецъ Саббатая, Мордохай Цеви, раньше бѣдный торговецъ изъ Греціи, сдѣлавшійся теперь агентомъ англійскаго негоціанта. Мордохай Цеви приписывалъ эту внезапную „милость Божію" религіознымъ заслугамъ своего юнаго сына. Саббатай уже въ ранней юности казался человѣкомъ необыкновеннымъ. Безъ большого труда усвоилъ онъ тѣ познанія по Талмуду и каббалѣ, которыя входили въ курсъ тогдашняго сефардскаго образованія. Учителемъ Саббатая по части Талмуда былъ извѣстный смирненскій хахамъ *Іосифъ Искафа*, а при изученіи каббалы юноша держался системы господствовавшей тогда аріано-виталіевской школы. Склонный къ созерцательности, Саббатай избѣгалъ общества людей и предпочиталъ уединеніе. По восточному обычаю, его женили очень рано; но онъ выказалъ такое отвращеніе къ брачной жизни, что вскорѣ долженъ былъ развестись съ женой; его женили вторично — и дѣло опять кончилось разводомъ.

Чѣмъ больше углублялся Саббатай въ таинства „Зогара" и аріанской каббалы, тѣмъ сильнѣе становилось въ немъ желаніе взять на себя тотъ подвигъ искупленія, которымъ, по ученію Ари, можно ускорить пришествіе мессіи. Надо было путемъ каббалистическихъ упражненій извлечь чистое изъ міра нечистаго, раздуть „божественныя искры", тлѣющія подъ земнымъ пепломъ, и „освободить души" наканунѣ освобожденія націи. Для этой цѣли Саббатай велъ отшельническую жизнь, часто постился и ежедневно, при всякой погодѣ, совершалъ омовенія въ морѣ. Такими упражненіями онъ довелъ себя до того состоянія экстаза, при которомъ иногда исчезаетъ граница между фантазіей и реальностью; по временамъ ему казалось, что онъ уже достигъ высшаго совершенства и самъ призванъ сдѣлаться мессіею еврейскаго народа. Къ самовнушенію присоединилось и вліяніе среды. Сознаніе, что онъ призванъ къ чему-то великому, проявлялось и въ обращеніи Саббатая съ товарищами. Послѣдніе невольно поддавались обаянію личности этого восторженнаго красиваго юноши, съ задумчивыми черными глазами, съ пріятнымъ мелодичнымъ голосомъ, которымъ онъ часто напѣвалъ мистическіе гимны. Имѣя едва 20 лѣтъ отъ роду, Саббатай уже стоялъ во главѣ кружка молодыхъ мистиковъ, посвященныхъ въ тайны практической каббалы и воодушевленныхъ пламенною вѣрою въ близость царства мессіанскаго.

Когда наступилъ 1648 годъ, къ которому и „Зогаръ" пріурочивалъ

начало избавленія Израиля, Саббатаю показалось, что настала пора открыться большему кругу лицъ. Онъ сталъ смѣлѣе говорить о своемъ мессіанскомъ призваніи, о посѣщавшихъ его ночныхъ видѣніяхъ и откровеніяхъ. Для подтвержденія своихъ словъ, Саббатай произнесъ публично полное, четырехбуквенное названіе Бога (*Іегова*, יהוה), что, по преданію, разрѣшалось только первосвященнику во время богослуженія въ древнемъ іерусалимскомъ храмѣ. То была символическая демонстрація, означавшая, что близокъ моментъ возстановленія Іерусалима. Вскорѣ въ Смирнѣ стало извѣстно о существованіи мессіанскаго кружка и о смѣлыхъ притязаніяхъ Саббатая. Предчувствуя недоброе, смирненскіе раввины, съ Іосифомъ Искафой во главѣ, объявили Саббатая и его приверженцевъ отлученными отъ синагоги. Саббатай Цеви принужденъ былъ покинуть родной городъ и вести скитальческую жизнь (1651). Это съ одной стороны придавало ему въ глазахъ его смирненскихъ приверженцевъ ореолъ „страждущаго мессіи“, съ другой—давало ему возможность агитировать въ другихъ общинахъ Востока.

Въ Константинополѣ и Салоникахъ Саббатай пріобрѣлъ себѣ новыхъ приверженцевъ среди поклонниковъ каббалы. Въ столицѣ Турціи онъ нашелъ своего перваго „пророка“, въ лицѣ проповѣдника *Авраама Яхини*, не то мистификатора, не то патологическаго субъекта. *Яхини* поднесъ Саббатаю таинственную рукопись, въ которой начертаны были, между прочимъ, слѣдующія пророческія слова: „Я, Авраамъ, проведшій сорокъ лѣтъ въ уединеніи... гадалъ, когда наступитъ чудесный конецъ,— и вотъ голосъ моего друга: родится сынъ у Мордохая Цеви въ 386 году (1626), и назовутъ имя его Шабтай Цеви. Онъ усмиритъ великаго крокодила и одолѣетъ извивающагося змѣя, онъ — истинный мошіахъ (мессія),... его царство вѣчно и нѣтъ кромѣ него избавителя у Израиля“. Ободренный этимъ пророчествомъ, Саббатай становился все смѣлѣе въ своихъ притязаніяхъ. Въ Салоникахъ, старомъ гнѣздѣ каббалы, онъ пригласилъ своихъ приверженцевъ на пиръ и, держа въ рукахъ свитокъ Торы, объявилъ, что празднуетъ теперь свое бракосочетаніе съ Торою, дочерью Бога. Эта символическая церемонія оскорбила религіозное чувство мѣстныхъ раввиновъ, и Саббатаю пришлось уѣхать изъ Салоникъ.

Послѣ долгихъ скитаній, Саббатай прибылъ въ страну своихъ грезъ— Палестину. Въ Іерусалимѣ онъ сразу замѣтилъ господство каббалистическаго настроенія и употреблялъ всѣ старанія, чтобы на этой благопріятной почвѣ добиться популярности. Онъ усилилъ свои аскетическія упражненія, проводилъ многіе часы на могилахъ великихъ праведниковъ древности, въ

молитвѣ громко плакалъ, часто пѣлъ своимъ мелодичнымъ голосомъ грустные гимны при свѣтѣ луны. Идя по улицамъ, онъ раздавалъ дѣтямъ сладости, увлекая такимъ образомъ за собою и дѣтей, и ихъ матерей. Своей святою жизнью и ласковымъ обращеніемъ Саббатай успѣлъ привлечь къ себѣ симпатіи многихъ іерусалимцевъ, а одно случайное обстоятельство доставило ему еще репутацію благодѣтеля общины. Въ то время еврейская община Іерусалима, жившая на счетъ присылаемыхъ изъ Европы пожертвованій, крайне обѣднѣла, такъ какъ, вслѣдствіе недавней тридцатилѣтней войны въ Германіи и возстанія казаковъ въ Польшѣ, евреи этихъ странъ сами терпѣли нужду и не могли присылать обычныя пожертвованія въ пользу палестинскихъ пилигримовъ. Къ довершенію бѣды, турецкій паша наложилъ на іерусалимскихъ евреевъ непосильные поборы. Обнищавшая община не въ состояніи была ихъ уплатить—и турецкія власти грозили ей жестокими взысканіями. Тогда Саббатай Цеви поѣхалъ въ Каиръ, гдѣ въ числѣ его поклонниковъ былъ богатый и вліятельный глава египетскихъ евреевъ, откупщикъ государственныхъ пошлинъ *Рафаилъ-Іосифъ Хелеби*, и убѣдилъ его придти на помощь бѣдствующей общинѣ святого града. Щедрый филантропъ внесъ всю требуемую нашою сумму, а іерусалимцы благословляли Саббатая, какъ своего избавителя.

Въ Египтѣ произошелъ случай, который особенно воодушевилъ поклонниковъ Саббатая Цеви и укрѣпилъ въ нихъ вѣру въ его божественную миссію. Живя въ Каирѣ, Саббатай узналъ о странныхъ приключеніяхъ одной молодой дѣвушки, польской уроженки *Сары*. Во время возстанія казаковъ въ Польшѣ, будучи шестилѣтнимъ ребенкомъ, Сара была похищена изъ родительскаго дома и увезена въ монастырь, гдѣ ее воспитывали въ христіанской вѣрѣ. Послѣ десятилѣтняго пребыванія въ монастырѣ, она однажды ночью бѣжала оттуда. Евреи нашли юную дѣвушку полунагою на своемъ кладбищѣ, и она разсказала имъ, будто покойный отецъ явился ей во снѣ и силою вытолкнулъ изъ монастыря. Боясь держать бѣглянку у себя, евреи отправили ее въ Амстердамъ, чтобы она могла тамъ свободно перейти въ іудейство. Изъ Голландіи она отправилась черезъ Германію въ Ливорно. Испытанныя въ раннемъ дѣтствѣ потрясенія, жизнь въ монастырѣ и дальнѣйшія приключенія наложили свой отпечатокъ на душу Сары. Она сдѣлалась чрезвычайно нервной, экзальтированною и повсюду твердила, что ей предназначено выйти замужъ за мессію. Разсказы объ этой странной дѣвушкѣ дошли до Саббатая Цеви,—и онъ объявилъ, что и ему свыше внушено жениться на ней. Въ Ливорно поспѣшили послы и привезли Сару въ Каиръ, гдѣ въ домѣ магната Хелеби, при торжественной обстановкѣ

состоялось ея бракосочетаніе съ грядущимъ мессіей. Про Сару носились слухи, будто она въ Ливорно вела распутную жизнь; когда объ этомъ сообщили Саббатаю, онъ сказалъ: „Пророку Гошеѣ Богъ также велѣлъ взять жену-блудницу“.

Возвратившись въ Палестину, Саббатай пріобрѣлъ въ городѣ Газѣ восторженнаго апостола и „пророка“ въ лицѣ молодого *Натана Ашкенази*, сына разъѣздного сборщика пожертвованій въ пользу іерусалимскихъ бѣдняковъ. Натанъ разсылалъ еврейскимъ общинамъ пророческія откровенія о божественной миссіи Саббатая Цеви. Онъ увѣрялъ, что во время всенощнаго бдѣнія въ праздникъ Шовуотъ 1665 г. ему, Натану, послышался гласъ съ неба: „Отнынѣ черезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ откроется царство мессіи, сына Давида!“ Далѣе возвѣщалось: „Нашъ мессія Саббатай Цеви... сниметъ царскую корону съ головы турецкаго султана и возложитъ на свою голову, а султанъ пойдетъ за нимъ какъ рабъ ханаанскій, ибо ему, Саббатаю, принадлежитъ власть. Потомъ нашъ мессія скроется отъ взоровъ всего Израиля, и никто не будетъ знать, живъ онъ или умеръ; онъ же пойдетъ по ту сторону рѣки Самбатіонъ, черезъ которую, какъ извѣстно, не прошелъ еще ни одинъ человѣкъ, ибо она во всѣ дни недѣли быстро течетъ и выбрасываетъ камни и только въ субботу отдыхаетъ... Оттуда нашъ мессія поѣдетъ верхомъ вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ Моисеемъ и всѣми іудеями въ Іерусалимъ. По дорогѣ выступятъ противъ нихъ полчища Гога и Магога, но нашъ мессія Саббатай Цеви будетъ воевать съ ними не копьемъ и мечомъ, а дыханіемъ устъ своихъ будетъ убивать злодѣевъ и повергнетъ ихъ на землю. Когда нашъ мессія съ Моисеемъ прибудутъ въ Іерусалимъ, Богъ спуститъ съ неба храмъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, которые озарятъ весь городъ. Затѣмъ онъ принесетъ жертвы... Впослѣдствіи совершится воскресеніе мертвыхъ“.

Пророческія посланія Натана и подвиги Саббатая волновали еврейскую массу. Мессіанское броженіе стало безпокоить іерусалимскихъ раввиновъ, во главѣ которыхъ стоялъ Яковъ Хагисъ. Близко зная и „мессію“ и его апостола Натана, раввины не могли раздѣлять увлеченія легковѣрной массы и видѣли во всей этой агитаціи опасность для іудаизма. Они дали понять Саббатаю, что такая агитація не можетъ быть дольше терпима въ стѣнахъ святого города. Первоначальный планъ Саббатая сдѣлать Іерусалимъ ареной своей дѣятельности не удался, — и ему явилась мысль о возвращеніи въ родной городъ Смирну послѣ 15-лѣтнихъ странствій. Херемъ, провозглашенный тамъ противъ Саббатая въ 1648 г., былъ уже давно забытъ; недовѣріе смирненцевъ къ ихъ земляку поколебалось подъ вліяніемъ до-

ходившихъ изъ Палестины слуховъ о его святой жизни, а широковѣщательныя посланія Натана изъ Газы подготовили бывшему отщепенцу на родинѣ восторженную встрѣчу. Когда Саббатай пріѣхалъ въ Смирну (1665) и въ праздникъ Рошъ-гашаны явился въ синагогу, изъ толпы, посреди звуковъ шофара (трубнаго рога), раздались восклицанія: да здравствуетъ нашъ царь, нашъ мессія!

Въ Смирнѣ начались шумныя „предмессіанскія" приготовленія, по опредѣленной программѣ. На первомъ мѣстѣ стояла „тешува" (תשובה) — публичное покаяніе въ грѣхахъ. Мужчины и женщины, старики и молодые проводили дни и ночи въ синагогахъ въ постѣ и молитвѣ, купались въ холодной водѣ и всячески „истязали плоть"; по ночамъ въ собраніяхъ кающихся читались съ плачемъ и воплями молитвы о прекращеніи голуса и возвращеніи разсѣяннаго народа въ Ціонъ. Иные, очистившись отъ грѣховъ подобнымъ покаяніемъ, предавались затѣмъ необузданному веселью, пѣли пѣсни, пировали и прославляли царя-мессію. Саббатай нерѣдко самъ участвовалъ въ этихъ собраніяхъ и ходилъ въ уличныхъ процессіяхъ, гдѣ распѣвалъ хоромъ псалмы или символическіе гимны на еврейскомъ и эспаньольскомъ языкахъ.

Мистическій экстазъ выражался въ болѣзненныхъ формахъ эпилепсіи и кликушества: женщины и дѣти падали на землю, какъ „одержимые демономъ", и пророчествовали, что Саббатай Цеви есть истинный царь-мессія; это производило сильное впечатлѣніе на простонародье. Съ другой стороны велась систематическая пропаганда для распространенія славы Саббатая Цеви въ другихъ мѣстахъ. При смирненскомъ мессіи состоялъ постояннымъ секретаремъ ловкій агитаторъ *Самуилъ Примо*, который въ циркулярныхъ письмахъ оповѣщалъ евреевъ Азіи, Африки и Европы о близости „геулы" (освобожденія) и наставлялъ, какъ совершать „тешуву". Эти письма скрѣплялись печатью „царя-мессіи Саббатая Цви".

§ **36. „Мессіанскій годъ" (1666).** Письменная и устная пропаганда сдѣлала свое дѣло. Приходившія съ Востока вѣсти начали волновать умы и въ Европѣ. Въ европейскихъ странахъ тяжелая жизнь гетто поддерживала въ сердцахъ угнетенныхъ мессіанское чувство, которое практическою каббалой превращалось въ руководящую идею, а затѣмъ въ idée fixe. Призывъ восточныхъ мессіанистовъ къ покаянію нашелъ горячій откликъ во многихъ общинахъ Германіи, Италіи, Голландіи и Польши. Особенно волненіе замѣтно было въ большихъ промышленныхъ городахъ, имѣвшихъ сношенія съ Востокомъ: въ Гамбургѣ, Амстердамѣ, Венеціи, Ливорно. Типичное описаніе этого движенія даетъ одинъ изъ многихъ очевидцевъ, разсказывающій,

что происходило среди евреевъ Гамбурга въ началѣ 1666 года: „Въ честь Саббатая Цеви читалась публичная молитва (въ синагогахъ) въ формѣ, подобающей царю. Народъ при этомъ поднимался съ мѣста и стоялъ благоговѣйно, какъ предъ лицомъ верховной власти, отвѣчая „аминь“ на каждое благословеніе; кто не вставалъ и не отвѣчалъ, рисковалъ жизнью. Они ждали опредѣленнаго дня (освобожденія) по указанію царя (Саббатая) и пророка (Натана). Иногда срокъ назначался на 1672 годъ, а иногда даже на ближайшіе мѣсяцы Нисанъ или Сиванъ. Въ ожиданіи этого, всѣ ревностно предавались покаянію, молитвѣ и плачу, дабы удостоиться узрѣть наступающее спасеніе безъ предмессіанскихъ мукъ (חבלי משיח); ибо такъ увѣрялъ ихъ пророкъ: „геула“ наступитъ скоро, а покаяніе сократитъ предмессіанскія муки. И во всемъ мірѣ творилось усердное покаяніе съ истязаніемъ плоти, постомъ, продолжавшимся иногда цѣлую недѣлю, купаніемъ въ холодной водѣ въ стужу и другими видами самоистязанія, о чемъ уста не могутъ говорить и разумъ — помыслить. Пророкъ изъ Газы предупреждалъ и напоминалъ обо всемъ этомъ. Дошло до того, что многимъ захотѣлось ѣхать, чтобы лично видѣть его (Саббатая) и узнать отъ него, при помощи денежныхъ подношеній, о корнѣ (мистическомъ генезисѣ) ихъ души и о способахъ усовершенствованія поступковъ“ *).

Движеніемъ среди евреевъ сильно заинтересовались и многіе христіане, особенно изъ протестантовъ. За нимъ съ тревогою слѣдили и консулы европейскихъ державъ въ Левантскихъ портахъ, и ученые богословы, которыхъ тогда очень занималъ вопросъ объ „апокалиптическомъ годѣ“, 1666-мъ. Англійскій консулъ въ Смирнѣ Джонъ Рико (Ricaut), наблюдавшій все это движеніе въ резиденціи самого „мессіи“, писалъ: „1666-й годъ долженъ былъ, согласно предсказаніямъ различныхъ христіанскихъ писателей, въ особенности занимающихся объясненіемъ Апокалипсиса, быть годомъ чудесъ и странныхъ переворотовъ. Ожидалось, что онъ будетъ въ частности годомъ благодати для евреевъ, которымъ онъ сулилъ либо обращеніе въ христіанскую вѣру, либо возстановленіе Палестины“. Объ этихъ толкахъ среди христіанъ зналъ, повидимому, и Саббатай Цеви, отецъ котораго служилъ въ англійской торговой фирмѣ. Весьма вѣроятно, что желаніе пріурочить мессіанскій годъ къ апокалиптическому было одною изъ причинъ, побудившихъ Саббатая ускорить рѣшительный шагъ, долженствовавшій доказать его мессіанское призваніе. Да и слишкомъ много шума уже было воз-

*) Подробно о саббатіанскомъ движеніи въ западной Европѣ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ, а въ Польшѣ—въ IV главѣ.

буждено, слишкомъ напряженно ждалъ народъ обѣщаннаго переворота, чтобы мессія могъ спокойно сидѣть въ Смирнѣ и выжидать событій. И вотъ въ началѣ 1666 г. Саббатай покинулъ Смирну и отправился въ Константинополь, съ цѣлью—какъ гласила молва—отнять корону у султана. Предъ отъѣздомъ Саббатай раздѣлилъ между своими братьями и приближенными „весь міръ", т. е. всю территорію будущаго еврейскаго царства; такихъ удѣловъ всего было 26. Разсказываютъ, какъ курьезъ, что одинъ изъ будущихъ удѣльныхъ князей, бѣднякъ, жившій на счетъ благотворительности, отказался уступить свой удѣлъ нѣсколькимъ богачамъ, предлагавшимъ ему за это большія деньги.

Турецкое правительство, во главѣ котораго тогда стоялъ великій визирь Ахметъ Кеприли, знало о мессіанской агитаціи среди евреевъ, но не препятствовало ей, пока она не выходила за предѣлы провинціи. Мѣстная же администрація имѣла свои основанія быть снисходительной къ еврейской пропагандѣ. Смирненскій кади, по словамъ однихъ, былъ подкупленъ саббатіанцами и поэтому не трогалъ ихъ; другіе полагаютъ, что онъ боялся вызвать возмущеніе среди многочисленныхъ приверженцевъ мессіи. Но когда Саббатай, въ сопровожденіи своего секретаря Примо и нѣсколькихъ друзей, двинулся съ демонстративными намѣреніями въ столицу Турціи, власти встрепенулись. По распоряженію великаго визиря, полиція уже поджидала Саббатая при остановкѣ корабля въ Дарданеллахъ и арестовала его. Черезъ нѣсколько дней мессію привезли въ оковахъ въ Константинополь и засадили въ тюрьму для несостоятельныхъ должниковъ (февраль 1666). Спустя два мѣсяца его перевели въ близлежащій замокъ Абидосъ, у Дарданельскаго пролива. Туда прибыли его жена Сара, секретарь Примо и нѣкоторые изъ „приближенныхъ".

Это плѣненіе мессіи не только не ослабило, а еще усилило вѣру въ него. Народная молва гласила, что спаситель Израиля переживаетъ теперь тотъ моментъ страданія и внутренней борьбы, который долженъ предшествовать подвигу національнаго освобожденія. Восторженные почитатели и депутаты отъ общинъ стекались отовсюду въ Константинополь, чтобы лицезрѣть новаго мессію и услышать изъ его устъ благую вѣсть объ избавленіи. Многіе привозили деньги и цѣнные подарки для нуждъ страждущаго мессіи. А „страждущій мессія" жилъ въ Абидосѣ, какъ князь въ своемъ замкѣ. Подкупленная турецкая стража допускала къ нему всѣхъ посѣтителей и депутатовъ, которыхъ поражала показная роскошь обстановки абидосскаго узника. Вмѣсто бѣднаго страдальца, посѣтители видѣли предъ собою человѣка гордаго и самоувѣреннаго, какъ будто соперничающаго съ

султаномъ въ самой столицѣ Турціи. Это еще больше разжигало воображеніе вѣрующихъ. Замокъ Абидосъ получилъ у нихъ символическое названіе „Мигдалъ-озъ“ (замокъ могущества). Саббатай Цеви и его сподвижники старались посредствомъ спеціальныхъ обрядовъ и демонстрацій поддерживать въ народѣ мысль о предстоящемъ переворотѣ. Историческій постъ 17-го Тамуза былъ отмѣненъ на томъ основаніи, что въ этотъ день Саббатай впервые удостоился божественнаго откровенія. Даже національный трауръ 9-го Ава, установленный въ память разрушенія Іерусалима, былъ отмѣненъ и превращенъ въ веселый праздникъ, такъ какъ въ этотъ день родился Саббатай, которому суждено возстановить святой градъ и разрушенный храмъ. Намѣревались замѣнить и нѣкоторые другіе религіозно-національные праздники новыми, приноровленными къ обстоятельствамъ жизни мнимаго избавителя и къ событіямъ мессіанскаго времени.

Циркулярныя письма, исходившія изъ абидосскаго замка, распространяли по всей Европѣ славу грядущаго мессіи. Въ синагогахъ Гамбурга, Амстердама и другихъ городовъ читалась „царская молитва“ („Ганосенъ тешуа“) въ честь Саббатая, „мессіи Бога Якова“. Многочисленныя депутаціи отъ еврейскихъ общинъ являлись къ нему на поклонъ; иные пріѣзжали въ Абидосъ съ цѣлью лично убѣдиться въ достовѣрности народной молвы о Саббатаѣ. Изъ Польши, въ которой евреи еще чувствовали послѣдствія украинской рѣзни, прибыли два представителя: Іешая, сынъ извѣстнаго львовскаго раввина Давида Галеви, и Лейбъ-Герцъ, внукъ краковскаго раввина Іоиля Сиркиса (§ 26). Саббатай принялъ этихъ пословъ отъ „великой державы“ еврейства съ подобающей торжественностью и далъ имъ письмо къ львовскому раввину, въ которомъ между прочимъ говорилось: „Скоро отомщу за васъ и утѣшу васъ“. Узнавъ отъ депутатовъ, что въ Польшѣ появился каббалистъ-прорицатель *Нехемія Когенъ*, предсказывающій пришествіе мессіи, Саббатай выразилъ желаніе его увидѣть. Лѣтомъ 1666 г. экзальтированный мистикъ Нехемія прибылъ въ Абидосъ. Онъ имѣлъ продолжительную бесѣду наединѣ съ Саббатаемъ, который повидимому хотѣлъ сдѣлать его своимъ апостоломъ въ Польшѣ; но это свиданіе не привело къ желанному результату. Послѣ трехдневныхъ споровъ о мессіанско-каббалистическихъ идеяхъ, Нехемія ушелъ, не признавъ въ Саббатаѣ истиннаго мессію. Это крайне возмутило фанатическихъ саббатіанцевъ, которые еще раньше прокричали польскаго мистика пророкомъ. Опасаясь за свою жизнь, Нехемія бѣжалъ въ Адріанополь въ турецкомъ костюмѣ. Здѣсь онъ передалъ кайманаму—мѣстному начальнику—обо всемъ, что творится въ дарданельскомъ замкѣ, объ опасныхъ для государства и для еврейства планахъ лжемессіи.

Дѣло было доложено султану Магомету IV, находившемуся тогда въ Адріанополѣ. Разгнѣванный султанъ готовъ былъ казнить мятежника, но придворные духовные сановники муфтіи указали султану на опасность такого шага, могущаго вызвать возмущеніе среди евреевъ. Ихъ совѣтъ былъ: угрозами склонить лжемессію къ принятію мусульманской вѣры, чтобы съ одной стороны подорвать къ нему довѣріе среди его приверженцевъ, а съ другой—доставить торжество исламу. Одинъ придворный врачъ Дидонъ (или Гидонъ), обратившійся въ мусульманство еврей, взялъ на себя эту миссію Когда Саббатая привезли изъ Абидоса въ Адріанополь для суда и расправы Дидонъ такъ застращалъ его гнѣвомъ султана, предстоящими пытками и позорною казнью, что тотъ совершенно растерялся. Инстинктъ самосохраненія подсказалъ мнимому мессіи, что нужно рѣшиться на переходъ въ исламъ какъ на нѣчто фатальное, какъ на ниспосланное Богомъ испытаніе. Приведенный на другой день къ султану, Саббатай бросилъ на землю свою еврейскую шляпу и, въ знакъ перехода въ исламъ, надѣлъ на голову бѣлый турецкій тюрбанъ. Тюрбанъ, символъ отреченія отъ еврейства, вмѣсто султанской короны, на которую претендовалъ мессія—вотъ трагикомедія этого момента. Отрекшійся отъ вѣры, „царь іудейскій“ былъ назначенъ привратникомъ султанскаго дворца въ Адріанополѣ и сталъ называться *Магометъ-Эфенди*. Примѣру Саббатая тутъ же послѣдовали его жена Сара и нѣкоторые изъ его учениковъ (августъ 1666 г.).

Послѣ своего отступничества, Саббатай сталъ играть двусмысленную роль. Туркамъ онъ говорилъ, что употребляетъ всѣ усилія для обращенія своихъ единоплеменниковъ въ мусульманскую вѣру, евреевъ же увѣрялъ, что цѣлью его притворнаго отступничества было только желаніе привлечь мусульманъ къ іудейской религіи въ новой ея формѣ, что этотъ шагъ представляетъ собою сокровенный мистическій актъ и входитъ въ программу мессіанскаго „искупленія“. Многіе изъ прежнихъ приверженцевъ Саббатая съ ужасомъ отшатнулись отъ мессіи, ставшаго ренегатомъ, и публично каялись въ своемъ заблужденіи; но наиболѣе фанатическіе его послѣдователи дали себя увлечь новой мистификаціей и продолжали вѣрить всѣмъ нелѣпостямъ, которыя распространялись отъ имени ихъ вождя. Близкіе къ нему люди принимали исламъ, чтобы пріобщиться къ акту мистическаго искупленія, совершаемому мессіей. Въ отдаленныхъ мѣстахъ распускались слухи, что не самъ Саббатай, а только его призракъ принялъ исламъ и остался на землѣ въ образѣ Магомета-Эфенди; самъ же мессія вознесся въ небеса и явится, когда пробьетъ часъ освобожденія. Главные пророки и апостолы Саббатая продолжали свою пропаганду. Они находили въ „Зогарѣ“ намеки на то, что

мессія будетъ „хорошъ извнутри и плохъ извнѣ“, что онъ погрузится въ бездну зла, чтобы извлечь оттуда „священныя искры“. Палестинскій пророкъ Натанъ изъ Газы увѣщевалъ народъ въ своихъ посланіяхъ не смущаться „странными слухами“ о Саббатаѣ, ибо „всѣ дѣла его—глубокія тайны, въ которыя разумъ человѣческій не можетъ проникнуть“. Натанъ осмѣлился даже пріѣхать въ Адріанополь, резиденцію мессіи-ренегата; но мѣстные и константинопольскіе раввины заставили его уѣхать оттуда и дать обѣщаніе прекратить свою агитацію. Тогда неугомонный пророкъ направился въ Италію и тамъ распространялъ небылицы о новомъ фазисѣ мессіанства Саббатая Цеви (1667). Раввины преслѣдовали его и другихъ дерзкихъ агитаторовъ, но масса еще прислушивалась къ ихъ проповѣдямъ. Мессіанское бѣснованіе съ особымъ ритуаломъ покаянія продолжалось во многихъ общинахъ.

Между тѣмъ Саббатай Цеви или Магометъ-Эфенди, жившій въ Андріанополѣ, велъ себя очень странно; онъ то прикидывался ярымъ мусульманиномъ, то совершалъ еврейское богослуженіе съ пѣніемъ гимновъ и разными мистеріями. Пережитыя бури произвели опустошенія въ его душѣ: экзальтированный мистикъ приближался къ границѣ безумія. Турецкому правительству, наконецъ, надоѣло двусмысленное поведеніе неофита, отъ котораго ожидали миссіонерскихъ подвиговъ въ духѣ ислама. Ему перестали выдавать жалованье придворнаго чина и отпустили въ Константинополь. Тамъ онъ вращался въ небольшомъ кругу приверженцевъ, сохранившихъ ему вѣрность до конца. Великому визирю донесли, что Саббатай Цеви подъ маскою мусульманина не прекращаетъ сношеній со своими послѣдователями. Визирь приказалъ сослать его въ Албанію, гдѣ не было евреевъ. Здѣсь, въ глухомъ городкѣ Дульциньо, наканунѣ іомъ-кипура 1676 г., умеръ тотъ, кто въ теченіе многихъ лѣтъ волновалъ еврейство всѣхъ странъ, умеръ оффиціально какъ мусульманинъ и былъ похороненъ мусульманами.

§ 37. Саббатіанская секта. Смерть человѣка, отъ котораго значительная часть еврейства ждала своего національнаго возрожденія, должна была подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на отуманенные умы. Тѣ поклонники лжемессіи въ Азіи и въ Европѣ, которые еще не отреклись отъ него послѣ его отступничества, теперь окончательно прозрѣли и горько каялись въ своихъ безразсудныхъ увлеченіяхъ. Раввины усилили свое рвеніе и строго слѣдили за тѣмъ, чтобы въ ихъ общинахъ не было послѣдователей мнимаго мессіи, оказавшагося «обманщикомъ» и вѣроотступникомъ. Однако мистицизмъ пустилъ уже такіе корни въ народѣ, что встрѣчались еще люди, вѣрившіе въ высокое призваніе Саббатая Цеви. Одни въ простотѣ души вѣ-

рили, что вознесшійся на небо мессія снова явится черезъ нѣкоторое время и освободитъ многострадальную націю; другіе, потерявъ вѣру въ скорое политическое возрожденіе Израиля, придавали миссіи Саббатая Цеви каббалистическое значеніе, утверждая, что этотъ избранникъ Божій снизошелъ на землю для совершенія акта народнаго искупленія, и что всѣ обстоятельства его жизни, не исключая принятія ислама, имѣютъ глубокій символическій смыслъ. Къ Саббатаю примѣнялось излюбленное христологіей пророчество Іешаи (гл. 53) о спасителѣ, который „считался среди отступниковъ и понесъ наказаніе за грѣхъ многихъ". Такимъ образомъ, вызванное Саббатаемъ Цеви національно-освободительное движеніе, съузившись въ своихъ размѣрахъ, постепенно принимало религіозно-мистическій характеръ и превратилось въ сектантство.

Гнѣздо *саббатіанской секты* находилось на Востокѣ, но оттуда часто посылались эмиссары въ Европу для вербовки приверженцевъ. Во главѣ секты находились сначала люди, стоявшіе близко къ покойному лжемессіи. Одинъ изъ его апостоловъ, *Авраамъ-Михаилъ Кардозо*, создалъ—или пересоздалъ уже существовавшую—доктрину саббатіанства. Сущность ея состояла въ признаніи дуализма Божества: Бога—первопричины („Сиба ришона"), непостижимаго и лишеннаго всякихъ атрибутовъ, и „Святого отца" или „Бога израильскаго" (Элоге-исраиль), непосредственно управляющаго міромъ и судьбами еврейскаго народа. Въ Саббатаѣ видѣли временное воплощеніе второй личности Божества, но Кардозо изъ осторожности выставлялъ его только боговдохновеннымъ человѣкомъ. Себя Кардозо иногда выдавалъ за „мессію изъ эфраимскаго рода", призваннаго продолжать дѣло временно ушедшаго мессіи. Его жизнь была полна приключеній. Сынъ португальскаго маррана, Кардозо изучалъ въ Испаніи медицину и велъ жизнь свѣтскаго франта, распѣвая серенады подъ окнами мадридскихъ дамъ. Уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ бѣжалъ въ Италію и обратился въ іудейство. Оттуда онъ попалъ въ Турцію, сблизился съ Саббатаемъ Цеви и, несмотря на свое свѣтское образованіе, сдѣлался ревностнымъ его приверженцемъ. Занявъ должность врача при дворѣ триполисскаго бея, Кардозо сталъ пропагандировать свое мистико-мессіанское ученіе, путемъ проповѣдей и печатныхъ книгъ, среди евреевъ сѣверной Африки. Раввины и ревнители вѣры преслѣдовали этого опаснаго еретика и принудили его оставить Триполи. Послѣ этого, Кардозо агитировалъ въ Смирнѣ, гдѣ пытался играть роль продолжателя Саббатая, но былъ изгнанъ раввинами. Въ Константинополѣ и Адріанополѣ онъ вращался въ кругу сектантовъ. Окончилъ онъ свою бурную жизнь въ Каирѣ, въ званіи врача египетскаго паши (1706).

Въ первые годы послѣ смерти Саббатая, сектанты его родного города Смирны увлекались пропагандою хазана (кантора) *Даніила Израиля*, который проповѣдывалъ, что мессія не умеръ, а скрывается въ неизвѣстномъ мѣстѣ и черезъ 45 лѣтъ появится для освобожденія народа. Новый пророкъ прибѣгалъ къ испытаннымъ пріемамъ воздѣйствія на массу — разнымъ фокусамъ и истерическимъ выкрикиваніямъ — и имѣлъ успѣхъ. Представители смирненской общины добились у мѣстныхъ властей изгнанія этого „безумца" изъ города, но онъ продолжалъ свою пропаганду въ окрестностяхъ Смирны. Гонимый своими и чужими, Даніилъ Израиль наконецъ присоединился къ тѣмъ саббатіанцамъ, которые по примѣру мессіи носили маску ислама.

Гнѣздомъ этихъ сектантовъ былъ городъ Салоники, гдѣ жили родственники лжемессіи и самые горячіе изъ его приверженцевъ. Здѣсь у Саббатая неожиданно оказались „законные наслѣдники". За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, овдовѣвшій Саббатай (его провиденціальная жена Сара умерла во время пребыванія въ Адріанополѣ) женился на дочери одного изъ своихъ послѣдователей, салоникскаго хахама Іосифа Философа. У этой второй жены Саббатая былъ малолѣтній братъ *Яковъ Керейдо*, котораго сектанты считали „гилгуломъ" или духовнымъ двойникомъ Саббатая Цеви и называли *Яковъ Цеви*. Разсказываютъ, что послѣ смерти Саббатая вдова его уединилась съ своимъ братомъ три дня и три ночи и затѣмъ объявила, что этотъ мальчикъ усыновленъ явившимся къ ней съ того свѣта мужемъ. Отъ имени юнаго мессіи кружкомъ салоникскихъ сектантовъ управляло „регентство" изъ его отца Іосифа Философа и сестры. Въ этомъ тайномъ кружкѣ господствовало странное мнѣніе, что грѣхи міра могутъ быть искуплены еще большимъ усиленіемъ внѣшней грѣховности; тутъ ссылались, можетъ быть, на талмудическое изреченіе: Сынъ Давида (Мессія) придетъ среди поколѣнія всецѣло праведнаго или всецѣло грѣховнаго. Съ этой точки зрѣнія оправдывались прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе и другіе пороки. Сектанты иногда уступали другъ другу своихъ женъ, ссылаясь на начало „сродства душъ", въ силу котораго жена вправѣ оставить мужа ради другого мужчины, къ которому она чувствуетъ сердечное влеченіе. Мистическое умопомраченіе вело къ порчѣ нравовъ. Раввины, не имѣя возможности остановить развитіе „вредной секты", обратили вниманіе турецкихъ властей на безчинства салоникскихъ саббатіанцевъ, и администрація стала преслѣдовать ихъ. Чтобы избавиться отъ гоненій, сектанты послѣдовали примѣру покойнаго лжемессіи — и въ 1687 г. изъ нихъ приняли магометанство около 400 человѣкъ. Яковъ Цеви и другіе вожди секты увѣряли, что и это вѣроотступничество имѣетъ важ-

ное символическое значеніе. Мусульманамъ же они старались доказать искренность своего обращенія, для чего Яковъ Цеви отправился во главѣ группы адептовъ въ Мекку, на поклоненіе гробу Магомета; на обратномъ пути онъ умеръ въ Александріи, въ Египтѣ. Послѣ смерти Якова Цеви, главенство надъ салоникскими саббатіанцами перешло къ его сыну *Берахію* (1695—1740). Члены секты все болѣе отдалялись отъ правовѣрныхъ евреевъ, называя ихъ „кофримъ", т. е. невѣрующими (въ мессію), и усваивали образъ жизни мусульманъ. Они наружно исполняли обряды магометанской религіи, а тайно—мистеріи, связанныя съ мессіанствомъ Саббатая Цеви.

Въ этомъ видѣ „іудействующихъ мусульманъ" сохранились еще до настоящаго времени остатки саббатіанской секты въ Салоникахъ, главномъ центрѣ турецкаго еврейства. Турки презрительно называютъ ихъ *донме*, отступниками; сами же они себя называютъ „маамининимъ" (вѣрующіе). Секта распадается на три группы: 1) *измирли* (смирненцы), ведущіе свое начало отъ самого Саббатая Цеви; 2) *якубиты*, послѣдователи салоникскаго преемника мессіи—Якова Цеви; 3) *кунiозы* или послѣдователи нѣкоего Османа-Бабы, жившаго въ серединѣ XVIII вѣка. „Донме" въ Салоникахъ насчитываютъ около тысячи семействъ. Большая часть ихъ живетъ въ особомъ кварталѣ, гдѣ дома сообщаются между собою внутренними ходами. Они роднятся только между собою и избѣгаютъ браковъ какъ съ мусульманами, такъ и съ евреями. Наружно они мало чѣмъ отличаются отъ турокъ, посѣщаютъ мечети и даже иногда паломничаютъ въ Мекку; но въ своихъ домахъ они имѣютъ тайныя молельни, гдѣ исполняютъ свои обряды и мистеріи, преимущественно по вечерамъ. Они празднуютъ годовщину рожденія Саббатая—день 9-го Ава, превращенный изъ поста въ праздникъ, и другіе достопамятные дни изъ жизни своего мессіи. Въ своихъ молитвахъ и гимнахъ они прославляютъ Саббатая Цеви, „нашего царя и мессію". Нѣкоторыя молитвы ихъ на еврейскомъ языкѣ начинаются словами: „Во имя Бога Израиля, красы Израиля, трехъ узловъ вѣры, составляющихъ одно"... Это, повидимому, остатокъ мистической троицы—„Святого старца, Святого царя и Шехины" (женской персонификаціи духа святого),—которую признавали нѣкоторые саббатіанцы. Употребляя въ разговорѣ турецкій языкъ, донме въ своемъ религіозномъ обиходѣ сохранили еще обрывки письменности на еврейскомъ и эспаньольскомъ языкахъ. Сектанты отличаются чрезвычайной скрытностью во всемъ, что относится къ ихъ религіознымъ вѣрованіямъ. Но въ новѣйшее время удалось открыть краткій катехизисъ секты „вѣрующихъ", въ двухъ варіантахъ. Содержаніе одного изъ этихъ варіантовъ слѣдующее:

Единъ Богъ—и Саббатай Цеви—Его пророкъ. Адамъ, Авраамъ, Яковъ, Моисей, Эстерь и другіе герои Писанія содержали въ себѣ лишь частицы души Саббатая, который 18 разъ появлялся на землѣ подъ разными именами. Міръ созданъ лишь для вѣрующихъ („маамининимъ"), а мусульмане назначены для ихъ охраны, какъ скорлупа для яйца. Неевреи вообще называются *келипой* (скорлупа, нечистая оболочка), и души ихъ исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ преисподней. Вѣрующій не долженъ жениться ни на „келипѣ", ни на еврейкѣ, доколѣ евреи не признаютъ, что Саббатай былъ мессія; рай достанется въ удѣлъ вѣрующимъ и евреямъ. Наступитъ день, когда всѣ евреи познаютъ истину и увѣруютъ, что Яковъ, Моисей и другіе не болѣе какъ частицы души Саббатая; поэтому не слѣдуетъ враждовать съ ними. Однако сектантъ не долженъ говорить о своей религіи ни съ евреемъ, ни съ келипой. Прежде всего надо помнить правило—выдавать себя за мусульманина, оставаясь въ душѣ „вѣрующимъ". Сектантъ, разоблачившій тайны своего ученія, достоинъ смерти, какъ опасный измѣнникъ. Вѣрующіе обязаны подчиняться турецкому правительству, наружно защищать исламизмъ, признавать Коранъ и мусульманское духовенство; но нельзя прибѣгать къ помощи мусульманскихъ судилищъ. Только законы Моисеевы должны служить руководствомъ въ спорахъ между вѣрующими, которые разбираются въ особомъ (тайномъ) „бетдинѣ". Сектанты должны носить два имени: одно для свѣта, другое—„для рая" (въ своихъ религіозныхъ собраніяхъ). Имъ запрещается употребленіе спиртныхъ напитковъ.

§ 38. **Восточный застой; культъ Палестины (XVIII в.).** Послѣ волненій „мессіанскаго времени", на еврейскомъ Востокѣ опять воцарилась могильная тишина. Тьма еще болѣе сгустилась, когда погасъ мгновенно блеснувшій яркій метеоръ. Восточная атмосфера застоя и косности стала еще удушливѣе. Турецкая некультурность отражалась и въ еврейскомъ быту. Въ Турціи евреи оказались столь-же воспріимчивыми къ отупляющему дѣйствію мусульманскаго фатализма и общественной косности, какъ въ другихъ странахъ—къ прогрессивнымъ формамъ цивилизаціи. Въ европейской и азіатской Турціи, въ Сиріи, Египтѣ, Марокко, Алжирѣ и Тунисѣ вырабатывается типъ туземнаго еврея, живущаго исключительно старой традиціей, типъ историческаго консерва, а не живой, развивающейся особи. Ничто не мѣняется во внутреннемъ быту евреевъ, какъ нѣтъ перемѣнъ въ ихъ соціальномъ положеніи: то же „патріархальное" управленіе пашей, относящихся къ жителямъ провинцій какъ къ своимъ крѣпостнымъ; то же равнодушное, кое-гдѣ презрительное отношеніе магометанскаго населенія,

изрѣдка нарушаемое взрывами мусульманскаго фанатизма; та же исключительно вѣроисповѣдная группировка людей, придающая борьбѣ за національное существованіе характеръ борьбы за вѣру. Нѣтъ свѣжихъ вѣяній, нѣтъ движенія и прогресса въ цѣломъ рядѣ поколѣній, похожихъ одно на другое, застывшихъ въ опредѣленной позѣ.

Даже въ сердцѣ еврейства, Палестинѣ, едва бьется пульсъ общественности. Страна, куда еще недавно были обращены съ надеждой взоры разсѣянной націи, гдѣ мерещились возрожденный Іерусалимъ, возстановленный храмъ и царь израильскій въ мистическомъ ореолѣ,—погрузилась опять въ свой вѣковой вдовій трауръ, въ тяжелый сонъ съ видѣніями былого, невозвратнаго. Страна возрожденія оставалась страною могилъ. Культъ Палестины, пробужденный аріанскою каббалою, не прекратился и въ XVIII в., послѣ неудачи „активнаго" quasi-политическаго мессіанства; но это былъ не культъ жизни, а смерти, культъ священныхъ гробницъ, дорогихъ историческихъ развалинъ, культъ „плачущихъ о Ціонѣ" (אבלי ציון). Туда шли благочестивые пилигримы, чтобы поплакать у „западной стѣны" Храмовой горы или „простираться на могилахъ" святыхъ мужей; пріѣзжали изъ далекаго Запада старцы и старухи, чтобы доживать остатокъ дней въ Святой землѣ, въ постѣ, молитвѣ и подвигахъ благочестія. Еврейскіе странники, посѣщавшіе Палестину въ XVIII в., иногда составляли описаніе своихъ путешествій. Характерны слѣдующіе отрывки изъ этихъ описаній:

„Мы прибыли благополучно въ Яффу. Нынѣ это—небольшая арабская деревня. Надо было платить пошлину (за право высадки на берегъ). Прибылъ сборщикъ-еврей изъ Египта, ибо пошлины шли въ пользу египетскихъ пашей. Паши владѣютъ здѣсь по праву наслѣдства деревнями и населенными городами, какъ магнаты въ Польшѣ, и отъ себя платятъ дань султанамъ". Изъ Яффы путешественники отправились черезъ Акко въ Цефатъ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ до ихъ прибытія страшное землетрясеніе разрушило сотни домовъ и сильно сократило численность еврейскаго населенія (1758); оттуда пошли въ близлежащую Тиверіаду. „Въ Цефатѣ—пишетъ одинъ изъ пилигримовъ—я жилъ близъ полуразрушенной синагоги Ари блаженной памяти, и молился тамъ въ вечеръ на исходѣ субботы; тамъ уцѣлѣла еще *бима* (эстрада), куда Ари однажды вызывалъ къ Торѣ великихъ покойниковъ древности: Арона (библейскаго первосвященника) въ качествѣ когана, Моисея въ качествѣ левита, затѣмъ Авраама, Исаака, Якова и Іосифа... На лежачемъ надгробномъ камнѣ святого каббалиста Ари я, бывало, часто кладу книгу (Зогаръ) и читаю. Тутъ же по близости—могилы каббалистовъ Моисея Кордоверо, Моисея Алшейха, Соломона Алкабица,

автора гимна „Лехо доди“, и р. Іосифа Каро, творца „Шулханъ аруха“. Гробница р. Симона бенъ-Іохаи, мнимаго автора „Зогара“, въ Меронѣ близъ Цефата, особенно посѣщалась пилигримами; даже арабы приписывали этой гробницѣ чудотворную силу. Въ Тиверіадѣ путешественникъ нашелъ небольшое населеніе изъ евреевъ и арабовъ. „Арабы—хозяева города, и евреи платятъ имъ дань. Синагоги-школы Тиверіады и Цефата — самыя большія на Востокѣ. Въ 1754 г. въ тиверіадскомъ бетъ-гамидрашѣ 20 ученыхъ изучали Талмудъ и раввинскіе кодексы“. Въ Іерусалимѣ странниковъ также особенно занималъ „культъ мертвыхъ“: посѣщенія „пещеры пророка Самуила“ и другихъ гробницъ сомнительной подлинности, съ уплатой значительной дани за каждое посѣщеніе. Евреевъ въ Іерусалимѣ было въ половинѣ XVIII в. только около тысячи человѣкъ, преимущественно сефардовъ. Это небольшое населеніе имѣло сравнительно много синагогъ и талмудическихъ іешивъ.

Въ XVIII в. замѣчается въ Палестинѣ постепенное увеличеніе ашкеназскаго элемента рядомъ съ кореннымъ, сефардскимъ. Сефарды, жители другихъ турецкихъ провинцій, обыкновенно пріѣзжали въ Святую землю только какъ пилигримы, съ тѣмъ, чтобы возвращаться назадъ въ свои мѣста; прибывавшіе же изъ далекаго Запада ашкеназы большей частью оставались въ Палестинѣ и доживали тамъ свой вѣкъ. Необезпеченные трудомъ въ этой пустынной, почти лишенной всякихъ промысловъ, странѣ, эти люди жили насчетъ благотворителей изъ діаспоры, и часто бѣдствовали, когда присылка денегъ изъ той или другой страны сокращалась. Спеціальные „мешулохимъ“ (эмиссары) отправлялись изъ Палестины въ Европу для сбора пожертвованій въ пользу бѣдныхъ обитателей Святой земли; эти агенты нерѣдко распространяли самыя фантастическія представленія о достопримѣчательностяхъ и „чудесахъ“ заброшенной страны, о которой всякій еврей голуса не могъ слышать безъ сердечнаго трепета: чѣмъ волшебнѣе были разсказы, тѣмъ обильнѣе были сборы.

Въ самомъ началѣ XVIII в. была сдѣлана попытка массоваго переселенія въ Палестину изъ Польши: въ 1700 г. около тысячи эмигрантовъ, подъ предводительствомъ мистиковъ Іуды Хасида и Хаима Малаха, послѣ долгихъ мытарствъ достигло Іерусалима. Члены „Общества хасидовъ“ и распавшихся саббатіанскихъ кружковъ, странники чаяли обрѣсти въ Святой землѣ новое мессіанское настроеніе, но нашли тамъ только уныніе и горькую безысходную нужду.—Во второй половинѣ XVIII в. въ Палестину особенно охотно ѣздили „новые хасиды“ изъ школы Бешта. Преслѣдуемый въ Польшѣ, хасидизмъ стремился создать для себя центръ на родинѣ своей матери—

каббалы, чтобы тѣмъ освятить движеніе въ глазахъ діаспоры; но и эта попытка не имѣла большого успѣха.

Саспортасъ קצור ציצת נובל צבי (1737), одес. изд. 1867 г., passim; *Я. Эмденъ*, תורת הקנאות (1752), львов. изд. 1870, 1—55; *Бриллъ*, מעשה טוביה, (изъ стараго манускрипта), Вильна, 1879; *Товій Кацъ*, תולדות שד"צ Іесинцъ 1721, л. 14—16; *Д. Каганъ*, אבן התועים Wien, 1873; документальныя дополненія къ этой книгѣ—въ השלח II, 326—34 (по статьѣ *Эпштейна* въ „Revue des études juives, t. XXVI); *Graetz*, Gesch. X Bd., 205—256, 334—38, Not. III—IV (1882); *Idem* съ дополненіями въ еврейскомъ переводѣ Шефера т. VIII, стр. 229—74, 351—55, 546—83 (Варш. 1899); *Грецъ*, Остатки Саббатіанской секты въ Салоникахъ („Восходъ" 1884, кн. VI); *Даконъ*, כת יהודית מושלמנית (въ сборн. ספר השנה Соколова, Варш. 1900, стр. 154—84.—О палестинскихъ евреяхъ той эпохи см. сборникъ ירושלים *Лунца*, т. III, 32—52; V, 70—88 etc.; שבחי ירושלים, Ливорно 1785; אהבת ציון—описаніе путешествія р. Іошуи изъ Бродъ въ 1764 г. (стар. изд. безъ обозначенія мѣста и года); חבת ירושלים (1844), Вильна, 1875, passim.

ГЛАВА II.

Евреи Западной Европы отъ половины XVII до половины XVIII в.

§ 39. Австрія. Въ Турціи евреи обращали на себя вниманіе высшаго правительства только въ моменты народныхъ волненій въ родѣ тѣхъ, которыя были вызваны мессіанской агитаціей Саббатая Цеви; въ обыкновенное же время правительство, признавая за евреями повсемѣстное право жительства и промысловъ, оставляло ихъ подъ „отеческимъ" попеченіемъ провинціальныхъ пашей, притязанія которыхъ не шли дальше денежныхъ вымогательствъ. Въ Турціи не было „еврейскаго вопроса", какъ предмета постоянной законодательной регламентаціи. Онъ существовалъ только въ Европѣ, гдѣ все еще продолжалась, хотя и смягченная мѣстами, политика среднихъ вѣковъ, гдѣ въ большинствѣ странъ право евреевъ проживать и заниматься промыслами, либо вовсе не признавалось, либо давалось на тяжелыхъ, унизительныхъ условіяхъ. Здѣсь еврейскій вопросъ составлялъ часть „высшей политики",—и когда политика, вдохновляемая экономическими или религіозными мотивами, требовала еврейскихъ жертвъ, онѣ приносились съ безпощадностью, напоминавшею мрачныя времена средневѣковья.

Традиціи этихъ темныхъ временъ сохранились въ наибольшей степени въ Австріи, которая послѣ эпохи реформаціи и религіозныхъ войнъ сдѣлалась сильнѣйшимъ оплотомъ католицизма въ Европѣ. Связанная династи-

ческими узами съ Испаніей, Австрія какъ будто унаслѣдовала клерикализмъ этой несчастной страны. Іезуиты прочно засѣли въ ней и держали въ своихъ рукахъ всѣ нити внутренней политики. Они натравливали правительство на протестантовъ и на евреевъ. Евреевъ еще терпѣли въ провинціяхъ Богеміи и Моравіи, но съ пребываніемъ ихъ въ столичномъ городѣ Вѣнѣ и нижне-австрійскихъ земляхъ добрые католики не могли мириться. Въ Вѣнѣ, гдѣ съ 1624 г. евреи, по особой милости Фердинанда II, ютились въ отдѣльномъ кварталѣ (§ 18), ростъ ихъ сильно безпокоилъ христіанское купечество и прославившійся своей юдофобіей городской магистратъ. Отцы города не разъ пытались подчинить своему управленію еврейскую общину, имѣвшую привилегію состоять подъ королевской юрисдикціей, и сдѣлать ей жизнь невыносимою; но императоры, считая такое подчиненіе равносильнымъ упраздненію общины, не допускали до этого, ибо дорожили поступавшими отъ вѣнскихъ евреевъ значительными доходами (евреи Вѣны и Нижней Австріи ежегодно доставляли въ казну около пятидесяти тысячъ гульденовъ). Даже набожный императоръ Леопольдъ I (1658—1705), питомецъ іезуитовъ, готовившійся къ духовному сану и получившій корону вслѣдствіе преждевременной смерти брата, успокаивалъ свою совѣсть тѣмъ, что „невѣрные“, принося вредъ церкви, обогащаютъ государственную казну и въ критическую минуту могутъ черезъ своихъ банкировъ спасти имперскіе финансы.

Однако, агитація іезуитовъ и вѣнскаго магистрата увѣнчалась успѣхомъ, когда на ихъ сторону перешла супруга Леопольда императрица Маргарита. Уроженка Испаніи, давно „очистившейся“ отъ евреевъ, благочестивая императрица чувствовала себя плохо въ столицѣ, гдѣ дозволялось жить этому „безбожному“ племени. Когда она вслѣдствіе болѣзни родила однажды мертваго младенца, для нея не было сомнѣнія, что Богъ караетъ царскую семью за терпимость къ „врагамъ церкви“; придворное духовенство, конечно, горячо поддерживало эту мысль. Императрица требовала отъ мужа возобновленія стараго эдикта о запрещеніи евреямъ жить въ Вѣнѣ. За ея спиною стояли настоящіе вдохновители юдофобской агитаціи: католическое духовенство и члены вѣнскаго магистрата. Леопольдъ I колебался. Онъ представилъ вопросъ на обсужденіе государственнаго совѣта. Тамъ одни высказывали мнѣніе, что изгнаніе евреевъ, поселившихся на основаніи особыхъ привилегій, было бы актомъ насилія, а не права, вдобавокъ убыточнымъ въ финансовомъ отношеніи; другіе же, особенно клерикальные сановники, считали такой актъ богоугоднымъ. Фанатическій нейштатскій епископъ Калловичъ (или Коллоничъ) произнесъ въ церкви въ присутствіи

императора зажигательную „патріотическую“ рѣчь, въ которой представилъ еврейскій кварталъ въ Вѣнѣ какимъ-то притономъ преступниковъ, совратителей христіанскихъ душъ, убійцъ, воровъ и поджигателей; онъ обвинялъ евреевъ въ государственной измѣнѣ—въ тайныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ, врагомъ Австріи. Злоба и клевета одержала верхъ надъ справедливостью. Императоръ Леопольдъ издалъ декретъ объ изгнаніи евреевъ изъ Вѣны и областей Верхней и Нижней Австріи (27 февр. 1670).

1-го марта 1670 г. на улицахъ Вѣны, при звукахъ трубъ, герольды объявили императорскій приказъ о выселеніи евреевъ изъ города до іюля того же года. Представители еврейской общины бросились ходатайствовать объ отмѣнѣ ужаснаго декрета; они предъявляли хартіи своихъ правъ, за подписью прежнихъ императоровъ, ссылались на услуги, оказанныя ими государственнымъ финансамъ, предлагали деньги, подносили императорской семьѣ цѣнные подарки, молили о пощадѣ; но ничто не помогало. Вѣсть о постигшемъ вѣнскихъ евреевъ несчастіи облетѣла всю Германію и сосѣднія страны; во многихъ городахъ народъ постился и горячо молился въ синагогахъ о предотвращеніи катастрофы. Вліятельные въ политическихъ сферахъ евреи пытались подѣйствовать на вѣнскій дворъ дипломатическимъ путемъ. Въ этомъ направленіи усердно работалъ финансистъ *Исаакъ Мануилъ Тексейра* изъ испанскихъ марранов, резидентъ шведской королевы Христины въ Гамбургѣ. Получивъ отъ вѣнской общины письмо съ просьбой о заступничествѣ, онъ отправилъ письма къ своимъ высокопоставленнымъ знакомымъ при испанскомъ дворѣ, къ кардиналу Азолино въ Римѣ и къ шведской королевѣ, прося ихъ повліять на австрійскій дворъ въ пользу обреченныхъ на изгнаніе. Секретарь шведской королевы увѣдомилъ Тексейру, что ея величество письменно проситъ императрицу австрійскую и папскаго нунцію въ Вѣнѣ объ отмѣнѣ декрета. Римскіе евреи также пытались вызвать вмѣшательство папской куріи въ пользу евреевъ. Но всѣ эти попытки не достигли цѣли: императоръ Леопольдъ твердо стоялъ на своемъ рѣшеніи. Вѣнскій магистратъ поспѣшилъ купить у него за сто тысячъ гульденовъ всѣ дома еврейскаго квартала, съ цѣлью перепродать ихъ христіанамъ.

Въ іюлѣ начался исходъ евреевъ изъ Вѣны. Когда уже выселилось около полуторы тысячи человѣкъ, оставшіеся снова обратились къ Леопольду съ убѣдительной просьбою—оставить ихъ на мѣстахъ; они доказывали, что принадлежность къ еврейству не составляетъ порока, что „правитель священной Римской имперіи“ (титулъ австрійскихъ императоровъ) юридически обязанъ давать пріютъ потомкамъ тѣхъ, которые считались граж-

данами древняго Рима, и что изгнанникамъ наконецъ дѣться некуда. Но и эти краснорѣчивые доводы не подѣйствовали. Послѣдняя группа изгнанниковъ вышла изъ Вѣны въ траурный день Тиво-беава (1670). Остались только несостоятельные должники въ тюрьмахъ и 18 представителей общины, удержанные временно какъ залогъ того, что выселенцы предъ отъѣздомъ не будутъ отравлять колодцевъ или инымъ способомъ мстить своимъ гонителями. Въ августѣ и эти евреи были выселены. Изъ четырехъ тысячъ изгнанниковъ ни одинъ не согласился перемѣнить свою религію ради того, чтобы остаться въ Вѣнѣ. Этотъ изумительный фактъ духовной стойкости отмѣтилъ шведскій резидентъ въ Вѣнѣ въ сообщеніи своему правительству. Въ столицѣ Австріи былъ оставленъ на жительство только одинъ еврей— придворный финансовый агентъ Маркусъ Шлезингеръ-Іоффе.

Клерикалы торжествовали побѣду. Осчастливленный вѣнскій магистратъ, ставшій хозяиномъ опустѣвшаго еврейскаго квартала, назвалъ его въ честь императора *Леопольдштатомъ*. На мѣстѣ большой вѣнской синагоги воздвигли церковь, при закладкѣ которой императоръ положилъ первый камень. Здѣсь на золотой доскѣ было начертано: „Послѣ того какъ евреи были окончательно выведены отсюда, императоръ изволилъ воздвигнуть домъ Божій на мѣстѣ ихъ синагоги, этого разбойничьяго вертепа“ (Mördergrube). Едва ли, однако, можно сомнѣваться, что послѣдній эпитетъ гораздо болѣе приличествовалъ „дому Божьему“, построенному тѣми, которые учинили разбой и грабежъ еврейскаго имущества хотя и „во славу Божію“.

Изъятіе изъ промышленнаго обихода тысячъ дѣятельныхъ рукъ привело къ печальнымъ послѣдствіямъ, которыя вскорѣ почувствовало и „коренное“ населеніе. Горожане Вѣны не могли возмѣстить своими взносами ту крупную сумму казенныхъ податей, которыя раньше поступали отъ евреевъ; купцы жаловались на упадокъ торговли, вызванный эмиграціей большой массы потребителей. Многіе участники юдофобской агитаціи теперь почувствовали, что они сами себя побили. Въ 1673 г. Леопольдъ вынужденъ былъ смягчить свой прежній декретъ и разрѣшить евреямъ пріѣзжать на ярмарки въ города Нижней Австріи, откуда ихъ недавно изгнали. Мало по малу евреи стали пріѣзжать для торговыхъ цѣлей и въ Вѣну, и образовали тамъ значительную колонію „временныхъ жителей“. Съ наступленіемъ великой австро-турецкой войны (1683), нуждавшійся въ деньгахъ Леопольдъ I широко пользовался услугами еврейскихъ банкировъ и финансовыхъ агентовъ. Одинъ изъ нихъ, *Самуилъ Оппенгеймъ* изъ Гейдельберга поселился въ это время въ Вѣнѣ; вслѣдъ за нимъ тамъ получили право постояннаго жительства и другіе, въ качествѣ членовъ его семьи

или служащихъ въ его коммерческихъ предпріятіяхъ. Филантропъ, искренно преданный интересамъ своихъ соплеменниковъ, Самуилъ Оппенгеймъ много сдѣлалъ для возстановленія еврейской общины въ Вѣнѣ. Фактически такая реставрація совершилась уже къ концу XVII вѣка; только законъ не признавалъ существованія еврейской общины въ качествѣ корпораціи съ извѣстными правами. Декретъ 1670 г. не былъ отмѣненъ оффиціально, но онъ отмѣнялся постепенно самой жизнью, желѣзной экономической необходимостью.

Побѣдоносная война съ турками (1683—86) вернула Австріи тѣ венгерскія провинціи, которыя съ половины XVI в. находились подъ турецкимъ владычествомъ. Евреямъ Офенскаго (Будапештскаго) округа, которымъ спокойно жилось подъ властью турокъ (§ 18), не хотѣлось конечно подпасть опять подъ иго католической Австріи. Когда имперскія войска осаждали Офенъ, мѣстные евреи дѣятельно помогали туркамъ въ оборонѣ города. Тѣмъ ужаснѣе была ихъ участь послѣ взятія Офена имперской арміей (сент. 1686): христіанское воинство перебило и потопило въ Дунаѣ множество евреевъ, а уцѣлѣвшіе едва спаслись бѣгствомъ въ Турцію и другія страны. Императоръ Леопольдъ запретилъ жить въ Офенѣ евреямъ, магометанамъ и протестантамъ. Ненависть венгерцевъ къ „друзьямъ турокъ" была такъ велика, что еще въ XVIII в. евреи не смѣли селиться въ старой столицѣ Венгріи, а за проѣздъ черезъ Офенъ должны были платить обременительную пошлину. Значительными массами евреи жили только въ другихъ областяхъ Венгріи; число ихъ возросло въ XVIII в. благодаря притоку переселенцевъ изъ Австріи, Моравіи, Богеміи и Польши. Главная ихъ община находилась въ Пресбургѣ.

Въ царствованіе Карла VI (1711—40) клерикализмъ процвѣталъ въ Австріи. Возобновились попытки обращать евреевъ въ христіанство путемъ принужденія ихъ къ слушанію миссіонерскихъ проповѣдей въ синагогахъ. Наглость католическихъ миссіонеровъ иногда выводила евреевъ изъ терпѣнія. Въ городѣ Аусзее прихожане изгнали изъ синагоги мѣстнаго священника, явившагося въ торжественный постъ Іомъ-кипура читать имъ проповѣдь о христіанствѣ. За это проявленіе возмущеннаго религіознаго чувства власти постановили: срыть синагогу и изгнать изъ города трехъ старостъ ея (1722). Вообще терпимость оказывалась евреямъ въ самыхъ скудныхъ размѣрахъ и за очень крупные денежные взносы. Возстановленная въ Вѣнѣ еврейская община несла сугубое бремя податей—постоянныхъ и чрезвычайныхъ. Отъ нея потребовали возмѣщенія суммы въ полтораста тысячъ флориновъ, израсходованной на коронацію Карла VI. Государ-

ственные займы заключались при посредствѣ придворныхъ финансистовъ, упомянутаго Самуила Оппенгейма и Самсона Вертгеймера, которые при всякихъ условіяхъ обязаны были доставлять деньги; иначе они могли навлечь гнѣвъ двора на всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Услуги еврейскихъ финансистовъ, впрочемъ, не мѣшали Карлу VI издавать драконовскіе законы для евреевъ. При немъ впервые получилъ силу законъ (1726), что только одинъ членъ въ каждой еврейской семьѣ признается постояннымъ жителемъ страны, т. е. что только одинъ изъ сыновей (старшій) вправѣ жениться и обзавестись своимъ домомъ. Этотъ „фараоновскій" законъ, имѣвшій цѣлью сократить естественный ростъ еврейскаго населенія въ Австріи, строго примѣнялся въ теченіе столѣтія и усилилъ эмиграцію изъ архикатолической страны.

Серьезная опасность грозила общинамъ Богеміи и Моравіи, наиболѣе населенныхъ евреями провинцій Австрійской имперіи, въ началѣ царствованія Маріи Терезіи (1740—80). Во время войны съ коалиціей Пруссіи и Франціи, войска которыхъ осадили Прагу, юдофобскіе агитаторы распустили слухъ, будто евреи сочувствуютъ пруссакамъ и французамъ и даже тайно поддерживаютъ ихъ. Клерикально и, слѣдовательно, юдофобски настроенная императрица повѣрила этимъ слухамъ. Не долго думая, она издала два эдикта объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ Богеміи и Моравіи, „по разнымъ уважительнымъ причинамъ" (дек. 1744 и янв. 1745). Ужасъ охватилъ стотысячное еврейское населеніе обѣихъ провинцій при объявленіи эдикта. Двадцать тысячъ евреевъ Праги, старѣйшаго культурнаго центра діаспоры, были принуждены посреди зимы оставить городъ и скитаться по сосѣднимъ деревнямъ; но и оттуда ихъ гнали. Въ обѣихъ провинціяхъ остановилась промышленная жизнь и неослѣпленная національной ненавистью часть христіанскаго населенія сознавала, какой экономическій кризисъ грозитъ странѣ послѣ выселенія евреевъ. Въ дѣло вмѣшались еврейскіе капиталисты при вѣнскомъ дворѣ (въ особенности баронъ Д'Агиляръ, откупщикъ табачной монополіи, оказавшій австрійскому правительству важныя финансовыя услуги), а также либеральные посланники Голландіи и Англіи, ходатайствовавшіе предъ императрицей объ отмѣнѣ ея жестокаго и необдуманнаго приказа. Марія Терезія должна была уступить: она отмѣнила свой эдиктъ и разрѣшила евреямъ сначала остаться въ Богеміи и Моравіи, кромѣ города Праги (май 1745); но потомъ было разрѣшено изгнанникамъ возвратиться на десять лѣтъ и въ Прагу, въ виду жалобъ „сословій", что „уходъ евреевъ причиняетъ странѣ милліонные убытки".

Послѣ этого, условія жизни австрійскихъ и въ частности богемскихъ евреевъ стали еще тягостнѣе. Непрерывно росло бремя налоговъ и чрезвы-

Stanford University Libraries
3 6105 121 192 061